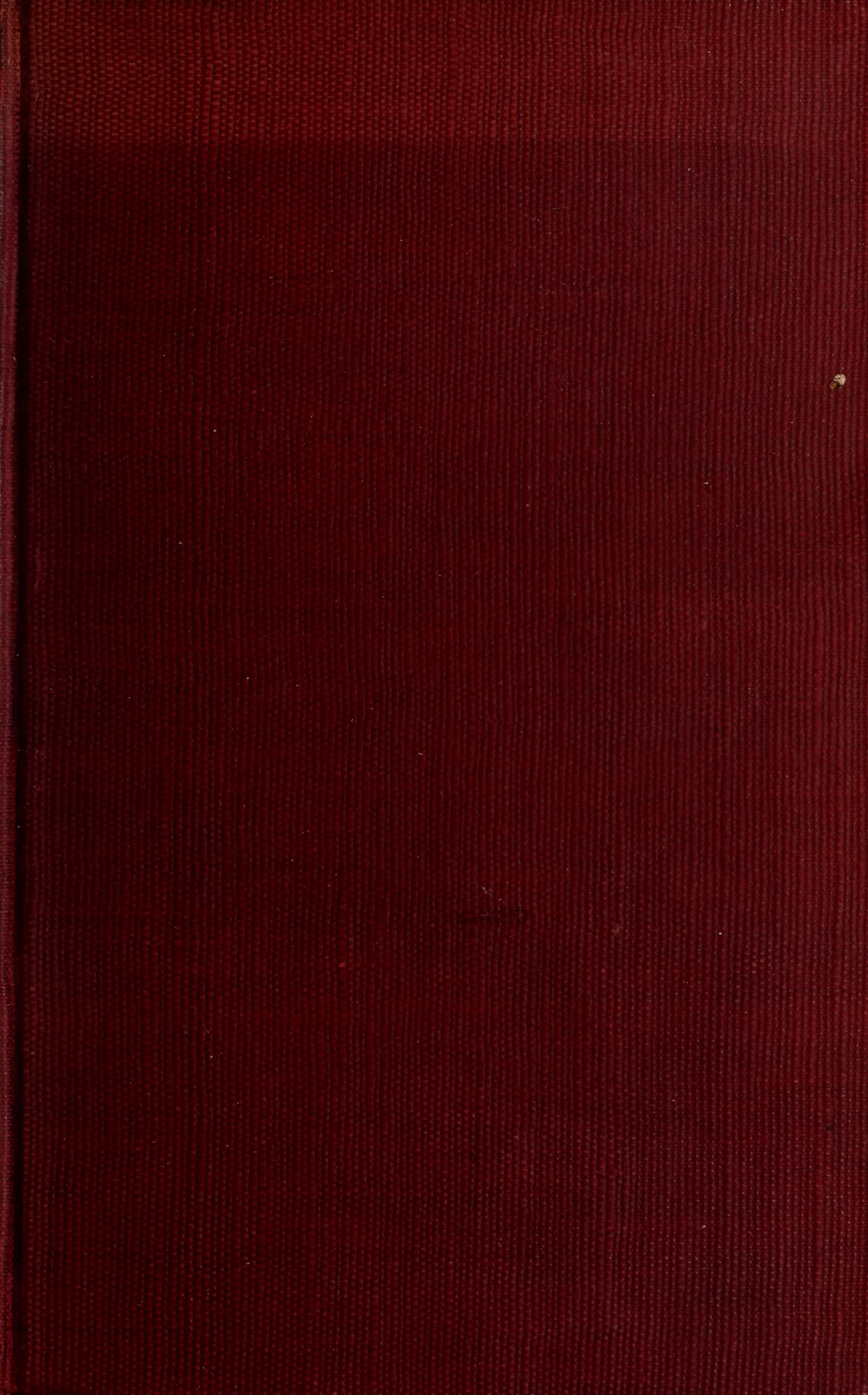

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ОЛИВЕРЪ ТВИСТЪ

РОМАНЪ

ЧАРЛЬСА ДИККЕНСА

переводъ М. ЦЕБРИКОВОЙ

СЪ ОЧЕРКОМЪ ЖИЗНИ ДИККЕНСА

С-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Меркульева. Графскій пер., д. № 5
1874.

Складъ изданія въ „Книжномъ магазинѣ для Иногородныхъ“.
(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 27).

ОЛИВЕРЪ ТВИСТЪ

РОМАНЪ

ЧАРЛЬСА ДИККЕНСА

переводъ М. ЦЕБРИКОВОЙ

СЪ ОЧЕРКОМЪ ЖИЗНИ ДИККЕНСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5.
1874.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Очеркъ жизни Диккенса . . . . , ... I

Предисловіе автора къ третьему изданію XXX

Глава I. Разсказываетъ о мѣстѣ рожденія Оливера Твиста и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его рожденіе 1

Глава II. Гдѣ говорится о ростѣ, воспитаніи и содержаніи Оливера Твиста 4

Глава III. Повѣствуетъ о томъ, какъ Оливеръ едва не получилъ мѣсто, которое не было бы синекурой 16

Глава IV. Оливеръ, получивъ предложеніе другого мѣста, дѣлаетъ первый шагъ въ общественной жизни 25

Глава V. Оливеръ встрѣчается съ новыми товарищами и, отправившись въ первый разъ на похороны, составляетъ себѣ неблагопріятное мнѣніе о ремеслѣ своего хозяина 33

Глава VI. Оливеръ, выведенный изъ себя насмѣшками Ноэ, отваживается на дѣйствіе, которое нѣсколько удивляетъ того . 45

Глава VII. Оливеръ продолжаетъ быть непокорнымъ. 50

Глава VIII. Оливеръ идетъ въ Лондонъ и встрѣчаетъ на дорогѣ очень страннаго молодого джентльмена 57

Глава IX. Содержитъ дальнѣйшія подробности о пріятномъ старомъ джентльменѣ и его многообѣщающихъ воспитанникахъ . . 66

Глава X. Оливеръ короче знакомится съ характеромъ новыхъ товарищей и покупаетъ опытность дорогой цѣной. Глава, эта, не смотря на свою краткость, очень важная глава въ его исторіи. 73

стр.

Глава XI. Повѣствуетъ о м-рѣ Фэнгѣ — судьѣ и показываетъ небольшой образчикъ его способа отправлять правосудіе. . . 78

Глава XII. Въ которой объ Оливерѣ заботятся такъ, какъ никогда еще не заботились. Содержитъ нѣкоторыя подробности, касающіяся нѣкоторой картины 87

Глава XIII. Упоминаетъ о веселомъ старомъ джентльменѣ и его молодыхъ друзьяхъ, черезъ посредство которыхъ проницательному читателю представляется новый знакомецъ, въ отношеніи котораго повѣствуется о многихъ веселыхъ подробностяхъ, составляющихъ принадлежность этой исторіи 94

Глава XIV. Содержитъ дальнѣйшія подробности о житьѣ Оливера у м-ра Броунлоу и замѣчательное предсказаніе, которое нѣкій м-ръ Гримуигъ сдѣлалъ относительно мальчика, когда его послали съ однимъ порученіемъ. 105

Глава XV. Показываетъ какъ нѣжно любили Оливера веселый старый еврей и миссъ Ненси 117

Глава XVI. Повѣствуетъ о томъ, что случилось съ Оливеромъ Твистомъ, послѣ того какъ Ненси признала его своимъ братомъ. 123

Глава XVII. Судьба по прежнему неблагопріятствуетъ Оливеру, что и приводитъ въ Лондонъ великаго человѣка, чтобы повредить репутаціи мальчика. 134

Глава XVIII. Какъ Оливеръ проводитъ время въ обществѣ своихъ почтенныхъ друзей 144

Глава XIX. Въ которой обсуждается важный планъ и рѣшается исполненіе его 153

Глава XX. Въ которой Оливера сдаютъ на руки м-ра Уильяма Сайкса 163

Глава XXI. Экспедиція 172

Глава XXII. Разбой 178

Глава XXIII. Излагающая сущность пріятнаго разговора между м-ромъ Бемблемъ и одной леди и показывающая, что даже парохіальный сторожъ можетъ быть уязвимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. 186

Глава XXIV. Повѣствуетъ объ очень жалкомъ предметѣ, но за то она коротка и, какъ окажется, имѣетъ важное значеніе для исторіи Оливера. 194

Глава XXV. Въ которой повѣствованіе возвращается къ м-ру Фэгину. 200

СТР.

Глава XXVI. Въ которой на сцену появляется новое лицо и творятся и совершаются многія вещи, необходимыя для хода этой исторіи 206
Глава XXVII. Заглаживаетъ невѣжливость одной изъ предъидущихъ главъ, оставившей одну леди самымъ безцеремоннымъ образомъ. 219
Глава XXVIII. Обращается къ Оливеру и продолжаетъ приключенія его 227
Глава XXIX. Представляетъ для предварительнаго знакомства съ ними, описаніе жителей того дома, въ который попалъ Оливеръ, и повѣствуетъ о томъ, что они думали о немъ 238
Глава XXX. Въ которой описывается одно критическое положеніе . 250
Глава XXXI. О счастливой жизни, которая началась для Оливера въ домѣ его добрыхъ друзей 262
Глава XXXII. Въ которой счастье Оливера и его друзей внезапно омрачается 273
Глава XXXIII. Содержащая въ себѣ нѣсколько подробностей о нѣкоемъ молодомъ джентльменѣ, выступающемъ теперь на сцену, а также о новомъ приключеніи, случившемся съ Оливеромъ. 283
Глава XXXIV. Въ которой повѣствуется о неудовлетворительной развязкѣ Оливерова приключенія и объ одномъ, нелишенномъ значенія, разговорѣ, который произошелъ между Гарри Мейли и Розою 294
Глава XXXV. Будетъ очень коротенькая и, быть можетъ, покажется читателю не имѣющей особеннаго значенія на настоящемъ своемъ мѣстѣ, но, тѣмъ не менѣе, должна быть прочтена, какъ дополненіе къ предшествующей главѣ и какъ объясненіе къ той, которая воспослѣдуетъ въ свое время. 303
Глава XXXVI. Въ которой читатель, если только онъ припомнитъ двадцать третью главу, замѣтитъ контрастъ, довольно часто встрѣчающійся въ дѣлѣ супружескаго сожительства . . . 307
Глава XXXVII. Содержащая въ себѣ описаніе того, что произошло между м-ромъ Бемблемъ и Монксомъ во время ихъ ночного свиданія 319
Глава XXXVIII. Вводитъ нѣсколько почтенныхъ личностей, съ которыми читатель уже знакомъ, и показываетъ какимъ образомъ Монксъ и жидъ имѣли между собою скромное совѣщаніе. 330

стр.

Глава XXXIX. Странное свиданье, представляющее дополненіе предшествующей главы 341

Глава XL Содержитъ въ себѣ новыя открытія и показываетъ, что сюрпризы, такъ же, какъ и несчастья, рѣдко приходятъ въ одиночку 354

Глава XLI. Одинъ старый знакомый Оливера проявляетъ положительно признаки геніальности и становится общественнымъ дѣятелемъ въ столицѣ 365

Глава XLII. Въ которой разсказано какъ искусный лукавецъ попалъ въ бѣду 377

Глава XLIII. Настаетъ время для Ненси сдержать обѣщаніе, данное ею Розѣ Мейли. Это ей не удается. Ноэ Клейполь получаетъ отъ Фэгина секретное порученіе 389

Глава XLIV. Ненси держитъ свое обѣщаніе 401

Глава XLV. Роковыя послѣдствія 412

Глава XLVI. Бѣгство Сайкса 420

Глава XLVII. Монксъ и м-ръ Броунлоу наконецъ встрѣчаются. Ихъ разговоръ и извѣстіе, которое прерываетъ его 430

Глава XLVIII. Облава и выходъ 442

Глава XLIX. Даетъ читателю объясненіе нѣсколькихъ тайнъ и заключаетъ въ себѣ сватовство, въ которомъ ни словомъ не упоминается ни о вдовьихъ деньгахъ, ни о приданомъ . . 455

Глава L. Послѣдняя ночь Фэгина на землѣ 470

Глава LI. И послѣдняя 481

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ДИККЕНСА.

Едва ли нужно распространяться о громадной извѣстности Диккенса и о значеніи его какъ писателя въ жизни англійскаго народа. Романы его переводились на всѣ наиболѣе распространенные европейскіе языки и читались съ наслажденіемъ людьми, для которыхъ жизнь, изображаемая Диккенсомъ, была чуждой. Ни одинъ изъ писателей Англіи не пользовался такой всеобщей популярностью при жизни, какъ Диккенсъ, и причина ея лежитъ въ томъ, что ни одинъ изъ писателей не умѣлъ такъ постичь духъ своего времени и быть такимъ полнымъ воплощеніемъ его, какъ Диккенсъ. Въ романахъ его мы видимъ англійскій народъ со всѣми достоинствами и недостатками его, со всей его своеобычностью и оригинальностью; мы видимъ ту упорную энергическую расу, которая съ боя беретъ себѣ жизнь; мы видимъ и жизнь эту съ ея горестями и радостями, съ ея пестрыми столкновеніями, съ ея неустаннымъ трудомъ, которымъ покупается для избранниковъ роскошь и мѣсто въ парламентѣ, для меньшинства довольство, для массы — существованіе полное заботъ и лишеній, высшее честолюбіе которой уже не подняться въ жизни (rise in life) какъ для меньшинства и избранниковъ, а уберечься отъ рабочаго дома и прикопить нѣсколько шиллинговъ, чтобы не быть схороненнымъ на счетъ прихода. Жизнь эта проходитъ передъ нашими глазами въ самыхъ типичныхъ и разнообразныхъ сценахъ, то комичныхъ до нельзя, то печальныхъ, то нѣжныхъ, то потрясающихъ трагизмомъ, то обыденныхъ и увлекательныхъ, не смотря на всю буд-

ничность ихъ, и мы невольно вполнѣ переносимся въ эту жизнь и слѣдя за ней, забываемъ даже изумляться богатству фантазіи, типичности образовъ, неистощимому юмору автора—качествамъ, которымъ онъ обязанъ тѣмъ, что сдѣлался любимцемъ своего народа, но этимъ онъ тоже обязанъ и тому, что былъ вполнѣ по плечу ему. Диккенсъ не принадлежалъ къ тѣмъ смѣлымъ геніямъ, которые „чертятъ планъ иныхъ временъ", которые тѣмъ глубоко оскорбляютъ предразсудки своего общества и за свою горячую любовь къ нему получаютъ въ отплату непримиримую ненависть, поруганіе и уходятъ въ изгнаніе изъ непризнавшаго ихъ отечества; онъ приналежалъ къ тому меньшинству образованнаго общества, которое стало большинствомъ въ послѣдніе годы его жизни, благодаря которому были искоренены многія вопіющія злоупотребленія и сдѣланы значительныя улучшенія въ жизни англійскаго народа. Диккенсъ своими романами первый обратилъ вниманіе общества на эти злоупотребленія и реформы въ школахъ и тюрьмахъ были сдѣланы по его иниціативѣ. Заслуга его передъ обществомъ не ограничивается этой практической пользой, тѣмъ, что онъ „прелестью живой своихъ романовъ былъ полезенъ", главная заслуга его заключается въ глубокой человѣчности, которою проникнуто все, что онъ ни писалъ, въ теплой безграничной любви къ человѣчеству, въ глубокомъ сочувствіи къ страданіямъ его. Кто не знаетъ ту сцену, гдѣ рабочій приходитъ узнать есть ли средства развести его съ развратной женой, чтобы жениться на честной дѣвушкѣ, которую любитъ, и узнаетъ, что процессъ о разводѣ по средствамъ только богачамъ, а онъ обреченъ всю жизнь на позорную связь и несчастіе, или долженъ купить счастіе позоромъ любимой дѣвушки, и другую—сцену смерти старой разнозчицы въ зимнюю мятель на большой дорогѣ, когда она коченѣющими пальцами ощупываетъ тутъ ли деньги, припасенные на похороны. Если Диккенсъ не даетъ широкаго идеала жизни и самая слабая сторона его—герои романовъ, которые всѣ болѣе или менѣе принадлежатъ къ типу англійскихъ джентльменовъ, „поднимающихся въ жизни", который былъ такъ вѣрно охарактеризованъ Миллемъ, за то онъ преслѣдуетъ все, что есть въ жизни „недостойнаго, дикаго, злаго", грубое чванство хозяина передъ слугой, давальца работы передъ работникомъ, подленькое желаніе придавить другихъ, когда жизнь ихъ почему-либо въ нашихъ рукахъ, безсердечный эго-

измъ и лицемѣріе, которыми проѣдено англійское общество на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни; сатира его не имѣетъ ѣдкости и желчи сатиры Теккерея, она спокойнѣе, она болѣе растворена юморомъ, но тѣмъ не менѣе рѣдкій писатель выставляетъ эти черты общества такъ рельефно и въ такомъ возмутительномъ свѣтѣ; его Пексниффы, Бёмбли имѣютъ такое же право на долговѣчность какъ Тартюфъ.

Этими сторонами своего таланта Диккенсъ пріобрѣлъ себѣ право на вниманіе не одного англійскаго общества. Подъ своеобразными типами англійской жизни мы видимъ ту же природу человѣка, сущность которой всюду одна и та же, и писатель, который такъ неподражаемо жизненно и такъ глубоко человѣчно съумѣлъ изобразить ее, всегда намъ будетъ близокъ. Это изумительное мастерство изображенія жизни въ самыхъ разнообразныхъ формахъ ея отъ салона леди, до верстака плотника, отъ аристократическаго кафе до долговой тюрьмы, отъ уютнаго маленькаго очага нѣжнаго pater-familios'а до нищенскихъ пріютовъ, до притоновъ воровства и разврата, далось Диккенсу не даромъ; онъ долго изучалъ жизнь со всѣхъ сторонъ и, собираясь писать романъ, присматривался къ той сторонѣ, какую хотѣлъ изобразить; такъ задумавъ Николая Никкльби, онъ отправился осматривать іоркшайрскія школы, о существовавшемъ въ которыхъ варварскомъ обращеніи съ дѣтьми, онъ слыхалъ еще въ дѣтствѣ, разсказъ о которомъ запалъ глубоко въ впечатлительную душу ребенка и былъ зародышемъ, изъ котораго создался романъ, такъ сильно повліявшій на измѣненія школьнаго быта. Многихъ сторонъ жизни Диккенсу не приходилось изучать, потому что онъ самъ пережилъ ихъ. Судьба рано столкнула его съ рабочимъ людомъ, заставила его испытать еще ребенкомъ всю тяжесть рабочей жизни.

Чарльсъ Диккенсъ родился въ 1812 году въ Ландпортѣ, въ Портси. 7 февраля 1812 года. Отецъ его Джонъ Диккенсъ былъ чиновникомъ въ конторѣ морскаго управленія, мать Елизабета Баррау, сестра одного изъ сослуживцевъ отца; въ послѣдстіе отца перевели въ Лондонъ. Диккенсъ рано отличался необыкновенной памятью и впечатлительностью и, описывая свое дѣтство въ Давидѣ Копперфильдѣ, говоритъ, будто помнитъ, какъ мать его и нянька стояли на колѣняхъ съ протянутыми руками, а онъ ходилъ между ними.

Вѣроятно воображенiе обманывало его въ этомъ случаѣ и онъ, какъ это часто случается, живое впечатлѣнiе отъ слышаннаго разсказа о своемъ дѣтствѣ, принялъ за воспоминанiе; но несомнѣнно, что память и впечатлительность его были дѣйствительно необыкновенны въ раннемъ возрастѣ. Онъ былъ слабый и болѣзненный ребенокъ, на котораго родители обращали очень мало вниманiя. Ранняя страсть къ чтенiю была утѣшенiемъ заброшеннаго ребенка; мать выучила его читать по англiйски и даже немного по латыни и учила, по отзыву Диккенса, очень хорошо. У отца его была небольшая библiотека лучшихъ писателей; тамъ были Родерикъ Рандомъ, Перегринъ Пикль, Томъ Джонсъ, Векфильдскiй священникъ, Донъ Кихотъ, Жильбласъ и Робинзонъ Крузо. Рутинеры педагоги придутъ въ ужасъ отъ такого чтенiя ребенка, но на Диккенса оно имѣло благодѣтельное влiянiе, и дало ему силы перенести одинокое и печальное дѣтство; оно расширяло его умъ и учило понимать жизнь. За чтенiемъ послѣдовало обычное слѣдствiе: мальчикъ началъ рано сочинять разныя исторiи и между прочимъ прославился въ кругу товарищей трагедiей, взятой изъ арабскихъ сказокъ. Сверхъ того онъ отличался другими талантами, умѣлъ хорошо разсказать исторiйку и спѣть комическую пѣсню, такъ что одинъ родственникъ предсказалъ ему за то, что онъ будетъ великимъ человѣкомъ, и предсказанiе это глубоко запало въ душу мальчика. Одностороннему развитiю генiальнаго ребенка много способствовалъ еще одинъ родственникъ, любитель театра, который устроивалъ любительскiе спектакли и бралъ маленькаго Диккенса въ театръ. Среда, въ которой росъ ребенокъ, не могла дать ему никакихъ задатковъ развитiя, это была среда мелкаго чиновничества и купечества, которую онъ такъ мастерски изображалъ въ своихъ романахъ впослѣдствiе. Первые годы его дѣтства не особенно богаты воспоминанiями; изъ нихъ оригинально одно: Диккенсъ услыхалъ отъ одного изъ своихъ товарищей, отецъ котораго „служилъ правительству“, о существованiи страшной шайки бандитовъ, называемыхъ радикалами, принципы которыхъ заключались въ слѣдующемъ: что принцъ регентъ носилъ корсетъ, что никто не имѣетъ право на жалованье, и что войско и флотъ должны быть уничтожены,—принципы показавшiеся такъ ужасными маленькому Диккенсу, что онъ дрожалъ отъ страха, вспоминая о нихъ въ постелѣ, послѣ усердной молитвы о томъ, чтобы радикалы

были какъ можно скорѣе пойманы и повѣшены. Другое воспоминаніе объ одной фантазіи очень характерично. Диккенсъ ребенкомъ находилъ большое удовольствіе, долго глядѣть на одинъ домъ, который ему особенно нравился. „Для меня было наслажденіемъ, говоритъ онъ, когда мнѣ было еще половина девятаго года, если меня приводили посмотрѣть на этотъ домъ, и съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, отецъ мой, видя какъ я люблю этотъ домъ, сказалъ мнѣ: „Если ты будешь очень прилеженъ и будешь усердно трудиться, то когда нибудь ты будешь жить въ этомъ домѣ.“ Диккенсъ передаетъ эту черту въ фантастической формѣ разговора между собой и страннымъ маленькимъ мальчикомъ, какимъ онъ былъ тогда, и заключаетъ. „Но это невозможно, сказалъ странный маленькій мальчикъ, тихо вздохнувъ и смотря во всѣ глаза на домъ. Слова страннаго маленькаго мальчика удивили меня, потому что этотъ домъ — мой домъ, а я имѣю полное основаніе думать, что то что онъ сказалъ была правда“.

Вскорѣ жизнь Диккенса сдѣлалась богаче воспоминаніями, но они были печальны. Отца его перевели въ Лондонъ и тамъ онъ запутался въ денежныхъ дѣлахъ, Явилась „бумага“, кризисъ, описанный Диккенсомъ въ жизни м-ра Микаубера въ Давидѣ Копперфильдѣ; и семьѣ пришлось переѣхать въ Бейгэмъ-стритъ, одну изъ бѣднѣйшихъ улицъ Лондона, гдѣ Диккенсъ впервые увидѣлъ картину бѣдности, бьющейся изъ-за куска хлѣба. „Я тогда уже понялъ ее, такъ хорошо, какъ понимаю теперь“ говорилъ онъ. Отецъ его честный но безпечный человѣкъ, пересталъ заботиться о воспитаніи ребенка, и Диккенсъ исполнялъ всѣ мелкія работы въ домѣ, бѣгалъ на посылкахъ, чистилъ сапоги, въ этомъ и заключалось его образованіе въ эти годы. Старшая сестра его Фанни поступила ученицей въ консерваторію и маленькій Диккенсъ, хоть и радовался за нее, но въ тоже время сознавалъ, какимъ ударомъ для него было видѣть, что она уѣзжала получить воспитаніе, сопровождаемая слезами и благословеніями, въ то время, какъ о его воспитаніи никто не думалъ и онъ осужденъ былъ рости неучемъ. Вмѣсто школьнаго воспитанія Диккенсъ получилъ суровое воспитаніе жизни, закалъ котораго могутъ выносить только избранныя натуры, и отъ этого суроваго воспитанія, онъ искалъ отрады въ мечтахъ. Въ Бейгэмъ-стритѣ было нѣсколько богадѣленъ, за ними начинались поля, откуда онъ

любилъ смотрѣть на куполъ св. Павла. Прогулка въ городъ приводила въ восторгъ ребенка, онъ любовался богатыми улицами, Ковентгарденомъ, но особенно его привлекали, страннымъ чувствомъ чарующаго отвращенія и ужаса, кварталы Сен-Джайльса, гдѣ скучено бѣднѣйшее населеніе Лондона. Дѣла отца шли все хуже, настала крайность; мать увидѣла необходимость самой работать, она задумала открыть пансіонъ. Наняли квартиру, напечатали объявленія, которыя разносилъ маленькій Чарльзъ; издержки на устройство пансіона истощили послѣднія средства семьи и отца его посадили въ Маршалси— долговую тюрьму. Диккенсу пришлось быть на посылкахъ между тюрьмой и домомъ, видѣть новыя стороны человѣческихъ бѣдствій; вынесенныя впечатлѣнія онъ описалъ въ Давидѣ Копперфильдѣ, въ сценахъ ареста и тюремнаго заключенія м-ра Микаубера.

„Отецъ ждалъ меня, пишетъ Диккенсъ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ комнатѣ привратника и когда мы пошли въ его комнату, онъ много плакалъ. Я помню, онъ сказалъ мнѣ, чтобы Маршалси было мнѣ урокомъ, чтобы я помнилъ, что если человѣкъ, получаетъ двадцать фунтовъ въ годъ и тратитъ девятнадцать фунтовъ, девятнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ, то онъ можетъ быть счастливъ, но что каждый лишній шиллингъ сдѣлаетъ его несчастнымъ. Я вижу и теперь огонь, у котораго мы сидѣли; два кирпича лежали за ржавой рѣшеткой, чтобы тратить меньше угля. Отецъ раздѣлялъ комнату съ другимъ должникомъ; когда принесли обѣдъ въ складчину для заключенныхъ, онъ послалъ меня къ капитану Портеру на верхъ, съ поклономъ отъ м-ра Диккенса попросить капитана П. одолжить еще ножикъ и вилку. Капитанъ П. одолжилъ ножикъ и вилку и послалъ съ ними свой поклонъ. Въ маленькой комнатѣ была одна очень грязная леди, и двѣ блѣдныя дѣвочки, съ страшно растрепанными волосами. Я подумалъ, что непріятно было бы одолжиться гребенкой капитана П. Самъ капитанъ находился въ послѣдней степени нищеты, и если бы я умѣлъ рисовать, я бы срисовалъ старое престарое пальто, которое было на немъ, сюртука не было. У него были большіе усы. Я видѣлъ въ углу свернутую постель, и всѣ тарелки, и блюда, и горшки, стоявшіе на полкѣ, и я тотчасъ узналъ, Богъ вѣсть какъ, что обѣ дѣвочки съ косматыми головами, были незаконными дѣтьми капитана Портера, и что грязная леди не была женой капитана П. Я простоялъ въ робкомъ изумленіи не болѣе

двухъ минутъ на порогѣ, но когда сошелъ внизъ къ отцу, то я былъ такъ же твердо убѣжденъ въ этомъ, какъ и въ томъ, что ножикъ и вилка были въ моихъ рукахъ.“ Дѣйствительно замѣчательная наблюдательность въ десятилѣтнемъ ребенкѣ. Нищета росла и одинъ родственникъ, чтобы помочь семьѣ, нашелъ Диккенсу мѣсто мальчика въ заведеніи для фабрикаціи ваксы, и для Диккенса начался тяжелый искусъ, который онъ съ тонкимъ трагическимъ юморомъ описалъ въ Давидѣ Копперфильдѣ. Обязанность Диккенса состояла въ завязываньи банокъ и наклеиваньи ярлыковъ и онъ долженъ былъ получать на нее отъ шести до сѐми шиллинговъ въ недѣлю. Отецъ и мать его очень охотно приняли предложеніе этого мѣста. „Удивительно, пишетъ Диккенсъ, какъ легко они бросили меня въ такомъ возрастѣ. Удивительно тоже, какъ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ маленькимъ работникомъ, какимъ я былъ съ самаго нашего переселенія въ Лондонъ, никто не почувствовалъ состраданія ко мнѣ—ребенку особенныхъ способностей, серьезному, понятливому, нѣжному, который страдалъ и физически и морально; какъ никто не присовѣтывалъ, что можно сберечь кое-что — что и можно было сдѣлать — для того, чтобы послать меня въ какую нибудь дешевую школу. Друзьямъ нашимъ мы, повидимому надоѣли, никто не подалъ и знака. Отецъ и мать были довольны. Они едва могли бы быть болѣе довольны, если бы я двадцати лѣтъ отъ роду поступалъ изъ школы въ Кембриджъ.“

Съ утра до вечера работалъ маленькій Диккенсъ въ пыльной лавкѣ. Мать его съ сестрами и братьями жили далеко, ходить обѣдать было невозможно. Диккенсъ или приносилъ съ собой обѣдъ, или покупалъ въ сосѣдней лавкѣ колбасу и ломоть хлѣба на пенни, иногда тарелку мясныхъ остатковъ на четыре пенни у мясника, сыру и стаканъ пива въ сосѣднемъ кабакѣ. Иногда онъ задавалъ себѣ праздники, заходилъ въ лучшую гостинницу, захвативъ подъ мышку ломоть хлѣба, спрашивалъ boeuf à la mode и даже давалъ слугѣ полпенни. Лучшимъ праздникомъ для него была суббота, когда онъ возвращался домой гордый шестью шиллингами, которые несъ домой. Вскорѣ ему некуда уже было возвращаться. Кредиторы отца отказались отъ сдѣлки и мать его перебралась съ остальными дѣтьми къ мужу въ тюрьму, а Диккенсъ поступилъ въ число жильцовъ одной знакомой обѣднѣвшей старухи, которая кормилась тѣмъ,

что брала къ себѣ дѣтей и Диккенсу былъ отведенъ пустой чуланчикъ. Диккенсъ невыносимо страдалъ въ своемъ положенiи, но не говорилъ никому ни слова. „Никогда ни кто не зналъ каково имъ было, говоритъ онъ словами Давида Копперфильда. Выразить сколько я страдалъ превышаетъ мои силы. Ни чье воображенiе не можетъ превзойти дѣйствительность. Но я зналъ что дѣлать и исправлялъ свою работу. Я зналъ съ самаго начала, что если я не буду дѣлать свою работу такъ же хорошо, какъ и всѣ, то я не буду въ силахъ стать выше презрѣнiя. Я считалъ избавленiе отъ такого рода жизни невозможнымъ, хотя я глубоко убѣжденъ, что я ни на минуту не примирился съ нимъ, и не было минуты, когда бы я не считалъ себя несчастнымъ." Честолюбивый ребенокъ глубоко сознавалъ все, что было печальнаго въ его положенiи: страхъ вырости безъ образованiя и быть обреченнымъ на цѣлую жизнь однообразнаго утомительнаго труда невыразимо мучилъ его и онъ болѣзненно сознавалъ, какъ неисполнимы мечты его о будущемъ величiи, заброшенныя въ голову его предсказанiями родственника. Чувство одиночества томило его любящее сердце и онъ рѣшился высказаться отцу; „это было первое замѣчанiе, которое я сдѣлалъ о своей участи. говоритъ Диккенсъ, и можетъ быть въ немъ было болѣе, нежели я хотѣлъ сказать." Отецъ былъ тронутъ и ребенку нашли другую, менѣе жалкую квартиру. Нравственныя страданiя Диккенса усиливались еще общественными предразсудками, которые такъ глубоко вкоренены въ англичанахъ; мальчикъ чувствовалъ себя глубоко униженнымъ товарищами, съ которыми онъ работалъ. Одинъ былъ сирота и жилъ у дяди своего водовоза, другой былъ сыномъ пожарнаго. „Никакими словами не выразить муку, которую я почувствовалъ. когда я спустился до подобнаго товарищества, пишетъ Диккенсъ, и съ удовольствiемъ вспоминаетъ, что его не иначе звали въ лавкѣ какъ „молодой джентльменъ", и что всего разъ отставной солдатъ исполнявшiй тамъ черную работу, въ порывѣ восторга отъ его разсказовъ назвалъ его Чарльзомъ. Какъ онъ ни считалъ себя униженнымъ своими товарищами, у него на душѣ было сознанiе позора, который онъ скрывалъ отъ нихъ и который унизилъ бы его въ ихъ глазахъ—родители его жили въ долговой тюрьмѣ, и когда разъ одинъ изъ товарищей, вызвался проводить его въ субботу, когда онъ шелъ домой, то онъ, чтобъ избавиться отъ непрошенаго провожатаго, по-

звонилъ у какого-то дома, и когда товарищъ ушелъ, спросилъ не живетъ ли тутъ его товарищъ.

Эта жизнь была грубой практической школой для мальчика. Ему нужно было разсчитывать каждый пенсъ, и когда онъ не разсчетливо проѣдалъ лишній шиллингъ въ первые дни недѣли, въ послѣдніе ему приходилось сидѣть на черствомъ хлѣбѣ. Удивительно какъ этотъ покинутый ребенокъ, бродившій и по гостинницамъ и кабакамъ, не погибъ, какъ гибнутъ сотни тысячь такихъ дѣтей. Воспоминаніе объ этихъ тяжелыхъ годахъ было такъ болѣзненно для Диккенса, что онъ долго не говорилъ никому о нихъ ни слова, не сказалъ даже и своей женѣ, и только въ поздніе годы своей жизни, передалъ ихъ обществу въ своемъ Давидѣ Копперфильдѣ. Неожиданное наслѣдство, уплаченное въ долговую коммисію, освободило отца изъ тюрьмы и подало поводъ къ многимъ оригинальнымъ сценамъ, описаннымъ въ главахъ объ освобожденіи м-ра Микаубера. Передъ выходомъ изъ тюрьмы, отецъ собралъ товарищей по заключенію и держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ ихъ, какъ и м-ръ Микауберъ, подать просьбу королевѣ, но не объ уничтоженіи тюремнаго заключенія за долги, какъ герой Диккенсова романа, но о несравненно менѣе гуманной милости — получать пособіе, чтобы выпить за здоровье королевы въ день рожденья ея величества. Положеніе Диккенса сдѣлалось немного сноснѣе съ освобожденіемъ отца, онъ жилъ теперь въ семьѣ; но не было помину о томъ, чтобы взять его изъ подмастерьевъ въ лавкѣ ваксы. Онъ работалъ по прежнему съ товарищами у окна лавки и часто собиралась цѣлая толпа прохожихъ поглазѣть на ловкость работниковъ; въ числѣ зрителей случился разъ и отецъ Диккенса. „Я удивился, пишетъ Диккенсъ, какъ онъ могъ вынести этотъ видъ.“ Наконецъ Диккенсъ былъ избавленъ отъ своей лавки, благодаря ссорѣ отца съ родственникомъ, хозяиномъ ея. Отецъ сказалъ, что сынъ его не вернется болѣе туда, а мать стояла за возвращеніе сына, и Диккенсъ никогда не могъ забыть ни того, что былъ освобожденъ отъ унижавшаго его труженичества только случайностью, ни того что мать стояла за возвращеніе его къ фабриканту ваксы. Изъ своей тяжелой школы Диккенсъ, вынесъ твердую увѣренность въ себѣ, жажду отличиться въ обществѣ, энергію добиться заданной себѣ цѣли; вмѣстѣ съ этимъ онъ вынесъ и преувеличенное понятіе о своихъ силахъ,

заставлявшее его не разъ брать на себя обязательства, выполнять которыя онъ не могъ безъ серьезнаго вреда для своихъ силъ и здоровья. Эти годы имѣли вмѣстѣ и благодѣтельное и вредное вліяніе на развитіе его таланта. Онъ пережилъ ту жизнь, которую изображалъ съ первыхъ впечатлѣній, сжился съ бѣднымъ людомъ и вотъ почему онъ такъ сочувственно изображаетъ бѣдный людъ. Но эта жизнь слишкомъ рано научила его выбрать своимъ стремленіемъ одну опредѣленную цѣль; поражая его своими рѣзкими, потрясающими явленіями, она рано пріучила его сосредоточиваться на нихъ и, приковавъ къ нимъ всѣ силы его ума, лишила его способности проникать глубже до причинъ, порожденіемъ которыхъ они были, и изъ Диккенса выработался великій художникъ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ не глубокій мыслитель.

Обстоятельства родителей Диккенса поправились, отецъ его сдѣлался репортеромъ парламентскихъ преній для одной газеты. Диккенса отдали въ училище, называвшееся академіей Веллингтона, гдѣ ученики отличались особенной способностью приручать бѣлыхъ мышей. Диккенсъ пробылъ тамъ до двѣнадцати лѣтъ. Диккенсъ и тамъ отличился сочиненіемъ разныхъ повѣстей, которыя писалъ съ его словъ одинъ изъ товарищей его Тобинъ, бывшій впослѣдствіе его секретаремъ. Диккенсъ пробылъ два года въ школѣ, по истеченіи которыхъ отецъ нашелъ ему мѣсто писца въ конторѣ одного стряпчаго. Но прерванное вторично образованіе его продолжалось. Не многое, что онъ выучилъ у одного родственника, дававшаго ему уроки въ обѣденное время, когда онъ жилъ у фабриканта ваксы и знанія вынесенныя изъ двухлѣтняго отбыванія въ академіи Веллингтона послужили ему первыми ступенями, и онъ одинъ шелъ далѣе; читалъ, дѣлалъ выписки. Это образованіе было, разумѣется неудовлетворительно, но объ руку съ нимъ шло другое выработывавшее писателя; изученіе жизни судебныхъ и адвокатскихъ конторъ, отсюда онъ вынесъ много наблюденій, породившихъ самыя живыя и юмористичныя сцены его романовъ изъ этой жизни. Гиббонъ говоритъ, что есть два рода воспитанія, которое получаютъ всѣ люди поднявшіеся надъ обычнымъ уровнемъ — первое отъ учителей, второе наиболѣе важное — свое собственное. Диккенсъ получилъ второе, и отецъ его, когда его спросили, гдѣ воспитывался сынъ его, тогда уже знаменитый, отвѣчалъ. — А, въ самомъ дѣлѣ, ха, ха! онъ можетъ

сказать, что самъ себя воспиталъ. Пробывъ восемнадцать мѣсяцевъ въ конторѣ, Диккенсъ захотѣлъ по примѣру отца сдѣлаться репортеромъ и началъ учиться стенографіи. Онъ вскорѣ осилилъ всѣ трудности этого занятія и описалъ ихъ въ своемъ Давидѣ Копперфельдѣ. Въ эти годы у него была тоже своя Дора, которую онъ любилъ со всѣмъ пыломъ юношеской страсти, и находилъ необычайное наслажденіе сочинять письма къ матери ея, въ которыхъ онъ просилъ о рукѣ своей Доры. Эта любовь кончилась ничѣмъ, какъ большая часть подобныхъ юношескихъ увлеченій, но въ продолженіи трехъ съ половиной лѣтъ она была стимуломъ всѣхъ его усилій и удесятерила его силы.

Диккенсъ поступилъ репортеромъ въ газету „True sun", въ которой работалъ и біографъ его, Джоржъ Форстеръ. Онъ первый разъ познакомился съ Диккенсомъ во время стачки репортеровъ, которую велъ Диккенсъ, бывшій депутатомъ ихъ, и поразившій тогда Форстера необыкновеннымъ оживленіемъ и выразительной, несмотря на необыкновенную моложавость, физіономіей. Диккенсъ перешелъ въ другую газету, и въ 1833 г. сдѣлалъ первый шагъ, которымъ навсегда рѣшилъ свою участь; онъ написалъ небольшой разсказъ и, крадучись и дрожа какъ воръ, опустилъ рукопись ночью въ ящикъ редакціи. Жизнь репортера была дѣйствительно трудовой жизнью, нужно было ѣздить всюду за избирателями, часто подъ проливнымъ дождемъ стенографировать ихъ рѣчи въ толпѣ, и возвращаясь ночью въ почтовомъ дилижансѣ, дорогой переводить свои стенографическіе знаки. Диккенсъ продолжалъ еще года три писать анонимно разные очерки въ „Morning Chronicle" и въ 1836 г. выступилъ подъ псевдонимомъ Боза, подъ которымъ онъ обратилъ вниманіе читателей. То были легкіе очерки, полные юмора и комизма; потомъ онъ продолжалъ ихъ въ „Evening Chronicle." Первымъ оцѣнилъ его талантъ и предсказалъ ему блестящую будущность одинъ изъ издателей, Джонъ Блекъ, и Диккенсъ еще въ послѣдніе годы съ благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ его. Диккенсъ собралъ очерки и продалъ ихъ одному издателю Макрону. Въ томъ же году появился первый выпускъ „Посмертныхъ записокъ Пиквикскаго Клуба", изданныхъ Бозомъ, которыми Диккенсъ занялъ свое мѣсто между лучшими писателями Англіи. Но первые выпуски не были такъ замѣчены, какъ „Очерки." Въ нихъ встрѣчаются первыя черты типовъ

Диккенса, и на сценѣ мы видимъ уже тѣхъ лицемѣровъ, и мелкихъ пройдохъ, которые потомъ такъ ярко и рельефно выступали въ послѣдующихъ произведеніяхъ его.

Около этого времени Диккенсъ женился и вскорѣ сдѣлался отцомъ семейства. Кромѣ семьи на рукахъ его была еще одна изъ сестеръ жены, нуженъ былъ хлѣбъ, и онъ опрометчиво вошелъ въ очень невыгодную для себя сдѣлку съ издателями. Онъ буквально продался въ тяжелую зависимость, избавиться отъ которой ему стоило много трудовъ. Только по выходѣ четвертаго или пятаго выпуска Записокъ Пиквикскаго клуба, издатели увидѣли, какую выгодную аферу они сдѣлали, и поспѣшили закабалить Диккенса, пока онъ еще не успѣлъ узнать о той популярности, какою онъ уже пользовался въ публикѣ. М-ръ Бентлей заключилъ съ Диккенсомъ условіе объ изданіи ежемѣсячнаго журнала, съ января 1837 года, въ который онъ долженъ былъ помѣщать новую повѣсть и вслѣдъ за тѣмъ другое, по которому онъ обязывался написать въ очень короткій срокъ еще два романа; плата въ обоихъ условіяхъ была назначена далеко ниже той, которую Диккенсъ имѣлъ право требовать по своей возраставшей извѣстности. Около этого времени Макронъ захотѣлъ сдѣлать новое изданіе „Очерковъ“.

Появленіе первыхъ слабыхъ попытокъ въ то время, когда издавались два новые романа, могло-ли вредить литературной репутаціи Диккенса, онъ поручилъ Форстеру уговорить Макрона отказаться отъ втораго изданія, но тотъ, хотя купилъ Очерки за ничтожную сумму, когда Диккенсъ нуждался въ деньгахъ передъ свадьбой, и выручилъ на нихъ огромные барыши, не сдавался ни на какіе убѣжденія и усовѣщеванія, и Диккенсъ наконецъ рѣшился купить у него право изданія своихъ собственныхъ произведеній. Макронъ потребовалъ 2 т. ф. ст. и другіе издатели Чапманъ и Галлъ заплатили за Диккенса съ тѣмъ, чтобы издать ихъ впослѣдствіе и покрѣпче затянуть петлю, въ которую попался авторъ. Новый романъ, который печатался вмѣстѣ съ „Записками Пиквикскаго Клуба“, былъ „Оливеръ Твистъ“. Восторгъ, съ какимъ они были встрѣчены публикой превосходитъ всякое описаніе. Въ особенности „Записки Пиквикскаго Клуба“ расходились въ баснословномъ количествѣ экземпляровъ. Люди всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ жадно читали каждый новый выпускъ и Карляйль приводитъ слѣдующій характеристическій анек-

дотъ. Одинъ архидіаконъ передалъ ему, какъ одинъ священникъ утѣшавшій опасно больнаго духовнымъ назиданіемъ, уходя отъ него совершенно довольный тѣмъ, что онъ счелъ успѣхомъ своихъ словъ, услыхалъ какъ больной сказалъ: „Слава Богу, только десять дней до выхода Пиквика". Не смотря общій восторгъ, Пиквикъ по значенію несравненно ниже другихъ романовъ Диккенса; въ немъ нѣтъ еще того мастерства въ рисовкѣ картинъ, ни тѣхъ типовъ, которыми Диккенсъ позже обезсмертилъ себя. Въ Запискахъ Пиквикскаго Клуба особенно замѣчательна по своей патетичности и юмору, сцены заключенія м-ра Пиквика въ Долговой тюрьмѣ.

Въ Оливерѣ Твистѣ видѣнъ болѣе зрѣлый талантъ. Авторъ рисуетъ въ немъ судьбу незаконнорожденнаго ребенка; онъ съ изумительнымъ мастерствомъ показываетъ намъ душу бѣднаго покинутаго Оливера и читатель съ увлеченіемъ слѣдитъ за маленькимъ героемъ, начиная съ смертнаго одра матери, на которомъ приняла его повивальная бабка больницы, черезъ пріютъ и лавку гробовщика гдѣ, ребенокъ былъ подмастерьемъ, черезъ притонъ воровъ, куда онъ попалъ, убѣжавъ отъ своего хозяина. Цѣлымъ рядомъ смѣняющихся картинъ, авторъ бичуетъ лицемѣрную филантропію, которая губя несчастныхъ попавшихъ въ ея руки, считаетъ себя вправѣ высоко поднимать голову, какъ спасительница человѣчества. Задача, которую поставилъ себѣ Чарльсъ Диккенсъ въ Оливерѣ Твистѣ, была очень трудна. Нужно было представить ребенка, который уцѣлѣлъ среди раннихъ столкновеній съ жизнью и умѣлъ остаться чистымъ въ притонѣ порока и разврата, спасенный честными инстинктами своей природы. Передъ этой задачей оказался бы несостоятельнымъ талантъ менѣе сильный и сдѣлалъ бы изъ Оливера маннекена; Диккенсовъ Оливеръ живой ребенокъ, развитый и самостоятельный не по лѣтамъ, и потому онъ сразу приковалъ вниманіе публики. Всѣ лица, до самыхъ незначительныхъ, типичны, и джентльмены благотворительнаго комитета, и еврей дрессирующій дѣтей на мошенничество, — лукавая изворотливая сила, и грубая сила въ лицѣ Сайкса, и Ненси, о которой авторъ счелъ за нужное оговориться въ предисловіи, потому что его сочувственное отношеніе къ ней, раздражило бы предразсудки общества. Не смотря на это предисловіе, Диккенсъ вызвалъ упрекъ у чинной пуританской критики за то, что онъ оскорбилъ общественную нравственность картинами порока; но Диккенсъ вообще мало цѣнилъ от-

зывы литературныхъ критиковъ, даже болѣе заслуживающіе вниманіе: и отзывы восхищенныхъ читателей, которые въ его типахъ узнавали живыхъ людей, доставляли ему несравненно болѣе удовольствія, нежели самыя громкія похвалы литературной критики. Впрочемъ трудно понять какія стороны романа могли оскорбить пуританскую мораль. Диккенсъ выставилъ во всей наготѣ и комедію и трагедію жизни воровъ, мошенниковъ и проститутокъ; въ цѣломъ романѣ у него не найдется ни одной сцены раздражающей чувственность, какія встрѣчаются у французскихъ романистовъ, изображавшихъ этотъ бытъ. Впрочемъ лицемѣрная мораль англичанъ простила бы ему скорѣй подобные сцены, нежели сочувственное отношеніе молодой дѣвушки порядочнаго общества, какъ Роза, къ жалкому падшему существу, какъ Ненси; нежели честныя побужденія и человѣчныя чувства, которыя онъ вложилъ въ это существо.

Диккенсъ началъ писать новый романъ „Барнаби Рёджъ", но остановился. Онъ началъ чувствовать утомленіе и сверхъ того онъ увидѣлъ, что оставаться въ кабалѣ. въ которую онъ попался по незнанію своей силы, было бы донъ-кихотствомъ, тѣмъ болѣе непростительнымъ, что у него увеличивалась семья. „Я не могу теперь писать Барнаби, пишетъ онъ Джоржу Форстеру. Громадные барыши, которые Оливеръ принесъ издателямъ и продолжаетъ приносить, жалкая сумма, которую я выручилъ за него и которая не равняется даже той, какую платятъ за изданіе расходящееся въ полторы тысячи экземпляровъ; воспоминаніе объ этомъ и сознаніе, что на моихъ плечахъ каторга такой же работы, на тѣхъ же условіяхъ поденщика; сознаніе, что мои книги обогащаютъ всѣхъ имѣющихъ дѣло съ ними, кромѣ меня, а что я съ такой популярностью, какую я пріобрѣлъ, обязанъ биться въ прежнихъ сѣтяхъ, тратить свои силы въ лучшую пору жизни и извѣстности и большую часть своей жизни на то, чтобы обогатить другихъ, въ то время, какъ я ближнимъ и дорогимъ людямъ могу дать развѣ немного болѣе приличнаго существованія — все это лишаетъ меня бодрости и энергіи". По окончаніи Оливера Диккенса передалъ изданіе журнала Энсворту, а условіе написать Барнаби Рёджъ, для Бентлея было уничтожено; Диккенсъ уплатилъ за неустойку правомъ изданія Оливера Твиста и всего, что было напечатано имъ въ журналѣ, и 2,250 ф. стер.

Диккенсъ вздохнулъ теперь свободно и продолжалъ работать.

Онъ задумалъ къ Рождеству издавать рядъ разсказовъ, которые болѣе или менѣе носили фантастическій характеръ, какъ: Часы мастера Гёмфри, Рецепты доктора Меригольда, одно изъ позднѣйшихъ произведеній его. Это было очень счастливой мыслью, потому что онъ въ этихъ разсказахъ давалъ исходъ элементамъ фантастическаго, которые лежали въ природѣ его и были развиты вечерами полными мечтаній, когда бѣдный одинокій ребенокъ смотрѣлъ съ полей за богадѣльнями на куполъ св. Павла, или изъ окна своего пустыннаго холоднаго чуланчика, засматривался на ночное звѣздное небо. Только благодаря этимъ фантастическимъ разсказамъ, Диккенсъ могъ подняться до того могучаго реализма, который поражаетъ въ его романахъ. Въ умѣ его всегда вмѣстѣ съ большимъ романомъ, который онъ писалъ, носился планъ рождественскаго разсказа, болѣе или менѣе фантастическаго. Это было своего рода гигіеническая мѣра его таланта, которую онъ принималъ совершенно безсознательно, и разъ, когда онъ измѣнилъ ей, пострадали его произведенія. Диккенсъ для обычнаго рождественскаго разсказа написалъ довольно дюжинную, не смотря на восторженныя похвалы біографа его, повѣсть „Битва жизни“, въ которой тепло разсказано о томъ, какъ двѣ сестры уступали другъ другу любимаго человѣка, и въ которой не было ни капли фантастическаго элемента: за то онъ совершенно непрошено замѣшался въ превосходный романъ его „Домби и сынъ“, въ характерѣ маленькаго Павла Домби.

За Оливеромъ Твистомъ потянулся рядъ блестящихъ произведеній: „Николай Никклиби“ 1838 — 1839, „Старая лавка рѣдкостей“ 1840, въ которой мы встрѣчаемся съ чарующей маленькой Нелли. Въ большей части романовъ Диккенса замѣчательны типы чуткихъ и любящихъ дѣтскихъ натуръ, рано обреченныхъ на страданіе; въ нихъ авторъ хотѣлъ отрѣшиться отъ тяжелыхъ воспоминаній дѣтства. За „Старой лавкой рѣдкостей“ появился давно задуманный романъ „Барнаби Рёджъ“, въ которомъ авторъ описываетъ бунты противъ католиковъ, извѣстные „No popery Riots“. Въ цѣломъ рядѣ потрясающихъ сценъ читатели видятъ разнузданную ярость народа, ослѣпленнаго фанатизмомъ и страшную испорченность аристократіи, которая разжигаетъ эту ярость, для своихъ низкихъ цѣлей. Особенно характеристична сцена встрѣчи при заревѣ пожаровъ и дымящейся крови отца съ незаконнорожденнымъ сыномъ, про-

клинающимъ его за данную жизнь. Мрачно среди всѣхъ ужасовъ выдается фигура величайшаго злодѣя романа — палача, очерченная рѣзцомъ Гогарта, и читатель видитъ психическій процессъ, какимъ палачь отъ постояннаго столкновенія съ самыми грязными орудіями закона сдѣлался такимъ чудовищемъ, возмущающимъ человѣческое чувство. Барнаби Рёджъ показалъ все богатство красокъ Диккенса, и кровавый и огненный колоритъ, впервые появившійся передъ глазами читателя, выступимъ еще мрачнѣе, еще ужаснѣе въ позднѣйшемъ произведеніи его: „Исторія двухъ городовъ“.

Вскорѣ послѣ появленія Барнаби Рёджа, Диккенсъ получилъ отъ нѣкоторыхъ магнатовъ мѣстека Ридинга предложеніе выступить кандидатомъ на кресло въ палатѣ. Была минута, когда Диккенсъ готовъ былъ принять и не ради честолюбія,—то было вскорѣ послѣ утвержденія варварскаго закона о бѣдныхъ, который глубоко возмутилъ на равнѣ съ Диккенсомъ и многихъ лучшихъ людей его времени; вскорѣ негодованіе противъ самаго закона было заглушено негодованіемъ противъ того безчеловѣчія, съ какимъ примѣняли его, и Диккенсъ страстно захотѣлъ имѣть возможность говорить о немъ въ парламентѣ. Въ это время онъ держался крайнихъ радикальныхъ воззрѣній и былъ недоволенъ не только торіями, но и вигами. Впрочемъ онъ вскорѣ почувствовалъ самъ, что парламентская дѣятельность была вовсе не сродна его природѣ, и отказался отъ предложенія; но глубокое чувство скорби и негодованія противъ общественныхъ дѣятелей того времени осталось въ немъ и онъ не разъ въ такія минуты говоритъ, что какъ Коріоланъ перенесетъ своихъ пенатовъ въ другой міръ. „Благодареніе Богу есть Ванъ Дименова земля, писалъ онъ своему другу. Это утѣшеніе. Я удивляюсь только выйдетъ-ли изъ меня хорошій колонистъ, и если я переѣду въ новую колонію съ моей головой, руками, ногами и здоровьемъ, удастся-ли мнѣ подняться на верхъ общественной молочной крынки, какъ сливки? Какъ вы думаете. Честное слово я такъ думаю“. Онъ далъ исходъ своему раздраженію въ нѣсколькихъ политическихъ памфлетахъ въ стихахъ, воспѣвая славное доброе время: „когда старый джентльменъ держалъ старое государство и тратилъ общественныя деньги на каждую любовницу и каждаго мошенника и прощалыгу; тѣ старые добрые времена, когда перерѣзывали каждое горло, кричавшее о своей нуждѣ; когда гоняли людей, державшихся вѣры своихъ отцовъ; тѣ рѣдкіе

дни, когда пресса не смѣла ни тявкать, ни лаять", и привѣтствуя возвращеніе этого стараго времени вмѣстѣ съ министерствомъ торіевъ.

Около того же времени созрѣло въ немъ рѣшеніе отправиться въ Америку. Онъ заключилъ новое условіе съ издателями о произведеніи, которое хотѣлъ написать по возвращеніи изъ Америки и которое должно было выйти ежемѣсячными выпусками. Въ продолженіе выхода ихъ, онъ долженъ былъ получать по 200 ф. ежемѣсячно; издатели отвѣчали за всѣ риски изданія и за уплатой расходовъ, они изъ барышей должны были получить всего одну четверть; сверхъ того, въ продолженіе времени до начала работы, они должны были платить ему 150 ф. ежемѣсячно, которые впослѣдствіе должны были вычесть изъ причитывавшагося ему барыша. Обезпечивъ себѣ средства жизни, Диккенсъ отправился съ женой въ Америку. Онъ давно былъ уже любимцемъ американской публики и ему готовили торжественныя встрѣчи.

Пріѣздъ его въ Америку былъ рядомъ празднествъ. Самые значительные города Америки присылали ему пригласительные адресы за громаднымъ числомъ подписей съ просьбой о посѣщеніи, устраивали балы, обѣды, рауты. Но не одна громкая извѣстность Диккенса и поклоненіе таланту были причиной торжественности встрѣчи; біографъ Диккенса говоритъ, къ этому примѣшивалось еще другое побужденіе — желаніе показать Европѣ, какъ свободная, не преклоняющаяся ни передъ какимъ земнымъ величіемъ Америка умѣетъ отдавать честь таланту. Эти торжественныя встрѣчи начали скоро надоѣдать Диккенсу. Ему стало тяжело быть предметомъ постояннаго любопытства, порой очень безцеремоннаго; ему приходилось по цѣлымъ часамъ выносить скучнѣйшую болтовню свѣтскихъ зѣвакъ и модныхъ барынь. Потомъ за первыми взаимными восторгами встрѣчи послѣдовало въ извѣстной степени разочарованіе. Диккенсъ былъ сначала приведенъ въ восторгъ могущественнымъ развитіемъ Америки, благосостояніемъ народа, свободой; но послѣ онъ разглядѣлъ и темныя стороны. Его поразилъ деспотизмъ общественнаго мнѣнія, самохвальство американцевъ и грубость нравовъ. Вопросъ о международномъ правѣ печатанія занималъ тогда Америку. Англійскіе писатели хотѣли оградить свои права отъ заатлантическихъ издателей, наживавшихся ихъ трудомъ; американскіе, имѣя представителемъ своимъ Вашингтона Ирвинга, хотѣли того же для огражденія себя

отъ англійскихъ издателей; но масса американскаго общества была противъ этой мѣры, которая повела бы къ дороговизнѣ книгъ. Диккенсъ говорилъ два раза за обѣдомъ по этому поводу и, по его отзыву, друзья его американскіе писатели оцѣпенѣли отъ изумленія, какъ нашелся человѣкъ осмѣлившійся громко высказать свое недовольство американскими порядками. Во второй разъ поднялся громкій крикъ и газеты обрушились на него самой грубой бранью; одинъ звѣрскій убійца Колтъ, котораго судили въ то время, оказывался ангеломъ въ сравненіи съ Диккенсомъ; онъ получилъ массу ругательныхъ писемъ и друзья его убѣдительно просили его никогда болѣе не говорить объ этомъ предметѣ въ публикѣ. Въ этомъ столкновеніи Диккенса съ американской публикой и тотъ и другая были правы каждый съ своей стороны. Онъ какъ авторъ стоялъ за то, чтобы авторскимъ трудомъ не обогащались одни издатели, и упрекалъ американцевъ примѣромъ Вальтеръ Скотта, истощившаго себя усиленной работой, чтобы исполнить всѣ свои обязательства въ то время, какъ американскіе книгопродавцы наживали громадныя суммы перепечатаніемъ его произведеній. Американское общество, съ своей стороны, вѣрнымъ чутьемъ поняло всю несправедливость вѣчности авторскихъ правъ, которая поднимая цѣну на книги, стѣсняетъ разлитіе образованіе въ народѣ,— несправедливость, не сознаваемая Диккенсомъ, которому чужда была мысль, что авторъ въ своихъ произведеніяхъ отдаетъ обществу то, что получилъ отъ него. Нужно было бы искать разрѣшенія спорнаго вопроса въ какой нибудь мѣрѣ удовлетворяющей справедливости, но обѣ стороны вмѣсто того ограничились взаимными упреками. Диккенсъ бросилъ въ лицо американцамъ смерть Вальтеръ Скотта, а тѣ поставили его ниже Колта. Въ Америкѣ Диккенсъ осматривалъ съ особеннымъ вниманіемъ тюрьмы и пришелъ въ ужасъ отъ пенсильванской системы одиночнаго заключенія. „Я убѣжденъ, что въ каждой кельѣ должно быть страшное привидѣніе“, пишетъ Диккенсъ, намекая на страшный призракъ сумасшествія, присутствіе котораго онъ угадалъ въ голыхъ и мрачныхъ стѣнахъ келій филадельфійской тюрьмы.

Возвратившись въ Англію Диккенсъ занялся составленіемъ своей книги объ Америкѣ и романомъ „Мартинъ Чёззльунтъ, героемъ котораго былъ юноша переселившійся въ Америку, что послужило поводомъ написать многія живьемъ выхваченныя сцены изъ жизни аме-

риканцевъ. Какъ въ своихъ „Запискахъ объ Америкѣ“ такъ и въ романѣ этомъ, Диккенсъ не остался чуждъ предразсудкомъ англичавъ противъ американцевъ, предразсудкомъ заставлявшимъ ихъ болѣе сочувствовать югу, нежели сѣверу. Югъ не смотря на рабство, которое возмущало Диккенса, сохранилъ болѣе изящныя формы общественной жизни, хотя подъ этимъ изяществомъ скрывалось невѣжество и грубость; сѣверъ не знавшій этой свѣтской утонченности, былъ въ дѣйствительности несравненно образованнѣе юга, но за то съ своей стороны недоброжелательно относился къ аристократической Англіи, къ которой сочувственно относился югъ, старыя фамиліи котораго, вышедшія изъ нея, сохранили въ своей средѣ аристократическія преданія. Диккенсъ, какъ врагъ тори, не могъ идти объ руку съ южанами въ этомъ отношеніи; но онъ былъ джентльменъ, онъ не забылъ тѣ нравственныя пытки, которыя онъ вынесъ въ дѣтствѣ отъ того, что ему приходилось у фабриканта ваксы быть товарищемъ подмастерьевъ, и демократизмъ Сѣверной Америки возмущалъ его порой. Отчасти причина разочарованія Диккенса лежала и въ слишкомъ большихъ ожиданіяхъ его; онъ разсчитывалъ найти тамъ формы жизни, несравненно высшія нежели въ Англіи, и выработанныя вполнѣ, слѣдовательно, найти ту полную законченность и стройность, которыми отмѣчено все установившееся, все достигшее полноты развитія; онъ попалъ въ суету и безпорядокъ постройки и за ними не всегда могъ разглядѣть, что размѣры постройки были несравненно шире и грандіознѣе его старой Англіи. Не смотря на эту ошибку, его книга объ Америкѣ, заключаетъ въ себѣ много мѣткихъ чертъ изъ жизни народа; онъ старался быть вполнѣ искреннимъ и находилъ странными ожиданія американцами исключительныхъ похвалъ за ту встрѣчу, какую они ему дѣлали. „Я не воображалъ, что они изъ своей встрѣчи хотѣли сдѣлать для меня намордникъ скрытый подъ цвѣтами, писалъ онъ въ отвѣтъ на упреки американцевъ въ неблагодарности за радушный пріемъ.

„Мартинъ Чёззльунтъ“, появившійся вскорѣ по возвращеніи Диккенса изъ Америки, былъ встрѣченъ публикой холоднѣе, нежели его прежнія произведенія, хотя Диккенсъ считалъ его несравненно выше и писалъ, что только съ Чёззльунта онъ получилъ полную мѣру своихъ силъ. Въ Чёззльунтѣ Диккенсъ показалъ въ яркой и пестрой картинѣ всю изумительно упорную борьбу за существованіе, которая

ведется въ Америкѣ и которая поднимаетъ человѣка до геройства, или роняетъ его до ярости дикаго звѣрь, терзающаго другаго за кусокъ добычи. Въ основѣ романа лежитъ нравственная мысль — исправленіе холоднаго себялюбца. Юноша съ дѣтства привыкшій думать только о себѣ, ѣдетъ вслѣдствіе разстроенныхъ обстоятельствъ въ Америку и тамъ съ одной стороны, безчеловѣчный эгоизмъ заставляетъ его оцѣнить друзей, которыхъ онъ не умѣлъ цѣнить на родинѣ, съ другой примѣры самоотверженія и преданности, заставляютъ устыдиться собственнаго эгоизма. Составивъ себѣ состояніе, онъ возвращается на родину уже не черствымъ эгоистомъ, но человѣкомъ умѣющимъ любить. Впрочемъ, пріобрѣтенная въ борьбѣ съ нуждой въ Америкѣ, способность эта выказывается только въ отношеніе невѣсты и близкихъ; но мы уже сказали Диккенсъ не даетъ идеаловъ. Американцы подняли страшный крикъ противъ этого романа за многія не льстивыя черты изъ жизни ихъ, но они были не справедливы къ автору. Пекснифъ лицемѣръ былъ англичанинъ, потому что такой типъ можетъ быть порожденъ только англійскими нравами; такое выдержанное, глубокое, доведенное до виртуозности лицемѣрія не въ натурѣ американцевъ, да и тамъ человѣку желающему устроить свои дѣла, нѣтъ надобности прибѣгать къ нему; съ одной стороны, это путь слишкомъ медленный для такой энергической и предпріимчивой расы, съ другой молодое общество не сковало себя до такой степени цѣпями предразсудковъ, какъ старая Англія, и лицемѣріе тамъ не бываетъ такимъ условіемъ sine qua non успѣха. Диккенсъ въ этомъ романѣ оказалъ своей странѣ великую услугу, показавъ какъ она создаетъ Пекснифовъ на свое горе и развращеніе.

Около этого времени Диккенсъ принялъ дѣятельное участіе въ образованіи народа, въ устройствѣ такъ называемыхъ школъ оборванцевъ Ragged schools. Въ своей рѣчи при открытіи манчестерскаго атенеума, онъ сказалъ блестящую рѣчь объ образованіи народа, въ которой онъ доказывалъ всю неосновательность распространяемыхъ мнѣній объ опасности образованія народа и описавъ мрачную картину, видѣнную имъ недавно вмѣстѣ съ поэтомъ Лонгфелло въ ночныхъ пріютахъ Лондона, указалъ обществу на дѣйствительную опасность оставить, „тысячи созданій идти единственнымъ открытымъ имъ путемъ, не тѣмъ, который великій поэтъ зоветъ усѣяннымъ цвѣтами путемъ къ вѣчному пламени, но путемъ усѣяннымъ острыми камнями и про-

ложеннымъ невѣжествомъ". Онъ опровергаетъ обычное возраженіе, что полное невѣжество лучше обрывковъ образованія, какое можетъ быть доступно рабочимъ классомъ и доказываетъ какимъ благомъ было и самое недостаточное знаніе для людей самыхъ низкихъ слоевъ общества и самыхъ ограниченныхъ средствъ. „Оно слѣдило за звѣздами съ Фергюзономъ, заключаетъ Диккенсъ, бродило по улицамъ съ Крабомъ, и съ Аркрайтомъ бѣднымъ цирюльникомъ изъ Ланкашайра; оно было съ бѣднымъ продавцомъ свѣчь Франклиномъ, точило сапоги съ Блумфильдомъ на его чердакѣ и пахало вмѣстѣ съ Бёрсномъ; и я знаю, оно высоко поднимаетъ надъ шумомъ станковъ и стукомъ молотковъ и нашептываетъ слова бодрости и мужества въ уши работниковъ Шеффильда и Манчестера, имена которыхъ я могу назвать". Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе. Вскорѣ послѣ того одинъ рабочій, умиравшій отъ чахотки, прислалъ ему описаніе своей жизни въ формѣ разговора и просилъ его написать предисловіе, чтобы подъ покровительствомъ его имени книга разошлась и могла бы составить небольшое наслѣдство для его жены и дѣтей. Послѣ „Мартина Чёззльунта" Диккенсъ началъ чувствовать утомленіе и уѣхалъ съ семействомъ въ Швейцарію и Италію, гдѣ онъ пробылъ года два, наѣзжая въ Лондонъ на короткое время для изданія своихъ рождественскихъ разсказовъ. И постоянно въ продолженіе своей жизни Диккенсъ чувствовалъ потребность уѣзжать отъ времени до времени изъ Англіи. Хотя въ натурѣ его было очень немного байроновскаго и хотя смѣхъ его надъ бѣдностью и несовершенствомъ англійской жизни, не тотъ смѣхъ, отъ котораго какъ отъ смѣха Свифта встаютъ дыбомъ волоса, или какъ за смѣхомъ Гоголя чудится незримыя міру слезы, а смѣхъ, полный теплоты и юмора, художника находящаго примиреніе въ своихъ созданіяхъ; но тѣмъ не менѣе ему становилось порой душно среди англійской чопорной и лицемѣрной жизни, и онъ уѣзжалъ въ чужія страны столько же для того, чтобы отдохнуть отъ нея, сколько для того, чтобы видѣть новыя картины, собрать новыя впечатлѣнія. Проживъ долгое время въ Швейцаріи, онъ проѣхалъ въ Парижъ и тамъ въ 1846 г. замѣтилъ признаки приближавшейся грозы. „Время нездоровое", писалъ онъ своимъ друзьямъ изъ Парижа, жизнь котораго онъ изучилъ со всѣхъ сторонъ, посѣщая и чердаки и подвалы предмѣстья Сентъ Антуану и Моргъ; вынесенные имъ впечатлѣнія черезъ нѣсколько лѣтъ создали романъ. „Исторія двухъ городовъ".

Въ 1846 году появился выпусками романъ „Домби и сынъ", успѣхъ котораго былъ блистателенъ. Въ Домби мы видимъ неумолимаго деспота семейнаго, съ полнымъ сознаніемъ своего права губящаго все окружающее. Старый Домби положилъ все свое честолюбіе въ сына, который долженъ увѣковѣчить имя Домби. Страсно любя ребенка, онъ дѣлаетъ его несчастнымъ и ребенокъ инстинктивно удаляется отъ отца и привязывается къ сестрѣ своей Флоренсѣ, нелюбимой отцомъ. Ребенокъ умираетъ на рукахъ сестры, отворачиваясь отъ отца и благословляя сестру. Флоренса, по смерти брата переноситъ свою привязанность на отца, который начинаетъ ненавидѣть ее за привязанность къ ней Поля. Онъ сознаетъ свою несправедливость все время, но онъ хочетъ быть несправедливымъ, хотя самъ глубоко страдаетъ отъ того. Глубокимъ психологическимъ анализомъ Диккенсъ показываетъ сильную энергическую натуру, которая вся ушла на одну не крупную цѣль. Старый Домби хочетъ властвовать безгранично не только надъ жизнью, но и надъ душой своей семьи. Все покоряется ему безпрекословно, его воля законъ; ему этого мало, онъ хочетъ, чтобы и души всѣхъ зависящихъ отъ него принадлежали ему, а сынъ, въ котораго онъ положилъ всѣ надежды свои, всю свою любовь, отказываетъ ему въ привязанности. У Домби нѣтъ какъ у короля Лира королевства, все королевство его въ стѣнахъ его дома, и онъ мститъ той, которая отняла у него сердце сына. Сынъ умираетъ, онъ самъ того не зная сгубилъ его, надежды стараго Домби разбиты. Его бросаетъ вторая жена его Эдитъ — натура гордая, страстная, созданная для лучшаго; но подъ желѣзной рукой стараго Домби, лучшія силы души ея ведутъ ее къ гибели и когда старый Домби остается одинъ и видитъ кругомъ себя мертвую пустоту, въ немъ пробуждается сознаніе своей вины и съ нимъ совершается нравственный переломъ. Тэнъ нашелъ крутой переворотъ стараго Домби неестественнымъ и замѣтилъ, что этимъ испорченъ прекрасный романъ; но Тэнъ неправъ въ этомъ случаѣ, такія кряжевыя натуры, какъ старый Домби, или умираютъ или излечиваются кризисами: медленно чахнуть или медленно оправляться отъ изнурительныхъ болѣзней свойственно болѣе слабылъ натурамъ. Старому Домби остается одно утѣшеніе его Корделія — Флоренсъ.

Вернувшись въ Англію Диккенсъ поселился въ Бродстерзъ, въ томъ загородномъ домѣ, которымъ онъ такъ часто любовался ребенкомъ и

который теперь сталъ его собственностью. Онъ обезпечилъ своихъ родителей, пристроилъ братьевъ и сестеръ, избавился отъ кабалы издателей и теперь былъ освобожденъ отъ всякихъ заботъ о будущности своей семьи, потому что изданія его приносили ему значительный капиталъ. Въ 1848 году появились новыя рождественскія сказки Диккенса: „Духовидецъ" и „Сверчокъ на очагѣ". Во второй нѣтъ ничего фантастическаго; сюжетъ ея драма, которая разыгривается въ душѣ простаго извощика въ рождественскую ночь, когда онъ, на основаніи обманчивыхъ признаковъ, считалъ жену свою невѣрной и хотѣлъ убить человѣка, котораго считалъ любовникомъ ея; послѣ тяжелой борьбы, чувство мести и жажда крови смѣняется глубоко-человѣчнымъ чувствомъ къ молодой женѣ и онъ рѣшается уйти, чтобы не мѣшать ея счастія. Въ сказкѣ „Духовидецъ или договоръ съ привидѣніемъ" авторъ подъ прозрачной и поэтической аллегоріей учитъ пессимистовъ морали, что не должно отчаяваться въ жизни. Герой сказки великій химикъ, человѣкъ поглотившій всю массу земной учености, терзается воспоминаніями прошлаго. Онъ былъ жертвой страшной несправедливости въ молодости и воспоминаніе о ней бросило мрачную тѣнь на всю его жизнь. Онъ вызываетъ привидѣніе и требуетъ отъ него дара, который бы далъ ему силу жить настоящимъ — забвеніе прошлаго страданія и горя. Желанный даръ, данъ ему съ условіемъ, что онъ будетъ передавать его всѣмъ, съ кѣмъ онъ ни встрѣтится. Мы видимъ въ сказкѣ дѣйствіе этого дара на людей всѣхъ сословій и самого разнообразнаго умственнаго уровня. Мудрецъ получившій его теряетъ уваженіе къ себѣ, утративъ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о вынесенныхъ страданіяхъ и воспоминаніе о своей мужественной борьбѣ съ несчастіемъ. Люди, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, забываютъ объ услугахъ, которыя онъ имъ оказалъ, всѣ прежнія связи порваны, какъ скоро отнята у нихъ почва прошлаго; онъ видитъ себя чуждымъ всѣмъ, какъ и всѣ чужды ему. Находится одно созданіе, на котораго онъ не можетъ имѣть вліянія — маленькій, подкидышъ выросшій на улицѣ, въ которомъ развиты одни животные инстинкты. Зло его сфера; въ немъ одна жадность, ненависть и месть и мудрецъ не можетъ отнять у него ничего, потому что у него нѣтъ прошлаго и потому нѣтъ ничего человѣческаго. Мудрецъ слѣдитъ съ ужасомъ, какъ онъ ни сходитъ до уровня этого звѣря въ образѣ человѣка. Развязка проникнута гуманной идеей. Мудрецъ видитъ,

что былъ несчастливъ, потому что пренебрегъ лучшимъ даромъ жизни — любовью. Онъ встрѣчаетъ женщину жену привратника коллегіи, гдѣ онъ былъ профессоромъ, которая вынесла еще болѣе несправедливостей и страданій, нежели онъ и вмѣсто того, что бы малодушно просить дара забвенія прошлаго, вынесла изъ него желаніе облегчать страданія другихъ и въ этомъ нашла примиреніе съ жизнью. Мудрецъ примѣромъ ея учится, что и страданіе можетъ служить добру и отрекается отъ своего дара.

Эта сказка замѣчательна по своему отношенію къ психическому состоянію Диккенса. Онъ переживалъ нравственный кризисъ сходный съ тѣмъ, который пережилъ мудрецъ его сказки. У него было болѣзненное воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, когда онъ былъ чернорабочимъ у фабриканта ваксы, и онъ таилъ его отъ всѣхъ и было время, когда онъ радъ бы былъ дару мудреца. Это время прошло теперь и Диккенсъ разсказалъ объ этомъ тяжеломъ прошломъ цѣлой Англіи, въ „Давидѣ Копперфильдѣ. Онъ далъ роману форму автобіографіи, въ которой описалъ свое дѣтство и юность. Въ этомъ романѣ замѣчателенъ типъ Доры ребенка — жены. Диккенсъ осудилъ Дору на смерть и это единственное, что онъ могъ сдѣлать, чтобы сохранить въ умѣ читателей поэтическій образъ Доры; если бы онъ далъ ей прожить до зрѣлаго возраста, то вмѣсто этого поэтическаго образа прелестнаго ребенка — жены, остался бы далеко непоэтическій образъ жалкаго, пустаго, безполезнаго и плаксиваго созданія. Самъ герой утрачиваетъ, какъ и всѣ герои Диккенса, весь интересъ, какъ только онъ достигаетъ полнаго благополучія и ему остается послѣ счастливаго втораго супружества, какъ говорится въ сказкѣ, жить поживать, да добра наживать; а никакой талантъ въ мірѣ не можетъ заставить читателя заинтересоваться героемъ, ушедшимъ всецѣло въ тоже поживанье и наживанье. Въ Копперфильдѣ замѣчателенъ женскій типъ маленькой Эмили, вѣчно старый и вѣчно новый типъ Маргариты. Но судьба маленькой Эмили не оканчивается такъ трагично. Новый Свѣтъ открываетъ свои многолюдные города и селенія и свои громадныя поля и саванны для всѣхъ, кого раздавила жизнь стараго свѣта. Тамъ скрыли родные маленькой Эмилли свой позоръ; тамъ и она могла кое какъ склеить осколки жизни, разбитой прихотью барича и жизнью самоотверженія и труда искупить свои честолюбивыя мечты — сдѣлаться важной леди.

Готовя Копперфильда къ печати, Диккенсъ предпринялъ дешевое періодическое изданіе, съ цѣлью дать недостаточнымъ классамъ общества хорошее чтеніе. Это было извѣстное Household Words, въ буквальномъ переводѣ: Домашнія слова, главное достоинство, котораго состояло въ томъ, что оно пріучило народъ цѣнить умственныя наслажденія и поднимало его отъ пригнетающихъ заботъ о хлѣбѣ до человѣчнаго пониманія жизни. Это изданіе продолжалось нѣсколько лѣтъ.

Послѣ Давида Копперфильда, талантъ Диккенса вступилъ въ фазисъ полной зрѣлости и одно за другимъ появлялись такія замѣчательныя произведенія какъ „Тяжелыя времена“, картина страданій рабочаго класса во время голода и коммерческихъ кризисовъ, какими были отмѣчены 1846 и 1848 гг. „Холодный домъ“—въ которомъ Диккенсъ раскрылъ общественную язву крючкотворства и запутанности англійскихъ законовъ и судопроизводства. Онъ не обличаетъ, какъ негодующій пророкъ, не бичуетъ безпощадно бичемъ сатиры, онъ съ юморомъ художника пишетъ картину и департамента обиняковъ и образа судей, держащихся системы проволочекъ, и въ другой показываетъ рядъ человѣческихъ жизней, разбитыхъ чиновниками этого департамента и этими судьями. Юноша полный надеждъ и силъ вогнанный въ чахотку, бѣдная старушка доведенная до тихаго и забавнаго помѣшательства, и толпа обнищавшихъ отцовъ семействъ, преждевременное посѣдѣвшихъ и сгорбленныхъ отъ того, что лучшіе годы жизни прошли въ тоскливомъ ожиданіи въ залахъ департамента Обиняковъ и засѣданіи судей, держащихся системы проволочекъ. Этотъ романъ былъ смѣлымъ шагомъ для писателя. Извѣстно благоговѣйное уваженіе съ какимъ мало англійскаго общества, относится къ своимъ законамъ, и страхъ его коснуться того, что освящено преданіемъ. Каждая отмѣна стараго закона, какъ онъ бы безполезенъ или стѣснителенъ ни былъ, всегда поднимаетъ сильное волненіе; даже, когда само общество давно переросло его и перестало примѣнять, оно боится, что разъ поднявъ руку на давно истлѣвшія и разсыпающіяся въ прахъ вѣтви, поднимутъ руку и на засыхающія, которыя въ своемъ близорукому пониманіе собственныхъ выгодъ, оно еще долго хочетъ сохранить, хотя бы вѣтви эти отвлекая напрасно соки дерева, не давали ему разростаться свободно и пышно зеленѣть. Этимъ романомъ Диккенсъ нажилъ себѣ много враговъ, и когда не-

справедливые отзывы ихъ огорчали его, онъ утѣшался извѣстіями о сочувстіе, съ какимъ встрѣчали его романы въ чужихъ земляхъ. Въ числѣ многихъ писемъ высказывавшихъ это сочувствіе, онъ получилъ одно отъ извѣстнаго переводчика его романовъ Иринарха Введенскаго, превращеннаго Форстеромъ въ Тринархо Вреденскаго. Введенскій писалъ ему, что романы его читаются съ восторгомъ во всей Россіи, отъ Петербурга до Сибири, и Диккенсъ въ минуты огорченія отъ случайныхъ размолвокъ своихъ съ публикой, говорилъ, что уѣдетъ въ Сибирь гдѣ умѣютъ цѣнить его.

Въ романѣ „Большія Ожиданія" Динкенсъ является моралистомъ и психологомъ, который рядомъ сценъ то комическихъ, то глубоко патетическихъ показываетъ все развращающіе вліянія богатства. Интрига этого романа слабѣе другихъ и авторъ прибѣгаетъ въ немъ къ довольно избитымъ пружинамъ. Наслѣдникъ огромнаго состоянія возвращается изъ колоній въ Англію и пользуется ошибочными слухами о своей смерти, чтобы въ качествѣ бѣднаго секретаря заслужить любовь молодой красавицы, на которой онъ долженъ былъ жениться по завѣщанію. Красавица Бланшъ, знакомый типъ Ирины Тургенева, только значительно по мельче, рано вынесла всю тяжесть опрятной джентльменской бѣдности и любовь борется въ ней съ жаждой богатства. Старый другъ дома, которому за неявкой наслѣдника досталось наслѣдство, чтобы показать все что есть безнравственнаго въ алчности богатства, надѣваетъ маску кулака богача, который съ презрѣніемъ смотритъ на бѣдняковъ. Комедія розыгрывается такъ удачно, честный добрякъ старикъ, который и въ бѣдности дѣлился послѣднимъ съ нуждающимся, выказываетъ себя такимъ безчеловѣчнымъ скрягой, такимъ наглымъ эксплуататоромъ своего молодого секретаря, подъ именемъ котораго живетъ въ домѣ его настоящій наслѣдникъ имѣнія, что красавица возмущенная отказывается отъ богатства и выходитъ замужъ за бѣдняка. Главное достоинство романа не въ этой нравоучительной интригѣ, хотя она ведена съ обычнымъ мастерствомъ Динкенса и глубокимъ психологическимъ тактомъ, но въ сценахъ изъ быта разныхъ слоевъ общества и картинахъ бѣдности. Мы видимъ въ этомъ романѣ и чистенькую бѣдность, которая прячется отъ глазъ, терпя крупныя лишенія, чтобы только сохранить видъ порядочности, и страшную нищету подваловъ и чердаковъ; мы видимъ и подвиги

самоотверженія, тѣмъ болѣе геройскіе, что они остаются безвѣстными, что они совершаются не въ порывъ увлеченія, а почти безсознательно, какъ самое привычное обыденное дѣло, мы видимъ и страшныя злодѣйства, которыми живутъ „подонки общества", какъ хищныя птицы питающіяся падалью, и здѣсь талантъ автора поднимается до высокой степени драматизма.

Въ 1868 г. Динкенсъ еще разъ ѣздилъ въ Америку и читалъ тамъ публично свои произведенія. Онъ былъ встрѣченъ съ тѣмъ же восторгомъ и вынесъ оттуда лучшее мнѣніе объ Америкѣ, нежели въ первую поѣздку свою. Въ незначительный для жизни общества, періодъ шестнадцати лѣтъ, Диккенсъ замѣтилъ значительныя перемѣны къ лучшему. Онъ писалъ изъ Филадельфіи: „Я замѣтилъ большія перемѣны къ лучшему въ соціальномъ отношеніи, я не нашелъ ихъ въ политическомъ отношеніи. Перемѣна нравовъ замѣчательна; я нашелъ несравненно болѣе вѣжливости и терпимости со всѣхъ сторонъ". Чтенія принесли Динкенсу громадныя суммы и теперь бѣдный мальчикъ фабриканта ваксы былъ богатымъ человѣкомъ. Онъ издалъ записки о своихъ путешествіяхъ, и въ нихъ видѣнъ художникъ мастерски рисующій картины природы, юмористъ, мѣтко подмѣчающій мельчайшія черты народнаго характера и нравовъ общества, но не видѣнъ ни глубокій политикъ, ни мыслитель. Идеалы его политической жизни не особенно широки и это видно изъ романа его „Исторія Двухъ Городовъ".

Но Диккенсъ можетъ обойтись и безъ славы политика: за нимъ и безъ нея такъ много заслугъ. За нимъ глубокая человѣчность всего что онъ ни писалъ, его искренняя и глубокая любовь къ народу, ко всему что страдаетъ. Романы его открывая глаза обществу на многія вопіющія злоупотребленія, подавали поводъ къ агитаціямъ о реформахъ, и поддерживали популярность реформы съ общественномъ мнѣнія. Онъ раскрывалъ обществу глаза на разъѣдавшія его язвы лицемѣрія и поклоненія Ваалу; онъ безпощадно обличалъ мелкихъ деспотовъ, которымъ Ваалъ отдалъ въ руки жизнь другихъ людей, и которые находятъ наслажденіе давить другихъ и видѣть какъ подъ ихъ рукой трепещетъ и бьется сдавленная жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, какъ бѣдна радостями жизнь этихъ людей, какъ чужды имъ и мирное и счастіе и высшія наслажденія жизни. Идеаловъ лучшаго инаго времени Диккенсъ, какъ было выше сказано, не

даетъ. Съ одной стороны талантъ его слишкомъ реаленъ для того, съ другой онъ слишкомъ рано началъ жить практической жизнью и потому привыкъ цѣнить одни прямые ближайшіе результаты; сверхъ того онъ не былъ рожденъ мыслителемъ и всѣ противорѣчія жизни разрѣшалъ одной надеждой на нравственное усовершенствованіе человѣчества. Вотъ почему самой слабой стороной его произведеній герои его, въ которыхъ другіе писатели воплощаютъ свое міросозерцаніе: они всѣ до одного молодые люди болѣе или менѣе работящіе, болѣе или менѣе солидные или энергическіе, неизмѣнно устраивающіе свою карьеру и бракъ съ избранницей сердца. Героини его типъ честныхъ молодыхъ дѣвушекъ, преданныхъ, самоотверженныхъ, всю жизнь отдающихъ своему долгу къ семьѣ. Отъ повторенія того же мотива въ разныхъ формахъ, героини и герои становятся, наконецъ, однообразными и главный интересъ романовъ Диккенса сосредоточивается не на нихъ, но на второстепенныхъ лицахъ, представляющихъ самое богатое разнообразіе типовъ, въ которыхъ отразилось англійское общество.

Диккенсъ умеръ въ 1869 г., не докончивъ романъ „Тайна Эдвина Друда,“ въ которомъ онъ описалъ бытъ канониковъ и новую страшную сторону жизни — пьянство опіумомъ. Онъ оставилъ всему образованному міру богатое наслѣдіе своихъ романовъ, которые будутъ имѣть цѣну, пока будетъ цѣниться обществомъ живое изображеніе жизни общества и человѣчное отношеніе къ тѣмъ, кого оно обдѣлило. Если онъ не восходилъ до корня зла, если онъ не указывалъ на средство выкорчевать его, за то онъ неутомимо отсѣкалъ разраставшіяся вѣтви его и въ темномъ лѣсу зла стало свѣтлѣе отъ просѣки его. Нѣтъ ничего несправедливѣе осужденій писателя за чѣмъ онъ далъ то, а не другое, тѣмъ болѣе что такая оцѣнка совершенно произвольна и мѣняется съ каждой измѣняющейся потребностью общества. Дѣлая оцѣнку писателя нужно принять въ соображеніе, что онъ могъ дать по складу своего ума, по тѣмъ обстоятельствамъ, подъ какими складывалась развитіе его, и по степени его таланта. Диккенсъ не былъ тревожной титанической натурой, которую привлекаютъ и холодныя выси отвлеченнаго мышленія и темныя глубины вопросовъ жизни, которому было бы тѣсно въ исконномъ строѣ жизни. Онъ былъ свѣтлой, практической натурой, съ бездной энергіи, которая находила себѣ если не полный

просторъ въ рамкахъ англійской жизни, то все таки возможность жить и творить среди нея; его тѣснилъ не исконный строй жизни, его тѣснили безобразныя формы, въ которыхъ проявлялся онъ, и онъ работалъ всѣми силами на то, чтобы смѣнить эти грубыя безобразныя формы другими болѣе мягкими, человѣчными. Въ своихъ романахъ онъ боролся не со злобой вѣковъ, но со злобой дня и не разъ одерживалъ надъ нею побѣду. Диккенсъ вполнѣ сдержалъ блестящія надежды, которыя онъ подалъ своими первыми произведеніями. Онъ высоко цѣнилъ свой талантъ и не принадлежалъ ни къ писателямъ зарывавшимъ его въ землю, ни къ писателямъ истощившимъ его ради своекорыстныхъ цѣлей. Главная сила его была въ той чистой человѣчной морали, которой онъ училъ, и пока въ мірѣ будутъ Грандграйнды и Пексниффы, до тѣхъ поръ будутъ ему нужны и Диккенсы.

М. Цебрикова.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

> Нѣкоторые изъ друзей автора сказали: „Смотрите джентльмены этотъ человѣкъ негодяй; но не смотря на все это живая натура“. А молодые критики того времени, конторскіе писцы, мастеровые ученики и пр. назвали это низкимъ и подняли вой.
>
> *Фильдингъ.*

Большая часть этой повѣсти была первоначально напечатана въ періодическомъ изданіи. Когда я окончилъ ее и издалъ въ свѣтъ въ настоящей формѣ ея, три года тому назадъ, я навѣрное ожидалъ, что она вызоветъ порицанія на основаніи высоконравственныхъ соображеній въ нѣкоторыхъ высоконравственныхъ частяхъ общества. Результатъ не замедлилъ оправдать справедливость моихъ ожиданій.

Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о цѣли и предметѣ этого произведенія. Въ извѣстномъ отношеніи это даже мой долгъ, въ благодарность тѣмъ, которые сочувственно отнеслись ко мнѣ и угадали мои намѣренія, во время перваго появленія повѣсти въ свѣтъ, и которымъ, быть можетъ, будетъ пріятно видѣть, что впечатлѣніе ихъ теперь подтверждается мною.

Казалось очень грубымъ и неприличнымъ, что многіе изъ лицъ, дѣйствующихъ на этихъ страницахъ, выбраны изъ самыхъ преступныхъ и низкихъ слоевъ лондонскаго населенія, что Сайксъ — воръ, Фэгинъ—укрыватель краденыхъ вещей, что мальчики—уличные во-

ришки, а молодая дѣвушка — проститутка. Но сознаюсь, я не могу понять, почему невозможно извлечь урокъ самого чистаго добра изъ самого гнуснаго зла. Я всегда считалъ признанной и доказанной истиной, которая была указана міру самыми великими людьми, постоянно руководила лучшими и разумными натурами и была подтверждена разумомъ и опытомъ каждаго мыслящаго человѣка, что изъ самаго гнуснаго зла можно извлечь уроки добра. Я не видѣлъ причины, когда писалъ эту книгу, почему самые подонки общества, если языкъ ихъ не оскорбляетъ уха, не могутъ служить нравственнымъ цѣлямъ, по крайней столько же, сколько и сливки его. Я не сомнѣвался, что и гніющіе подонки Сентъ-Джайльса послужатъ такимъ же хорошимъ источникомъ для достиженія истины, какъ и всплывающія сливки Сентъ-Джемса.

Вотъ что было идеей руководившей меня, когда я хотѣлъ показать въ маленькомъ Оливерѣ принципъ добра, переживающій всѣ неблагопріятныя обстоятельства и, наконецъ, торжествующій и когда я обдумывалъ какого рода товарищей выбратъ ему для болѣе сильнаго испытанія, потому что сила его зависѣла отъ свойствъ тѣхъ людей, въ чьи руки онъ долженъ былъ попасть; естественно я пришелъ къ мысли о тѣхъ людяхъ, которые появляются въ этой книгѣ. Чѣмъ болѣе зрѣло обсуждалъ я этотъ предметъ съ самимъ собой, тѣмъ болѣе сильные поводы находилъ я, чтобы идти по тому пути, къ которому меня влекло. Я читалъ сотни повѣстей о ворахъ — очаровательныхъ малыхъ, большею частью очень любезныхъ, безукоризненно одѣтыхъ, съ туго набитымъ карманомъ, знатокахъ лошадей, смѣлыхъ въ обращеніи, счастливыхъ съ женщинами, героевъ за пѣсней, бутылкой, картами или костями, и достойныхъ товарищей самыхъ храбрыхъ; ни я нигдѣ не встрѣчалъ, за исключеніемъ Гогарта, страшную дѣйствительность. Мнѣ пришло на мысль, что описать кучку такихъ товарищей по преступленію, какіе дѣйствительно существуютъ, описать ихъ во всемъ ихъ безобразіи и бѣдственности, въ грязной нищетѣ ихъ жизни, показать ихъ такими какими они въ дѣйствительности шныряютъ и крадутся тревожно по самымъ грязнымъ тропамъ жизни, видя передъ собой, куда бы они ни шли, огромный, черный, страшный призракъ висѣлицы, — мнѣ пришло на мысль, что сдѣлать это значило попытаться сдѣлать то, въ чемъ общество сильно нуж-

далось, что могло принести ему извѣстную пользу. И я сдѣлалъ это и такъ хорошо какъ умѣлъ.

Во всѣхъ книгахъ, въ которыхъ говорится о подобныхъ характерахъ, считаютъ необходимымъ придавать имъ обаяніе извѣстнаго рода. Даже въ оперѣ „Нищіе“ воры ведутъ жизнь, которой скорѣе можно завидовать, а Мэкгисъ, герой окруженный всѣми обольщеніями власти и преданностью прелестной молодой дѣвушки—единственнаго чистаго дѣйствующаго лица оперы, возбуждаетъ такое же удивленіе и желаніе подражанія въ слабыхъ зрителяхъ, какъ любой джентльменъ въ красномъ мундирѣ купившій, по словамъ Вольтера, право командовать надъ тысячей, другой солдатъ и встрѣчать смерть во главѣ ихъ. Вопросъ Джонсона сдѣлается ли кто нибудь воромъ, потому что Мэкгисъ получилъ отсрочку казни, по моему не идетъ къ дѣлу. Я спрашиваю себя можетъ ли страхъ будущаго приговора къ смерти удержать кого-либо отъ воровства, и припомнивъ жизнь полную приключеній капитана, его эффектную наружность, блестящіе успѣхи и преимущества, я убѣжденъ, что ни одинъ человѣкъ, склоняющійся идти его путемъ, не будетъ предостереженъ его примѣромъ и не увидитъ въ этой оперѣ ничего другаго, кромѣ осыпанной цвѣтами дороги, приводящей достойнаго честолюбца въ концѣ извѣстнаго срока, къ дереву Тибёрна *).

Въ остроумной сатирѣ Гея на общество лежитъ общая мысль, которая заставила его быть не слишкомъ разборчивымъ въ выборѣ предметовъ въ этомъ отпошеніи и дала ему другія болѣе обширныя и высокія цѣли. Тоже самое можно сказать и о замѣчательномъ и сильно написанномъ романѣ сера Эдуарда Бульвера „Полѣ Клиффордѣ“, которому невозможно приписать никакого отношенія съ той или другой стороны къ предмету, о которомъ я говорю.

Какая жизнь выставлена на этпхъ страницахъ обыденной жизнью вора? Какія очарованія можетъ она имѣть для молодыхъ дурно направленныхъ умовъ, какія приманки для самыхъ пустоголовыхъ юношей? Здѣсь нѣтъ скачекъ по полямъ вереска при луннотъ свѣтѣ, нѣтъ пирушекъ въ уютнѣйшихъ и комфортабельнѣйшихъ въ мірѣ пещерахъ, нѣтъ очарованія эффектнаго костюма, золотыхъ выши-

*) Деревомъ Тибёрна называется по англійски висѣлица.

вокъ, кружевъ, гусарскихъ сапогъ, красныхъ кафтановъ и манжетъ, нѣтъ той удали и воли, которыя, съ незапамятныхъ временъ, придавали такое обаяніе этому пути. Полуночное скитанье по холоднымъ сырымъ улицамъ Лондона, гнилыя и мрачныя норы гдѣ тѣсно набитъ порокъ, гдѣ нѣтъ мѣста повернуться, притоны голода и болѣзней, женскія лохмотья, которыя еле держатся вмѣстѣ—въ чемъ же обаяніе такой жизни? Неужли все это не урокъ? Неужли все это не говоритъ нѣчто бо́льшее, нежели равнодушно выслушиваемое предостереженіе нравоученій?

Но есть люди, нѣжная и утонченная натура которыхъ не выноситъ зрѣлища этихъ ужасовъ; и не потому чтобы они чувствовали инстинктивное отвращеніе къ преступленію, но чтобъ ей понравиться преступники должны быть, какъ и мясо, поданы имъ подъ утонченной приправой. Какой нибудь Массарони въ зелономъ бархатѣ вполнѣ очаровательное созданіе, но Сайксъ въ байкѣ невыносимъ. Какая нибудь мистриссъ Массарони, какъ леди въ короткой юбкѣ и эффектномъ костюмѣ стоитъ того, чтобы ее воспроизводили въ картинахъ или литографіяхъ при хорошенькихъ романсахъ; но о такомъ существѣ какъ Ненси, въ ситцевомъ платьѣ и дешевомъ платкѣ — невозможно и подумать. Удивительно, какъ добродѣтель боится грязныхъ чулокъ и какъ порокъ, въ союзѣ съ развѣвающимися лентами и эффектнымъ костюмомъ, мѣняетъ свой имя, какъ вышедшая за мужа леди, и называется романомъ.

Такъ какъ одна суровая и голая истина была цѣлью этой книги, то я даже въ описаніи одежды этой, такъ прославленный въ романахъ, породы людей, не убавлю въ угоду читателямъ подобнаго рода ни одной дыры на кафтанѣ Доджера, ни одного обрывка папильотокъ въ растрепанныхъ волосахъ молодой дѣвушки. Я не вѣрю въ утонченность чувства, которая не можетъ видѣть это, и я не хочу искать себѣ послѣдователей среди подобныхъ людей. Я не имѣю никакого уваженія къ ихъ мнѣніямъ, хорошимъ или дурнымъ; я не ищу одобренія ихъ и не пишу для ихъ увеселенія. Я рѣшаюсь говорить это безъ всякаго стѣсненія, потому что я не знаю на нашемъ языкѣ ни одного писателя хоть сколько нибудь уважающаго себя, или писателя хоть сколько нибудь уважаемаго потомствомъ, который бы когда либо снизошелъ до угожденія вкусамъ этой прихотливой толпы.

Съ другой стороны, если я стану искать примѣровъ въ пред-

шественникахъ, я найду ихъ въ самыхъ благородныхъ именахъ англiйской литературы: Филадингъ, Де-Фое, Гольдсмитъ, Смоллетъ, Ричардсонъ, Макензи—всѣ они и, въ особенности, первые два ради разумныхъ цѣлей выводили на сцену подонки и отребье страны. Гогартъ —моралистъ и цензоръ своего вѣка, въ великихъ произведенiяхъ котораго время, въ которое отъ жилъ и человѣческая природа всѣхъ временъ будетъ вѣчно отражаться, Гогартъ дѣлалъ тоже самое, не уступая ни на волосъ; онъ дѣлалъ это съ силой и глубиной мысли, которыя были удѣломъ очень небольшаго числа людей до него и вѣроятно еще на долгое время будутъ удѣломъ еще меньшаго. Какъ высоко стоитъ теперь этотъ исполинъ въ уваженiи своихъ соотечественняковъ, и однако, если я оглянусь назадъ на то время когда онъ и эти люди жили, я увижу, что тотъ же упрекъ былъ поднятъ и противъ каждаго изъ нихъ поочереди, насѣкомыми дня, которые подняли свое мелкое жужжанье, умерли и были забыты.

Сервантесъ высмѣялъ испанское рыцарство, доказавъ Испанiи его невозможную, дикую нелѣпость. Моей цѣлью было, въ моей болѣе скромной и далеко отстоящей отъ нихъ сферѣ, помрачить ложный блескъ, окружающiй то, что существовало въ дѣйствительности, показавъ его во всей его непривлекательной и отталкивающей истинѣ. Сообразуясь съ обычаями моего времени, столько же сколько и съ собственнымъ вкусомъ, я старался описывая выбранную жизнь во всемъ ея униженiи и паденiи, не допустить на уста даже самаго развращеннаго дѣйствующаго лица, котораго я вводилъ, какое бы то ни было выраженiе, могущее оскорбить слухъ читателя; я предпочелъ вести къ неизбѣжному выводу, что эта жизнь самая низкая и порочная, нежели доказывать это словами и поступками дѣйствующихъ лицъ. Я имѣлъ это постоянно въ виду, особенно по отношенiю къ молодой дѣвушкѣ. На сколько это видно изъ разсказа и въ какой мѣрѣ это исполнено, я предоставляю судить читателямъ.

Въ отношенiи молодой дѣвушки было сдѣлано замѣчанiе, что привязанность ея къ грубому вору кажется неестественной; равно было замѣчено насчетъ Сайкса, — и смѣю думать съ нѣкоторой неосновательностью — что онъ написанъ слишкомъ рѣзкими преувеличенными чертами, потому что въ немъ нѣтъ тѣхъ искупающихъ чертъ, которыя нашли неестественными въ его возлюбленной. На послѣднее возраженiе я только замѣчу, что я боюсь, есть на свѣтѣ

нечувствительныя и черствыя натуры, которыя, наконецъ, становятся вполнѣ и невозвратно порочными. Но такъ ли это или нѣтъ въ дѣйствительности, въ одномъ я убѣжденъ, что существуютъ такіе люди какъ Сайксъ, которые если внимательно прослѣдить жизнь ихъ въ продолженіи того же срока времени и при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, не покажутъ ни взглядомъ, ни мгновеннымъ поступкомъ самаго слабаго намека на лучшую природу. Вымерло ли въ груди ихъ всякое мягкое человѣческое чувство, или трудно отыскать въ нихъ ту струну, которая могла бы отозваться, или струна эта, заржавѣла, я незнаю, но что подобный фактъ существуетъ—я убѣжденъ.

Безполезно было бы входить въ препирательство о томъ, поведеніе и характеръ молодой дѣвушки естественны или нѣтъ, правдоподобны или неправдоподобны, хороши или дурны. Они истинны. Каждый, кто слѣдилъ за этими темными тѣнями жизни, признаетъ это. Задолго еще передъ тѣмъ, какъ я началъ писать, я угадалъ эту истину по тому, что я часто видѣлъ или читалъ, въ дѣйствительности окружавшей меня; я, въ продолженіи многихъ лѣтъ, выслѣдилъ ее по многимъ путямъ разврата и нашелъ ее вездѣ одной и той же. Начиная съ перваго появленія несчастной въ романѣ, до той минуты, когда она опускаетъ свою окровавленную голову на грудь разбойника, нѣтъ ни одного слова преувеличеннаго или ложнаго. Это, торжественно говорю, Божія истиня, потому что это истина. Добро живетъ и въ такихъ несчастныхъ и развращенныхъ сердцахъ; надежда еще остается, какъ послѣдняя чистая капля воды на днѣ высохшаго, поросшаго плевелами родника. Оно проникаетъ и лучшія и худшія тѣни нашей общей природы, многія изъ самыхъ безобразныхъ красокъ ея, какъ и самыя прекрасныя; это покажется противорѣчіемъ, аномаліей, невозможностью, но это *истина*. И какъ скоро она подвергается сомнѣнію, то это служитъ положительнымъ доказательствомъ того, что нужно говорить ее.

Девоншайръ-Террэсъ.

Апрѣля 1841.

ГЛАВА I.

Разсказываетъ о мѣстѣ рожденія Оливера Твиста и объ обстоятельствахъ сопровождавшихъ его рожденіе.

Въ числѣ публичныхъ зданій, одинъ городокъ, имя котораго по многимъ обстоятельствамъ благоразумно умолчать и которому я не дамъ никакого вымышленнаго имени, хвалился зданіемъ, которое найдется въ большей части городовъ, большихъ или маленькихъ,— рабочимъ домомъ. Въ этомъ рабочемъ домѣ родился въ день и число, о которыхъ я не имѣю надобности упомянуть, тѣмъ болѣе, что не представляетъ никакой важности для читателя, въ особенности на этой ступени разсказа, знать итогъ жизни смертнаго, имя котораго выставлено въ началѣ этой главы. Долгое времa спустя послѣ той минуты, когда онъ былъ введенъ приходскимъ врачемъ въ этотъ міръ скорби и тревоги, было крайне сомнительно доживетъ ли ребенокъ до того, чтобы носить какое бы то ни было имя; въ послѣднемъ случаѣ болѣе нежели вѣроятно, что это описаніе жизни его никогда не появилось бы въ свѣтъ, или, если бы оно появилось, то заключаясь въ парѣ страницъ, обладало бы неизцѣненнымъ достоинствомъ самаго сжатаго и вѣрнаго образчика біографіи, существующаго въ литературѣ, какой бы то ни было страны или времени. Хотя я ни чуть не расположенъ утверждать, что родиться въ рабочемъ домѣ — самый счастливый и завидный удѣлъ, какой можетъ выпасть на долю человѣческаго существа, я долженъ сказать, что это особенное обстоятельство было лучшимъ изо всего, что могло бы

случиться съ Оливеромъ Твистомъ. Дѣло въ томъ, что представилось значительное затрудненіе заставить Оливера Твиста взять на себя обязанность дыханія — очень несносную обязанность, но которую привычка сдѣлала необходимой для нашего безбѣднаго существованія: онъ нѣсколько времени лежалъ задыхаясь на маленькомъ ватномъ тюфячкѣ, въ колеблющемся положеніи между здѣшнимъ міромъ и замогильнымъ, и вѣсы склонялись рѣшительно на сторону послѣдняго. И если бы впродолженіе этого короткаго срока Оливеръ былъ окруженъ заботливыми бабушками, испуганными тетушками, опытными нянськами и глубоко учеными докторами, его неизбѣжно и несомнѣнно бы уморили въ самомъ непродолжительномъ времени. Но такъ какъ при немъ не было никого кромѣ нищей старухи, сознаніе которой было нѣсколько туманно вслѣдствіе непривычной порціи пива, и приходскаго доктора, который исполнялъ свою обязанность по контракту, то Оливеръ и природа могли на свободѣ бороться за жизнь. Въ результатѣ оказалось, что послѣ нѣсколькихъ схватокъ, Оливеръ вздохнулъ, чихнулъ и принялся заявлять обитателямъ рабочаго дома фактъ, что новое бремя было въ лицѣ его наложено на приходъ, крикомъ настолько громкимъ, сколько того можно было ожидать отъ ребенка мужескаго пола, который вступилъ въ обладаніе этой весьма полезной принадлежностью человѣка—голосомъ, не болѣе, какъ три минуты съ четвергью.

Когда Оливеръ далъ это первое доказательство свободнаго и приличнаго употребленія своихъ легкихъ, одѣяло изъ шитыхъ лоскутьевъ, небрежно накинутое на желѣзную кровать, зашевелилось, блѣдное лицо молодой женщины слегка приподнялось съ подушки и слабый голосъ съ трудомъ произнесъ эти слова: „Дайте мнѣ взглянуть на ребенка и умереть.“

Докторъ сидѣлъ обернувшись лицомъ къ камину, поочередно то грѣя, то потирая руки, но когда молодая женщина заговорила, онъ всталъ и подойдя къ изголовью ея, сказалъ съ большей добротою, нежели какую можно было ожидать отъ него:

— О, вы не должны еще говорить о смерти.

— Да благословитъ Господь, сердечную, нѣтъ, подтвердила сидѣлка, поспѣшно суя въ карманъ зеленую стеклянную бутылку, содержимое которой она вкушала въ уголкѣ съ очевиднымъ удовольствіемъ. Да благословитъ Господь сердечную. Когда она проживетъ

съ мое, серъ, и будетъ имѣть своихъ тринадцать человѣкъ дѣтей, какъ я, и всѣ они помрутъ кромѣ двухъ,—и тѣ въ рабочемъ домѣ со мной, — она не будетъ убиваться такъ, благослови Господь сердечную! Подумайте только, что значитъ быть матерью, милая молодая овечка, подумайте.

Вѣроятно эта утѣшительная будущность матери, которую показали ей, не произвела ожидаемаго дѣйствія. Больная покачала головой и протянула руку къ ребенку. Докторъ положилъ его на руки ей.

Она страстно прижала холодныя побѣлѣвшія губы къ его лбу, провела рукой по лицу его, дико оглянулась кругомъ, задрожала, упала навзничь—и умерла. Докторъ и сидѣлка растирала ей грудь, виски, руки, но кровь застыла навсегда. Они говорили слова надежды и утѣшенія; но надежда и утѣшеніе стали ей чужды, навѣки, какъ и были всегда.

— Все кончено м-съ Сингёмми, сказалъ наконецъ докторъ.

— Ахъ, бѣдняжка, такъ, все кончено, сказала сидѣлка, подбирая пробку отъ зеленой бутылки, упавшую на подушку, когда она наклонилась взять ребенка.—Бѣдное дитя.

— Вамъ незачѣмъ посылать за мной, сидѣлка, если дитя будетъ кричать, сказалъ докторъ надѣвая теплый сюртукъ съ величайшей осмотрительностью:—Вѣроятно ребенокъ будетъ безпокоенъ, то дайте ему немного кашки. Онъ надѣлъ шляпу и по дорогѣ къ двери, остановясь у кровати, прибавилъ:—Она была красивой женщиной. Откуда она пришла?

— Ее принесли сюда по приказанію надзирателя, отвѣчала старуха. Ее нашли лежавшей на улицѣ; видно она пришла издалека, потому что ея башмаки были всѣ въ дырахъ. Но никто не знаетъ откуда она пришла.

Докторъ наклонился надъ тѣломъ и приподнялъ лѣвую руку.

— Старая исторія, вымолвилъ онъ, покачавъ головой:—я вижу нѣтъ обручальнаго кольца. Доброй ночи.

Докторъ ушелъ обѣдать, а сидѣлка, еще разъ приложившись къ зеленой бутылкѣ, сѣла на низкій стулъ къ огню и принялась одѣвать ребенка.

И какой поразительный примѣръ силы одежды представилъ юный Оливеръ Твистъ. Завернутый въ одѣяло, которое до этой минуты составляло его единственный покровъ, онъ могъ бы быть при-

нятъ и за сына аристократа и за сына нищаго; и для самаго гордаго нобльмена, незнавшаго его исторіи, было бы невозможно опредѣлить его положеніе въ обществѣ. Но теперь когда его одѣли въ старыя коленкоровыя блузы, пожелтѣвшія отъ употребленія, онъ былъ отмѣченъ и занумерованъ и разомъ зянялъ свое мѣсто — ребенка на попеченіи прихода, сироты рабочаго дома, смиреннаго, до половины замореннаго голодомъ горемыки, обреченнаго выносить толчки, пробивая дорогу въ свѣтѣ, котораго всѣ презирали и никто не жалѣлъ.

Оливеръ кричалъ въ волю. Но если бы онъ зналъ, что онъ сирота, оставленный на нѣжныя попеченія приходскихъ старостъ и надзирателей, можетъ быть, онъ кричалъ бы еще громче.

ГЛАВА II.

Гдѣ говорится о ростѣ, воспитаніи и содержаніи Оливера Твиста.

Въ послѣдующіе восемь или десять мѣсяцевъ Оливеръ былъ жертвой систематическаго плутовства и обмана — его вскормили „отъ руки.“ О голодѣ и бѣдственномъ положенія юнаго сироты должнымъ порядкомъ было донесено властями рабочаго дома приходскимъ властямъ. Приходскія власти сдѣлали съ подобающимъ достоинствомъ запросъ властямъ рабочаго дома, о томъ не найдется ли женщины живущей въ „домѣ“, которая бы взяла на себя доставлять Оливеру Твисту тотъ родъ пищи и уходъ, которые были ему наиболѣе нужны. Власти рабочаго дома отвѣтили съ подобающимъ смиреніемъ, что таковой женщины не оказалось. На это приходскія власти великодушно и человѣчно порѣшили, что Оливера сдѣдуетъ отдать на ферму, или, говоря другими словами, что его слѣдуетъ отправить въ рабочій домъ, составляющій вѣтвь того, въ которомъ онъ увидѣлъ свѣтъ и находящійся мили за три, въ которомъ двадцать или тридцать юныхъ нарушителей закона о бѣдныхъ не обре-

мененные ни излишкомъ пищи ни излишкомъ одежды, катались по полу цѣлые дни подъ материнскимъ надзоромъ пожилой женщины, принимавшей на свое попеченіе юныхъ нарушителей за семь съ половиною пенсовъ съ маленькой головы въ недѣлю. Но семь пенсовъ съ половиною въ недѣлю круглымъ счетомъ содержанія не дурное положеніе—его достаточно на то, чтобы обременить желудокъ и сдѣлать ребенка нездоровымъ. Но пожилая женщина была умудрена опытомъ, она знала, что полезно для дѣтей, и она обладала точнымъ знаніемъ того, что полезно для нея самой — и такъ она присвоила большую часть недѣльнаго положенія для собственнаго употребленія и обрекла подростающее приходское поколѣніе на положеніе еще болѣе умѣренное нежели то, которое было первоначально ассигновано ему; открывъ тѣмъ самымъ подъ низкимъ уровнемъ еще нижайшій и выказавъ себя великимъ естествоиспытателемъ.

Всѣмъ извѣстенъ другой великій естествоиспытатель, создавшій великую теорію о томъ, что лошадь можетъ существовать безъ пищи, и который блистательно доказалъ это тѣмъ, что довелъ свою лошадь до порціи пищи по соломинкѣ на день и несомнѣнно бы воспиталъ изъ нея очень горячее и бойкое животное не питавшееся ни чѣмъ, если бы она не издохла равно за двадцать четыре часа передъ тѣмъ, какъ ей слѣдовало получитъ первую вкусную порцію чистаго воздуха. Къ несчастію для опытовъ естествоиспытанія женщины, заботливымъ попеченіямъ которой Оливеръ Твистъ былъ порученъ, подобный же результатъ обыкновенно увѣнчивалъ дѣйствія ея системы: въ тотъ самый моментъ, когда ребенокъ ухитрялся существовать на наивозможно меньщее количество наивозможно менѣе питательной пищи, неизмѣнно злокозненно случалось восемь съ половиной разъ изъ десяти, что онъ или чахъ отъ голода и холода, или попадалъ по неосторожности въ огонь, или былъ задушенъ по несчастной случайности, и въ каждомъ изъ подобныхъ обстоятельствъ несчастныя маленькія существа были обыкновенно отозваны въ другой міръ и тамъ встрѣчали своихъ отцовъ, которыхъ они никогда не знали въ этомъ мірѣ.

По временамъ, когда производилось необычайно строгое разслѣдованіе о приходскомъ ребенкѣ, котораго по недосмотру перевернули вмѣстѣ съ тюфякомъ, оправляя постель, или нечаянно обварилии до смерти, когда мыли, хотя послѣдній случай былъ очень рѣдокъ, —

такъ какъ что-либо похожее на мытье было необычайнымъ событіемъ на фермѣ, — присяжные забирали себѣ въ голову дѣлать затруднительные запросы, или прихожане обуянные духомъ возмущенія выставляли свои подписи подъ протестомъ; но этимъ дерзновеннымъ покушеніямъ былъ скоро положенъ конецъ свидѣтельствомъ доктора и показаніями приходскаго сторожа; первый изъ нихъ вскрывалъ тѣло и не находилъ ничего во внутренностяхъ, (что и слѣдовало ожидать) и послѣдній неизмѣнно показывалъ подъ присягой то, чего требовали приходскія власти, что показывало его преданность приходу. Сверхъ того, члены коммисіи попечителей въ извѣстные сроки посѣщали ферму и всегда посылали сторожа, чтобы объявить за день о своемъ прибытіи. Дѣти были такъ чисты и опрятны, что пріятно было взглянуть на нихъ, когда они пріѣзжали, и чего же больше нужно было народу?

Невозможно было ожидать, чтобы система воспитанія на фермѣ могла дать необыкновенную и роскошную жатву. Девятый день рожденія Оливера Твиста засталъ его блѣднымъ худымъ ребенкомъ, нѣсколько миніатюрнымъ по росту и несомнѣнно крошечнымъ по окружности. Но природа или наслѣдственность вложили здоровый крѣпкій духъ въ маленькаго Оливера; и этомъ духу было много простора для развитія, потому что плоть, благодаря умѣренной пищи заведенія, не могла отягощать его, и быть можетъ исключительно этой крѣпости и слѣдуетъ приписать то, что онъ увидѣлъ девятый день рожденія. Но почему бы то ни было, онъ увидѣлъ девятый день своего рожденія, и онъ справлялъ его въ подвалѣ для угольевъ въ избранномъ обществѣ двухъ юныхъ джентльменовъ, которые раздѣливъ съ нимъ здоровую порку, были заперты тамъ за то, что злодѣйски увѣряли, будто они голодны въ ту самую минуту, когда м-съ Мэннъ, хозяйка заведенія была переполошившись неожиданнымъ появленіемъ м-ра Бёмбля приходскаго сторожа, который напрасно силился отворить садовую калитку.

— Боже милостивый! Вы-ли это м-ръ Бёмбль, сэръ? вскричала м-съ Мэннъ, высунувъ голову въ окно въ мастерски сыгранномъ порывѣ восторга.

— (Сусанна, тащи Оливера и обоихъ мальчишекъ на верхъ и вымой ихъ).

— Сердце мое! М-ръ Бёмбль, какъ я рада васъ видѣть, пра-а-во!

М-ръ Бёмбль былъ жирнымъ и холерическимъ джентльменомъ, и вмѣсто того, чтобы отвѣчать на такое искренное и радушное привѣтствіе въ томъ же тонѣ, онъ страшно потрясъ задвижку и затѣмь далъ ей такой пинекъ, который не могъ быть данъ ни чьей другой ногой кромѣ ноги приходскаго сторожа.

— Господи, кто бы могъ подумать! и м-съ Мэннъ выбѣжала на встрѣчу — три мальчика уже были въ это время уведены куда слѣдовало, — кто бы могъ подумать. Я забыла, что калитка заперта изнутри; это для нашихъ милыхъ малютокъ. Войдите, сэръ, войдите, прошу васъ, м-ръ Бёмбль, войдите, сэръ.

Хотя приглашеніе это сопровождалось книксеномъ, который могъ бы смягчить сердце любаго приходскаго старосты, оно ничуть не смягчило приходскаго сторожа.

— Вы полагаете, что прилично и почтительно заставлять приходскихъ чиновниковъ дожидаться у вашей садовой калитки, когда они являются сюда по приходкимъ дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ приходскимъ дѣтямъ? Понимаете-ли вы, м-съ Мэннъ, что вы, я могу сказать, лицо облеченное довѣренностью прихода и получающее отъ него жалованье.

— Увѣряю васъ, м-ръ Бёмбль, что я только что говорила двумъ тремъ милымъ малюткамъ, которыхъ вы такъ любите, что вы должны скоро пріѣхать, отвѣчала м-съ Мэннъ съ величайшимъ смиреніемъ.

М-ръ Бёмбль имѣлъ очень высокое мнѣніе о своемъ ораторскомъ талантѣ и своемъ значеніи. Онъ выказалъ первое и поддержалъ второе, и потому могъ смягиться.

— Хорошо, хорошо, м-съ Мэнъ, отвѣчалъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ: — пусть будетъ какъ вы говорите. Ведите меня, м-съ Мэннъ, я прибылъ по дѣлу, и имѣю нѣчто сообщить вамъ.

М-съ Мэннъ ввела сторожа въ небольшую гостинную съ кирпичнымъ поломъ, придвинула ему стулъ и предупредительно положила его треуголку и трость передъ нимъ на столъ. М-ръ Бёмбль отеръ со лба потъ выступившій отъ ходьбы, самодовольно вгзлянулъ на треуголку и улыбнулся: и приходскій сторожъ — человѣкъ, и м-ръ Бёмбль улыбнулся.

— Теперь, не взыщите на то, что я вамъ скажу, замѣтила м-съ Мэннъ съ самой очаровательной нѣжностью. Я знаю, вы пришли

издалека, не то я бы ни слова не сказала объ этомъ. Не выпьете-ли вы капельку чего-нибудь подкрѣпляющаго, м-ръ Бёмбль?

— Ни одной капли, ни одной капли, сказалъ м-ръ Бёмбль, помахивая правой рукой полнымъ достоинства и спокойнымъ движенiемъ.

— Я думаю, что вы выпьете, настаивала м-съ Мэнъ, замѣтившая тонъ отказа и сопровождавшiй его жестъ. — Только одну маленькую каплю, немного холодной воды съ кускомъ сахару.

М-ръ Бёмбль кашлянулъ.

— Только крошечную капельку, сказала убѣдительно м-съ Мэннъ.

— Что это такое? спросилъ м-ръ Бёмбль.

— О, я должна всегда держать немного этого дома, чтобы давать благословеннымъ малюткамъ, когда они больны, м-ръ Бёмбль, отвѣчала м-съ Мэннъ, открывая угловой шкапъ и доставая бутылку и стаканчикъ. Это джинъ.

— Вы даете дѣтямъ джинъ, м-съ Мэннъ? спросилъ м-ръ Бёмбль, слѣдя глазами за интереснымъ процессомъ смѣшенiя водки сг водой.

— Ахъ! Да благословитъ ихъ Господь, я даю имъ сэръ, какъ это ни дорого обходится, отвѣчала надзирательница. Я бы не могла видѣть, какъ они страдаютъ передъ моими собственными глазами, вы поймете меня, сэръ.

— Нѣтъ, отозвался одобрительно м-ръ Бёмбль, нѣтъ, вы бы не могли, вы сострадательная женщина, м-съ Мэннъ. (Тутъ она поставила стаканчикъ). Я воспользуюсь первымъ случаемъ упомянуть объ этомъ въ коммисiи м-съ Мэннъ. (Онъ придвинулъ стаканъ). У васъ чувства матери, м-съ Мэннъ. (Онъ помѣшалъ джинъ и воду). Я, я пью ваше здоровье съ удовольствiемъ, м-съ Мэннъ, и онъ проглотилъ половину стаканчика.

— Теперь о дѣлѣ, сказалъ м-ръ Бёмбль, доставая кожаный бумажникъ. Ребенку, котораго окрестили Оливеромъ Твистомъ, сегодня минуло девять лѣтъ.

— Да благословитъ его Богъ! вскричала м-съ Мэннъ, натирая до красна глаза концомъ передника.

— И не смотря на обѣщанную награду въ десять фунтовъ, которая была впослѣдствiе возвышена на двадцать, не смотря на величайшiя, и я могу сказать, сверхъ естественныя усилiя со стороны прихода, сказалъ м-ръ Бёмбль, — мы не могли открыть кто его отецъ, или какое было положенiе его матери, имя ея, или сословiе.

М-съ Мэннъ воздѣла къ потолку руки въ изумленіи и затѣмъ прибавила послѣ минутнаго размышленія: — Какъ же это у него есть имя?

Приходскій сторожъ гордо выпрямился и сказалъ: — Я выдумалъ его.

— Вы, м-ръ Бёмбль?

— Я, м-съ Мэннъ. Мы даемъ имена нашимъ найденышамъ по алфавитному порядку. Послѣдній передъ нимъ былъ отмѣченъ буквой С, я назвалъ его Суеббль. Его внесли подъ буквой Т, я назвалъ его Твистомъ. Слѣдующій за нимъ будетъ названъ Унвинъ, а слѣдующій за тѣмъ Вилькинсъ. У меня уже заготовлены имена до конца алфавита и снова—сначала до конца его, когда мы дойдемъ до буквы Z.

— О вы совершенный литераторъ, сэръ! вскричала м-съ Мэннъ.

— Хорошо, хорошо, замѣтилъ сторожъ, видимо польщенный комплиментомъ, можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ могу имъ быть, можетъ быть, м-съ Мэннъ. Онъ допилъ джинъ съ водой и прибавилъ: — Оливеръ теперъ слишкомъ великъ, чтобы оставаться здѣсь, комитетъ порѣшилъ снова взять его въ рабочій домъ, и я пришелъ, чтобы привести его; такъ я хочу сейчасъ видѣть его.

— Я сейчасъ приведу его, сказала м-съ Мэннъ, уходя изъ комнаты.

Оливеръ, съ котораго настолько счистили верхній слой грязи, засохшій корой на его лицѣ и рукахъ, сколько можно было соскоблить въ одномъ мытьѣ, былъ введенъ въ комнату своей благодѣтельной покровительницей.

— Поклонитесь джентльмену, Оливеръ, сказала м-съ Мэннъ.

Оливеръ отвѣсилъ поклонъ, который былъ раздѣленъ между приходскимъ сторожемъ и треугольной шляпой лежавшей на столѣ.

— Хотите-ли вы идти со мной, Оливеръ? спросилъ м-ръ Бёмбль величественнымъ тономъ.

Оливеръ хотѣлъ было сказать, что онъ готовъ идти съ кѣмъ бы то ни было съ величайшей готовностью, но поднявъ глаза, онъ увидѣлъ м-съ Мэннъ, которая встала за стулъ приходскаго сторожа, и съ самымъ свирѣпымъ выраженіемъ, потрясала кулакомъ; Оливеръ разомъ понялъ намекъ, потому что кулакъ такъ часто оставлялъ свои слѣды на его тѣлѣ, что не могъ не оставить глубокіе слѣды въ его памяти.

— Пойдетъ она со мной? спросилъ бѣдный Оливеръ.

— Нѣтъ, она не можетъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль:—но она придетъ иногда навѣстить васъ.

Это не могло быть большимъ утѣшеніеми для ребенка; но какъ онъ ни былъ малъ, у него хватило смысла выказать притворное чувство большаго огорченія при извѣстіи о разлукѣ. Для мальчика оказалось очень не труднымъ дѣломъ вызвать слезы на глаза. Голодъ и недавніе вынесенные побои отличные пособники нагнать слезы на глаза, если вы хотите плакать, и Оливеръ расплакался совершенно естественно. М-съ Мэннъ наградила его тысячо объятій и, что несравненно болѣе нужно было Оливеру, кускомъ хлѣба съ масломъ, для того, чтобы онъ не показался слишкамъ затореннымъ голодомъ, когда придетъ въ рабочій домъ. Съ ломтемъ хлѣба въ рукѣ и маленькой коричневой суконной шапкой приходскихъ дѣтей на головѣ, Оливеръ былъ уведенъ м-ромъ Бёмблемъ изъ несчастнаго дома, гдѣ ни одно доброе слово или взглядъ не освѣтили мракъ его дѣтскихъ годовъ. И однако онъ залился горькими дѣтскаго горя, когда садовая калитка затворилась за нимъ. Какъ ни были жалки маленькіе товарищи несчастія, которыхъ онъ оставлялъ позади себя, они были единственными друзьями, какихъ онъ зналъ, и чувство собственнаго одиночества въ великомъ далекомъ свѣтѣ въ первый разъ запало въ сердце ребенка.

М-ръ Бёмбль шелъ большими шагами, и Оливеръ, крѣпко захвативъ его выложенный золотымъ галуномъ обшлагъ, плелся рядомъ съ нимъ, спрашивая въ концѣ каждой четверти мили: „близко-ли они туда“, на каковые вопросы м-ръ Бембль отвѣчалъ короткимъ фырканьемъ, потому что временная мягкость, которую джинъ съ водой пробуждаетъ въ нѣкоторыхъ сердцахъ, къ этому времени уже испарилась, и онъ снова былъ приходскимъ сторожемъ.

Оливеръ не успѣлъ пробыть въ стѣнахъ рабочаго дома и четверти часа и едва успѣлъ покончить съ истребленіемъ втораго ломтя хлѣба, когда м-ръ Бёмбль, передавшій его при входѣ попеченіямъ одной старухи, вернулся и замѣтивъ, что сегодня засѣданія комитета, объявилъ ему, что комитетъ приказалъ ему явиться немедленно въ свое присутствіе.

Не имѣя очень яснаго понятія о томъ, что значилъ живой ко-

митетъ *), Оливеръ былъ изумленъ этимъ извѣтіемъ и не зналъ, что онъ долженъ дѣлать, смѣяться или плакать. Но ему некогда было думать объ этомъ, потому что м-ръ Бёмбль далъ ему одинъ ударъ тростью по головѣ, чтобы встряхнуть его, другой въ спину, чтобы прибодрить его и, приказавъ ему идти за собой, повелъ его въ большую выбѣленную горницу, гдѣ восемь или десять жирныхъ джентльменовъ сидѣли вокругъ стола, за верхнимъ концомъ котораго, въ креслѣ повыше остальныхъ, сидѣлъ необычайно жирный джентльменъ, съ очень круглымъ и краснымъ лицомъ.

— Поклонитесь комитету, сказалъ Бёмбль.

Оливеръ смахнулъ рукой двѣ три слезинки и, не видя другой доски, кромѣ стола, къ счастью догадался поклониться ему.

— Какъ ваше имя мальчикъ? спросилъ джентльменъ сидѣвшій въ высокомъ креслѣ.

Оливеръ былъ перепуганъ видомъ множества джентльменовъ, который заставитъ его задрожать, а приходскій сторожъ далъ ему новый ударъ въ спину, который заставилъ его заплакать; обѣ эти причины дѣйствуя совокупно, заставили его отвѣчать очень тихимъ и колеблющимся голосомъ; на что одинъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ сказалъ, что онъ дуракъ, что было очень дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы ободрить его и заставить чувствовать себя совершеннно свободнымъ.

— Мальчикъ, сказалъ джентгьменъ въ высокомъ креслѣ, слушайте меня. Вы знаете, что вы сирота, я полагаю.

— Что это такое, сэръ? спросилъ Оливеръ.

— Этотъ мальчикъ дуракъ, я такъ и думалъ, произнесъ самымъ рѣшительнымъ тономъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, и если членъ одного сословія можетъ когда-либо быть осѣненнымъ духомъ прозрѣнія въ душу другихъ сословій той же породы, то джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ былъ безспорно вполнѣ способенъ произнести такой рѣшительный приговоръ.

— Ш-шъ! произнесъ джентльменъ, который первымъ заговорилъ. Вы знаете, мальчикъ, что у васъ нѣтъ ни отца ни матери и что вы были воспитаны приходомъ, неправда-ли?

---

*) Здѣсь непереводимая игра словъ. Board означаетъ по англійски комитетъ и то же board доска.

— Да сэръ, отвѣчалъ Оливеръ горько плача.

— Объ чемъ же вы плачете? спросилъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ. И, безъ сомнѣнія, это было въ высшей степени странно: объ чемъ могъ плакать этотъ мальчикъ?

— Я надѣюсь вы читаетѣ ваши молитвы каждый вечеръ, сказалъ другой джентльменъ грубымъ голосомъ, и что вы молитесь за людей, которые кормятъ васъ пекутся о васъ, исполняя долгъ христіанина.

— Да сэръ, прошепталъ мальчикъ.

Говорившій джентльменъ безсознательно сказалъ правду. Это значило бы исполнить долгъ христіанина и очень хорошаго христіанина, если бы Оливеръ молился за людей, которые кормили его и пеклись о немъ. Но онъ не молился, потому что никто не училъ его тому.

— Хорошо, вы приведены сюда, чтобы васъ воспитали и обучили полезному ремеслу, сказалъ краснолицый джентльменъ въ высокомъ креслѣ.

— И вы начнете щипать пеньку завтра утромъ въ шесть часовъ, сказалъ суровый джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

За соединеніе обоихъ благъ — воспитанія и обученія полезному ремеслу въ одномъ несложномъ процессѣ щипанія пеньки, Оливеръ низко поклонился по указанію приходскаго сторожа и былъ выведенъ въ большую комнату, напоминавшую больничную палату, гдѣ на жесткой и грубой постелѣ онъ дорыдался до сна. Какое высокое доказательство милосердныхъ законовъ нашей благословенной страны! — они позволяютъ бѣднякамъ спать.

Бѣдный Оливеръ. Не думалъ онъ, когда онъ спалъ въ блаженномъ невѣдѣніи всего происходившаго вокругъ него, что въ этотъ самый день комитетъ принялъ рѣшеніе, которое должно было имѣть самое важное вліяніе на его будущую судьбу. Да комитетъ принялъ его и оно было слѣдующее:

Члены этого комитета были очень мудрыми, глубокими философами, и когда они наконецъ обратили свое вниманіе на рабочій домъ, они разомъ увидѣли то, чего обыкновенные смертные никогда не открыли бы: — что бѣдняки любятъ его! Рабочій домъ былъ настоящимъ мѣстомъ общественныхъ увеселеній — трактиромъ, въ которомъ все получали даромъ—завтракъ, обѣдъ, чай и ужинъ круглый

годъ, -- элизіумомъ изъ кирпича и известки, въ которомъ круглый годъ праздникъ и нѣтъ работы. „Ого“, сказалъ комитетъ съ глубокомысленнымъ видомъ: „мы настоящіе люди, что бы положить этому конецъ, мы положимъ всему конецъ сейчасъ же“. И для того они постановили правило, что всѣмъ бѣднякамъ будетъ предоставлено на выборъ, (потому что они никого не хотѣли принуждать, нѣтъ они были не способныя на это), или медленное голоданье отъ порядковъ рабочаго дома, или быстрое внѣ стѣнъ его. Имѣя эту цѣль въ виду, они заключили съ содержателями водопроводовъ контрактъ о неограниченной доставкѣ воды, а съ торговцемъ хлѣбомъ, другой о періодической поставкѣ небольшаго количества овсяной муки, и ежедневно выдавали по три трапезы жидкой кашицы, два раза въ недѣлю съ приправкой муки и полу-булкой по воскресеньямъ. Они дѣлали и множество другихъ равно мудрыхъ и человѣчныхъ постановленій относившихся къ женщинамъ, но о которыхъ нѣтъ надобности упоминать; они сострадательно взяли на себя разводить женатыхъ бѣдняковъ, имѣя въ виду высокія судебныя издержки въ судѣ; и вмѣсто того, чтобы давать средства человѣку содержать свою семью, какъ они до сихъ поръ дѣлали, они порѣшили отнять у него семью и сдѣлать его холостякомъ. Трудно сказать, сколько появилось бы изо всѣхъ классовъ общества просителей о помощи, ради этихъ двухъ послѣднихъ условій, если бы только они не были соединены съ рабочимъ домомъ; но члены комитета были дальновидные люди и они предвидѣли это затрудненіе. Освобожденіа отъ брака было неразрывно связано съ рабочимъ домомъ и кашицей и это запугивало просителей.

Въ первые шесть мѣсяцевъ послѣ перехода Оливера въ рабочій домъ, эта система была въ полномъ дѣйствіи. Сначала она обошлась довольно дорого, вслѣдствіе увеличенія счетовъ гробовщика и необходимости отдавать ушивать платье всѣхъ бѣдняковъ, которое мѣшкомъ висѣло на ихъ исхудалыхъ, высохшихъ членахъ, послѣ двухъ трехъ недѣль питанія кашицей. За то число обитателей рабочаго дома такъ же уменшилось, какъ и объемъ тѣла ихъ, и члены комитета были въ восторгѣ.

Мальчиковъ кормили въ большой комнатѣ выложенной камнемъ, въ концѣ которой находился котелъ вмазанный въ печь. Надзиратель, повязавшійся для этого случая передникомъ, съ двумя женщинами помощницами, доставалъ изъ котла кашицу. Каждый мальчикъ

получалъ по одной мискѣ кашицы и ничего болѣе, за исключеніемъ праздничныхъ дней, когда ему дѣлалась прибавка двухъ унцій съ четвертью хлѣба. Мисокъ никогда не нужно было чистить, мальчики до того выскабливали ихъ своими ложками, что онѣ блестѣли; когда они оканчивали эту операцію, которая не могла быть продолжительной, потому что ложки были почти одной величины съ мисками, они оставались сидѣть, уставивъ на котелъ такіе жадные глаза, какъ будто они готовы были пожратъ самые кирпичи, въ которые онъ былъ вмазанъ; въ то же время они занимались самымъ тщательнымъ обсасываніемъ своихъ пальцевъ, въ надеждѣ найти на нихъ какія-нибудь капли кашицы, случайно попавшія на нихъ. Мальчики вообще обладаютъ прекраснымъ аппетитомъ, Оливеръ Твистъ и товарищи его выносили муки медленнаго голоданья въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ; наконецъ они до того стали прожорливы и одичали отъ голода, что одинъ мальчикъ, который былъ не по лѣтамъ большаго роста и не былъ привыкши къ такому образу питанія, потому что отецъ его держалъ маленькую кухмистерскую, жадно намекнулъ своимъ товарищамъ, что если ему не будутъ давать по второй мискѣ кашицы въ день, то онъ боится, что когда нибудь ночью съѣстъ мальчика, спавшаго рядомъ съ нимъ и который былъ очень слабылъ и маленькимъ ребенкомъ. У него были такіе дикіе голодные глаза, что товарищи вполнѣ повѣрили ему. Собрали совѣтъ; бросили жребій кому придется на завтра вечеромъ подойти къ надзирателю послѣ ужина и просить прибавки. Жребій выпалъ Оливеру Твисту.

Насталъ вечеръ, мальчики заняли свои мѣста. Надзиратель въ передникѣ занялъ свое мѣсто у котла; его помощницы стали позади него; роздали порціи кашицы и длинная молитва была произнесена передъ очень короткой трапезой. Кашица исчезла, и мальчики начали перешептываться другъ съ другомъ и кивать на Оливера, а ближайшіе сосѣди его подталкивали его локтемъ. Какъ онъ ни былъ малъ, онъ былъ доведенъ до отчаянія голодомъ и готовъ былъ на все. Онъ всталъ изъ за стола и подойдя съ миской и ложкой въ рукѣ къ надзирателю, сказалъ, нѣсколько пугаясь собственной смѣлости.

— Будьте такъ добры, серъ, я хочу еще.

Надзиратель былъ толстый здоровый мущина — и онъ поблѣднѣлъ. Онъ смотрѣлъ въ безсмысленномъ изумленіи на маленькаго мятежника въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, и затѣмъ схва-

тился за котелъ, чтобы удержаться на ногахъ. Всѣ присутствующіе оцѣпенѣли отъ изумленія, а мальчики отъ ужаса.

— Что? спросилъ наконецъ надзиратель, слабымъ голосомъ.

— Будьте такъ добры серъ, я хочу еще, повторилъ Оливеръ.

Надзиратель намѣтилъ разливательной ложкой ударъ въ голову Оливера, охватилъ его руками и началъ громкими криками звать приходскаго сторожа.

Комитетъ засѣдалъ въ торжественномъ конклавѣ, когда м-ръ Бёмбль, въ сильномъ волненіи ворвался въ засѣданіе и, обратясь къ джентльмену въ высокомъ креслѣ, сказалъ:

— М-ръ Лимбкинсъ, я прошу вашего извиненія, серъ! Оливеръ Твистъ просилъ еще!

Общее движеніе. Ужасъ изобразился на всѣхъ лицахъ.

— Еще? произнесъ м-ръ Лимбкинсъ. — Успокойтесь Бёмбль и отвѣчайте мнѣ опредѣлительно. Долженъ ли я понимать, что онъ просилъ еще, когда съѣлъ ужинъ назначенный ему по положенію?

— Онъ такъ и сдѣлалъ, серъ, отвѣчалъ м-ръ Бембль.

— Этотъ мальчикъ будетъ повѣшенъ, сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ. — Я знаю, что этотъ мальчикъ будетъ повѣшенъ.

Никто не оспаривалъ пророчество джентльмена. Начались жаркія пренія. Было отдано немедленное приказаніе отвести Оливера подъ арестъ, а на слѣдующій день было наклеено на ворота рабочаго дома объявленіе, предлагавшее пять фунтовъ награды тому, кто возьметъ Оливера съ рукъ прихода. Говоря другими словами пять фунтовъ и Оливеръ Твистъ были предложены каждому, мужчинѣ или женщинѣ, кому нуженъ былъ ученикъ для какого бы то ни было ремесла, промышленности или профессіи.

— Я ни въ чемъ не былъ такъ убѣжденъ во всю мою жизнь, сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, когда онъ на другой день позвонилъ у воротъ и прочелъ объявленіе: — я ни въ чемъ не былъ такъ убѣжденъ во всю мою жизнь, какъ въ томъ, что этотъ мальчикъ будетъ повѣшенъ.

Такъ какъ я намѣреваюсь въ продолженіи разсказа показать былъ ли джентльменъ въ бѣломъ галстухѣ правъ или нѣтъ, то я, быть можетъ, ослаблю интересъ моей повѣсти, (предполагая что она возбуждаетъ его), если я теперь хоть слегка намекну о томъ, была

ли жизнь Оливера Твиста окончена такимъ насильственнымъ образомъ, или нѣтъ.

ГЛАВА III.

Повѣствуетъ о томъ, какъ Оливеръ едва не получилъ мѣсто, которое не было бы синекурой.

Цѣлую недѣлю послѣ того какъ комитетъ судилъ Оливера за нечестивое и плотское преступленіе, что онъ просилъ еще, Оливеръ оставался подъ строгимъ арестомъ въ темной и уединенной комнатѣ, въ которой онъ былъ заключенъ мудростью и милосердіемъ комитета. Съ перваго взгляда не можетъ показаться слишкомъ невѣроятнымъ предположеніе, что Оливеръ, чувствуя должное уваженіе къ предсказанію джентльмена въ бѣломъ жилетѣ, составилъ бы репутацію пророка этой мудрой особѣ, разъ и на всегда привязавъ конецъ носоваго платка къ крючку однимъ концомъ, и привязавъ себя къ другому. Исполненію этого помѣшало единственное препятствіе, а именно, носовые платки были объявлены предметами роскоши, и были навсегда удалены отъ носовъ бѣдняковъ рабочаго дома особеннымъ предписаніемъ комитета, собравшагося для этой цѣли въ особое засѣданіе — предписаніемъ, торжественно выданнымъ и засвидѣтельствованнымъ ихъ подписями и печатями. Было и другое, болѣе дѣйствительное препятствіе: — въ дѣтствѣ Оливера. Онъ только горько плакалъ цѣлый день, а когда долгая унылая ночь настала, онъ закрылъ своими маленькими руками глаза, чтобы не видѣть темноты, и, забившись въ уголъ, пытался заснуть. По временамъ онъ, вздрагивая, просыпался и все плотнѣе и плотнѣе прижимался къ стѣнѣ, какъ будто ея холодная и жесткая поверхность была защитой въ окружавшемъ его мракѣ и одиночествѣ.

Враги „системы“, введенной мудрыми членами комитета, не должны полагать, что въ продолженіе своего одиночнаго заключенія

Оливеръ былъ лишенъ благодѣтельнаго вліянія моціона; стояла прекрасная холодная погода, и ему дозволялось каждое утро совершать свое омовеніе подъ помпой, на вымощенномъ камнемъ дворѣ, подъ надзоромъ м-ра Бембля, который чтобы не дать ему простудиться, производилъ во всемъ тѣлѣ его ощущеніе зудящей боли, учащеннымъ приложеніемъ трости. Что же касается общества, то его ежедневно приводили въ комнату, гдѣ мальчики обѣдали, и общественно сѣкли его ради примѣра и поученія; религіозныя утѣшенія не только не были возбраняемы ему, но его пеньками проталкивали въ туже самую комнату каждый вечеръ, во время молитвы, и тамъ дозволяли слушать и укрѣплять свой духъ общей молитвой съ мальчиками, содержавшей спеціальное прибавленіе, внесенное въ нее властью комитета, въ которомъ мальчики просили небо сдѣлать ихъ добрыми, добродѣтельными, благодарными и послушными, и предохранить ихъ отъ грѣховъ и пороковъ Оливера Твиста, котораго молитва эта какъ нельзя яснѣе выставляла грѣшникомъ, находившимся подъ исключительнымъ потронатствомъ и покровительствомъ силъ тьмы и исчадіемъ вышедшимъ прямо изъ рукъ самого дьявола.

Случилось въ одно утро, когда дѣла Оливера находились въ такомъ утѣшительномъ и благопріятномъ положеніи, м-ръ Гэмфильдъ, трубочистъ, шелъ по Гай-стриту, глубоко обсуждая въ своихъ мысляхъ средства и пути къ уплатѣ долга за квартиру, который хозяинъ его настоятельно требовалъ. Самыя блестящія надежды м-ра Гэмфильда на будущую получку не могли поднять его фонды до полныхъ пяти фунтовъ требуемаго итога; и въ порывѣ отчаяннаго вычисленія онъ ломалъ то собственную голову соображеніями, то голову своего осла палкой, когда, проходя мимо рабочаго дома, онъ увидѣлъ объявленіена воротахъ.

— Во—о! крикнулъ м-ръ Гэмфильдъ ослу.

Оселъ тоже былъ погруженъ въ глубокія размышленія, вѣроятно соображая ожидаетъ ли его угощеніе одной или двумя кочерыжками, когда онъ доставитъ по назначенію два мѣшка сажи, которыми была нагружена маленькая телѣжка; и потому, не обративъ вниманія на приказаніе, онъ плелся далѣе.

М-ръ Гэмфильдъ проворчалъ яростное проклятіе ослу вообще, и преимущественно его глазамъ, и нагнавъ его, отвѣсилъ ему на голову ударъ, который пробилъ бы всякій черепъ кромѣ ослинаго;

затѣмъ, рванувъ узду, онъ чуть не своротилъ челюсть осла, въ видѣ деликатнаго напоминанія тому, что онъ хозяинъ, и повернувъ осла назадъ этими дѣйствительными мѣрами, онъ отвѣсилъ ему новый ударъ по головѣ, чтобы оглушить его до своего возвращенія; исполнивъ все это, онъ подошелъ къ воротамъ и прочелъ объявленіе.

Джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ стоялъ у воротъ, заложивъ за спину руки; онъ только что разрѣшился глубокомысленными замѣчаніями въ залѣ комитета. Онъ былъ свидѣтелемъ маленькой ссоры между м-ромъ Гэмфильдомъ и осломъ и теперь радостно улыбался, когда м-ръ Гэмфильдъ подошелъ читать объявленіе, потому что онъ мгновенно узрѣлъ, что эта особа и есть именно тотъ хозяинъ, который нуженъ Оливеру. М-ръ Гэмфильдъ тоже улыбнулся, прочитавъ объявленіе, потому что пять фунтовъ были именно той суммой, которую онъ желалъ; что же касалось мальчика прибавленнаго къ суммѣ, м-ръ Гэмфильдъ зная хорошо діэту рабочаго дома, хорошо зналъ и то, что мальчикъ долженъ быть очень крошечнымъ образчикомъ человѣческой породы, какъ разъ такимъ, какой нуженъ для внесенныхъ въ его списокъ трубъ. И такъ онъ во второй разъ прочелъ по слогамъ объявленіе съ начала до конца и затѣмъ, приложившись пальцами къ своей мѣховой шапкѣ въ знакъ почтенія, подошелъ къ джентльмену въ бѣломъ жилетѣ.

— Вотъ этого мальчика, серъ, приходъ сдаетъ въ ученье? сказалъ м-ръ Гэмфильдъ.

— Да, отвѣчалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ съ снисходительной улыбкой. Что онъ нуженъ вамъ?

— Если приходъ хочетъ выучить его легкому и пріятному ремеслу, въ хорошемъ и почтенномъ заведеніи трубочистовъ, то я нуждаюсь въ ученикѣ и готовъ взять его, сказалъ м-ръ Гэмфильдъ.

— Войдите, сказалъ джентльменъ въ бѣломъ галстухѣ.

М-ръ Гэмфильдъ остановился на минуту, чтобы дать ослу новый ударъ по головѣ и еще разъ рвануть ему челюсть, въ видѣ предостереженія не убѣжать въ его отсутствіе, и потомъ послѣдовалъ за джентльменомъ въ бѣломъ жилетѣ, въ ту комнату, въ которой Оливеръ въ первый разъ увидѣлъ послѣдняго.

— Это скверное ремесло, сказалъ м-ръ Лимбкинсъ, когда Гэмфильдъ снова изложилъ свое желаніе.

— Маленькіе мальчики не разъ были задушены дымомъ въ трубахъ, сказалъ другой джентльменъ.

— Это потому что смачивали солому передъ тѣмъ какъ зажечь ее въ трубѣ, для того, чтобы заставить ихъ сойти внизъ, сказалъ Гэмфильдъ, — и выходилъ одинъ дымъ, а не было огня; по моему дымъ вовсе не нуженъ, чтобы заставить мальчика сойти внизъ, потому что имъ хочется спать отъ дыма, а это-то они и любятъ. Мальчики очень упрямы и очень лѣнивы, джентльмены, и ничто не заставитъ ихъ такъ живо спуститься внизъ, какъ хорошее жаркое пламя; это и человѣчно, джентльмены, потому что если они завязли въ трубѣ, то поджариванье пятокъ заставитъ ихъ скорѣе высвободиться.

Это объясненіе показалось очень забавнымъ джентльмену въ бѣломъ жилетѣ, но смѣхъ его былъ вскорѣ прекращенъ взглядомъ м-ра Лимбкинса. Комитетъ продолжалъ совѣщаться между собой нѣсколько минутъ, но шопотомъ, такъ что слова: „сбереженіе расходовъ“, „будетъ имѣть хорошій видъ въ отчетѣ“, „можно напечатать отчетъ“ были слышны только потому, что ихъ нѣсколько разъ повторяли съ особеннымъ паѳосомъ.

Наконецъ шептанье прекратилось, члены комитета заняли свои мѣста и приняли свой торжественный видъ, и м-ръ Лимбкинсъ сказалъ:

— Мы обсудили ваше предложеніе, и мы не одобряемъ его.

— Ни въ какомъ случаѣ, подтвердилъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Рѣшительно нѣтъ, прибавили прочіе джентльмены.

Такъ какъ м-ръ Гэмфильдъ находился подъ легкимъ подозрѣніемъ, что онъ забилъ уже до смерти трехъ или четырехъ мальчиковъ, то ему пришло на мысль, что быть можетъ, комитетъ по какой-то необъяснимой прихоти забралъ себѣ въ голову, что это постороннее дѣлу обстоятельство должно повліять на его рѣшеніе. Если бы такъ было, то это очень не походило бы на обычный способъ дѣйствія комитета; но такъ какъ м-ръ Гэмфильдъ не могъ чувствовать особеннаго желанія оживить этотъ слухъ, то онъ повертѣлъ шапку въ рукахъ и медленно пошелъ прочь отъ стола.

— Такъ вы не отдадите его мнѣ, джентльмены, сказалъ м-ръ Гэмфильдъ, остановясь у двери.

— Нѣтъ, отвѣчалъ м-ръ Лимбкинсъ: —это скверное ремесло; мы

полагаемъ, что потому вы должны взять нѣсколько менѣе предложенной преміи.

Лицо м-ра Гэмфильда просіяло, когда онъ быстрыми шагами подошелъ къ столу и сказалъ:

— Сколько же вы дадите, джентльмены? Не будьте слишкомъ безжалостны къ бѣдному человѣку. Сколько же вы дадите?

— Я скажу, что трехъ фунтовъ десяти шиллинговъ за глаза довольно, сказалъ м-ръ Лимбкинсъ.

— Даже десять шиллинговъ передано, сказалъ джентльменъ въ бѣломъ галстухѣ.

— Скажите четыре фунта, джентльмены, сказалъ м-ръ Гэмфильдъ,—и вы навсегда свалите его съ плечь. Такъ?

— Три фунта десять, твердо повторилъ м-ръ Лимбкинсъ.

— Хорошо, я помирюсь на половинѣ, джентльмены, упрашивалъ м-ръ Гэмфильдъ. — Три фунта пятнадцать.

— Ни фартинга болѣе, былъ непреклонный отвѣтъ м-ра Лимбкинса.

— Вы жестоко прижимаете меня, джентльмены, сказалъ м-ръ Гэмфильдъ, колеблясь.

— Фью, фью, пустяки! произнесъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.—Онъ вамъ дешево бы обошелся, если бы вы получили его задаромъ вмѣсто преміи. Берите его, глупый вы человѣкъ! Онъ именно такой мальчикъ, какого надо. Ему нужна иногда палка, это ему здорово; а содержаніе его не можетъ стоить дорого, потому что его не закармливали съ тѣхъ поръ, какъ онъ родился. Ха! ха! ха!

М-ръ Гэмфильдъ взглянулъ изподлобья на лица сидѣвшихъ кругомъ стола и, видя улыбку на каждомъ изъ нихъ, понемного и самъ улыбнулся. Торгъ былъ заключенъ, и м-ръ Бёмбль получилъ приказаніе представить въ этотъ же вечеръ Оливера Твиста вмѣстѣ съ бумагами, свидѣтельствовавшими его личность, передъ лицо комитета для подписанія бумагъ и утвержденія.

Въ исполненіе этого распоряженія маленькій Оливеръ, къ величайшему удивленію его, былъ освобожденъ изъ заключенія и получилъ приказаніе надѣть чистую рубашку. Едва успѣлъ онъ окончить это непривычное для него гимнастическое упражненіе, какъ м-ръ Бёмбль собственными руками принесъ ему миску кашицы и праздничную порцію двухъ унцій съ четвертью хлѣба, при видѣ

которыхъ Оливеръ началъ очень жалобно плакать, полагая, что было очень не неестественно съ его стороны, что комитетъ вѣроятно порѣшилъ убить для какой нибудь полезной цѣли, иначе онъ никогда бы не началъ откармливать его такимъ образомъ.

— Не наплачьте себѣ красныхъ глазъ, Оливеръ, а ѣшьте вашу пищу и будьте благодарны, сказалъ м-ръ Бёмбль тономъ самой внушительной торжественности. Сегодня вы будете сданы подмастерьемъ, Оливеръ.

— Подмастерьемъ, сэръ! сказалъ ребенокъ, задрожавъ.

— Да, Оливеръ, сказалъ м-ръ Бёмбль. — Благодѣтельные и благословенные джентльмены, которые были для васъ какъ родные отцы, когда у васъ не было своего роднаго отца, теперь отдаютъ васъ въ ученье и устроятъ васъ на всю жизнь, и сдѣлаютъ изъ васъ человѣка, хотя издержки приходу обойдутся въ три фунта десять шиллинговъ! Три фунта десять! Оливеръ! семьдесятъ шиллинговъ! сто сорокъ шесть пенсовиковъ! И все это за него сироту, котораго никто не можетъ любить.

Когда м-ръ Бёмбль, произнеся эту рѣчь зловѣщимъ тономъ, замолчалъ, чтобы перевести духъ, слезы покатились по щекамъ бѣднаго ребенка и онъ горько зарыдалъ.

— Перестаньте, сказалъ м-ръ Бёмбль нѣсколько менѣе торжественно, потому что его самолюбію было пріятно замѣтить дѣйствіе, произведенное его краснорѣчіемъ, — перестаньте, Оливеръ, отрите глаза обшлагами вашей куртки и не плачьте въ вашу кашицу. Это очень неразумный поступокъ, Оливеръ.

И дѣйствительно, поступокъ былъ неразуменъ, потому что въ кашицѣ было и безъ того довольно воды.

Ведя Оливера къ приходскимъ властямъ, м-ръ Бёмбль поучалъ его что все, что ему нужно было сдѣлать, заключалось въ томъ, чтобы смотрѣть очень довольнымъ и, когда джентльмены спросятъ его хочетъ ли онъ быть отданъ въ ученики, сказать, что онъ этому очень радъ. Оливеръ обѣщалъ повиноваться обоимъ приказаніямъ, тѣмъ болѣе, что м-ръ Бёмбль прибавилъ нѣжный намекъ, что если онъ не исполнитъ котораго нибудь изъ приказаній, то и сказать нельзя что съ нимъ будетъ. Когда они дошли до конторы, Оливера заперли въ маленькую сосѣднюю комнату и м-ръ Бёмбль сдѣлалъ ему новое увѣщаніе оставаться тамъ, пока его не позовутъ.

Мальчикъ съ трепещущимъ сердцемъ просидѣлъ тамъ въ продолженіе получаса; по истеченіи котораго м-ръ Бёмбль просунулъ свою голову, на этотъ разъ уже не украшенную треугольной шляпой, и сказалъ громко:

— Теперь, милый Оливеръ, пойдемъ къ джентльменамъ.

М-ръ Бёмбль сопроводилъ эти слова злобнымъ и угрожающимъ взглядомъ и прибавилъ тихимъ голосомъ. — Помните, что я сказалъ вамъ, вы, молодой негодяй.

Оливеръ наивно уставился глазами на м-ра Бёмбля при такомъ противорѣчащемъ способѣ обращенія; но этотъ джентльменъ не далъ ему времени сдѣлать какое либо замѣчаніе по этому поводу, потому что тотчасъ повелъ его въ сосѣднюю комнату, дверь которой была открыта. То была просторная комната съ большимъ окномъ; за конторкой сидѣли два старыхъ джентльмена съ напудренными головами, одинъ изъ нихъ читалъ газету, пока другой перечитывалъ, съ помощью очковъ въ черепаховой оправѣ, лежавшій передъ нимъ небольшой листъ пергамента. М-ръ Лимбкинсъ стоялъ передъ конторкой по одной сторонѣ, а м-ръ Гэмфильдъ, съ лицомъ на половину отмытымъ, по другой; въ то же время два или три надутыхъ джентльмена въ сапогахъ съ отворотами прохаживались по комнатѣ.

Старый джентльменъ въ очкахъ наконецъ окончилъ дремать надъ листомъ пергамента. М-ръ Бёмбль поставилъ Оливера противъ конторки: настала короткая пауза.

— Это тотъ мальчикъ, ваша честь, сказалъ м-ръ Бёмбль.

Старый джентльменъ, читавшій газету, поднялъ на минуту голову и дернулъ другаго стараго джентльмена за рукавъ, вслѣдствіе чего послѣдній проснулся.

— О, такъ это тотъ мальчикъ? сказалъ старый джентльменъ.

— Это онъ, серъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль. Поклонитесь судьѣ, мой милый.

Оливеръ собрался съ силами и сдѣлалъ свой лучшій поклонъ. Онъ удивлялся, уставивъ глаза на напудренныя головы приходскихъ властей, всѣ ли комитеты въ мірѣ рождались на свѣтъ съ этой бѣлой мукой на волосахъ и вслѣдствіе того и дѣлались комитетами.

— Хорошо, сказалъ старый джентльменъ, — я полагаю, что онъ любитъ чистить трубы?

— Онъ обожаетъ это, ваша честь, отвѣчалъ Бёмбль, отпуская

Оливеру изподтишка щипокъ, въ видѣ намека, что для него же лучше не говорить, если не любитъ.

— И онъ хочетъ быть трубочистомъ? спросилъ старый джентльменъ.

— Если мы его отдадимъ въ ученье другому какому ремеслу завтра, онъ оттуда одновременно убѣжитъ, ваша честь, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль.

— Такъ это тотъ человѣкъ, который будетъ его хозяиномъ, — вы серъ, — вы будете хорошо обращаться съ нимъ и хорошо кормить его, ну дѣлать все такое, что нужно, будете ли вы? спросилъ старый джентельменъ.

— Когда я говорю, что буду я и думаю то, что говорю, отвѣчалъ угрюмо м-ръ Гэмфильдъ.

— Вы грубо говорите, другъ мой, но вы глядите честнымъ, прямодушнымъ человѣкомъ, сказалъ старый джентльменъ, обращая свои очки по направленію къ кандидату на премію при Оливерѣ и не видя, что мошенническая наружность его была штемпелеванной роспиской въ будущемъ жестокомъ обращеніи съ мальчикомъ. Но судья былъ на половину слѣпъ, на половину впалъ въ дѣтство и, слѣдовательно, отъ него невозможно было требовать, чтобы онъ видѣлъ то, что видѣли другіе люди.

— Я надѣюсь, что такъ, серъ, отвѣчалъ съ отвратительной усмѣшкой м-ръ Гэмфильдъ.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, другъ мой, отвѣчалъ старый джентельменъ, поправляя очки но носу и ища вокругъ глазами чернильницы.

Это была критическая минута въ судьбѣ Оливера. Если бы чернильница была тамъ, гдѣ искалъ ее старый джентльменъ, онъ обмакнулъ бы въ нее перо и подписалъ документы, и Оливеръ былъ бы немедленно уведенъ изъ рабочаго дома. Но случилось, что чернильница стояла прямо подъ носомъ у стараго джентльмена и, слѣдовательно, онъ долженъ былъ искать ее по всей конторкѣ и не найти ее. Случайно, въ своихъ поискахъ, онъ взглянулъ прямо и взглядъ его встрѣтилъ блѣдное лицо Оливера Твиста, который не смотря на всѣ увѣщательныя взгяды и щипки Бёмбля, смотрѣлъ на отталкивающее лицо своего будущаго хозяина съ смѣшаннымъ выраженіемъ

страха и ужаса, до того очевиднымъ, что того не могъ не замѣтить даже полуслѣпой судья.

Старый джентльменъ остановился, положилъ перо и перевелъ взглядъ отъ Оливера на м-ра Лимбкинса, который принялся нюхать табакъ съ самымъ довольнымъ и беззаботнымъ видомъ.

— Мой мальчикъ, сказалъ старый джентльменъ, наклоняясь надъ конторкой. Оливеръ вздрогнулъ при этихъ звукахъ,—его можно извинить за то, — потому что слова эти были произнесены ласково, и непривычные звуки могутъ испугать. Онъ сильно задрожалъ и залился слезами.

— Мой мальчикъ, повторилъ старый джентльменъ, вы такъ блѣдны и перепуганы. Что съ вами?

— Отойдите немного отъ него, приходскій сторожъ, сказалъ другой джентльменъ, откладывая въ сторону бумагу и наклоняясь впередъ съ выраженіемъ участія. — Скажите намъ теперь, что съ вами. Небойтесь. Оливеръ упалъ на колѣни и, сложивъ руки, умолялъ, чтобы его снова отправили въ темную комнату, чтобы его уморили съ голода, били, убили бы его совсѣмъ, если они того желаютъ, но чтобы не отсылали его съ этимъ страшнымъ человѣкомъ.

— Прекрасно! произнесъ м-ръ Бёмбль, воздѣвая глаза и руки съ самой внушительной торжественностью, — прекрасно! Изо всѣхъ лукавыхъ и коварныхъ сиротъ, которыхъ я видалъ на своемъ вѣку, Оливеръ, вы одинъ изъ самыхъ безстыдныхъ.

— Молчите, приходскій сторожъ, сказалъ второй, старый джентльменъ, когда м-ръ Бёмбль произнесъ послѣднее прилагательное.

— Я прошу прощенія у вашей чести, сказалъ м-ръ Бёмбль, не вѣря тому что слышалъ.—Ваша честь говорили со мной.

— Да. Молчите.

М-ръ Бёмбль остолбенѣлъ отъ изумленія. Приходскому сторожу приказано молчать? То была нравственная революція.

Старый джентльменъ въ очкахъ съ черепаховой оправой посмотрѣлъ на своего товарища, тотъ значительно кивнулъ ему головой.

— Мы отказываемся подписать эти документы, сказалъ старый джентльменъ, съ этими словами откидывая въ сторону листъ пергамента.

— Я надѣюсь, заикнулся м-ръ Лимбкинсъ, что судьи на осно-

ваніи ничѣмъ не доказаннаго свидѣтельства одного ребенка не составятъ себѣ мнѣнія, будто приходскія власти были виновны въ неприличномъ поведеніи.

— Судьи не обязаны теперь произносить какой-либо приговоръ объ этомъ, отвѣчалъ рѣзко второй, старый джентльменъ.—Уведите мальчика назадъ въ рабочій домъ и обращайтесь съ нимъ хорошо. Это ему очень нужно.

Въ тотъ же вечеръ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ самымъ положительнымъ образомъ и непреложно увѣрялъ, что Оливеръ не только будетъ повѣшенъ, но что сверхъ того онъ будетъ четвертованъ. М-ръ Бёмбль потрясалъ головой съ мрачной таинственностью и сказалъ что желаетъ, чтобы Оливеръ былъ доведенъ до добра; на что м-ръ Гэмфильдъ отвѣчалъ, что онъ желаетъ чтобы Оливеръ былъ переведенъ къ нему—что̀, хотя м-ръ Гэмфильдъ и соглашался во многихъ отношеніяхъ съ приходскимъ сторожемъ, было выраженіемъ совершенно противуположнаго желанія.

На слѣдующее утро публика еще разъ была извѣщена, что Оливера Твиста снова сдаютъ и что пять фунтовъ будутъ уплачены каждому, кто возьметъ его къ себѣ.

ГЛАВА IV.

Оливеръ, получивъ предложеніе другого мѣста, дѣлаетъ первый шагъ въ общественной жизни.

Въ большихъ семействахъ, когда для подростающаго юноши нельзя получить выгодное мѣсто, или прямо по праву обладанія или по праву наслѣдства, передачи и возвращаемости, то принято въ обычай отсылать его въ море. Комитетъ, подражая подобному мудрому и спасительному примѣру, совѣщался нѣсколько времени объ удобствѣ отправить Оливера въ море на мелкомъ торговомъ суднѣ, отправлявшемся въ какой нибудь нездоровый портъ, что представлялось какъ

самое лучшее, что только можно было сдѣлать съ Оливеромъ. Была вѣроятность, что шкиперъ или засѣчетъ его до смерти въ шутливомъ настроеніи духа, когда нибудь послѣ обѣда, или выбьетъ ему мозгъ изъ черепа желѣзнымъ болтомъ—оба рода препровожденія времени, какъ хорошо извѣстно, составляютъ любимое и очень частое увеселеніе джентльменовъ этого сословія. Чѣмъ болѣе дѣло представлялось съ этой точки зрѣнія членамъ комитета—тѣмъ болѣе выяснялись многочисленныя выгоды такого шага, такъ что члены комитета пришли къ рѣшенію, что единственное средство прочно обезпечить Оливера, отправить его безъ дальнѣйшаго отлагательства въ море.

М-ръ Бёмбль былъ отряженъ навести предварительныя справки, съ цѣлью отыскать какого нибудь капитана судна, которому нуженъ въ юнги мальчикъ, не имѣющій ни родныхъ, ни друзей. М-ръ Бёмбль возвращался въ рабочій домъ передать о результатѣ своихъ поисковъ, когда онъ встрѣтилъ у воротъ самого м-ра Соуэрбёрри, приходскаго гробовщика.

М-ръ Соуэрбёрри былъ высокій, худощавый, ширококостный мужчина, одѣтый въ черную пару, порядочно поношенную, въ заштопанные бумажные чулки того же цвѣта и подходящіе башмаки. Черты лица его не были предназначены природой для выраженія улыбки, но онъ вообще былъ склоненъ къ шутливости, отличающей людей его профессіи; походка его была легка, а лицо выражало внутреннее довольство, когда онъ приблизился къ м-ру Бёмблю и дружески потрясъ ему руку.

— Я снялъ мѣрку съ двухъ женщинъ, которыя умерли въ прошлую ночь, м-ръ Бёмбль, сказалъ гробовщикъ.

— Вы составите себѣ состояніе, м-ръ Соуэрбёрри, сказалъ приходскій сторожъ, засовывая свой большой и указательный палецъ въ предложенную гробовщикомъ табакерку, которая была очень изящной маленькой моделью патентованнаго гроба.

— Я говорю, что вы составите себѣ состояніе, м-ръ Соуэрбёрри, повторилъ м-ръ Бёмбль самымъ дружескимъ образомъ похлопывая гробовщика по плечу своею тростью.

— Вы думаете такъ? сказалъ гробовщикъ тономъ на половину допускавшимъ, на половину отвергавшимъ возможность такого событія.

— Цѣна, которую платитъ комитетъ, очень мала, м-ръ Бёмбль.

— И гробы также, отвѣчалъ приходскій сторожъ съ чѣмъ-то

такъ близко подходившимъ къ смѣху, какъ то могло позволить себѣ такое важнос оффиціальное лицо.

Эти слова возбудили смѣхъ м-ра Соуэрбёрри и онъ хохоталъ долго, безъ передышки, какъ и долженъ былъ сдѣлать.

— Хорошо, хорошо, м-ръ Бёмбль, сказалъ онъ наконецъ, —нельзя опровергнуть, что съ тѣхъ поръ, какъ новая система пищи введена, приходится дѣлать гробы болѣе узкими и мелкими нежели прежде; но мы должны же наживать какой нибудь барышъ, м-ръ Бёмбль. Хорошо заготовленный лѣсъ стоитъ дорого, сэръ, а желѣзныя ручки доставляются прямо каналомъ изъ Бирмингэма.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Бёмбль, каждая торговля приноситъ свои убытки и честный барышъ, разумѣется, дозволителенъ.

— Разумѣется, разумѣется, отвѣчалъ гробовщикъ, продолжая свои разсужденія о торговлѣ, прерванныя приходскимъ сторожемъ: — хотя я могу сказать, м-ръ Бёмбль, что мнѣ приходится наверстывать и большіе убытки съ одной стороны: полные люди всего скорѣе умираютъ — я хочу сказать, что тѣ люди, которые хорошо жили и сами платили налогъ для бѣдныхъ многіе годы, первые свалятся съ ногъ, когда попадутъ въ домъ; позвольте мнѣ сказать вамъ, м-ръ Бёмбль, что три или четыре дюйма сверхъ разсчета дѣлаютъ большой изъянъ въ барышахъ, особенно когда у человѣка семья на рукахъ, сэръ.

Когда м-ръ Скуэрбёрри произнесъ это съ негодованіемъ, приличнымъ обсчитанному человѣку, м-ръ Бёмбль понялъ, что оно бросало тѣнь на честь прихода и потому счелъ за лучшее перемѣнить разговоръ; и какъ Оливеръ Твистъ занималъ первое мѣсто въ его мысляхъ, то онъ и сдѣлалъ его предметомъ разговора.

— Кстати, сказалъ м-ръ Бёмбль, —не знаете ли вы кого нибудь, кому бы былъ нуженъ мальчикъ, ученикъ приходскій, который теперь обуза прихода, я могу сказать, мельничный жерновъ на приходской шеѣ. Выгодныя условія, м-ръ Соуэрбёрри, очень выгодныя условія; и говоря это, м-ръ Бёмбль поднялъ свою трость къ объявленію и три раза отчетливо стукнулъ по словамъ, „пять фунтовъ“, которыя были напечатаны римскими цифрами исполинскаго размѣра.

— Вотъ какъ, сказалъ гробовщикъ, взявъ м-ра Бёмбля за отороченный золотымъ позументомъ обшлагъ, мнѣ именно объ этомъ

и нужно было переговорить съ вами. Вы знаете, Боже мой, что за изящная пуговица, м-ръ Бёмбль; я никогда прежде не замѣчалъ ее.

— Да, кажется, она красива, сказалъ приходскій сторожъ гордо поглядывая на большія мѣдныя пуговицы, украшавшія его сюртукъ.

— Та же рѣзьба, что у приходской печати; благодѣтельный самаритянинъ перевязывающій раненаго. Комитетъ подарилъ мнѣ этотъ сюртукъ въ утро новаго года, м-ръ Соуэрбёрри. Я надѣлъ его, я помню въ первый разъ, чтобы присутствовать при слѣдствіи о раззорившемся купцѣ, который умеръ въ полночь на улицѣ у воротъ.

— Я помню, сказалъ гробовщикъ. Присяжные вынесли приговоръ: „умеръ отъ дѣйствія холода и лишенія первыхъ потребностей жизни", не такъ ли?

М-ръ Бёмбль кивнулъ головой.

— И они постановили особое рѣшеніе, мнѣ кажется, продолжалъ гробовщикъ:—прибавивъ слова: что еслибы чиновникъ обязанный подавать помощь...

— Ну, что за глупости, сердито оборвалъ приходскій сторожъ.— Еслибы комитетъ выслушивалъ всякій вздоръ, который говорятъ невѣжественные присяжные, у него не хватило бы времени.

— Совершенно справедливо, не хватило бы, сказалъ гробовщикъ.

— Присяжные, сказалъ м-ръ Бёмбль, крѣпко стискивая свою трость, что было его привычкой, когда онъ выходилъ изъ себя: — присяжные—необразованныя, вульгарныя пресмыкающіяся твари.

— Да, именно такія, сказалъ гробовщикъ.

— Они не имѣютъ понятія ни о философіи, ни о политической экономіи вотъ на столько, сказалъ приходскій сторожъ, щелкнувъ пальцами.

— Не болѣе того, подтвердилъ гробовщикъ.

— Я презираю ихъ, сказалъ приходскій сторожъ, багровѣя.

— И я также, поддакнулъ гробовщикъ.

— Я желаю только одного, чтобы у насъ въ домѣ побыли недѣлю или двѣ эти независимые присяжные, сказалъ приходскій сторожъ: — правила и регламентъ комитета скоро бы усмирили этотъ духъ независимости.

— Оставьте ихъ, отвѣчалъ гробовщикъ и съ этими словами одобрительно улыбнулся, чтобъ успокоить поднимавшуюся злобу оффиціальнаго лица.

М-ръ Бёмбль приподнялъ свою треугольную шляпу, вынулъ платокъ изъ глубины ея, отеръ со лба потъ, выступившій отъ припадка злости, затѣмъ снова надѣлъ треугольную шляпу и, обернувшись къ гробовщику, сказалъ болѣе спокойнымъ тономъ.

— Ну, что же насчетъ мальчика?

— О, сказалъ гробовщикъ, — вы знаете, м-ръ Бёмбль, что я плачу очень много налоговъ для бѣдныхъ.

— Г-мъ, произнесъ м-ръ Бёмбль. — Такъ чтоже?

— А то, отвѣчалъ гробовщикъ, —я думалъ что если я плачу такъ много налоговъ для нихъ, то я имѣю право добыть изъ нихъ сколько я могу, м-ръ Бёмбль, и такъ... и такъ, я думаю, что я самъ возьму мальчика.

М-ръ Бёмбль схватилъ гробовщика за руку и повелъ его въ домъ. М-ръ Соуэрбёрри, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, совѣщался при запертыхъ дверяхъ съ комитетомъ, и было рѣшено, что Оливеръ въ тотъ же вечеръ поступитъ къ нему, смотря по тому, какъ понравится — фраза означавшая по отношенію къ воспитаннику прихода, сдаваемаго въ ученье, что если хозяинъ, послѣ короткаго срока испытанія, найдетъ что можетъ добыть изъ мальчика довольно работы, не вкладывая въ него много пищи, то онъ можетъ взять его на срокъ въ нѣсколько лѣтъ и дѣлать съ нимъ все, что только захочетъ.

Когда въ этотъ вечеръ Оливера привели въ присутстіе джентльменовъ и сказали ему, что онъ сейчасъ поступитъ въ мальчики къ гробовщику, и что если онъ будетъ жаловаться на свое мѣсто, или когда либо вернется назадъ въ приходъ, то его пошлютъ въ море, и онъ тамъ утонетъ, или ему разобьютъ голову, смотря по тому какой выдастся случай, — Оливеръ выказалъ такъ мало чувствительности, что, по общему приговору, онъ былъ объявленъ ожесточеннымъ маленькимъ негодяемъ, и затѣмъ м-ръ Бёмбль получилъ приказаніе увести его.

Хотя совершенно естественно, что члены комитета болѣе всѣхъ людей въ мірѣ должны были придти въ состояніе добродѣтельнаго изумленія и ужаса при самомалѣйшемъ доказательствѣ недостатка чувствительности со стороны кого бы то ни было, но въ этомъ исключительномъ случаѣ, они нѣсколько ошиблись. Дѣло въ томъ, что Оливеръ вмѣсто того чтобы страдать недостаткомъ чувстви-

тельности, скорѣе страдалъ отъ избытка ея, и могъ бы быть доведенъ до состоянія животнаго идіотизма и злобы дурнымъ обращеніемъ, которое онъ выносилъ. Онъ выслушалъ извѣстіе о новомъ назначеніи своемъ въ совершенномъ молчаніи и, взявъ поданные ему пожитки его, которые не слишкомъ было тяжело нести, потому что они заключались въ сверткѣ сѣрой оберточной бумаги объемомъ около полуфунта въ квадратѣ и трехъ дюймовъ въ вышину, — онъ надвинулъ шапку на глаза и снова схватившись за обшлагъ рукава м-ра Бёмбля, онъ былъ уведенъ этимъ достойнымъ чиновникомъ на новую сцену страданій.

Въ продолженіи нѣкотораго времени м-ръ Бёмбль тащилъ Оливера за собой, не обративъ на него ни малѣйшаго вниманія, почти незамѣтивъ его, потому что приходскій сторожъ шелъ высоко поднявъ голову, какъ и подобало приходскому сторожу, и такъ какъ день выдался очень вѣтрянный, то маленькій Оливеръ былъ совершенно закрытъ полами сертука м-ра Бёмбля, которыя раздуваясь, открывали во всемъ авантажѣ его жилетъ съ лакцанами и плюшевые панталоны каштановаго цвѣта. Когда они подошли ближе къ мѣсту назначенія, м-ръ Бёмбль счелъ нужнымъ взглянуть внизъ и осмотрѣть въ порядкѣ ли мальчикъ, котораго вели на смотръ новому хозяину; м-ръ Бёмбль исполнилъ это съ подобающимъ видомъ милостиваго покровительства.

— Оливеръ, сказалъ м-ръ Бёмбль.

— Что угодно сэръ? отвѣчалъ Оливеръ тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Сдвиньте шапку съ вашихъ глазъ и поднимите голову, сэръ.

Оливеръ немедля исполнилъ требуемое и, хотя онъ быстро провелъ свободной рукой по глазамъ, въ нихъ осталась еще слеза, когда онъ взглянулъ на м-ра Бёмбля. Когда м-ръ Бёмбль сурово взглянулъ на него, слеза эта скатилась по щекѣ его; за ней послѣдовала еще одна, и еще. Ребенокъ сдѣлалъ большое усиліе, но оно оказалось безуспѣшнымъ и, высвободивъ другую руку изъ руки м-ра Бёмбля, онъ закрылъ обѣими руками лицо и плакалъ до того, что слезы падали между его худыми и костлявыми пальцами.

— Прекрасно! вскричалъ м-ръ Бёмбль, остановившись и метнувъ на своего маленькаго спутника взглядъ безконечной злобы.—

Прекрасно изъ всѣхъ неблагодарнѣйшихъ и злѣйшихъ мальчиковъ, которыхъ я когда либо видѣлъ, Оливеръ вы...

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ! рыдалъ Оливеръ ухватившись за руку, которая держала хорошо знакомую трость: — нѣтъ, нѣтъ, сэръ, я буду въ самомъ дѣлѣ добрымъ; въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ я буду! Я очень маленькій мальчикъ, сэръ, и я такъ... такъ...

— Что такъ? спросилъ м-ръ Бёмбль въ изумленіи.

— Я такъ одинокъ, сэръ, такъ одинокъ, сказалъ ребенокъ. Всѣ ненавидятъ меня. О, сэръ, прошу васъ, не будьте злы ко мнѣ, и ребенокъ прижалъ руки къ сердцу и взглянулъ въ лицо своему спутнику съ слезами истиннаго страданія.

М-ръ Бёмбль въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на жалобный и безпомощный взглядъ Оливера, по томъ три или четыре раза хрипло прокашлянулся и проворчавъ что-то о „несносномъ кашлѣ,“ приказалъ Оливеру отереть глаза и быть добрымъ мальчикомъ, и снова взявъ его за руку, дошелъ въ молчаніи до его новаго дома.

Гробовщикъ только что закрылъ ставни у своей лавки и собирался вносить какіе-то счеты въ книгу при свѣтѣ жалкаго огарка— освѣщеніе вполнѣ приличное обстановкѣ, когда вошелъ м-ръ Бёмбль.

— Ага, сказалъ гробовщикъ, поднимая голову отъ книги и останавливаясь на полусловѣ, это вы, м-ръ Бёмбль.

— Никто иной, м-ръ Соуэрбёрри, отвѣчалъ приходскій сторожъ. Вотъ я привелъ мальчика.

Оливеръ поклонился.

— О, такъ это тотъ мальчикъ, не такъ ли, сказалъ гробовщикъ приподнимая свѣчу надъ головой чтобы осмотрѣть хорошенько Оливера. М-съ Соуэрбёрри, выйдите сюда на минуту, моя милая.

М-съ Соуэрбёрри вышла изъ маленькой комнаты, находившейся за лавкой и представила свою низенькую, худую, прижимистую особу съ физіономіей вѣдьмы.

— Моя милая, сказалъ м-ръ Соуэрбёрри съ почтеніемъ, вотъ это мальчикъ изъ рабочаго дома, о которомъ я говорилъ тебѣ.

Оливеръ снова поклонился.

— Боже мой! вскричала жена гробовщика. — Онъ очень малъ.

— Да, онъ немного малъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, кинувъ на Оливера такой взглядъ, какъ будто Оливеръ былъ виноватъ въ

*

томъ, что онъ не больше ростомъ: — онъ малъ, противъ этого нельзя спорить. Но онъ выростетъ, м-съ Соуэрбёрри, онъ выростетъ.

— О я могу сказать что выростетъ, отвѣчала она брезгливо: — на нашемъ кормѣ и питьѣ. Я не вижу никакой экономіи брать приходскихъ дѣтей, никакой. Они всегда обходятся дороже того что сами стоютъ; а не смотря на то, мужчины всегда воображаютъ что они лучше нашего знаютъ дѣло. Ну, ступайте внизъ по лѣстницѣ маленькій мѣшокъ костей, и съ этими словами жена гробовщика открыла маленькую боковую дверь и толкнула Оливера внизъ по крутой лѣстницѣ въ каменный погребъ, сырой и темный, служившій передней для подвала, гдѣ хранился уголь, и называвшійся кухней, гдѣ сидѣла неряшливая служанка съ башмаками стоптанными на пятахъ и синихъ шерстяныхъ чулкахъ, давно нуждавшихся въ починкѣ.

— Чарлоттъ, сказала м-съ Соуэрбёрри, которая послѣдовала за Оливеромъ, дайте мальчику какіе нибудь изъ тѣхъ холодныхъ кусковъ мяса, которые были оставлены для Трипа; онъ не приходилъ домой съ самаго утра, такъ онъ можетъ обойтись безъ нихъ. Я думаю что мальчикъ не такой прихотникъ, чтобы не ѣсть это. Такъ, мальчикъ?

Оливеръ, глаза котораго блистали при словѣ мясо и который дрожалъ отъ нетерпѣнія поѣсть его, отвѣчалъ отрицательно, и тарелка полная объѣдковъ была поставлена передъ нимъ.

Я желаю, что бы какой нибудь хорошо откормленный философъ, въ которомъ пища и питье обращаются въ желчь, кровь обратилась въ ледъ, а сердце въ желѣзо, могъ бы видѣть какъ Оливеръ Твистъ схватился за лакомые куски говядины, которыхъ собака не захотѣла съѣсть, былъ бы свидѣтелемъ той страшной прожорливости, съ какою мальчикъ рвалъ куски: но есть одна вещь, которую бы я еще болѣе желалъ видѣть—это видѣть, какъ самъ философъ ѣстъ такой же ужинъ и съ тѣмъ же наслажденіемъ.

— Ну, сказала жена гробовщика, когда Оливеръ окончилъ свой ужинъ, на который она смотрѣла въ нѣмомъ ужасѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ видя въ немъ зловѣщія предзнаменованія его будущаго аппетита:—кончили ли вы?

Такъ какъ не было ничего съѣдобнаго вблизи, то Оливеръ отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ идите за мной, сказала м-съ Соуэрбёрри, взявъ грязную и тусклую лампу, и ведя Оливера наверхъ.—Ваша кровать за конторкой. Я думаю, для васъ ничего спать между гробами? да впрочемъ все равно хотите вы или нѣтъ, потому что вы не будете спать нигдѣ болѣе. Идите же, не держите меня здѣсь цѣлую ночь.

Оливеръ не колебался долѣе, но кротко послѣдовалъ за своей новой повелительницей.

ГЛАВА V.

Оливеръ встрѣчается съ новыми товарищами и, отправившись въ первый разъ на похороны, составляетъ себѣ неблагопріятное мнѣніе о ремеслѣ своего хозяина.

Оливеръ, оставшись одинъ въ лавкѣ гробовщика, поставилъ лампу на верстакъ и робко оглядѣлся вокругъ съ чувствомъ страха и благоговѣйнаго ужаса, которое многіе и гораздо постарше его поймутъ очень хорошо. Неоконченный гробъ на черныхъ козлахъ, стоявшій посреди лавки, смотрѣлъ такъ мрачно, такъ напоминалъ смерть, что Оливера кидало въ дрожь каждый разъ, когда глаза его невзначай останавливались на немъ, и онъ почти ожидалъ, что какой нибудь страшный призракъ медленно подниметъ изъ гроба свою голову, чтобы свести его съ ума отъ ужаса. У стѣны стоялъ правильный рядъ длинныхъ вязовыхъ досокъ, обтесанныхъ по формѣ гроба и казавшихся при тускломъ свѣтѣ лампы привидѣніями, высоко поднявшими плеча и заложившими руки въ карманы панталонъ. Гробовыя бляхи, щепки, гвозди съ свѣтлыми головками и обрѣзки чернаго сукна валялись на полу; стѣна за конторкой была украшена довольно живымъ изображеніемъ двухъ факельщиковъ въ туго накрахмаленныхъ бѣлыхъ галстухахъ, дежурившихъ у воротъ большого дома, а вдали подъѣзжали дроги, запряженные четырьмя черными ло-

шадьми. Въ лавкѣ было душно и жарко и атмосфера, казалось, была пропитана запахомъ гробовъ. Ниша за конторкой, въ которую былъ брошенъ тюфякъ набитый хлопкомъ, походилъ на могилу.

Но не одно это тяжелое чувство гнело сердце Оливера. Онъ былъ одинъ въ незнакомомъ мѣстѣ; а намъ хорошо знакомо, какое чувство холода и унынія охватываетъ иногда даже наиболѣе твердыхъ изъ насъ, при подобныхъ обстоятельствахъ. У мальчика не было друзей, которыми бы онъ дорожилъ, или которые дорожили бы имъ. Въ немъ не могло быть сожалѣнія о недавней разлукѣ, отсутствіе любимаго и навсегда памятнаго лица не легло тяжело ему на сердце; но не смотря на то, у него было тяжело на сердцѣ; и когда онъ ложился на свою узкую постель, онъ желалъ, чтобы она была его гробомъ, и чтобы онъ уснулъ покойнымъ и вѣчнымъ сномъ на сосѣднемъ кладбищѣ, а высокая трава мирно бы колыхалась надъ его головой, и звуки стараго густаго колокола убаюкивали бы его сонъ.

На слѣдующіе утро Оливеръ былъ пробужденъ громовыми ударами ногъ въ дверь; онъ не успѣлъ накинуть одежду, какъ удары повторились громко и бѣшено разъ двадцать пять. Когда Оливеръ началъ отпускать цѣпь, ноги перестали дѣйствовать, и незнакомый голосъ началъ:

— Отворите ли вы дверь? кричалъ голосъ принадлежавшій ногамъ бившимъ въ дверь.

— Сейчасъ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ, отпуская цѣпь и поворачивая ключь.

— Я полагаю, вы новый мальчикъ, сказалъ голосъ въ замочную скважину.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Который вамъ годъ? спросилъ голосъ.

— Десять лѣтъ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Такъ я выпорю васъ, когда войду, сказалъ голосъ. — Увидите, если не выпорю, вотъ вамъ, отродье рабочаго дома, и сдѣлавъ такое обязательное обѣщаніе, голосъ началъ свистать.

Оливеръ былъ такъ часто подвергнутъ процессу, который обозначался вышеупомянутыми тремя слогами, что не могъ сохранять ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что обладатель незнакомаго

голоса, кто бы онъ ни былъ, исполнитъ вполнѣ честно свое обѣщаніе. Онъ отдернулъ засовы дрожащей рукой и отперъ дверь

Въ продолженіе одной секунды или двухъ, Оливеръ смотрѣлъ на улицу вправо и влѣво и на противоположную сторону, въ полномъ убѣжденіи, что неизвѣстный, говорившій съ нимъ черезъ замочную скважину, отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы отогрѣть ноги ходьбой, потому что передъ глазами его никого не было кромѣ большаго мальчика, почти юноши, изъ благотворительнаго пріюта, сидѣвшаго на тумбѣ передъ домомъ и убиравшаго кусокъ хлѣба съ масломъ, который онъ рѣзалъ складнымъ ножомъ ломтиками по размѣру своего рта и затѣмъ поглощалъ съ замѣчательной быстротой.

— Я прошу у васъ извиненія, сэръ, сказалъ наконецъ Оливеръ, видя, что никакой другой посѣтитель не появлялся. Это вы стучали?

— Я билъ въ дверь ногами, отвѣчалъ мальчикъ изъ пріюта.

— Вамъ нуженъ гробъ, сэръ? спросилъ простодушно Оливеръ.

На это мальчикъ изъ пріюта страшно разсвирѣпѣлъ и отвѣчалъ, что Оливеру скоро самому понадобится гробъ, если онъ будетъ такъ шутить съ старшими.

— Я полагаю, вы не знаете кто я такой, рабочій домъ? продолжалъ мальчикъ изъ благотворительнаго пріюта, спускаясь съ тумбы, съ самой внушительной важностью.

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ Оливеръ.

— Я мистеръ Ноэ Клейполь, произнесъ мальчикъ изъ пріюта, а вы подъ моимъ начальствомъ. Снимайте ставни, вы, лѣнивый негодяй! Съ этими словами м-ръ Клейполь отпустилъ Оливеру пинекъ и вошелъ въ лавку съ видомъ полнѣйшаго сознанія собственнаго достоинства, что дѣлало ему большую честь, потому что очень трудно для юноши съ большой головой, маленькими глазами, тупой физіономіей и неуклюжимъ сложеніемъ имѣть такой видъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе, когда къ очарованію подобной наружности, судьба прибавила красный носъ и веснушки.

Оливеръ, снявъ ставни и разбивъ стекло отъ усилій протащить, сгибаясь подъ тяжестью ея, одну ставню до маленькаго дворика возлѣ дома, гдѣ ставни хранились въ продолженіе дня, наконецъ

получилъ милостивую помощь отъ Ноэ, который утѣшивъ его увѣреніемъ, что ему достанется, соблаговолилъ пособить ему. М-ръ Соуэрбёрри вскорѣ сошелъ внизъ, а черезъ нѣсколько минутъ появилась и сама м-съ Соуэрбёрри, и когда въ исполненіе предсказанія Ноэ, Оливеру досталось, послѣдній пошелъ вслѣдъ за молодымъ джентльменомъ внизъ завтракать.

— Садитесь ближе къ огню, Ноэ, сказала Чарлоттъ. — Я оставила вамъ славный кусочекъ ветчины отъ завтрака хозяина. Оливеръ заприте дверь сзади м-ра Ноэ и возьмите тѣ куски, что я отложила для васъ на крышкѣ корзины для хлѣба. Вотъ вашъ чай; несите его къ этому сундуку и пейте тамъ; смотрите, торопитесь, вы нужны тамъ, чтобы стеречь лавку. Слышите ли вы?

— Слышите ли, рабочій домъ? сказалъ Ноэ Клейполь.

— Господи, Ноэ, сказала Чарлоттъ, — что вы за странный человѣкъ. Отчего вы не оставляете мальчика въ покоѣ.

— Оставить его, сказалъ Ноэ. — Что касается до этого, то всѣ его оставили. Ни отецъ, ни мать никогда не вмѣшаются въ его дѣла; всѣ родственники его оставили его дѣлать все, что онъ хочетъ. Эге, Чарлоттъ. Ха! ха! ха!

— О вы забавный человѣкъ! вскричала Чарлоттъ съ громкимъ хохотомъ, къ которому присоединился и Ноэ. Нахохотавшись вволю, они презрительно посмотрѣли на бѣднаго Оливера Твиста, который, сидя на сундукѣ въ самомъ холодномъ углу комнаты, дрожалъ отъ холода и ѣлъ черствые обглодки, которые нарочно откладывались для него.

Ноэ былъ воспитанникомъ благотворительнаго пріюта, а не сиротой изъ рабочаго дома. Онъ не былъ неизвѣстнымъ ребенкомъ, потому что могъ прослѣдить свою генеалогію до своихъ родителей, жившихъ возлѣ лавки: мать его была прачкой, а отецъ пьянымъ солдатомъ, выпущеннымъ въ отставку съ деревянной ногой и ежедневной пенсіей въ два пенса полпенни и еще мелкой дробью, не принятой въ употребленіе. Мальчики изъ сосѣднихъ лавокъ давно уже составили себѣ привычку клеймить Ноэ на улицѣ оскорбительными прозвищами: „битый“, „пріютскій и т. п.“, Ноэ сносилъ ихъ безотвѣтно. Теперь, когда судьба бросила на дорогу его сироту безъ имени, на котораго даже самый послѣдній человѣкъ въ обществѣ могъ презрительно указывать пальцемъ, онъ вымещалъ на немъ съ

процентами то, что самъ выносилъ. Это даетъ самую пріятную пищу для размышленій. Это показываетъ намъ, какъ прекрасна бываетъ иногда человѣческая природа и съ какимъ безпристрастіемъ развиваетъ она такія милыя свойства и въ самомъ изящномъ лордѣ, и въ самомъ грязномъ мальчикѣ изъ благотворительнаго пріюта.

Оливеръ прожилъ у гробовщика около трехъ недѣль, когда м-ръ Соуэрбёрри, заперевъ лавку и сѣвъ съ м-съ Соуербёрри за ужинъ, сказалъ, взглянувъ предварительно нѣсколько разъ съ почтеніемъ на жену.

— Моя милая... Онъ хотѣлъ сказать болѣе, но м-съ Соуэрбёрри вглянула на него съ видомъ, какъ-то особенно не предвѣщавшимъ ничего добраго, и онъ умолкъ.

— Ну что? спросила рѣзко м-съ Соуэрбёрри.

— Ничего, моя милая, ничего, сказалъ м-ръ Соуэрбёрри.

— У, скотина вы, сказала м-съ Соуэрбёрри.

— Вовсе нѣтъ, моя милая, сказалъ смиренно м-ръ Соуэрбёрри.

— Я только думалъ, что вы не хотѣли слушать, моя милая. Я собирался сказать...

— О, не говорите мнѣ того, что вы хотѣли сказать, остановила его м-съ Соуэрбёрри. — Я — ничто, не спрашивайте моего совѣта, прошу васъ. Я вовсе не желаю вмѣшиваться въ ваши тайны. И съ этими словами м-съ Соуэрбёрри истерично расхохоталась, что предвѣщало страшныя послѣдствія.

— Но, моя милая, сказалъ м-ръ Соуэрбёрри. —Я хотѣлъ спросить вашего совѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ, не просите моего совѣта, отвѣчала м-съ Соуэрбёрри самымъ раздирающимъ сердце голосомъ.—Просите совѣта у кого нибудь другого. Затѣмъ послѣдовалъ сильно испугавшій м-ра Соуэрбёрри, новый припадокъ истеричнаго смѣха,—общеизвѣстный и аппробованный способъ супружескаго обращенія, который очень часто бываетъ дѣйствителенъ. Онъ мгновенно заставилъ м-ра Соуэрбёрри вымаливать, какъ особую милость, позволеніе сказать то, что м-съ Соуэрбёрри съ особеннымъ любопытствомъ желала узнать, и послѣ короткаго спора, продолжавшагося не болѣе трехъ четвертей часа, позволеніе было дано, какъ нельзя болѣе милостиво.

— Я только хотѣлъ поговорить съ вами о маленькомъ Твистѣ,

моя милая, сказалъ м-ръ Соуэрбёрри. — Онъ очень красивый мальчикъ, моя милая.

— Онъ долженъ быть такимъ, потому что онъ ѣстъ въ волю, замѣтила м-съ Соуэрбёрри.

— У него меланхолическое выраженіе лица, моя милая, продолжалъ м-ръ Соуэрбёрри,—которое очень интересно. Изъ него вышелъ бы восхитительный ассистентъ для похоронъ, моя милая.

М-съ Соуэрбёрри взглянула на мужа съ выраженіемъ значительнаго изумленія. М-ръ Соуэрбёрри замѣтилъ это, и не давъ этой достойной женщинѣ сдѣлать какое либо замѣчаніе, продолжалъ.

— Я не говорю, что онъ можетъ быть ассистентомъ при похоронахъ взрослыхъ, моя милая, но при дѣтскихъ похоронахъ. Это будетъ новостью поставлять ассистента въ пропорцію покойника, моя милая. Вы можете быть увѣрены, что эффектъ будетъ великолѣпный.

М-съ Соуэрбёрри, обладая замѣчательнымъ вкусомъ относительно ремесла гробовщика, была очень поражена новизною идеи; но такъ какъ сознаться въ томъ при существующихъ обстоятельствахъ было бы униженіемъ ея достоинства, она только спросила съ большой рѣзкостью, почему эта мысль не пришла прежде въ голову ея мужа. М-ръ Соуэрбёрри вполнѣ основательно вывелъ изъ этого согласіе на свое предложеніе, и было немедля рѣшено, что Оливеръ, безъ дальнѣйшаго отлагательства долженъ быть посвященъ въ тайну своей новой профессіи и что, въ виду этого, онъ долженъ сопровождать своего хозяина въ первый же разъ, когда потребуются услуги послѣдняго.

Случай не замедлилъ представиться. На слѣдующее утро полчаса послѣ завтрака, м-ръ Бёмбль вошелъ въ лавку и, прислонивъ трость къ конторкѣ, досталъ большой кожаный бумажникъ и, вынувъ изъ него небольшой лоскутокъ бумаги, подалъ его Соуэрбёрри.

— Ага, сказалъ гробовщикъ, взглянувъ на бумагу съ оживившимся лицомъ:—заказъ на гробъ, не такъ ли?

— Сначала на гробъ, а потомъ на похороны отъ прихода, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, закрѣпляя ремень своего кожанаго бумажника, который, какъ и владѣлецъ его, отличался полнотою.

— Бейтонъ, сказалъ гробовщикъ, переведя глаза отъ лоскутка бумаги на м-ра Бёмбля,—я никогда не слыхалъ прежде этого имени.

Бёмбль потрясъ головой, отвѣчая. — Упрямый народъ, м-ръ Соуэрбёрри, очень упрямый; да къ тому же, я боюсь, гордый, сэръ.

— Гордый, э-э, вскричалъ съ презрительной усмѣшкой м-ръ Соуэрбёрри. —Полноте, это ужъ черезъ-чуръ.

— Да это возмутительно, отвѣчалъ приходскій сторожъ: — это тошнотворно какъ антимоній, м-ръ Соуэрбёрри.

— Да это такъ, подтвердилъ гробовщикъ.

— Мы узнали о нихъ только за вечеръ до сегодня, сказалъ приходскій сторожъ, —да и то мы никогда ничего не узнали бы объ нихъ, еслибы одна женщина, которая живетъ въ томъ же домѣ, не пришла просить приходскій совѣтъ послать приходскаго доктора навѣстить опасно больную женщину въ ихъ семьѣ. Докторъ ушелъ обѣдать, но ученикъ его, который очень смышленый малый, послалъ имъ на скорую руку какого-то лекарства, въ бутылкѣ отъ ваксы.

— Вотъ скорая помощь! сказалъ гробовщикъ.

— Дѣйствительно скорая, отвѣчалъ приходскій сторожъ. —Но каковъ же вышелъ результатъ? каково было неблагодарное поведеніе этихъ бунтовщиковъ, сэръ! Представьте, мужъ прислалъ сказать, что лекарство не годится для болѣзни его жены и потому она не приметъ его—такъ и сказалъ, что она не приметъ его, сэръ. Хорошее, крѣпкое, здоровое лекарство, которое съ большимъ успѣхомъ давали двумъ ирландскимъ земледѣльцамъ и выгрузчику угля всего недѣлю тому назадъ, которое было послано имъ даромъ, съ бутылкой отъ ваксы въ придачу; а онъ прислалъ сказать, что она не приметъ его, сэръ!

При мысли о такомъ неслыханномъ злодѣйствѣ м-ръ Бёмбль съ силой ударилъ о конторку тростью и побагровѣлъ отъ негодованія.

— Ну, произнесъ гробовщикъ, —я ни-ког-да-не...

— Вы никогда не слыхали ничего подобнаго, сэръ! воскликнулъ приходскій сторожъ: — нѣтъ, и никто не слыхалъ. Но теперь она умерла, и намъ нужно похоронить ее, и вотъ росписаніе, и чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ лучше.

Произнеся это слово, м-ръ Бёмбль, надѣвъ сперва на выворотъ свою треугольную шляпу, въ порывѣ парохіальнаго негодованія, поправилъ ее и кинулся вонъ изъ лавки.

— Онъ былъ такъ сердитъ, Оливеръ, что забылъ даже спросить меня о васъ, сказалъ м-ръ Соуэрбёрри, смотря вслѣдъ приходскому сторожу, шагавшему по улицѣ.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ, все время старавшійся не по-

пасться на глаза м-ру Бёмблю и дрожавшій съ головы до ногъ при одномъ воспоминаніи о звукахъ его голоса. Но онъ совершенно напрасно трудился прятаться отъ взоровъ м-ра Бёмбля, потому что чиновникъ этотъ, на котораго предсказаніе джентльмена въ бѣломъ жилетѣ сдѣлало очень сильное впечатлѣніе, считалъ за лучшее, такъ какъ гробовщикъ взялъ Оливера на испытаніе, совершенно избѣгать всякихъ разговоровъ объ этомъ предметѣ до того времени, какъ мальчикъ будетъ на законномъ основаніи сданъ на семь лѣтъ и всякая опасность, что онъ будетъ возвращенъ на руки прихода будетъ такимъ образомъ вполнѣ дѣйствительно и легально устранена.

-— Хорошо, сказалъ м-ръ Соуэрбёрри, снимая шляпу: — чѣмъ скорѣе мы покончимъ дѣло, тѣмъ лучше. Ноэ, смотрите за лавкой. Оливеръ, надѣньте фуражку и ступайте за мной.

Оливеръ повиновался и послѣдовалъ за своимъ хозяиномъ по дѣлу его профессіи.

Они шли нѣсколько времени по самой многолюдной и густо населенной части города; потомъ, повернувъ въ узкую улицу, самую грязную и нищенскую изо всѣхъ, которыя они прошли, остановились отыскать домъ, который былъ указанъ м-ромъ Бёмблемъ. Дома по обѣимъ сторонамъ улицы были высоки и огромны, но очень стары и населены жильцами изъ бѣднѣйшихъ классовъ, что вполнѣ доказалъ бы ихъ запущенный и грязный наружный видъ, даже если бы это свидѣтельство не подтверждалось нищенскимъ видомъ нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ, которые, сложивъ руки и согнувшись, повременамъ брели по улицѣ. Большая часть квартиръ имѣла выставки для лавокъ, но онѣ были закрыты и гнили отъ времени; только верхнія комнаты были обитаемы. Стѣны другихъ квартиръ, въ которыхъ опасно было жить отъ ветхости и разрушенія, были подперты съ улицы огромными крѣпко врытыми, въ землю балками, безъ которыхъ стѣны обрушились бы на улицу; но даже и эти страшныя трущобы, казалось, были выбраны для ночнаго пристанища бездомными бѣдняками, потому что во многихъ мѣстахъ доски, которыми были заколочены окна и двери, были выворочены, чтобы оставить отверстіе для человѣческаго тѣла. Логовища эти были вонючи и грязны; даже крысы были отвратительно страшны отъ голода, а нѣкоторыя, мѣстами, лежали издохшими, сгнивая среди этой гнили.

Не было ни молотка, ни ручки отъ звонка открытой двери, у

которой остановились Оливеръ съ своимъ хозяиномъ, и гробовщикъ, осторожно ощупывая дорогу въ темномъ корридорѣ и приказавъ Оливеру идти вслѣдъ за нимъ и небояться, поднялся до верху первой лѣстницы и наткнувшись на дверь, находившуюся на площадкѣ, постучалъ въ нее суставами пальцевъ.

Дѣвочка лѣтъ тринадцати или четырнадцати открыла дверь. Гробовщикъ сразу увидалъ все, что было въ комнатѣ и догадался, что попалъ туда, куда его послали. Онъ вошелъ и Оливеръ послѣдовалъ за нимъ.

Въ комнатѣ не было огня; но одинъ мужчина сидѣлъ, машинально пригнувшись надъ пустой печкой. Старуха, тоже придвинула низкій табуретъ къ холидному очагу и сидѣла рядомъ съ мужчиной. Нѣсколько оборванныхъ дѣтей сидѣли на полу въ другомъ углу, а въ небольшой нишѣ противъ двери лежало что то на землѣ, обернутое старымъ одѣяломъ. Оливеръ вздрогнулъ, взглянувъ по этому направленію и крѣпче прижался къ своему хозяину; хотя это что-то было закрыто, но Оливеръ почувствовалъ, что это былъ трупъ.

Лицо мужчины было исхудалое и блѣдное; волосы и борода слегка посѣдѣли, а глаза налиты кровью. Лицо старухи было покрыто морщинами, два уцѣлѣвшіе верхніе зуба оскалены надъ нижней губой, но глаза ея были свѣтлы и взглядъ ихъ былъ острый. Оливеръ боялся взглянуть на одного или на другую; они такъ напоминали ему крысъ, которыхъ онъ видѣлъ внизу.

— Никто не дотронется до нея, сказалъ мужчина, бѣшено вскочивъ съ мѣста, когда гробовщикъ подошелъ къ нимъ: — назадъ, будьте вы прокляты, назадъ, если вамъ дорога жизнь.

— Не говорите пустяковъ, добрый человѣкъ, сказалъ гробовщикъ, который былъ какъ нельзя болѣе привыкши видѣть нищету во всѣхъ ея видахъ: — пустяки.

— Я говорю вамъ, повторялъ мужчина, сжимая кулаки и въ бѣшенствѣ топая ногой: — Я говорю вамъ, что не позволю зарыть ее въ землю. Она не найдетъ тамъ покоя. Черви только замучаютъ ее и не съѣдятъ, она такъ исхудавши.

Гробовщикъ, не отвѣчая ни слова на этотъ бредъ, вынулъ изъ кармана тесьму и всталъ на колѣни возлѣ тѣла.

— Ахъ! вскричалъ мужчина, залившись слезами и упавъ на колѣни у ногъ умершей женщины. Станьте на колѣни, станьте всѣ

на колѣни, на колѣни кругомъ передъ нею, всѣ до одного, и помните мои слова. Я говорю, что она была заморена голодомъ. Я не зналъ какъ плохо ей было, пока ее не схватила лихорадка, и кости не оскалились такъ подъ кожей. Не было ни огня, ни свѣчи; она умерла въ темнотѣ, въ темнотѣ. Она не могла видѣть даже лица дѣтей, хотя мы слышали какъ она задыхаясь, знала ихъ имена; я просилъ милостыни для нея на улицѣ, и меня отправили въ тюрьму. Когда меня выпустили, она умирала; и вся кровь моего сердца высохла, потому что они заморили ее голодомъ. Я клянусь въ томъ передъ Богомъ, видѣвшимъ все! они заморили ее... Онъ запустилъ руки въ волоса и съ громкимъ крикомъ упалъ и покатился по полу въ конвульсіяхъ, глаза его остановились неподвижно, а на губахъ выступила пѣна.

Перепуганныя дѣти горько расплакались. Старуха, до сихъ поръ остававшаяся неподвижной и, повидимому, глухой ко всему что происходило, молча погрозила имъ и, распустивъ галстухъ мущины, который все лежалъ распростертымъ на полу, шатаясь подошла къ гробовщику.

— Она была моей дочерью, сказала старуха кивая головой по направленію тѣла и говоря съ пріятной усмѣшкой, болѣе страшной нежели самая смерть. Господи, господи! Да, странно что я, которая родила ее, теперь жива и бодра, а она лежитъ тамъ холодная и закоченѣлая! Господи, Господи! Только подумать объ этомъ! Это все равно что комедія на театрѣ; да все равно что комедія на театрѣ.

Пока несчастное созданіе бормотало и усмѣхалось въ этомъ чудовищномъ весельи, гробовщикъ собрался уходить.

— Постойте, постойте, сказала старуха громкимъ шопотомъ. Когда ее хоронятъ, завтра, или черезъ день — или сегодня вечеромъ? Я положила ее, и я должна идти за ней, вы знаете. Пришлите мнѣ большой салопъ, хорошій теплый салопъ, потому что рѣзкій холодъ. Намъ нужно тоже прислать пирожковъ и вина, прежде чѣмъ мы пойдемъ на могилу! Все равно; пришлите хлѣба — только ломоть хлѣба и чашку воды. Дадутъ ли намъ хлѣба, дорогой? спросила она жадно, схватившись за сюртукъ гробовщика, когда онъ двинулся къ двери.

— Да, да, сказалъ гробовщикъ, разумѣется, вамъ дадутъ что нибудь, все. Онъ высвободилъ полу сюртука изъ рукъ женщины и, потащивъ Оливера за собой, поспѣшно вышелъ.

На слѣдующій день, (семья въ продолженіе этого времени подкрѣпила себя фунтовымъ хлѣбомъ и кускомъ сыру, принесенными м-ромъ Бёмблемъ) Оливеръ и его хозяинъ снова пришли въ жалкое жилище, гдѣ уже находился м-ръ Бёмбль, въ сопровожденіи четырехъ мужчинъ изъ рабочаго дома, которые должны были нести гробъ. Старые черные плащи были наброшены поверхъ лохмотьевъ мужчины и старухи; голый досчатый гробъ былъ завинченъ, поднятъ на плечи насильщиковъ и вынесенъ на улицу.

— Теперь вы должны спѣшить, старая леди, шепнулъ Соуэрбёрри на ухо старухѣ.

— Мы опоздали, а не годится заставлять священника долго ждать. Идите, скорѣй, молодцы, такъ скоро, какъ хотите.

Вслѣдствіе этого распоряженія, насильщики шли скоро подъ своимъ легкимъ бременемъ. М-ръ Бёмбль и Соуэрбёрри шли скорымъ шагомъ впереди, а Оливеръ, ноги котораго были не такъ длинны какъ ноги хозяина его, бѣжалъ возлѣ нихъ.

Однако не было никакой необходимости спѣшить, какъ то предполагалъ м-ръ Соуэрбёрри; потому что, когда они дошли до глухаго угла кладбища, гдѣ росла крапива и готовились могилы для бѣдняковъ, оказалось что священникъ еще не приходилъ, а причетникъ. который сидѣлъ въ ризницѣ у огня, сказалъ что очень можетъ быть пройдетъ часъ, или около того до его прихода. Пришлось поставить гробъ на краю могилы; мужъ и мать терпѣливо ожидали, стоя въ грязи, подъ холоднымъ пронизывающимъ дождемъ, а оборванные мальчики, привлеченные зрѣлищемъ похоронъ на кладбище, шумно играли въ прятки между могильными камнями, или разнообразили свою забаву, прыгая взадъ и впередъ черезъ гробъ. М-ръ Соуэрбёрри и м-ръ Бёмбль въ качествѣ короткихъ друзей причетника, грѣлись съ нимъ рядомъ у огня и читали газету.

Наконецъ, по исходѣ болѣе часоваго промежутка, м-ръ Бёмбль, и м-ръ Соуэрбёрри и причетникъ прибѣжали къ могилѣ, и немедля вслѣдъ за тѣмъ явился и священникъ, надѣвавшій на ходу свой стихарь. М-ръ Бёмбль поколотилъ одного мальчика, или двухъ, ради приличія; а за тѣмъ достопочтенный джентльменъ, прочитавъ изъ требника похоронныхъ молитвъ, сколько можно было прочесть въ четыре минуты, отдалъ свой стихарь причетнику и снова убѣжалъ прочь.

— Теперь Билль, сказалъ Соуэрбёрри могильщику, закладывай могилу.

Это не могло быть очень труднымъ дѣломъ, потому что могила была полна до того, что верхній гробъ находился въ немногихъ футахъ отъ поверхности земли. Могильщикъ набросалъ лопатой земли, затопталъ слегка ногами, вскинулъ лопату на плечи и ушелъ, въ сопровожденіи оборванныхъ мальчиковъ, которые громко ворчали на то, что потѣха такъ скоро окончилась.

— Пойдемте, добрый человѣкъ, сказалъ Бёмбль, хлопнувъ мужчину по спинѣ. Сейчасъ запрутъ кладбище.

Мужчина, который не шевельнулся ни раза съ той минуты, какъ сталъ у края могилы, теперь вздрогнулъ, поднялъ голову, уставился на говорившаго, прошелъ нѣсколько шаговъ и упалъ въ обморокѣ. Помѣшанная старуха была такъ занята оплакиваньемъ потери своего плаща, который гробовщикъ снялъ съ нея, что она не обратила никакого вниманія на упавшаго. Присутствовавшіе плеснули на него изъ жбана воды, и когда онъ пришелъ въ себя, то проводили его до воротъ кладбища, заперли ворота и разошлись въ разныя стороны.

— Ну что, Оливеръ, спросилъ м-ръ Соуэрбёрри, когда они шли домой. Какъ это понравилось вамъ?

— Довольно, сэръ, благодарю васъ, отвѣчалъ Оливеръ, съ значительнымъ колебаніемъ.—Нѣтъ не очень, сэръ.

— Ага? но вы привыкнете со временемъ, Оливеръ, сказалъ Соуэрбёрри. Это ничего, когда вы привыкнете, мальчикъ.

Оливеръ мысленно спрашивалъ себя, нужно ли было много времени м-ру Соуэрбёрри на то, чтобы привыкнуть; но онъ счелъ за лучшее не дѣлать этого вопроса и шелъ молча въ лавку, думая обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ.

ГЛАВА VI.

Оливеръ, выведенный изъ себя насмѣшками Ноэ, отваживается на дѣйствіе, которое нѣсколько удивляетъ того.

Мѣсяцъ испытанія кончился и Оливеръ былъ формально сданъ въ ученики.

Стояло прекрасное время для гробовщиковъ, болѣзни свирѣпствовали и, говоря коммерческимъ языкомъ, гробы поднимались. Въ продолженіе немногихъ недѣль, Оливеръ пріобрѣлъ большую опытность. Успѣхъ спекуляціи, придуманной м-ромъ Соуэрбѐрри превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія его. Старожилы не запомнили времени, когда корь свирѣпствовала бы въ такой степени, или была такъ гибельна для жизни дѣтей; и часто повторялись процессіи, которыя маленькій Оливеръ въ черной шляпѣ съ лентами, падавшими до колѣнъ, велъ къ неописанному удивленію и умиленію всѣхъ матерей города. Но такъ какъ Оливеръ сопровождалъ своего хозяина и въ большой части процессіи взрослыхъ покойниковъ, для того чтобы онъ могъ усвоить себѣ сдержанность обращенія и полную власть надъ нервами, которыя такъ необходимы для образцоваго гробовщика, то онъ имѣлъ не мало случаевъ наблюдать похвальную покорность судьбѣ и твердость, съ какими многіе сильные характеромъ переносили свои испытанія и потери.

Напримѣръ, когда Соуэрбѐрри получалъ заказъ похоронъ какого нибудь богатаго джентльмена, или леди, оставлявшихъ множество племянниковъ и племянницъ, которые были вполнѣ неутѣшны во время его или ея предсмертной болѣзни и печаль которыхъ была вполнѣ неудержима даже въ публичныхъ церемоніяхъ, Оливеръ видѣлъ, что они могли быть счастливы оставаясь между своими, какъ только могутъ быть счастливы люди, вполнѣ веселы и довольны, разговаривая между собой съ такой непринужденностью и весельемъ, какъ будто ничего не случилось, что бы могло опечалить ихъ. Мужья переносили потери женъ съ самымъ героическимъ спокойствіемъ, а

жены тоже надѣвали трауръ по мужьямъ, какъ будто онѣ, не только были далеки отъ всякой мысли печалиться въ этой одеждѣ скорби, но положили себѣ сдѣлать ее какъ можно интереснѣе и очаровательнѣе. Было замѣчено тоже, что леди и джентльмены, которые предавались страшнымъ порывамъ отчаянія во время церемоніи похоронъ, оправлялись, едва успѣвъ вернуться домой, и становились совершенно спокойными, прежде чѣмъ оканчивался вечерній чай. Видѣть все это было очень интересно и поучительно, и Оливеръ видѣлъ все это съ величайшимъ изумленіемъ.

Научилъ ли примѣръ этихъ добрыхъ людей Оливера Твиста покорности, я не могу, хотя и біографъ его, утверждать съ какой нибудь достовѣрностью: но я могу положительно сказать одно, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ кротко подчинялся власти и дурному обращенію Ноэ Клейполя, который обращался съ нимъ такъ дурно какъ никогда, потому что зависть его была возбуждена тѣмъ, что новый мальчикъ получилъ отличіе ленты на шляпу и черный жезлъ, тогда какъ онъ старшій, все еще оставался при старой фуражкѣ и кожанномъ передникѣ. Чарлоттъ обращалась съ Оливеромъ дурно, потому что такъ обращался Ноэ, а м-съ Соуэрбѐрри была его отъявленнымъ врагомъ, потому что м-ръ Соуэрбѐрри былъ хорошо расположенъ къ Оливеру; слѣдовательно поставленный между ними тремя съ одной стороны, и безконечными похоронами съ другой, Оливеръ находился далеко не въ такомъ пріятномъ положеніи, какъ голодный поросенокъ, котораго по ошибкѣ заперли въ чуланъ для зерна въ пивоварнѣ.

Теперь я перехожу къ очень важному періоду въ біографіи Оливера, и потому долженъ упомянуть о поступкѣ, который по видимому незначителенъ, но который косвенно былъ причиной важной перемѣны въ его жизни и будущности.

Въ одинъ день Оливеръ и Ноэ сошли въ кухню въ обычное время обѣда, чтобы пировать небольшимъ кускомъ баранины, фунта полтора вѣсомъ, отрѣзаннымъ отъ самой дурной части шеи; Чарлоттъ была отозвана за чѣмъ-то хозяевами; наступила короткая пауза, и Ноэ, голодный и злой, нашелъ что онъ не можетъ напомнить ее болѣе достойнымъ образомъ, какъ дразня и мучая маленькаго Оливера Твиста.

Разнообразя эту невинную забаву, Ноэ положилъ ноги на ска-

терть, дралъ Оливера за волосы, вывертывалъ ему уши и выражалъ свое мнѣніе, что онъ подлецъ; далѣе заявилъ о своемъ намѣреніи видѣть его повѣшеннымъ, когда бы ни случилось это желательное событіе, и перешелъ къ многимъ другимъ способамъ мелкихъ оскорбленій, какъ и было прилично злому и невоспитанному юношѣ изъ благотворительнаго пріюта. Но ни одинъ изъ его попрековъ не произвелъ желаемаго дѣйствія—заставить Оливера заплакать, и Ноэ сдѣлалъ новую попытку шутки, и въ этой попыткѣ поступилъ, какъ и многіе мелкіе остряки, пользующіеся несравненно большей извѣстностью нежели Ноэ, поступаютъ до сегодня, когда хотятъ смѣшить—онъ началъ говорить личности.

— Рабочій домъ, сказалъ Ноэ, здорова ли ваша мать?

— Она умерла, отвѣчалъ Оливеръ, не говорите мнѣ ни слова о ней. Оливеръ вспыхнулъ говоря эти слова, онъ тяжело дышалъ и ноздри его и губы задрожали, что м-ръ Клейполь счелъ предвѣщаніемъ немедленнаго плача. Вслѣдствіе этого, онъ снова напалъ на Оливера.

— Отъ чего она умерла, рабочій домъ? спросилъ Ноэ.

— Ея сердце разбилось, мнѣ говорили старыя сидѣлки, отвѣчалъ Оливеръ, болѣе самому себѣ, нежели Ноэ, — я думаю, что я знаю, что значитъ умереть отъ разбитаго сердца.

— Тиль де риль лиль лиль, дѣло, риль лери, рабочій домъ, сказалъ Ноэ, видя что слеза скатилась по щекѣ Оливера. Что васъ заставило такъ хныкать?

— Не *вы*, отвѣчалъ Оливеръ, торопливо отирая слезу. Не думайте этого.

— О, не я, эге, усмѣхнулся Ноэ.

— Нѣтъ, не вы, отвѣчалъ рѣзко Оливеръ.—Но довольно. Не говорите мнѣ ни слова о ней, лучше не говорите!

— Лучше не говорить! вскричалъ Ноэ.—Хорошо! мнѣ лучше не говорить. Рабочій домъ, не будьте дерзкимъ. *Ваша* мать, еще !Хорошая была она! о, Господи!—Тутъ Ноэ выразительно кивнулъ головой и вздернулъ вверхъ свой маленькій красный носъ, насколько онъ могъ собрать мускульной силы для этого дѣйствія.

— Вы знаете, рабочій домъ, продолжалъ Ноэ, ободренный молчаніемъ Оливера, издѣвающимся тономъ притворной жалости — самымъ оскорбительнымъ изо всѣхъ: — вы знаете, рабочій домъ, те-

перь этому ужъ не поможешь и, разумѣется, вы бы не могли помочь и тогда, и я очень жалѣю васъ за то, и я увѣренъ, мы всѣ васъ очень жалѣемъ; но вы должны же знать, рабочій домъ, ваша мать была настоящая, въ конецъ дурная женщина.

— Что вы сказали? спросилъ Оливеръ, быстро взглянувъ на него.

— Настоящая, въ конецъ дурная женщина, рабочій домъ, отвѣчалъ хладнокровно Ноэ:—и гораздо лучше, рабочій домъ, что она умерла, не то она бы работала на каторгѣ въ Брайдуэннѣ, или была сослана, или повѣшена, что всего вѣроятнѣе, не правда ли?

Оливеръ вскочилъ, пунцовый отъ бѣшенства, повалилъ стулъ и столъ, схватилъ Ноэ за горло, трясъ его съ силой бѣшенства, до того что у того застучали зубы, и, собравъ всѣ силы въ одномъ ударѣ, сшибъ его на землю.

За минуту передъ тѣмъ мальчикъ казался такимъ тихимъ, кроткимъ, забитымъ созданіемъ, какимъ сдѣлало его дурное обращеніе. Но онъ наконецъ возмутился, жестокое оскорбленіе его покойной матери зажгло его кровь огнемъ. Грудь его поднималась, онъ гордо выпрямился, глаза его блестѣли и онъ весь измѣнился, когда стоялъ, сверкая взглядомъ на своего трусливаго мучителя, лежавшаго у ногъ его, и вызывалъ того съ силой, которой онъ никогда еще не чувствовалъ въ себѣ.

— Онъ убьетъ меня, хныкалъ Ноэ: — Чарлоттъ, миссисъ! новый мальчикъ убьетъ меня! Помогите! Оливеръ взбѣсился. Чарлоттъ!

На крики Ноэ отвѣчалъ громкій визгъ Чарлоттъ и еще болѣе громкій м-съ Соуербѐрри. Первая кинулась въ кухню изъ боковой двери, вторая остановилась на лѣстницѣ, пока не убѣдилась, насколько было сообразно съ сохраненіемъ человѣческой жизни спуститься далѣе.

— О вы, маленькій злодѣй! взвизгнула Чарлоттъ, схвативъ Оливера изо всей силы, которая почти равнялась средней силѣ молодаго, хорошо развитаго молодаго человѣка.—О вы, маленькій не-бла-годар-ный, убій-ца, от-вра-ти-тель-ный зло-дѣй! и Чарлоттъ послѣ каждаго слога отвѣшивала Оливеру изо всей силы ударъ и сопровождала его крикомъ, для удовольствія всего общества.

Кулакъ Чарлоттъ былъ далеко не изъ легкихъ, но на тотъ случай, что онъ оказался бы недѣйствительнымъ для усмиренія

гнѣва Оливера, м-съ Соуербёрри ворвалась на кухню и помогла держать его одной рукой, а другой царапала ему лицо. При такомъ благополучномъ оборотѣ дѣла, Ноэ всталъ съ пола и накинулся на Оливера сзади.

Это было слишкомъ усиленное упражненіе и потому не могло долго продолжаться. Когда всѣ трое выбились изъ силъ и не могли долѣе рвать и бить, они потащили Оливера, выбивавшагося и кричавшаго, но ни чуть не запуганнаго, въ чуланъ для всякаго хлама и заперли его тамъ. Когда это было окончено, м-съ Соуербёрри упала на стулъ и залилась истеричными слезами.

— Господи! она умираетъ! вскричала Чарлоттъ. — Стаканъ воды, Ноэ, дорогой. Скорѣе.

— О, Чарлоттъ, сказала м-съ Соуербёрри, выговаривая слова съ трудомъ, отъ недостатка дыханія и избытка холодной воды, которую Ноэ лилъ на ея голову и плечи: — о,Чарлоттъ! какая милость божія, что мы не были всѣ зарѣзаны въ нашихъ постеляхъ.

— Истинно, милость божія, сударыня, былъ отвѣтъ,—я теперь надѣюсь, что это научитъ хозяина не брать болѣе этихъ ужасныхъ тварей, которыя родятся на то чтобы быть убійцами и разбойниками съ самой колыбели. Бѣдный Ноэ. Онъ едва не былъ убитъ, когда я вошла.

— Бѣдный малый, сказала м-съ Соуербёрри, съ жалостью посмотрѣвъ на юношу.

Ноэ, верхняя пуговица жилета котораго приходилась въ уровень съ макушкой головы Оливера, увидя себя предметомъ сожалѣнія, принялся тереть кулаками глаза и выжалъ изъ себя нѣсколько слезинокъ и всхлипываній.

— Что намъ дѣлать? вскричала м-съ Соуербёрри.—Хозяина нѣтъ дома, — въ домѣ нѣтъ ни одного мужчины. И онъ разобьетъ дверь въ нѣсколько минутъ.

Бѣшеные пинки Оливера въ дверь дѣлали это предположеніе вполнѣ основательнымъ.

— Боже мой! я не знаю что дѣлать, сударыня, сказала Чарлоттъ: — развѣ послать за полиціей.

— Или за военными, намекнулъ м-ръ Клейполь.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала м-съ Соуербёрри, вспомнивъ о старомъ другѣ Оливера: — бѣгите къ м-ру Бёмблю, Ноэ, и скажите ему

чтобы шелъ сюда, не теряя минуты — торопитесь. Вы можете прижать ножикъ къ этому синяку, пока вы побѣжите туда, это остановитъ опухоль.

Ноэ, не теряя времени на отвѣтъ, пустился со всѣхъ ногъ, и прохожіе на улицѣ были удивлены, видя пріютскаго мальчика, мчавшагося посреди уличной толкотни, безъ шапки и держа складной ножикъ у глаза.

ГЛАВА VII.

Оливеръ продолжаетъ быть непокорнымъ.

Ноэ Клейполь бѣжалъ по улицамъ со всѣхъ ногъ и ни разу не остановился передохнуть, пока не достигъ воротъ рабочаго дома. Отдохнувъ у воротъ минуту или двѣ, чтобы собрать въ себѣ добрый запасъ всхлипываній и сопѣній и приготовить поразительную выставку слезъ и ужаса, онъ громко постучалъ у калитки и представилъ такое плачевное лицо глазамъ стараго бѣдняка, отворившаго ему дверь, что даже тотъ, который постоянно видѣлъ вокругъ себя только печальныя лица, откинулся назадъ въ изумленіи.

— Что случилось съ мальчикомъ? спросилъ старый бѣднякъ.

— М-ръ Бёмбль, м-ръ Бёмбль! вопилъ Ноэ съ мастерски разыграннымъ ужасомъ и голосомъ до того громкимъ, что онъ не только достигъ до слуха самого м-ра Бёмбля, случайно находившагося вблизи, но и испугалъ этого джентльмена до такой степени, что онъ опрометью кинулся на дворъ, безъ своей треугольной шляпы — очень любопытное и достойное вниманія обстоятельство, показывающее, что даже приходскій сторожъ, подъ вліяніемъ внезапнаго и сильнаго порыва, можетъ подвергнуться мгновенной потерѣ самообладанія и забвенію собственнаго достоинства.

— О, м-ръ Бёмбль, сэръ, вскричалъ Ноэ: — Оливеръ, сэръ, Оливеръ....

— Что? что? перебилъ м-ръ Бёмбль и искра удовольствія сверкнула въ его оловянныхъ глазахъ. — Онъ не убѣжалъ? Неужели онъ убѣжалъ, Ноэ?

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ; онъ не убѣжалъ, но онъ сдѣлася злодѣемъ. Онъ хотѣлъ убить меня, сэръ, а потомъ пытался убить Чарлоттъ, а потомъ хозяйку. О, какая страшная боль! о, какое мученье, серъ, и Ноэ началъ корчиться и изгибаться всѣмъ тѣломъ, какъ угорь въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, давая тѣмъ понять м-ру Бёмблю, что онъ потерпѣлъ отъ жестокаго и кровожаднаго нападенія Оливера Твиста серьозное внутреннее поврежденіе, отъ котораго онъ въ настоящее время испытывалъ ужаснѣйшія страданія.

Когда Ноэ увидѣлъ, что сообщенная имъ новость привела м-ра Бёмбля въ оцѣпененіе, онъ еще усилилъ эффектъ, жалуясь со слезами на свои ушибы и увѣчье въ десять разъ громче прежняго; а когда онъ замѣтилъ джентльмена въ бѣломъ жилетѣ, переходившаго черезъ дворъ, его жалобы приняли совершенно трагическій характеръ, такъ какъ онъ вполнѣ основательно заключилъ, что необходимо обратить вниманіе и возбудить негодованіе вышеупомянутаго джентльмена.

Вниманіе джентльмена было немедля обращено; онъ не успѣлъ еще сдѣлать три шага, какъ уже обернулся сердито и спросилъ: о чемъ это воетъ молодой щенокъ и почему м-ръ Бёмбль не удостоитъ его чѣмъ нибудь, что сдѣлало бы его вокальное упражненіе невольнымъ процессомъ.

— Это бѣдный мальчикъ изъ безплатной школы, сэръ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль: — который едва не былъ убитъ, почти что былъ убитъ, сэръ, маленькимъ Твистомъ.

— Я зналъ это! вскричалъ джентльменъ въ бѣломъ галстухѣ, останавливаясь. — Я зналъ это! У меня было странное предчувствіе, съ самаго начала, что этотъ дерзкій дикарь доведетъ себя до висѣлицы.

— Онъ тоже, сэръ, хотѣлъ убить служанку, сказалъ м-ръ Бёмбль, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ.

— И свою хозяйку, подхватилъ м-ръ Клейполь.

— И своего хозяина, кажется, вы говорили Ноэ, добавилъ м-ръ Бёмбль.

— Нѣтъ, его дома нѣтъ, не то онъ убилъ бы и его, отвѣчалъ Ноэ:—онъ сказалъ, что хочетъ...

— А, онъ сказалъ, что хочетъ, такъ и сказалъ, мальчикъ? спросилъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Ноэ. Сэръ, хозяйка приглашала меня спросить можетъ-ли м-ръ Бёмбль удѣлить время, чтобы зайти къ намъ сейчасъ и высѣчь его, потому что хозяина нѣтъ дома.

— Разумѣется можетъ, мой мальчикъ, разумѣется, сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, съ благосклонной улыбкой погладивъ Ноэ по головѣ, которая на три дюйма была выше его собственной. Вы хорошій мальчикъ, очень хорошій. Вотъ вамъ за то пенни. Бёмбль зайдите къ Соуэрбёрри съ вашей тростью и вы тамъ увидите, что нужно сдѣлать. Не давайте ему спуска, Бёмбль.

— Нѣтъ, сэръ, не дамъ, отвѣчалъ приходскій сторожъ, расправляя наконечникъ изъ ремешка, который былъ обмотанъ около конца его палки для экзекуцій надъ приходскими дѣтьми.

— Скажите тоже Соуэрбёрри, чтобы онъ не давалъ ему спуска. Съ нимъ ничего нельзя сдѣлать, коли онъ не будетъ весь въ синякахъ и полосахъ отъ ремня, сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— О, я объ этомъ позабочусь, серъ, отвѣчалъ приходскій сторожъ, и такъ какъ треугольная шляпа и трость были приведены въ надлежащій порядокъ, къ удовольствію обладателя ихъ, то м-ръ Бёмбль и Ноэ Клейполь направились съ величайшей поспѣшностью къ лавкѣ гробовщика.

Здѣсь они нашли положеніе дѣла на мало измѣнившемся къ лучшему; Соуэрбёрри еще не вернулся домой, а Оливеръ продолжалъ бить ногами въ дверь съ силой, нисколько не уменьшившейся отъ продолжительной траты.

Разсказъ о свирѣпости его, какъ онъ былъ переданъ м-съ Соуэрбёрри и Чарлоттъ, былъ такъ изумителенъ, что м-ръ Бёмбль счелъ благоразумнымъ, прежде чѣмъ отпереть дверь, вступить съ Оливеромъ въ предварительные переговоры.

Съ этой цѣлью онъ ударилъ въ дверь ногой, въ видѣ прелиминарія, затѣмъ приложивъ губы къ замочной скважинѣ, произнесъ густымъ внушительнымъ голосомъ.

— Оливеръ!

— Ну же, вы, выпустите меня, отвѣчалъ Оливерь изъ-за двери.

— Вы знаете этотъ голосъ, Оливеръ? вопросилъ м-ръ Бёмбль.

— Да, отвѣчалъ Оливеръ.

— И вы не боитесь его, сэръ. Вы не трепещете, когда я говорю съ вами, сэръ? произнесъ м-ръ Бёмбль.

— Нѣтъ, отвѣчалъ смѣло Оливеръ.

Отвѣтъ этотъ, такъ не похожій на тотъ, который онъ требовалъ и привыкъ постоянно получать, не мало поразилъ м-ра Бёмбля. Онъ отступилъ отъ замочной скважины, выпрямился во весь ростъ и въ нѣмомъ изумленіи, обвелъ поочереди глазами всѣхъ троихъ присутствовавшихъ.

— О, м-ръ Бёмбль, онъ долженъ быть помѣшаннымъ, сказала м-съ Соуэрбёрри. Ни одинъ мальчикъ и на половину въ своемъ умѣ не осмѣлился бы такъ говорить съ вами.

— Нѣтъ это не сумасшествіе, сударыня, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокихъ размышленій: — это мясо!

— Что? вскричала м-съ Соуэрбёрри.

— Мясо, сударыня, мясо, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль съ мрачнымъ паѳосомъ.—Вы закормили его, сударыня. Вы вызвали въ немъ искуственно душу и характеръ, совершенно неприличныя для его званія, сударыня; такъ скажутъ вамъ и члены комитета, м-съ Соуэрберри, которые превосходные естествоиспытатели. На что нужны нищимъ душа и характеръ? Совершенно достаточно съ нихъ, если мы допускаемъ ихъ имѣть живое тѣло. Если бы вы держали мальчика на кашицѣ, сударыня, этого бы никогда не случилось.

— Боже мой! воскликнула м-съ Соуэрбёрри, благоговѣйно возводя глаза къ потолку кухни:—вотъ къ чему ведетъ наша щедрость.

Щедрость м-съ Соуэрбёрри въ отношеніи Оливера состояла въ томъ, что она ему щедрой рукой отпускала всѣ грязные объѣдки и никуда негодные куски, которыхъ никто не хотѣлъ трогать; изъ чего слѣдуетъ, что она выказала много кротости и самоотверженія, вынеся добровольно тяжелое обвиненіе м-ра Бёмбля, хотя она, — должно отдать ей полную справедливость,—была вполнѣ невиновна ни помышленіемъ, ни словомъ, ни дѣломъ.

— А, сказалъ м-ръ Бёмбль, когда леди опустила внизъ глаза: — одно, что можно сдѣлать теперь, сколько я знаю, — оставить его въ чуланѣ на цѣлый день или около того, и потомъ выпустить его и продержать на кашицѣ во все время его ученья. Онъ родился

отъ дурной семьи, раздражительная натура, м-съ Соуэрбёрри. И сидѣлка и докторъ сказали, что его мать вынесла столько горя и страданій. что это убило бы еще за нѣсколько недѣль каждую порядочную женщину.

На этомъ мѣстѣ рѣчи м-ра Бёмбля, Оливеръ выслушавши на столько, чтобы знать, что за этимъ должны были слѣдовать дальнѣйшіе намеки на его мать, началъ бить ногами въ дверь съ новой силой, которая заглушила всѣ прочіе звуки. При этомъ оборотѣ дѣла Соуэрберри возвратился домой; преступленіе Оливера было сообщено ему обѣими женщинами съ такими преувеличеніями, какія онѣ обѣ сочли наиболѣе подходящими, чтобы разжечь его злобу; м-ръ Соуэрбёрри въ одинъ мигъ отперъ дверь чулана и выволокъ за воротъ своего бунтовавшагося ученика.

Одежда Оливера была разорвана во время вынесенныхъ побоевъ, лицо было избито и исцарапано, растрепанные волосы лежали на лбу. Краска гнѣва однако еще не сошла съ его лица, и когда его вытащили изъ тюрьмы, онъ бросилъ смѣлый угрожающій взглядъ на Ноэ и ничуть не казался испуганнымъ.

— Ну, хорошій же вы мальчикъ, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ м-ръ Соуэрбёрри, встряхнувъ Оливера и рванувъ ему ухо.

— Онъ обозвалъ мать мою дурными словами, сказалъ Оливеръ.

— Ну чтожъ такое, если и обозвалъ, маленькій, неблагодарный негодяй. сказала м-съ Соуэрбёрри.—Она заслуживала то, что онъ сказалъ, и еще хуже того.

— Она не заслуживала, сказалъ Оливеръ.

— Она заслуживала, сказала м-съ Соуэрбёрри.

— Это ложь! сказалъ Оливеръ.

М-съ Соуэрбёрри залилась потокомъ слезъ

Этотъ потокъ слезъ не оставилъ другаго выбора м-ру Соуэрбёрри; еслибы онъ хоть одно мгновеніе поколебался наказать Оливера строжайшимъ образомъ, то какъ незьзя болѣе очевидно для каждаго проницательнаго читателя, что онъ, сообразно со всѣми предшествовавшими примѣрами супружескихъ размолвокъ, былъ бы обозванъ скотиной, безчеловѣчнымъ мужемъ, оскорбляющей тварью, жалкимъ подобіемъ мужчины и многими другими разнообразными и пріятными эпитетами, повторить которые, по многочисленности ихъ, не допускаютъ размѣры этой главы. Нужно отдать ему полную справедли-

вость, онъ былъ, насколько то допускала его воля,—а она не была особенно сильна, — хорошо расположенъ къ Оливеру; быть можетъ потому, что того требовали его прямыя выгоды, быть можетъ потому, что жена его не любила мальчика. Тѣмъ не менѣе этотъ потокъ слезъ не оставилъ ему другаго выбора, и онъ разомъ задалъ ему такую встрепку, которая удовлетворила даже самою м-съ Соуэрберри и сдѣлала дальнѣйшее приложенiе трости м-ра Бёмбля скорѣе излишнимъ. Оливера снова заперли въ кухню на остальную часть дни, съ помпой и ломтемъ хлѣба вмѣсто всякой компанiи; а къ ночи м-съ Соуэрберри, сдѣлавъ за дверями нѣсколько различныхъ замѣчанiй, ни мало не лестныхъ для памяти его покойной матери, заглянула въ кухню и посреди насмѣшекъ и наускиванiй Ноэ и Чарлоттъ, приказала Оливеру идти на верхъ въ его печальную спальню.

Только когда Оверъ былъ оставленъ одинъ посреди тишины и безмолвiя мрачной мастерской гробовщика, онъ далъ волю чувствамъ, которыя должны были вызвать въ ребенкѣ обращенiе сегоднишняго дня. Онъ выслушалъ всѣ насмѣшки съ взглядомъ презрѣнiя; онъ вынесъ удары бича безъ крика; онъ чувствовалъ какъ въ его сердцѣ кипѣла гордость, которая подавила бы крики до послѣдней минуты, даже еслибы его сожгли живаго; но теперь не было никого, кто бы могъ видѣть или слышать его, и онъ упалъ на колѣни на полъ и, закрывъ руками лице, заплакалъ такими слезами, какими дай Богъ для чести нашей природы, чтобы довелось немногимъ дѣтямъ плакать передъ Нимъ.

Оливеръ оставался долго неподвижнымъ въ томъ же положенiи. Свѣча почти догорѣла до самаго подсвѣчника, когда онъ поднялся и, осторожно оглянувшись вокругъ и чутко прислушавшись, осторожно отодвинулъ засовы наружной двери и взглянулъ на улицу.

Была холодная темная ночь. Ребенку показалось, что никогда еще звѣзды не отстояли такъ далеко отъ земли; не было вѣтра и темныя тѣни, отброшенныя деревьями на землю, по своей неподвижности казались еще погребальнѣе, еще мертвеннѣе. Оливеръ тихо затворилъ дверь и, воспользовавшись погасавшимъ свѣтомъ свѣчи, чтобы завязать въ платокъ немногiя вещи изъ одежды, которыя онъ имѣлъ, сѣлъ на скамью дожидать разсвѣта.

Съ первымъ лучемъ свѣта, пробившемся сквозь щели ставень, Оливеръ всталъ и снова отодвинулъ засовы двери. Одинъ робкiй

взглядъ кругомъ, одна минута колебанія — и онъ заперъ дверь за собой и очутился на улицѣ. Онъ смотрѣлъ направо и налѣво, не зная куда бѣжать. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ какъ возы, выѣзжая изъ города, поднимались на холмъ. Онъ взялъ ту же дорогу и, дойдя до тропинки, пересѣкавшей поля, которая, какъ онъ зналъ, нѣсколько далѣе снова выводила на большую дорогу, онъ свернулъ на нее и пошелъ скорыми шагами.

Оливеръ хорошо помнилъ, какъ онъ по этой же тропинкѣ бѣжалъ вслѣдъ за м-ромъ Бёмблемъ, когда тотъ въ первый разъ увелъ его изъ фермы въ рабочій домъ. Оливеру пришлось идти передъ самымъ фасадомъ дома. Сердце его сильно забилось, когда онъ вспомнилъ объ этомъ, и онъ почти рѣшился повернуть назадъ. Но онъ прошелъ уже такъ много и, вернувшись, потерялъ бы очень много времени. Къ тому было еще такъ рано, что ему нечего было опасаться быть замѣченнымъ; и онъ пошелъ далѣе.

Онъ дошелъ до дома. Не было ни малѣйшаго признака движенія жильцевъ. Оливеръ остановился и заглянулъ въ садъ. Одинъ ребенокъ пололъ маленькую грядку; онъ перестал полоть, поднялъ свое блѣдное личико и Оливеръ увидѣлъ черты одного изъ своихъ прежнихъ товарищей. Оливеръ очень обрадовался, что увидѣлъ его передъ своимъ уходомъ навсегда; хотя этотъ мальчикъ былъ гораздо моложе его, но онъ былъ его другомъ и товарищемъ его дѣтскихъ игръ. Они вмѣстѣ выносили голоданье и побои, и много разъ вмѣстѣ высиживали взаперти.

— Тссъ, Дикъ, сказалъ Оливеръ, когда мальчикъ подбѣжалъ къ калиткѣ и протянулъ свою исхудалую руку сквозь рѣшетку.

— Вcталъ ли кто нибудь?

— Никто кромѣ меня, отвѣчалъ ребенокъ.

— Не говори, что ты видѣлъ меня, Дикъ, сказалъ Оливеръ, — я бѣгу прочь, меня бьютъ и обижаютъ, Дикъ, и я буду искать себѣ счастья. гдѣ нибудь далеко отсюда, я не знаю еще гдѣ. Какъ ты блѣденъ.

— Я слышалъ, какъ докторъ сказалъ имъ, что я умираю, отвѣчалъ ребенокъ. — Я очень радъ что видѣлъ тебя, милый; но не мѣшкай здѣсь, не мѣшкай.

— Дай проститься съ тобой, отвѣчалъ Оливеръ. Я еще разъ

увижусь съ тобой, Дикъ; я знаю что увижусь. Ты будешь здоровъ и счастливъ.

— Я надѣюсь, отвѣчалъ ребенокъ: — когда я умру, но не прежде. Я знаю, что докторъ сказалъ правду, Оливеръ, потому что я такъ часто вижу во снѣ небо и ангеловъ и ласковыя лица, какихъ я никогда не вижу, когда я не сплю. Поцѣлуй меня, продолжалъ ребенокъ, влѣзая на низенькую калитку и обвивая руками шею Оливера.—Прощай, мой милый, да благословитъ тебя Богъ.

Благословеніе было произнесено устами очень маленькаго ребенка, но это было первое благословеніе, которое Оливеръ слышалъ призываемымъ на свою голову, и среди всѣхъ страданій и борьбы, бѣдствій и перемѣнъ его дальнѣйшей жизни, онъ ни разу не забылъ это благословеніе.

ГЛАВА XIII.

Оливеръ идетъ въ Лондонъ и встрѣчаетъ на дорогѣ очень страннаго молодаго джентльмена.

Оливеръ дошелъ до завора, которымъ оканчивалась тропинка и снова вышелъ на большую дорогу. Было уже восемь часовъ и, хотя онъ отошелъ почти на пять миль отъ города, онъ до самого полудня то бѣжалъ, то крался за изгородями, изъ опасенія что его нагонятъ и схватятъ. Только въ полдень онъ сѣлъ отдохнуть на камень отмѣчавшій милю и въ первый разъ задумался надъ тѣмъ, куда ему идти и какъ жить.

Камень, на который онъ сѣлъ, носилъ начертанное крупными цыфрами и буквами извѣщеніе, что отсюда было ровно семьдесятъ миль до Лондона. Это названіе пробудило новый рядъ мыслей въ головѣ мальчика. Лондонъ этотъ большой, огромный городъ! никто, даже самъ м-ръ Бёмбль, никогда не отыщетъ его тамъ Онъ часто слыхалъ, какъ старики изъ рабочаго дома говорили, что ни одинъ

малый съ головой и характеромъ не долженъ знать нужды въ Лондонѣ, и что въ такомъ большомъ городѣ были средства заработывать свой кусокъ хлѣба, о которыхъ и не имѣли понятія люди выросшіе въ деревнѣ. Лондонъ былъ настоящимъ мѣстомъ для бездомнаго мальчика, который долженъ умереть на улицѣ, если ему никто не поможетъ. Когда эти мысли прошли въ умѣ Оливера, онъ вскочилъ съ камня и пошелъ далѣе.

Онъ сбавилъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ Лондона, еще на четыре мили, прежде чѣмъ въ умѣ его мелькнула мысль о томъ, сколько еще ему придется вынести, пока онъ не дойдетъ до своей цѣли. По мѣрѣ того какъ эта мысль овладѣвала умомъ его, шаги замедлялись и онъ обсуждалъ свои средства достигнуть Лондона. У него въ узелкѣ была корка хлѣба, грубая рубашка, двѣ пары чулокъ и пенни — подарокъ Соуербёрри, за какія-то похороны, на которыхъ онъ исполнилъ свою роль лучше обыкновеннаго. Чистая рубашка, думалъ Оливеръ, очень нужная вещь, очень; также и двѣ пары вытканныхъ чулокъ, тоже и пенни; но не велика отъ нихъ помощь, когда нужно идти шестьдесятъ пять миль зимой." Но мысли Оливера, какъ и мысли большей части людей, хотя необыкновенно ясно и дѣятельно указывали ему всѣ трудности, были совершенно неспособны указать ему на удобоисполнимое средство устранить эти трудности: такъ что Оливеру, послѣ долгаго обдумыванья, не приведшаго рѣшительно ни къ чему, осталось только переложить свой узелокъ на другое плечо и плестись далѣе.

Оливеръ прошелъ въ этотъ день двадцать миль и, въ продолженіи всего времени, не ѣлъ ничего кромѣ сухой корки хлѣба, запивъ ее нѣсколькими глотками воды, которую выпросилъ по дорогѣ у воротъ одного коттеджа. Когда настала ночь, онъ свернулъ на лугъ и залѣзши подъ стогъ сѣна, рѣшился пролежать тамъ до слѣдующаго утра. Сначала ему было страшно, потому что вѣтеръ уныло завывалъ надъ опустѣлыми полями; онъ былъ прозябши, голоденъ и болѣе чѣмъ когда либо чувствовалъ себя одинокимъ. Но усталость отъ ходьбы взяла свое, онъ вскорѣ уснулъ и забылъ всѣ свои горести.

Онъ чувствовалъ себя продрогшимъ и окостенѣвшимъ, когда всталъ на другое утро изъ подъ стога сѣна; голодъ принудилъ его отдать пенни въ обмѣнъ за небольшую краюху хлѣба въ первой же

деревнѣ, черезъ которую пришлось проходить. Онъ могъ пройти не болѣе двѣнадцати миль до наступленія ночи, ноги его разболѣлись, колѣни дрожали и подгибались подъ нимъ. Послѣ второй ночи, проведенной на холодномъ и сыромъ воздухѣ, онъ чувствовалъ себя еще хуже и, когда онъ на слѣдующее утро снова хотѣлъ пуститься въ дорогу, онъ могъ едва передвигать ноги.

Онъ сталъ дожидаться у подошвы крутаго холма проѣзда почтовой кареты и просилъ милостыню у пассажировъ, сидѣвшихъ на наружныхъ мѣстахъ; но только немногіе обратили на него вниманіе, да и тѣ сказали ему, чтобы онъ подождалъ, пока почтовая карета не поднимется на верхъ холма, и тогда бы показалъ имъ какъ скоро онъ можетъ бѣгать за пенни. Бѣдный Оливеръ съ усиліемъ пробѣжалъ небольшое разстояніе за каретой, но вскорѣ отсталъ; онъ былъ такъ измученъ и ноги его болѣли. Когда пассажиры увидѣли это, они спрятали свои пол-пенсы въ карманы и объявили, что Оливеръ лѣнивый щенокъ и не заслуживаетъ ничего, и карета покатилась далѣе, оставивъ за собой облако пыли.

Въ иныхъ деревняхъ были выставлены большія окрашенныя доски съ предостереженіемъ, что всякій, кто станетъ просить милостыни въ округѣ, будетъ отправленъ въ тюрьму, что очень испугало Оливера и заставило его спѣшить всѣми силами уйти изъ этихъ деревень. Въ другихъ мѣстечкахъ Оливеръ останавливался во дворѣ трактира и печально смотрѣлъ на всѣхъ входящихъ туда, — мѣра, обыкновенно приводившая къ тому, что хозяйка трактира приказывала которому нибудь изъ почтальоновъ, зѣвавшихъ на улицѣ, прогнать чужаго мальчика, потому что она была увѣрена, что онъ пришелъ украсть что нибудь. Когда Оливеръ просилъ милостыню у воротъ какой нибудь фермы, изъ десяти разъ девять грозили спустить на него съ цѣпи собаку, а когда онъ показывалъ носъ въ лавкѣ, то грозили приходскимъ сторожемъ, что заставляло Оливера бѣжать безъ оглядки — вотъ все что получилъ бѣдный мальчикъ.

Еслибы не одинъ добрый сторожъ у заставы и не одна сострадательная старушка, то несчастія Оливера были бы окончены тѣмъ же самымъ образомъ, какимъ окончились несчастія его матери, говоря другими словами, онъ навѣрное упалъ бы замертво на большой дорогѣ. Но сторожъ у заставы далъ ему хлѣба и сыру; а старушка, одинъ внукъ которой послѣ кораблекрушенія скитался нищимъ въ

далекихъ краяхъ, сжалилась надъ сиротой и дала ему все, что могла дать—немногое; но она дала съ добрымъ ласковымъ словомъ, съ слезами сострáданія и сочувствія, которыя запали въ сердце Оливера глубже, нежели всѣ вынесенныя имъ страданія.

Рано на седьмое утро послѣ того, какъ Оливеръ покинулъ свою родину, онъ медленно доплелся до небольшаго городка Барнета. Ставни оконъ были закрыты, улицы пусты; ни одна живая душа еще не проснулась на работу дня. Солнце вставало во всей величественной красотѣ своей, но свѣтъ его освѣщалъ только одиночество и несчастіе мальчика, когда онъ сѣлъ на холодную ступеньку крыльца, чтобы дать отдыхъ своимъ окровавленнымъ и покрытымъ пылью ногамъ.

Мало по малу стали отворять ставни, поднимать сторы; появились на улицѣ прохожіе. Нѣкоторые изъ нихъ останавливались съ минуту—другую взглянуть на Оливера, или оборачивались на него, спѣша далѣе; но ни одинъ изъ нихъ не помогъ ему, или побезпокоился узнать, какъ онъ попалъ сюда. У него не хватало духа просить и онъ тамъ сидѣлъ безъ помощи.

Прошло нѣсколько времени, какъ онъ сидѣлъ на ступени крыльца, удивляясь множеству трактировъ (въ Барнетѣ изъ двухъ домовъ одинъ непремѣнно трактиръ, большой или маленькій), смотря безучастно на проѣзжавшіе экипажи и думая, какъ странно, что они такъ легко въ нѣсколько часовъ проѣзжаютъ то разстояніе, пройти которое стоило ему цѣлую недѣлю мужественныхъ усилій и рѣшимости, свыше его возраста. Онъ былъ пробужденъ отъ этихъ думъ, замѣтивъ, что одинъ мальчикъ, который прошелъ мимо него нѣсколько минутъ тому назадъ, не замѣтивъ его, вернулся и теперь разсматривалъ его внимательно съ противуположной стороны улицы. Сначала Оливеръ не обратилъ на это вниманія; но мальчикъ такъ долго, не перемѣняя положенія, продолжалъ разсматривать его, что Оливеръ наконецъ поднялъ голову и отвѣтилъ ему такимъ же пристальнымъ взглядомъ. На это мальчикъ перешелъ черезъ дорогу и, подойдя близко къ Оливеру, сказалъ.

— Э, птенчикъ, изъ-за чего вся бѣда?

Мальчикъ, отнесшійся къ Оливеру съ этими словами, былъ одного возраста съ нимъ и показался ему однимъ изъ самыхъ странныхъ мальчиковъ, какихъ ему приходилось встрѣчать: онъ былъ

курносъ, съ плоскимъ лбомъ и самымъ обыкновеннымъ лицомъ, и представлялъ образчикъ самаго грязнаго мальчика, какого можно пожелать увидѣть; но по виду и манерамъ онъ походилъ на взрослаго мужчину. Онъ былъ по лѣтамъ малъ ростомъ, съ кривыми ногами и маленькими быстрыми, некрасивыми глазами. Шляпа его едва держалась на макушкѣ и грозила бы ежеминутно слетѣть съ нея, еслибы владѣлецъ ея не имѣлъ сноровку по временамъ подергивать головой, такъ что шляпа снова возвращалась на должное мѣсто. На немъ былъ сюртукъ съ взрослаго мужчины, доходившій почти до щиколки. Онъ отворотилъ обшлага, почти до половины руки, чтобы высвободить изъ рукавовъ кисти рукъ, очевидно съ цѣлью заложить ихъ въ карманы панталонъ полосатаго бархата, потому что онъ постоянно держалъ ихъ тамъ. Въ цѣломъ онъ представлялъ типъ самаго отчаяннаго хвастуна и хлыща изъ молодыхъ джентльменовъ въ четыре фута шесть дюймовъ, считая отъ подошвы сапоговъ.

— Э, птенчикъ, изъ-за чего вся бѣда? сказалъ этотъ странный молодой джентльменъ Оливеру.

— Я очень голоденъ и усталъ, отвѣчалъ Оливеръ и слезы выступили у него на глазахъ. — Я пришелъ издалека, я шелъ цѣлые семь дней.

— Шелъ цѣлые семь дней! сказалъ молодой джентльменъ.—О, понимаю, по приказанію клюва, эге? Но, прибавилъ онъ, замѣтивъ удивленный взглядъ Оливера:—я полагаю, вы не знаете, что такое клювъ, многознающій товарищъ.

Оливеръ кротко отвѣчалъ, что ему всегда приходилось слышать какъ обозначали ротъ птицы этимъ названіемъ.

— О, Господи, какъ онъ зеленъ! вскричалъ молодой джентльменъ. — Клювъ значитъ судья и когда вы идете по приказанію судьи, то никогда прямой дорогой, а всегда вверхъ и никогда не спуститесь внизъ. Бывали ли вы на мельницѣ?

— На какой мельницѣ? спросилъ Оливеръ.

— На какой мельницѣ? да на *мельницѣ*, на той мельницѣ, которая занимаетъ такъ мало мѣста, что работать въ ней все равно что въ каменной кружкѣ, *) которая всегда идетъ хорошо когда лю-

*) Stone jug каменная кружка—названіе тюрьмы на языкѣ воровъ.

дямъ не везетъ, и худо когда имъ везетъ, потому что тогда не найти работниковъ. Но я вижу, продолжалъ молодой джентльменъ, что намъ нужны съѣстные припасы, и вы получите ихъ. Теперь у меня убыль въ карманѣ, всего одинъ шиллингъ и одинъ полъпенни; но я угощу васъ на всѣ. Вставайте на ноги и идемъ. Ну же. Бѣжимъ.

Молодой джентльменъ помогъ Оливеру встать и повелъ его въ сосѣднюю мелочную лавку, гдѣ онъ купилъ вареной ветчины и фунтовой хлѣбъ или, какъ онъ выразился „четырехпенсовую корзинку,“ потому что ветчина должна была сохраняться въ свѣжести и предохраняться отъ пыли слѣдующимъ искуснымъ способомъ: въ хлѣбѣ выгребали дыру, вынувъ часть мякиша и забивъ туда ветчину. Взявъ хлѣбъ подъ руку, молодой джентльменъ направился къ небольшому трактиру и повелъ Оливера въ одну изъ заднихъ комнатъ. Сюда, по требованію таинственнаго юноши, принесли кружку пива и Оливеръ, по приглашенію своего новаго друга, принялъ долгое и усердное участіе въ трапезѣ, въ продолженіи которой таинственный юноша оглядывалъ его по временамъ съ величайшимъ вниманіемъ.

— Идете въ Лондонъ? спросилъ странный мальчикъ, когда Оливеръ наконецъ пересталъ ѣсть.

— Да.

— Имѣете квартиру?

— Нѣтъ.

— Деньги?

— Нѣтъ.

Странный мальчикъ засвисталъ и засунулъ руки въ карманы панталонъ такъ далеко, какъ только позволяли рукава его сюртука.

— Вы живете въ Лондонѣ? спросилъ Оливеръ.

— Да, когда я бываю дома, отвѣчалъ мальчикъ. Я полагаю вамъ нужно найти какое нибудь пристанище, гдѣ переночевать сегодня, не такъ ли?

— Да, отвѣчалъ Оливеръ. Я не спалъ подъ крышей съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ изъ деревни.

— Не мозольте свои глаза слезами объ этомъ, сказалъ молодой человѣкъ. Я сегодня къ ночи долженъ быть въ Лондонѣ и я знаю почтеннаго стараго джентльмена, который тамъ живетъ, онъ даромъ дастъ вамъ квартиру и не спроситъ съ васъ сдачи, то есть, если

какой нибудь знакомый ему джентльменъ представитъ васъ. А онъ не знаетъ меня! О нѣтъ, нисколько, вовсе не знаетъ, конечно нѣтъ!

Молодой джентльменъ улыбнулся, давая понять, что послѣднія слова его рѣчи были шутливой ироніей и затѣмъ покончилъ свою кружку пива.

Неожиданное предложеніе пріюта было такъ соблазнительно, что Оливеръ не въ силахъ былъ противиться, тѣмъ болѣе что за нимъ немедленно послѣдовало увѣреніе, что старый джентльменъ, о которомъ сейчасъ упомянули, безъ сомнѣнія доставитъ Оливеру покойное и хорошее мѣсто въ самомъ непродолжительномъ времени. Это повело къ дружеской и откровенной бесѣдѣ, въ которой Оливеръ узналъ, что его новаго друга звали Джекъ Даукинсъ и что онъ пользовался особенной любовью и покровительствомъ вышеупомянутаго пожилаго джентльмена.

Наружность м-ра Даукинса не слишкомъ говорила въ пользу того содержанія, которое покровитель его давалъ тѣмъ, кого онъ удостоивалъ своимъ покровительствомъ; но такъ какъ Даукинсъ отличался очень вѣтреной и даже нѣсколько развратной рѣчью и въ дальнѣйшемъ разговорѣ сознался, что въ кругу своихъ короткихъ пріятелей, онъ болѣе извѣстенъ по прозвищу: искусный лукавецъ, то Оливеръ пришелъ къ заключенію, что вслѣдствіе его безпечности и распущенности, правила нравственности внушаемыя благодѣтелемъ его, пропали даромъ для „лукавца“. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, Оливеръ втайнѣ рѣшился заслужить хорошее мнѣніе стараго джентльмена, какъ можно скорѣе и, если окажется что „лукавецъ“ неисправимъ, въ чемъ Оливеръ былъ почти увѣренъ, то отклонить отъ себя честь дальнѣйшаго знакомства его.

Такъ какъ Джонъ Даукинсъ ни за что не хотѣлъ войти въ Лондонъ прежде наступленія ночи, то они не ранѣе одиннадцати часовъ вечера могли дойти до Ислингтанской заставы. Они свернули съ дороги Энджеля на дорогу Сентъ-Джона, прошли по маленькой улицѣ оканчивающейся у Седлеруэльскаго театра, черезъ Эксмоутскую улицу и Коппитъ Роу до небольшаго подворья, находящагося рядомъ съ рабочимъ домомъ, перешли по классической почвѣ носившей нѣкогда имя Гаклей въ дырѣ, оттуда прошли на Малую Сэфронъ-Гилль, оттуда на Большую Сэфронъ-Гилль, которую лукавецъ прошелъ скорыми шагами, сказавъ Оливеру, чтобы онъ не отставалъ.

Хотя Оливеру было довольно дѣла не терять своего путеводителя изъ вида, онъ не могъ не бросить нѣсколько быстрыхъ взглядовъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Онъ никогда не видалъ болѣе грязную и нищенскую мѣстность. Улица была очень узка и покрыта грязью; воздухъ пропитанъ вонючими испареніями. Было много маленькихъ лавокъ; но единственными товарами были, повидимому, дѣти, которыя даже въ такіе поздніе часы, выползали и снова вползали въ двери, или кричали въ лавкахъ. Единственныя лавки, которыя, очевидно процвѣтали среди общей нищеты, были кабаки и въ нихъ ирландцы самаго послѣдняго разряда ругались изо всей силы. Крытые проходы и подворья, которые то здѣсь то тамъ развѣтвлялись отъ главной улицы, вели къ небольшимъ группамъ домовъ, гдѣ пьяные мужчины и женщины буквально валялись въ грязи; изъ нѣсколькихъ воротъ высокіе мужчины подозрительнаго вида крались осторожно, направляясь, какъ было очевидно по всему, далеко не на хорошія или безвредныя дѣла.

Оливеръ уже думалъ не лучше ли ему убѣжать, когда они дошли до конца спуска; путеводитель его схватилъ его за руку, отворилъ дверь дома, находившагося близь Фильдлена и, протащивъ его въ корридоръ, заперъ за нимъ дверь.

— Ну, что тамъ, закричалъ снизу голосъ, въ отвѣтъ на свистъ лукавца.

— Барышъ и шлемъ! былъ отвѣтъ.

Это было условленнымъ паролемъ, означавшимъ что все хорошо, потому что вслѣдъ за этими словами, слабый свѣтъ свѣчи мелькнулъ на стѣнѣ въ самомъ отдаленномъ концѣ корридора и лицо мужчины выглянуло на томъ мѣстѣ, гдѣ были сломаны перилы старой кухонной лѣстницы.

— Васъ двое, сказалъ мужчина, выдвигая свѣчу впередъ и закрывая глаза рукой. Кто другой?

— Новый товарищъ, отвѣчалъ Джонъ Даукинсъ, подталкивая Оливера впередъ.

— Откуда онъ?

— Изъ Зеленой земли. Фэгинъ на верху?

— Да, онъ сортируетъ утиральники. Идите на верхъ. Свѣча была принята назадъ и лицо исчезло.

Оливеръ, одной рукой ощупывая дорогу, а другою крѣпко ухва-

тившись за своего товарища, съ большимъ затрудненіемъ поднялся по темной и поломанной лѣстницѣ, по которой спутникъ его поднимался съ ловкостью и быстротою, доказывавшими что онъ давно привыкъ къ ней. Онъ отперъ дверь передней и потащилъ за собой Оливера.

Стѣны и потолокъ комнаты почернѣли отъ времени и грязи. Передъ огнемъ стоялъ досчатый столъ, на которомъ стояла свѣча въ бутылкѣ изъ подъ инбирнаго пива; два или три мѣдные горшка, ломоть хлѣба и масло, и тарелка. На сковородѣ, стоявшей на огнѣ и прикрѣпленной къ колпаку очага бичевкой, жарились сосиски; надъ ними, съ вилкой въ рукѣ, стоялъ очень старый скорченный отъ лѣтъ еврей, мошенническое и отвратительное лицо котораго было до половины закрыто массою свалявшихся рыжихъ волосъ. Онъ былъ одѣтъ въ засаленный фланелевый сюртукъ, съ открытой шеей. Вниманіе его было, повидимому, раздѣлено между сковородой и вѣшалкой, на которой висѣло множество шелковыхъ платковъ. Нѣсколько постелей, сдѣланныхъ изъ старыхъ мѣшковъ, лежали рядомъ на полу; вокругъ стола сидѣло четверо или пятеро мальчиковъ, всѣ одного возраста съ лукавцемъ; они курили глиняныя трубки и пили водку, какъ то могли бы дѣлать мужчины зрѣлыхъ лѣтъ. Они встали и окружили своего товарища, пока онъ шепталъ нѣсколько словъ еврею и потомъ обернулись скаля зубы на Оливера, что сдѣлалъ и старый еврей, держа въ рукѣ вилку для жаренья тостовъ.

— Вотъ онъ, Фэгинъ, сказалъ Джонъ Даукинсъ: — мой другъ, Оливеръ Твистъ.

Еврей ухмыльнулся и отвѣсивъ низкій поклонъ Оливеру, взялъ его за руку и изъявилъ надежду, что онъ будетъ имѣть честь короче познакомиться съ нимъ. Вслѣдъ за этимъ молодые джентльмены съ трубками въ зубахъ окружили Оливера и очень сильно жали ему обѣ руки, въ особенности ту, которой онъ держалъ маленькій узелокъ. Одинъ молодой джентльменъ усердно предлагалъ повѣсить его фуражку; другой былъ до того обязателенъ, что засунулъ руки въ его карманы, чтобы избавить его отъ труда, такъ какъ онъ былъ очень уставши, вынуть изъ нихъ все нужное, когда онъ будетъ ложиться въ постель. Эти любезности вѣроятно, продолжались бы еще долѣе, еслибы усердное упражненіе вилки на головахъ и плечахъ молодыхъ ласковыхъ джентльменовъ не положило имъ конецъ.

— Мы очень рады видѣть васъ, Оливеръ, очень, сказалъ еврей. Даукинсъ, снимите сосиски съ огня и придвиньте къ огню кадку для Оливера. А, вы смотрите на носовые платки? такъ, мой дорогой. Ихъ много здѣсь, не такъ ли? Мы приготовили ихъ для стирки, вотъ и все, Оливеръ, вотъ и все. Ха, ха, ха!

Послѣднія слова еврея были встрѣчены шумными кликами отъ всѣхъ многообѣщавшихъ воспитанниковъ веселаго стараго джентльмена, и съ этими кликами они принялись за ужинъ.

Оливеръ съѣлъ свою долю, потомъ еврей налилъ ему въ стаканъ горячаго джина съ водой и сказалъ, чтобы онъ выпилъ его немедля, потому что стаканъ нуженъ для другого джентльмена. Почти въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ, какъ его тихо положили на одинъ изъ мѣшковъ на полу и тамъ онъ погрузился въ глубокій сонъ.

ГЛАВА IX.

Содержитъ дальнѣйшія подробности о пріятномъ старомъ джентльменѣ и его многообѣщающихъ воспитанникахъ.

Было уже поздно, когда Оливеръ на слѣдующее утро проснулся послѣ продолжительнаго и укрѣпляющаго сна. Въ комнатѣ не было никого кромѣ стараго еврея, который варилъ въ кострюлѣ кофе для завтрака и насвистывалъ что то про себя, мѣшая кофе желѣзной ложкой. По временамъ онъ останавливался прислушаться къ малѣйшему шуму внизу и, когда убѣждался что все тихо, онъ снова продолжалъ насвистывать и копошиться по прежнему.

Хотя Оливеръ проснулся, но онъ еще не пришелъ въ состояніе полнаго бодрствованія. Есть дремотное состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, когда вы грезите болѣе въ продолженіи пяти минутъ съ полуоткрытыми глазами, только въ половину сознавая все происходящее вокругъ васъ, нежели бы вы могли грезить въ продолженіи

пяти ночей съ плотно закрытыми глазами, находясь въ полной безсознательности сна. Въ это время человѣкъ сознаетъ что происходитъ въ умѣ его лишь настолько, чтобы составить себѣ слабое представленіе о великихъ силахъ его, о власти его отрѣшаться отъ земли и пробѣгать пространства и времена.

Оливеръ находился именно въ такомъ состояніи. Онъ видѣлъ еврея своими полузакрытыми глазами, слышалъ его тихое насвистыванье; узналъ звукъ желѣзной ложки царапавшей о края кострюли, и въ тоже время тѣже самыя чувства его въ неустанной работѣ воспроизводили образы и слова людей, которыхъ онъ зналъ въ своей жизни.

Когда кофе былъ готовъ, еврей придвинулъ кострюлю къ устью камина и постоялъ съ минуту въ нерѣшимости, какъ будто не зная чѣмъ заняться теперь, обернулся, посмотрѣлъ на Оливера и назвалъ его по имени. Оливеръ не отвѣчалъ и, казалось, крѣпко спалъ.

Удостовѣрившись насчетъ этого, еврей осторожно подошелъ къ двери и заперъ ее; потомъ онъ досталъ, какъ показалось Оливеру, изъ какого нибудь потайнаго подвала подъ поломъ небольшую шкатулку, которую бережно поставилъ на столъ. Глаза его засверкали, когда онъ открылъ крышку и заглянулъ въ нее. Придвинувъ старый стулъ къ столу, онъ сѣлъ и досталъ изъ шкатулки великолѣпные золотые часы, сверкавшіе брильянтами.

— Ага, сказалъ еврей, пожимая плечами и искривляя всѣ черты лица безобразной улыбкой. Умныя собаки, умныя собаки! Крѣпки до конца. Не сказали ни слова старому пастору, гдѣ все спрятано; ни разу не донесли на стараго Фэгина. Да и къ чему бы они сказали? Это не развязало бы петлю, не продержало бы жизнь ни минуты долѣе въ тѣлѣ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Славные молодцы, славные молодцы!

Пробормотавъ еще нѣсколько размышленій въ томъ же родѣ, еврей положилъ часы въ прежнее хранилище. Затѣмъ еще съ полдюжины часовъ были вынуты изъ той же шкатулки и осмотрѣны съ равнымъ удовольствіемъ; за ними послѣдовали кольца, броши, браслеты и другія золотыя вещи изъ того же драгоцѣннаго матеріала и такой работы, что Оливеръ не имѣлъ понятія даже объ ихъ именахъ.

Положивъ на мѣсто всѣ вещи, еврей досталъ еще одну; она была такъ мала, что умѣстилась на его ладони. На ней была сдѣ-

лана очень мелкая надпись, потому что еврей, положивъ эту вещь на столъ, долго и пристально смотрѣлъ на нее. Наконецъ, онъ положилъ ее обратно, отчаявшись разобрать надпись и, откинувшись на спинку стула, пробормоталъ:

— Что за славная вещь уголовное наказаніе! Мертвые не покаятся никогда; мертвые никогда не выведутъ на свѣтъ непріятныя исторіи. О, это главная вещь для нашей торговли! Пятеро изъ нихъ были вздернуты подрядъ, и ни одинъ изъ нихъ не остался требовать раздѣла добычи или обернуться доносчикомъ.

Когда еврей произнесъ послѣднія слова, его блестящіе темные глаза, смотрѣвшіе безсознательно въ пространство, случайно остановились на лицѣ Оливера. Глаза мальчика были устремлены на него въ нѣмомъ любопытствѣ и хотя прошло не болѣе одного мгновенія, самый короткій срокъ, какой можно представить себѣ, но этого было достаточно для старика, чтобы понять, что Оливеръ видѣлъ все. Онъ съ громкимъ трескомъ захлопнулъ крышку шкатулки и схвативъ ножъ для хлѣба, лежавшій на столѣ, бѣшено кинулся на Оливера. Онъ сильно дрожалъ, такъ что, не смотря на свой ужасъ, Оливеръ замѣтилъ какъ ножъ качался въ его рукѣ.

— Это что? сказалъ еврей. — Зачѣмъ вы меня подстерегаете? Зачѣмъ вы проснулись? Что вы видѣли? Говорите, мальчикъ. Скорѣе, скорѣе, если хотите жить.

— Я не могъ спать долѣе, сэръ, отвѣчалъ кротко Оливеръ. — Мнѣ очень жаль, если я обезпокоилъ васъ, сэръ.

— Вы не были проснувшись давеча, съ часъ тому назадъ? сказалъ еврей, злобно сверкая глазами на мальчика.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Вы правду говорите? закричалъ еврей съ еще болѣе злобнымъ взглядомъ и угрожающимъ движеніемъ.

— Честное слово, нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ твердо Оливеръ. — Я не былъ проснувшись, въ самомъ дѣлѣ.

— Штъ, штъ, мой дорогой, сказалъ еврей, круто свертывая на прежній тонъ и поигравъ нѣсколько минутъ ножемъ, чтобы заставить Оливера подумать, что онъ взялъ ножъ въ шутку, положилъ его на столъ. — Разумѣется, я знаю это, мой дорогой. Я только хотѣлъ испугать васъ. Вы храбрый мальчикъ. Ха, ха! вы храбрый

мальчикъ, Оливеръ! и еврей потеръ себѣ руки съ усмѣшкой, но тѣмъ не менѣе смотрѣлъ тревожнымъ взглядомъ на шкатулку.

— Видѣли ли вы которыя нибудь изъ этихъ хорошенькихъ вещицъ, мой дорогой, сказалъ еврей, послѣ короткаго молчанія, положивъ руку на шкатулку.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— А, сказалъ еврей, поблѣднѣвъ.—Это... это мои вещи, Оливеръ, моя маленькая собственность; все, что я прикопилъ себѣ на старость. Люди зовутъ меня скупцомъ, дорогой мой, только скупцомъ, вотъ и все.

Оливеръ подумалъ, что джентльменъ долженъ быть отъявленнымъ скупцомъ, если живетъ въ такомъ грязномъ углу, обладая столькими часами; но вспомнивъ, что попеченія его о лукавцѣ и другихъ мальчикахъ стоили ему много денегъ, онъ съ почтеніемъ взглянулъ на еврея и спросилъ можно ли ему встать.

— Разумѣется, мой милый, разумѣется, отвѣчалъ старый джентльменъ. — Постойте тамъ въ углу ведро воды, принесите его сюда и я дамъ вамъ тазъ, чтобы помыться, мой милый.

Оливеръ всталъ, прошелъ комнату и наклонился, чтобы поднять ведро; это заняло всего одно мгновеніе, но когда онъ поднялъ голову, шкатулка исчезла.

Едва онъ успѣлъ вымыться и убрать все, опорожнивъ тазъ за окно, по указанію еврея, какъ Даукинсъ вернулся, въ сопровожденіи очень живаго молодаго джентльмена, котораго Оливеръ наканунѣ вечеромъ видѣлъ съ трубкой во рту и стаканомъ водки въ рукѣ и котораго теперь отрекомендовали ему какъ Чарльза Бэтса. Всѣ четверо сѣли за завтракъ, состоявшій изъ кофе, нѣсколькихъ горячихъ булочекъ и куска ветчины, который лукавецъ принесъ въ шляпѣ.

— Ну, мои дорогіе, сказалъ еврей, украдкой взглянувъ на Оливера и обращаясь преимущественно къ лукавцу. — Я надѣюсь, что вы хорошо поработали сегодня утромъ.

— Усердно, отвѣчалъ лукавецъ.

— Да, поработали таки, прибавилъ Чарльзъ Бэтсъ *).

---

*) Здѣсь непереводимая игра словъ. As nails, буквально какъ гвозди и какъ воры. Nail на воровскомъ языкѣ означаетъ воръ.

— Хорошіе мальчики, хорошіе мальчики, сказалъ еврей.—Что вы добыли, лукавецъ.

— Пару бумажниковъ, отвѣчалъ юный джентльменъ.

— Съ подкладкой? спросилъ еврей, дрожа отъ любопытства.

— Да, съ порядочной, отвѣчалъ лукавецъ, доставая два бумажника, одинъ зеленый, другой красный.

— Они не такъ тяжелы, какъ могли бы быть, замѣтилъ еврей, внимательно осмотрѣвъ внутренность бумажниковъ: — но они очень чисто и красиво сработаны. Онъ очень искусный работникъ, не правда ли, Оливеръ?

— Дѣйствительно, очень искусный, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ. На это м-ръ Чарльзъ Бэтсъ расхохотался во все горло, къ величайшему изумленію Оливера, который не видѣлъ во всемъ томъ, что произошло, ни малѣйшаго повода къ смѣху.

— А вы что принесли, мой дорогой? сказалъ Фэгинъ Чарлей Бэтсу.

— Утиральники, отвѣчалъ м-ръ Бэтсъ, доставая изъ кармана четыре носовыхъ платка.

— Хорошо, сказалъ еврей, внимательно разсмотрѣвъ ихъ; — это прекрасные платки, прекрасные. Вы только не хорошо намѣтили ихъ, Чарлей; нужно будетъ иголкой спороть мѣтку и мы научимъ Оливера, какъ это дѣлается. Научить ли васъ, Оливеръ, э? ха, ха, ха!

— Если вамъ угодно, сэръ, сказалъ Оливеръ.

— Вы бы желали добывать носовые платки такъ же легко, какъ Чарльзъ Бэтсъ, не правда ли, мой дорогой? спросилъ еврей.

— О, очень, сэръ, если вы научите меня, отвѣчалъ Оливеръ.

М-ръ Бэтсъ нашелъ что-то невыразимо смѣшное въ этомъ отвѣтѣ и во второй разъ захохоталъ во все горло; но хохотъ его на этотъ разъ встрѣтился съ кофе, который онъ пилъ, и направилъ питье не въ тотъ каналъ, въ который слѣдовало, что едва не окончилось совершеннымъ и преждевременнымъ удушеніемъ.

— О, онъ такъ забавно зеленъ! сказалъ оправившись Чарлей, въ видѣ извиненія за свое невѣжливое поведеніе.

Лукавецъ не сказалъ ни слова, но онъ погладилъ Оливера по головѣ такимъ образомъ, что спустилъ волосы ему на глаза, и сказалъ, что Оливеръ будетъ со временемъ умнѣе; на что, старый джентльменъ, замѣтивъ краску кинувшуюся въ лицо Оливеру, по-

спѣшилъ перемѣнить разговоръ и спросилъ много ли было народа на казни сегодня утромъ. Это еще болѣе усилило удивленіе Оливера, потому что отвѣты обоихъ мальчиковъ показали, что они оба были тамъ, и Оливеръ естественно удивился, какъ они могли найти время сработать то, что принесли.

Когда убрали завтракъ, веселый старый джентльменъ и оба мальчика начали играть въ одну очень любопытную и необыкновенную игру, которая велась слѣдующимъ образомъ: веселый старый джентльменъ положилъ табакерку въ одинъ карманъ панталонъ, записную книжку въ другой, часы въ карманъ жилета и надѣлъ цѣпочку на шею, воткнулъ фальшивый брильянтъ въ рубашку, плотно застегнулъ сюртукъ и, положивъ футляръ отъ очковъ и носовой платокъ въ карманы сюртука, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, опираясь на палку, какъ ходятъ по улицамъ старые джентльмены во всякое время дня. Иногда онъ останавливался у камина, иногда у дверей, притворяясь, будто внимательно разсматриваетъ окна лавокъ; тогда онъ поминутно оглядывался кругомъ, опасаясь воровъ, и по очереди ощупывалъ свои карманы, чтобы удостовѣриться не потерялъ ли онъ что нибудь, и продѣлывалъ все это такъ естественно и забавно, что Оливеръ смѣялся до слезъ. Оба мальчика все время слѣдили за нимъ по пятамъ, и такъ ловко увертывались въ сторону, когда онъ оглядывался, что не было возможности выслѣдить ихъ движенія. Наконецъ Даукинсъ наступилъ ему на ногу, или нечаянно запнулся за его сапогъ, а въ то же время Чарлей Бэтсъ наткнулся на него сзади; и въ это мгновеніе они обобрали у него съ невѣроятной быстротой табакерку, записную книжку, цѣпочку, часы, булавку, носовой платокъ, даже футляръ отъ очковъ. Когда старый джентльменъ чувствовалъ чью нибудь руку въ своемъ карманѣ, онъ говорилъ гдѣ она, и игра начиналась съизнова.

Когда игра была съиграна нѣсколько разъ, двѣ молодыя леди пришли навѣстить молодыхъ джентльменовъ; одну изъ нихъ звали Бетъ, другую Ненси. Онѣ носили много привязныхъ волосъ, не слишкомъ изящно убранныхъ, и были нѣсколько неопрятны относительно чулокъ и башмаковъ. Быть можетъ, ихъ нельзя было назвать красивыми, но лица ихъ отличались самыми яркими красками, и онѣ казались очень полными и веселыми. Обхожденіе ихъ было очень

пріятно и свободно и Оливеръ подумалъ, что онѣ навѣрно такія же хорошія дѣвушки, какими кажутся.

Гостьи пробыли довольно долго. Подали водку, потому что одна изъ молодыхъ леди жаловалась на внутренній холодъ, и разговоръ принялъ очень дружескій и веселый оборотъ. Наконецъ Чарлей Бэтсъ выразилъ мнѣніе, что пора идти пѣшкомъ, но выразилъ его въ такихъ словахъ, которыя показались Оливеру французскими; и немедленно лукавецъ и Чарлей съ обѣими молодыми барышнями ушли, получивъ отъ стараго еврея очень любезно нѣсколько денегъ на мелкіе расходы.

— Ну что, дорогой мой, сказалъ Фэгинъ, это пріятная жизнь, не такъ ли? Они ушли на цѣлый день.

— Они кончили работу, сэръ? спросилъ Оливеръ.

— Да, отвѣчалъ еврей:—то есть если имъ неожиданно не случится напасть на какую нибудь новую на дорогѣ, а они не пропустятъ ее мимо рукъ, мой милый, вы можете быть въ томъ увѣрены.

— Берите съ нихъ примѣръ, мой дорогой, берите съ нихъ примѣръ, продолжалъ еврей, ударивъ лопаточкой отъ углей по очагу, чтобы придать болѣе силы своимъ словамъ.—Дѣлайте все, что они прикажутъ вамъ и во всемъ спрашивайтесь ихъ совѣта, въ особенности совѣта лукавца, мой дорогой. Онъ самъ будетъ большимъ человѣкомъ, и сдѣлаетъ и васъ большимъ человѣкомъ, если вы возьмете его за образецъ. Что, мой платокъ виситъ изъ кармана, мой милый? спросилъ еврей, оборвавъ свое поученіе.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Попробуйте, не съумѣете ли вы вынуть его такъ, чтобъ я не почувствовалъ, какъ вы видѣли, что они дѣлали, когда мы играли сегодня поутру.

Оливеръ придержалъ низъ кармана одной рукой, какъ придерживалъ его лукавецъ и полегоньке вытащилъ платокъ другой.

— Платокъ взятъ? спросилъ еврей.

— Вотъ онъ, сэръ, сказалъ Оливеръ, показывая платокъ въ рукѣ.

— Вы умный мальчикъ, мой милый, сказалъ веселый старый джентльменъ, одобрительно гладя Оливера по головѣ. — Я никогда не видалъ болѣе смышленаго мальчика. Вотъ вамъ шиллингъ. Если вы будете все такъ же продолжать, то вы будете однимъ изъ са-

мыхъ большихъ людей нашего времени. А теперь подите сюда, и я покажу вамъ какъ снимать мѣтки съ платковъ.

Оливеръ удивился было тому, какое отношеніе могла имѣть игра въ очищеніе кармановъ стараго джентльмена къ будущему своему величію; но, подумавъ, что еврей, который гораздо старше его, долженъ знать что говоритъ, спокойно послѣдовалъ за своимъ учителемъ къ столу и скоро погрузился глубоко въ свое новое ученье.

ГЛАВА X.

Оливеръ короче знакомится съ характеромъ своихъ новыхъ товарищей и покупаетъ опытность дорогой цѣной. Глава эта, не смотря на свою краткость, очень важная глава въ его исторіи.

Оливеръ, въ продолженіи многихъ дней, оставался въ комнатѣ еврея, спарывая мѣтки съ платковъ, которые приносились въ огромномъ количествѣ, и иногда принимая участіе въ вышеописанной игрѣ, въ которую еврей и оба мальчика неизмѣнно играли каждое утро. Наконецъ, онъ началъ томиться сидѣньемъ взаперти и нѣсколько разъ убѣдительно просилъ стараго джентльмена позволить ему идти работать съ обоими товарищами.

Оливеръ тѣмъ болѣе желалъ дѣятельно работать, что онъ имѣлъ много случаевъ оцѣнить суровую нравственность стараго джентльмена. Когда лукавецъ и Чарльзъ Бэтсъ возвращались вечеромъ домой съ пустыми руками, еврей начиналъ съ необыкновеннымъ жаромъ распространяться о вредѣ праздности и лѣности и убѣдительно доказывать имъ необходимость трудовой жизни — отсылая ихъ спать безъ ужина. Одинъ разъ онъ даже зашелъ такъ далеко, что сшибъ ихъ обоихъ съ лѣстницы; но онъ въ этомъ случаѣ довелъ свои нравственныя поученія до весьма рѣдкой крайности.

Наконецъ, въ одно утро Оливеръ получилъ позволеніе, котораго онъ такъ жадно добивался. Дня два или три уже не было платковъ для работы и обѣды стали очень тощи. Быть можетъ, это была причина, побудившая стараго джентльмена дать свое согласіе; но такъ или иначе, онъ сказалъ, что Оливеръ можетъ идти, и поручилъ его соединенному надзору Чарльза Бэтса и пріятеля его лукавца.

Трое мальчиковъ ушли: Даукинсъ, завернувъ свои рукава и поставивъ шляпу на макушку по обыкновенію, м-ръ Бэтсъ ротозѣйничая и запустивъ руки въ карманы, а Оливеръ между ними, спрашивая себя, куда они идутъ и какой отрасли промышленности или мануфактуры будутъ сперва учить его.

Они шли такой лѣнивой, не предвѣщавшей ничего добраго, походкой, что Оливеръ скоро пришелъ къ заключенію, что товарищи его намѣреваются обмануть стараго джентльмена и вовсе не идутъ на работу. Лукавецъ выказалъ самую неблаговидную наклонность сдергивать съ головъ маленькихъ мальчиковъ шапки и сшибать ихъ съ ногъ въ растяжку, тогда какъ Чарльзъ Бэтсъ выказалъ весьма смутныя понятія о правахъ собственности, стибривая яблоки и луковицы съ лотковъ лавокъ, по обѣимъ сторонамъ трущобнаго переулка, и засовывая все въ карманы, отличавшіеся такой изумительной вмѣстимостью, что можно было подумать, что они простирались надо всей одеждой его во всѣхъ направленіяхъ. Подобные поступки были такъ неблаговидны, что Оливеръ готовъ былъ объявить о своемъ намѣреніи вернуться одному назадъ, какъ онъ съумѣетъ, когда мысли его неожиданно были направлены на другой путь весьма таинственной перемѣной въ поступкахъ лукавца.

Они только что вышли изъ узкаго подворья недалеко отъ сквера въ Клеркенуеллѣ, который называется по странному искаженію словъ Гриномъ, когда лукавецъ внезапно остановился и, приложивъ палецъ къ губамъ, отвелъ назадъ обоихъ товарищей съ величайшей осторожностью и осмотрительностью.

— Что случилось? спросилъ Оливеръ.

— Ш-шъ, отвѣчалъ Даукинсъ. – Вы видите эту старую раковину у книжной лавки.

— Стараго джентльмена черезъ дорогу? сказалъ Оливеръ:—да я вижу его.

— Онъ годится, сказалъ лукавецъ.

— Соблазнительно его пообчистить, замѣтилъ Чарльзъ Бэтсъ.

Оливеръ взглянулъ поочереди на обоихъ товарищей съ величайшимъ изумленіемъ, но не успѣлъ сдѣлать ни одного вопроса, потому что оба мальчика, крадучись, перешли черезъ улицу и подошли близко къ старому джентльмену, на котораго ему указалъ Даукинсъ. Оливеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за ними и, не зная, идти ли ему впередъ или назадъ, остановился, смотря на нихъ въ нѣмомъ изумленіи.

Старый джентльменъ смотрѣлъ очень почтенной личностью; онъ носилъ золотые очки и голова его была напудрена, на немъ былъ зеленый бутылочнаго цвѣта сюртукъ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и бѣлые панталоны; онъ держалъ подъ мышкой бамбуковую трость. Онъ взялъ книгу съ лотка и стоялъ, читая такъ внимательно, какъ будто онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ въ собственномъ кабинетѣ. Очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно воображалъ себя тамъ, потому что онъ, углубившись въ чтеніе, не видалъ ни книжную лавку, ни улицу, ни мальчиковъ, словомъ, ничего кромѣ книги, которую читалъ, поворачивая листки, когда доходилъ до конца страницы, продолжая съ верхней строки слѣдующей и читая съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ.

Какъ великъ былъ испугъ и ужасъ Оливера, остановившагося въ нѣсколькихъ шагахъ, когда раскрывъ глаза такъ широко, какъ то допускали вѣки, онъ увидѣлъ, какъ лукавецъ запустилъ руку въ карманъ стараго джентльмена и вытащилъ оттуда носовой платокъ, который передалъ Чарльзу Бэтсу, и затѣмъ со всѣхъ ногъ убѣжалъ съ нимъ за уголъ улицы.

Въ одно мгновеніе тайна носовыхъ платковъ, часовъ, драгоцѣнныхъ вещей и жизни еврея, открылась уму мальчика. Онъ простоялъ одно мгновеніе неподвижнымъ, кровь шумѣла въ жилахъ его и въ ужасѣ ему казалось, что она жжетъ его огнемъ; потомъ растерявшійся, пристыженный, перепуганный, онъ пустился бѣжать, не зная что дѣлаетъ, бѣжалъ такъ скоро, какъ могли уносить ноги.

Это произошло въ продолженіи минуты; но въ тотъ самый мигъ, когда Оливеръ пустился бѣжать, старый джентльменъ опустилъ руку въ карманъ и, не найдя носоваго платка, быстро обернулся. Увидя мальчика бѣжавшаго со всѣхъ ногъ, онъ естественно заключилъ,

что тотъ укралъ платокъ и закричалъ изо всѣхъ силъ: „Держите вора“, пустился въ погоню, съ книгой въ рукѣ.

Старый джентльменъ не былъ единственнымъ лицомъ поднявшимъ крикъ. Даукинсъ и м-ръ Бэтсъ, не желая обратить вниманіе публики бѣгствомъ вдоль по улицѣ, спрятались въ первые ворота за угломъ. Едва успѣли они услышать крикъ и увидѣть Оливера, бѣжавшаго со всѣхъ ногъ, какъ догадавшись въ чемъ дѣло, они выбѣжали съ величайшей быстротой и съ крикомъ: „держите вора!“ присоединились къ преслѣдователямъ его, какъ и прочіе добрые граждане.

Хотя Оливеръ и былъ воспитанъ естествоиспытытателями, но онъ и въ теоріи не былъ ознакомленъ съ ихъ прекрасной аксіомой, что самосохраненіе есть первый законъ природы. Если бы было иначе, то быть можетъ, онъ былъ бы подготовленъ къ тому, что ему пришлось испытать. Но такъ какъ онъ не былъ подготовленъ, то онъ могъ только еще болѣе перепугаться, и онъ бѣжалъ какъ вѣтеръ, а старый джентльменъ и оба мальчика бѣжали за нимъ съ криками: „Держите вора“!

„Держите вора! держите вора!“ Есть что-то магическое въ этихъ звукахъ. Купецъ покидаетъ свой прилавокъ, извощикъ свой возъ, мясникъ бросаетъ свой лотокъ, булочникъ свою корзину, молочница ведро свое, посыльный мальчикъ свою ношу, школьникъ свои шары, мостовильщикъ свой ломъ, ребенокъ свой воланъ; и всѣ бѣгутъ въ свалку, въ безпорядкѣ, опрометью, пихаясь, съ крикомъ, съ ревомъ, сшибая прохожихъ на поворотѣ улицы, поднимая собакъ и пугая птицъ; улицы, скверы и подворья гудятъ отъ гвалта и эхомъ вторятъ ему.

„Держите вора, держите вора!“ Этотъ крикъ подхватывается сотнями голосовъ и толпа растетъ на каждомъ поворотѣ. Она несется расплескивая грязь, стуча подошвами по мостовой; открываются окна, двери, изъ нихъ выбѣгаетъ народъ, впередъ мчится толпа, цѣлое собраніе зрителей покидаютъ балаганъ Пончa въ самой серединѣ завязки комедіи и, просоединившись къ несущейся толпѣ, усиливаютъ ревъ и даютъ новую силу крикамъ: “Держите вора, держите вора!“

„Держите вора, держите вора“! Въ сердцѣ человѣческомъ глубоко вкоренена страсть преслѣдовать что нибудь. Несчастное, запы-

хающееся дитя, готово упасть отъ истощенія, съ ужасомъ на лицѣ, смертной мукой во взглядѣ, крупными каплями пота, текущими по лицу, напрягаетъ каждый нервъ, чтобы убѣжать отъ преслѣдователей; а они слѣдятъ за нимъ по пятамъ, нагоняютъ его съ каждой минутой, они встрѣчаютъ упадокъ силъ его все болѣе и болѣе громкими криками, и кричатъ, и ревутъ съ дикой радостью: Держите вора! Да держите его, ради Бога, но только для милости.

Наконецъ, схватили. Это былъ ловкій ударъ! Его сшибли на мостовую и толпа съ жаднымъ любопытствомъ собралась около него; каждый новый пришелецъ проталкивался, работая локтями, и направо и налѣво, чтобы только взглянуть на него „Отодвинитесь въ сторону!"— Дайте ему воздуха! „Вздоръ онъ этого не стоитъ!"— Гдѣ джентльменъ? „Вотъ онъ идетъ по улицѣ."—Дайте дорогу джентльмену! — „Тотъ ли это мальчикъ, сэръ?"—Да.

Оливеръ лежалъ на землѣ покрытый пылью и грязью; кровь текла изъ его рта; онъ дико озирался на груду головъ, которая окружала его, когда старый джентльменъ былъ услужливо протисканъ въ кружокъ переднихъ рядовъ преслѣдователей его и далъ этотъ отвѣтъ на ихъ тревожные вопросы.

— Да, сказалъ старый джентльменъ сострадательнымъ голосомъ:—я боюсь, что это онъ.

— Боится, забормотали въ толпѣ.—Вотъ добрякъ-то.

— Бѣдный мальчикъ, сказалъ джентльменъ.—Онъ ушибся.

— Я это сдѣлалъ, сэръ, сказалъ большой неуклюжій дѣтина, выступивъ впередъ, и я славно раскроилъ себѣ пальцы объ его зубы. Я задержалъ его, сэръ.

Дѣтина, ухмыляясь, притронулся къ шляпѣ, надѣясь получить что нибудь за труды; но старый джентльменъ, взглянувъ на него съ выраженіемъ отвращенія, началъ тревожно озираться кругомъ, какъ будто самъ собирался бѣжать; очень вѣроятно, что онъ готовъ былъ сдѣлать это и тѣмъ дать толпѣ случай второй погони, если бы полицейскій чиновникъ, который вообще послѣднимъ является въ подобныхъ обстоятельствахъ, не протолкался въ эту минуту сквозь толпу и не схватилъ Оливера за воротъ.

— Ну вставайте, сказалъ онъ грубо.

— О это не я, въ самомъ дѣлѣ, сэръ. Въ самомъ дѣлѣ, а са-

момъ дѣлѣ не я, сказалъ Оливеръ, въ отчаянной мольбѣ сжимая руки и оглядываясь кругомъ.—Они здѣсь гдѣ нибудь.

— О, ихъ здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ полицейскій. Онъ думалъ отвѣтить такъ въ насмѣшку, но вышло что онъ сказалъ правду, потому что лукавецъ и Чарльзъ Бэтсъ исчезли въ первомъ подворьи, представившемъ это удобство.—Ну вставайте же.

— Не дѣлайте ему вреда, сказалъ сострадательно старый джентльменъ.

— О, нѣтъ, не сдѣлаю, отвѣчалъ полицейскій, сдергивая съ Оливера сюртукъ до половины спины, въ доказательство своихъ словъ. Идемъ. Я знаю васъ. Это не поможетъ. Встанете ли вы на ноги, маленькій дьяволенокъ?

Оливеръ, который едва могъ держаться на ногахъ, сдѣлалъ усиліе стать на ноги; его подхватили и поволокли за воротъ по улицѣ скорыми шагами. Джентльменъ пошелъ рядомъ съ полицейскимъ, и многіе изъ толпы преслѣдователей, сколько могли, забѣгали впередъ, чтобы оглядывать Оливера. Мальчики огласили улицу криками торжества и шествіе направилось къ полиціи.

ГЛАВА XI.

Повѣтствуетъ о м-рѣ Фэнгѣ—судьѣ и показываетъ небольшой образчикъ его способа отправлять правосудіе.

Правонарушеніе было совершено въ округѣ, и сверхъ того, въ ближайшемъ сосѣдствѣ весьма извѣстнаго полицейскаго управленія столицы. Толпа имѣла удовольствіе сопровождать Оливера только двѣ или три улицы, вплоть до мѣста, называемаго Мёттонъ-Гилль, откуда его повели низкимъ крытымъ ходомъ подъ сводами, и потомъ черезъ дворъ до мѣста отправленія скораго правосудія. Оливера провели заднимъ ходомъ; дворъ, въ который повернули, былъ

не великъ и вымощенъ камнемъ. Здѣсь они встрѣтили толстаго мужчину съ пучкомъ бокенбардовъ на лицѣ и пучкомъ ключей въ рукахъ.

— Что теперь у васъ за дѣло? спросилъ онъ небрежно.

— Молодой охотникъ за шелковыми платками, отвѣчалъ человѣкъ державшій Оливера.

— Вы сторона, которую обокрали, сэръ? спросилъ мужчина съ ключами.

— Да, я, отвѣчалъ старый джентльменъ; но я не вполнѣ увѣренъ, что именно этотъ мальчикъ взялъ мой платокъ. Я... Я лучше желалъ бы не давать дальнѣйшаго хода дѣлу.

— Его должно представить судьѣ, отвѣчалъ мужчина съ ключами. Его честь будетъ свободенъ черезъ полминуты. Ей, вы, молодой висѣльникъ.

Это было приглашеніе Оливеру войти въ дверь, которую сторожъ отперъ, говоря эти слова, и которая вела въ каменную тюремную келью. Здѣсь Оливеръ былъ обысканъ и, какъ ничего не было найдено на немъ, то онъ и былъ запертъ въ тюрьму. Келья имѣла размѣры и видъ чулана для просушки припасовъ, только не была такъ свѣтла. Она была невыносимо грязна, потому что было утро понедѣльника, а въ ней были заперты шестеро пьяницъ, которыхъ съ вечера субботы перевели въ другое мѣсто. Но это ничего не значитъ. Въ полицейскихъ караульняхъ каждую ночь запираютъ мужчинъ и женщинъ по самымъ пустымъ обвиненіямъ въ такія тюрьмы, въ сравненіи съ которыми ньюгетскія кельи, занятыя самыми отчаянными злодѣями, арестантами, приговоренными къ смерти, кажутся дворцами. Пусть каждый, кто сомнѣвается въ этомъ, попробуетъ сравнить и тѣ и другія.

Старый джентльменъ почти съ раскаяніемъ посмотрѣлъ на Оливера, когда ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ, и со вздохомъ перевелъ глаза на книгу, которая была невинной причиной всей передряги.

— Есть что-то такое въ лицѣ этого мальчика, говорилъ самъ себѣ старый джентльменъ, когда онъ шелъ медленно прочь и задумавшись трогалъ себѣ подбородокъ книгой:—что-то такое что трогаетъ меня и возбуждаетъ мое участіе. Можетъ ли онъ быть невиненъ? Онъ казался... Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ старый джентльменъ, внезапно остановившись и уставившись глазами въ облака.—

Да спасетъ Господь мою душу! Гдѣ же я прежде видѣлъ взглядъ, похожій на его взглядъ.

Подумавъ нѣсколько минутъ, старый джентльменъ вернулся съ тѣмъ же задумчивымъ выраженіемъ лица въ переднюю присутствія, двери которой выходили на дворъ; и тамъ, удалившись въ уголъ, старался вызвать въ своемъ воспоминаніи цѣлый рядъ лицъ, на которыхъ туманная завѣса была уже много лѣтъ накинута временемъ. „Нѣтъ“, сказалъ себѣ старый джентльменъ, покачивая головой, — это воображеніе“.

Но онъ снова углубился въ разсматриваніе лицъ, вызванныхъ воспоминаніемъ. Онъ вызвалъ ихъ и нелегко было снова накинуть завѣсу, такъ долго скрывавшую ихъ. То были лица друзей и враговъ, многихъ людей совершенно чуждыхъ ему, которыя назойливо выступали изъ толпы; то были лица молодыхъ и цвѣтущихъ дѣвушекъ, которыя теперь были старухами; то были и другія, которыхъ могила давно превратила въ страшные трофеи смерти, но которыхъ умъ его, болѣе могущественный нежели смерть, воскрешалъ въ прежней свѣжести и красотѣ, вызывая снова былой блескъ на глаза, свѣтлую улыбку на черты, свѣтлую душу, отражающуюся сквозь оболочку земной персти.

Однако старый джентльменъ не могъ припомнить ни одного лица, которое носило бы сходство съ чертами Оливера; и онъ вздохнулъ тяжело о воспоминаніяхъ, вызванныхъ имъ, и такъ какъ онъ, къ счастью, отличался необыкновенной разсѣянностью, то онъ тутъ же снова погрузился въ чтеніе заплесневѣлой книги.

Онъ былъ пробужденъ прикосновеніемъ сторожа къ плечу и приглашеніемъ послѣдовать за нимъ въ контору. Онъ быстро закрылъ книгу и былъ введенъ въ присутствіе достоизвѣстнаго м-ра Фэнга.

Контора была просторная комната въ передней части зданія; одна стѣна ея была покрыта филенковой работой. М-ръ Фэнгъ сидѣлъ за перилами на верхнемъ концѣ комнаты; по одной сторонѣ дверей была небольшая деревянная ограда, гдѣ былъ посаженъ маленькій Оливеръ, дрожавшій всѣмъ тѣломъ отъ торжественности всей сцены.

М-ръ Фэнгъ былъ мужчина средняго роста, очень бѣдно надѣленный отъ природы волосами, да и тѣ, что онъ имѣлъ, росли на затылкѣ и по обѣимъ сторонамъ головы. Лицо его было сурово и очень красно.

И если онъ въ дѣйствительности не былъ подверженъ привычкѣ выпить болѣе, нежели сколько нужно было для его здоровья, то онъ имѣлъ полное право подать на свою наружность искъ въ клеветѣ и взыскалъ бы большіе протори и убытки.

Старый джентльменъ почтительно поклонился и, подойдя къ столу судьи, сказалъ, подавая карточку: — Вотъ мое имя и адресъ, сэръ. Затѣмъ онъ отошелъ шага на два и, съ новымъ вѣжливымъ поклономъ, ждалъ когда придетъ его очередь быть спрошеннымъ.

Случилось, что м-ръ Фэнгъ въ эту минуту читалъ руководящую статью утренней газеты, касавшуюся одного недавняго рѣшенія его и въ триста пятидесятый разъ совѣтовавшую государственному секретарю министерства внутреннихъ дѣлъ обратить на него особенное вниманіе. М-ръ Фэнгъ былъ внѣ себя и поднялъ голову съ сердитымъ нахмуреннымъ взглядомъ.

— Кто вы такой? спросилъ м-ръ Фэнгъ.

Старый джентльменъ указалъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, на свою карточку.

— Полицейскій, сказалъ м-ръ Фэнгъ, съ пренебреженіемъ откидывая въ сторону карточку вмѣстѣ съ газетой. — Кто этотъ человѣкъ?

— Мое имя, сэръ, отвѣчалъ старый джентльменъ, говоря какъ слѣдовало джентльмену: — мое имя, сэръ, Броунлоу. Позвольте мнѣ спросить объ имени судьи, который дѣлаетъ совершенно напрасное и ни чѣмъ не вызванное оскорбленіе почтенному человѣку, пользуясь защитой суда. Произнеся эти слова, м-ръ Броунлоу оглядѣлъ вокругъ контору, будто отыскивая человѣка, который бы могъ дать ему просимое объясненіе.

— Полицейскій, сказалъ м-ръ Фэнгъ, перебрасывая газету на другую сторону: — въ чемъ обвиняютъ этого человѣка?

— Его ни въ чемъ не обвиняютъ, ваша честь, отвѣчалъ полицейскій. — Онъ явился сюда какъ свидѣтель противъ мальчика, ваша честь.

Его честь зналъ это какъ нельзя лучше, но это былъ хорошій и, въ добавокъ, совершенно безопасный способъ сдѣлать непріятность.

— Какъ, свидѣтель противъ мальчика, такъ? сказалъ Фэнгъ, оглядывая презрительно м-ра Броунлоу съ головы до ногъ. — Приведите его къ присягѣ.

— Прежде чѣмъ меня приведутъ къ присягѣ, я долженъ просить позволенія сказать одно слово, сказалъ м-ръ Броунлоу: — а именно, что я никогда, еслибы не убѣдился въ томъ личнымъ опытомъ, не могъ бы повѣрить...

— Молчите, сэръ! сказалъ повелительно м-ръ Фэнгъ.

— Я не замолчу, сэръ, отвѣчалъ старый джентльменъ.

— Замолчите сію минуту, или я велю васъ вывести изъ конторы, сказалъ м-ръ Фэнгъ: — Вы дерзкій невѣжа. Какъ вы смѣете грубить судьѣ?

— Что? вскричалъ старый джентльменъ, краснѣя.

— Заставьте присягнуть этого человѣка, сказалъ Фэнгъ писцу.—Я не хочу слышать ни слова болѣе. Ведите его къ присягѣ.

Негодованіе м-ра Броунлоу было сильно возбуждено; но, разсудивъ, что если онъ дастъ ему волю, то онъ только повредитъ мальчику, онъ затаилъ свои чувства и, покорившись, присягнулъ немедля.

— Теперь, сказалъ Фэнгъ: — въ чемъ обвиняютъ этого мальчика? Что вы имѣете сказать, сэръ?

— Я стоялъ у книжной лавки, началъ м-ръ Броунлоу.

— Молчите, сэръ, перебилъ м-ръ Фэнгъ. — Полицейскій, гдѣ-жъ полицейскій? Здѣсь? Присягните, тотъ ли это самый человѣкъ. Теперь, полицейскій, говорите какъ было дѣло.

Полицейскій съ подобающимъ смиреніемъ разсказалъ, какъ онъ арестовалъ Оливера, обыскалъ его и не нашелъ на немъ ничего, и въ заключеніе прибавилъ, что это все, что онъ знаетъ объ этомъ дѣлѣ.

— Есть ли свидѣтели? спросилъ м-ръ Фэнгъ.

— Ни одного, ваша честь, отвѣчалъ полицейскій.

М-ръ Фэнгъ молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ, обращаясь къ истцу, сказалъ съ величайшимъ азартомъ:

— Скажете ли вы наконецъ въ чемъ состоитъ ваша жалоба на мальчика, эй вы, или нѣтъ? Вы дали присягу. Теперь, если вы будете стоять здѣсь, отказываясь дать показанія, то я оштрафую васъ за неуваженіе къ суду; да я, клянусь...

Но кѣмъ или чѣмъ онъ клялся, осталось неизвѣстно, потому что писецъ и тюремщикъ громко закашлялись въ эту минуту, а первый уронилъ съ шумомъ на полъ тяжелую книгу; и такимъ образомъ

не дали присутствовавшимъ услышать это слово — и, разумѣется, случайно.

Послѣ многихъ перерывовъ и повторенныхъ оскорбленій, м-ръ Броунлоу наконецъ изложилъ въ чемъ дѣло, прибавивъ, что въ первую минуту онъ побѣжалъ за мальчикомъ, потому что тотъ самъ бѣжалъ, и выразивъ надежду, что въ случаѣ, если судья считаетъ мальчика хотя не воромъ, то сообщникомъ воровъ, то тѣмъ не менѣе онъ надѣется, что онъ окажетъ мальчику столько снисхожденія, сколько позволяетъ правосудіе.

— Онъ былъ уже ушибленъ, сказалъ въ заключеніе старый джентльменъ: — и я опасаюсь, прибавилъ онъ съ силой, взглянувъ на Оливера: — я дѣйствительно опасаюсь, что онъ очень боленъ.

— О, да, я увѣренъ, сказалъ съ усмѣшкой м-ръ Фэнгъ. — Ну, безо всякихъ штукъ, молодой бродяга, онѣ здѣсь не помогутъ. Какъ ваше имя?

Оливеръ сдѣлалъ усиліе отвѣчать, но языкъ не повиновался ему. Онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, и ему казалось, что все кружилось около него.

— Какъ ваше имя, очерствѣлый негодяй? громовымъ голосомъ крикнулъ м-ръ Фэнгъ. — Полицейскій, какъ его имя?

Эти слова относились къ толстому пожилому полицейскому въ полосатомъ жилетѣ, стоявшему у рѣшетки. Полицейскій наклонился къ Оливеру и повторилъ вопросъ, но видя, что мальчикъ дѣйствительно неспособенъ понять вопросъ, и зная, что если отвѣта не будетъ, то это еще болѣе взбѣситъ судью и усилитъ наказаніе, онъ рискнулъ отвѣтить на удачу.

— Онъ говоритъ, что его зовутъ Томъ Уайтъ, ваша честь, сказалъ сострадательный преслѣдователь воровъ.

— О, такъ онъ не хочетъ говорить, хорошо! сказалъ Фэнгъ. — Очень хорошо, очень хорошо. Гдѣ онъ живетъ?

— Гдѣ придется, ваша честь, отвѣчалъ полицейскій, снова сдѣлавъ видъ, что получилъ отъ Оливера отвѣтъ.

— Есть ли у него родители? спросилъ м-ръ Фэнгъ.

— Онъ говоритъ, что они умерли, когда онъ былъ очень малъ, ваша честь, отвѣчалъ полицейскій, рискнувъ на обычный отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ.

На этомъ пунктѣ допроса Оливеръ поднялъ голову и, огля-

дѣвши кругомъ присутствовавшихъ умоляющимъ взоромъ, прошепталъ слабымъ голосомъ просьбу дать ему воды.

— Вздоръ, пустяки! сказалъ м-ръ Фэнгъ.—Не трудитесь меня одурачить.

— Я думаю, что онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, ваша честь, сказалъ полицейскій.

— Я лучше вашего знаю, отвѣчалъ м-ръ Фэнгъ.

— Поберегите его, полицейскій, сказалъ старый джентльменъ, инстинктивно протягивая руки: — Онъ упадетъ.

— Полицейскій, отойдите, свирѣпо закричалъ м-ръ Фэнгъ. — Пусть падаетъ, если хочетъ.

Оливеръ воспользовался милостивымъ позволеніемъ и тяжело упалъ на полъ въ обморокѣ. Служащіе при конторѣ взглянули другъ на друга, но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ двинуться на помощь.

— Я зналъ, что онъ притворяется, сказалъ м-ръ Фэнгъ, какъ будто паденіе Оливера было непреложнымъ доказательствомъ истины его словъ.

— Пусть онъ лежитъ, ему скоро надоѣстъ это.

— Какъ вы полагаете рѣшить это дѣло, сэръ? спросилъ потомъ писецъ.

— Безъ проволочекъ, отвѣчалъ м-ръ Фэнгъ. — Онъ присужденъ на три мѣсяца, разумѣется, тяжелой работы. Очистите присутствіе.

Дверь уже была открыта для этой цѣли и двое служителей готовы были унести безчувственнаго мальчика въ его тюрьму, когда, пожилой мужчина прилично, но бѣдно одѣтый, въ старую черную пару, поспѣшно вошелъ въ контору и подошелъ къ судейской скамьѣ.

— Остановитесь, не уносите его, во имя неба подождите минуту, вскричалъ вошедшій, задыхаясь отъ скорой ходьбы.

Хотя геніи, предсѣдательствующіе въ подобной конторѣ привыкли отправлять быстрое правосудіе и имѣть неограниченную власть надъ свободой, добрымъ именемъ, будущностью и даже жизнью подданныхъ ея величества, особенно низшихъ сословій, и хотя въ этихъ стѣнахъ ежедневно совершались самыя чудовищныя вещи, которыя заставили бы ангеловъ плакать горячими кровавыми слезами но все это скрыто отъ глазъ публики и извѣстно ей только посредствомъ ежедневной прессы. Слѣдовательно, м-ръ Фэнгъ имѣлъ право

не мало вознегодовать при видѣ незванаго посѣтителя, вошедшаго такъ непочтительно и нарушившаго порядокъ.

— Что это такое? Кто это такой? Выгоните этого человѣка. Очистите присутствіе! кричалъ м-ръ Фэнгъ.

— Я буду говорить! вскричалъ вошедшій.—Я не дамъ себя выгнать. Я видѣлъ все. Я держу книжную лавочку. Я требую чтобы меня привели къ присягѣ. Я не позволю себѣ зажать горло. М-ръ Фэнгъ, вы должны выслушать меня. Вы не смѣете отказать мнѣ сэръ!

Говорившій былъ въ своемѣ правѣ. Обращеніе его было смѣло и рѣшительно, а дѣло принимало серьозный оборотъ, такъ что нельзя было замять его.

— Приведите этого человѣка къ присягѣ, сказалъ м-ръ Фэнгъ очень неохотно.

— Теперь, человѣкъ, что вы хотите сказать?

— Вотъ что, отвѣчалъ тотъ: — Я видѣлъ трехъ мальчиковъ, другихъ двухъ и этого арестанта, поджидавшихъ на другой сторонѣ улицы, когда этотъ джентльменъ читалъ. Кража была совершена другимъ мальчикомъ. Я видѣлъ это и видѣлъ тоже, какъ этотъ мальчикъ остолбенѣлъ отъ изумленія.

Нѣсколько отдышавшись отъ скорой бѣготни, почтенный содержатель книжной лавочки продолжалъ болѣе связно и обстоятельно разсказывать всѣ подробности воровства.

— Почему вы не пришли ранѣе? спросилъ Фэнъ послѣ небольшаго молчанія.

— Не было живой души, кого бы я могъ оставить стеречь лавку, отвѣчалъ свидѣтель: — всѣ, кто могли бы помочь мнѣ убѣжали преслѣдовать мальчика. Я только пять минутъ тому назадъ могъ дождаться кого нибудь, и тотчасъ прибѣжалъ сюда.

— Истецъ читалъ въ это время? спросилъ Фэнгъ послѣ новой паузы.

— Да, отвѣчалъ торговецъ книгами: — Ту самую книгу, которая у него въ рукахъ.

— О, эту книгу, сказалъ Фэнгъ. Онъ заплатилъ за нее?

— Нѣтъ, отвѣчалъ торговецъ, улыбаясь.

— Боже мой, я совершенно забылъ! вскричалъ разсѣянный старикъ, спохватившись.

— Хорошъ истецъ, чтобы подавать жалобу на бѣднаго мальчика, сказалъ Фэнгъ съ самымъ комическимъ усиліемъ казаться человѣчнымъ. — Принимая во вниманіе, сэръ, что вы завладѣли этой книгой при очень подозрительныхъ и не къ чести вашей относящихся обстоятельствахъ, вы должны считать себя очень счастливымъ, что владѣлецъ книги не желаетъ подать на васъ искъ. Пусть это будетъ вамъ впередъ урокомъ, или законъ наложитъ на васъ свою руку. Мальчикъ освобождается отъ обвиненія. Очистите присутствіе.

— Будь я проклятъ, вскричалъ старый джентльменъ, разражаясь наконецъ порывомъ долго сдерживаемаго гнѣва. —Будь я проклятъ, если я...

— Очистите присутствіе! ревѣлъ судья. —Полицейскіе, слышите ли вы. Очистите присутствіе.

Приказаніе было исполнено, и негодующій м-ръ Броунлоу былъ выпровожденъ изъ конторы, съ книгой въ одной рукѣ и бамбуковой тростью въ другой, въ совершенномъ пароксизмѣ бѣшенства.

Онъ дошелъ до двора и бѣшенство его исчезло въ одно мгновеніе. Маленькій Оливеръ Твистъ лежалъ навзничь на мостовой, воротъ рубашки его былъ растегнутъ, виски смочены водой. Онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ и холодная дрожь трясла его члены.

— Бѣдный мальчикъ, бѣдный мальчикъ, сказалъ м-ръ Броунлоу, наклонившись надъ нимъ. —Эй! кто нибудь приведите карету, прошу васъ, сейчасъ.

-- Могу ли я ѣхать съ вами? спросилъ торговецъ книгами, взглянувъ на Оливера.

— О, разумѣется, любезный другъ, отвѣчалъ поспѣшно м-ръ Броунлоу. —Я забылъ о васъ. Боже мой, эта несчастная книга все у меня въ рукахъ. Садитесь. Бѣдный мальчикъ. Намъ нельзя терять ни минуты.

Торговецъ книгами сѣлъ въ карету и они уѣхали.

ГЛАВА XII.

Въ которой объ Оливерѣ заботятся такъ, какъ никогда еще не заботились. Содержитъ нѣкоторыя подробности касающіяся нѣкоторой картины.

Карета катилась вдоль Моунтъ-Плезанта и Эксмоутской улицы, — почти по той же самой дорогѣ, которую проходилъ Оливеръ, когда въ первый разъ вступилъ въ Лондонъ въ сопровожденіи Даукинса; но достигнувъ Ислингтона, она свернула по другому направленію и, наконецъ, остановилась передъ чистенькимъ домикомъ, въ уединенной тѣнистой аллеѣ близъ Пентонвилля. Здѣсь, не теряя ни минуты, приготовили по распоряженію м-ра Броунлоу постель, въ которую подъ его надзоромъ положили Оливера; и здѣсь ухаживали за нимъ съ нѣжностью и заботливостью, которыхъ онъ никогда еще не зналъ.

Но въ продолженіе многихъ дней, Оливеръ оставался безчувственнымъ къ добротѣ новыхъ друзей своихъ. Солнце вставало и заходило, и снова вставало и заходило, и много разъ такъ было, а мальчикъ по прежнему лежалъ въ постелѣ и томился сухимъ изнуряющимъ жаромъ горячки, жаромъ, который, какъ ѣдкая кислота, разлагающая самое крѣпкое желѣзо, жжетъ тѣло чтобы разъѣсть и уничтожить его. Червь не такъ разрушительно работаетъ надъ мертвымъ тѣломъ, какъ этотъ медленный, ползущій огонь надъ живымъ.

Слабый, исхудалый и блѣдный, Оливеръ проснулся наконецъ отъ сна, который повидимому долженъ бы быть его послѣднимъ сномъ. Слабо приподнявшись на постели и опершись головой на дрожащую руку, онъ тревожно оглядѣлся кругомъ.

— Какая эта комната? куда меня принесли? спросилъ Оливеръ. —Это не то мѣсто, гдѣ я уснулъ.

Онъ былъ очень слабъ и изнуренъ и произнесъ эти слова слабымъ голосомъ, но они были услышаны; занавѣска въ головахъ постели была поспѣшно откинута и старушка очень чисто и аккуратно

одѣтая, откидывая занавѣску, привстала съ кресла рядомъ съ постелью, въ которомъ она сидѣла за шитьемъ.

— Тише, мой дорогой, сказала нѣжно старушка, наклоняясь надъ нимъ съ материнской любовью.—Вы должны лежать спокойно, или вы снова занеможете; а вамъ было очень плохо, такъ плохо, какъ только можетъ быть плохо, или почти такъ. Ложитесь опять, вотъ такъ, милый. Съ этими словами старушка тихо положила голову Оливера на подушку и, пригладивъ его волосы отъ лба, смотрѣла такъ нѣжно и любовно ему въ лицо, что онъ не могъ удержаться отъ желанія положить свою маленькую исхудалую руку на ея руку и обвить ею свою шею.

— Спаситель! вскричала старая леди, со слезами на глазахъ.—Какой благодарный маленькій милашка! Хорошенькое созданіе! Чтобы почувствовала его мать, еслибы она сидѣла у его постели, какъ я, и могла теперь видѣть его!

— Можетъ быть она видитъ меня, прошепталъ Оливеръ, сложивъ руки.—Можетъ быть она сидѣла возлѣ меня. Я почти чувствую, что она сидѣла тутъ.

— Это былъ бредъ горячки, мой милый, сказала кротко старушка.

— Я думаю что такъ, отвѣчалъ задумчиво Оливеръ.—Потому что небо такъ далеко, и они слишкомъ счастливы тамъ, для того чтобы сойти къ постели бѣднаго мальчика. Но еслибы она знала, что я боленъ, она пожалѣла бы меня даже тамъ, потому что она сама была очень больна передъ тѣмъ, какъ ей помереть. Она не можетъ ничего знать про меня, прибавилъ Оливеръ послѣ минутнаго молчанія: — потому что еслибы она видѣла какъ меня били, это опечалило бы ее; а лицо ея всегда было такъ пріятно и счастливо, когда я видѣлъ его во снѣ.

Старушка не отвѣчала на это ни слова, но сначала вытерла себѣ глаза, потомъ очки лежавшіе на одѣялѣ, какъ будто они составляли часть органа зрѣнія, и, наконецъ, принесла Оливеру холодное питье и, погладивъ его по щекѣ, сказала ему, что онъ долженъ лежать очень спокойно, не то онъ снова сдѣлается боленъ.

И Оливеръ сталъ очень спокоенъ, отчасти потому что онъ хотѣлъ во всемъ повиноваться доброй старушкѣ, отчасти, говоря правду, потому что онъ чувствовалъ себя совершенно истощеннымъ

и тѣмъ что сказалъ. Онъ вскорѣ впалъ въ легкую дремоту, изъ которой его пробудилъ огонь свѣчки, которая была поднесена къ его кровати, и при свѣтѣ которой онъ увидѣлъ джентльмена съ большими и громко стучавшими золотыми часами въ рукѣ, который щупалъ ему пульсъ и сказалъ что ему гораздо лучше.

— Вы чувствуете себя гораздо лучше, не правда ли, мой милый? спросилъ джентльменъ.

— Да, благодарю васъ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Да, я знаю, что вамъ лучше, отвѣчалъ джентльменъ. — Не хотите ли кушать, не такъ ли?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Г-мъ, произнесъ джентльменъ. — Нѣтъ, я знаю что нѣтъ. Онъ не хочетъ кушать, м-съ Бэдуинъ, сказалъ джентльменъ, принимая глубокомысленный видъ.

Старая леди почтительно наклонила голову, желая тѣмъ выразить, что докторъ очень умный человѣкъ. Докторъ, по видимому, держался того же мнѣнія о себѣ.

— Вы хотите спать, неправда ли, мой милый? сказалъ докторъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Нѣтъ, повторилъ докторъ съ значительнымъ и самодовольнымъ взглядомъ. Такъ, вы не хотите спать. Вы не чувствуете, тоже, жажды.

— Да, сэръ, мнѣ хочется пить? отвѣчалъ Оливеръ.

— Все такъ, какъ я ожидалъ, м-съ Бэдуинъ, сказалъ докторъ. — Очень естественно, что онъ чувствуетъ жажду, совершенно естественно. Вы можете дать ему немного чаю, м-съ, немного поджаренаго хлѣба, только безъ масла. Не держите его слишкомъ тепло; но тоже смотрите, чтобы не держать его и слишкомъ прохладно, будьте такъ добры объ этомъ позаботиться.

Старушка отвѣсила книксенъ; а докторъ, попробовавъ холодное питье и выразивъ опредѣленное одобренiе, поспѣшилъ уйдти; и когда онъ спускался съ лѣстницы, сапоги его скрипѣли такъ внушительно, какъ скрипятъ сапоги богатыхъ людей.

Оливеръ снова задремалъ послѣ посѣщенiя доктора и проснулся около полуночи. Добрая старушка вскорѣ ласково пожелала ему спокойной ночи и оставила его на попеченiи толстой старухи, которая только что пришла, принеся въ маленькомъ узелкѣ молитвенникъ и

огромный ночной чепчикъ. Надѣвъ послѣдній на голову и положивъ первый на столъ, старуха, сказавъ Оливеру, что она пришла сидѣть съ нимъ цѣлую ночь, придвинула стулъ къ огню и съ ней начались безпрестанные короткіе припадки дремоты, прерываемые частымъ клеваніемъ носомъ и разнообразными стонами и захлебываньями, которые однакожъ не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ того, что заставляли ее очень крѣпко тереть себѣ носъ и снова засыпать.

Такимъ образомъ медленно протянулась ночь. Оливеръ лежалъ нѣсколько времени съ открытыми глазами, считая свѣтлые круги на потолкѣ, которые отражалъ на немъ колеблющійся огонь ночника, или слѣдя томными глазами за запутаннымъ узоромъ обоевъ на стѣнахъ. Въ темнотѣ и глубокой тишинѣ комнаты было, казалось, что-то торжественное; это напомнило мальчику, что много дней и ночей здѣсь носилась смерть и теперь еще могла наполнить ее мракомъ и ужасомъ своего появленія; онъ спряталъ лицо въ подушку и началъ горячо молиться.

Мало по малу онъ впалъ въ тотъ глубокій и спокойный сонъ, который дается только освобожденіемъ отъ недавнихъ страданій; этотъ тихій и укрѣпляющій сонъ, отъ котораго жаль пробуждать человѣка. Даже если бы этотъ сонъ былъ смертью, кто пожелалъ бы чтобы его пробудили отъ этого сна для борьбы и тревогъ жизни, для всѣхъ заботъ ея о настящемъ днѣ, для тревогъ о будущемъ и, еще болѣе, для томительныхъ воспоминаній прошлаго.

Уже нѣсколько часовъ стоялъ свѣтлый день, когда Оливеръ открылъ глаза, и открывая ихъ, почувствовалъ себя веселымъ и счастливымъ. Кризисъ болѣзни миновалъ благополучно и онъ снова принадлежалъ міру.

Три дня спустя онъ былъ въ состояніи сидѣть на креслѣ, поддерживаемый подушками, и такъ какъ онъ былъ еще слишкомъ слабъ что бы ходить, то м-съ Бэдуинъ распорядилась, чтобы его снесли внизъ въ небольшую комнату ключницы, принадлежавшую ей, гдѣ, усадивъ его у огня, добрая женщина сама сѣла рядомъ съ нимъ и, находясь въ состояніи полнѣйшаго восторга, оттого что видѣла его поправляющимся, она начала сильно плакать.

— Это ничего, мой милый, сказала старушка. Я только по привычкѣ исправно выплакалась. Вотъ, теперь уже все прошло, и я совершенно оправилась.

— Вы очень, очень добры ко мнѣ, сказалъ Оливеръ.

— О, не думайте объ этомъ, сказала старушка. Это вовсе не касается до вашего супа, а вамъ давно пора получить его; докторъ сказалъ, что м-ръ Броунлоу можетъ придти навѣстить васъ сегодня по утру, и мы должны постараться, что бы вы смотрѣли какъ можно лучше, потому что чѣмъ лучше вы будете на видъ, тѣмъ болѣе м-ръ Броунлоу будетъ доволенъ. И съ этими словами старушка начала разогрѣвать въ небольшой кострюлѣ полную миску супа, настолько крѣпкаго, что если бы развести его до крѣпости опредѣленной правилами рабочаго дома, то его было бы достаточно для полныхъ порцій трехъ сотъ пятидесяти бѣдняковъ, считая по самой меньшей мѣрѣ.

— Вы любите картины, мой дорогой, спросила старушка, замѣтивъ что Оливеръ пристально смотрѣлъ на портретъ висѣвшій на стѣнѣ противъ его кресла.

— Я право не знаю, отвѣчалъ Оливеръ, не отрывая глазъ отъ полотна. Я видѣлъ ихъ такъ мало, что не могу сказать. Какое прекрасное кроткое лицо у этой леди.

— Ага, сказала старушка. Живописцы всегда стараются представить дамъ красивѣе, нежели въ дѣйствительности, не то они не будутъ имѣть практики, дитя. Человѣкъ, который выдумалъ машину чтобы снимать портреты, долженъ бы былъ знать что это не будетъ имѣть успѣха, никогда: это слишкомъ честно, слишкомъ честно, говорила старушка, смѣясь отъ всего сердца собственной остротѣ.

— Это портретъ... спросилъ Оливеръ.

— Да, отвѣчала старушка, отвернувшись на минуту отъ супа.— Это портретъ.

— Чей это портретъ? спросилъ Оливеръ съ живымъ любопытствомъ.

— Право, не знаю, дорогой мой, отвѣчала добродушно старушка. Только это не портретъ кого нибудь, кого бы мы оба знали, навѣрно. Онъ, кажется, понравился вамъ.

— Онъ такъ красивъ, такъ прекрасенъ, сказалъ Оливеръ.

— О, вы вѣрно не боитесь его? спросила старушка замѣтивъ съ величайшимъ удивленіемъ взглядъ благоговѣйнаго ужаса, съ которымъ ребенокъ смотрѣлъ на живопись.

— О, нѣтъ, нѣтъ, поспѣшно отвѣчалъ Оливеръ: — только глаза его смотрятъ такъ печально, и когда я сижу такъ, мнѣ кажется,

что они смотрятъ на меня. Это заставляетъ мое сердце биться, прибавилъ Оливеръ шопотомъ:—какъ будто она жива и хочетъ заговорить со мной, но не можетъ.

— Спаси насъ Господи! вскричала старая леди, привскочивъ съ мѣста.—Не говорите такъ дитя; вы слабы и нервны послѣ болѣзни. Дайте, я передвину вашъ стулъ на другую сторону и вы не будете видѣть картину. Вотъ такъ, и старушка исполнила что говорила. Вы теперь ее не видите.

Оливеръ все таки видѣлъ картину въ своемъ воображеніи, такъ же явственно, какъ будто онъ не перемѣнилъ положенія; но онъ не захотѣлъ тревожить добрую старушку и кротко улыбнулся когда она взглянула на него; а м-съ Бэдуинъ довольная тѣмъ, что онъ успокоился, солила и ломала куски жаренаго хлѣба въ супъ, суетясь какъ слѣдовало для исполненія такого важнаго дѣла. Оливеръ покончилъ свой супъ съ необыкновенной быстротой и едва успѣлъ проглотить послѣднюю ложку, какъ у двери послышался легкій стукъ.

— Войдите, сказала старушка и вошелъ м-ръ Броунлоу.

Старый джентльменъ вошелъ такимъ бодрымъ старичкомъ, какимъ только могъ быть; но едва успѣлъ онъ приподнять очки на лобъ и заложить руки за полы своего домашняго сюртука чтобы хорошенько разсмотрѣть Оливера, какъ черты лица его невольно передернулись множествомъ разнообразныхъ гримасъ. Оливеръ былъ страшно исхудавши и казался тѣнью; онъ сдѣлалъ безполезное усиліе встать, изъ уваженія къ своему благодѣтелю, и упалъ безсильно въ кресло. Если сказать читателю правду, то сердце м-ра Броунлоу было настолько широко, что его хватило бы на шесть сердецъ джентльменовъ съ сострадательностью обычнаго уровня, и движеніе Оливера вызвало на глаза м-ра Броунлоу приливъ слезъ, вслѣдствіе нѣкотораго гидравлическаго процесса; но къ сожалѣнію мы не настолько компетентны въ естественныхъ наукахъ, чтобы объяснить его.

— Бѣдный мальчикъ, бѣдный мальчикъ! сказалъ м-ръ Броунлоу, прочищая горло. Я сегодня немного охрипъ, м-съ Бэдуинъ; я боюсь что я простудился.

— Надѣюсь что нѣтъ, сэръ, сказала м-съ Бэдуинъ.—Все, что вамъ подавалось, было хорошо просушено, сэръ.

— Не знаю, Бэдуинъ, не знаю, сказалъ м-ръ Броунлоу. — Я

думаю, что мнѣ вчера дали за обѣдомъ сырую салфетку; ну да не заботьтесь объ этомъ. Какъ вы себя чувствуете, мой милый?

— Очень счастливымъ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ: — и очень благодарнымъ за вашу доброту ко мнѣ, сэръ.

— Добрый мальчикъ, сказалъ м-ръ Броунлоу густымъ голосомъ. Дали ли вы ему чего нибудь поѣсть, Бэдуинъ! какую нибудь бурду? э!

— Онъ только что получилъ миску славнаго крѣпкаго супу, сэръ, отвѣчала м-съ Бэдуинъ, слегка выпрямляясь и дѣлая сильное удареніе на послѣднемъ словѣ, чтобы дать понять, что между бурдой и хорошо изготовленнымъ супомъ не можетъ быть никакого сходства и подобія.

— У, сказалъ м-ръ Броунлоу съ легкой дрожью. Рюмка, другая портвейну дѣлала бы ему несравненно болѣе пользы, не такъ ли, Томъ Уайтъ, э?

— Меня зовутъ Оливеръ, сэръ, отвѣчалъ маленькій больной съ величайшимъ удивленіемъ.

— Оливеръ, сказалъ м-ръ Блоунлоу. Оливеръ какъ? Оливеръ Уайтъ, э?

— Нѣтъ, сэръ, Твистъ, Оливеръ Твистъ.

— Странное имя, сказалъ старый джентльменъ.—Что же заставило васъ сказать судьѣ, что ваше имя Уайтъ.

— Я никогда этого не говорилъ, сэръ, возразилъ Оливеръ въ изумленіи. Это такъ походило на ложь, что старый джентльменъ сурово взглянулъ на Оливера. Но не было возможности сомнѣваться въ правдивости его словъ; правда была написана въ его исхудалыхъ и заострившихся отъ болѣзни чертахъ.

— Какая нибудь ошибка, сказалъ м-ръ Броунлоу. Но хотя онъ не имѣлъ теперь болѣе повода пристально смотрѣть Оливеру въ лицо, прежняя мысль о сходствѣ Оливера съ хорошо знакомымъ ему лицомъ снова пришла ему на умъ съ такой силой, что онъ не могъ оторвать глазъ отъ Оливера.

— Я надѣюсь, сэръ, что вы не сердитесь на меня? спросилъ Оливеръ, съ умоляющимъ видомъ поднимая глаза на м-ра Броунлоу.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ старый джентльменъ.—Боже милостивый! Что это? Бэдуинъ, смотрите, смотрите сюда.

Говоря это, онъ быстро указалъ на картину, висѣвшую надъ головой Оливера и потомъ на лицо мальчика. Оно было живой копіей

ея—глаза, голова, ротъ, каждая черта лица были разительно схожи. Въ эту минуту и выраженіе было совершенно одно и тоже; каждая мельчайшая черта была, казалось, списана съ вѣрностью, совершенно сверхъестественной.

Оливеръ не могъ знать повода этого внезапнаго восклицанія, но онъ былъ такъ слабъ, что не вынесъ потрясенія, которое оно вызвало въ немъ, и упалъ въ обморокъ.

ГЛАВА XIII.

Упоминаетъ о веселомъ старомъ джентльменѣ и его молодыхъ друзьяхъ, черезъ посредство которыхъ проницательному читателю представляется новый знакомецъ, въ отношеніи котораго повѣтствуется о многихъ веселыхъ подробностяхъ, составляющихъ принадлежность этой исторіи.

Когда лукавецъ и его талантливый другъ, м-ръ Бэтсъ, пристали къ погонѣ за Оливеромъ, крича изо всѣхъ силъ, послѣ того какъ они совершили незаконный переводъ собственности м-ра Броунлоу въ свои карманы, что было описано съ величайшей обстоятельностью въ предшествующей главѣ, они дѣйствовали подъ побужденіемъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, весьма похвальнаго и естественнаго чувства самосохраненія. И такъ какъ свобода и независимость личности составляютъ предметъ первѣйшей и величайшей похвальбы истиннаго англичанина, то едва ли мнѣ нужно просить читателя замѣтить, что этотъ поступокъ долженъ поднять обоихъ пріятелей въ глазахъ всѣхъ государственныхъ людей и патріотовъ почти на такую же высокую степень, въ какой это поразительное доказательство ихъ заботливости о собственной безопасности и спасеніи подтверждаетъ небольшой кодексъ законовъ, который нѣ-

которые глубокомысленные и здраво мыслящіе философы положили въ главное основаніе всѣхъ явленій и дѣйствій природы. Тѣ же самые философы весьма мудро объясняли дѣйствія доброй старушки ея правилами и теоріями и, дѣлая тѣмъ утонченный и лестный комплиментъ ея знанію и уму, совершенно упускали изъ вида малѣйшее соображеніе о сердцѣ или великодушномъ порывѣ чувства, какъ о предметахъ недостойныхъ женщины, которая единодушнымъ мнѣніемъ ихъ признана стоящей выше многочисленныхъ маленькихъ слабостей и недостатковъ своего пола.

Если бы я нуждался въ новомъ доказательствѣ строго философскаго образа поведенія обоихъ молодыхъ джентльменовъ при тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они находились, я бы нашелъ его въ томъ фактѣ, главнымъ образомъ упомянутомъ въ предъидущей части повѣтствованія, что они прекратили преслѣдованіе, какъ только общее вниманіе было обращено на Оливера, и немедленно направились домой самымъ короткимъ путемъ; я вовсе не хочу тѣмъ сказать что прославленные и ученые мудрецы имѣютъ вообще въ обычаѣ сокращать путь къ какому нибудь великому выводу, обычай ихъ скорѣе увеличивать разстояніе разными окольными переходами и разными разглагольствованіями и колебаніями, подобными тѣмъ, которымъ предаются пьяные люди, подъ давленіемъ слишкомъ сильнаго наплыва мыслей. Я хочу сказать и сказать опредѣлительно одно, что всѣ эти великіе философы, приводя въ осуществленіе свои теоріи, неизмѣнно выказывали великую мудрость и предусмотрительность, принимая мѣры для огражденія себя отъ всякаго стеченія обстоятельствъ, которое могло бы чѣмъ либо повредить имъ. Слѣдовательно, чтобы достичь великаго добра, вы можете сдѣлать маленькое зло, и можете избрать средства, которыя будутъ вполнѣ оправданы достигнутой цѣлью; мѣра добра и мѣра зла, или различіе между ними оставлены вполнѣ на благоусмотрѣніе философа, до котораго касается дѣло; все это должно быть разрѣшено и опредѣлено его яснымъ, вразумительнымъ и безпристрастнымъ взглядомъ на его собственное, лично до него касающееся дѣло.

Только пробѣжавъ съ неимовѣрной быстротой, самый запутанный лабиринтъ узкихъ улицъ, переулковъ и подворьевъ, оба мальчика рискнули остановиться разомъ, будто сговорились, подъ низкимъ и темнымъ сводомъ прохода. Молча постоявъ подъ сводомъ,

ровно столько времени, сколько нужно чтобы перевести духъ, м-ръ Бэтсъ издалъ восклицаніе восторга и веселья и, залившись неудержимымъ хохотомъ, повалился на ступеньку крыльца и катался на ней въ порывѣ веселья.

— Что такое, спросилъ лукавецъ.

— Ха, ха, ха! гоготалъ Чарльзъ Бэтсъ.

— Молчите, унималъ его лукавецъ, осторожно оглядываясь кругомъ.

Что вы, хотите что ли, чтобы насъ схватили?

— Я не могу удержаться, говорилъ Чарлей, право, немогу. Я и теперь вижу какъ онъ удираетъ со всѣхъ ногъ, натыкается на углы, стукается о тумбы и далѣе бѣжитъ, какъ будто онъ самъ былъ желѣзный какъ тумбы, а я съ утиральникомъ въ карманѣ, за нимъ гонюсь съ пѣсенькой. О, глаза мои! Живое воображеніе м-ра Бэтса представило ему эту сцену въ слишкомъ яркихъ краскахъ и когда онъ издалъ послѣднее восклицаніе, онъ снова покатился по ступенькѣ и захохоталъ еще громче прежняго.

— Что скажетъ Фэгинъ? спросилъ лукавецъ, воспользовавшись первой передышкой своего пріятеля, чтобы предложить ему этотъ вопросъ.

— Что? повторилъ Чарлей Бэтсъ.

— Ну да, что? сказалъ лукавецъ.

— Да, что же онъ можетъ сказать? спросилъ Чарлей, внезапно прервавъ порывъ своего веселья, потому что Даукинсъ сдѣлалъ этотъ вопросъ очень внушительно. — Что же можетъ онъ сказать?

М-ръ Даукинсъ посвисталъ минуты съ двѣ и затѣмъ, снявъ шляпу, почесалъ голову и трижды кивнулъ ею.

— Что хотите вы сказать? спросилъ Чарлей.

— Туръ-руль-моль-лу, окорокъ и шпинатъ, съ лягушкой онъ не захочетъ, и высокій кокъ — колорумъ, произнесъ лукавецъ изобразивъ легкую усмѣшку на своемъ смышленномъ лицѣ.

Это объясненіе не могло быть вразумительно. М-ръ Бэтсъ такъ и нашелъ его и снова спросилъ: — Что вы хотите этимъ сказать?

Лукавецъ не отвѣчалъ ни слова, но надѣвъ шляпу и подобравъ полы своего длиннаго сюртука подъ руки, заложилъ языкъ за щеку, щелкнулъ себя по носу съ полдюжины разъ очень обыкновеннымъ, но тѣмъ не менѣе выразительнымъ образомъ и, повернувшись на

каблукахъ, исчезъ въ подворьи. М-ръ Бэтсъ послѣдовалъ за нимъ съ очень озабоченнымъ видомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора шумъ шаговъ на скрипѣвшей лѣстницѣ обратилъ вниманіе веселаго стараго джентльмена, сидѣвшаго у огня съ мозговой колбасой и небольшимъ ломтемъ хлѣба въ лѣвой рукѣ и карманнымъ ножемъ въ правой; вылуженный горшокъ стоялъ передъ нимъ на таганѣ. Когда еврей обернулся, на его трусливомъ лицѣ скользнула мошенническая улыбка и онъ, быстро взглянувъ изъ-подъ густыхъ рыжихъ бровей, приблизилъ ухо къ двери и началъ внимательно прислушиваться.

— Какъ? это что значитъ? пробормоталъ еврей, мѣняясь въ лицѣ: — только двое. Гдѣ же третій. Неужели они попали въ бѣду. Ш-тъ...

Шаги приближались; они достигли площадки; дверь медленно отворилась и лукавецъ съ Чарлей Бэтсомъ вошли и заперли дверь за собой.

— Гдѣ Оливеръ? спросилъ взбѣшенный еврей, вставая съ угрожающимъ видомъ.—Гдѣ же мальчикъ?

Молодые воры съ испугомъ глядѣли на своего наставника, ожидая взрыва бѣшенства, и безпокойно переглядывались, но не отвѣчали ни слова.

— Что случилось съ мальчикомъ? спросилъ еврей, крѣпко ухвативъ лукавца за воротъ и угрожая ему съ самыми страшными ругательствами.—Говорите, или я задушу васъ.

М-ръ Фэгинъ, казалось, серьезно имѣлъ намѣреніе исполнить угрозу и Чарлей Бэтсъ, считавшій наиболѣе благоразумнымъ во всѣхъ случаяхъ держаться безопасной стороны и разсудившій, что весьма вѣроятно придетъ его очередь быть задушеннымъ вторымъ, упалъ на колѣни и поднялъ громкій, продолжительный и хорошо поддерживаемый ревъ — нѣчто среднее между ревомъ бѣшенаго быка и отголоскомъ рупора.

— Будете ли вы отвѣчать! гремѣлъ еврей, потрясая лукавца, такъ что казалось чудомъ, какимъ образомъ тотъ держался въ своемъ большомъ сюртукѣ.

— Ну чего? ищейки забрали его, вотъ и все, что я знаю объ немъ, отвѣчалъ злобно лукавецъ. — Да отпустите же меня, ну же? и онъ рванулся такъ, что разомъ выскочилъ изъ своего сюртука,

оставшагося въ рукахъ еврея, и потомъ, схвативъ вилку для поджариванья хлѣба, размахнулся, чтобы нанести по жилету веселаго стараго джентльмена такой ударъ, который, еслибы попалъ въ цѣль, то выпустилъ бы изъ того болѣе веселья, нежели сколько можно было возстановить въ продолженіе мѣсяца, или двухъ.

Еврей, при такомъ крайнемъ обстоятельствѣ, откинулся назадъ съ такой быстротой, какой невозможно было ожидать отъ человѣка съ его дряхлымъ видомъ и, схвативъ горшокъ, намѣтилъ имъ въ голову своего противника; но въ это время Чарлей Бэтсъ отвлекъ его вниманіе дикимъ воемъ ужаса и онъ, измѣнивъ направленіе горшка, швырнулъ его съ содержимымъ на голову этого юнаго джентльмена.

— Эй! что за адъ у васъ теперь поднялся! проворчалъ густой голосъ. — Кто швырнулъ это въ меня? Хорошо что въ меня попало только пиво, а не горшокъ, а то я бы умиротворилъ кого нибудь. Я бы долженъ былъ знать, что никто, кромѣ дьявольскаго, богатѣющаго грабителя, бѣшенаго, стараго еврея не въ состояніи выбрасывать другое питье кромѣ воды, да и то если онъ подорветъ рѣчное общество во всѣхъ кварталахъ. Изъ-за чего у васъ тутъ вышло, Фэгинъ? Будь я проклятъ, если мой галстукъ не залитъ пивомъ. Ну, иди, ползучая гадина, чего ты стоишь за дверью, какъ будто тебѣ стыдно идти за хозяиномъ. Иди.

Человѣкъ, проворчавшій эти слова, былъ крѣпко сложенный мужчина лѣтъ тридцати пяти, въ черномъ сюртукѣ бумажнаго бархата, очень грязныхъ суконныхъ панталонахъ каштановаго цвѣта, зашнурованныхъ полуботинкахъ и сѣрыхъ бумажныхъ чулкахъ, обтягивавшихъ пару огромныхъ ногъ, съ толстыми выдававшимися икрами, словомъ, ногъ такого рода, которыя при подобномъ костюмѣ кажутся чѣмъ-то неоконченнымъ, если на нихъ не звенятъ, въ видѣ украшенія, цѣпи. На головѣ у него была коричневая шляпа и грязный носовой платокъ вмѣсто галстуха на шеѣ, длинными обдерганными концами котораго онъ отиралъ пиво съ лица, и когда онъ покончилъ, то открылъ широкое тупое лицо съ небритой дня три бородой и парой хмуро глядѣвшихъ глазъ, одинъ изъ которыхъ носилъ разноцвѣтные слѣды недавняго поврежденія ударомъ.

— Иди же, слышишь ли ты! проворчалъ этотъ привлекательный

разбойникъ, и бѣлая мохнатая собака, съ расцарапанной и прокушенной во многихъ мѣстахъ мордой, вошла крадучись въ комнату.

— Зачѣмъ же ты не входила прежде? сказалъ вошедшій.—Слишкомъ зачванилась ты, что ли, чтобы признать меня хозяиномъ при компаніи? Ложись.

Этотъ приказъ былъ подкрѣпленъ пинкомъ, отправившимъ животное на другой конецъ комнаты. Однако оно казалось совершенно привыкшимъ къ подобному обращенію, потому что оно свернулось очень спокойно въ углу, не издавая ни звука и моргая разъ двадцать въ минуту своими злобными глазами, занялась внимательнымъ осмотромъ помѣщенія.

— Что вы затѣяли. Обижаете мальчиковъ? вы, жадный, скупой, не-на-сыт-ный старый укрыватель краденаго добра, сказалъ мужчина, осторожно садясь. — Я удивляюсь, какъ они не убьютъ васъ. Я бы это сдѣлалъ, еслибъ былъ на ихъ мѣстѣ. Будь я вашимъ ученикомъ, я бы сдѣлалъ это давнымъ давно, и... нѣтъ, я бы не могъ послѣ продать васъ, потому что вы ни на что другое не годитесь, какъ только на то, чтобъ васъ показывали какъ урода въ стеклянной банкѣ; но я полагаю, что не выдуваютъ банокъ такой величины.

— Ш-тъ, ш-тъ, м-ръ Сайксъ, сказалъ еврей, задрожавъ.—Не говорите такъ громко.

— Ну безъ вашего „мистеръ“, отвѣчалъ разбойникъ: — вы всегда замышляете недоброе, когда говорите такъ. Вы знаете мое имя; ну и зовите меня имъ! Я не опозорю его, когда придетъ время.

— Хорошо, хорошо. Ну такъ Биль Сайксъ, сказалъ еврей съ самымъ унизительнымъ подобострастіемъ. — Вы, кажется, не въ духѣ, Биль?

— Можетъ быть да, отвѣчалъ Сайксъ. — Но скорѣе надо подумать, что вы не въ духѣ, или вы такъ же мало желаете сдѣлать зла, швыряя мѣдные горшки, какъ когда вы выбалтываете и...

— Вы съ ума сошли! сказалъ еврей, схвативъ Сайкса за рукавъ и указывая на мальчиковъ.

М-ръ Сайксъ удовольствовался тѣмъ, что связалъ на воздухѣ узелъ подъ лѣвымъ ухомъ и дернулъ голову къ правому плечу — пантомима, которую еврей повидимому понялъ какъ нельзя лучше. Затѣмъ онъ, въ выраженіяхъ воровскаго языка, которыми была

обильно уснащена его рѣчь, но которыя сдѣлали бы ее совершенно непонятной читателямъ, еслибы ихъ всѣхъ приводить здѣсь, потребовалъ себѣ стаканъ водки.

— Смотрите, вы, не отравите ее, сказалъ м-ръ Сайксъ, положивъ шляпу на столъ.

Это было сказано въ шутку; но еслибы говорившій могъ видѣть зловѣщую усмѣшку, съ какой еврей закусилъ свои блѣдныя губы, оборачиваясь къ шкапу, то онъ бы подумалъ, что предостереженіе это не было совершенно излишнимъ, или, во всякомъ случаѣ, что желаніе нѣсколько подмѣшать продуктъ водочнаго фабриканта не было далеко отъ сердца веселаго стараго джентльмена.

Проглотивъ двѣ или три рюмки водки, м-ръ Сайксъ удостоилъ обратить нѣкоторое вниманіе на молодыхъ джентльменовъ; эта любезность повела къ разговору, въ которомъ причина и образъ ареста Оливера были обстоятельно изложены, съ такими измѣненіями и прикрасами истины, которыя „искусный лукавецъ“ счелъ наиболѣе необходимыми при настоящихъ обстоятельствахъ.

— Я боюсь, сказалъ еврей, что онъ скажетъ что нибудь, что впутаетъ насъ въ бѣду.

— Очень вѣроятно, отвѣчалъ Сайксъ съ злобной улыбкой.— Вы взорваны на воздухъ, Фэгинъ.

— И я боюсь, вы видите, прибавилъ еврей, дѣлая видъ, что не замѣтилъ словъ Сайкса и пристально смотря ему въ глаза: — я боюсь, что если игра наша накрыта, то она накрыта и не для насъ однихъ; и что вамъ придется еще плоше, нежели мнѣ, мой дорогой.

Сайксъ вздрогнулъ и бѣшено обернулся на еврея; но плеча стараго джентльмена были подняты въ уровень съ его ушами, а глаза его были безцѣльно уставившись въ противуположную стѣну.

Наступило долгое молчаніе. Каждый членъ почтеннаго собранія былъ погруженъ въ собственныя размышленія, не исключая и собаки, которая, судя по нѣкоторому злобному облизыванію губъ, повидимому замышляла нападеніе на икры джентльмена, или леди, которыхъ она первыми бы встрѣтила, выйдя на улицу.

— Кто нибудь да долженъ узнать, что вышло въ конторѣ, сказалъ Сайксъ, значительно понизивъ голосъ, въ сравненіи съ прежнимъ тономъ.

Еврей кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Если онъ не донесъ и засаженъ въ тюрьму, то намъ нечего бояться, пока его не выпустятъ, сказалъ м-ръ Сайксъ: — и тогда нужно будетъ позаботиться о немъ. Намъ нужно, во что бы ни стало, захватить его въ наши руки.

Еврей снова кивнулъ головой.

Благоразуміе такого образа дѣйствія было очевидно, но, къ несчастію, было одно сильное препятствіе для принятія его, а именно: и лукавецъ, и Чарлей Бэтсъ, и Фэгинъ, и м-ръ Уильямъ Сайксъ, какъ нарочно, всѣ до одного чувствовали самое сильное и глубоко укоренившееся отвращеніе подойти къ полицейской конторѣ на какое бы то ни было разстояніе и по какому бы то ни было поводу.

Трудно сказать, сколько еще времени они сидѣли бы, смотря другъ на друга въ далеко не пріятномъ состояніи нерѣшимости; но тѣмъ не менѣе совершенно излишне опредѣлять этотъ срокъ, потому что неожиданный приходъ двухъ молодыхъ леди, которыхъ Оливеръ прежде видѣлъ, дало поводъ возобновить разговоръ.

— Именно то, что нужно, сказалъ еврей.—Бетъ пойдетъ. Вы пойдете, моя милая.

— Куда? спросила молодая леди.

— Только въ контору, моя милая, сказалъ ласково еврей.

Нужно отдать справедливость молодой леди, сказавъ, что она не сказала положительно, что не пойдетъ, но только выразила горячее и торжественное желаніе быть „благословенной“, если она пойдетъ; то было вѣжливое и деликатное уклоненіе отъ просьбы, показывавшее, что молодая леди обладала природной вѣжливостью, которая не допускаетъ насъ огорчить нашего ближняго прямымъ и рѣзкимъ отказомъ.

Лицо еврея вытянулось и онъ отъ этой молодой леди, наряженной пестро и даже роскошно въ красное платье, зеленые ботинки и желтыя папильотки, обратился къ другой молодой дѣвушкѣ.

— Милая Ненси, сказалъ онъ нѣжнымъ тономъ:—что скажете вы на это?

— Что это не годится, и нечего пробовать, Фэгинъ, отвѣчала Ненси.

— Что вы этимъ хотите сказать? спросилъ м-ръ Сайксъ, взглянувъ свирѣпо на Ненси.

— То, что я говорю, Биль, отвѣчала рѣшительно Ненси.

— А вы именно и можете это сдѣлать, убѣждалъ м-ръ Сайксъ: — никто изъ здѣшнихъ не знаетъ васъ.

— И я не хочу, чтобы знали, отвѣчала также рѣшительно Ненси. — Я говорю нѣтъ, а не да, Биль.

— Она пойдетъ, Фэгинъ, сказалъ Сайксъ.

— Нѣтъ, не пойдетъ, Фэгинъ, заголосила Ненси.

— Да, пойдетъ, сказалъ Сайксъ.

И м-ръ Сайксъ былъ правъ. Смѣняя угрозы обѣщаніями и подарками, имъ удалось наконецъ убѣдить молодую дѣвушку; она обѣщала исполнить порученіе. Соображенія, удерживавшія ея любезную подругу, не могли удержать ее: она только недавно перебралась на житье по близости Фильдъ-лена изъ отдаленнаго, но болѣе аристократическаго округа Рэтклиффа, и потому не имѣла повода опасаться быть узнанной кѣмъ либо изъ своихъ многочисленныхъ знакомцевъ.

Какъ скоро дѣло было рѣшено, она повязала чистый бѣлый передникъ сверхъ платья, спрятала папильотки подъ соломенную шляпу, — обѣ принадлежности туалета были вынуты изъ неистощимой кладовой еврея, — и затѣмъ миссъ Ненси приготовилась идти по данному порученію.

— Постойте минутку, моя милая, сказалъ еврей, доставая маленькую корзину съ крышкой. — Несите это на рукѣ, это придаетъ такой порядочный видъ, моя милая.

— Дайте ключъ отъ двери въ другую руку, Фэгинъ, сказалъ Сайксъ: — это будетъ казаться такъ натурально.

— Да, да, мой милый, совершенно такъ, сказалъ еврей, повѣсивъ большой ключъ отъ двери съ улицы на указательный палецъ молодой дѣвушки. — Вотъ такъ, очень хорошо, моя милая, сказалъ еврей, потирая руки.

— О, мой братецъ! мой бѣдный, дорогой, милый, маленькій братецъ, вскричала Ненси, заливаясь слезами и, въ порывѣ отчаянія, ломая маленькую корзину и ключъ. — Что съ нимъ теперь! куда его увели? О! сжальтесь, скажите, джентльмены, что сдѣлали съ моимъ милымъ мальчикомъ; прошу васъ, джентльмены, скажите мнѣ!

Произнеся эти слова самымъ плачевнымъ и раздирающимъ сердце голосомъ, къ величайшему удовольствію слушателей, миссъ Ненси подмигнула всей компаніи, кивнула съ улыбкой головой и исчезла.

— А, она умная дѣвушка, мои милые, сказалъ еврей, обращаясь къ своимъ молодымъ друзьямъ и важно покачивая головой, въ видѣ безмолвнаго увѣщанія слѣдовать прекрасному примѣру, который они только что видѣли.

— Она дѣлаетъ честь своему полу, сказалъ м-ръ Сайксъ, наполнивъ стаканъ и ударивъ по столу своимъ огромнымъ кулакомъ.— За ея здоровье, и желаю, чтобы всѣ женщины походили на нее!

Въ то время, какъ эти и другія похвалы расточались талантливой Ненси, эта молодая леди шла скорыми шагами къ полицейской конторѣ, куда, не смотря на нѣкоторую весьма естественную робость, происходившую оттого, что она шла по улицѣ одна и безъ провожатыхъ, она дошла въ полной безопасности въ весьма непродолжительномъ времени.

Войдя съ задняго хода, она тихо постучала ключемъ у одной изъ тюремныхъ дверей. Внутри не слышно было ни звука. Она кашлянула и снова стала прислушиваться. По прежнему не было отвѣта, и она заговорила.

— Нолли, милый, сказала Ненси тихимъ голосомъ:—Нолли.

Въ тюрьмѣ сидѣлъ несчастный преступникъ безъ башмаковъ, посаженный за то, что онъ игралъ на флейтѣ и который, такъ какъ его преступленіе противъ общества было ясно доказано, былъ обычнымъ порядкомъ осужденъ м-ромъ Фэнгомъ на мѣсячное заключеніе въ исправительномъ домѣ, съ приличнымъ и смѣхотворнымъ замѣчаніемъ, что такъ какъ у него такъ сильно дыханіе, что онъ расходуетъ его на флейту, то оно будетъ несравненно болѣе полезно для его здоровья потрачено на рабочей мельницѣ, нежели на музыкальномъ инструментѣ. Заключенный не отвѣчалъ ни слова Ненси; онъ былъ занятъ мысленно, оплакивая потерю своей флейты, которая была конфискована для пользы графства. Ненси перешла къ другой кельѣ и постучала у двери.

— Что? спросилъ слабый голосъ.

— Есть ли здѣсь маленькій мальчикъ? спросила Ненси съ предварительнымъ рыданьемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ голосъ.—Сохрани Боже.

Здѣсь былъ запертъ бродяга лѣтъ шестидесяти пяти, приговоренный къ тюремному заключенію за то, что онъ не игралъ на флейтѣ, или, говоря другими словами, за то, что просилъ милостыню

на улицѣ, а не заработывалъ себѣ пропитаніе. Въ слѣдующей кельѣ былъ арестантъ, котораго отправляли въ ту же тюрьму за то, что онъ разносилъ жестяныя кострюли безъ свидѣтельства на право торговли—слѣдовательно, заработывалъ себѣ пропитаніе дерзкимъ нарушеніемъ постановленій штемпельной конторы.

Но такъ какъ ни одинъ изъ этихъ преступниковъ не отвѣчалъ на имя Оливера и не зналъ ничего о немъ, то Ненси пошла прямо къ толстому полицейскому въ полосатомъ жилетѣ, и съ самымъ жалобнымъ плачемъ и сѣтованіями, которые казались еще жалостнѣе отъ ловкаго и разсчитаннаго употребленія ключа и корзинки, просила отдать ей ея роднаго братца.

— Онъ не у меня, моя милая, отвѣчалъ полицейскій.

— Гдѣ же онъ? вскричала Ненси въ отчаяніи.

— Да его увелъ джентльменъ.

— Какой джентльменъ? О, милосердное небо! какой джентльменъ? завопила Ненси.

Въ отвѣтъ на ея безпорядочные распросы, старикъ сообщилъ глубоко опечаленной сестрѣ, что Оливеръ заболѣлъ въ конторѣ и былъ оправданъ, потому что одинъ свидѣтель показалъ, что покража была сдѣлана другимъ мальчикомъ, котораго не арестовали, и что истецъ увезъ Оливера въ безчувственномъ состояніи на свою квартиру, о которой полицейскій ничего не могъ сказать, кромѣ того, что она находилась гдѣ-то близь Пентонвиля: онъ слышалъ, какъ упомянули это названіе, говоря кучеру адресъ.

Въ страшномъ состояніи неизвѣстности и колебанія, убитая горемъ дѣвушка, шатаясь дошла до воротъ, а за ними, смѣнивъ шатающуюся походку здоровымъ скорымъ бѣгомъ, самой дальней и запутанной дорогой, какую только могла придумать, вернулась въ жилище еврея.

Только что м-ръ Биль Сайксъ услыхалъ отчетъ объ экспедиціи Ненси, какъ поспѣшно позвалъ свою бѣлую собаку и, надѣвъ шляпу, ушелъ, не потративъ ни секунды на обычную церемонію пожеланія доброй ночи всей компаніи.

— Мы должны узнать, гдѣ онъ, мои милые; его нужно отыскать, говорилъ еврей въ сильномъ волненіи: —Чарлей, вы только и дѣлать должны, что шнырять около Пентонвилля, пока не принесете мнѣ извѣстія объ Оливерѣ. Ненси, милая моя, мнѣ нужно отыскать

его. Я полагаюсь на васъ, моя милая, на васъ и на искуснаго лукавца во всемъ. Постойте, постойте, прибавилъ еврей, отпирая ящикъ дрожащей рукой:—вотъ вамъ деньги, мои милые. Я закрою лавочку сегодня на ночь; вы знаете гдѣ отыскать меня. Не мѣшкайте здѣсь ни минуты, ни одной минуты, мои милые!

Съ этими словами онъ вытолкалъ ихъ изъ компаты и тщательно заперевъ двойнымъ замкомъ дверь и задвинувъ засовы, досталъ изъ потайнаго мѣста шкатулку, которую нечаянно показалъ Оливеру, и началъ торопливо прятать часы и драгоцѣнныя вещи подъ сюртукъ.

Стукъ въ дверь прервалъ это занятіе. — Кто тамъ? закричалъ онъ пронзительнымъ крикомъ испуга.

— Я, отвѣчалъ голосъ Даукинса въ замочную скважину.

— Что еще? спросилъ еврей нетерпѣливо.

— Ненси спрашиваетъ, нужно ли его притащить въ другую берлогу? спросилъ осторожно Даукинсъ.

— Да, отвѣчалъ еврей: — гдѣ бы она ни захватила его. Отыщите его, отыщите его мнѣ, вотъ и все. Я ужь буду знать, что дѣлать послѣ, не бойтесь.

Мальчикъ пробормоталъ что-то въ знакъ того, что понялъ и поспѣшилъ внизъ по лѣстницѣ вслѣдъ за своими товарищами.

— Онъ еще не успѣлъ донести, говорилъ себѣ еврей, продолжая свое занятіе: — Если онъ думаетъ разболтать про насъ своимъ новымъ друзьямъ, мы еще заткнемъ ему глотку.

ГЛАВА XIV.

Содержитъ дальнѣйшія подробности о житьѣ Оливера у м-ра Броунлоу и замѣчательное предсказаніе, которое нѣкій м-ръ Гримуигъ сдѣлалъ относительно мальчика, когда его послали съ однимъ порученіемъ.

Оливеръ вскорѣ оправился отъ обморока, въ который онъ упалъ вслѣдствіе рѣзкаго восклицанія м-ра Броунлоу. Старый джентль-

менъ и м-съ Бэдуинъ въ разговорѣ съ Оливеромъ тщательно избѣгали упоминать о картинѣ, равно какъ и о жизни и будущемъ больнаго ребенка, но исключительно держались такихъ предметовъ, которые не могли взволновать его. Оливеръ былъ все еще слишкомъ слабъ, чтобы вставать къ завтраку; но когда онъ на слѣдующее утро сошелъ внизъ въ комнату ключницы, первымъ движеніемъ его было взглянуть на стѣну, въ надеждѣ опять увидѣть лицо прекрасной леди; но надежда его была обманута, картина была убрана.

— А, сказала ключница, замѣтивъ взглядъ Оливера. — Вы видите картины нѣтъ.

— Да, я вижу, м-съ Бэдуинъ, отвѣчалъ Оливеръ со вздохомъ. — Зачѣмъ ее взяли прочь?

— Ее сняли, дитя, потому что м-ръ Броунлоу сказалъ, что она, какъ казалось, тревожила васъ; можетъ быть это помѣшало бы вашему выздоровленію, отвѣчала старушка.

— О, нѣтъ, она нисколько не тревожила меня, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Оливеръ. — Мнѣ нравилось смотрѣть на нее; я почти полюбилъ ее.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала добродушно старушка: — Поправляйтесь, мой дорогой, какъ можно скорѣе и тогда мы ее опять повѣсимъ на мѣсто. Я обѣщаю это вамъ. А теперь поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

Оливеръ не могъ добиться никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о картинѣ и, такъ какъ старушка была такъ добра къ нему во время его болѣзни, то онъ въ угоду ей старался не думать болѣе объ этомъ предметѣ. Онъ началъ внимательно слушать многочисленные и длинные разсказы старушки о ея красивой и милой дочери, которая вышла замужъ тоже за красиваго и милаго человѣка и жила съ нимъ въ деревнѣ, и о сынѣ, который былъ прикащикомъ у купца въ Остъ-Индіи и былъ тоже такимъ хорошимъ молодымъ человѣкомъ, и писалъ матери четыре раза въ годъ такія почтительныя письма, что слезы навертывались у ней на глаза, когда она говорила о нихъ. Когда добрая старушка вдоволь наговорилась о превосходныхъ качествахъ своихъ дѣтей и сверхъ того о достоинствахъ своего добраго славнаго мужа, который умеръ, „бѣдная дорогая душа! ровно двадцать шесть лѣтъ тому назадъ“, настало время пить чай. Послѣ чая она достала карты и начала учить Оливера играть въ криб-

беджъ, чему онъ выучился такъ же скоро какъ она учила его и затѣмъ оба, съ большимъ интересомъ и серьезностью проиграли, пока не настало время дать больному немного теплаго вина съ водой и ломтикомъ жаренаго хлѣба, и затѣмъ идти спокойно спать.

Дни выздоровленія Оливера были счастливыми днями. Все было такъ тихо, опрятно, такъ порядочно; всѣ были такъ добры, такъ ласковы, что послѣ шума, брани и суеты, среди которыхъ онъ всегда жилъ, ему казалось, что онъ попалъ на небо. Какъ только онъ окрѣпъ на столько, что былъ въ состояніи одѣться, м-ръ Броунлоу заказалъ ему новую пару платья, новую шапку и новую пару башмаковъ. Оливеру сказали, что онъ можетъ дѣлать что хочетъ съ старымъ платьемъ и онъ отдалъ его служанкѣ, которая ходила за нимъ въ болѣзни, и просилъ продать еврею, а деньги оставить себѣ. Она исполнила это очень охотно и, когда Оливеръ увидѣлъ изъ окна гостиной, какъ еврей свернулъ его старое платье въ мѣшокъ и унесъ съ собой, онъ съ восторгомъ подумалъ, что наконецъ благополучно раздѣлался съ нимъ и что нѣтъ ни малѣйшей опасности когда либо снова надѣть его. Говоря правду, это были жалкія лохмотья, и Оливеру никогда еще въ жизни никто не шилъ новую пару платья.

Въ одинъ вечеръ, недѣлю спустя послѣ исторіи съ картиной, когда Оливеръ сидѣлъ разговаривая съ м-съ Бэдуинъ, пришло приглашеніе отъ м-ра Броунлоу, который звалъ Оливера, если тотъ хорошо себя чувствовалъ, придти къ нему въ кабинетъ и поговорить съ нимъ.

— Да благословитъ и спасетъ насъ Господь! Вымойте руки, дитя, и дайте я вамъ сдѣлаю хорошенькій проборъ, сказала м-съ Бэдуинъ. — Дорогое, живое сердечко мое! еслибы мы только знали, что онъ спроситъ васъ, мы бы надѣли чистенькій воротничекъ и вырядили бы васъ такимъ чистенькимъ, какъ новенькій шестипенсовикъ.

Оливеръ исполнилъ приказаніе доброй старушки, и, хотя она горько оплакивала, что некогда было сплоить маленькую оборку оторочивавшую воротникъ его рубашки, Оливеръ былъ такъ милъ и красивъ, не смотря на отсутствіе такого важнаго украшенія, что она должна была сознаться, оглядывая его съ искреннимъ удовольствіемъ съ головы до ногъ, что она въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что невозможно

было бы, даже при самомъ долгомъ разсматриваніи, замѣтить какую нибудь разницу въ немъ къ худшему, вслѣдствіе отсутствія плойки.

Напутствуемый этимъ одобреніемъ, Оливеръ постучался у дверей кабинета и, когда м-ръ Броунлоу сказалъ ему, чтобы онъ вошелъ, очутился въ небольшой задней комнатѣ, наполненной книгами, окна которой выходили въ хорошенькіе небольшіе садики. У окна стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ м-ръ Броунлоу и читалъ книгу. Увидѣвъ Оливера, онъ отложилъ книгу въ сторону и сказалъ, чтобы онъ подошелъ сѣсть рядомъ съ нимъ. Оливеръ исполнилъ приказаніе, удивляясь, гдѣ найдутся люди, которые могутъ прочитать такое множество книгъ, какія написаны на то, чтобы сдѣлать свѣтъ умнѣе — что составляетъ предметъ ежедневнаго удивленія и для многихъ людей болѣе опытныхъ нежели Оливеръ Твистъ.

— Здѣсь много книгъ, не правда ли, мой мальчикъ? сказалъ м-ръ Броунлоу, замѣтивъ любопытство, съ какимъ Оливеръ разсматривалъ полки, доходившія отъ пола до потолка.

— Очень много, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ. — Я никогда еще не видалъ такъ много книгъ.

— Вы будете читать ихъ, если будете хорошо вести себя, сказалъ старый джентльменъ ласково: — и вамъ это понравится болѣе, нежели разсматриванье переплетовъ, то есть, иногда; потому что есть книги, въ которыхъ корешокъ и обложка составляютъ самую лучшую часть.

— Я думаю, сэръ, что это вотъ тѣ тяжелыя книги, сказалъ Оливеръ, указывая на тяжелые томы въ четвертку листа, съ яркой и густой позолотой на переплетѣ.

— Не всегда такія, отвѣчалъ старый джентльменъ, погладивъ Оливера по головѣ и улыбнувшись его словамъ: —есть тоже тяжелыя книги, хоть и гораздо меньшаго объема. Хочется ли вамъ вырости такимъ умнымъ человѣкомъ, чтобы писать книги, э?

— Я думаю, мнѣ больше понравилось бы читать ихъ, сэръ.

— Какъ, неужели вы бы не хотѣли быть писателемъ?

Оливеръ подумалъ немного и наконецъ сказалъ, что онъ считаетъ гораздо лучшимъ быть книгопродавцемъ; но что старый джентльменъ расхохотался отъ всего сердца и объявилъ, что Оливеръ сказалъ славную вещь, и Оливеръ былъ очень доволенъ, что сказалъ ее, хотя вовсе не зналъ въ чемъ заключалась она.

— Хорошо, хорошо, сказалъ старый джентльменъ, принимая серьезное выраженіе: —не бойтесь, мы не сдѣлаемъ изъ васъ писателя; но есть другія честныя ремесла, которымъ можно научить васъ, или обжиганье кирпичей, на случай крайности.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ Оливеръ и серьезный тонъ его отвѣта снова заставилъ стараго джентльмена разсмѣяться и сказать что-то о странномъ инстинктѣ, на что Оливеръ, не понявъ словъ его, не обратилъ вниманія.

— Теперь, сказалъ м-ръ Броунлоу, еще болѣе, если возможно ласковымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно болѣе серьезнымъ тономъ, какимъ онъ ни разу еще не говорилъ съ Оливеромъ. —Я прошу васъ слушать съ большимъ вниманіемъ то, что я хочу сказать вамъ, мой мальчикъ. Я буду говорить съ вами прямо, безъ предосторожностей, потому что я увѣренъ, что вы можете понять меня, какъ поняли бы люди постарше васъ.

— О, не говорите мнѣ, что хотите отправить меня, сэръ, прошу васъ! вскричалъ Оливеръ испугавшись серьознаго тона вступительной рѣчи стараго джентльмена:—не гоните меня прочь снова скитаться по улицамъ. Позвольте мнѣ остаться здѣсь и быть вашимъ слугой. Не отсылайте меня назадъ въ то ужасное мѣсто, откуда я пришелъ. Сжальтесь надъ бѣднымъ мальчикомъ, сэръ, умоляю васъ.

— Мое милое дитя, сказалъ старый джентльменъ, тронутый горячей мольбой Оливера. Вамъ нечего бояться, что я покину васъ, если вы сами не подадите мнѣ къ тому повода.

— Я никогда, никогда, сэръ! перебилъ Оливеръ.

— Я надѣюсь что нѣтъ, прибавилъ старый джентльменъ.—Я увѣренъ, что вы никогда этого не сдѣлаете. Я былъ не разъ обманутъ тѣми, кому я хотѣлъ дѣлать добро; но я чувствую сильное влеченіе вѣрить вамъ и принимаю въ васъ такое сильное участіе, которое даже не могу себѣ объяснить. Люди, которымъ я отдалъ самую горячую любовь, лежатъ глубоко въ могилахъ; и хотя радость и счастіе моей жизни погребено съ ними, я не сдѣлалъ изъ своего сердца гробъ и не закрылъ его навсегда для всякаго лучшаго чувства. Глубокая печаль сдѣлала его сильнѣе; она должна, я думаю, возвышать нашу природу.

Старый джентльменъ говорилъ эти слова тихимъ голосомъ, болѣе

съ самимъ собой, нежели съ Оливеромъ и замолчалъ на нѣсколько минутъ. Оливеръ сидѣлъ тихо возлѣ него, едва смѣя вздохнуть.

– Хорошо, хорошо, сказалъ наконецъ старый джентльменъ болѣе веселымъ тономъ: — Я сказалъ это потому, что у васъ сердце молодое и что, зная какъ много мнѣ пришлось вынести страданій и горя, вы будете, можетъ быть, остерегаться огорчать меня. Вы сказали, что вы сирота, и не имѣете ни одного друга въ мірѣ. Всѣ справки, которыя я наводилъ о васъ, подтверждаютъ ваши слова. Разскажите мнѣ вашу жизнь: откуда вы, кто воспиталъ васъ и какъ вы попали въ то общество, въ которомъ я васъ встрѣтилъ. Говорите правду, и если я увижу, что вы не сдѣлали никакого преступленія, вы всегда будете имѣть во мнѣ друга, пока я живъ.

Рыданія нѣсколько минутъ не дали Оливеру говорить, а когда онъ хотѣлъ начать разсказывать, какъ онъ былъ воспитанъ на фермѣ и уведенъ оттуда въ рабочій домъ м-ромъ Бёмблемъ, у дверей съ улицы послышался особенный нетерпѣливый двойной ударъ и служанка, прибѣжавъ наверхъ, сказала, что пришелъ м-ръ Гримуигъ.

— Онъ идетъ сюда? спросилъ Броунлоу.

— Да, сэръ, отвѣчала служанка. —Онъ спросилъ есть ли въ домѣ печенье, и когда я сказалачто есть, то онъ сказалъ что идетъ пить чай. М-ръ Броунлоу улыбнулся и, обратясь къ Оливеру, сказалъ что м-ръ Гримуигъ его старый пріятель, и что Оливеръ не долженъ обращать вниманія, если манеры м-ра Гримуига нѣсколько грубы, потому что онъ въ душѣ достойнѣйшее созданіе и онъ (м-ръ Броунлоу) имѣетъ полное основаніе это знать.

— Долженъ ли я идти внизъ, сэръ? спросилъ Оливеръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу. —Лучше останьтесь здѣсь.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ, опираясь на толстую палку, полный джентльменъ, хромавшій на одну ногу, въ синемъ сюртукѣ, полосатомъ жилетѣ, нанковыхъ штанахъ и штиблетахъ и бѣлой шляпѣ съ широкими полями подбитыми зеленымъ. Очень маленькая плоенная оборка виднѣлась изъ подъ его жилета, на которомъ болталась длинная стальная цѣпочка отъ часовъ, съ привѣшеннымъ къ ней ключемъ. Концы его бѣлаго шейнаго платка были свернуты въ комокъ величиной съ апельсинъ. Разнообразіе гримасъ, въ которыя онъ коверкалъ свое лицо, превышаетъ всякое описаніе. У него была манера кривить голову на бокъ, когда онъ говорилъ и въ тоже время

глядѣть углами глазъ, что неотразимо напоминало попугая. Въ этомъ положенiи онъ остановился, появившись въ дверяхъ, и, держа вытянутой во всю длину рукой небольшой кусокъ апельсинной корки, онъ вскричалъ ворчливымъ недовольнымъ голосомъ.

— Смотрите сюда! Видите ли вы это? Не самая ли это удивительная и необыкновенная вещь въ мірѣ, что я не могу зайти въ чей бы то ни было домъ, не найдя на лѣстницѣ куска этого друга бѣднаго хирурга. Я сдѣлался ужъ разъ хромымъ изъ-за апельсинной корки, и я знаю, что апельсинная корка будетъ, наконецъ, моей смертью. Это будетъ, сэръ! апельсинная корка будетъ моей смертью! я съѣмъ свою голову, если нѣтъ, сэръ—это было милое предложенiе, которымъ м-ръ Гримуигъ обыкновенно усиливалъ и скрѣплялъ каждое утвержденiе свое; и оно было тѣмъ страннѣе съ его стороны, что, даже допуcтивъ возможность усовершенствованiя науки до изобрѣтенiя средствъ и способовъ на то, чтобы джентльмены могли ѣсть свои собственныя головы, въ случаѣ что они будутъ чувствовать къ тому склонность, — голова м-ра Гримуига отличалась такими большими размѣрами, что человѣкъ, благословенный самымъ лучшимъ аппетитомъ въ мірѣ, не могъ бы съѣсть въ одинъ присѣстъ, не говоря уже о густомъ слоѣ пудры покрывавшемъ ее.

— Я съѣмъ свою голову, повторялъ м-ръ Гримуигъ, стукнувъ палкой о полъ.—Э, кто это? прибавилъ онъ, взглянувъ на Оливера и отступивъ шага на два.

— Это маленькiй Оливеръ Твистъ, о которомъ мы говорили, сказалъ м-ръ Броунлоу.

Оливеръ поклонился.

— Вы хотите сказать, что это тотъ мальчикъ, у котораго была лихорадка, сказалъ м-ръ Гримуигъ, отступая еще далѣе. Подождите минуту, не говорите. Стойте, круто оборвалъ м-ръ Гримуигъ, забывъ свой страхъ лихорадки въ торжествѣ новаго открытiя.

— Это тотъ мальчикъ, который ѣлъ апельсинъ. Если это не тотъ мальчикъ, сэръ, у котораго былъ апельсинъ и который бросилъ кусокъ кожи на лѣстницу, то я съѣмъ свою голову, да и его тоже.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не онъ, отвѣчалъ Броунлоу, смѣясь.

— Я не могу относиться къ этому предмету равнодушно, сэръ, говорилъ раздражительный старикъ, снимая перчатки.—Вы всегда

найдете болѣе или менѣе апельсинныхъ корокъ на мостовой, и я знаю, что ихъ подкидываетъ мальчикъ хирурга, что живетъ на углу. Одна молодая женщина поскользнулась отъ куска апельсинной корки вчера вечеромъ и упала на рѣшетку моего сада; и я тотчасъ увидѣлъ, какъ она начала смотрѣть на его дьявольскую красную лампу, совершенно какъ на театрѣ пантомимъ. „Не идите къ нему, закричалъ я ей изъ окна, онъ душегубецъ, онъ ставитъ ловушки людямъ!“ Да онъ ставитъ! Если нѣтъ, то... Здѣсь вспыльчивый старый джентльменъ сильно стукнулъ палкой по полу, что должно было выражать обычное обѣщаніе его въ томъ случаѣ, когда онъ не выражалъ его словами. Потомъ, все не выпуская палку изъ рукъ, онъ сѣлъ и, открывъ лорнетъ, который онъ носилъ на широкой черной лентѣ, началъ разсматривать Оливера, который, увидя я себя предметомъ вниманія, покраснѣлъ и опустилъ голову.

— Такъ это тотъ мальчикъ, такъ? — спросилъ наконецъ м-ръ Гримуигъ.

— Да это тотъ мальчикъ, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу, добродушно кивая Оливеру.

— Какъ вы себя чувствуете, мальчикъ? спросилъ м-ръ Гримуигъ.

— Гораздо лучше, благодарю васъ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

М-ръ Броунлоу, повидимому опасаясь, что его оригинальный другъ скажетъ что нибудь непріятное, просилъ Оливера сойти внизъ и сказать м-съ Бэдуинъ, что они оба идутъ къ чаю; что Оливеръ и исполнилъ съ величайшимъ удовольствіемъ, потому что обращеніе гостя не особенно понравилось ему.

— Не правда ли какой милый мальчикъ? спросилъ м-ръ Броунлоу.

— Я не знаю, отвѣчалъ брюзгливо м-ръ Гримуигъ.

— Вы не знаете?

— Да я не знаю. Я никогда не вижу никакой разницы въ мальчикахъ. Я знаю только два сорта мальчиковъ: дряблыхъ мальчиковъ и мясистыхъ мальчиковъ.

— А къ какому сорту принадлежитъ Оливеръ?

— Къ дряблымъ. У меня есть знакомый, у котораго есть мясистый мальчикъ. Говорятъ что онъ сильный мальчикъ, съ круглой головой, красными щеками, вытаращенными глазами; ужасный маль-

чикъ; его члены и тѣло такъ и выпираютъ изъ подъ швовъ его синяго платья; у него голосъ лоцмана, а аппетитъ волка. Я знаю его, негодяя.

— Но, сказалъ м-ръ Броунлоу: — это вовсе не черты маленькаго Оливера Твиста. Чѣмъ же онъ можетъ возбудить вашъ гнѣвъ.

— Да это не его черты; но у него могутъ быть похуже, отвѣчалъ м-ръ Гримуигъ.

Здѣсь м-ръ Броунлоу кашлянулъ съ досадой, что повидимому доставило величайшее наслажденіе м-ру Гримуигу.

— У него могутъ быть похуже, говорю я, повторилъ м-ръ Гримуигъ. Откуда онъ явился? Кто онъ такой? Что онъ такое? У него была лихорадка. Что-жъ тутъ такого? Лихорадки не особенно свойственны хорошимъ людямъ, нѣтъ! Дурные люди часто подвержены лихорадкамъ, да! такъ! Я зналъ одного человѣка, который былъ повѣшенъ въ Ямайкѣ, за то что убилъ своего господина, у него была лихорадка цѣлыхъ шесть разъ. За это ему не выхлопотали помилованія. Вздоръ, глупости!

Если сказать правду, то въ сокровенной глубинѣ своего сердца, м-ръ Гримуигъ сильно склонялся сознаться, что наружность и манеры Оливера были необыкновенно привлекательны; но у него была сильная страсть къ противорѣчію, усиленная на этотъ разъ находкой апельсинной корки на лѣстницѣ, и онъ въ душѣ порѣшилъ, что никто въ мірѣ не имѣетъ права указывать ему, — считать ли мальчика хорошенькимъ или нѣтъ, и потому онъ съ первыхъ же словъ началъ противорѣчить своему другу. Когда м-ръ Броунлоу сказалъ, что не можетъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта ни на одинъ изъ его вопросовъ и что онъ отложилъ распрашивать Оливера о его прошлой жизни, пока мальчикъ не оправится настолько чтобы вынести это, м-ръ Гримуигъ злобно усмѣхнулся и затѣмъ спросилъ, фыркнувъ, имѣетъ ли ключница привычку пересчитывать серебро на ночь; потому что если въ одно солнечное утро окажется, что недостаетъ одной столовой ложки или пары, то онъ съ удовольствіемъ, и пр. и пр.

М-ръ Броунлоу, хотя и самъ былъ нѣсколько пылкимъ старымъ джентльменомъ, но зная странности своего друга, перенесъ все это очень терпѣливо. За чаемъ м-ръ Гримунгъ, удостоилъ милостиво высказать свое полнѣйшее одобреніе печенью, и все шло довольно

гладко; а Оливеръ, который былъ въ числѣ гостей, началъ чувствовать себя свободнѣе, какъ еще ни разу не чувствовалъ себя въ присутствіи вспыльчиваго стараго джентльмена.

— А когда же мы услышимъ полный, правдивый и подробный разсказъ о жизни и приключеніяхъ Оливера Твиста? спросилъ, по окончаніи чая, Гримуигъ м-ра Броунлоу, глядя сбоку на Оливера, когда онъ заговорилъ о немъ.

— Завтра поутру, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу. Я бы лучше желалъ, чтобы онъ былъ со мной наединѣ. Приходите ко мнѣ завтра поутру въ десять часовъ, мой милый.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ. Онъ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, потому что онъ былъ смущенъ пристальнымъ взглядомъ м-ра Гримуига.

— Я что скажу вамъ, шепнулъ этотъ джентльменъ м-ру Броунлоу:—Онъ не придетъ къ вамъ завтра поутру. Я видѣлъ, какъ онъ колебался. Онъ обманываетъ васъ, мой любезный другъ.

— Я клянусь, что онъ не обманываетъ меня, сказалъ съ жаромъ м-ръ Броунлоу.

— Если нѣтъ, сказалъ м-ръ Гримуигъ, то я... и палка докончила остальное.

— Я жизнью поручусь за правдивость этого мальчика, сказалъ м-ръ Броунлоу, ударивъ по столу рукой.

— А я за лживость его своей головой, возразилъ м-ръ Гримуигъ, также ударивъ по столу.

— Мы увидимъ, сказалъ м-ръ Броунлоу, сдерживая поднимавшуюся досаду.

— Мы увидимъ, отвѣчалъ м-ръ Гримуигъ, съ вызывающей усмѣшкой.—Мы увидимъ.

Какъ будто судьба нарочно того хотѣла, м-съ Бэдуинъ принесла въ эту минуту небольшую связку книгъ, которыя м-ръ Броунлоу купилъ въ это утро у знакомаго книгопродавца, уже игравшаго роль въ этой повѣсти. Положивъ книги на столъ, она хотѣла уйти.

— Задержите мальчика, м-съ Бэдуинъ, сказалъ м-ръ Броунлоу. Нужно съ нимъ отправить книги.

— Онъ ужъ ушелъ, сэръ.

— Пошлите догнать его, сказалъ м-ръ Броунлоу.—Очень нужно.

Купецъ бѣдный человѣкъ, а за книги не заплачено. Сверхъ того нужно отнести назадъ нѣсколько книгъ.

Отперли двери. Оливеръ побѣжалъ въ одну сторону, служанка въ другую, а м-съ Бэдуинъ стояла на лѣстницѣ и громкимъ крикомъ звала мальчика; но никакого мальчика не было видно, и Оливеръ и служанка вернулись запыхавшись сказать, что нигдѣ не могли найти его.

— Какъ мнѣ это досадно, сказалъ м-ръ Броунлоу. Я особенно желалъ возвратить ему книги сегодня же вечеромъ.

— Пошлите Оливера съ ними, сказалъ м-ръ Гримуигъ съ ироничеекой улыбкой.—Онъ то ужъ вѣрно доставитъ ихъ, вы знаете.

— Да, позвольте мнѣ снести ихъ, сэръ, сказалъ Оливеръ.—Я буду бѣжать всю дорогу, сэръ.

Старый джентльменъ хотѣлъ только что сказать, что Оливеръ не долженъ еще ни въ какомъ случаѣ выходить, но насмѣшливое прокашливанье м-ра Гримуига заставило его принять другое рѣшеніе и дать Оливеру случай скорымъ исполненіемъ порученія доказать несправедливость подозрѣній м-ра Гримуига, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ.

— Вы пойдете, мой милый, сказалъ м-ръ Броунлоу.—Книги на столѣ въ моей комнатѣ. Принесите ихъ сюда.

Оливеръ, довольный что можетъ быть полезенъ, хлопотливо принесъ подъ мышкой книги и ждалъ, съ шапкой въ рукѣ, какое порученіе дадутъ ему.

— Вы скажете, говорилъ м-ръ Броунлоу, смотря пристально на м-ра Гримуига: — вы скажете, что эти книги отосланы назадъ и что васъ прислали заплатить четыре фунта десять шиллинговъ, которые я долженъ ему. Вотъ вамъ ассигнація въ пять фунтовъ; вы должны принести мнѣ десять шиллинговъ сдачи.

— Я не пробѣгаю и десяти минутъ, сэръ, отвѣчалъ радостно Оливеръ и, положивъ ассигнацію въ карманъ своей курточки и плотно застегнувшись, онъ аккуратно взялъ книги подъ мышку, сдѣлалъ почтительный поклонъ и ушелъ. М-съ Бэдуинъ проводила его до дверей, давая ему множество совѣтовъ какъ ближе пройти, повторяя имя книгопродавца и названіе улицы; на что Оливеръ отвѣчалъ что онъ понялъ какъ нельзя лучше, и получивъ въ добавокъ нѣ-

сколько увѣщаній не простудиться, онъ былъ наконецъ отпущенъ доброй старушкой.

— Да благословитъ Богъ его милое лицо, сказала старушка, смотря ему вслѣдъ. Мнѣ что-то тяжело выпустить его изъ глазъ.

Въ эту минуту Оливеръ весело обернулся и кивнулъ головой, передъ тѣмъ какъ завернуть за уголъ. Старушка, улыбаясь, отвѣтила на его поклонъ и, заперевъ дверь, ушла въ свою комнату.

— Посмотримъ; онъ долженъ вернуться черезъ десять минутъ, самое долгое, сказалъ м-ръ Броунлоу, и, вынувъ часы, положилъ ихъ на столъ.—Къ тому времени совсѣмъ стемнѣетъ.

— О, такъ вы въ самомъ дѣлѣ ожидаете, что онъ вернется, спросилъ м-ръ Гримуигъ.

— А вы развѣ не ожидаете того же? спросилъ м-ръ Броунлоу, улыбаясь. Духъ противорѣчія пылавшій въ эту минуту въ груди Гримунга былъ еще болѣе разожженъ улыбкой его друга, выражавшей полную увѣренность.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу: — я не ожидаю. На мальчикѣ новая пара платья, связка цѣнныхъ книжекъ подъ мышкой и пятифунтовая ассигнація въ карманѣ; онъ пойдетъ къ своимъ прежнимъ друзьямъ—ворамъ и будетъ съ ними хохотать надъ вами. Если этотъ мальчикъ когда либо вернется домой, то я съѣмъ свою голову, сэръ.

Съ этими словами онъ ближе придвинулъ свой стулъ къ столу, и оба друга продолжали сидѣть въ безмолвномъ ожиданіи; часы лежали между ними. Слѣдуетъ замѣтить, какъ примѣръ той важности, какую мы придаемъ нашимъ собственнымъ сужденіямъ и того самодовольства, съ какимъ мы поддерживаемъ наши самыя поспѣшныя и опрометчивыя сужденія, что м-ръ Гримуигъ, хотя вовсе не былъ безсердечнымъ человѣкомъ и былъ бы непритворно огорченъ, если бы его почтенный другъ былъ обманутъ и одураченъ, тѣмъ не менѣе горячо и сильно надѣялся, что Оливеръ не вернется назадъ. Человѣческая природа сотворена изъ подобныхъ противорѣчій!

Сдѣлалось такъ темно, что нельзя было различать цифры на часахъ, а оба старые джентльмена продолжали сидѣть въ молчаніи; часы лежали на столѣ между ними.

ГЛАВА XV.

Показываетъ какъ нѣжно любили Оливера веселый старый еврей и миссъ Ненси.

Въ темной комнатѣ трактира, находившагося въ самой грязной части маленькой Сэфронъ-Гилльской улицы, — мрачной и зловѣщей трущобы, гдѣ газъ горѣлъ цѣлый день зимой и куда не проникалъ лѣтомъ ни одинъ лучь солнца, погруженный въ глубокое размышленіе передъ небольшой оловянной мѣрой и небольшимъ стаканомъ, сильно пропитанными запахомъ водки, сидѣлъ мужчина въ сюртукѣ бумажнаго бархата короткихъ панталонахъ каштановаго сукна, полусапожкахъ и чулкахъ, котораго даже при тускломъ освѣщеніи трактира каждый опытный полицейскій агентъ немедля призналъ бы за м-ра Уильяма Сайкса.

— Сиди смирно, гадина, сиди смирно, сказалъ м-ръ Сайксъ, прерывая молчаніе.

Были ли размышленія его такого глубокого рода, что киванье головой собаки прерывало ихъ, или чувства его были возбуждены размышленіями этими до той степени, что требовали облегченія доставляемаго здоровымъ пинкамъ невинному животному—это составляетъ вопросъ открытый для обсужденія и рѣшенія. Но какъ бы то ни было, немедленнымъ дѣйствіемъ было проклятіе и пинекъ, обрушившіеся разомъ на собаку.

Собаки вообще не имѣютъ привычки отмщать за обиды получаемыя отъ своихъ хозяевъ; но собака м-ра Сайкса имѣла общіе недостатки съ своимъ хозяиномъ и, быть можетъ, въ эту минуту тоже была раздражена сильнымъ сознаніемъ вынесенной несправедливости, то она, не долго думая, ухватила зубами одинъ изъ полусапожковъ его и, здорово рванувъ его, забилась ворча подъ скамейку, тѣмъ избѣгнувъ удара оловянной кружкой, которую м-ръ Сайксъ намѣтилъ ей въ голову.

— А, ты хочешь кусаться! сказалъ Сайксъ, схвативъ въ одну руку кочергу и хладнокровно открывая другой большой складной

ножъ, который онъ досталъ изъ кармана. — Ступай сюда, природный дьяволъ. Ступай сюда, слышишь ли ты?

Собака, безъ всякаго сомнѣнія, слышала, потому что м-ръ Сайксъ говорилъ самымъ грубымъ тономъ, очень грубаго голоса; но она, очевидно, имѣла необъяснимое отвращеніе дать себѣ перерѣзать горло и потому осталась тамъ, куда забилась, заворчавъ еще болѣе злобно нежели въ первый разъ и ухвативъ конецъ кочерги зубами, грызла его съ яростью дикаго звѣря.

Это сопротивленіе еще болѣе взбѣсило м-ра Сайкса. Онъ всталъ на колѣни и принялся нападать на животное съ новой яростью. Собака прыгала справа налѣво, и слѣва направо, тявкая, рыча и лая; Сайксъ размахивался и проклиналъ, билъ и богохульствовалъ, и борьба достигла уже высшей степени кризиса какъ для того, такъ и для другаго противника, когда дверь внезапно отворилась и собака вырвалась вонъ, оставивъ Биля Сайкса съ кочергой и складнымъ ножомъ въ рукахъ.

Нужно для ссоры двѣ стороны, говоритъ старая поговорка. М-ръ Сайксъ лишенный противника въ собакѣ, перенесъ ссору на вошедшаго человѣка.

— Кой чортъ дернулъ васъ вмѣшаться между мной и собакой? сказалъ онъ съ злобнымъ движеніемъ.

— Я не зналъ, дорогой мой, я не зналъ, отвѣчалъ смиренно Фэгинъ,—это онъ вошелъ.

— Не знали, вы трусливый, подлый воръ, проворчалъ Сайксъ. Развѣ вы не слыхали шумъ.

— Ни одного звука, такъ вѣрно, какъ я живой человѣкъ, Биль, отвѣчалъ еврей.

— О, нѣтъ, вы никогда ничего не слышите, я знаю, возразилъ Сайксъ съ злобнымъ фырканьемъ. Вы крадетесь взадъ и впередъ, такъ что никто не слышитъ, какъ вы приходите или уходите. Я очень желалъ бы что бы вы, Фэгинъ, были собакой, съ полминуты тому назадъ.

— Почему же? спросилъ Фэгинъ съ натянутой улыбкой.

— Потому что правительство, которое охраняетъ жизнь такихъ людей какъ вы, которые не имѣютъ и половину удали псовъ, позволяетъ убивать собаку когда хочешь, отвѣчалъ Сайксъ, складывая ножикъ съ очень выразительнымъ взглядомъ:—Вотъ почему.

Еврей потеръ руки и, присѣвъ къ столу, притворно засмѣялся шуткѣ своего пріятеля; но видно было, что онъ далеко не былъ въ своей тарелкѣ.

— Ухмыляйтесь, сказалъ Сайксъ, ставя кочергу на мѣсто и оглядывая еврея, съ свирѣпымъ презрѣніемъ: — ухмыляйтесь. Да только надо мной вамъ никогда не придется посмѣяться, развѣ только въ кулакъ. Я держу надъ вами верхъ, Фэгинъ и, будь я проклятъ, если я не удержу его. Вотъ вамъ. Если я пропаду, пропадете и вы, — такъ берегитесь меня.

— Хорошо, хорошо, дорогой мой, сказалъ еврей.—Я знаю все это. Мы... мы... имѣемъ равныя выгоды, Биль, равныя выгоды.

— Г-мъ, протянулъ Сайксъ, давая понять, что выгода была болѣе на сторонѣ еврея, нежели на его собственной. Ну что же вы имѣете сказать мнѣ?

— Все прошло благополучно черезъ плавильный горшокъ, отвѣчалъ Фэгинъ,—и вотъ ваша доля. Здѣсь нѣсколько болѣе, нежели сколько слѣдуетъ вамъ, дорогой мой; но я знаю что вы мнѣ въ другой разъ тоже услужите, и...

— Довольно болтовни, перебилъ разбойникъ нетерпѣливо. — Гдѣ деньги. Подавайте.

— Сейчасъ, сейчасъ, Биль, дайте мнѣ время, отвѣчалъ еврей, успокоивающимъ голосомъ.—Вотъ онѣ, всѣ цѣлы. И говоря это, онъ досталъ изъ за пазухи старый бумажный платокъ, и развязавъ одинъ изъ концовъ завязанный большимъ узломъ, досталъ маленькій свертокъ въ оберточной бумагѣ, который Сайксъ вырвалъ у него и, торопливо открывъ, началъ считать заключавшіеся въ немъ соверени.

— Это все тутъ? спросилъ Сайксъ.

— Все, отвѣчалъ еврей.

— И вы не раскрывали и не проглотили одну или двѣ штуки дорогой? спросилъ подозрительно Сайксъ. — Нечего вамъ глядѣть обиженнымъ при этомъ вопросѣ. Вы это не разъ продѣлывали. Дерните звонокъ.

На звонокъ отвѣчалъ другой еврей, помоложе Фэгина, но почти такой же отталкивающей наружности.

Биль Сайксъ показалъ на пустую кружку и еврей, въ совершенствѣ понявъ знакъ, унесъ ее чтобы снова наполнить, предварительно обмѣнявшись значительнымъ взглядомъ съ Фэгиномъ, который под-

нялъ свои брови, будто въ ожиданіи этого взгляда, и кивнулъ утвердительно головой, но такъ неуловимо, что никто кромѣ вышедшаго еврея не замѣтилъ бы этого движенія. Сайксъ, занятый связываньемъ шнурковъ полуботинокъ, порванныхъ собакой, не замѣтилъ этого взгляда. Если бы онъ, чего невозможно было ожидать, и замѣтилъ этотъ быстрый обмѣнъ знаковъ, онъ могъ бы подумать, что онъ не предвѣщалъ ему ничего добраго.

— Есть ли кто нибудь здѣсь, Барней? спросилъ Фэгинъ и,— такъ какъ Сайксъ теперь поднялъ голову,—не поднимая глаза отъ пола.

— Ни души, отвѣчалъ Барней, слова котораго, откуда бы они ни шли, изъ сердца или головы, неизмѣнно произносились въ носъ.

— Никого? спросилъ Фегинъ съ удивленіемъ, которое означало что Барней можетъ свободно говорить.

— Никого, кромѣ бисъ Дэдси, отвѣчалъ Барней.

— Ненси! вскричалъ Сайксъ.—Гдѣ? Лопни мои глаза, если я не уважаю эту дѣвушку за ея природныя таланты!

— Она заказала себѣ блюдо варенаго мяса у прилавка, отвѣчалъ Барней.

— Пошлите ее сюда, сказалъ Сайксъ наливая стаканъ водки.—Пошлите ее сюда.

Барней робко взглянулъ на Фэгина, будто спрашивая его согласія. Еврей молчалъ и не поднималъ глазъ отъ пола, и Барней ушелъ, но вскорѣ вернулся вводя Ненси, и на этотъ разъ наряженную въ шляпу, передникъ и съ корзиной и ключомъ въ рукахъ.

— Вы напали на слѣдъ, Ненси? спросилъ Сайксъ, предлагая ей стаканъ водки.

— Да, Биль, отвѣчала Ненси, отправляя содержимое стакана къ мѣсту назначенія.—И мнѣ это очень прискучило. Молодой щенокъ былъ боленъ, лежалъ въ постели, и...

— Ахъ, Ненси, милая, сказалъ Фэгинъ, поднявъ глаза.

Особенное ли движеніе рыжихъ бровей еврея, или опусканіе до половины вѣкъ на его глубоко впалые глаза, впрочемъ не особенно важно знать, что именно,—предупредило миссъ Ненси, чтобы она не была слишкомъ откровенной. Фактъ, который намъ нужно знать, состоитъ въ томъ, что она внезапно остановилась и, улыбнувшись нѣсколько разъ очень любезно м-ру Сайксу, свела разговоръ на дру-

гіе предметы. Минутъ десять спустя на м-ра Фэгина напалъ припадокъ кашля, вслѣдъ за которымъ Ненси натянула на плечи платокъ и сказала, что пора идти. М-ръ Сайксъ нашелъ, что ему можно пройти немного по дорогѣ съ ней и выразилъ желаніе ей сопутствовать, и они вышли вмѣстѣ; а въ небольшомъ отдаленіи за ними послѣдовала собака, которая выползла изъ задняго двора, какъ только хозяинъ ея скрылся изъ вида.

Еврей высунулъ голову изъ комнаты, когда Сайксъ вышелъ, и смотрѣлъ вслѣдъ ему, какъ онъ шелъ по темному корридору, потому потрясъ кулакомъ, пробормоталъ проклятіе и, съ ужасной усмѣшкой, снова сѣлъ за столъ, за которымъ погрузился глубоко въ интересныя страницы объявленій.

Въ это время Оливеръ Твистъ, не воображая что онъ находится въ такомъ близкомъ разстояніи отъ веселаго стараго джентльмена, шелъ поспѣшно въ книжную лавку. Дойдя до Клеркенуэля онъ нечаянно свернулъ въ переулокъ, черезъ который ему не нужно было проходить, и замѣтилъ это только дойдя до половины его; но зная, что онъ ведетъ по тому же направленію, Оливеръ разсудилъ, что не стоило ворочаться назадъ, и шелъ далѣе такъ скоро какъ могъ, неся книги подъ мышкой.

Онъ шелъ, думая о томъ, какъ онъ теперь счастливъ и доволенъ, и какъ многое онъ отдалъ бы теперь за то, чтобы взглянуть на маленькаго Дика, который голодный и прибитый, быть можетъ, плачетъ въ эту самую минуту. Внезапно онъ вздрогнулъ отъ громкаго крика молодой женщины: „О, братецъ, милый братецъ!“ и не успѣвъ поднять глазъ, чтобы взглянуть что случилось, онъ почувствовалъ какъ его остановили двѣ руки, крѣпко обхватившія его шею.

— Пустите! кричалъ Оливеръ. — Пустите меня! Кто это? Зачѣмъ вы останавливаете меня?

Единственнымъ отвѣтомъ было множество громкихъ жалостныхъ возгласовъ отъ обнимавшей его молодой женщины, которая держала въ рукѣ маленькую корзину и ключь отъ двери.

— О, Боже милостивый! говорила молодая женщина. —Я нашла его! О! Оливеръ, Оливеръ! О вы злой мальчикъ! Заставить насъ натерпѣться столько горя изъ-за васъ! Пойдемъ домой, мой милый, пойдемъ домой. Благодарю милосердное небо, что я нашла его! Съ этими безсвязными восклицаніями, молодая женщина снова залилась

слезами; она плакала до истеричнаго припадка, такъ что двѣ женщины, шедшія по улицѣ, остановились и спросили мальчика мясника, отличавшагося головой, блестѣвшей отъ жира, которымъ были смазаны волосы, не думаетъ ли онъ, что нужно сбѣгать за докторомъ. На это мальчикъ мясника, отличавшійся еще склонностью къ зѣванью на улицѣ, чтобы не сказать къ лѣни, отвѣчалъ, что онъ думаетъ, что не нужно.

— О, нѣтъ, нѣтъ, это ничего, отвѣчала молодая женщина, крѣпко схвативъ Оливера за руку.—Мнѣ лучше теперь. Пойдемъ сейчасъ домой, жестокій мальчикъ. Пойдемъ.

— Что случилось, сударыня? спросила одна изъ женщинъ.

— О, сударыня, отвѣчала молодая женщина.—Онъ убѣжалъ, вотъ скоро мѣсяцъ, отъ своихъ родителей, которые работящіе, почтенные люди, и присталъ къ шайкѣ воровъ и мошенниковъ, и почти уморилъ мать свою съ горя.

— Маленькій негодяй, сказала одна изъ женщинъ.

— Ступайте домой, ступайте, маленькое животное, сказала другая.

— Я этого не дѣлалъ, отвѣчалъ Оливеръ, сильно перепугавшись.—Я ее не знаю, у меня нѣтъ сестры, ни отца ни матери. Я сирота, я живу въ Пентонвиллѣ.

— О только послушайте, какъ онъ дерзко запирается! вскричала молодая женщина.

— Да это Ненси, вскричалъ Оливеръ, который только теперь разглядѣлъ ея лицо, отступая въ невольномъ изумленіи.

— Вы видите, онъ призналъ меня! сказала Ненси, обращаясь къ присутствовавшимъ. Онъ самъ выдалъ себя. Заставьте его идти домой, добрые люди, или онъ убьетъ своихъ любящихъ отца и мать, и разобьетъ мое сердце.

— Что, кой-чортъ, это значитъ! сказалъ, выбѣгая изъ пивной, мужчина, по пятамъ котораго слѣдовала бѣлая собака. Маленькій Оливеръ. Ступайте сейчасъ къ вашей бѣдной матери, молодой вы щенокъ, ступайте, сію минуту.

— Я не знаю ихъ, они не имѣютъ права взять меня! Помогите! помогите! кричалъ Оливеръ, вырываясь изъ сильныхъ рукъ Сайкса.

— Помогите, передразнилъ Сайксъ.—Да, я помогу вамъ, маленькій бездѣльникъ. Чьи это книги? Вы вѣрно украли ихъ. По-

дайте ихъ сюда. И съ этими словами онъ вырвалъ у Оливера книги, и сильно ударилъ его по головѣ.

— Это дѣло! крикнулъ одинъ изъ зрителей, смотрѣвшій изъ окна чердака.—Это единственное средство образумить его.

— Конечно, подтвердилъ столяръ съ заспаннымъ лицомъ, выглядывая изъ другаго окна чердака.

— Это для его добра, сказали обѣ женщины.

— Достанется же ему, прибавилъ Сайксъ, отвѣшивая Оливеру новый ударъ и схвативъ его за воротъ:—Идите же, маленькій негодяй. Сюда, бычачій глазъ! Берегитесь его, мальчикъ, берегитесь.

Слабый отъ недавней болѣзни, ошеломленный ударами и внезапностью нападенія, перепуганный свирѣпымъ рычаньемъ собаки и грубостью Сайкса и уничтоженный убѣжденіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, что онъ дѣйствительно закоренѣлый маленькій злодѣй, какимъ его представляли, что могъ сдѣлать бѣдный ребенокъ? Стемнѣло; мѣсто было глухое; не было близкой помощи, сопротивленіе было безполезно. Еще минута и его потащили по лабиринту темныхъ узкихъ подворьевъ и потащили такими скорыми шагами, что и немногіе крики его, когда онъ осмѣлился закричать, вышли совершенно невнятными; да и не много значило были ли они внятны или нѣтъ, потому что не кому было слушать ихъ.

Газовые фонари были зажжены. М-съ Бэдуинъ тревожно ждала у открытой двери; служанка разъ двадцать выбѣгала на улицу посмотрѣть не видно ли Оливера; а оба старые джентльмена по прежнему упорно сидѣли въ темной гостиной, и часы лежали на столѣ между ними.

ГЛАВА XVI.

Повѣтствуетъ о томъ, что случилось съ Оливеромъ Твистомъ, послѣ того какъ Ненси признала его своимъ братомъ.

Узкія улицы и подворья окончились наконецъ большимъ открытымъ пространствомъ, по которому были разбросаны мѣстами стойла

для скота и другія принадлежности скотнаго рынка. Сайксъ сбавилъ шагъ, дойдя до этого мѣста, потому что Ненси не могла болѣе идти такими скорыми шагами, какими они шли до сихъ поръ. Обратясь къ Оливеру, онъ грубо приказалъ ему взять Ненси за руку.

— Слышите ли вы, прорычалъ Сайксъ, видя что Оливеръ колебался и оборачивался назадъ.

Они стояли въ темномъ углу, вдали отъ прохожихъ и Оливеръ хорошо видѣлъ, что сопротивленіе будетъ безполезно. Онъ подалъ руку, которую Ненси крѣпко захватила въ свою.

— Давайте мнѣ другую, сказалъ Сайксъ, схвативъ свободную руку Оливера. — Сюда, Бычачій глазъ.

Собака взглянула и зарычала.

— Смотри на мальчика! сказалъ Сайксъ, положивъ другую руку на горло Оливера и повторяя звѣрскую клятву:—Если онъ пикнетъ хоть слово, держи его. Помни.

Собака снова зарычала и облизываясь, оглядѣла Оливера, какъ будто съ жадностью ждала той минуты, когда можно будетъ безъ лишнихъ проволочекъ вцѣпиться ему въ глотку.

— Она такъ же охотно это сдѣлаетъ, какъ любой христіанинъ, лопни мои глаза, если нѣтъ, сказалъ Сайксъ, смотря на животное съ мрачнымъ и звѣрскимъ одобреніемъ.

— Теперь вы знаете, что ждетъ васъ, м-ръ Оливеръ, такъ поскорѣе зовите на помощь. Собака скоро положитъ конецъ потѣхѣ. Иди впередъ, молодецъ.

Бычачій глазъ повилялъ хвостомъ въ знакъ того, что понялъ это необычайно нѣжное обращеніе къ нему и, издавъ новыя рычанья въ видѣ назиданія Оливеру, пошелъ впередъ.

Они перешли Смисфильдъ; но то могъ бы быть и Гровеноръ-скверъ, Оливеръ бы не узналъ: ночь была такъ темна и туманна. Огни въ лавкахъ едва пробивались сквозь густой туманъ, густѣвшій съ каждой минутой и опутывавшій улицы и дома мракомъ, отъ котораго незнакомая мѣстность казалась Оливеру чѣмъ-то дикимъ, и чувство неизвѣстности томившее его становилось еще болѣе мучительнымъ и гнетущимъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ, когда густой колоколъ на церкви пробилъ часы. Съ первымъ ударомъ оба проводника Оливера оста-

новились и повернули головы по направленію, откуда раздавались звуки.

— Восемь часовъ, Биль, сказала Ненси.

— Къ чему вы говорите мнѣ, развѣ я самъ не могу слышать? отвѣчалъ Сайксъ.

— Бѣдняги, сказала Ненси, которая все еще стояла обернувшись лицомъ въ ту сторону, откуда раздался звонъ колокола. — О, Биль, и такіе славные молодцы.

— Да, вы женщины только объ этомъ и думаете, сказалъ Сайксъ: —славные молодцы. Теперь они мертвые, или почти что такъ; ну, такъ и все равно.

Этимъ утѣшительнымъ разсужденіемъ м-ръ Сайксъ подавилъ поднимавшійся порывъ ревности и, схвативъ еще крѣпче Оливера за руку, приказалъ ему идти.

— Постойте съ минуту, сказала дѣвушка. — Я бы не могла пройдти такъ скоро мимо, если бы вамъ пришлось быть повѣшеннымъ, когда въ другой разъ эти часы пробьютъ восемь, Биль. Я бы все ходила тогда кругомъ и кругомъ того мѣста, пока бы не упала, даже еслибы земля была покрыта снѣгомъ, и у меня не было бы платка прикрыть плечи.

— А что пользы было бы мнѣ отъ того? спросилъ несентиментальный м-ръ Сайксъ. —Еслибы вы не могли перекинуть мнѣ свертокъ ярдовъ въ двадцать хорошей здоровой веревки, вы бы могли ходить себѣ хоть за пятьдесять миль, или вовсе не ходить; все равно, добра мнѣ не принесло бы никакого. Идите же, наконецъ, и не стойте здѣсь, проповѣдуя.

Дѣвушка захохотала, плотнѣе закуталась въ платокъ, и всѣ трое пошли далѣе. Но Оливеръ почувствовалъ, какъ дрожала ея рука и, заглянувъ ей въ лицо при свѣтѣ газоваго фонаря, мимо котораго они проходили, онъ увидѣвъ что оно блѣдно, какъ лицо мертвеца.

Они шли далѣе, грязными пустынными улицами болѣе получаса, встрѣчая очень немногихъ прохожихъ, но и тѣ, судя по ихъ наружности, занимали тоже положеніе въ свѣтѣ, какъ и самъ м-ръ Сайксъ. Наконецъ, они свернули въ вонючую узкую улицу, почти всю занятую лавками старья. Собака побѣжала впередъ, будто понимая, что теперь не было никакой необходимости сторожить плѣнника, и на-

конецъ, остановилась у двери лавки, которая была заперта и, повидимому, незанята никѣмъ; потому что домъ былъ въ полномъ разрушеніи, а на двери была прибита доска съ объявленіемъ, что онъ отдается въ наймы, висѣвшая, повидимому, уже нѣсколько лѣтъ.

— Все въ порядкѣ, сказалъ Сайксъ, осторожно оглядѣвшись вокругъ. Ненси наклонилась заглянуть подъ ставни и Оливеръ услыхалъ звукъ колокольчика. Они перешли на противуположную сторону улицы и нѣсколько минутъ стояли подъ фонаремъ. Послышался, легкій стукъ будто отъ отворяемаго подъемнаго окна, и вскорѣ дверь тихо отворилась; тогда м-ръ Сайксъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній схватилъ перепуганнаго мальчика за воротъ и всѣ трое поспѣшно вошли въ домъ.

Въ корридорѣ было совершенно темно и они должны были ждать пока впустившая ихъ личность задвигала дверь цѣпью и засовомъ.

— Есть ли кто нибудь? спросилъ Сайксъ.

— Да, отвѣчалъ голосъ, и Оливеру показалось, что онъ гдѣто прежде слышалъ его.

— Здѣсь ли старикъ? спросилъ воръ.

— Да, отвѣчалъ голосъ. — И ужь какъ онъ придирался ко всѣмъ намъ, что любо дорого. Не воображаете ли вы, что онъ будетъ радъ васъ видѣть. Какъ бы не такъ!

Обороты рѣчи, равно и голосъ говорившаго показались очень знакомы Оливеру; но невозможно было различить въ потьмахъ даже форму говорившаго.

— Посвѣтите намъ, сказалъ Сайксъ: — не то мы свернемъ себѣ шеи, или наступимъ на собаку. И тогда берегите ваши ноги, вотъ и все.

— Постойте съ минутку, я добуду вамъ огня, отвѣчалъ голосъ.

Послышались удалявшіеся шаги, и черезъ минуту появился м-ръ Джонъ Даукинсъ, иначе искусный лукавецъ, собственной особой, неся въ правой рукѣ сальную свѣчу, воткнутую въ конецъ расколотой палки.

Молодой джентльменъ не остановился, чтобы удостоить Оливера какимъ либо знакомъ привѣтствія, кромѣ забавной насмѣшливой гримасы и, повернувшись, сказалъ посѣтителямъ, чтобы они шли за нимъ внизъ по лѣстницѣ. Они прошли черезъ пустую кухню и открыли дверь низкой комнаты, въ которой пахло землей и которая,

какъ казалось, была устроена изъ маленькаго задняго дворика. Здѣсь они были встрѣчены взрывомъ хохота.

— О, бѣглецъ мой, бѣглецъ! гоготалъ м-ръ Чарлей Бэтсъ, изъ легкихъ котораго исходилъ хохотъ: — вотъ онъ! вотъ онъ! о, кричите: вотъ онъ! О, Фэгинъ! посмотрите на него! да посмотрите на него! Силъ нѣтъ моихъ снести! О, какая потѣха! Силъ нѣтъ моихъ снести! Держите меня кто нибудь, пока я нахохочусь въ волю!

И въ этомъ неудержимомъ изліяніи веселья; м-ръ Бэтсъ легъ навзничь на полъ и въ продолженіи пяти минутъ конвульсивно брыкалъ ногами въ порывѣ шутовскаго веселья потомъ, вскочивъ на ноги, онъ вырвалъ расколотую палку со свѣчей у лукавца и подойдя къ Оливеру, оглядывалъ его нѣсколько разъ кругомъ, въ то время какъ еврей, снявъ ночной колпакъ, отвѣшивалъ множество низкихъ поклоновъ остолбенѣлому мальчику, а между тѣмъ искусный лукавецъ, который отличался болѣе мрачнымъ расположеніемъ духа и рѣдко увлекался веселостью, когда она мѣшала дѣлать дѣло, обчищалъ съ упорнымъ прилежаніемъ карманы Оливера.

— Посмотрите на его платье, Фэгинъ, сказалъ Чарлей, поднося свѣчу къ новой курточкѣ Оливера такъ близко, что едва не спалилъ ее: — Посмотрите на его платье! тончайшее сукно, первый сортъ! и важный щегольской покрой! О, глаза мои! что за потѣха. А книги его, книги-то! Джентльменъ, да и только, Фэгинъ!

— Я въ восхищеніи, что вижу васъ такимъ порядочнымъ, мой милый, сказалъ еврей, кланяясь съ насмѣшливымъ униженіемъ. Лукавецъ дастъ вамъ другую пару, дорогой мой, чтобы вы не испортили ваше воскресное платье. Зачѣмъ вы не написали намъ, дорогой мой, что вы прійдете? мы бы приготовили что нибудь горячее къ ужину.

Здѣсь м-ръ Бэтсъ снова захохоталъ во все горло и такъ громко, что самъ Фэгинъ осклабился, и Даукинсъ улыбнулся; но такъ какъ послѣдній въ эту минуту досталъ изъ кармана Оливера пятифунтовую ассигнацію, то неизвѣстно, шутка ли Фэгина или находка вызвали припадокъ веселья м-ра Бэтса.

— Стой, это что? спросилъ Сайксъ, выступая впередъ, когда еврей схватилъ бумажку: — это мое, Фэгинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, сказалъ еврей. — Моя, Биль, моя. Книги будутъ ваши, Билль.

— Если это не мое, сказалъ Сайксъ съ рѣшительнымъ видомъ, нахлобучивая шляпу на голову: — мое и Ненси, а если нѣтъ — то я уведу мальчика назадъ.

Еврей вздрогнулъ; вздрогнулъ и Оливеръ, но отъ совершенно противуположной причины: онъ надѣялся, что ссора дѣйствительно кончится тѣмъ, что его отведутъ назадъ.

— Ну же, подавайте деньги, сказалъ Сайксъ.

— Но это едва ли честно, Биль; едва ли честно это, Ненси? спрашивалъ еврей.

— Честно или нечестно, возразилъ Сайксъ: — подавайте сюда деньги, говорю вамъ. Неужели вы думаете, что Ненси и мнѣ не на что болѣе тратить наше дорогое время, какъ выслѣживать да уводить каждаго мальчишку, котораго засадятъ изъ-за васъ. Подавайте сюда, говорю вамъ, скупой старый скелетъ; подавайте сюда.

Съ этимъ кроткимъ увѣщаніемъ м-ръ Сайксъ вырвалъ ассигнацію изъ крѣпко ухватившихъ ее, указательнаго и большаго, пальцевъ еврея и, хладнокровно глядя въ лицо старику, сложилъ ее въ нѣсколько разъ и завязалъ въ свой шейный платокъ.

— Это наша доля за хлопоты, сказалъ Сайксъ: — да и на половину мало. Вы можете оставить себѣ книги, если любите чтеніе, а если нѣтъ, то можете продать ихъ.

— Очень красивыя книжки, сказалъ Чарлей Бэтсъ, который коверкаясь и гримасничая, дѣлалъ видъ, что читаетъ одну изъ книгъ. — Превосходно написано, не такъ ли, Оливеръ? и увидѣвъ растерянный взглядъ, которымъ Оливеръ смотрѣлъ на своихъ мучителей, м-ръ Бэтсъ, одаренный живымъ чувствомъ смѣшнаго, подвергся новому припадку хохота, еще болѣе шумному нежели прежніе.

— Это книги стараго джентльмена, сказалъ Оливеръ, ломая руки: — добраго стараго джентльмена, который принялъ меня въ свой домъ и ухаживалъ за мной, когда я чуть не умеръ отъ лихорадки. О, прошу васъ, отправьте эти книги къ нему вмѣстѣ съ деньгами. Оставьте меня здѣсь на всю мою жизнь, но, прошу васъ, отошлите все къ нему! Онъ подумаетъ, что я ихъ укралъ. Старая леди и всѣ они, всѣ, кто были тамъ добры ко мнѣ, подумаютъ, что я ихъ укралъ. О, сжальтесь надо мной и отошлите все назадъ.

И съ этими словами, произнесенными со всею силою глубокаго

горя, Оливеръ упалъ на колѣни къ ногамъ еврея и заломилъ руки въ порывѣ отчаянія.

— Этотъ мальчикъ правъ, сказалъ Фэгинъ, оглядываясь изподлобья кругомъ и сдвигая свои косматыя рыжія брови въ одинъ клокъ: — Вы правы, Оливеръ, вы совершенно правы. Они именно подумаютъ, что вы украли книги и деньги. Ха, ха! усмѣхнулся еврей, потирая руки. — Ни что не могло лучше случиться, даже еслибы мы нарочно выбрали этотъ день.

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ Сайксъ.—Я это сразу понялъ, увидѣвши, какъ онъ идетъ по Клеркенуэллю съ книгами подъ мышкой. Все въ порядкѣ. Эти люди — мягкосердые распѣватели псалмовъ, иначе они вовсе не взяли бы его къ себѣ въ домъ; они не будутъ наводить о немъ справокъ, побоятся, что имъ придется подать на него искъ и, слѣдовательно, запереть его въ крѣпкое мѣсто. Онъ у насъ безопасенъ.

Пока Сайксъ говорилъ, Оливеръ смотрѣлъ то на одного, то на другаго потеряннымъ взглядомъ, будто не понимая смысла словъ его; когда Биль Сайксъ окончилъ, онъ вдругъ вскочилъ съ колѣнъ и дико вырвался изъ комнаты, повторяя крики о помощи, отъ которыхъ по старому дому пошли отголоски до самой крыши.

— Держите собаку, Биль! вскричала Ненси, кинувшись къ двери и заперевъ ее за евреемъ и его двумя воспитанниками, пустившимися въ погоню за Оливеромъ. — Держите собаку. Она изорветъ мальчика въ клочья.

— По дѣломъ ему! вскричалъ Сайксъ, вырываясь изъ крѣпко ухватившихъ его рукъ дѣвушки.—Прочь отъ меня, или я разобью вамъ черепъ объ стѣны.

— Мнѣ все равно, Биль, мнѣ все равно! кричала дѣвушка, борясь изо всѣхъ силъ съ Сайксомъ. — Я не дамъ собакѣ разорвать ребенка, убейте меня прежде!

— Увидимъ, сказалъ Сайксъ, свирѣпо стиснувъ зубы.—Я это сейчасъ сдѣлаю, если вы не отстанете.

Разбойникъ швырнулъ дѣвушку въ дальній уголъ комнаты, и въ ту же минуту еврей и оба мальчика вернулись, таща между собой Оливера.

— Что случилось здѣсь? спросилъ еврей, оглядываясь кругомъ.

— Дѣвка съ ума сошла, я думаю, отвѣчалъ свирѣпо Сайксъ.

— Нѣтъ она не сошла съ ума, отвѣчала Ненси, блѣдная и задыхающаяся отъ схватки: — нѣтъ она не сошла съума, Фэгинъ, не думайте этого.

— Такъ будьте смирны, смотрите, сказалъ Фэгинъ съ угрожающимъ видомъ.

— Нѣтъ, и этого не буду, отвѣчала Ненси громкимъ голосомъ: — Ну, что вы теперь скажете?

М-ръ Фэгинъ имѣлъ случай настолько хорошо узнать нравы и привычки того рода существъ, къ которому принадлежала Ненси, что теперь былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что продолжать этотъ разговоръ далеко не безопасно; и онъ, чтобы отвлечь вниманіе общества, обратился къ Оливеру.

— Такъ вы хотите убѣжать отъ меня, мой милый, спросилъ онъ, доставая зазубренную и узловатую дубину, стоявшую въ углу у очага. — Эге!

Оливеръ не отвѣчалъ ни слова, но замѣтивъ движеніе еврея, началъ прерывисто дышать.

— Хотѣли позвать на помощь, звали полицію, вотъ какъ? усмѣхался еврей, схвативъ мальчика за руку. — Мы вылечимъ васъ отъ такихъ продѣлокъ, молодой баринъ.

Еврей сильно ударилъ по плечу Оливера дубиной, и размахнулся, чтобы ударить его во второй разъ; но въ тотъ же мигъ дѣвушка, кинувшись къ нему, вырвала дубину изъ рукъ его и швырнула ее въ огонь съ такой силой, что пылающіе уголья разлетѣлись во всѣ стороны до средины комнаты.

— Я не допущу этого, Фэгинъ! вскричала дѣвушка. — Вы захватили мальчика, чего-жъ вамъ еще надо? Оставьте его, оставьте его въ покоѣ, или я наложу на кого нибудь изъ васъ такую отмѣтку, которая меня доведетъ до висѣлицы ранѣе моего срока.

Дѣвушка сильно топнула ногой, произнося эту угрозу; губы ея были судорожно сжаты, кулаки стиснуты и она по очереди смотрѣла то на еврея, то на другаго разбойника; въ лицѣ ея не было ни кровинки отъ сильнаго припадка бѣшенства, до котораго она постепенно дошла.

— Ну, Ненси, сказалъ еврей успокоивающимъ тономъ, послѣ небольшаго молчанія, въ продолженіе котораго и онъ, и м-ръ Сайксъ глядѣли другъ на друга нѣсколько смущеннымъ взглядомъ: — вы...

вы сегодня еще искуснѣе, нежели когда бы то ни было. Ха, ха! моя дорогая, вы великолѣпно играете.

— Такъ я играю? сказала дѣвушка. — Ну смотрите же, чтобы я не съиграла черезъ край; вамъ же хуже будетъ, Фэгинъ, если такъ выйдетъ, и я вамъ говорю, пока есть еще время:—не троньте меня.

Есть что-то такое въ раздраженной женщинѣ, особенно если къ ея возбужденному гнѣву и прочимъ сильнымъ страстямъ присоединяется страшная сила отчаянія, что мужчины вообще, за немногими исключеніями, опасаются раздражать ее. Еврей увидѣлъ, что было безполезно продолжать притворяться непонимающимъ неподдѣльность бѣшенства миссъ Ненси и, невольно отступивъ шага на два, взглянулъ на Сайкса взглядомъ, въ которомъ трусость была смѣшана съ просьбой, намекая ему, что онъ одинъ всего удобнѣе можетъ продолжать разговоръ съ Ненси.

М-ръ Сайксъ послѣ этого нѣмаго воззванія, сознавая, что его самолюбіе заинтересовано въ томъ, чтобы выказать все свое вліяніе для усмиренія и образумленія Ненси, произнесъ нѣсколько десятковъ проклятій и угрозъ, быстрая импровизація которыхъ дѣлала большую честь плодовитости и изобрѣтательности его фантазіи. Но такъ какъ они не произвели никакого видимаго вліянія на лицо, противъ котораго они были направлены, то онъ прибѣгнулъ къ болѣе осязательнымъ доводамъ.

— Что это значитъ? спросилъ Сайксъ, подкрѣпляя этотъ вопросъ такими пожеланіями относительно самой прекрасной черты человѣческаго лица, что еслибы они исполнялись хотя одинъ разъ изъ пятидесяти тысячъ разъ когда они произносятся, то слѣпота была бы такой обыкновенной болѣзнью какъ и корь.—Это что значитъ? Будь я сожженъ! Да знаете ли вы кто вы такая, и что вы такое?

— О, да я это очень хорошо знаю, отвѣчала дѣвушка, съ истерическимъ хохотомъ и покачала головой, стараясь и очень неудачно притвориться равнодушной.

— Ну такъ и будьте смирны, возразилъ Сайксъ съ тѣжъ же ворчаніемъ, съ какимъ унималъ свою собаку:—не то я васъ усмирю на очень долгое время.

Дѣвушка снова засмѣялась, еще болѣе истеричнымъ смѣхомъ и

кинувъ быстрый взглядъ на Сайкса, такъ же быстро отвернула лицо въ сторону и закусила до крови губы.

— Хороша, нечего сказать, прибавилъ Сайксъ, оглядывая ее съ презрительнымъ видомъ.—Пристало ей принимать человѣческую и благородную сторону дѣла! Славная особа для того, чтобы быть другомъ этого, какъ она говоритъ, дитяти.

— Да поможетъ мнѣ Всемогущій Богъ! вскричала дѣвушка въ страстномъ порывѣ: — я буду ему другомъ! И я лучше хотѣла бы упасть мертвой на улицѣ или обмѣняться мѣстами съ тѣми, такъ близко отъ кого мы проходили въ эту ночь, нежели помочь вамъ привести его сюда. Онъ воръ, мошенникъ, дьяволъ, онъ все, что есть дурнаго съ сегодняшней ночи. Развѣ этого не довольно для стараго злодѣя и безъ побоевъ?

— Полно, полно Сайксъ, сказалъ еврей, останавливая его тономъ своимъ и указывая глазами на мальчиковъ, которые съ серьезнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ происходившимъ: — нужно говорить вѣжливо, Сайксъ, нужно говорить вѣжливо, Биль.

— Вѣжливо! вскричала дѣвушка, и страшно было видѣть ея бѣшенство.—Вѣжливо съ вами! негодяй. Да вы это заслужили отъ меня. Я воровала для васъ, когда я была ребенкомъ, и въ половину не такъ велика какъ онъ, и она указала на Оливера. Я занималась этимъ промысломъ у васъ на службѣ съ тѣхъ поръ двѣнадцать лѣтъ. Развѣ вы это не знаете! Говорите же! Не знаете вы это?

— Хорошо, хорошо, сказалъ еврей примирительнымъ тономъ:— а если вы и занимаетесь, то это ваше пропитаніе.

— Да, это мое пропитаніе, возразила дѣвушка. Она не говорила, но слова ея лились неудержимымъ и быстрымъ потокомъ. — Это мое пропитаніе, и холодныя, сырыя, грязныя улицы —мой домъ; а вы, злодѣй, который давно уже прогналъ меня туда, и держитъ меня тамъ и день и ночь, день и ночь, пока я не умру.

— Я сдѣлаю бѣду, прервалъ ее еврей, взбѣшенный этими упреками. — Я сдѣлаю бѣду еще похуже, если вы скажете хоть одно слово.

Дѣвушка не сказала ни слова, но начала рвать волосы и платье въ припадкѣ бѣшенства и вдругъ кинулась на еврея съ такой яростью, что оставила бы на немъ рѣзкіе слѣды своей мести, еслибы Сайксъ

не схватилъ ее во время за руки; тогда она сдѣлала нѣсколько безплодныхъ усилій вырваться и, наконецъ, упала въ обморокъ.

— Теперь она въ порядкѣ, сказалъ Сайксъ, положивъ ее въ уголъ. — У ней необыкновенная сила въ рукахъ, когда она вотъ такъ взбѣсится.

Еврей отеръ себѣ лобъ и улыбнулся, какъ будто окончаніе этой сцены было для него облегченіемъ; и однако ни онъ, ни Сайксъ, ни собака, ни оба мальчика, какъ казалось, не видѣли въ ней ничего необыкновеннаго.

— Всего хуже имѣть дѣло съ женщинами, сказалъ еврей, ставя дубину на мѣсто: — но онѣ смышлены и намъ нельзя по роду нашей промышленности обходиться безъ нихъ. Чарлей, покажите Оливеру его постель.

— Я полагаю, что ему лучше не надѣвать свое лучшее платье завтра, Фэгинъ, не такъ ли? спросилъ Чарлей Бэтсъ.

— Разумѣется, нѣтъ, сказалъ еврей, отвѣчая Чарлей такой же усмѣшкой, съ какою тотъ спрашивалъ его.

М-ръ Бэтсъ въ полномъ восторгѣ отъ порученія, взялъ расколотую палку и повелъ Оливера въ сосѣднюю кухню, гдѣ лежали знакомые мѣшки, на которыхъ онъ прежде спалъ, и здѣсь съ частыми неудержимыми порывами хохота, показалъ ему ту же самую пару платья, которую Оливеръ съ такою радостью снялъ у м-ра Броунлоу и которую купившій ее еврей случайно показалъ Фэгину, что и навело преслѣдователей на его слѣдъ.

— Снимайте-ка щегольское платье, сказалъ Чарлей: — я дамъ его Фегину спрятать. Вотъ-то потѣха!

Бѣдный Оливеръ неохотно повиновался и м-ръ Бэтсъ, свернувъ новое платье подъ мышкой, ушелъ изъ комнаты, оставивъ Оливера въ потьмахъ и заперевъ за нимъ дверь на ключъ.

Хохотъ Чарлея и рѣзкій голосъ м-съ Бетси, которая кстати явилась, чтобы спрыснуть водой свою пріятельницу и оказать ей разныя женскія услуги, чтобы привести ее въ чувство, могли бы не дать уснуть многимъ дѣтямъ, находившимся въ болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, нежели Оливеръ; но онъ былъ измученъ и боленъ и вскорѣ крѣпко уснулъ.

ГЛАВА XVII.

Судьба по прежнему неблагопріятствуетъ Оливеру, что и приводитъ въ Лондонъ великаго человѣка, чтобы повредить репутаціи мальчика.

Принято во всѣхъ потрясающихъ мелодрамахъ съ убійствами представлять читателю трагическія и комическія сцены чередующимися, какъ полосы краснаго мяса и бѣлаго жира въ хорошо приготовленномъ окорокѣ ветчины. Герой падаетъ на постель изъ соломы, удрученный цѣпями и бѣдствіями; а въ слѣдующей сценѣ его вѣрный, но не подозрѣвающій ничего, сквайръ угощаетъ слушателей комической пѣсней. Мы, съ бьющимися сердцами видимъ героиню въ объятіяхъ гордаго и жестокаго барона, и жизнь ея и честь въ равной опасности; она вынимаетъ кинжалъ, чтобы сохранить одну цѣною другой и, въ ту самую минуту, какъ наше ожиданіе достигло высшей степени возбужденія, слышится свистокъ и мы мгновенно перенесены въ большую залу замка, гдѣ сѣдой дворецкій поетъ забавную пѣсню хоромъ съ забавной толпою потѣшниковъ, которые свободны всюду, начиная отъ церковныхъ склеповъ до замковъ, и скитаются веселыми компаніями, постоянно пируя.

Подобныя перемѣны покажутся нелѣпыми, но онѣ не такъ неестественны, какъ то кажется съ перваго взгляда. Переходы дѣйствительной жизни отъ роскошно уставленныхъ столовъ къ смертному одру, отъ траурнаго платья къ праздничнымъ нарядамъ, ничуть не менѣе поразительны, только тогда мы дѣйствующія лица, а не пассивные зрители—что и составляетъ всю разницу. Актеры мимической жизни театральныхъ подмостковъ не испытываютъ рѣзкіе переходы и внезапные порывы страсти или чувства, которые представлены глазамъ зрителя, осуждаются имъ какъ неестественные и нелѣпые.

Но такъ какъ внезапныя перемѣны декорацій на сценѣ и быстрыя измѣненія времени и мѣста въ книгахъ не только освящены долгимъ употребленіемъ, но сверхъ того многими считаются доказательствомъ

искуства автора, — искуство автора оцѣнивается этими критиками преимущественно по отношенію къ тѣмъ затруднительнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ оставляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ въ концѣ каждой главы, — то это краткое вступленіе къ предстоящей главѣ, быть можетъ, не будетъ сочтено излишнимъ. Если такъ, то пусть читатель сочтетъ внимательнымъ предувѣдомленіемъ со стороны автора, если онъ скажетъ, что теперь намѣренъ отправиться обратно въ городъ, въ которомъ родился Оливеръ Твистъ. Читатель долженъ повѣрить автору на слово, что онъ имѣетъ хорошія и основательныя поводы сдѣлать это путешествіе, иначе онъ ни подъ какимъ видомъ не пригласилъ бы читателя послѣдовать за собой въ это путешествіе.

М-ръ Бёмбль вышелъ рано поутру изъ воротъ рабочаго дома и прошелъ важной осанкой и поступью властелина по Гайстриту. Онъ сіялъ въ полномъ блескѣ и гордости сана приходскаго сторожа. Его треугольная шляпа и сюртукъ такъ и блестѣли на утреннемъ солнцѣ и онъ держалъ свою трость съ полной мощью здоровья и власти. М-ръ Бёмбль обыкновенно держалъ голову высоко, но на этотъ разъ онъ держалъ ее выше обыкновеннаго; въ видѣ его было нѣчто возвышенное, а въ глазахъ глубокомысленное, такъ что каждый наблюдатель могъ понять, что въ умѣ приходскаго сторожа носились мысли до того великія, что для нихъ не было выраженія въ словѣ.

М-ръ Бёмбль не останавливался, чтобы поговорить съ мелкими лавочниками и другими прохожими, почтительно заговаривавшими съ нимъ, когда онъ проходилъ мимо нихъ. Онъ только отвѣчалъ на привѣтствія ихъ мановеніемъ руки и прервалъ свою величественную походку, только достигнувъ фермы, на которой м-съ Мэнъ воспитывала дѣтей бѣдняковъ съ приходской попечительностью.

— Чортъ побери этого сторожа, сказала м-съ Мэнъ, услыхавъ хорошо знакомый нетерпѣливый стукъ у калитки сада.—Нѣтъ ему досуга, что ли, что онъ сюда явился спозаранку по утру! Вотъ мило, м-ръ Бёмбль, и думать не могла, чтобы это были вы. Боже мой, какое удовольствіе для меня. Войдите въ гостиную, сэръ, прошу васъ.

Первая фраза была сказана въ скобкахъ, восклицанія удовольствія были высказаны м-ру Бёмблю въ лицо, когда почтенная дама отворяла калитку и съ знаками величайшаго вниманія и почтенія вводила м-ра Бёмбля въ домъ.

— М-съ Мэнъ, сказалъ м-ръ Бёмбль, не садясь и не бросаясь на кресло, какъ сдѣлалъ бы пошлый франтъ или простой смертный, но медленно и постепенно опускаясь на кресло. — М-съ Мэнъ, доброе утро.

— Доброе утро и вамъ, сэръ, отвѣчала м-съ Мэнъ, расточая улыбки: —надѣюсь, что вы хорошо себя чувствуете, сэръ?

— Такъ себѣ, м-съ Мэнъ, отвѣчалъ приходскій сторожъ. — Парохіальная жизнь не ложе изъ розъ, м-съ Мэнъ.

— Да, это дѣйствительно такъ, м-ръ Бёмбль, подтвердила почтенная дама, и всѣ дѣти бѣдняковъ могли бы повторить хоромъ слова ея, и съ несравненно большимъ правомъ, еслибы слышали ихъ.

— Парохіальная жизнь, м-съ Мэнъ, продолжалъ м-ръ Бёмбль, ударяя тростью по столу: — жизнь мученій, непріятностей и лишеній; но всѣ общественныя лица, могу сказать, должны подвергаться искамъ.

М-съ Мэнъ, не понявъ хорошо, что именно хотѣлъ сказать приходскій сторожъ, воздѣла руки съ выраженіемъ полнѣйшей симпатіи и вздохнула.

— Ахъ, вы имѣете полное право вздыхать, м-съ Мэнъ, произнесъ м-ръ Бёмбль.

Увидѣвъ, что она кстати вздохнула, м-съ Мэнъ вздохнула еще разъ, очевидно изъ угожденія общественному лицу, которое, сдержавъ самодовольную улыбку суровымъ взглядомъ, обращеннымъ на треугольную шляпу, произнесло:

— М-съ Мэнъ, я ѣду въ Лондонъ.

— Господи! м-ръ Бёмбль! воскликнула м-съ Мэнъ, откинувшись назадъ въ изумленіи.

— Въ Лондонъ, м-съ Мэнъ, продолжалъ съ непреклонной рѣшимостью приходскій сторожъ: — я и двое нищихъ рабочаго дома, м-съ Мэнъ. Начато судебное дѣло объ одномъ рѣшеніи и комитетъ назначилъ меня, меня, м-съ Мэнъ, показывать по этому дѣлу передъ сессіями суда въ Клеркинуэллѣ. И теперь я спрашиваю себя, прибавилъ м-ръ Бёмбль, выпрямляясь:—не окажутся ли клеркинуэлльскія сессіи кругомъ виновными, прежде чѣмъ они покончатъ со мной?

— О! вы не должны быть слишкомъ строги къ нимъ, сэръ, сказала вкрадчивымъ голосомъ м-съ Мэнъ.

— Клеркинуэлльскія сессіи сами это навлекутъ на свою голову,

м-съ Мэнъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль:—и если клеркинуэлльскія сессіи найдутъ, что имъ придется плоше того, нежели они ожидали, то клеркинуэлльскія сессіи должны за то благодарить только самихъ себя.

Было столько непреклонной рѣшимости и глубокихъ умысловъ въ угрожающемъ тонѣ, какимъ м-ръ Бёмлбь произнесъ эти слова, что м-съ Мэнъ была совершенно перепугана. Наконецъ она спросила:

— Вы ѣдете въ дилижансѣ, сэръ? Я думала, что нищихъ обыкновенно пересылаютъ въ телѣгахъ.

— Да, когда они больны, м-съ Мэнъ, отвѣчалъ приходскій сторожъ.—Мы отправляемъ больныхъ бѣдняковъ въ открытыхъ телегахъ въ дождливую погоду, чтобы они не простудились.

— О! произнесла м-съ Мэнъ.

— Обратный дилижансъ очень далеко везетъ обоихъ, сказалъ м-ръ Бёмбль:—они оба очень плохи и мы нашли, что обойдется дешевле на два фунта перевести ихъ, нежели хоронить ихъ въ нашемъ приходѣ, то есть, если намъ удастся сбыть ихъ другому приходу; что, я думаю, намъ удастся сдѣлать, если только они, на зло намъ, не умрутъ на доротѣ. Ха, ха, ха!

М-ръ Бёмбль посмѣялся весьма непродолжительное время, потому что взглядъ его встрѣтилъ треугольную шляпу, и снова принялъ важный видъ.

— Мы забываемъ дѣло, м-съ Мэнъ, сказалъ приходскій сторожъ:—вотъ вамъ приходская стипендія за этотъ мѣсяцъ.

Здѣсь м-ръ Бёмбль досталъ изъ своего бумажника свертокъ серебряной монеты въ бумагѣ и потребовалъ росписку, которую м-съ Мэнъ и написала.

— Она очень закапана, сэръ, отвѣчала попечительница дѣтей:—но она написана по формѣ, могу сказать. Благодарю васъ, м-ръ Бёмбль, сэръ; я вамъ очень много обязана, дѣйствительно.

М-ръ Бёмбль мягко кивнулъ головой въ отвѣтъ на любезныя увѣренія м-съ Мэнъ и спросилъ, какъ здоровы дѣти.

— Да благословитъ Богъ маленькія, дорогія сердечки, сказала м-съ Мэнъ съ умиленіемъ. — Они такъ здоровы какъ только могутъ быть, милашки. Разумѣется кромѣ тѣхъ двухъ, что умерли на прошлой недѣлѣ и кромѣ маленькаго Дика.

— Развѣ мальчикъ не поправляется? спросилъ м-ръ Бёмбль.

М-съ Мэнъ покачала головой.

— Такъ онъ порочное, парохіальное дитя, съ дурнымъ сложеніемъ и дурными наклонностями, сказалъ сердито м-ръ Бёмбль. — Гдѣ онъ?

— Я его сейчасъ приведу вамъ, сэръ, отвѣчала м-съ Мэнъ. — Эй, идите сюда, Дикъ.

Дикъ наконецъ явился, когда его позвали еще нѣсколько разъ, и м-съ Мэнъ, подставивъ его лицо подъ помпу и потеревъ его собственнымъ платьемъ, ввела его въ августѣйшее присутствіе м-ра Бёмбля, приходскаго сторожа.

Ребенокъ былъ блѣденъ и худъ, щеки его впали, глаза были огромны и блестѣли. Бѣдная приходская одежда—вывѣска его нищеты—висѣла мѣшкомъ на его дрябломъ тѣлѣ, и молодые члены его были слабы и высохли какъ члены старика. Вотъ какое маленькое существо стояло теперь, дрожа передъ взглядомъ м-ра Бёмбля и страшась услышать звуки его голоса.

— Развѣ вы не можете прямо глядѣть на м-ра Бёмбля, упрямый вы мальчикъ, сказала м-съ Мэнъ.

Ребенокъ кротко поднялъ глаза свои и встрѣтилъ глаза м-ра Бёмбля.

— Ну, что съ вами, парохіальный Дикъ? спросилъ м-ръ Бёмбль съ самой своевременной шутливостью.

— Ничего, сэръ, отвѣчалъ ребенокъ слабымъ голосомъ.

— Я полагаю, что ничего, отвѣчала м-съ Мэнъ, которая, какъ и слѣдовало ожидать, много смѣялась утонченной шутливости м-ра Бёмбля.—Вы ни въ чемъ не нуждаетесь, я увѣрена.

— Я бы хотѣлъ, заикнулся ребенокъ.

— Это что за новости, перебила его м-съ Мэнъ: — я полагаю, что вы собираетесь сказать, что вамъ нужно что нибудь? Какъ же, вы маленькій негодяй...

— Остановитесь, м-съ Мэнъ, остановитесь, скалалъ приходскій сторожъ, поднимая руку съ видомъ власти. — Чего бы вы хотѣли такого, сэръ, э?

— Я бы хотѣлъ, сказалъ ребенокъ прерывающимся голосомъ: — чтобы кто нибудь, кто умѣетъ писать, написалъ бы для меня нѣсколько словъ на кусочкѣ бумаги, и сложилъ бы его и запечаталъ бы его, чтобы сохранить это когда меня схоронятъ въ землю.

— Что, что такое хочетъ сказать этотъ мальчикъ? вскричалъ м-ръ Бёмбль, на котораго, какъ онъ ни былъ привыкши къ подобнымъ лицамъ, глубокій серьезный тонъ и изнуренный видъ ребенка сдѣлали нѣкоторое впечатлѣніе. —Что это значитъ, сэръ?

— Я бы хотѣлъ, сказалъ ребенокъ, чтобы было написано, что я оставляю свою любовь бѣдному Оливеру Твисту, и чтобы онъ узналъ какъ часто я садился въ уголъ одинъ и плакалъ, думая о томъ, какъ онъ скитается одинъ въ темныя ночи и некому позаботиться о немъ; и я бы такъ хотѣлъ, чтобы передали ему, продолжалъ ребенокъ, сжимая маленькія высохшія ручки и говоря съ глубокимъ одушевленіемъ: — что я радъ, что умираю такимъ маленькимъ, потому что еслибы я дожилъ до того, что сдѣлался мужчиной, и состарѣлся бы, моя маленькая сестра, которая на небѣ, забыла бы меня и была бы непохожа на меня; а для насъ гораздо счастливѣе, если мы оба тамъ вмѣстѣ будемъ дѣтьми.

М-ръ Бёмбль оглядывалъ говорившаго малютку съ головы до ногъ съ невыразимымъ изумленіемъ и, обратившись къ своей собесѣдницѣ, произнесъ:

— Одна и та же исторія со всѣми нами, м-съ Мэнъ. Этотъ дерзновенный Оливеръ деморализировалъ ихъ всѣхъ.

— Я бы этому никогда не повѣрила! вскричала м-съ Мэнъ, воздѣвъ руки къ потолку и злобно глядя на Дика: —Я никогда не видала такого зачерствѣлаго маленькаго злодѣя.

— Уведите его прочь, м-съ Мэнъ, сказалъ повелительнымъ тономъ м-ръ Бёмбль. —Объ этомъ должно доложить комитету.

— Я надѣюсь, джентльмены поймутъ, что это не моя вина, сэръ? сказала м-съ Мэмъ патетически захныкавъ.

— Они поймутъ это, м-съ Мэнъ. Имъ будетъ сообщено настоящее положеніе дѣла, отвѣчалъ торжественно м-ръ Бёмбль. — Довольно. Уведите его прочь. Я не могу выносить его вида.

Дикъ былъ немедленно уведенъ и запертъ въ чуланъ для угля, а м-ръ Бёмбль вскорѣ отправился приготовляться къ своей поѣздкѣ.

На слѣдующее утро въ шесть часовъ м-ръ Бёмбль, смѣнивъ свою треугольную шляпу на круглую, и помѣстивъ свою особу въ большой синій плащъ съ капюшономъ, занялъ наружное мѣсто въ дилижансѣ, сопровождая двухъ преступниковъ, помѣщеніе которыхъ въ рабочій домъ было предметомъ спора. Съ ними онъ въ должное время до-

ѣхалъ до Лондона, не испытавъ другихъ непріятностей по дорогѣ, кромѣ непріятностей причиненныхъ злокозненнымъ поведеніемъ обоихъ бѣдняковъ, которые упорствовали дрожать всѣмъ тѣломъ и жаловаться на холодъ до того, что м-ръ Бёмбль объявилъ, что отъ этихъ жалобъ его собственные зубы били дробь и онъ ощущалъ непріятное чувство дрожи не смотря на то, что на немъ былъ толстый плащъ.

Пріютивъ этихъ непріятныхъ личностей на ночь, м-ръ Бёмбль сѣлъ отдыхать въ гостинницѣ, гдѣ останавливался дилижансъ и принялся за умѣренный обѣдъ, состоящій изъ бифстекса, соуса изъ устрицъ и портера. Поставивъ стаканъ горячаго джина съ водой на доску камина, онъ придвинулъ стулъ къ огню и послѣ многихъ нравоучительныхъ размышленій о грѣховности недовольства и жалобъ, онъ расположился наиболѣе удобнымъ способомъ читать газету.

Первый параграфъ, на которомъ остановились глаза м-ра Бёмбля, содержалъ слѣдующее объявленіе.

ПЯТЬ ГИНЕЙ НАГРАДЫ.

„Маленькій мальчикъ, имя котораго Оливеръ Твистъ, бѣжалъ, или былъ уведенъ обманомъ, въ четвергъ вечеромъ изъ дома его въ Пентонвиллѣ, и съ тѣхъ поръ не было о немъ извѣстій; вышеупомянутая награда будетъ дана каждому, кто доставитъ какія нибудь свѣдѣнія, могущія повести къ отысканію вышеупомянутаго Оливера Твиста, или бросить свѣтъ на его прежнюю жизнь, о которой объявляющій желаетъ получить свѣдѣнія.“

Затѣмъ слѣдовало подробное описаніе наружности и одежды Оливера, равно и его исчезновенія; внизу стояло сполна напечатанное имя и адресъ м-ра Броунлоу.

М-ръ Бёмбль, широко открывъ глаза, медленно и тщательно прочелъ объявленіе въ три пріема, каждый по нѣсколько разъ, и затѣмъ черезъ пять минутъ былъ уже на дорогѣ въ Пентонвилль, забывъ совершенно, что онъ отъ волненія оставилъ стаканъ горячаго джина съ водой нетронутымъ на доскѣ камина.

— Дома м-ръ Броунлоу? спросилъ м-ръ Бёмбль служанку, отворившую ему дверь.

На этотъ вопросъ дѣвушка отвѣчала обыкновеннымъ уклончивымъ отвѣтомъ: — Я не знаю. Отъ кого вы присланы?

Едва успѣлъ м-ръ Бёмбль произнести имя Оливера и объяснить цѣль своего прихода, какъ м-съ Бэдуинъ, которая сидѣла у двери гостиной и слышала все, прибѣжала въ прихожую, задыхаясь отъ поспѣшности.

— Войдите, войдите, сказала добрая старушка. — Я знала что мы услышимъ о немъ. Милый бѣдняжка! Я знала что мы услышимъ, я была увѣрена въ томъ. Да благословитъ Богъ, сердечнаго! Я это всегда говорила.

Сказавъ эти слова, почтенная старушка, снова кинулась опрометью въ гостиную и, сѣвъ на диванъ, залилась слезами. Служанка, которая не была такъ впечатлительна, между тѣмъ побѣжала наверхъ и вернулась пригласить м-ра Бёмбля послѣдовать за ней наверхъ немедленно, что онъ и исполнилъ.

Его ввели въ маленькій кабинетъ, гдѣ сидѣлъ м-ръ Броунлоу съ своимъ пріятелемъ м-ромъ Гримуигомъ. Передъ ними стояли графины и стаканы. Послѣдній джентльменъ пристально оглядѣлъ м-ра Бёмбля и сразу сказалъ:

— Сторожъ, приходскій сторожъ, или я съѣмъ свою голову.

— Прошу васъ, не перебивайте насъ теперь, сказалъ м-ръ Броунлоу: — Возьмите стулъ, если вамъ угодно, обратился онъ къ м-ру Бёмблю.

М-ръ Бёмбль сѣлъ совершенно уничтоженный странностью манеръ м-ра Гримуига. М-ръ Броунлоу подвинулъ лампу, такъ, чтобы она освѣщала ему лицо приходскаго сторожа, и сказалъ съ легкимъ нетерпѣніемъ.

— И такъ, сэръ, вы пришли вслѣдствіе того что прочитали объявленіе.

— Да, сэръ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль.

— И вы приходскій сторожъ, не такъ ли? спросилъ м-ръ Гримуигъ.

— Я парохіальный сторожъ, джентльмены.

— Разумѣется, замѣтилъ м-ръ Гримуигъ своему другу. — Я это зналъ. Сюртукъ его парохіальнаго покроя и онъ смотритъ парохіальнымъ сторожемъ съ головы до ногъ.

М-ръ Броунлоу тихо покачалъ головой, чтобы заставить замолчать своего друга, и продолжалъ:

— Вы знаете гдѣ теперь бѣдный мальчикъ?

— Не болѣе васъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль.

— Ну, такъ что же вы знаете о немъ? спросилъ старый джентльменъ.—Говорите, другъ мой, если имѣете что сказать. Что вы знаете о немъ?

— Вамъ кажется нечего сказать о немъ хорошаго? спросилъ насмѣшливо м-ръ Гримуигъ, пытливо вглядѣвшись въ черты лица м-ра Бёмбля. М-ръ Бёмбль чутко понялъ этотъ вопросъ и покачалъ головой съ зловѣщей торжественностью.

М-ръ Броунлоу тревожно посмотрѣлъ на нахмуренную физіономію м-ра Бёмбля и попросилъ его сообщить ему все, что онъ знаетъ объ Оливерѣ, и въ самыхъ короткихъ словахъ.

М-ръ Бёмбль положилъ шляпу, растегнулъ свой сюртукъ, сложилъ руки и склонилъ голову соотвѣтствующимъ образомъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, началъ свой разсказъ.

Было бы слишкомъ утомительно передавать разсказъ словами приходскаго сторожа, потому что разсказъ продолжался двадцать минутъ; но сущность и выводъ его заключались въ томъ, что Оливеръ былъ найденымъ, родившійся отъ порочныхъ родителей низкаго сословія, и съ самыхъ первыхъ лѣтъ невыказывавшій лучшихъ качествъ, нежели коварство, неблагодарность и злоба; что онъ окончилъ свое короткое пребываніе на родинѣ кровожаднымъ и подлымъ нападеніемъ на беззащитнаго мальчика и убѣжалъ ночью изъ дома своего хозяина. Въ заключеніе м-ръ Бёмбль, въ доказательство того, что онъ дѣйствительно то лицо, за которое онъ выдавалъ себя, положивъ на столъ бумаги, привезенныя имъ изъ своего городка, и снова сложивъ руки на груди, ожидалъ что скажетъ м-ръ Броунлоу.

— Я боюсь, что все сказанное вами, справедливо, сказалъ печально старый джентльменъ, просматривая бумаги. Немного утѣшительнаго было въ сообщенныхъ вами свѣдѣніяхъ, но я съ радостью заплатилъ бы втрое болѣе, если бы они были благопріятны для мальчика.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что если бы м-ръ Бёмбль получилъ это свѣдѣніе въ началѣ своего свиданія съ м-ромъ

Броунлоу, то онъ далъ бы совершенно другую окраску своему разсказу. Но теперь было уже слишкомъ поздно сдѣлать это, и онъ важно покачалъ головой и, спрятавъ въ карманъ пять гиней, удалился.

М-ръ Броунлоу въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и казался такъ разстроеннымъ разсказомъ приходскаго сторожа, что даже м-ръ Гримуигъ удержался дразнить его насмѣшками. Наконецъ, м-ръ Броунлоу остановился и съ силой позвонилъ.

— М-съ Бэдуинъ, сказалъ м-ръ Броунлоу, когда ключница пришла: — Этотъ мальчикъ, Оливеръ, обманщикъ.

— Не можетъ быть, сэръ, отвѣчала энергически старушка.

— Я говорю вамъ, что онъ обманщикъ, возразилъ рѣзко старый джентльменъ. — Почему вы увѣряете что онъ не можетъ быть обманщикомъ? Мы только что слышали подробный разсказъ о немъ, съ самаго его рожденія, и оказалось что онъ былъ совершеннымъ маленькимъ негодяемъ всю свою жизнь.

— Я никогда этому не повѣрю, сэръ, сказала старушка твердо.

— Вы, старыя женщины, никогда не вѣрите никому и ничему кромѣ шарлатановъ докторовъ и лживыхъ сказокъ, проворчалъ м-ръ Гримунгъ. — Я зналъ это все время. Отчего вы не послушали моего совѣта съ начала? Вы послушали бы, если бы у него не было лихорадки, я полагаю, э? Онъ былъ такъ интересенъ больной! Не такъ ли? Интересенъ. Вотъ!.. и м-ръ Гримуигъ съ особеннымъ размахомъ поправилъ огонь кочергой.

— Онъ былъ милый благородный, кроткій ребенокъ, сэръ, возразила въ негодованіи м-съ Бэдуинъ: — я знаю дѣтей, сэръ, и знала ихъ въ продолженіе сорока лѣтъ, а люди, которые не могутъ сказать то же самое про себя, не должны бы такъ говорить о нихъ, вотъ мое мнѣніе.

Это былъ прямой намекъ на м-ра Гримуига, который былъ холостякъ; но такъ какъ онъ вызвалъ только улыбку этого джентльмена, то старушка вскинула голову и, разгладивъ передникъ, готовилась сказать новую рѣчь, которая была прервана м-ромъ Броунлоу.

— Молчите! сказалъ старый джентльменъ, притворяясь разсерженнымъ, хотя чувства его были очень далеки отъ гнѣва. — Я не хочу никогда болѣе слышать имя этого мальчика. Я позвонилъ для

*

того, чтобы вамъ это сказать. Никогда, никогда; ни подъ какимъ предлогомъ, помните. Вы можете теперь уйти, м-съ Бэдуинъ. Помните, я говорю серьезно.

Въ этотъ вечеръ въ домѣ м-ра Броунлоу были печальныя сердца. Сердце Оливера сжалось, когда онъ вспомнилъ въ этотъ вечеръ о своихъ милыхъ добрыхъ друзьяхъ; хорошо что онъ не могъ знать ничего о томъ, что они слышали о немъ; не то его сердце разбилось бы отъ горя.

ГЛАВА XVIII.

Какъ Оливеръ проводитъ время въ обществѣ своихъ почтенныхъ друзей.

Около полудня слѣдующаго дня, когда лукавецъ и м-ръ Бэтсъ отправились на свои обычные промыслы, м-ръ Фэгинъ воспользовался удобнымъ случаемъ, наединѣ прочитать Оливеру длинное поученіе о возмутительной грѣховности неблагодарности, въ которой Оливеръ оказался въ высшей степени виновнымъ тѣмъ, что добровольно отлучился отъ общества друзей, такъ безпокоившихся о немъ, и еще болѣе тѣмъ, что пытался убѣжать отъ нихъ, послѣ того какъ имъ стоило столько труда и издержекъ отыскать его. М-ръ Фэгинъ особенно выставлялъ Оливеру тотъ фактъ, что принялъ его къ себѣ и облагодѣтельствовалъ его въ то время, когда онъ погибъ бы отъ голода безъ его помощи. Въ заключеніе м-ръ Фэгинъ разсказалъ страшную и печальную исторію одного юноши, которому онъ по врожденной ему благотворительности помогъ при подобныхъ же обстоятельствахъ, но который, оказавшись недостойнымъ его довѣрія и выказавъ желаніе войти въ сношенія съ полиціей, имѣлъ несчастіе быть въ одно утро повѣшеннымъ въ Ольдъ-Бэйлей. М-ръ Фэгинъ не старался скрыть своего участія въ этой катастрофѣ, но со слезами на глазахъ выражалъ свое сожалѣніе о томъ, что безразсудное и предательское

поведеніе молодаго человѣка, о которомъ шла рѣчь, сдѣлало необходимымъ печальную мѣру, вслѣдствіе которой онъ сдѣлался жертвой извѣстныхъ показаній въ судѣ, которыя, хотя и не были совершенно вѣрны и справедливы, но тѣмъ не менѣе были необходимо нужны для безопасности его—м-ра Фэгина, и немногихъ избранныхъ друзей его. М-ръ Фэгинъ окончилъ свою рѣчь, нарисовавъ очень непріятную картину неудобствъ вѣшанія и съ величайшей вѣжливостью и участіемъ выразилъ свою искреннюю надежду, что онъ никогда не будетъ принужденъ подвергнуть Оливера Твиста этой непріятной операціи. Кровь маленькаго Оливера застыла въ жилахъ, когда онъ слушалъ слова еврея. Хотя онъ не совершенно понималъ заключавшіеся въ нихъ темные намеки, онъ уже зналъ что и правосудію самому очень легко смѣшать невиннаго съ преступниками, когда они случайно встрѣчаются ему вмѣстѣ; а что дѣйствительно старый еврей способенъ задумать и привести въ исполненіе коварные планы, чтобы погубить людей, которые знаютъ слишкомъ много, или слишкомъ сообщительны, что такіе планы приводились въ исполненіе и не одинъ разъ, это Оливеръ считалъ вполнѣ возможнымъ, когда вспоминалъ споры м-ра Сайкса съ веселымъ старымъ джентльменомъ, споры, которые, по видимому, относились къ исполненному заговору подобнаго рода. Поднявъ робко глаза, Оливеръ встрѣтилъ выпытывающій взглядъ еврея, и понялъ, что блѣдность его лица и трепетъ его членовъ не остались незамѣченными лукавымъ злодѣемъ и принесли ему не малое удовольствіе.

Еврей съ отвратительной улыбкой погладилъ Оливера по головѣ и сказалъ, что если онъ будетъ смирно вести себя и прилежно заниматься дѣломъ, то они могутъ еще быть очень хорошими друзьями; потомъ взявъ старую шляпу и закутавшись въ старую и заплатанную шинель, онъ вышелъ изъ комнаты и заперъ за собой дверь на ключь.

Оливеръ оставался въ заперти весь этотъ день и большую часть многихъ слѣдующихъ дней. Не видя никого въ промежуткѣ времени между полуночью и полуднемъ, онъ имѣлъ полный досугъ бесѣдовать съ своими собственными мыслями; и такъ какъ онѣ неизмѣнно обращались къ его добрымъ друзьямъ и тому неблагопріятному мнѣнію, которое они должны были имѣть о немъ, то онѣ не могли не быть печальными. Черезъ недѣлю, или около того, еврей оставилъ дверь не запертой и Оливеръ былъ свободенъ бродить по дому.

Домъ былъ очень грязенъ; но въ комнатахъ наверху были высокіе деревянные колпаки надъ каминами, широкія двери, стѣны были убраны филенчатой работой и карнизы на потолкѣ, хотя почернѣли отъ пыли и нечистоты, были покрыты украшеніями разнаго рода. Это были доказательства, по которымъ Оливеръ заключилъ, что этотъ домъ въ очень давнее время, задолго еще до рожденія еврея, принадлежалъ лучшимъ людямъ и, быть можетъ, былъ веселымъ и прекраснымъ домомъ, хотя и смотрѣлъ теперь такимъ унылымъ и мрачнымъ.

Пауки застлали паутиной углы стѣнъ и потолка, и, по временамъ, когда Оливеръ тихо входилъ въ комнату, онъ видѣлъ какъ мыши прыгали по полу и, перепуганныя его приходомъ, убѣгали въ свои норы. За этими исключеніями не было ни звука, ни признака живаго существа, и часто, когда наступали сумерки и Оливеръ утомлялся блужданьемъ изъ комнаты въ комнату, онъ ложился въ уголъ корридора у двери на улицу, чтобы быть какъ можно ближе къ людямъ, и оставался такъ цѣлые часы, прислушиваясь къ каждому звуку и считая часы до возвращенія еврея и мальчиковъ.

Во всѣхъ комнатахъ полусгнившія ставни были затворены и запиравшіе ихъ засовы крѣпко ввинчены въ дерево; свѣтъ могъ проникать только сквозь круглыя отверстія наверху и это освѣщеніе дѣлало комнаты еще мрачнѣе и наполняло ихъ причудливыми тѣнями. На заднемъ чердакѣ было окно, забитое снаружи ржавыми болтами, но за то безъ ставень, и въ него Оливеръ смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ съ самымъ печальнымъ выраженіемъ лица. Но изъ этого окна ничего не было видно кромѣ неясной и слитной массы верхушекъ крышъ, почернѣвшихъ трубъ и шпицевъ. Порой можно было разглядѣть лохматую сѣдую голову, выглядывавшую надъ стѣной дальняго дома, но она быстро скрывалась; окно обсерваторіи Оливера было забито гвоздями и потускнѣло отъ дождя и копоти въ продолженіи долгихъ годовъ, онъ едва могъ различить очертанія разныхъ предметовъ, и о томъ, чтобы сдѣлать попытку быть увидѣннымъ или услышаннымъ нечего было и думать; онъ имѣлъ бы столько же шансовъ на то, еслибы былъ запертъ внутри шара надъ куполомъ собора св. Павла.

Разъ послѣ обѣда лукавецъ и м-ръ Бэтсъ получили на этотъ вечеръ приглашеніе въ гости и первому молодому джентльмену, пришло

въ голову выказать нѣкоторую заботливость относительно украшенія собственной особы, что, и въ этомъ слѣдуетъ отдать ему полную справедливость, вовсе не было свойственной ему слабостью; и имѣя въ виду эту цѣль, онъ снизошелъ до того, что приказалъ Оливеру немедля помогать ему при туалетѣ.

Оливеръ былъ очень доволенъ случаю быть полезнымъ; онъ былъ такъ счастливъ, что наконецъ могъ взглянуть на человѣческія лица, какъ бы дурны они ни были, онъ такъ искренно желалъ расположить къ себѣ людей, съ которыми жилъ, какъ скоро онъ могъ это честно сдѣлать, что ему не могло придти на умъ возразить хоть бы словомъ противъ требованія лукавца. Онъ тотчасъ выразилъ свою полнѣйшую готовность и, ставъ на одно колѣно и взявъ ногу сидѣвшаго на столѣ Даукинса на другое, усердно принялся совершать надъ нею процессъ, который м-ръ Даукинсъ обозначалъ слѣдующимъ выраженіемъ: „лакировать топтательные футляры“, что, въ переводѣ на языкъ простыхъ смертныхъ, означало чистить сапоги.

Сознаніе ли собственной свободы и независимости, которое разумное животное должно испытывать, когда оно сидитъ на столѣ въ удобной позѣ, куря трубку и покачивая беззаботно одну ногу на другой взадъ и впередъ, въ то время какъ ему чистятъ сапоги, когда и въ прошломъ безпокойство сниманія сапогъ и ожиданіе муки натягиванье ихъ въ будущемъ не смущаетъ размышленій его; хорошее ли качество табака успокоило чувства Даукинса, или мягкость пива смягчила ихъ, но очевидно, что въ это мгновеніе они приняли оттѣнокъ мечтательности и даже восторженности, несвойственныхъ природѣ его. Онъ нѣсколько времени посмотрѣлъ на Оливера съ задумчивымъ выраженіемъ лица и потомъ, поднявъ голову и испустивъ легкій вздохъ, сказалъ на половину самъ себѣ, на половину м-ру Бэтсу.

— Какая жалость, что онъ не тибрило.

— Ахъ, сказалъ м-ръ Чарлей Бэтсъ.—Онъ не понимаетъ своего добра.

Лукавецъ еще разъ вздохнулъ и снова принялся за трубку. То же сдѣлалъ и Чарлей Бэтсъ. Оба курили нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Я полагаю, вы не знаете даже, что такое тибрило? спросилъ Даукинсъ уныло.

— Мнѣ кажется, я знаю, отвѣчалъ Оливеръ спохватившись.

— Да я тибрило, отвѣчалъ Даукинсъ: — и считаю униженіемъ быть чѣмъ либо другимъ. М-ръ Даукинсъ, изрекши это убѣжденіе, заломилъ свою шляпу самымъ свирѣпымъ образомъ и взглянулъ на м-ра Бэтса взглядомъ обѣщавшимъ, что онъ покажетъ свою благодарность тому, кто скажетъ противное. — Да я это, повторилъ Даукинсъ, и Чарлей, и Фэгинъ, и Сайксъ, и Ненси, и Бетъ, и мы всѣ тоже самое, даже сама собака, и та самая ловкая изъ всѣхъ.

— И всего менѣе склонная сфискалить, прибавилъ Чарлей Бэтсъ.

— Она бы не стала лаять на скамьѣ свидѣтелей, чтобы не выдать себя, нѣтъ, если бы вы привязали ее тамъ и оставили безъ ѣды въ продолженіе двухъ недѣль, сказалъ Даукинсъ.

— Не стала бы, ни на волосъ, подтвердилъ Чарлей.

— Это драгоцѣнная собака. Вы думаете, она не станетъ, когда мы беремъ ее въ гости, злобно смотрѣть на каждаго незнакомаго молодца, кто смѣется или пьетъ, продолжалъ лукавецъ: — не заворчитъ она, когда услышитъ, что играютъ на волынкѣ, и не ненавидитъ собакъ, которыя другаго вывода. Какъ бы не такъ?

— Она сущій христіанинъ, сказалъ Чарлей.

Это было сказано какъ дань удивленія способностямъ животнаго, но это оказалось сказаннымъ очень кстати и въ другомъ смыслѣ, котораго м-ръ Бэтсъ и не подозрѣвалъ: потому что есть много леди и джентльменовъ, имѣющихъ претензію быть сущими христіанами, между которыми и собакой м-ра Сайкса существуетъ очень поразительное и странное сходство во многихъ чертахъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ лукавецъ, возвращаясь къ предмету разговора, отъ котораго они отвлеклись, и имѣя постоянно въ виду свою профессію, что и составляло его отличительную черту: — Но это вовсе не касается нашего — молодо-зелено.

— Нисколько, отвѣчалъ Чарлей. — Отчего вы не хотите поступить подъ начало къ Фэгину, Оливеръ?

— И скоро составить себѣ состояніе, прибавилъ лукавецъ съ усмѣшкой.

— И пріобрѣсть средства жить въ своемъ имѣніи на отдыхѣ и жить джентльменомъ, что я думаю сдѣлать въ будущій высокосный

годъ безъ четырехъ годовъ, на сорокъ второй вторникъ въ недѣлю Троицы, сказалъ Чарлей Бэтсъ.

— Мнѣ это не нравится, сказалъ Оливеръ робко:—я бы хотѣлъ, чтобы меня отпустили. Я... я бы... лучше хотѣлъ уйти.

— А Фэгинъ лучше не хочетъ, возразилъ Чарлей.

Оливеръ зналъ это слишкомъ хорошо; но, думая, что опасно высказывать свои чувства болѣе откровенно, онъ только вздохнулъ и продолжалъ чистить сапоги.

— Уйти! вскричалъ лукавецъ.—Что вы, гдѣ ваше достоинство? Какъ это въ васъ нѣтъ ни капли благородной гордости? Вы хотите уйти и жить въ зависимости отъ вашихъ друзей, эхъ!

— Проваливайте съ этимъ! сказалъ Чарлей Бэтсъ, доставая два или три шелковыхъ платка изъ кармана и швыряя ихъ въ шкапъ:— это слишкомъ низко.

— Я бы не могъ такъ поступить, сказалъ лукавецъ съ видомъ гордаго пренебреженія.

— Однако вы можете же оставлять товарищей въ бѣдѣ, сказалъ Оливеръ съ полуулыбкой:—и подвергать ихъ наказанію за то, что сдѣлали вы сами.

— Это, возразилъ Даукинсъ, взмахнувъ трубкой: — это было сдѣлано изъ уваженія къ Фэгину, потому что ищейки знаютъ, что мы работаемъ вмѣстѣ, и онъ попался бы въ бѣду, еслибы мы не дали тягу. Вотъ почему былъ сдѣланъ такой ходъ; не такъ ли, Чарлей?

М-ръ Бэтсъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и хотѣлъ что-то сказать, но воспоминаніе о бѣгствѣ Оливера неожиданно представилось его живому воображенію и дымъ, который онъ вдыхалъ, встрѣтился со смѣхомъ и ударилъ ему въ голову, прошелъ въ горло и вызвалъ припадокъ кашля и топанья ногами въ продолженіи пяти минутъ.

— Смотрите сюда, сказалъ Даукинсъ, доставая изъ кармана горсть шиллинговъ и полупенсовъ. — Вотъ веселое житье! Что за дѣло, откуда они берутся? Только берите! Тамъ еще найдется много, гдѣ взяли. Вы не хотите, такъ вы не хотите? О, вы совершеннѣйшій болванъ!

— Это дурно, не такъ ли, Оливеръ? спросилъ Чарлей Бэтсъ— Онъ доведетъ себя до того, что его вздернутъ.

— Я не понимаю, что это значитъ, сказалъ Оливеръ, оглянувшись.

— Нѣчто въ родѣ этого, старый товарищъ, сказалъ Чарлей. И съ этими словами м-ръ Бэтсъ взялъ свой шейный платокъ и поднявъ его прямо, опустилъ голову на плечо и издалъ очень оригинальный звукъ сквозь зубы, показывая имъ и этой живой пантомимой, что вздергиваніе и вѣшаніе одно и тоже.

— Вотъ что это значитъ, сказалъ Чарлей. — Смотрите, какъ онъ вытаращилъ глаза. Джекъ, я никогда не видалъ такого отборнаго общества, какъ этотъ мальчикъ. Онъ уморитъ меня когда нибудь, я знаю, что уморитъ. И м-ръ Чарлей Бэтсъ, нахохотавшись еще разъ отъ всего сердца, взялъ свою трубку со слезами хохота на глазахъ.

— Вы были очень дурно воспитаны, сказалъ лукавецъ, съ большимъ удовольствіемъ оглядывая свои сапоги, вычищенные Оливеромъ. — Но все-таки Фэгинъ сдѣлаетъ изъ васъ что нибудь, или вы будете первымъ, изъ котораго онъ ничего не съумѣлъ бы сдѣлать. Лучше начинайте сразу; потому что вамъ все равно приведется же заняться ремесломъ и гораздо ранѣе, чѣмъ вы думаете; такъ вы только даромъ теряете время, Оливеръ.

М-ръ Бэтсъ подкрѣпилъ этотъ совѣтъ многими нравственными поученіями собственнаго изобрѣтенія, которыя наконецъ истощились, и тогда онъ и другъ его, м-ръ Даукинсъ, пустились въ краснорѣчивое описаніе разнообразныхъ удовольствій, сопровождающихъ образъ жизни, который они вели; къ этому описанію были щедро примѣшаны намеки, что самое лучшее, что Оливеръ могъ сдѣлать, было безъ дальнѣйшаго отлагательства заслужить благосклонность Фэгина тѣми средствами, какія и они сами употребляли для этой цѣли.

— И всегда держите это въ своей головѣ, Нолли, сказалъ лукавецъ, услышавъ какъ еврей отворялъ дверь на верху: — если вы не будете стибривать утиральники и тикальщики...

— Что за толкъ говорить ему такъ, остановилъ Чарлей Бэтсъ.— Онъ не понимаетъ, что вы хотите сказать.

— Если вы не будете таскать носовые платки и часы, сказалъ Даукинсъ, низводя свой разговоръ до уровня пониманія Оливера: — то какой нибудь другой молодецъ стащитъ; и выходитъ, что молодцы, у которыхъ таскаютъ, все равно въ накладѣ; да и вы тоже въ

накладѣ; и никому отъ этого нѣтъ барыша ни на волосъ, кромѣ молодцовъ, которые стащили, а вы имѣете такое же право на эти вещи, какъ и они.

— Разумѣется, разумѣется, сказалъ еврей, который вошелъ незамѣченный Оливеромъ. — Эта истина спрятана въ орѣховой скорлупѣ, дорогой мой, въ орѣховой скорлупѣ. Слушайте лукавца, повѣрьте его слову. Ха, ха! онъ понимаетъ катехизисъ своего ремесла.

Старикъ весело потиралъ руки, подтверждая умозрѣнія лукавца и съ восторгомъ хихикалъ отъ краснорѣчія своего воспитанника.

Разговоръ не могъ долѣе продолжаться на этотъ разъ, потому что еврей вернулся домой въ сопровожденіи миссъ Бетси и одного джентльмена, котораго еще Оливеръ не видѣлъ ни раза и котораго лукавецъ привѣтствовалъ именемъ Тома Читлинга. Онъ оставался нѣсколько минутъ на лѣстницѣ, обмѣниваясь любезностями, и вошелъ нѣсколько минутъ послѣ еврея.

М-ръ Читлингъ былъ старше Даукинса, потому что онъ пережилъ восемнадцать зимъ, и не смотря на то обращеніе его съ этимъ молодымъ джентльменомъ показывало, что онъ сознавалъ превосходство его надъ собой по части генія и профессіональныхъ талантовъ.

У м-ра Читлинга были небольшіе блестящіе глазки, рябое лицо; на немъ была мѣховая шапка, темная куртка рытаго бархата, грязные байковые панталоны и передникъ. Гардеробъ его нуждался, слѣдуетъ сознаться, въ большой починкѣ; но онъ извинился передъ обществомъ тѣмъ, что „срокъ“ его вышелъ всего часъ тому назадъ, и что, вслѣдствіе того что онъ носилъ форменную одежду въ продолженіе шести недѣль, онъ не имѣлъ времени обратить вниманіе на свое партикулярное платье. М-ръ Читлингъ прибавилъ съ сильными знаками раздраженія, что новый способъ обкуриванья платья былъ дьявольски неконституціоненъ, потому что прожигалъ ихъ до дыръ, и нельзя было добиться никакого вознагражденія въ судѣ; тоже самое замѣчаніе относилось и къ способу стрижки волосъ, который онъ считалъ совершенно противузаконнымъ. М-ръ Читлингъ заключилъ свои замѣчанія, объявивъ, что у него не было во рту ни капли чего бы то ни было въ продолженіе сорока двухъ убійственныхъ дней тяжелой работы, и прибавилъ „что онъ желаетъ чтобы на него донесли если теперь внутренности его не сухи такъ же, какъ корзина для извести“.

— Какъ вы думаете, откуда пришелъ этотъ джентльменъ, Оливеръ? спросилъ еврей съ усмѣшкой, въ то время какъ другіе мальчики спѣшили поставить бутылку водки на столъ.

— Я... я не знаю, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Это кто? спросилъ Томъ Читлингъ, презрительно взглянувъ на Оливера.

— Одинъ мой молодой другъ.

— Ну такъ онъ счастливъ, сказалъ Томъ Читлингъ, выразительно взглянувъ на Фэгина.—Все равно, откуда бы я ни пришелъ, малый, вы сами скоро туда найдете дорогу, бьюсь объ закладъ на крону.

Мальчики засмѣялись этой остротѣ и послѣ нѣсколькихъ шутокъ въ томъ же вкусѣ, обмѣнялись нѣсколькими словами шопотомъ съ Фэгиномъ и ушли.

Новый пришелецъ и Фэгинъ, поговоривъ нѣсколько минутъ въ сторонѣ, придвинули стулья къ огню, и еврей позвавъ Оливера сѣсть рядомъ съ ними, повелъ разговоръ о предметахъ, которые могли наиболѣе интересовать его слушателей. Предметы эти были: необыкновенныя выгоды ихъ промысла, мастерство искуснаго лукавца, очаровательность Чарлей Бэтса и щедрость самого еврея. Наконецъ, по нѣкоторымъ признакамъ оказалось, что предметы эти были истощены; м-ръ Читлингъ казался тоже истощеннымъ, потому что пребываніе въ исправительномъ домѣ оказывается утомительнымъ послѣ недѣли другой,—и миссъ Бетси удалилась, чтобы дать обществу отдохнуть.

Съ этого дня Оливера рѣдко оставляли одного, но постоянно держали въ обществѣ обоихъ мальчиковъ, которые каждый день играли съ м-ромъ Фэгиномъ въ знакомую игру, для своего ли собственнаго усовершенствованія, или для Оливера, „про то зналъ м-ръ Фэгинъ“. Иногда старикъ разсказывалъ имъ исторіи о грабежахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ молодости, примѣшивая къ нимъ столько забавныхъ и любопытныхъ подробностей, что Оливеръ не могъ удержаться отъ громкаго смѣха, показывавшаго, что это забавляло его, хотя его лучшія чувства и возмущались.

Словомъ, лукавый еврей держалъ мальчика въ своихъ сѣтяхъ; и подготовивъ его уединеніемъ и мрачнымъ затворничествомъ предпочитать какое бы то ни было общество сообществу его печальныхъ

мыслей, теперь медленно вливалъ въ его душу ядъ, которымъ онъ надѣялся очернить и измѣнить ее навсегда.

ГЛАВА XIX.

Въ которой обсуждается важный планъ и рѣшается исполненіе его.

Была холодная, сырая, вѣтреная ночь, когда еврей, плотно застегнувъ сюртукъ на съеженномъ тѣлѣ и поднявъ воротникъ до висковъ, скобы скрыть совершенно нижнюю часть лица, вышелъ изъ своей трущобы. Онъ остановился на ступени крыльца, когда за нимъ заперли дверь и задвинули цѣпь; прислушавшись къ тому какъ мальчики запирали и до тѣхъ поръ, пока шумъ удаляющихся шаговъ ихъ не замеръ вдали, онъ наконецъ, крадучись, зашнырялъ по улицѣ такъ скоро, какъ могъ.

Домъ, куда былъ приведенъ Оливеръ, находился по близости отъ Уайтъ-чэпеля; еврей, остановился на минуту на углу улицы и подозрительно оглядѣвшись, перешелъ черезъ дорогу и пошелъ по направленію Спитальфильса.

Грязь лежала толстымъ слоемъ на камняхъ и черный туманъ нависъ надъ улицами; дождь падалъ лѣниво; все до чего бы ни дотронуться, было холодно и скользко. Была именно такая ночь, въ какую слѣдовало шнырять такому существу какъ старый еврей. Воровски крадучись по улицѣ, прячась за стѣнами и крыльцами, безобразный старикъ походилъ на отвратительное пресмыкающееся, порожденное грязью и мракомъ, въ которыхъ оно движется выползая ночью отыскивать какую нибудь жирную падаль для пищи.

Еврей продолжалъ идти тѣмъ же шагомъ черезъ многіе извилистые и узкіе переулки, пока не достигъ Бэтнель-Грина; тамъ,

круто свернувъ налѣво, онъ скоро очутился въ лабиринтѣ нищенскихъ и грязныхъ улицъ, которыми обилуетъ этотъ тѣсный и густо населенный кварталъ. Еврей очевидно, былъ хорошо знакомъ съ мѣстностью, по которой шелъ, потому, что его не смущало ни мало ни темнота ночи, ни запутанность дороги. Онъ прошелъ черезъ многiе проходы и улицы и наконецъ свернулъ въ улицу, на самомъ дальнемъ концѣ освѣщенную однимъ фонаремъ. Онъ постучался у дверей одного дома и, обмѣнявшись нѣсколькими словами, сказанными сквозь зубы, съ человѣкомъ отворившимъ дверь, вошелъ на лѣстницу.

Когда онъ дотронулся до ручки двери послышалось ворчанье собаки, и мужской голосъ спросилъ:—кто тамъ?

— Это только я, Биль; только я, дорогой мой, сказалъ еврей, заглянувъ въ дверь.

— Тащите ваше тѣло, сказалъ Сайксъ.—Лежи ты, глупая скотина. Не узнала чорта, потому что онъ надѣлъ теплый сюртукъ?

Собака была обманута верхнимъ платьемъ м-ра Фэгина, потому что когда еврей разстегнулъ и сбросилъ его на стулъ, она ушла въ уголъ, изъ котораго пришла, махая хвостомъ, чтобы показать что она довольна, насколько то было сродно ея природѣ.

— Ну, сказалъ Сайксъ.

— Ну, дорогой мой, отвѣчалъ еврей.—Ахъ, Ненси.

Въ послѣднемъ восклицанiи слышалось нѣкоторое смущенiе, ровно настолько чтобы показать сомнѣнiе гостя въ прiемѣ, потому что м-ръ Фэгинъ и молодая прiятельница его не встрѣчались съ того времени, какъ она вступилась за Оливера. Но если еврей и имѣлъ какiя либо сомнѣнiя на этотъ счетъ, то они были немедленно разсѣяны обращенiемъ молодой леди. Она сняла ноги съ рѣшетки камина, отодвинула свой стулъ, пригласила Фэгина придвинуть свой, безъ дальнихъ разговоровъ, потому что ночь была холодная, „что можно сказать безошибочно“.

— Холодно, Ненси, милая, сказалъ еврей, грѣя свои худыя руки у огня:—холодъ, кажется, насквозь проходитъ, прибавилъ онъ, притрогиваясь къ лѣвому боку.

— Ну ужъ, черезъ ваше сердце пройдетъ одинъ буравъ, сказалъ м-ръ Сайксъ.—Дайте чего нибудь напиться, Ненси. Сгори мое тѣло! Просто тошно смотрѣть, какъ его старый костякъ дрожитъ и трясется, какъ безобразное привидѣнiе вставшее изъ могилы.

Ненси поспѣшно принесла бутылку изъ шкапа, гдѣ стояло множество бутылокъ, которыя, судя по ихъ разнообразному виду, были наполнены жидкостями разнаго рода, и Сайксъ, наливъ стаканъ водки, приказалъ еврею выпить до дна.

— Довольно, совершенно довольно, Биль, отвѣчалъ еврей, поставивъ стаканъ, къ которому едва притронулся губами.

— Что? вы боитесь что мы васъ осилимъ, не такъ ли? спросилъ Сайксъ, уставивъ глаза на еврея.—Г-мъ.

Съ грубымъ пренебрежительнымъ рычаніемъ м-ръ Сайксъ схватилъ стаканъ и выплеснулъ остатки въ золу, приготовляясь снова наполнить его собственно для себя, что онъ и сдѣлалъ.

Пока его собесѣдникъ залпомъ глоталъ второй стаканъ, еврей оглядѣлъ комнату кругомъ, не изъ любопытства, потому что онъ видѣлъ ее много разъ, но безпокойнымъ, подозрительпымъ взглядомъ привычнымъ ему. Это была бѣдно убранная комната, и только нѣсколько вещей въ небольшомъ шкапу показывали, что жилецъ ея никакъ не могъ быть работникомъ; но въ ней не было ничего подозрительнаго кромѣ двухъ или трехъ тяжелыхъ дубинъ и небольшаго пистолета, висѣвшаго надъ каминной доской.

— Вотъ, сказалъ Сайксъ, причмокивая губами:—теперь я готовъ.

— Для дѣла, эге! спросилъ еврей.

— Для дѣла, отвѣчалъ Сайксъ:—такъ говорите то, что имѣете сказать.

— Объ домѣ въ Чертсеѣ, Биль? сказалъ еврей, подвигая свой стулъ и говоря очень тихимъ голосомъ.

— Ну да. Чтожъ объ этомъ? спросилъ Сайксъ.

— Ахъ вы знаете, что я хочу сказать, дорогой мой, сказалъ еврей.—Онъ знаетъ что я хочу сказать, не правда ли, Ненси?

— Нѣтъ, онъ не знаетъ, усмѣхнулся м-ръ Сайксъ:—или онъ не хочетъ знать, что одно и то же. Говорите прямо и называйте вещи ихъ именами. Чего вы сидите, моргая и подмигивая, и говорите со мной намеками, какъ будто не вы первый придумали этотъ грабежъ. Лопни глаза ваши, къ чему эти штуки?

— Ш-тъ, Биль, ш-тъ! сказалъ еврей, напрасно стараясь унять этотъ порывъ негодованія:—кто нибудь можетъ насъ услышать, дорогой мой, кто нибудь можетъ насъ услышать.

— Пусть слышитъ, сказалъ Сайксъ: — мнѣ все равно. Но такъ какъ м-ру Сайксу было не все равно, то послѣ минутнаго размышленія онъ понизилъ голосъ и успокоился.

— Ну, вотъ такъ, вотъ такъ, сказалъ еврей ласково. — Я только изъ осторожности, вотъ и все. Теперь, дорогой мой, насчетъ этого дома въ Чертсей. Когда это будетъ сдѣлано, Биль, э? когда же это будетъ сдѣлано. Такое серебро, мои дорогіе, такое серебро! сказалъ еврей, потирая руки и поднимая брови въ восторженномъ ожиданіи.

— Это вовсе не будетъ сдѣлано, отвѣчалъ хладнокровно Сайксъ.

— Вовсе не будетъ сдѣлано! отозвался эхомъ еврей, откидываясь на спинку стула.

— Нѣтъ, вовсе не будетъ, подтвердилъ Сайксъ: — по крайней мѣрѣ не будетъ такимъ порѣшеннымъ дѣломъ, какъ мы ожидали.

— Значитъ, за него не съумѣли взяться какъ слѣдовало, сказалъ еврей поблѣднѣвъ отъ злости: — не говорите мнѣ ни слова.

— А я все-таки скажу, возразилъ Сайксъ: — кто вы такой, чтобы вамъ не смѣть сказать? Я скажу, что Тоби Крекитъ болтался около этого дома двѣ недѣли и не могъ привести ни одного изъ слугъ на нашу линію.

— Вы хотите сказать, Биль, сказалъ еврей, успокоиваясь по мѣрѣ того какъ Биль, горячился: — что нельзя подговорить ни одного изъ обоихъ мужчинъ въ домѣ.

— Да, я это именно хочу сказать, отвѣчалъ Сайксъ. — Старая леди держала ихъ двадцать лѣтъ, и если вы дадите имъ хоть пятьсотъ фунтовъ, они не пойдутъ на дѣло.

— Но вы не хотите же сказать, дорогой мой, что нельзя подговорить и женщинъ, возразилъ еврей.

— Вотъ ни на столько, отвѣчалъ Сайксъ.

— Даже и щеголь Тоби Крекитъ не сможетъ? спросилъ еврей съ недовѣріемъ: — подумайте, что такое женщины, Биль?

— Нѣтъ, даже и щеголь Тоби Крекитъ, отвѣчалъ Сайксъ. — Онъ говоритъ, что носилъ фальшивые бакенбарды и жилетъ канареечнаго цвѣта, все время, что тамъ болтался, и все не вышло проку.

— Онъ долженъ бы былъ попробовать усы и пару военныхъ панталонъ, дорогой мой, сказалъ еврей послѣ минутнаго размышленія.

— Онъ и пробовалъ, отвѣчалъ Сайксъ. — И все равно не больше прока вышло, какъ и изъ первой приманки.

Еврей потерялъ послѣднюю надежду при этомъ сообщеніи, и подумавъ нѣсколько минутъ съ опущеннымъ на грудь подбородкомъ, поднялъ голову и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ, что если щеголь Тоби Крекитъ донесъ справедливо, то онъ боится, что дѣло кончено.

— И какая грустная вещь, дорогіе мои, сказалъ старикъ, уронивъ руки на колѣни, быть принужденнымъ потерять такъ много, на что мы положили наши сердца.

— Да, это такъ, сказалъ м-ръ Сайксъ. — Несчастье.

Наступило долгое молчанье, въ продолженіе котораго еврей погрузился въ глубокія размышленія и лицо его сложилось въ морщины, придававшія ему выраженіе злодѣйства совершенно демоническаго. Сайксъ по временамъ поглядывалъ на него украдкой, а Ненси, очевидно опасавшаяся раздражить вора, сидѣла уставивъ глаза на огонь, какъ будто она была глуха ко всему происходившему.

— Фэгинъ, сказалъ Сайксъ, рѣзко прерывая наступившее молчаніе: — это будетъ стоить пятьдесятъ лишнихъ золотыхъ, если дѣло будетъ безопасно обдѣлано снаружи.

— Да, сказалъ еврей, внезапно пробуждаясь отъ своихъ размышленій.

— Это уговоръ, сказалъ Сайксъ.

— Да, дорогой мой, да, отвѣчалъ еврей, схвативъ руку Сайкса. Глаза его блестѣли и каждый мускулъ лица его былъ напряженъ отъ волненія и ожиданія, возбужденныхъ словами Сайкса.

— Ну такъ, сказалъ Сайксъ, съ пренебреженіемъ отталкивая руку еврея. — Это можно обдѣлать такъ скоро, какъ вы хотите. Тоби и я, — мы перелѣзали черезъ садовую стѣну за-прошлую ночь, пробовали панели дверей и ставни; домъ запирается на ночь какъ тюрьма, но тамъ есть мѣстечко, которое мы можемъ проломить осторожно и безопасно.

— Гдѣ-жъ это, Биль? спросилъ еврей съ жаднымъ любопытствомъ.

— Когда вы перейдете черезъ лужайку, шепталъ Сайксъ.

— Да, да, сказалъ еврей, наклоняясь впередъ, и глаза его, казалось, готовы были выскочить изъ впадинъ.

— Г-мъ, произнесъ Сайксъ, внезапно оборвавъ свое описаніе, потому что Ненси, почти не пошевельнувъ головой, взглянула на него и на одно мгновеніе указала ему глазами на еврея.—Все равно, гдѣ бы то ни было. Вы безъ меня ничего не сдѣлаете, я это знаю; но когда съ вами имѣешь дѣло, то лучше не говорить много, — оно безопаснѣе.

— Какъ хотите, дорогой мой, какъ хотите, отвѣчалъ еврей, кусая губы.—И никого больше не нужно кромѣ васъ и Тоби.

— Никого и ничего, сказалъ Сайксъ, — кромѣ коловорота и мальчика. Первый у насъ есть, а втораго вы намъ добудьте.

— Мальчика! вскричалъ еврей.—Вамъ нужно вырѣзать стекло.

— Чтобы тамъ ни нужно, не ваше дѣло, отвѣчалъ Сайксъ. — Мнѣ нуженъ мальчикъ, но только онъ долженъ быть маленькимъ. Господи, продолжалъ м-ръ Сайксъ, размышляя: — еслибы я только могъ добыть мальчика отъ Неда, трубочиста, онъ нарочно недавалъ мальчику рости и отдавалъ его намъ въ наймы. Но отца засадили, а тамъ общество молодыхъ преступниковъ вмѣшалось и взяло мальчика изъ ремесла, въ которомъ онъ заработывалъ деньги, выучило его читать и писать, и въ свое время отдало его кому-то въ подмастерья. И такъ оно всегда дѣлаетъ, заключилъ м-ръ Сайксъ, и гнѣвъ его росъ съ воспоминаніемъ о причиненномъ ему ущербѣ: — такъ оно всегда дѣлаетъ. Еслибы у него было довольно денегъ, которыхъ у него, благодаря Провидѣнію, немного,—то черезъ годъ, другой у насъ не осталось бы ни одного мальчика въ цѣломъ промыслѣ.

— Да, не осталось бы, подтвердилъ еврей, который обдумывалъ что-то все время, что Сайксъ говорилъ и только разслышалъ послѣднія слова его.—Биль!

— Ну, что еще? спросилъ Сайксъ.

Еврей кивнулъ головой на Ненси, которая по прежнему сидѣла спиной къ нимъ, смотря на огонь, и показалъ знакомъ, что онъ желалъ бы, чтобы Ненси вышла изъ комнаты. Сайксъ нетерпѣливо пожалъ плечами, показывая, что эта предосторожность совершенно напрасна, но однако согласился и попросилъ Ненси принести кружку пива.

— Вамъ вовсе не нужно пива, отвѣчала Ненси, складывая руки и преспокойно оставаясь на мѣстѣ.

— Я говорю вамъ, я хочу пива, повторилъ Сайксъ.

— Пустяки, хладнокровно возразила дѣвушка.—Продолжайте, Фэгинъ. Я знаю то, что онъ хочетъ сказать, Билль. Онъ можетъ говорить и при мнѣ.

Еврей продолжалъ колебаться, а Сайксъ глядѣлъ въ удивленіи то на одного, то на другую.

— Вы можете говорить при старой товаркѣ, Фэгинъ, не такъ ли? спросилъ онъ наконецъ.—Вы ее такъ давно знаете, что можете довѣриться ей, или тутъ замѣшался самъ дьяволъ. Она не изъ тѣхъ, что выбалтываютъ, такъ, Ненси?

— Я думаю, что нѣтъ! отвѣчала молодая дѣвушка, придвинувъ стулъ къ столу и положивъ локти на столъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогая моя, я знаю, что вы не изъ такихъ, сказалъ еврей:—но... и старикъ снова остановился.

— Но что? спросилъ Сайксъ.

— Я не знаю, она, пожалуй, снова будетъ не въ себѣ, вы знаете, дорогой мой, какъ она была въ ту ночь, отвѣчалъ еврей.

При этомъ признаніи еврея, миссъ Ненси разразилась громкимъ смѣхомъ и, проглотивъ стаканъ водки, потрясла головой съ вызывающимъ видомъ и снова разразилась хохотомъ вмѣстѣ съ различными восклицаніями, въ родѣ: „не задерживайте игру!“ „не говори что помрешь“, и т. п., которыя произвели успокоивающее дѣйствіе на обоихъ джентльменовъ, потому что еврей кивнулъ головой съ довольнымъ видомъ и снова сѣлъ на свое мѣсто, что сдѣлалъ и м-ръ Сайксъ.

— Теперь, Фэгинъ, сказала Ненси со смѣхомъ:—скажите Билю разомъ все про Оливера.

— Ахъ, какая вы умница, дорогая моя; вы самая смышленая дѣвушка, какую я только встрѣчалъ, сказалъ еврей, погладивъ ее по шеѣ.—Я именно хотѣлъ говорить объ Оливерѣ, именно объ немъ. Ха, ха, ха!

— Ну, что же объ немъ? спросилъ Сайксъ.

— Онъ именно такой мальчикъ, какого вамъ нужно, дорогой мой, сказалъ еврей хриплымъ шопотомъ, приложивъ палецъ къ носу и страшно усмѣхаясь.

— Онъ! вскричалъ Сайксъ.

— Берите его, Биль! сказала Ненси. — Я бы взяла его на ва-

шемъ мѣстѣ. Онъ можетъ и не такъ знающъ, какъ другіе, да вамъ не это нужно. Вамъ нужно только, чтобы вамъ отперли дверь. Вы можете положиться, съ нимъ безопасно, Биль.

— Я знаю, что съ нимъ безопасно, прибавилъ Фэгинъ. — Эти послѣднія недѣли онъ былъ въ хорошей выучкѣ и теперь пора ему начать заработывать себѣ хлѣбъ. Къ тому же всѣ другіе слишкомъ велики.

— Да, онъ именно того роста, какой мнѣ нуженъ, сказалъ м-ръ Сайксъ, обдумывая.

— И онъ сдѣлаетъ все, что вы потребуете, Биль, дорогой мой, продолжалъ еврей: — онъ не хотя сдѣлаетъ, — то есть, если вы его хорошенько запугаете.

— Запугать его, эхомъ отозвался Сайксъ: — это будетъ не запугиванье въ шутку, помните это. Чуть что замѣчу въ немъ неподходящее, когда мы примемся за работу, — хоть на пенни, хоть на фунтъ, — вы его больше не увидите, Фэгинъ. Обдумайте это, прежде чѣмъ вы его пришлете ко мнѣ. Помните мое слово, сказалъ разбойникъ, взвѣшивая на рукѣ тяжелый ножъ, который онъ досталъ изъ подъ кровати.

— Я подумалъ обо всемъ, энергически отвѣчалъ еврей. — Мой глазъ слѣдитъ за нимъ, слѣдитъ за нимъ, дорогіе мои, пристально, пристально. Пусть онъ разъ почувствуетъ, что онъ сталъ нашимъ; одинъ только разъ наполнить умъ его мыслью, что онъ былъ воромъ, и онъ нашъ—нашъ на всю его жизнь! Ого! Лучшаго ничего не могло выйти.

Старикъ сложилъ руки на груди, и поднявъ плечи къ самой головѣ, ежился и жался, будто обнимая себя отъ радости.

— Нашъ? повторилъ Сайксъ. — Вашъ, вы хотите сказать?

— Можетъ быть и хочу, дорогой мой, отвѣчалъ еврей съ рѣзкимъ смѣхомъ. — Мой, если вы хотите, Биль.

— Такъ что же, сказалъ Сайксъ, злобно хмурясь на своего развеселившагося друга: — такъ что же заставляетъ васъ такъ хлопотать объ одномъ ребенкѣ, съ лицомъ блѣднымъ какъ мѣлъ, когда вы знаете, что пятьдесятъ здоровыхъ ребятишекъ шныряютъ каждую ночь въ Ковентъ-Гарденѣ, и вы можете выбирать и перебирать любого изъ нихъ.

— Потому что мнѣ въ нихъ проку нѣтъ, дорогой мой, отвѣчалъ

еврей съ легкимъ смущеніемъ: — ихъ не стоитъ брать; ихъ лица уличатъ ихъ еще прежде чѣмъ они попадутъ въ бѣду, и я ихъ все равно потеряю всѣхъ. А если этого мальчика какъ слѣдуетъ повести, дорогой мой, то я съ нимъ сдѣлаю то, чего не могу сдѣлать съ двадцатью другими мальчиками. Къ тому же, продолжалъ еврей, вполнѣ овладѣвъ собой: — онъ держитъ насъ въ своихъ рукахъ, если ему удастся еще разъ задать стречка, а онъ долженъ плыть въ одной лодкѣ съ нами, какъ бы онъ ни попалъ въ нее. Для того, чтобы его держать въ рукахъ, мнѣ нужно только, чтобъ онъ былъ замѣшанъ въ воровство, вотъ все, чего я добиваюсь. Не гораздо ли это лучше, нежели быть принужденнымъ убрать съ дороги бѣднаго маленькаго мальчика, что можетъ быть и опасно для насъ, да мы, сверхъ того потеряемъ его.

— Когда нужно сдѣлать дѣло? спросила Ненси, перебивая шумныя восклицанія, готовыя вырваться у м-ра Сайкса для выраженія отвращенія, которое внушало ему притворное состраданіе Фэгина.

— Да, это правда. Когда нужно дѣлать дѣло? спросилъ еврей. — Когда же, Биль?

— Я сговорился съ Тоби на ночь послѣ завтра, отвѣчалъ Сайксъ грубымъ голосомъ: — если онъ сегодня не получитъ отъ меня отказа.

— Хорошо, сказалъ еврей. — Теперь нѣтъ луны.

— Нѣтъ, подтвердилъ Сайксъ.

— И все приготовлено, чтобы увезти добычу, не такъ-ли? спросилъ еврей.

Сайксъ кивнулъ головой.

— А насчетъ...

— О, все уже обдумано, возразилъ Сайксъ, прерывая его. — Не заботьтесь о мелочахъ; лучше приведите мальчика завтра къ ночи. Я отправлюсь черезъ часъ послѣ разсвѣта. А теперь молчите и держите плавильный горшокъ на готовѣ: вотъ вамъ все, что вы должны дѣлать.

Послѣ небольшаго спора, въ которомъ всѣ трое приняли живое участіе, было рѣшено, что Ненси придетъ къ еврею на слѣдующій вечеръ и при наступленіи ночи уведетъ Оливера. Фэгинъ лукаво замѣтилъ, что если Оливеръ и выказалъ бы неохоту исполнить требуемое, то онъ пойдетъ охотнѣе съ дѣвушкой, которая недавно еще такъ горячо заступалась за него, нежели съ кѣмъ нибудь другимъ.

Было тоже торжественно порѣшено, что бѣдный Оливеръ, для цѣлей предполагаемой экспедиціи, будетъ всецѣло отданъ на попеченіе и подъ надзоръ м-ра Уильяма Сайкса; далѣе, что вышеупомянутый Сайксъ можетъ дѣлать съ нимъ что хочетъ и не будетъ отвѣчать еврею въ случаѣ если какая нибудь непріятность или несчастіе приключится мальчику, или за какое бы то ни было наказаніе, которому Сайксъ сочтетъ за нужное подвергнуть его; и чтобы условіе было въ этомъ отношеніи обязательно, было выговорено, что отчетъ м-ра Сайкса насчетъ послѣдняго пункта долженъ быть подтвержденъ и засвидѣтельствованъ во всѣхъ важнѣйшихъ подробностяхъ показаніями щеголя Тоби Крекита.

Когда условія были заключены, м-ръ Сайксъ продолжалъ пить водку очень усердно и размахивать своимъ ломомъ самымъ свирѣпымъ образомъ, оря во всю глотку самые негармоническіе обрывки пѣсень, перемѣшанные съ дикими ругательствами. Наконецъ, въ порывѣ похвальбы своей профессіей, онъ настоялъ показать свой ящикъ инструментовъ для взламыванья дверей; но едва онъ успѣлъ, запинаясь, впехнуть его въ комнату и открыть, съ цѣлью объясненія свойствъ и употребленія различныхъ приборовъ, заключавшихся въ немъ, равно и необычайной красоты устройства ихъ, какъ онъ упалъ на полъ и тутъ же заснулъ.

— Добрая ночь, Ненси, сказалъ еврей, закутываясь по прежнему.

— Добрая ночь.

Глаза ихъ встрѣтились и еврей пытливо смотрѣлъ въ ея лицо. Ни одна черта лица дѣвушки не дрогнула. Она была вѣрна и готова дѣлать дѣло, какъ и самъ Тоби Крекитъ.

Еврей еще разъ простился съ нею; затѣмъ, воспользовавшись минутой, когда она стояла къ нему спиной, далъ легкій пинокъ ногой распростертому на полу м-ру Сайксу и поплелся внизъ по лѣстницѣ.

— Вѣчно одно и тоже, бормоталъ еврей самъ съ собой на порогѣ къ дому. — Всего хуже въ этихъ женщинахъ то, что самый пустой бездѣлицы довольно, чтобы вызвать въ нихъ какое нибудь давно забытое чувство, а всего лучше то, что это никогда долго не продолжается. Ха, ха! Мужчина противъ ребенка за мѣшокъ золота!

Увеселяя свой путь этими пріятными размышленіями, м-ръ Фэ-

гинъ шелъ по грязи и лужамъ до своего мрачнаго жилища, гдѣ лукавецъ сидѣлъ, нетерпѣливо поджидая его возвращенія.

— Оливеръ въ постели? мнѣ нужно говорить съ нимъ, было первымъ словомъ еврея, когда онъ спустился по лѣстницѣ.

— Уже цѣлые часы, отвѣчалъ Даукинсъ, открывая дверь: — Вотъ онъ.

Мальчикъ крѣпко спалъ на грубой постели на полу. Онъ былъ такъ блѣденъ отъ тревоги, печали и долгаго затворничества въ тюрьмѣ, что онъ казался мертвецомъ, не тѣмъ мертвецомъ, какого мы видимъ въ саванѣ въ гробу, но тѣмъ, какимъ онъ представляется глазамъ нашимъ, когда жизнь только что отлетѣла и грубый воздухъ еще не успѣлъ измѣнить тотъ прахъ, который она освящала.

— Не теперь, сказалъ еврей, медленно и отворачиваясь въ сторону. — Завтра завтра.

ГЛАВА XX.

Въ которой Оливера сдаютъ на руки м-ра Уильяма Сайкса.

Когда Оливеръ проснулся на слѣдующее утро, онъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ, что у постели его стояла новая пара башмаковъ съ толстыми подошвами, а что старые были убраны. Сначала онъ обрадовался, увидѣвъ башмаки, надѣясь что это предвѣщаніе его скораго освобожденія; но мысли эти были вскорѣ разсѣяны, когда онъ сѣлъ завтракать глазъ-на-глазъ съ евреемъ, который сказалъ ему голосомъ, и съ таинственной манерой, усилившей опасенія его, что его сведутъ на квартиру Биля Сайкса сегодня же вечеромъ.

— Чтобы... чтобы остаться тамъ, сэръ? спросилъ Оливеръ тревожно.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, не для того чтобы остаться тамъ,

отвѣчалъ еврей.—Мы бы не хотѣли потерять васъ. Не бойтесь, Оливеръ, вы снова вернетесь къ намъ назадъ. Ха, ха, ха! Мы не будемъ такъ жестоки и не отправимъ васъ совсѣмъ прочь, дорогой мой. О, нѣтъ нѣтъ!

Старикъ, наклонившійся въ эту минуту надъ огнемъ, поджаривая ломтикъ хлѣба, оглянулся на Оливера, поддразнивая его, и усмѣхнулся, чтобы показать, что онъ очень хорошо зналъ, какъ Оливеръ былъ бы радъ уйти, если бы могъ.

— Я думаю, сказалъ еврей, уставивъ глаза на Оливера: --вы бы желали узнать для чего вы отправляетесь къ Билю? Эге, дорогой мой!

Оливеръ невольно покраснѣлъ, видя что старый воръ прочелъ его мысли, но смѣло отвѣтилъ: Да, я хочу знать.

— Для чего же, вы думаете? спросилъ Фэгинъ, предупреждая вопросъ.

— Я не знаю, въ самомъ дѣлѣ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Ба, сказалъ еврей, отворачиваясь съ недовольнымъ видомъ, послѣ того какъ онъ пытливо прослѣдилъ выраженіе лица мальчика.— Погодите же, пока Биль не скажетъ вамъ.

Еврей, очевидно, былъ очень раздосадованъ тѣмъ, что Оливеръ не выразилъ большаго любопытства на этотъ счетъ, но въ дѣйствительности Оливеръ хотя и очень безпокоился объ этомъ, но былъ слишкомъ смущенъ пристальными и лукавыми взглядами Фэгина и своими собственными догадками, такъ что былъ не въ состояніи расспрашивать въ эту минуту. Онъ и не нашелъ случая спросить въ продолженіе дня, потому что еврей былъ очень нахмуреннымъ и молчаливымъ до самаго вечера, когда онъ собрался уйти.

— Вы можете зажечь свѣчу, сказалъ еврей, поставивъ свѣчку на столъ:—а вотъ вамъ книга, можете читать ее, пока не придутъ за вами. Доброй ночи.

— Доброй ночи, сэръ, отвѣчалъ тихо Оливеръ.

Еврей дошелъ до двери, все время смотря черезъ плечо на мальчика и, внезапно остановившись, назвалъ его по имени. Оливеръ взглянулъ на него, и еврей, указавъ на свѣчу, приказалъ движеніемъ зажечь ее. Оливеръ исполнилъ это и, когда онъ поставилъ подсвѣчникъ на столъ, онъ увидѣлъ, что еврей изъ темнаго угла комнаты

пристально смотрѣлъ на него изъ подъ опущенныхъ и нахмуренныхъ бровей.

— Берегитесь, Оливеръ, берегитесь! сказалъ старикъ грозя ему правой рукой. — Онъ жестокій человѣкъ, и думаетъ только о крови, когда его кровь разгорячится. Что бы ни вышло, молчите и дѣлайте что онъ вамъ прикажетъ. Помните!

И сдѣлавъ сильное удареніе на послѣднемъ словѣ, старикъ распустилъ свои сурово натянутые черты въ страшную усмѣшку и, кивнувъ головой, вышелъ изъ комнаты.

Когда старикъ скрылся изъ вида, Оливеръ оперся головой на руку, и съ трепещущимъ сердцемъ обдумывалъ только что слышанныя слова. Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ увѣщаніи еврея, тѣмъ труднѣе ему было угадать настоящую цѣль и значеніе его. Онъ не могъ придумать себѣ никакой дурной цѣли, для которой его могли бы послать къ Сайксу и которая бы не могла быть точно такъ же достигнута, еслибы онъ оставался у еврея; продумавъ долгое время, онъ пришелъ къ заключенію, что его выбрали для того, чтобы прислуживать въ домѣ разбойника, пока не найдутъ другаго мальчика, болѣе подходящаго для работы этого рода. Онъ былъ такъ привыкши страдать и выстрадалъ уже такъ много тамъ гдѣ онъ былъ, что не могъ много оплакивать предстоявшую ему перемѣну. Нѣсколько минутъ еще онъ оставался погруженнымъ въ размышленія, потомъ съ тяжелымъ вздохомъ снялъ со свѣчи, и взявъ книгу, которую ему далъ еврей, началъ читать.

Сначала онъ небрежно переворачивалъ страницы, но напавъ на мѣсто привлекшее его вниманіе, онъ скоро началъ читать съ интересомъ. Книга содержала описаніе жизни великихъ преступниковъ и суда надъ ними; страницы были засалены и носили слѣды пальцевъ. Здѣсь Оливеръ прочелъ о такихъ страшныхъ преступленіяхъ, что кровь застыла у него въ жилахъ; о тайныхъ убійствахъ, совершенныхъ на пустынномъ проселкѣ, о тѣлахъ, скрытыхъ отъ людскаго глаза въ глубокихъ колодцахъ и ямахъ, которые однако, какъ ни были глубоки, не скрыли ихъ, но отдали ихъ наконецъ назадъ, послѣ многихъ лѣтъ, и эти тѣла своимъ видомъ довели убійцъ до того, что они въ ужасѣ, близкіе къ помѣшательству, сознались въ своемъ преступленіи и дикими криками молили о висѣлицѣ, чтобы покончить ихъ терзанія. Здѣсь еще онъ прочиталъ о людяхъ, которые,

лежа въ постеляхъ въ глухую ночь, были искушены и наведены злыми мыслями на такія страшныя кровавыя убійства, что морозъ пробѣгалъ по тѣлу и всѣ члены дрожали при одной мысли о нихъ. Эти страшныя описанія были такъ живы, такъ осязательны, что грязныя страницы, казалось, багровѣли отъ крови и слова на нихъ звенѣли въ ушахъ Оливера, какъ будто духи убитыхъ повторяли ихъ глухимъ шопотомъ.

Въ пароксизмѣ испуга мальчикъ закрылъ книгу и бросилъ ее далеко отъ себя. Потомъ, упавъ на колѣни, онъ молилъ небо избавить его отъ такихъ дѣлъ и лучше ниспослать ему смерть, нежели сохранить его для такихъ страшныхъ, возмутительныхъ преступленій. Мало по малу онъ успокоился и просилъ тихимъ, прерывающимся голосомъ, чтобы онъ былъ спасенъ отъ предстоявшихъ ему опасностей, и что если откуда нибудь должна придти помощь для бѣднаго покинутаго мальчика, который никогда не зналъ что такое любовь родныхъ или друзей, то пусть она придетъ теперь, когда онъ, брошенный, въ отчаяніи, одинъ посреди порока и преступленія.

Онъ окончилъ молитву, но все еще оставался на колѣняхъ, спрятавъ голову въ руки, когда страхъ заставилъ его оглянуться.

— Что это такое! вскричалъ онъ, вскочивъ и увидѣвъ человѣческую фигуру, стоявшую у двери.—Кто тамъ?

— Я, только я, отвѣчалъ дрожащій голосъ.

Оливеръ приподнялъ свѣчу надъ головой и взглянулъ по направленію двери,—это была Ненси.

— Поставьте свѣчу, сказала дѣвушка, отвернувъ голову.—Мнѣ больно глазамъ.

Оливеръ замѣтилъ, что она была очень блѣдна и ласково спросилъ не больна ли она. Дѣвушка бросилась на стулъ, повернувшись спиной къ Оливеру, и заломила руки; но она не отвѣтила ни слова на вопросъ.

— Да проститъ мнѣ Богъ! вскричала она, черезъ нѣсколько времени.—Я никогда объ этомъ не думала.

— Не случилось ли чего нибудь? спросилъ Оливеръ. — Не могу ли я помочь? Если я могу, то я сдѣлаю все, я сдѣлаю, въ самомъ дѣлѣ.

Она качалась взадъ и впередъ на стулѣ схватившись за горло; послышалось заглушенное рыданіе, она задыхалась.

— Ненси! вскричалъ Оливеръ, сильно перепуганный.—Что съ вами?

Дѣвушка била руками по колѣнямъ, била ногами по полу и внезапно остановившись, плотно завернулась въ шаль — ее трясла дрожь.

Оливеръ поправилъ огонь. Придвинувъ стулъ къ огню, она сѣла и нѣсколько времени молчала. Наконецъ, она подняла голову и огля-дѣлась кругомъ.

— Я не знаю, что это находитъ на меня иногда, сказала дѣвушка, притворяясь, что внимательно расправляетъ свое платее. —Всему виновата эта сырая холодная комната, я думаю. Теперь, Нолли, милый, готовы ли вы?

— Я долженъ идти съ вами? спросилъ Оливеръ.—Да я пришла отъ Биля, вы должны идти со мной.

— Для чего? спросилъ Оливеръ, отшатнувшись отъ нея.

— Для чего? эхомъ повторила дѣвушка, поднимая глаза и отводя ихъ въ ту минуту, какъ они встрѣтились съ глазами мальчика.—О! ни для чего дурнаго.

— Я не вѣрю вамъ, сказалъ Оливеръ, который пристально слѣдилъ за ней.

— Ну такъ пусть будетъ по вашему, возразила дѣвушка:—такъ ни для чего хорошаго.

Оливеръ могъ замѣтить, что онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на лучшія чувства дѣвушки и, была минута, что онъ хотѣлъ просить ея состраданія къ его безпомощному положенію. Но тутъ же въ его умѣ мелькнула мысль, что было всего одиннадцать часовъ, что на улицахъ было еще много народа, и что навѣрно кто нибудь да повѣритъ его словамъ. Какъ скоро онъ обдумалъ это, онъ торопливо подошелъ къ Ненси и сказалъ, что онъ готовъ.

Но ни короткое размышленіе Оливера, ни смыслъ его не ускользнули отъ Ненси. Она не сводила съ него глазъ, пока онъ говорилъ и взглядомъ дала ему понять, что она какъ нельзя лучше знала, что было въ его мысляхъ.

— Тише, сказала дѣвушка, наклонившись надъ нимъ и указавъ на дверь, оглянулась.—Вы себѣ не поможете. Я всѣми силами просила за васъ, но все ни къ чему. Васъ сторожатъ со всѣхъ сторонъ, и если вамъ когда либо удастся уйти отсюда, то теперь не время.

Пораженный энергіей, съ какой она сказала это, Оливеръ съ удивленіемъ взглянулъ въ глаза. Казалось, она говорила правду. Лицо ея было блѣдно и взволновано и она дрожала отъ желанія убѣдить его.

— Я разъ спасла васъ отъ побоевъ, и еще разъ спасу; я и теперь тоже дѣлаю, продолжала дѣвушка громко: — если бы я не пришла за вами, другіе пришли бы и тѣ обошлись бы съ вами гораздо жестче нежели я. Я обѣщала имъ, что вы будете молчать, что вы спокойно пойдете; если вы не захотите, то вы только повредите себѣ и мнѣ тоже, и можетъ быть, будете моей смертью. Смотрите, вотъ! Я все это вынесла за васъ и это такъ вѣрно, какъ то, что Богъ видитъ, какъ я вамъ это показываю.

Она быстро указала на синія пятна на шеѣ и рукахъ и продолжала еще съ большей торопливостью.

— Помните это и не заставляйте меня еще болѣе страдать за васъ. Если бы я могла, я бы помогла вамъ, но у меня нѣтъ власти. Они не хотятъ сдѣлать вамъ вреда, и что бы они ни заставили васъ сдѣлать, это не ваша вина. Ш-тъ. Каждое ваше слово отзовется на мнѣ ударомъ. Дайте мнѣ вашу руку. Скорѣе, вашу руку.

Она схватила руку, которую Оливеръ машинально подалъ ей, и, задувъ свѣчу, повела его за собой вверхъ по лѣстницѣ. Дверь была быстро отперта человѣкомъ, котораго нельзя было разглядѣть въ темнотѣ, и такъ же быстро заперта, когда они вышли. Извощичья карета ждала у дверей. Съ той же энергіей и волненіемъ, съ какими дѣвушка уговаривала Оливера, она и теперь втолкнула его, сѣла за нимъ и спустила занавѣсы. Извощикъ не ждалъ указаній, но не теряя ни минуты хлестнулъ лошадь и поѣхалъ полной рысью.

Дѣвушка продолжала держать Оливера за руку и повторять ему тѣ же предостереженія и увѣренія, которыя она ему говорила. Все произошло такъ торопливо, такъ быстро, что Оливеръ едва могъ сознавать, гдѣ онъ былъ или какъ онъ очутился тамъ, когда карета остановилась у того же самаго дома, куда ходилъ еврей наканунѣ вечеромъ.

Одно короткое мгновеніе и Оливеръ окинулъ быстрымъ взглядомъ пустынную улицу, крикъ о помощи былъ на его губахъ. Но голосъ дѣвушки раздавался надъ его ухомъ, умоляя его полными отчаянія звуками помнить ее, что у него не хватило духа закричать;

пока онъ колебался, случай прошелъ, онъ былъ уже въ домѣ и дверь была заперта за нимъ.

— Сюда, сказала дѣвушка, въ первый разъ выпуская его руку,—Биль!

— Галло, отозвался Биль, появляясь наверху лѣстницы со свѣчей.—О! въ самое время. Войдите.

Это было очень сильнымъ выраженіемъ одобренія и необыкновенно радушнымъ привѣтствіемъ со стороны особы характера м-ра Сайкса. Ненси была очень обрадована этимъ привѣтствіемъ и дружески поздоровалась съ хозяиномъ.

— Бычачій глазъ ушелъ домой съ Томомъ, замѣтилъ Сайксъ, свѣтя имъ по лѣстницѣ.—Онъ помѣшалъ бы намъ.

— Это дѣло, сказала Ненси.

— Такъ вы привели мальца, сказалъ Сайксъ, когда они вошли въ комнату, и онъ заперъ дверь за ними.

— Да вотъ онъ, сказала Ненси.

— Пріѣхалъ ли онъ тихо? спросилъ Сайксъ.

— Какъ овечка, отвѣчала Ненси.

— Я доволенъ что слышу это, сказалъ Сайксъ, свирѣпо взглянувъ на Оливера: — ради вашего молодого костяка, который не то пострадалъ бы порядкомъ. Подите сюда, малецъ, я вамъ прочитаю нравоученіе, которое лучше кончить разомъ.

Послѣ этого обращенія къ своему новому питомцу, м-ръ Сайксъ сдернулъ шапку съ головы его и швырнулъ ее въ уголъ, затѣмъ взявъ его за плечо, сѣлъ у стола и поставилъ передъ собой.

— Теперь, во первыхъ, знаете ли вы что это такое? спросилъ Сайксъ, взявъ карманный пистолетъ лежавшій на столѣ.

Оливеръ отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, хорошо, смотрите сюда, продолжалъ Сайксъ: — Вотъ порохъ, вотъ это пуля, а вотъ кусокъ старой шляпы для пыжа.

Оливеръ прошепталъ, что онъ понимаетъ значеніе упомянутыхъ вещей, и м-ръ Сайксъ принялся заряжать пистолетъ съ большею отчетливостью и обдуманностью.

— Теперь онъ заряженъ, сказалъ окончивъ м-ръ Сайксъ.

— Да, я вижу это, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ, задрожавъ.

— Ну такъ, сказалъ разбойникъ, крѣпко схвативъ Оливера за запястье руки и приставивъ дуло къ его виску, такъ что оно косну-

лось его, и мальчикъ въ это мгновеніе не могъ удержать крикъ испуга:—если вы, когда я васъ возьму съ собой, скажете хоть слово, кромѣ какъ въ отвѣтъ мнѣ, этотъ зарядъ будетъ въ вашей головѣ и безъ всякаго предостереженія; такъ помните, если вы захотите говорить безъ спроса, то лучше помолитесь прежде.

Чтобы еще болѣе усилить дѣйствіе своихъ словъ, м-ръ Сайксъ, взглянувъ свирѣпо изъ подъ бровей на предметъ, къ которому, относились эти предостереженія, и продолжалъ:

— Сколько я знаю, нѣтъ никого, кто бы сталъ особенно безпокоиться и справляться о васъ, еслибы васъ убрали съ дороги; такъ мнѣ бы вовсе не зачѣмъ было брать на себя такой дьявольскій трудъ объяснять вамъ все это, еслибы я не желалъ вамъ добра. Вы слышите?

— Долго ли, коротко ли, а дѣло вотъ въ чемъ, сказала Ненси, внушительно и слегка хмурясь на Оливера, чтобы заставить его обратить серьозное вниманіе на свои слова: — что если онъ что нибудь скажетъ или сдѣлаетъ напротивъ васъ въ томъ дѣлѣ, которое у насъ на мази, то вы помѣшаете ему когда либо потомъ передать объ этомъ дѣлѣ тѣмъ, что прострѣлите ему голову и сами возьмете на себя рискъ покачаться за это въ воздухѣ, такъ же какъ берете этотъ же рискъ и за многія другія вещи по нашему промыслу, каждый мѣсяцъ вашей жизни.

— Именно такъ! отозвался одобрительно м-ръ Сайксъ: —женщины всегда умѣютъ объяснить что нужно въ немногихъ словахъ, кромѣ какъ когда ихъ взорветъ и тогда онѣ ужасно растягиваютъ дѣло. А теперь, какъ мы ему основательно объяснили все, добудьте намъ ужинъ, и мы потомъ всхрапнемъ передъ дорогой.

Исполняя просьбу Сайкса, Ненси поспѣшно накрыла скатерть и, исчезнувъ на нѣсколько минутъ, вскорѣ вернулась съ кружкой портера и блюдомъ бараньихъ головъ, что подало поводъ ко многимъ веселымъ остротамъ со стороны м-ра Сайкса, основанныхъ на томъ странномъ совпаденіи, что слово „джемми“ *) было прозвищемъ относящимся и къ бараньей головѣ и къ одному очень замысловатому инструменту, который въ большомъ употребленіи у людей его профес-

---

*) Джемми — народное названіе для бараньей головы, на воровскомъ языкѣ обозначаетъ крѣпкій стальной рычагъ.

сіи. Достойный джентльменъ, быть можетъ, возбужденный близостью минуты когда онъ будетъ дѣятельно работать, былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и особенномъ оживленіи, въ доказательство чего слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что онъ шуткой выпилъ всю кружку пива залпомъ и круглымъ счетомъ не произнесъ болѣе восьмидесяти проклятій въ продолженіе своей трапезы.

Ужинъ былъ оконченъ, — можно легко себѣ представить, что Оливеръ не чувствовалъ большаго аппетита, — м-ръ Сайксъ отправилъ по принадлежности пару стакановъ водки съ водой и повалился на кровать, приказавъ, Ненси со многими ругательствами, на случай неисполненія приказанія разбудить его ровно въ пять часовъ. Оливеръ вслѣдствіе подобнаго же приказанія, легъ одѣтымъ на тюфякъ брошенный на полъ; а дѣвушка осталась сидѣть передъ огнемъ, чтобы поддерживать его, и быть готовой разбудить обоихъ въ положенный часъ.

Оливеръ нарочно не засыпалъ долгое время, думая, что быть можетъ Ненси найдетъ случай шепнуть ему еще нѣсколько совѣтовъ; но дѣвушка сидѣла, задумавшись, надъ огнемъ, и только по временамъ выходила изъ своей неподвижности, чтобы поправить его. Утомленный ожиданіемъ и тревогой, онъ наконецъ заснулъ.

Когда онъ проснулся, на накрытомъ столѣ стоялъ уже чайный приборъ и Сайксъ пряталъ разныя вещи въ карманы своего верхняго платья, висѣвшаго на спинкѣ стула, покамѣсть Ненси хлопотливо готовила завтракъ. Еще не разсвѣло, свѣча горѣла и на улицѣ было совершенно темно. Рѣзкій дождь билъ въ стекла и небо было черно и покрыто тучами.

— Ну теперь, проворчалъ Сайксъ, когда Оливеръ вскочилъ.— Половина пятаго. Глядите въ оба, или вы не получите завтрака; уже поздно.

Оливеръ не мѣшкалъ за своимъ туалетомъ и, проглотивъ наскоро немного завтрака, отвѣчалъ на ворчливый вопросъ Сайкса, что онъ совсѣмъ готовъ.

Ненси, едва взглянувъ на мальчика, бросила ему платокъ чтобъ завязать горло, а Сайксъ далъ ему большой воротникъ, который застегивался, чтобы прикрыть плечи. Укутанный такимъ образомъ. Оливеръ подалъ руку разбойнику, который, остановясь на одно мгновеніе, чтобы показать ему съ угрожающимъ видомъ, спрятанный въ

боковомъ карманѣ пистолетъ, крѣпко схватилъ ее и, обмѣнявшись съ Ненси прощаньемъ, увелъ его съ собой.

Оливеръ, когда они дошли до двери, обернулся на минуту, надѣясь встрѣтить взглядъ дѣвушки; но она снова сѣла на свое мѣсто передъ огнемъ и по прежнему сидѣла неподвижно, глядя на него.

ГЛАВА XXI.

Экспедиція.

Было мрачное утро, когда Сайксъ съ Оливеромъ вышли на улицу, дулъ сильный вѣтеръ и падалъ сильный дождь; облака мрачно нависли и предвѣщали бурю. Всю ночь шелъ сильный дождь, на улицахъ стояли лужи воды, и канавки разливались. На небѣ появился слабый проблескъ наступающаго дня, но вмѣсто того чтобы ослаблять мрачность всего окружающаго, онъ еще болѣе усиливалъ ее, потому что тусклый свѣтъ его, не согрѣвая и не освѣщая мокрыя крыши домовъ и мрачныя улицы, дѣлалъ свѣтъ фонарей еще тусклѣе. Ни одна живая душа не шевелилась въ этой части города, окна домовъ были плотно затворены, и на улицахъ, по которымъ они шли, было тихо и безмолвно.

Когда они свернули въ Бэтнэлъ-Гринъ, разсвѣло совершенно. Многіе фонари были погашены; немногіе возы изъ деревень медленно тащились къ Лондону; по временамъ дилижансъ покрытый грязью, быстро со стукомъ проѣзжалъ мимо нихъ и кучеръ проѣздомъ награждалъ, въ видѣ предостереженія, ударомъ бича извощика за то, что онъ, не свернувъ во время съ дороги, поставилъ его въ опасность доѣхать до конторы четвертью минуты позже срока. Трактиры, въ которыхъ горѣлъ газъ, были уже открыты. Мало по малу начинали отпирать и другія лавки и изрѣдко начали попадаться прохожіе.

То были разсѣянныя кучки земледѣльцевъ, шедшихъ на работу; потомъ мужчины и женщины несли на головѣ корзины съ рыбой; торговцы съ телѣжками, запряженными ослами и нагруженными зеленью и овощами, мясники съ двухколесными телѣгами, набитыми живностью или тушами мяса, молочницы съ ведрами молока; а позже непрерывная вереница людей, тащившихся съ разными припасами къ восточнымъ частямъ города. Шумъ и торговля постепенно усиливались по мѣрѣ того, какъ они приближались къ Сити, а, когда они прошли вдоль по улицамъ Шоредичь и Смитфильдъ, все слилось въ одинъ общій гулъ и глухой ревъ. Было уже такъ свѣтло, какъ бываетъ свѣтло въ пасмурный день, и вѣроятно до самой ночи не стало бы свѣтлѣе; дѣловое утро половины лондонскаго населенія началось.

Свернувъ черезъ Сёнъ-стритъ и Краунъ-стритъ, перейдя Фянсъ-бёрри-скверъ, м-ръ Сайксъ прошелъ черезъ Чизъ-уэль-стритъ въ Горбиканъ, оттуда въ Лонгъ-Лэнъ, а оттуда опять въ Смитфильдъ, изъ которой несся гулъ самыхъ нестройныхъ звуковъ, приведшихъ Оливера въ несказанное удивленіе.

Былъ рыночный день. Земля была покрыта слоемъ грязи, въ который нога уходила по щиколодку. Густой паръ поднимался отъ покрытаго потомъ скота и смѣшивался съ туманомъ, который скрывалъ трубы домовъ и тяжело нависъ надъ городомъ. Всѣ стойла, устроенные посреди обширной площади, и множество другихъ сколоченныхъ на скорую руку, сколько можно было помѣстить ихъ въ пустыхъ промежуткахъ, были биткомъ набиты баранами; а со стороны водопоя, привязанные къ столбамъ, стояли длинными рядами быки и другія животныя, по три и по четыре въ рядъ. Деревенскіе жители, мясники, погонщики скота, разнощики, мальчишки, воры, праздношатающіеся и бродяги самыхъ низшихъ слоевъ общества смѣшались въ сплошную толпу; посвистыванье погонщиковъ, лай собакъ, ревъ брыкавшихся животныхъ, блеяніе овецъ, хрюканье и визгъ свиней и поросятъ, крикъ разнощиковъ, восклицанія, гиканье, проклятіе и ссоры со всѣхъ сторонъ, звонъ колокольчика и ревъ пьяныхъ голосовъ неслись изъ каждаго кабака и трактира; толкотня, давка, ѣзда, драка, понуканье и крикъ сливались въ нестройный и дикій гулъ, который раздавался къ каждомъ углу рынка; немытыя, небритыя, оборванныя, грязныя личности безпрестанно сновали взадъ и впередъ, то вынырнувъ изъ толпы, то снова ныряя въ нее: все это

вмѣстѣ представляло оглушающую сцену, отъ которой кружилась голова и нѣмѣли чувства.

М-ръ Сайксъ, таща Оливера за собой, прочищалъ себѣ локтями дорогу черезъ самую гущу толпы и обращалъ очень мало вниманія на многочисленные и разнообразные виды и звуки, которые такъ изумляли мальчика. Онъ кивнулъ раза два-три головой проходившему пріятелю, и отказавшись отъ такого же числа приглашеній зайти распить поутру бутылочку, упорно шелъ впередъ, пока они не выбрались изъ толкотни и не прошли черезъ Гозіеръ-лэнъ въ Гольборнъ.

— Теперь, малецъ, сказалъ грубо Сайксъ, взглянувъ на часы у церкви Сентъ-Андрю.—Ровно семь. Вы должны идти хорошенько. Идите, не отставайте. Лѣнтяй!

М-ръ Сайксъ подкрѣпилъ эти слова, сильно рванувъ руку своего маленькаго спутника, и Оливеръ, ускоривъ свой шагъ въ нѣчто среднее между скорой походкой и бѣгомъ, поспѣвалъ за быстрыми шагами разбойника такъ скоро, какъ могъ.

Они шли тою же скорой походкой, пока не обогнули уголъ Гайдъ-Парка и не вышли на дорогу въ Кенсингтонъ, гдѣ Сайксъ сбавилъ свой шагъ, пока не нагнала ихъ пустая телѣжка, ѣхавшая не вдалекѣ позади нихъ, и увидѣвъ что на ней было написано Гаунслоу, онъ просилъ извощика, самымъ вѣжливымъ тономъ, какой онъ могъ принять, не согласится ли онъ подвести ихъ до Эйльворта.

— Садитесь, сказалъ извощикъ.—Это вашъ мальчикъ?

— Да, это мой мальчикъ, отвѣчалъ Сайксъ, пристально смотря на Оливера и машинально опуская руку въ карманъ, гдѣ лежалъ пистолетъ.

— Вашъ отецъ ходитъ слишкомъ скоро для васъ, не такъ ли, молодецъ мой, спросилъ извощикъ, видя что Оливеръ совершенно задыхался.

— Нисколько, перебилъ Сайксъ.—Онъ къ этому привыкъ. Берите мою руку, Нэдъ. Садитесь.

Съ этими словами онъ помогъ Оливеру сѣсть въ телегу, а извощикъ, указавъ ему на кучу мѣшковъ, сказалъ, чтобы онъ прилегъ на нихъ и отдохнулъ.

Они проѣзжали мимо многихъ столбовъ отмѣчавшихъ мили, и Оливеръ все болѣе и болѣе удивлялся, куда хочетъ везти его Сайксъ.

Кенсингтонъ, Гэммерсмитъ, Кью-Бриджъ, Брентфордъ были оставлены позади, а они все продолжали ѣхать прямой дорогой, будто только сейчасъ выѣхали изъ дома. Наконецъ, они доѣхали до трактира, подъ вывѣскою „Кареты и Лошади", невдалекѣ отъ котораго перекрещивалась другая дорога. Здѣсь телѣга остановилась.

Сайксъ поспѣшно слѣзъ, все время держа Оливера за руку и, поднявъ его съ телѣги, кинулъ на него свирѣпый взглядъ и съ значительнымъ видомъ ударилъ по своему боковому карману.

— Прощайте, мальчикъ, сказалъ извощикъ.

— Онъ надувшись, отвѣчалъ Сайксъ, встряхнувъ Оливера. — Онъ надувшись, щенокъ. Не обращайте на него вниманія.

— О, нѣтъ, не буду, отвѣчалъ извощикъ, снова садясь въ телѣгу. — Славная погода сегодня. И съ этими словами онъ уѣхалъ.

Сайксъ подождалъ, пока извощикъ не скрылся изъ вида, и сказавъ Оливеру, что тотъ теперь можетъ искать его, если хочетъ, снова потащилъ мальчика за собой.

Они свернули налѣво, пройдя немного трактиръ, и послѣ, взявъ дорогу направо, шли по ней долгое время, проходя мимо многихъ большихъ садовъ и домовъ джентльменовъ, находившихся по обѣимъ сторонамъ дороги; они остановились только чтобы выпить немного пива и дошли наконецъ до маленькаго городка, гдѣ на стѣнѣ одного дома Оливеръ увидѣлъ написанное крупными буквами слово „Гемптонъ". Здѣсь они нѣсколько часовъ то ходили, то отдыхали въ поляхъ и, наконецъ, вернулись въ городъ и, пройдя мимо трактира съ вывѣской „Красный левъ", и потомъ небольшое пространство берегомъ рѣки, они дошли до стараго трактира съ слинявшей вывѣской, гдѣ Сайксъ приказалъ подать себѣ обѣдъ около огня на кухнѣ.

Кухня помѣщалась въ старой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ; большая балка шла посерединѣ потолка. Кругомъ очага были расположены скамьи съ высокими спинками; на нихъ сидѣло нѣсколько человѣкъ въ балахонахъ; они пили и курили. Они вовсе не обратили вниманія на Оливера и очень мало на Сайкса; а Сайксъ, съ своей стороны ,столько же на нихъ. Онъ сѣлъ съ своимъ маленькимъ спутникомъ въ уголъ, въ сторонѣ отъ общества.

Они поѣли холоднаго мяса и такъ долго сидѣли на мѣстѣ, что м-ръ Сайксъ успѣлъ выкурить три или четыре трубки, а Оливеръ началъ чувствовать себя вполнѣ убѣжденнымъ, что они не пойдутъ

далѣе. Утомленный скорой ходьбой, невыспавшійся, прозябшій, онъ сначала задремалъ, и наконецъ осиленный усталостью и угорѣвшій отъ табачнаго дыма, крѣпко заснулъ.

Было совсѣмъ темно, когда его разбудилъ толчокъ Сайкса. Проснувшись и сѣвъ на скамью, онъ увидѣлъ, что достойный джентльменъ товарищески бесѣдовалъ съ однимъ земледѣльцемъ надъ кружкой эля.

— Такъ вы отправляетесь въ Нижній Гэллифордъ, не такъ ли? спрашивалъ Сайксъ.

— Да, туда, отвѣчалъ работникъ, который казался на видъ много получше или немного похуже — это какъ кому — отъ выпитаго эля, по крайней мѣрѣ онъ пилъ не лѣниво: — Лошадь моя идетъ налегкѣ, и съ утра шла налегкѣ, да недолго придется ей такъ ходить. Счастье выдалось такое. Славная лошадка.

— Можете ли вы подвести меня съ мальчикомъ по дорогѣ? спросилъ Сайксъ, подвигая эль къ своему новому пріятелю.

— Если вы сейчасъ ѣдете, я могу, отвѣчалъ тотъ, глядя на него изъ-за кружки.—Вы отправляетесь въ Гэллингфордъ?

— Нѣтъ, далѣе, до Шэппертона, отвѣчалъ Сайксъ.

— Ну, я подвезу васъ, пока мнѣ по дорогѣ, отвѣчалъ другой. — Все ли заплачено, Бекки?

— Да, этотъ джентльменъ заплатилъ, отвѣчала служанка.

— Я говорю, сказалъ работникъ съ пьяной важностью: — что это не годится, вы знаете.

— Почему же нѣтъ? возразилъ Сайксъ. — Вы подвезете насъ, почему мнѣ не угостить васъ за то кружкой, другой.

Новый товарищъ задумался надъ этимъ доводомъ съ самымъ глубокомысленнымъ лицомъ и, наконецъ, обдумавъ его, схватилъ Сайкса за руку и объявилъ торжественно, что онъ славный человѣкъ, на что м-ръ Сайксъ отвѣтилъ, что онъ шутитъ; и будь новый товарищъ трезвъ, было бы полное основаніе думать, что онъ такъ и дѣлалъ.

Послѣ обмѣна еще нѣсколькихъ любезностей, они распростились съ пьющей компаніей и ушли. Служанка отобрала кружки и стаканы, замѣтивъ, что они уходили, и стала у дверей съ полными руками смотрѣть какъ они отправлялись въ дорогу.

Лошадь, здоровье которой они усердно пили заочно, стояла

передъ трактиромъ, уже запряженная въ телѣгу. Оливеръ и Сайксъ сѣли безъ дальнѣйшихъ церемоній, а работникъ, промѣшкавъ минуту другую, чтобы похвастать своею лошадью и вызвать хозяина трактира и весь міръ представить подобную лошадь, сѣлъ на свое мѣсто. Тогда онъ попросилъ хозяина трактира провести немного лошадь и отпустить ее на свободу, и какъ скоро это было исполнено, то лошадь сдѣлала очень непріятное употребленіе изъ своей свободы, то задирая голову вверхъ съ самымъ презрительнымъ видомъ, то всовывая ее въ окна пивной; исполнивъ эти продѣлки и продержавшись нѣсколько мгновеній на заднихъ ногахъ, она рванулась вскачь и бойко помчалась изъ города.

Ночь была очень темна. Сырой туманъ поднимался отъ рѣки и болотистаго берега и разстилался надъ пустынными полями. Былъ пронизывающій до костей холодъ, все было кругомъ мрачно, черно. Ни одного слова не было произнесено. Возница задремалъ, а Сайксъ не былъ въ разговорчивомъ расположеніи духа. Оливеръ сидѣлъ прижавшись въ уголъ телѣги, почти одурѣвшій отъ тревоги и ѳжиданія, представляя себѣ страшные призраки въ изсохшихъ деревьяхъ, вѣтви которыхъ мрачно качались, будто дико и фантастично радуясь унынію и мраку.

На церкви въ Сёнбёри пробило семь часовъ, когда они проѣзжали мимо. Въ окнѣ домика перевощика у рѣки виднѣлся огонь, свѣтъ котораго падалъ длинными полосами на дорогу и отъ котораго тѣни темнаго тисоваго дерева и могилъ, осѣняемыхъ имъ, казались еще чернѣе. Слышался глухой шумъ отъ воды невдалекѣ и листья стараго дерева тихо шелестили отъ ночнаго вѣтра. Это казалось музыкой, тихо убаюкивающей сонъ мертвыхъ.

Они проѣхали черезъ Сёнбёри и снова очутились на пустынной дорогѣ. Черезъ двѣ или три мили телѣга остановилась. Сайксъ вышелъ и, взявъ Оливера за руку, снова пошелъ далѣе.

Они не зашли ни въ одинъ домъ въ Шэппертонѣ, какъ надѣялся измученный мальчикъ, но продолжали идти по грязи, во мракѣ, черезъ темные переулки и открытыя пустыя пространства, пока не завидѣли огней городка, находившагося недалеко. Взглянувъ пристально внизъ, Оливеръ увидѣлъ подъ собой воду; они шли къ мосту.

Сайксъ шелъ прямо, пока не дошелъ до самаго моста и тогда

круто свернулъ налѣво къ берегу. „Вода, подумалъ Оливеръ, которому сдѣлалось дурно отъ страха. „Онъ привелъ меня въ это уединенное мѣсто, чтобы убить меня!“

Онъ готовъ былъ броситься на землю и бороться за свою молодую жизнь, но увидѣлъ, что они стояли передъ уединеннымъ, полуразвалившимся домомъ. По обѣимъ сторонамъ обвалившагося крыльца было по окну; наверху былъ еще этажъ; но огня не было видно. Домъ былъ теменъ, штукатурка обвалилась со стѣнъ, казалось онъ былъ необитаемъ.

Сайксъ, по прежнему держа руку Оливера въ своей, тихо подошелъ къ низкому крыльцу и приподнялъ задвижку. Дверь уступила его натиску и оба вошли.

ГЛАВА XXII.

Разбой.

— Галло! закричалъ громкій хриплый голосъ, чуть только они ступили въ сѣни.

— Не дѣлайте шума, сказалъ Сайксъ, задвигая дверь засовомъ.—Посвѣтите, Тоби.

— Ага, товарищъ, вскричалъ тотъ же самый голосъ. — Огня, Барней, огня. Покажите же джентльмену дорогу, Барней, да сначала проснитесь, если найдете удобнымъ.

Говорившій должно быть бросилъ машинку для сниманія сапогъ или что нибудь въ этомъ родѣ въ того, къ кому относились эти слова, чтобы пробудить его отъ сна; потому что сначала послышался стукъ деревяннаго тѣла, съ силой ударившагося о полъ, а затѣмъ невнятное ворчаніе человѣка, говорящаго въ состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ.

— Слышите ли вы? повторилъ тотъ же голосъ.—Биль Сайксъ

въ сѣняхъ, и некому встрѣтить его, какъ требуетъ вѣжливость; а вы тутъ разоспались, какъ будто вы ѣли одинъ опіумъ за обѣдомъ и ужиномъ, и ничего болѣе подкрѣпительнаго. Ну, освѣжились ли вы теперь, или вамъ нуженъ желѣзный подсвѣчникъ, чтобы васъ, какъ слѣдуетъ, разбудить?

Пара ногъ въ стоптанныхъ башмакахъ торопливо прошлепала по голому полу, пока продолжалось это увѣщаніе; изъ двери на правой рукѣ показалась сначала свѣча, а затѣмъ и фигура той особы, которую мы уже прежде описали читателю, какъ страдавшую недостаткомъ говорить въ носъ и исполнявшую должность слуги въ трактирѣ въ Сэффронъ-Гиллѣ.

— Бистеръ Сайксъ! вскричалъ Барней съ искренней или притворной радостью.—Войдите, сэръ, войдите.

— Ну, идите впередъ, сказалъ Сайксъ, выдвигая Оливера впередъ.—Скорѣе, или я оттопчу вамъ пятки.

Проворчавъ проклятіе на медленность мальчика, Сайксъ подталкивалъ Оливера впередъ, и они вошли въ низкую темную комнату, въ которой горѣлъ дымившій огонь; въ ней было два-три стула, столъ, очень старая кушетка, на которой, поднявъ ноги выше головы, лежалъ растянувшись во весь ростъ мужчина, курившій длинную глиняную трубку. На немъ былъ табачнаго цвѣта сюртукъ щегольскаго покроя, съ широкими мѣдными пуговицами, оранжевый шейный платокъ, грубый, яркихъ цвѣтовъ и шалеваго узора, жилетъ и суконные каштановаго цвѣта панталоны. М-ръ Крекитъ,—то былъ онъ, —не обладалъ замѣчательнымъ количествомъ волосъ на головѣ или лицѣ, но то, которое онъ имѣлъ, отличалось красноватымъ оттѣнкомъ и было цѣной мучительной завивки свито въ длинныя кудри въ родѣ винта пробочника, черезъ которыя онъ по временамъ пропускалъ грязнѣйшіе пальцы, украшенные большими дешевыми перстнями. Онъ былъ нѣсколько выше обыкновеннаго роста и, повидимому, слабъ ногами; но это обстоятельство ни мало не ослабляло его восхищенія своими собственными сапогами съ отворотами, которые онъ созерцалъ въ ихъ высокомъ положеніи, съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

— Биль, молодецъ мой, сказала эта особа, оборачивая голову къ двери: — я радъ видѣть васъ. Я даже боялся, что вы отказались отъ дѣла; въ этомъ случаѣ, я бы лично рискнулъ. Галло!

Издавъ это восклицаніе тономъ величайшаго изумленія, когда глаза его остановились на Оливерѣ, м-ръ Тоби Крекитъ привелъ себя въ сидячее положеніе и спросилъ кто это такой.

— Это мальчикъ, только мальчикъ, отвѣчалъ Сайксъ, подвигая стулъ къ огню.

— Одинъ изъ мальчиковъ м-ра Фэгина, вскричалъ Барней съ усмѣшкой.

— Фэгина, эге! вскричалъ Тоби, посмотрѣвъ на Оливера. — Что за неоцѣненный мальчикъ, чтобы обчищать карманы старыхъ леди въ церквахъ. Его рожица—цѣлое состояніе для него.

— Ну, довольно объ этомъ, перебилъ Сайксъ нетерпѣливо и, наклонившись надъ своимъ снова улегшимся пріятелемъ, шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ, которыя заставили м-ра Крекита долго хохотать и удостоить Оливера долгимъ и пристальнымъ взглядомъ изумленія.

— Ну, сказалъ Сайксъ, снова садясь на свое мѣсто. — Если вы дадите намъ чего нибудь поѣсть и попить, пока будемъ ждать здѣсь, то вы вложите въ насъ нѣсколько духа, по крайней мѣрѣ въ меня, во всякомъ случаѣ, а для чего? вы знаете. Садитесь у огня, малецъ, и отдыхайте; вамъ придется еще пройтись съ нами, хоть теперь недалеко.

Оливеръ взглянулъ на Сайкса въ нѣмомъ и робкомъ удивленіи, и пододвинувъ стулъ къ огню, сѣлъ, придерживая обѣими руками разболѣвшуюся голову, не сознавая гдѣ онъ находится, ни что около него происходитъ.

— Вотъ, сказалъ Тоби, когда молодой еврей поставилъ на столъ остатки обѣда и бутылку. — За успѣхъ дѣла. Онъ всталъ, чтобы сдѣлать честь тосту, бережно поставилъ пустую трубку въ уголъ, подошелъ къ столу, налилъ стаканъ водки и выпилъ его. М-ръ Сайксъ сдѣлалъ тоже.

— Выпьемъ за здоровье мальчика, сказалъ Тоби, наливая стаканъ до половины.—Ну; глотайте это, невинность.

— Въ самомъ дѣлѣ, началъ Оливеръ, жалобно смотря въ лицо Тоби:—въ самомъ дѣлѣ, я...

— Ну же, глотайте! повторилъ Тоби.—Неужто вы думаете я не знаю что вамъ полезно. Прикажите ему выпить, Биль.

— Пусть лучше выпьетъ, сказалъ Сайксъ, ударивъ по карману.

Гори мое тѣло, коли съ нимъ не больше хлопотъ, чѣмъ съ цѣлой семьей Даукинсовъ. Пейте, вы, упрямый бѣсенокъ, пейте!

Испуганный угрожающими движеніями обоихъ воровъ, Оливеръ поспѣшно проглотилъ содержимое стакана и немедля закашлялся сильно и продолжительно, что привело въ восхищеніе Тоби Крекита и Барнея и даже вызвало улыбку у угрюмаго м-ра Сайкса.

Покончивъ съ Оливеромъ и утоливъ свой голодъ, (Оливеръ не могъ съѣсть ничего кромѣ корки хлѣба, которую насильно заставили его проглотить) оба вора прилегли на стульяхъ, чтобы вздремнуть немного. Оливеръ остался сидѣть на скамейкѣ у огня, а Барней, завернувшись въ одѣяло, растянулся на полу возлѣ рѣшетки камина.

Они спали, или притворялись что спали, нѣсколько времени; никто не шевельнулся кромѣ Барнея, который раза два вставалъ прибавить угольевъ въ каминъ. Оливеръ впалъ въ тяжелую дремоту, и ему представилось, что онъ блуждалъ одинъ по мрачнымъ переулкамъ, или между могилъ на темномъ кладбищѣ, и то одна то другая сцена изъ его прошлаго проносилась передъ глазами его; онъ пробудился, услышавъ какъ Тоби Крекитъ вскочилъ и объявилъ что половина втораго.

Въ одинъ мигъ и оба товарища его были на ногахъ и всѣ дѣятельно занялись приготовленіями къ походу. Сайксъ и товарищъ его укутали себѣ шею и подбородокъ большими темными шарфами и надѣли верхнее платье, а Барней между тѣмъ, открывъ шкапъ, досталъ множество разныхъ вещей, которыми принялся набивать карманы ихъ.

— Дайте мнѣ пистолеты, Барней, сказалъ Тоби Крекитъ.

— Вотъ они, отвѣчалъ Барней, доставая пару пистолетовъ. — Вы сами зарядили ихъ?

— Все въ порядкѣ, отвѣчалъ Тоби, припрятывая ихъ. — А шпоры?

— Есть, отозвался Сайксъ.

— Крючья, ключи, отвертки, потайные фонари? ничего не забыто? спросилъ Тоби, прикрѣпляя небольшой ломъ къ петлѣ подъ полой сюртука.

— Все въ порядкѣ, отвѣчалъ товарищъ. — Давайте эти куски дерева, Барней, они нужны въ эту пору.

Съ этими словами онъ взялъ толстую дубину изъ рукъ Барнея,

который подавъ такую же Тоби, началъ хлопотать надъ застегиваньемъ воротника Оливера.

— Ну же, и Сайксъ протянулъ руку.

Оливеръ въ состояніи одурѣнія отъ утомительнаго перехода, отъ удушливаго воздуха этой трущобы и водки, которую его заставили выпить, машинально положилъ свою руку въ протянутую руку Сайкса.

— Берите его за другую руку Тоби, сказалъ Сайксъ.—Выгляньте на улицу Барней.

Барней вышелъ за дверь и вернулся объявить, что все было тихо. Оба разбойника вышли, ведя между собой Оливера, а Барней, крѣпко заперевъ двери, снова завернулся въ одѣяло и вскорѣ заснулъ.

Ночь была темна, не видно было ни зги. Туманъ нависъ еще тяжелѣе нежели при началѣ ночи и атмосфера была такъ пропитана сыростью, что хотя и не было дождя, но черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ они вышли, волосы и брови Оливера почти обмерзли отъ полумерзлой влажности, которая носилась въ воздухѣ. Они перешли черезъ мостъ и держали на огни, которые Оливеръ уже прежде видѣлъ. Огни были недалеко и такъ какъ воры, таща Оливера скоро шли, то не замедлили дойти до Чертси.

— Прите черезъ городъ, шепнулъ Сайксъ.—На дорогѣ не попадется ни души въ такую ночь.

Тоби согласился и они поспѣшно прошли по главной улицѣ маленькаго городка, которая въ такой поздній часъ была совершенно безлюдна. Тусклый свѣтъ мѣстами виднѣлся изъ какого нибудь окна спальни и хриплый лай собакъ по временамъ нарушалъ безмолвіе ночи; но на улицѣ не было ни души. Они прошли городокъ, когда церковный колоколъ пробилъ два часа.

Ускоривъ шагъ, они свернули по дорогѣ налѣво. Пройдя около четверти мили, они остановились передъ домомъ, стоявшимъ особнякомъ и обнесеннымъ стѣной, наверхъ которой Тоби, едва остановившись чтобы перевести духъ, влѣзъ въ одно мгновеніе.

— Теперь мальчика, сказалъ Тоби. — Поднимите его, я схвачу его.

И Оливеръ не успѣлъ оглянуться, какъ Сайксъ схватилъ его подъ мышки и черезъ три или четыре секунды и онъ, и Тоби лежали

на травѣ по другую сторону стѣны. Сайксъ немедленно послѣдовалъ за ними осторожно начали красться къ дому.

И только теперь въ первый разъ Оливеръ, близкій къ помѣшательству отъ печали и ужаса, увидѣлъ что взломъ, разбой и, быть можетъ, убійство были цѣлью экспедиціи. Онъ всплеснулъ руками и у него вырвался невольный, заглушенный крикъ ужаса. Туманъ застлалъ ему глаза, холодный потъ выступилъ на лицѣ, покрывшемся пепельной блѣдностью, колѣни его подогнулись и онъ упалъ на колѣни.

— Вставайте, прошепталъ Сайксъ, дрожа отъ бѣшенства и доставая пистолетъ изъ кармана: — вставайте или я разнесу вамъ мозгъ по травѣ.

— О, ради Бога! отпустите меня! вскричалъ Оливеръ:—пустите меня убѣжать и умереть въ полѣ. Я никогда не приду въ Лондонъ, никогда, никогда! О, прошу васъ, сжальтесь надо мной и не заставляйте меня воровать! Ради всѣхъ свѣтлыхъ ангеловъ, которые живутъ на небѣ, не заставляйте меня воровать!

Человѣкъ, къ которому была обращена эта мольба, съ страшнымъ проклятіемъ взвелъ курокъ, но Тоби, выбивъ пистолетъ изъ его руки, зажалъ рукою ротъ мальчика и потащилъ его къ дому.

— Ш-шъ, говорилъ Тоби.—Это здѣсь не годится. Скажите еще слово и я сдѣлаю тоже самое ударомъ по головѣ, который не дѣлаетъ шума, и такъ же вѣренъ и еще благороднѣе. Здѣсь, Биль; отвинчивай ставню. Въ немъ теперь есть духа, сколько нужно, я поручусь. Я видалъ работниковъ и постарѣе его, которые тоже самое продѣлывали, пробывши минуту другую въ темную ночку на холодкѣ.

Сайксъ, призывая ужаснѣйшія проклятія на голову Фэгина, за то что тотъ послалъ Оливера на работу съ ними, сильно, но безъ малѣйшаго шума работалъ ломомъ; послѣ небольшаго затрудненія и съ помощью Тоби, ставень, надъ которымъ онъ работалъ, былъ снятъ съ петель.

Открылось маленькое рѣшетчатое окно на пять съ половиною футовъ вышиною отъ земли, на заднемъ концѣ дома. Оно выходило на прачешную или не большую пивоварню, находившуюся въ концѣ коррилора. Отверстіе было такъ мало, что жители дома, вѣроятно не сочли за нужное защитить его болѣе вѣрными средствами; но оно было настолько велико, что черезъ него могъ пройти мальчикъ та-

кого роста, какъ Оливеръ. Очень короткаго упражненія въ искуствѣ м-ра Сайкса было вполнѣ достаточно на то, чтобы сорвать петли окна и оно тоже было открыто.

— Теперь слушайте, вы, дьяволенокъ, шепнулъ Сайксъ, доставая потайной фонарь изъ кармана и освѣщая лицо Оливера. — Я поставлю васъ туда. Берите этотъ фонарь; поднимитесь потихонько по лѣстницѣ, которая прямо идетъ, до небольшой прихожей передъ дверью съ улицы; отворите ее и впустите насъ.

— Наверху есть засовъ, который ему не достать, перебилъ Тоби.

— Встаньте на одинъ изъ стульевъ прихожей. Тамъ ихъ трое, Биль, и на спинкѣ красивый синій носорогъ и золотыя вилы—гербъ старой леди.

— Молчите, не можете что ли? отвѣчалъ Сайксъ съ угрожающимъ видомъ.—Дверь отъ комнатъ открыта, не такъ ли?

— Открыта, отвѣчалъ Тоби, заглянувъ въ окно. — Потѣха! они всегда оставляютъ ее открытой для того, чтобы собака, для которой тамъ приготовлена постель, могла выходить въ корридоръ, когда ей не спится. Ха, ха! Барней увелъ ее сегодня, теперь чисто!

Хотя м-ръ Крекитъ говорилъ чуть слышнымъ шопотомъ и беззвучно смѣялся, Сайксъ повелительнымъ тономъ приказалъ ему молчать и работать. Тоби повиновался, сначала доставъ свой фонарь и поставивъ его на землю, а потомъ плотно упершись головой въ стѣну пониже окна, а руками въ колѣни, онъ устроилъ ступень изъ своей спины. Едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ Сайксъ влѣзши на него пропустилъ Оливера осторожно ногами впередъ и, не выпуская воротника его изъ рукъ, тихо поставилъ мальчика на полъ корридора.

— Берите этотъ фонарь, сказалъ Сайксъ, заглядывая въ корридоръ.—Вы видите лѣстницу передъ собой.

Оливеръ ни живъ ни мертвъ, прошепталъ задыхаясь: да, и Сайксъ, указавъ ему пистолетнымъ дуломъ на дверь отъ улицы, коротко посовѣтывалъ ему помнить, что онъ будетъ находиться все время подъ выстрѣломъ, и что если онъ отступитъ на минуту, то онъ мертвецъ.

— Это можно сдѣлать въ одну минуту, сказалъ Сайксъ тѣмъ же тихимъ шопотомъ.—Сейчасъ, какъ я отпущу васъ, дѣлайте ваше дѣло. Ш-шъ... Ступайте!

— Что такое? спросилъ Тоби.

Они внимательно прислушались.

— Ничего, сказалъ Сайксъ, опуская воротникъ Оливера.— Ну же.

Въ это короткое время мальчикъ успѣлъ собраться съ мыслями и твердо рѣшился, что если даже онъ умретъ въ этой попыткѣ, сдѣлать послѣднее усиліе, взбѣжать по лѣстницѣ изъ прихожей и поднять весь домъ. Полный этой мыслью, онъ тотчасъ крадучись, двинулся впередъ.

— Назадъ! внезапно закричалъ Сайксъ громкимъ голосомъ.— Назадъ, назадъ!

Испуганный окрикомъ Сайкса, нарушившимъ мертвую тишину дома и послѣдовавшими за нимъ громкими криками, Оливеръ уронилъ фонарь и не зналъ идти ли впередъ, или бѣжать.

Крики повторились, показался свѣтъ, двое полуодѣтыхъ перепуганныхъ мужчинъ наверху лѣстницы мелькнули въ глазахъ Оливера, сверкнулъ огонь, раздался выстрѣлъ, пахнулъ дымъ, послышался гдѣ-то громкій трескъ, но гдѣ Оливеръ, не зналъ... и онъ упалъ навзничь.

Сайксъ исчезъ на одно мгновеніе изъ глазъ Оливера; но скоро опять появился и схватилъ его за воротъ, когда дымъ еще не успѣлъ разсѣяться. Онъ выстрѣлилъ изъ своего пистолета вслѣдъ удалявшимся людямъ, и тащилъ мальчика къ окну.

— Держитесь крѣпче за меня рукой, сказалъ Сайксъ, вытаскивая его изъ окна.—Давайте мнѣ шарфъ. Они попали въ него. Скорѣе! Проклятіе. Какъ онъ исходитъ кровью.

Въ ушахъ Оливера раздавался громкій звонъ колокольчиковъ, смѣшанный съ трескомъ огнестрѣльнаго оружія и громкими криками; потомъ онъ почувствовалъ, что его несутъ быстрыми шагами по неровной дорогѣ. Потомъ шумъ отдавался глуше, въ отдаленіи, смертельный холодъ охватилъ его тѣло и онъ болѣе ничего не слышалъ и не видѣлъ.

ГЛАВА XXIII.

Излагающая сущность пріятнаго разговора между м-ромъ Бемблемъ и одной леди и показывающая, что даже парохіальный сторожъ можетъ быть уязвилъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Ночь была рѣзко холодна. Снѣгъ лежалъ на землѣ толстой смерзнувшейся корой. Рѣзкій вѣтеръ, завывавшій все сильнѣе и сильнѣе могъ подхватывать только снѣгъ, который сгребли кучами по угламъ домовъ и тратить свою крѣпчавшую ярость надъ этой единственной добычей, которая представлялась ему; онъ разносилъ снѣгъ во множествѣ крутившихся столбовъ, которые разсыпались въ воздухѣ. Рѣзкій леденящій холодъ ночи пронизывалъ до костей. Въ такую ночь люди пріютившіеся въ теплыхъ домахъ, люди сытно поѣвшіе собираются около огня и благодарятъ Бога, за то что они дома; а безпріютные, голодающіе ложатся на землю и умираютъ. Много истомленныхъ голодомъ отверженныхъ въ такую ночь навсегда смыкаютъ глаза свои на голой улицѣ и, каковы бы ни были преступленія ихъ, они не могли бы открыть глаза свои въ болѣе страшномъ мірѣ.

Таково было положеніе дѣлъ на улицѣ, когда м-съ Корней, матрона рабочаго дома, въ который уже читатели были введены, какъ въ мѣсто рожденія Оливера Твиста, сидѣла передъ веселымъ огнемъ въ своей маленькой комнаткѣ и съ немалымъ удовольствіемъ смотрѣла на небольшой круглый столъ, на которомъ стоялъ подносъ соотвѣтствующаго размѣра, покрытый всѣми необходимыми принадлежностями для самаго аппетитнаго завтрака, какимъ только могла усладить себя матрона. М-съ Корней собиралась подкрѣпить себя чашкой чаю, но когда она взглянула со стола на очагъ, гдѣ самый крохотный изъ котелковъ напѣвалъ крохотную пѣсенку, крохотнымъ бульканьемъ, то ея внутреннее довольство возросло еще болѣе, такъ сильно, наконецъ, что м-съ Корней улыбнулась.

— Да, сказала матрона, опираясь локтемъ на столъ и смотря задумчиво на огонь:—это вѣрно, мы всѣ должны быть очень благодарны за все, очень благодарны. Если бы только всѣ понимали это. Ахъ!

М-съ Корней уныло покачала головой, какъ бы оплакивая, умственное ослѣпленіе нищихъ рабочаго дома, которые этого не понимали, и опустивъ чайную ложечку, (частную собственность) въ глубину жестяной чайной коробки въ двѣ унціи, занялась приготовленіями къ чаю.

Какая пустая вещь можетъ разрушить спокойствіе нашего нетвердаго ума! Черный чайникъ, надъ которымъ м-съ Корней предавалась поучительнымъ размышленіямъ, былъ очень малъ и скоро закипѣлъ черезъ край, и вода слегка обожгла руки м-съ Корней.

— Лопни этотъ чайникъ, сказала достойная матрона, поставивъ его поспѣшно на очагъ:—маленькая дурацкая вещь, въ которой только двѣ чашки, кому она годится? кромѣ... вздохнула м-съ Корней и остановилась:—кромѣ какъ такому несчастному одинокому созданію, какъ я. О, милый!

Съ этими словами матрона упала на стулъ, и снова опершись локтями на столъ, начала размышлять о своей одинокой долѣ. Маленькій чайникъ и одинокая чайная чашка пробудили въ умѣ м-съ Корней горестныя воспоминанія о м-рѣ Корней, который умеръ не болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, и она совершенно упала духомъ.

— У меня никогда не будетъ другаго! сказала м-съ Корней раздражительно: — у меня никогда не будетъ другаго... такого какъ онъ.

Относилось ли послѣднее замѣчаніе къ мужу или къ чайнику — неизвѣстно. Очень можетъ быть, что и къ послѣднему, потому что, произнося эти слова, м-съ Корней глядѣла на него и тотчасъ сняла его съ канфорки. Она только что попробовала первую чашку, какъ ее обезпокоилъ легкій стукъ въ дверь.

— Да, войдите же, отвѣчала рѣзко м-съ Корней. — Кто нибудь изъ старухъ умираетъ, я думаю. Онѣ всегда умираютъ чуть сядешь за столъ, не стойте же въ дверяхъ, напустите холоднаго воздуха. Ну что случилось еще?

— Ничего, м-съ Корней, ничего, отвѣчалъ мужскій голосъ.

— Вотъ какъ? вскричала матрона, несравненно болѣе любезнымъ тономъ:—это м-ръ Бёмбль!

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, который оставался долго за дверью, чтобы начисто вытереть башмаки и стряхнуть снѣгъ съ своего плаща, и теперь вошелъ держа треугольную шляпу въ одной рукѣ и какой-то свертокъ въ другой. — Желаете ли вы чтобы я заперъ дверь?

Леди скромно колебалась нѣсколько минутъ, опасаясь что свиданіе съ м-ромъ Бёмблемъ при закрытыхъ дверяхъ можетъ быть неприлично. М-ръ Бёмбль воспользовался ея колебаніемъ и такъ какъ самъ очень прозябъ, то онъ заперъ дверь, не дожидаясь позволенія.

— Тяжелая погода, м-ръ Бёмбль, сказала матрона.

— Дѣйствительно тяжелая, м-съ Корней, отвѣчалъ приходскій сторожъ: — самая антипарохіальная погода, м-съ Корней. Мы раздали, м-съ Корней, мы раздали около двадцати двухфунтовыхъ хлѣбовъ и полтора круга сыра въ сегоднишній благословенный вечеръ; а эти нищіе еще недовольны.

— Разумѣется, нѣтъ; когда же они бываютъ довольны, м-ръ Бёмбль? сказала матрона, прихлебывая чай.

— Когда, истинно, когда! подтвердилъ м-ръ Бёмбль. — Представьте: одинъ человѣкъ, (принявъ во вниманіе его жену и большую семью), получилъ двухфунтовой хлѣбъ и добрый фунтъ сыру полнымъ вѣсомъ. И вы думаете онъ благодаренъ за то, м-съ Корней, вы думаете, онъ благодаренъ? Ни на мѣдный фартингъ. И что же онъ сдѣлалъ, м-съ Корней? Онъ сталъ просить немного угля, хоть бы столько, сколько увяжется въ носовой платокъ, говоритъ. Угля! На что ему уголь? Что на немъ поджарить хлѣбъ съ сыромъ, а завтра придти просить еще. Вотъ какъ всегда эти люди, м-съ Корней. Дайте имъ сегодня полный передникъ угля и они завтра придутъ просить еще, съ мѣдными лбами, какъ алебастръ.

Матрона выразила свое полнѣйшее пониманіе этого сравненія и приходскій сторожъ продолжалъ:

— Я никогда, изрекалъ м-ръ Бёмбль:—не видалъ такой высокой точки степени, до которой это дошло. Третьяго дня одинъ человѣкъ,—вы были замужней женщиной, м-съ Корней, и потому я могу объ этомъ упомянуть при васъ, — человѣкъ, у котораго спина едва прикрыта лохмотьями (здѣсь м-съ Корней опустила глаза въ полъ)

пришелъ къ нашему смотрителю, когда у него обѣдали гости, и сказалъ, что ему нужна помощь, м-съ Корней. Такъ какъ онъ не хотѣлъ уйти и очень скандализировалъ все общество, смотритель выслалъ ему фунтъ картофелю и полпинты *) овсяной муки. „Боже мой, сказалъ неблагодарный негодяй, что мнѣ пользы въ этомъ? Вы бы все равно мнѣ дали пару желѣзныхъ очковъ“, „Хорошо сказалъ смотритель, взявъ все обратно, вы ничего не получите болѣе.“ „Такъ я умру на улицѣ!“ сказалъ бродяга. „О нѣтъ, вы не умрете“, сказалъ нашъ смотритель.

— Ха, ха! Вотъ хорошо! это такъ похоже на м-ра Грэнната, не правда ли? перебила матрона:—Что-жъ дальше, м-ръ Бѣмбль.

— И что же, м-съ Корней, продолжалъ приходскій сторожъ:— Онъ ушелъ и взялъ да и умеръ на улицѣ. Вотъ вамъ упрямый нищій.

— Это превосходитъ все, что я могла ожидать, сказала матрона торжественно.—Но не думаете ли вы, что помощь внѣ дома очень дурное средство во всѣхъ отношеніяхъ, м-ръ Бѣмбль? Вы опытный джентльменъ, и должны знать. Скажите.

— М-съ Корней, сказалъ приходскій сторожъ, улыбаясь, какъ улыбаются люди, сознающіе превосходство своихъ свѣдѣній:—помощь внѣ дома, м-съ Корней, если ее устроить какъ слѣдуетъ, м-съ Корней, есть парохіальная охрана. Великій принципъ помощи внѣ дома есть тотъ, чтобы давать нищимъ именно то, что имъ ненужно, и тогда имъ надоѣстъ приходить за помощью.

— Вотъ какъ! вскричала м-съ Корней. — Прекрасно! это хорошій принципъ.

— Да. Между нами, м-съ Корней, продожалъ м-ръ Бѣмбль: — это великій принципъ, и вотъ почему: если вы просмотрите о какихъ случаяхъ писали въ этихъ дерзновенныхъ газетахъ, то вы неизмѣнно увидите что тамъ говорится о тѣхъ, когда больныя семейства получали въ пособіе ломтики сыру. Это теперь сдѣлалось общимъ правиломъ, м-съ Корней, въ цѣлой странѣ. Однако, прибавилъ приходскій сторожъ, наклоняясь развязать свертокъ: — это официальныя тайны, м-съ Корней, и о нихъ не слѣдуетъ говорить ни съ кѣмъ,

*) Пинта, мѣра жидкости, равняется 0,462 кружки.

кромѣ какъ съ парохіальными чиновниками, я могу сказать, какъ мы съ вами. Вотъ вамъ портвейнъ, м-съ Корней, который комитетъ выписалъ для лазарета, настоящій, свѣжій, неподмѣшанный портвейнъ, только что сегодня вечеромъ розлитъ изъ боченка, чистъ какъ слеза и нѣтъ осадка.

Поднеся первую бутылку къ огню и потряся ее, чтобы показать превосходное качество вина, м-ръ Бёмбль поставилъ обѣ принесенныя бутылки на комодъ, сложилъ платокъ, въ которомъ онѣ были завернуты, бережно положилъ его въ карманъ и взялъ шляпу, собираясь уйдти.

— Вы сдѣлали очень холодную прогулку, м-ръ Бёмбль, сказала матрона.

— Сильный вѣтеръ, м-съ Корней, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль поднимая воротникъ плаща:—вѣтеръ просто срѣжетъ уши совсѣмъ прочь.

Матрона перевела глаза отъ маленькаго котелка на приходскаго сторожа, направлявшагося къ двери, и когда приходскій сторожъ предварительно откашлянулся, чтобы пожелать ей спокойной ночи, она застѣнчиво спросила: не желаетъ ли онъ выпить чашку чая?...

М-ръ Бёмбль немедля отвернулъ внизъ воротникъ, положилъ шляпу и палку на стулъ и придвинулъ себѣ другой къ столу. Когда онъ медленно усѣлся, онъ посмотрѣлъ на леди. Она пристально смотрѣла на маленькій чайникъ. М-ръ Бёмбль снова кашлянулъ и слегка улыбнулся.

М-съ Корней встала чтобы принести другую чашку съ блюдечкомъ изъ шкапа. Когда она сѣла, глаза ея снова встрѣтились съ глазами любезнаго приходскаго сторожа; она покраснѣла и занялась прилежно приготовленіями къ чаю. М-ръ Бёмбль опять кашлянулъ, на этотъ разъ громче чѣмъ прежде.

— Сладко? м-ръ Бёмбль? спросила матрона, взявъ сахарницу.

— Очень сладко, дѣйствительно, м-съ Корней, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль. Онъ пристально глядѣлъ на м-съ Корней, говоря эти слова, и если когда либо приходскій сторожъ могъ нѣжно смотрѣть, то м-ръ Бёмбль въ эту минуту былъ этимъ сторожемъ.

Чай былъ налитъ и поданъ въ молчаніи. М-ръ Бёмбль разостлавъ платокъ на колѣняхъ, чтобы падающія крошки не помрачили чистоту его короткихъ панталонъ, началъ ѣсть и пить, разнообразя эт кры ятіемъ тѣмъ, что по временамъ испускалъ глубокій вздохъ,

который однако, не имѣлъ вреднаго дѣйствія на аппетитъ его, но напротивъ, казалось, облегчалъ его дѣятельность по отношенію къ чаю и тостамъ.

— У васъ есть кошка, м-съ Корней? я вижу, сказалъ м-ръ Бёмбль, смотря на кошку, которая окруженная своимъ семействомъ, грѣлась у огня: — И котята тоже. Вотъ какъ!

— О, я такъ люблю ихъ, м-ръ Бёмбль, вы не можете представить себѣ, отвѣчала матрона: — Они такъ веселы, такъ рѣзвы, и такъ забавны, что они для меня развлеченіе.

— Очень милыя животныя, м-съ Корней, отвѣчалъ одобрительно м-ръ Бёмбль. — Это домашнія животныя.

— О да! подтвердила матрона съ восторгомъ. — Они такъ любятъ домъ, что просто радость посмотрѣть. Право!

— М-съ Корней, произнесъ м-ръ Бёмбль медленно и отбивая каждый слогъ ложечкой по чашкѣ: — Я хочу сказать, м-съ Корней, что какія бы то ни были кошка или котенокъ, которые бы жили съ вами, м-съ Корней, и не любили свой домъ, были бы ослами, м-съ Корней.

— О, м-ръ Бёмбль, возразила м-съ Корней.

— Что пользы скрывать фактъ? сказалъ м-ръ Бёмбль, медленно размахивая ложечкой съ достоинствомъ влюбленнаго человѣка, дѣлавшимъ это движеніе вдвойнѣ выразительнымъ: — Я съ удовольствіемъ самъ утопилъ бы такую кошку или котенка.

— Такъ вы безжалостный человѣкъ, съ живостью возразила матрона, протягивая руку за чашкой приходскаго сторожа: — и сверхъ того у васъ есть жестокое сердце.

— Жестокое сердце, м-съ Корней, сказалъ м-ръ Бёмбль: — едва ли?

М-ръ Бёмбль, не произнеся ни слова болѣе, отдалъ свою чашку, пожалъ мизинецъ м-съ Корней, когда она принимала ее, нанесъ два удара ладонью своему выложенному галуномъ жилету, испустилъ сильнѣйшій вздохъ и немного отодвинулъ свой стулъ отъ огня.

Столъ былъ круглый, и такъ какъ м-съ Корней и м-ръ Бёмбль сидѣли недалеко другъ отъ друга, противъ огня, то очевидно, что м-ръ Бёмбль, отодвигаясь отъ огня и оставаясь у стола, увеличивалъ разстояніе между собой и м-съ Корней, и многіе благоразумные читатели несомнѣнно будутъ расположены удивляться такому поступку

*

м-ра Бёмбля и считать его великимъ геройствомъ со стороны м-ра Бёмбля, потому что время, мѣсто и удобство — все искушало его нашептывать тѣ нѣжные пустячки, которые, какъ они ни приличествуютъ устамъ легкомысленныхъ и безпечныхъ неизмѣримо ниже достоинства судей родной страны, членовъ парламента, министровъ государства, лордовъ, меровъ и прочихъ великихъ общественныхъ властей, но въ особенности ниже важности и величія приходскаго сторожа, который, какъ-то хорошо извѣстно, долженъ быть наисуровѣйшимъ и наинепреклоннѣйшимъ между всѣми ними.

Каковы бы ни были намѣренія м-ра Бёмбля, — а они, безъ сомнѣнія, были изъ наилучшихъ, — каковы бы они ни были, но къ несчастію случилось, о чемъ было уже два раза упомянуто, что столъ былъ круглый; слѣдовательно м-ръ Бёмбль, подвигая свой стулъ понемного, вскорѣ началъ уменьшать разстояніе, между собой и матроной и, продолжая свое кругостольное путешествіе, наконецъ, придвинулъ свой стулъ къ тому, на которомъ сидѣла матрона. И дѣйствительно, оба стула прикоснулись одинъ къ другому, и когда это случилось, м-ръ Бёмбль остановился.

Теперь, еслибы матрона подвинула свой стулъ направо, она бы обожглась объ огонь; если налѣво — она бы очутилась на рукахъ у м-ра Бёмбля, и такъ какъ она была скромная матрона и, безъ сомнѣнія, предвидѣла эти послѣдствія съ перваго взгляда, она осталась сидѣть тамъ, гдѣ сидѣла, и подала м-ру Бёмблю новую чашку чаю.

— У меня жестокое сердце, м-съ Корней? спросилъ еще разъ м-ръ Бёмбль, мѣшая чай и смотря прямо въ лицо матроны. — А у васъ жестокое сердце, м-съ Корней?

— Ахъ, что это! вскричала матрона: — что за странный вопросъ со стороны холостаго человѣка. Къ чему вамъ это знать, м-ръ Бёмбль?

Приходскій сторожъ выпилъ чай до послѣдней капли, доѣлъ кусокъ тоста, стряхнулъ крошки съ колѣнъ, вытеръ губы и обдуманно поцѣловалъ матрону.

— М-ръ Бёмбль! остановила его скромная матрона шопотомъ, потому что испугъ ея былъ такъ великъ, что она потеряла голосъ. — М-ръ Бёмбль, я закричу.

М-ръ Бёмбль не отвѣчалъ ни слова, но медленно и съ достоинствомъ обвилъ рукою станъ матроны.

Такъ какъ леди заявила о своемъ намѣреніи кричать, то она, разумѣется, и закричала бы при этой новой смѣлости; но крикъ оказался безполезнымъ, потому что въ эту минуту раздался торопливый стукъ въ дверь. М-ръ Бёмбль, услыхавъ его, кинулся съ необыкновенной прыткостью къ своимъ бутылкамъ и принялся стирать съ нихъ пыль съ необычайнымъ рвеніемъ, въ то время, какъ матрона рѣзко спросила: кто тамъ? Слѣдуетъ замѣтить любопытное физическое явленіе: какъ дѣйствіе внезапности вызываетъ послѣдствія совершенно противуположныя страху, — въ голосъ м-съ Корней вернулась обычная офиціальная рѣзкость.

— Пожалуйста, мистрисъ, говорила дряхлая старая нищая, отвратительно безобразная, выставивъ свою голову изъ дверей: — старая Селли совсѣмъ помираетъ.

— Ну, такъ мнѣ что за дѣло? сердито спросила матрона.—Я не могу же удержать ее въ живыхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мистрисъ, отвѣчала старуха:—и никто не можетъ. Ей ничто не поможетъ. Я видѣла какъ много людей помирали: и грудныя ребята и взрослые сильные люди, и я хорошо знаю когда смерть приходитъ. Но у ней безпокойно на сердцѣ, и когда съ нею нѣтъ припадка, — а это очень рѣдко случается, потому что она скоро помираетъ,—она говоритъ, что у ней есть что-то на сердцѣ, что она должна вамъ сказать. Она не умретъ спокойно, пока вы не придете, мистрисъ.

При этомъ извѣстіи достойная м-съ Корней проворчала множество разнообразныхъ ругательствъ старымъ женщинамъ, которыя не могли умереть не обезпокоивъ людей получше ихъ, и, завернувшись въ толстую шаль, которую она на-скоро схватила, и въ немногихъ словахъ попросивъ м-ра Бёмбля подождать ея возвращенія, на случай, что понадобится кому нибудь что нибудь особенное, а посланной приказавъ идти какъ можно скорѣе и не ковылять всю ночь по лѣстницѣ, послѣдовала за ней съ величайшей неохотой и всю дорогу бранилась.

Поведеніе м-ра Бёмбля, когда онъ остался одинъ, было необъяснимо. Онъ открылъ шкапчикъ, пересчиталъ чайныя ложечки, взвѣсилъ щипцы для сахара на рукѣ, внимательно осмотрѣлъ серебря-

ный молочникъ, чтобы освидѣтельствовать чистаго ли онъ серебра и, удовлетворивъ своему любопытству по этимъ пунктамъ, надѣлъ свою треугольную шляпу углами накось и съ большой важностью протанцовалъ четыре раза кругомъ стола. Исполнивъ такое необычайное упражненіе, онъ снялъ свою треугольную шляпу и, развалившись на стулъ передъ каминомъ спиной къ огню, углубился въ умственный и самый подробный инвентарь мебели.

ГЛАВА XXIV.

Повѣствуетъ объ очень жалкомъ предметѣ, но за то она коротка и, какъ окажется, имѣетъ важное значеніе для исторіи Оливера.

Посланная, нарушившая мирную бесѣду въ комнатѣ матроны, была самой приличной вѣстницей смерти. Все тѣло ея было согбено отъ лѣтъ, члены ея дрожали отъ паралича, а лицо ея было искажено перекосившимся, вѣчно бормотавшимъ что-то ртомъ; оно походило скорѣе на чудовищно каррикатурный рисунокъ дико-фантастическаго карандаша, нежели на созданіе рукъ природы.

Увы! какъ немногія лица остаются такими же, какими вышли изъ рукъ природы, чтобы радовать насъ своей красотой! Заботы, печали, жадныя стремленія измѣняютъ ихъ, какъ измѣняютъ и сердца, и только когда страсти уснутъ и утратятъ навѣки свою власть надъ человѣкомъ, выраженіе ихъ исчезаетъ, какъ исчезаютъ съ неба темныя облака, оставляя лазурь его чистой. Обыкновенно черты лица мертвыхъ, даже совершенно застывши и вытянувшись, принимаютъ давно забытое выраженіе спящаго дѣтства и закоченѣютъ въ томъ самомъ выраженіи, которое они имѣли въ первые годы жизни; они становятся снова такъ же спокойными, такъ же безмятежными, что тѣ, которые знали ихъ въ дни ихъ счастливаго дѣтства, преклоняютъ съ благоговѣніемъ колѣна, думая видѣть ангела на землѣ.

Старуха брела шатаясь по корридорамъ и лѣстницамъ, бормоча невнятные отвѣты на брань своей спутницы, и наконецъ, была принуждена остановиться, чтобы перевести духъ; она передала ей свѣчу и осталась назади, чтобы послѣдовать какъ позволятъ силы, и болѣе проворная начальница прошла въ комнату, гдѣ лежала больная.

То была комната на чердакѣ; тусклая свѣча горѣла въ дальнемъ углу и освѣщала голыя стѣны. Другая старуха сидѣла у кровати и ученикъ приходскаго аптекаря стоялъ у огня, дѣлая зубочистку изъ гусинаго пера.

— Холодная ночь, м-съ Корней, сказалъ этотъ молодой джентльменъ, когда матрона вошла.

— Очень холодная, дѣйствительно, сэръ, отвѣчала надзирательница самымъ вѣжливымъ голосомъ и дѣлая книксенъ при входѣ.

— Вамъ бы нужно брать у поставщика лучшій сортъ угля, сказалъ аптекарскій ученикъ, отбивая ржавой кочергой кусокъ угля наверху огня: — этотъ сортъ никуда не годится въ холодную ночь.

— Комитетъ выбралъ уголь, сэръ, отвѣчала матрона. — По крайней мѣрѣ уголь этотъ долженъ согрѣвать намъ теплыя мѣстечки, потому мѣста наши очень трудныя.

Здѣсь разговоръ былъ прерванъ стономъ больной женщины.

— А, сказалъ молодой человѣкъ, оборачиваясь къ кровати и только теперь вспомнивъ о паціенткѣ:—съ ней все покончено, м-съ Корней.

— Неужели такъ, сэръ? спросила матрона.

— Я буду очень удивленъ, если она протянетъ часа два, отвѣчалъ аптекарскій ученикъ, усердно занимаясь обтачиваньемъ острія зубочистки.—Это совершенное разрушеніе организма. Что она дремлетъ, старая леди?

Сидѣлка наклонилась надъ кроватью, чтобы удостовѣриться въ этомъ, и отвѣчала утвердительно.

— Такъ, можетъ быть, она такъ и умретъ, если вы не будете шумѣть, сказалъ молодой человѣкъ. — Поставьте свѣчу на полъ, ей не будетъ такъ видно.

Сидѣлка исполнила требуемое, покачивая головой, чтобы показать, что женщина не можетъ такъ легко умереть; потомъ она сѣла возлѣ другой сидѣлки, посланной за м-съ Корней и вернувшейся

только теперь. Надзирательница, съ выраженіемъ нетерпѣнія, завернулась въ шаль и сѣла въ ногахъ кровати.

Аптекарскій ученикъ, окончивъ изготовленія зубочистки, всталъ противъ огня и занимаясь надлежащимъ употребленіемъ ея въ продолженіи добрыхъ десяти минутъ и тогда, соскучившись, онъ пожелалъ м-съ Корней полнаго удовольствія отъ ея дѣла и вышелъ на цыпочкахъ.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ молчаніи обѣ старухи, встали и, присѣвъ на корточкахъ передъ огнемъ, начали грѣть свои высохшія руки. Пламя бросало страшный свѣтъ на сморщенныя лица ихъ и безобразіе ихъ казалось чудовищнымъ. Онѣ заговорили шопотомъ, оставаясь въ томъ же положеніи.

— Что еще говорила она, Анни дорогая, когда я ушла? спросила старуха, ходившая за м-съ Корней.

— Ни одного слова, отвѣчала другая. — Она обирала все и щипала себѣ руки нѣсколько времени; но я придержала ей руки и она скоро перестала. Въ ней вовсе нѣтъ силы и мнѣ легко было держать ее и успокоить. А я еще довольно сильная старуха, хоть я и на приходской пищѣ; да, да!

— Выпила ли она горячее вино, которое приказалъ ей дать? спросила первая.

— Я старалась пропустить ей въ горло, отвѣчала другая: — но зубы ея были стиснуты и она такъ ухватила ими кружку, что я едва могла отнять ее прочь. Тогда я выпила вино, и оно сдѣлало мнѣ пользу.

Осторожно оглянувшись, не слыхала ли ихъ надзирательница, обѣ старухи еще ниже пригнулись къ огню и захохотали отъ души.

— Я помню то время, сказала первая: — когда она сама сдѣлала бы то же самое и послѣ похохотала бы этому отъ души.

— Да, она бы такъ и сдѣлала, вторила другая.—У ней былъ веселый нравъ. И сколько красавицъ покойницъ убирала она, такихъ красивыхъ и чистыхъ, какъ восковыя куклы. Мои глаза видѣли ихъ, да, и эти старыя руки тоже трогали ихъ; потому что я ей помогала сотни разъ.

Говоря эти слова, старуха вытянула свои дрожащіе пальцы и съ восхищеніемъ потрясала ими передъ лицомъ, потомъ, порывшись въ карманѣ, достала старую выцвѣтшую жестяную табакерку и вы-

сыпала изъ нее нѣсколько крупинокъ на протянутую ладонь своей подруги, и еще нѣсколько на свою собственную. Пока онѣ занимались этимъ, матрона, нетерпѣливо ожидавшая той минуты, когда умирающая женщина выйдетъ изъ забытья, подошла къ нимъ и сердито спросила, долго ли ей еще придется ждать.

— Не долго, мистрисъ, не долго, отвѣчала одна изъ старухъ, взглянувъ въ лицо умирающей.—Намъ всѣмъ не долго придется ждать смерти. Терпѣніе, терпѣніе, она скоро придетъ сюда за всѣми нами.

— Молчите, вы, выжившая изъ ума идіотка, сказала злобно матрона. — Вы, Марта, скажите мнѣ: бывала ли она прежде въ такомъ состояніи?

— Часто, отвѣчала Марта.

— Но она никогда болѣе не будетъ снова въ такомъ состояніи, прибавила другая старуха: — то есть она выйдетъ изъ него всего на одинъ разъ, и помните мои слова, мистрисъ, это скоро будетъ.

— Скоро ли долго ли, огрызнулась матрона: — она не найдетъ меня болѣе здѣсь, когда придетъ въ себя; и берегитесь вы обѣ, если вы въ другой разъ потревожите меня изъ пустяковъ. Это не моя обязанность смотрѣть, какъ всѣ старухи въ этомъ домѣ умираютъ, и я не буду, вотъ и все. Помните это дерзкія, старыя вѣдьмы. Если вы еще разъ вздумаете такъ дурачить меня, я васъ вылечу отъ этой замашки, ручаюсь вамъ.

Она рванулась къ двери, но крикъ обѣихъ женщинъ, обернувшихся къ постели, заставилъ ее оглянуться. Больная поднялась на постели и протягивала къ нимъ руки.

— Кто это? спросила она глухимъ голосомъ.

— Ш-шъ, ш-шъ, уговаривала ее одна изъ женщинъ, наклоняясь надъ ней.—Ложитесь, лягьте!

— Я не лягу болѣе живой, проговорила женщина, отбиваясь отъ рукъ ея. — Я хочу сказать ей... Подите сюда, ближе. Дайте, я шепну вамъ на ухо.

Она схватила матрону за руку, и посадивъ ее на стулъ возлѣ кровати, хотѣла говорить, но обернувшись увидѣла обѣихъ старухъ, наклонившихся подслушивать съ жаднымъ любопытствомъ.

— Прогоните ихъ прочь, сказала она слабо:—скорѣе, скорѣе.

Обѣ старухи въ голосъ начали причитать жалобнымъ голосомъ, что бѣдняжка теперь такъ плоха, забывается и не узнаетъ своихъ лучшихъ друзей, и повторять утѣшительныя увѣренія, что онѣ никогда не оставятъ ее, но начальница вытолкала ихъ изъ комнаты, заперла дверь и вернулась къ постели умирающей. Очутившись въ изгнаніи, обѣ старыя леди перемѣнили тонъ и принялись въ замочную скважину кричать, что Сэлли пьяна, и, дѣйствительно, въ томъ ничего не могло быть невѣроятнаго, потому что въ прибавку къ достаточному пріему опіума, прописанному аптекаремъ, она находилась и подъ дѣйствіемъ послѣдняго пріема джина съ водой, который въ простотѣ души ей дали проглотить достойныя старыя леди, тайкомъ отъ начальства.

— Теперь, слушайте меня, говорила умирающая громко, и дѣлая неимовѣрное усиліе раздуть послѣднія искры энергіи. — Въ этой самой комнатѣ, около этой самой кровати, я ходила за хорошенькимъ молодымъ созданіемъ, которое принесли въ домъ съ израненными и натертыми отъ ходьбы ногами, покрытыми пылью и кровью. Она родила мальчика и умерла. Дайте подумать... въ какомъ это было году.

— Все равно въ какомъ году, перебила нетерпѣливая слушательница. — Ну, что объ ней?

— Да, прошептала умирающая: — Что объ ней? что такое? Я знаю! вскричала она дико привскочивъ на постелѣ; лицо ея вспыхнулъ и глаза, казалось, готовы были выскочить изъ впадинъ: — Я обокрала ее, вотъ что я сдѣлала! Она еще не похолодѣла... я говорю вамъ, она еще не похолодѣла, какъ я это украла.

— Украла, что? говорите ради Бога! вскричала матрона, сдѣлавъ движеніе будто хотѣла звать на помощь.

— Это, отвѣчала умирающая, положивъ руку на ротъ надзирательницы. — Единственную вещь, которая была у ней. У ней не было теплой одежды согрѣть тѣло, ей нечего было ѣсть, но она сберегла эту вещь и носила на груди. Это было золото, говорю вамъ, дорогое золото! Оно могло бы спасти ей жизнь.

— Золото! эхомъ отозвалась матрона, жадно наклонившись надъ женщиной, которая упала навзничь. — Говорите, далѣе что? Кто была мать? когда это было?

— Она поручила мнѣ беречь это, отвѣчала женщина со стономъ: — она повѣрила мнѣ, потому что я одна изъ женщинъ была при ней, я украла это въ сердцѣ моемъ, когда она мнѣ въ первый разъ показала это у себя на шеѣ; и смерть ребенка сверхъ того на мнѣ. Съ нимъ бы лучше обращались, еслибы знали обо всемъ.

— Знали о чемъ? спросила матрона.—Говорите.

— Мальчикъ выросъ такимъ похожимъ на мать, продолжала женщина въ бреду и не слыша вопроса: — Я всегда вспоминала объ этомъ когда видѣла его лицо. Бѣдная дѣвушка, бѣдная дѣвушка! Какъ она была молода, такая кроткая овечка... Подождите, у меня есть еще что сказать... Я еще не все сказала вамъ... сказаза ли я?...

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала матрона, наклоняя голову чтобы не проронить словъ умирающей, которыя слышались все слабѣе и слабѣе. — Скорѣе, будетъ поздно.

— Мать, сказала женщина, сдѣлавъ новое усиліе еще болѣе сильное: — мать, когда муки смерти нашли на нее, прошептала мнѣ на ухо, что если ребенокъ ея родится живымъ и будетъ жить, то придетъ день, когда онъ не будетъ очень стыдиться имени своей бѣдной молодой матери. И, о, Боже мой! сказала она, сложивъ исхудалыя руки: мальчикъ ли это будетъ или дѣвочка, найдите ему друзей въ этомъ несчастномъ мірѣ и сжальтесь надъ покинутымъ бѣднымъ ребенкомъ.

— Имя мальчика? спросила матрона.

— Его назвали Оливеромъ, отвѣчала женщина угасавшимъ голосомъ.—Золотая вещь, которую я украла, была...

— Да, да, что такое? вскричала матрона.

Она снова жадно наклонилась надъ женщиной, чтобы выслушать отвѣтъ ея, но невольно отклонилась назадъ, когда та еще разъ медленно и съ трудомъ приподнялась, сѣла и, схвативъ одѣяло обѣими руками прошептала какіе-то невнятные звуки, замершіе въ ея горлѣ, и упала безъ дыханія на постель.

— Умерла, сказала одна изъ старухъ, поспѣшно ковыляя въ комнату, какъ только матрона отперла дверь.

— Не стоило и говорить, сказала матрона, уходя съ беззаботнымъ видомъ домой.

Обѣ старухи, повидимому, такъ хлопотливо занялись приготовленіями къ своимъ страшнымъ обязанностямъ, что не могли отвѣтить ей ни слова, и вскорѣ остались однѣ наклонившись надъ тѣломъ.

ГЛАВА XXV.

Въ которой повѣствованіе возвращается къ м-ру Фэгину.

Въ то время какъ эти событія происходили въ приходскомъ рабочемъ домѣ, м-ръ Фэгинъ сидѣлъ въ своемъ прежнемъ логовищѣ, томъ самомъ, откуда Ненси увела Оливера. Онъ сидѣлъ пригнувшись надъ слабымъ дымнымъ огнемъ. На колѣняхъ у него лежали мѣха, которыми онъ только что старался раздуть жалкій огонекъ въ веселое пламя; но не достигнувъ цѣли, онъ глубоко задумался и, сложивъ руки надъ мѣхами и подперевъ подбородокъ большими пальцами, уставился безсознательно глазами въ ржавыя перекладины камина.

За столомъ позади него, сидѣлъ искусный лукавецъ, иначе м-ръ Даукинсъ, м-ръ Чарлей Бэтсъ и м-ръ Читлингъ, всѣ трое занятые игрою въ вистъ. М-ръ Даукинсъ игралъ съ болваномъ противъ м-ра Бэтса и м-ра Читлинга. Выраженіе лица перваго джентльмена всегда отличавшееся необыкновенной смышленостью, отличалось ею еще болѣе въ эту минуту, вслѣдствіе внимательной игры и еще болѣе внимательнаго осмотра картъ м-ра Читлинга, на которыя онъ по временамъ, когда обстоятельства тому благопріятствовали, бросалъ многосторонніе и наблюдательные взгляды, мудро соображая собственную игру съ своими наблюденіями надъ картами своего сосѣда. Такъ какъ ночь была очень холодна, то лукавецъ былъ въ шляпѣ, которую онъ имѣлъ привычку носить иногда въ комнатѣ. Онъ тоже держалъ глиняную трубку въ зубахъ, которую вынималъ только на тѣ короткіе промежутки времени, когда находилъ необходимымъ, при-

ложиться для освѣженія къ кружкѣ объемомъ въ кварту, стоявшей на столѣ и наполненной джиномъ съ водой для угощенія общества.

М-ръ Бэтсъ тоже внимательно слѣдилъ за игрой, но такъ какъ онъ обладалъ натурой несравненно болѣе легко возбуждаемой, нежели его талантливаго друга, то было замѣчено, что онъ несравненно чаще прикладывался къ джину и водѣ и сверхъ того позволялъ себѣ многія шутки и замѣчанія, совершенно не относившіяся къ дѣлу и въ высшей степени неумѣстныя въ робберѣ, разыгрываемомъ по всѣмъ правиламъ игры. И дѣйствительно, лукавецъ, по праву ихъ короткой дружбы, нѣсколько разъ уже воспользовался удобнымъ случаемъ серьезно замѣтить пріятелю неприличіе подобнаго поведенія, и м-ръ Бэтсъ принялъ эти замѣчанія въ хорошую сторону, только пожелавъ своему другу, чтобы его взорвало, или чтобъ голова его попала въ мѣшокъ, разнообразя эти пожеланія ловко подобранными остротами того же рода, удачное примѣненіе которыхъ возбудило значительное удивленіе въ умѣ м-ра Читлинга. Всего замѣчательнѣе было то, что послѣдній джентльменъ и партнеръ его неизмѣнно проигрывали и что обстоятельство это вмѣсто того, чтобы сердить м-ра Бэтса, доставляло ему величайшее удовольствіе, потому что онъ хохоталъ во все горло въ концѣ каждой сдачи и завѣрялъ, что онъ отродясь еще никогда не видывалъ такой веселой игры.

— Это составитъ двѣ партіи, да за робберъ, сказалъ м-ръ Читлингъ, съ вытянутымъ лицомъ, доставая полкроны изъ кармана жилета.—Я никогда не видалъ такого молодца, какъ вы Джекъ, вы постоянно въ выигрышѣ. Даже когда у насъ хорошія карты, Чарлей и я ничего изъ нихъ не умѣемъ сдѣлать.

Содержаніе ли этого замѣчанія, или унылый тонъ, какимъ оно было сдѣлано, привело Чарлей Бэтса въ такой восторгъ, что послѣдовавшій затѣмъ взрывъ хохота пробудилъ еврея отъ его размышленій и заставилъ его спросить объ чемъ такъ смѣются?

— Объ чемъ, Фэгинъ? вскричалъ Чарлей:—Жаль что вы не видѣли игры. Томми Читлингъ не выигралъ ни одной партіи, а я игралъ съ нимъ противъ лукавца и болвана.

— Да, да, сказалъ еврей съ усмѣшкой, очень ясно показывавшей, что онъ не затруднялся понять причину выигрыша.—Еще разъ попытайте счастье съ ними, Томъ, попытайте еще разъ.

— Нѣтъ, довольно, благодарю васъ, Фэгинъ, отвѣчалъ м-ръ

Читлингъ. — Больше не буду. Этому лукавцу везло такое счастье, что противъ него невозможно играть.

— Ха, ха! дорогой мой, отвѣчалъ еврей: — нужно очень рано поутру встать тому, кто захочетъ обыграть лукавца.

— Рано поутру! сказалъ Чарлей Бэтсъ:—Нѣтъ вы должны надѣть сапоги съ ночи наканунѣ и держать по телескопу у каждаго глаза и бинокль между плечами, если вы хотите осилить его.

М-ръ Даукинсъ принималъ эти лестные комплименты съ невозмутимостью философа и предложилъ побить каждаго джентльмена на первой фигурѣ, по шиллингу за карту. Но такъ какъ никто не принялъ его вызова и трубка его была уже выкурена, то онъ для развлеченія началъ чертить на столѣ мѣломъ, служившимъ вмѣсто фишекъ, планъ Ньюгэта, насвистывая въ продолженіе этого занятія съ особенной рѣзкостью.

—- Какъ вы скучны, на рѣдкость, Томми, сказалъ Даукинсъ, переставая свистѣть, и замѣтивъ, что между прочими членами общества царило долгое молчаніе. Онъ обращался къ Читлингу.—Какъ вы думаете, Фэгинъ, о чемъ онъ думаетъ.

— Какъ могу я знать, дорогой мой, отвѣчалъ еврей, оглянувшись, и въ то же время усердно работая мѣхами. — Можетъ быть о своемъ проигрышѣ, или о своемъ непродолжительномъ уединеніи въ деревнѣ, изъ которой онъ недавно пріѣхалъ, э? ха, ха, ха! Не такъ ли, дорогой мой.

— А я скажу, отвѣчалъ юный м-ръ Бэтсъ, ухмыляясь: — что онъ что-то очень сладко поглядывалъ на Бэтти. Смотри, какъ онъ краснѣетъ! О, глаза мои, глаза. Есть отъ чего всѣмъ померетъ со смѣха. Томми Читлингъ влюбленъ! О, Фэгинъ, Фэгинъ! Что за потѣха!

И совершенно осиленный потѣшной мыслью о томъ, что м-ръ Читлингъ жертва нѣжной страсти, м-ръ Бэтсъ откинулся назадъ на стулъ, и съ такимъ размахомъ, что потерялъ равновѣсіе и свалился на полъ, гдѣ, такъ какъ это приключеніе нисколько не умалило его веселья, онъ растянулся во весь ростъ и лежалъ, пока не прекратился порывъ смѣха; тогда онъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто и предался вторичному порыву.

— Не обращайте вниманія на него, дорогой мой, сказалъ еврей, подмигнувъ м-ру Даукинсу и давъ м-ру Бэтсу легонькій толчокъ

кончикомъ мѣховъ:—Бетси славная дѣвушка. Держитесь ее, Томъ, держитесь ее.

— А я хочу сказать, Фэгинъ, отвѣчалъ м-ръ Читлингъ, багровѣя отъ досады: — что до этого никому нѣтъ никакого дѣла.

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ еврей: — Чарлей любитъ болтать вздоръ. Нечего смотрѣть на него, дорогой мой, нечего смотрѣть на него. Бетси славная дѣвушка. Дѣлайте то, чему она васъ будетъ учить, Томъ, и вы наживете себѣ состояніе.

— Я и такъ дѣлаю то, чему она меня учитъ, отвѣчалъ м-ръ Читлингъ. — Меня бы не услали на мельницу, еслибы я не послушался ея совѣта. Но это вышла очень выгодная штука для васъ, Фэгинъ, не правда ли? Да и что значитъ шесть недѣль мельницы? Рано ли, поздно ли, а все туда попадешь; а зимой лучше, когда человѣку не такъ хочется выходить со двора, такъ, Фэгинъ?

— О, разумѣется, дорогой мой, отвѣчалъ Фэгинъ.

— И вы готовы еще разъ высидѣть, Томми, для того, чтобы оправить Бэтти, спросилъ Даукинсъ, подмигивая Чарлей и еврею:— не правда ли?

— Я говорю, что готовъ, отвѣчалъ Томъ задорно:—вотъ еще чтобъ я не былъ готовъ, кто скажетъ это про меня, хотѣлъ бы я знать, э, Фэгинъ?

— Никто, дорогой мой, отвѣчалъ еврей:— ни одна живая душа, Томъ. Я не знаю никого, кто бы могъ сдѣлать это, кромѣ васъ; ни одного человѣка, дорогой мой.

— Я бы вышелъ чистымъ, еслибы выдалъ ее, не вышелъ бы развѣ, Фэгинъ? сердито продолжалъ обманутый и осмѣянный бѣднякъ.—Одного моего слова было бы довольно, не такъ ли, Фэгинъ?

— Разумѣется, довольно бы было, дорогой мой, отвѣчалъ еврей.

— Но я не выболталъ это слово, не такъ ли, Фэгинъ? спросилъ Томъ, сыпля вопросъ за вопросомъ съ величайшей быстротой.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, отвѣчалъ еврей:—вы были слишкомъ мужественны для этого, ужъ черезъ-чуръ мужественны.

— Можетъ быть я и былъ, отвѣчалъ Томъ, оглянувшись на всѣхъ:—а если я и былъ, то надъ чѣмъ же тутъ смѣяться, Фэгинъ?

Еврей, замѣтивъ, что м-ръ Читлингъ былъ сильно раздраженъ, поспѣшилъ увѣрить его, что никто не думалъ смѣяться, и, чтобы доказать серьезное отношеніе общества къ м-ру Читлингу, обратился

къ м-ру Бэтсу, главному виновнику. Къ несчастью, Чарлей, открывая ротъ, чтобы сказать, что онъ никогда не былъ такъ серьезенъ во всю свою жизнь, не могъ удержать такого неистоваго взрыва хохота, что оскорбленный м-ръ Читлингъ, безъ всякихъ предварительныхъ церемоній, рванулся черезъ всю комнату и нацѣлилъ ударъ кулакомъ на оскорбителя; но послѣдній, отличавшійся особенной способностью къ увертыванью отъ нападеній, нырнулъ внизъ подъ его рукой и выбралъ такъ кстати минуту нырнуть, что ударъ попалъ въ грудь веселаго стараго джентльмена и заставилъ его, шатаясь, прислониться къ стѣнѣ, у которой онъ простоялъ нѣсколько минутъ, стараясь перевести духъ, въ то время какъ м-ръ Читлингъ смотрѣлъ въ безграничномъ ужасѣ и прискорбіи.

— Ш-шъ, окрикнулъ Даукинсъ въ эту минуту.— Я слышалъ звонокъ, и, взявъ свѣчу, онъ тихонько покрался вверхъ по лѣстницѣ.

Колокольчикъ звенѣлъ нетерпѣливо, пока все общество оставалось въ потьмахъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, Даукинсъ снова появился и таинственно шепнулъ что-то Фэгину.

— Какъ! вскричалъ Фэгинъ:—одинъ?

Даукинсъ утвердительно кивнулъ головой и, заслонивъ пламя свѣчи одной рукой, сдѣлалъ Чарлей Бэтсу дружеское и безмолвное предостереженіе, что теперь лучше не быть такимъ потѣшнымъ. Исполнивъ эту дружескую обязанность, онъ уставился глазами на еврея, ожидая его приказаній.

Старикъ кусалъ себѣ желтые пальцы и обдумывалъ нѣсколько минутъ. Лицо его передергивалось отъ волненія, какъ будто онъ опасался чего нибудь и страшился услышать самое худшее. Наконецъ, онъ поднялъ голову и спросилъ:—Гдѣ онъ?

Даукинсъ указалъ на верхній этажъ и мимикой показалъ, что собирается уйти.

— Да, отвѣчалъ еврей на нѣмой вопросъ:—приведите его сюда. Ш-шъ. Смирно, Чарлей, тише, Томъ. Вонъ. Вонъ отсюда!

Это краткое приказаніе Чарлей Бэтсу и недавнему противнику его было въ тишинѣ и быстротѣ приведено въ исполненіе. Ни одинъ звукъ не выдавалъ куда скрылись оба, когда Даукинсъ спустился съ лѣстницы, неся свѣчу и въ сопровожденіи мужчины въ парусинномъ балахонѣ, который, окинувъ быстрымъ взглядомъ всю комнату, сорвалъ широкій шарфъ, скрывавшій нижнюю часть лица его и от-

крылъ искаженныя, свирѣпыя, немытыя и небритыя черты щеголя Тоби Крекита.

— Какъ ваше здоровье, Фэгинъ? сказалъ достойный джентльменъ, кивая головой еврею. — Суньте шарфъ въ мою шляпу, Даукинсъ, да такъ, чтобы я зналъ, гдѣ найти ее, когда буду удирать; теперь на то пришла настоящая пора. Вы будете славнымъ ночнымъ воромъ для этого стараго хитреца.

Съ этими словами онъ снялъ свой балахонъ и, обернувъ его около средней части туловища, пододвинулъ стулъ къ огню и положилъ ноги на канфорку.

— Смотрите сюда, Фэгинъ, сказалъ онъ, неутѣшно показывая на свои сапоги съ отворотами: — ни одной капли издѣлія Дэя и Мартина; ни одной капельки ваксы, клянусь... Да не смотрите же на меня такъ, Фэгинъ. Все въ свое время. Я не могу говорить о дѣлѣ, пока не поѣмъ и не напьюсь, и дайте мнѣ спокойно напитать и напоить себя въ первый разъ въ продолженіе трехъ дней.

Еврей знакомъ приказалъ Даукинсу поставить все, что было съѣстнаго, на столъ и, сѣвъ противъ разбойника, дожидался когда онъ захочетъ говорить.

Судя по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, Тоби вовсе не спѣшилъ начать разговоръ. Сначала еврей удовольствовался терпѣливымъ разсматриваньемъ лица его, въ надеждѣ найти въ выраженіи его какое нибудь указаніе на содержаніе тѣхъ вѣстей, которыя тотъ принесъ, и напрасно, Читлингъ казался усталымъ и изнуреннымъ, но въ чертахъ лица его было одно привычное выраженіе самодовольнаго спокойствія и, не смотря на грязную одежду, небритую бороду и бакенбарды, на лицѣ его по прежнему сіяла во всемъ блескѣ ея самодовольная усмѣшка щеголя Тоби Крекита. Тогда еврей въ пыткѣ нетерпѣнія началъ слѣдить за каждымъ кускомъ, который тотъ клалъ себѣ въ ротъ, и въ тоже время заходилъ по комнатѣ въ невыразимомъ волненіи. Все было напрасно. Тоби продолжалъ ѣсть съ видомъ полнѣйшаго равнодушія до тѣхъ поръ, пока онъ не могъ пропустить болѣе ни куска, и тогда, приказавъ Даукинсу выйти изъ комнаты, налилъ въ стаканъ водки съ водой и расположился говорить.

— Прежде всего и во-первыхъ, Фэгинъ, сказалъ Тоби.

— Да, да, подхватилъ еврей, подвигая стулъ.

М-ръ Крекитъ остановился, чтобы пропустить глотокъ водки съ

водой и объявить, что джинъ превосходенъ, потомъ, поднявъ ноги на невысокую доску камина, чтобы привести сапоги свои на одинъ уровень съ глазами, спокойно повторилъ:

— Прежде всего и во-первыхъ, Фэгинъ, что съ Билемъ?

— Что? вскричалъ еврей, вскочивъ со стула.

— Какъ, вы хотите сказать, началъ Тоби, поблѣднѣвъ.

— Я хочу сказать! крикнулъ еврей, бѣшено топая ногой:—гдѣ они? Сайксъ и мальчикъ, гдѣ они? Гдѣ были они? Гдѣ скрываются они? Почему они не пришли сюда?

— Дѣло лопнуло, сказалъ Тоби слабымъ голосомъ.

— Я знаю это! вскричалъ еврей, выхватывая газету изъ кармана и указывая Тоби на параграфъ.—Что дальше?

— Они стрѣляли и попали въ мальчика. Мы побѣжали черезъ поля, неся его на спинѣ между нами, все прямо, какъ ворона летаетъ, черезъ рвы и изгороди. За нами гнались. Будь я проклятъ. Вся деревня проснулась, и собаки по пятамъ.

— Мальчикъ?! задыхался еврей.

— Биль несъ его на спинѣ и мчался какъ вѣтеръ. Мы остановились, чтобы снова вмѣстѣ нести его; голова его повисла, и онъ похолодѣлъ. Они гнались за нами по пятамъ. Каждый за себя, и каждый отъ висѣлицы. Живъ ли онъ или мертвъ, вотъ все, что я знаю о немъ.

Еврей не сталъ долѣе слушать; но съ дикимъ храпомъ, запустивъ руки въ волосы, выбѣжалъ изъ комнаты и изъ дома.

ГЛАВА XXVI.

Въ которой на сцену появляется новое лицо и творятся и совершаются многія вещи, необходимыя для хода этой исторіи.

Старикъ могъ нѣсколько опомниться отъ потрясенія, произведеннаго на него вѣстями Тоби, только завернувъ за уголъ улицы.

Но онъ продолжалъ бѣжать съ несвойственной ему быстротой и съ тѣмъ же дикимъ и растеряннымъ видомъ, когда внезапно промчавшаяся карета и громкій крикъ прохожихъ, видѣвшихъ опасность, которой онъ подвергался, заставили его откинуться назадъ на тротуаръ. Избѣгая по возможности большія улицы и, крадучись и шныряя по переулкамъ и проходамъ, онъ наконецъ вышелъ на Сноу-Гилль. Здѣсь онъ пошелъ, если возможно, еще скорѣе прежняго, и не сбавлялъ шага, пока не свернулъ на подворье, гдѣ, какъ бы сознавая, что онъ въ своей стихіи, онъ пошелъ своей обычной, неровной и виляющей походкой, и вздохнулъ свободнѣе.

Близь перекрестка Сноу-Гилля и Гильборнъ-Гилля, на правой рукѣ, если идти изъ города, открывается узкій и мрачный проходъ, ведущій къ Сэффронъ-Гиллю. Въ грязныхъ лавкахъ его выставлены на продажу огромныя связки подержанныхъ шелковыхъ платковъ всѣхъ размѣровъ и узоровъ, потому что здѣсь живутъ купцы, скупающіе ихъ у воровъ. Сотни этихъ платковъ висятъ, качаясь на гвоздяхъ за окнами, или развѣваются на дверяхъ, а полки лавокъ завалены этими платками. Какъ ни тѣсны границы Фильдъ-Лэнъ, въ ней есть свой цирюльникъ, своя кофейная, своя пивная, и своя лавочка жареной рыбы. Фильдъ-Лэнъ — цѣлая торговая колонія, складочное мѣсто добычи мелкаго мошенничества; по утрамъ и при наступленіи сумерекъ въ Фильдъ-Лэнъ ежедневно приходятъ молчаливые купцы, которые торгуютъ въ темныхъ заднихъ комнатахъ и уходятъ такъ же странно, какъ приходятъ. Здѣсь торговецъ старымъ платьемъ, башмаками, и тряпичникъ выставляютъ свои товары, какъ вывѣски для мелкаго вора; и запасы стараго желѣза и костей, и кучи заплесневѣлыхъ лоскутковъ шерстяныхъ матерій и полотна ржавѣютъ гніютъ въ темныхъ погребахъ.

Сюда свернулъ еврей. Онъ хорошо былъ знакомъ желтоблѣднымъ обитателямъ этого переулка — таковы были лица людей, которые шныряли взадъ и впередъ, высматривая что купить или продать и пріятельски кивая ему, когда проходили мимо него. Онъ тѣмъ же отвѣчалъ на привѣтствія ихъ, но не показывалъ желанія вступить съ ними въ переговоры и, только дойдя до дальняго конца прохода, остановился поговорить съ купцомъ очень маленькаго роста, который втиснулъ въ дѣтское кресло столько своей особы, сколько кресло могло вмѣстить и курилъ трубку у дверей своей лавки.

*

— О, взглядъ на васъ, м-ръ Фэгинъ, вылечитъ воспаленіе глазъ, сказалъ почтенный торговецъ, въ благодарность за вопросъ еврея о здоровьи.

— Здѣсь въ сосѣдствѣ было немного жарко, Ляйвели, сказалъ Фэгинъ, подпимая брови и скрещивая руки на плечахъ.

— Да, я слышалъ, что раза два жаловались на это, отвѣчалъ торговецъ:—но такъ же скоро и поостынетъ. Развѣ вы не находите что такъ?

Фэгинъ утвердительно кивнулъ головой и, указавъ по направленію Сэффронъ-Гилля, спросилъ: не былъ ли тамъ кто нибудь сегодня вечеромъ?

— Въ трактирѣ Калѣкъ? спросилъ Ляйвели.

Еврей кивнулъ головой.

— Дайте подумать, сказалъ торговецъ, припоминая.—Да туда входило около полудюжины молодцовъ, которыхъ я знаю. Но я думаю, что вашего пріятеля не было.

— Сайкса не было, говорите вы? переспросилъ еврей съ выраженіемъ обманутаго ожиданія.

— Non ist wentus, какъ говорятъ адвокаты, отвѣчалъ маленькій человѣчекъ, качая головой и стараясь показаться очень лукавымъ:—нѣтъ ли у васъ сегодня чего по моей торговлѣ?

— Сегодня ничего, отвѣчалъ еврей, уходя.

— Вы идете въ трактиръ Калѣкъ, Фэгинъ? спросилъ живо маленькій человѣчекъ, окликая его.—Стойте, и я пойду пропустить съ вами капельку.

Но еврей, оглянувшись, сдѣлалъ знакъ рукой, что ему нужно быть одному, и сверхъ того маленькій человѣчекъ не могъ такъ легко высвободиться изъ кресла, то трактиръ подъ вывѣскою Калѣкъ былъ на этотъ разъ лишенъ присутствія м-ра Ляйвели. Когда ему удалось встать на ноги, еврей скрылся изъ вида, и м-ръ Ляйвели, постоявъ совершено напрасно на цыпочкахъ, въ надеждѣ увидѣть еврея, снова втиснулъ свою особу въ дѣтское кресло и, обмѣнявшись кивкомъ головы съ одной леди изъ противоположной лавки, въ которомъ явственно высказывалось подозрѣніе и недовѣріе, снова принялся съ важнымъ видомъ курить свою трубку.

„Трое Калѣкъ“, или проще „Калѣки“ — названіе, подъ которымъ заведеніе это было извѣстно посѣтителямъ своимъ, былъ тотъ

трактиръ, въ которомъ Сайксъ появился на сценѣ съ своей собакой. Сдѣлавъ только знакъ человѣку сидѣвшему за прилавкомъ, Фэгинъ прямо прошелъ по лѣстницѣ вверхъ, отворилъ дверь большой комнаты и, тихонько проскользнувъ въ нее, остановился и, прикрывъ глаза рукой, началъ тревожно оглядываться кругомъ, отыскивая кого-то. Комната была освѣщена двумя газовыми рожками; запертые и задвинутые засовами ставни и плотно сдвинутыя занавѣски, вылинявшаго краснаго цвѣта, не пропускали ни одного луча свѣта на улицу. Потолокъ былъ вычерненъ, чтобы копоть не была замѣтна, и комната была такъ полна густымъ табачнымъ дымомъ, что сначала было невозможно ничего разглядѣть, Мало по малу дымъ нѣсколько вышелъ въ открытую дверь и Фэгинъ могъ различить кучу головъ такъ же смѣшанную неясную, какъ и шумъ голосовъ, который раздался въ его ушахъ. Когда онъ, наконецъ, могъ присмотрѣться къ этой сценѣ, онъ увидѣлъ многочисленное общество мужчинъ и женщинъ, тѣсно сидѣвшихъ вокругъ большаго стола, на верхнемъ концѣ котораго сидѣлъ предсѣдатель съ молоткомъ въ рукѣ, почетномъ знакѣ его обязанностей; въ тоже время джентльменъ, музыкантъ по профессіи съ сизымъ носомъ и повязанной отъ зубной боли щекой, сидѣлъ за разбитымъ фортепіано въ дальнемъ углу.

Когда Фэгинъ тихонько вошелъ въ комнату, джентльменъ по профессіи музыкантъ пробѣгалъ пальцами по клавишамъ для прелюдіи и тѣмъ вызвалъ общій крикъ требовавшій пѣсню; когда крикъ утихъ одна молодая леди начала увеселять компанію балладой въ въ четыре куплета и между каждымъ изъ нихъ аккомпанировавшій джентльменъ игралъ мелодію баллады съ начала до конца, стуча по клавишамъ изо всей силы. Когда это было окончено, предсѣдатель высказалъ свое мнѣніе и послѣ этого джентльмены, по профессіи пѣвцы, сидѣвшіе по правой и по лѣвой рукѣ предсѣдателя, предложили пропѣть дуэтъ и исполнили его, вызвавъ громкое одобреніе.

Было любопытно замѣтить лица выдававшіяся изъ группы головъ: во первыхъ, самъ предсѣдатель, хозяинъ трактира, грубый, неуклюже сложенный съ аляповатыми чертами лица мужчина, который, поводя глазами направо и налѣво, повидимому былъ занятъ только однимъ весельемъ, но въ дѣйствительности глазъ его слѣдилъ за всемъ что происходило, а ухо за всѣмъ что говорилось, и глазъ и ухо его были остры. Сидѣвшіе возлѣ него пѣвцы прини-

мали съ приличнымъ профессіи ихъ равнодушіемъ похвалы общества и усердно выпивали съ дюжину стакановъ водки съ водой, предложенныхъ имъ самыми жаркими поклонниками ихъ, лица которыхъ носившіе печать всевозможныхъ пороковъ и всевозможныхъ ступеней пороковъ, неотразимо приковывали вниманіе именно своимъ отталкивающимъ выраженіемъ. Лукавство, звѣрство и пьянство во всѣхъ степеняхъ его были отличительными чертами, и даже женщины, иныя еще съ оттѣнкомъ первой свѣжести на лицахъ, но до того слабымъ, что онъ, казалось, исчезалъ у васъ на глазахъ; другія, на лицахъ которыхъ послѣдніе слѣды ихъ пола были вытравлены и лежала одна отвратительная печать разврата и преступленія; однѣ почти дѣвочки, другія уже молодыя женщины, но всѣ не переступившія первую пору жизни,—женщины представляли самую мрачную и печальную часть этой безотрадной картины.

Фэгинъ, не смущаемый подобными ощущеніями пристально разглядывалъ одно лицо за другимъ, пока продолжалось пѣніе, но повидимому, не нашелъ того, кого искалъ. Наконецъ, ему удалось поймать взглядъ предсѣдателя; онъ сдѣлалъ ему легкій знакъ и такъ же неслышно проскользнулъ изъ двери, какъ и вошелъ.

— Чѣмъ могу я служить вамъ, м-ръ Фэгинъ? спросилъ предсѣдатель, выйдя за Фэгиномъ на площадку лѣстницы. — Не хотите ли вы пристать къ намъ? Всѣ они до одного будутъ въ восхищеніи.

Еврей нетерпѣливо потрясъ головой и шопотомъ спросилъ: — *Онъ* здѣсь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ.

— И нѣтъ извѣстій о Барней? спросилъ опять Фэгинъ.

— Никакихъ, отвѣчалъ хозяинъ „Калѣкъ". —Онъ не двинется съ мѣста, пока все не затихнетъ. Навѣрно они напали на слѣдъ туда, а если онъ только шевельнется, то все дѣло разомъ взлетитъ на воздухъ. Съ Барней все ладно, иначе я бы ужъ непремѣнно зналъ что съ нимъ. Я ставлю закладъ, что Барней какъ слѣдуетъ обдѣлываетъ дѣло; вы ужъ положитесь на него.

— *Онъ* будетъ здѣсь сегодня вечеромъ? спросилъ еврей, съ тѣмъ же удареніемъ на этомъ словѣ, какъ и въ первый разъ, когда онъ произнесъ его.

— Монксъ хотите вы сказать? спросилъ трактирщикъ нерѣшительно.

— Ш-тъ, сказалъ еврей.—Да.

— Непремѣнно, отвѣчалъ трактирщикъ, доставая изъ кармана жилета золотые часы.—Я ждалъ его еще ранѣе, и если вы подождете еще минутъ десять, то онъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, поспѣшно перебилъ еврей и, казалось, что какъ онъ сильно ни желалъ видѣть человѣка, о которомъ говорили, онъ очень обрадовался узнавъ объ отсутствіи его. — Скажите ему, что я заходилъ повидаться съ нимъ и что онъ долженъ придти ко мнѣ сегодня ночью, нѣтъ, лучше скажите завтра. Такъ какъ его нѣтъ здѣсь, то и завтра еще довольно времени.

— Хорошо, отвѣчалъ трактирщикъ.—И ничего болѣе?

— Ни слова болѣе, отвѣчалъ еврей, спускаясь съ лѣстницы.

— Я говорю, сказалъ хриплымъ шопотомъ трактирщикъ, черезъ перила:—теперь славное время для продажи. У меня теперь Филь Баркеръ и такъ пьянъ, что и мальчикъ можетъ взять его.

— Ага. Но теперь не пришло время Филя Баркера, сказалъ еврей, взглянувъ на верхъ: — Филь долженъ еще сработать намъ одну штуку, прежде чѣмъ намъ можно будетъ обойтись безъ него. Ступайте теперь къ компаніи, дорогой мой, и скажите что они вели развеселую жизнь—пока имъ живется. Ха, ха, ха!

Трактирщикъ вторилъ смѣху старика и потомъ вернулся къ своимъ гостямъ. Какъ только еврей остался одинъ, лицо его приняло прежнее выраженіе тревоги и раздумья. Подумавъ немного, онъ подозвалъ извощичій кабріолетъ и приказалъ вести себя въ Бэтнель-Гринъ; отпустивъ кабріолетъ за четверть мили до жилища м-ра Сайкса, онъ дошелъ остававшійся небольшой конецъ дороги пѣшкомъ.

— Теперь, сказалъ еврей, постучавъ у дверей: — если здѣсь кроются какія нибудь каверзы, я выпытаю все изъ васъ, красавица моя, какъ вы ни хитры.

Женщина, отворившая дверь, сказала что Ненси въ своей комнатѣ. Фэгинъ неслышными шагами прокрался по лѣстницѣ и вошелъ въ комнату, безъ предварительныхъ церемоній. Дѣвушка была одна и сидѣла, положивъ голову на столъ и волосы ея были разметаны по столу.

— Она напилась, сказалъ хладнокровно еврей, или, можетъ быть она только пригорюнилась.

Старикъ обернулся запереть дверь, когда дѣлалъ это замѣчаніе, и шумъ заставилъ дѣвушку придти въ себя. Она пристально вглядѣлась въ его лукавое лицо, спросила нѣтъ ли какихъ новостей и выслушала разсказъ о бѣгствѣ Тоби Крекита. По окончаніи его, она снова упала головой на столъ и не промолвила ни слова; потомъ она съ досадой отодвинула свѣчу и разъ или два, съ лихорадочнымъ раздраженіемъ мѣняя положеніе свое, пошаркала ногами по полу; — это было все.

Въ продолженіе наступившаго молчанія, еврей тревожно оглядывалъ комнату, чтобы убѣдиться, не было ли слѣдовъ тайнаго возвращенія Сайкса; повидимому, удовлетворившись результатомъ своего соглядатайства, онъ раза два, три кашлянулъ и столько же разъ начиналъ заговаривать, но дѣвушка не обращала на него ни малѣйшаго вниманія, какъ будто онъ былъ каменный истуканъ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ новую попытку и, потирая руки, спросилъ сиплымъ дружелюбнымъ тономъ:

— А какъ вы думаете, гдѣ теперь Биль, дорогая моя, э?

Дѣвушка простонала какой-то невнятный отвѣтъ, что она не знаетъ; полузаглушенное всхлипыванье показывало, что она плачетъ.

— И мальчикъ тоже, сказалъ еврей, косясь, чтобы разглядѣть лицо ея. Бѣдное маленькое дитя, брошенное въ канавѣ, Ненсъ, только подумать объ этомъ!

— Дитя, сказала дѣвушка внезапно приподнявшись. — Ему лучше тамъ нежели съ нами; и если только отъ того не будетъ худо Билю, то я надѣюсь, что оно лежитъ мертвымъ въ канавѣ и что молодыя косточки его сгніютъ тамъ.

— Какъ? вскричалъ еврей въ изумленіи.

— Да, я рада этому, продолжала дѣвушка, выдержавъ его взглядъ: — я рада, что онъ у меня съ глазъ долой и что я знаю, что самое злое горе кончилось для него. Я не могу долѣе выносить его около себя. Одинъ взглядъ на него поворачивалъ мое сердце противъ себя самой и васъ всѣхъ.

— П-фа! сказалъ еврей презрительно: — Дѣвушка пьяна.

— А если я пьяна! вскричала горько дѣвушка: — Не ваша вина это, если я не пьяна! Будь на то ваша воля, вы бы все меня пьяной держали, только не теперь. Мое расположеніе духа теперь не нравится вамъ.

— Нѣтъ, яростно возразилъ еврей: — не нравится!

— Такъ перемѣните его, сказала Ненси съ хохотомъ.

— Перемѣнить! закричалъ еврей, доведенный до послѣднихъ границъ бѣшенства неожиданнымъ упрямствомъ дѣвушки и непріятностями этой ночи: — Я перемѣню его. Слушайте меня, вы — тварь! слушайте меня, я шестью словами могу задавить Сайкса также вѣрно, какъ будто я теперь бы держалъ его бычачью шею въ своихъ рукахъ. Если онъ вернется и оставитъ мальчика, если онъ вернется свободнымъ и не вернетъ мнѣ его живаго или мертваго, то сами убейте его своими руками, если вы хотите избавить его отъ Джека Кетча *), и сдѣлайте это въ ту самую минуту, когда нога его ступитъ на порогъ этой комнаты, или, помните, будетъ поздно!

— Но что значитъ все это? невольно вскричала дѣвушка.

— Что это значитъ? продолжалъ Фэгинъ внѣ себя отъ бѣшенства: — То, что этотъ мальчикъ стоитъ мнѣ сотни фунтовъ; неужели я долженъ потерять то, что судьба послала мнѣ, чтобы безопасно жить посреди шашней пьяной шайки, жизнь которой я могу покончить, — стоитъ только мнѣ свиснуть, — и жить вдобавокъ связаннымъ съ дьяволомъ, которому только не хватаетъ воли, а власть есть, чтобы... чтобы...

Старикъ остановился передъ послѣднимъ словомъ потому что задыхался, и этого мгновенія было ему достаточно на то, чтобы сдержать порывъ бѣшенства и измѣнить и выраженіе лица и обращеніе его. За секунду передъ тѣмъ онъ потрясалъ сжатыми кулаками, задыхался, глаза его были широко раскрыты, а лицо побѣлѣвши отъ бѣшенства; теперь онъ съежился на стулѣ и, согнувшись, дрожалъ отъ страха, что выдалъ свое тайное злодѣйство. Послѣ короткаго молчанія, онъ рѣшился взглянуть на Ненси, и казалось, нѣсколько успокоился, увидѣвъ что она сидитъ все въ томъ же полубезсознательномъ положеніи, въ какомъ онъ засталъ ее.

— Ненси, дорогая моя, прокаркалъ еврей, своимъ привычнымъ голосомъ: — Вы слышали меня?

— Не приставайте ко мнѣ теперь, Фэгинъ, отвѣчала дѣвушка, томно поднимая голову. — Если Биль не сдѣлалъ дѣла на этотъ

---

*) Джекъ Кетчъ — прозвище палача.

разъ, онъ сдѣлаетъ въ другой разъ. Онъ много разъ обдѣлывалъ для васъ хорошія дѣла, и обдѣлаетъ еще, если можетъ; а если не можетъ, то и не сдѣлаетъ; такъ и нечего болѣе говорить объ этомъ.

— А что касается мальчика, дорогая моя? спросилъ еврей, въ нервномъ раздраженіи потирая ладони одну о другую.

— Мальчикъ, пусть съ нимъ случится что и съ другими, торопливо перебила Ненси: — и я опять говорю, я надѣюсь, что онъ померъ и теперь избавленъ отъ горя и отъ вашихъ рукъ.... то есть лишь бы Билю не приключилось бѣды; но если Тоби убѣжалъ, то ужъ Биль навѣрно убѣжитъ, потому что онъ стоитъ двоихъ Тоби.

— А то, объ чемъ я еще говорилъ, дорогая моя, замѣтилъ еврей, не сводя съ нея своихъ сверкавшихъ глазъ.

— Вы должны сказать еще разъ, если вы наказывали мнѣ сдѣлать что нибудь, отвѣчала Нси: — и если такъ, то лучше подождите до завтра. Вы меня на минуту протрезвите, а тамъ я опять одурѣю.

Фэгинъ сдѣлалъ ей еще нѣсколько вопросовъ, ловко разсчитанныхъ на то чтобы дознаться, не слышала ли дѣвушка чего нибудь изъ неосторожно вырвавшихся у него словъ; но она отвѣчала на нихъ съ такой готовностью и ничуть не смущаясь его пытливыми взглядами, что онъ совершенно утвердился въ первомъ своемъ предположеніи о томъ,что она была навеселѣ. Ненси. дѣйствительно, была тоже подвержена пороку, общему всѣмъ воспитанницамъ еврея, и въ которомъ онъ ихъ, съ самаго нѣжнаго возраста ихъ, скорѣе поощрялъ, нежели останавливалъ. Ея безпорядочный видъ и чистый отъ всякой примѣси ароматъ джина, наполнявшій комнату были сильнымъ доказательствомъ, подтверждавшимъ справедливость предположенія еврея. Когда же Ненси послѣ скоро прекратившагося припадка раздраженія, уже описаннаго выше, просидѣвъ сначала тоскливо и молча нѣсколько минутъ, а послѣ, подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ чувствъ принялась то плакать, то черезъ минуту въ порывѣ шумной радости восклицать: „не говорите что умрете!“ а затѣмъ погрузилась въ вычисленіе, до какой степени можетъ быть великъ итогъ несогласій и ссоръ, при которомъ леди и джентльменъ еще могутъ быть счастливы вмѣстѣ, то м-ръ Фэгинъ пріобрѣтшій значительную опытность въ продолженіи своей жизни относи-

тельно подобныхъ случаевъ, увидѣлъ къ величайшему своему удовольствію, что она дѣйствительно была очень пьяна.

Съ сердцемъ, облегченнымъ этимъ открытіемъ и сознаніемъ, что онъ достигъ двоякой цѣли своего посѣщенія: передать Ненси то, что узналъ вечеромъ, и увѣриться собственными глазами, что Сайксъ еще не вернулся, м-ръ Фэгинъ направился домой и оставилъ свою молодую пріятельницу заснувшей, положивъ голову на столъ.

Было около полуночи, ночь была темна и холодъ очень рѣзокъ, и потому м-ръ Фэгинъ не чувствовалъ ни малѣйшаго искушенія замѣшкать на улицѣ. Рѣзкій вѣтеръ, который смелъ съ улицъ пыль и грязь, казалось, смелъ съ нихъ и прохожихъ: кое-гдѣ попадались очень немногіе и тѣ, повидимому, спѣшили домой. Вѣтеръ былъ попутный еврею и гналъ его впередъ; а онъ шелъ своей неровной, виляющей походкой, дрожа и стуча зубами при каждомъ новомъ порывѣ, который подхватывалъ его.

Онъ дошелъ до угла своей улицы и уже шарилъ въ карманѣ, ища ключь отъ двери, какъ черная фигура неожиданно выступила изъ подъ навѣса сосѣдняго крыльца, находившагося совершенно въ тѣни, и, перейдя черезъ улицу, незамѣченная подкралась къ еврею.

— Фэгинъ, шепнулъ чей-то голосъ надъ самымъ его ухомъ.

— Ахъ! вскричалъ еврей, быстро обернувшись: — неужели это...

— Да, грубо перебилъ незнакомецъ: — я здѣсь ждалъ два часа цѣлыхъ. Гдѣ же, дьяволъ, вы были все время?

— По вашимъ дѣламъ ходилъ, дорогой мой, отвѣчалъ еврей въ замѣшательствѣ взглянувъ на незнакомца и сбавляя свой шагъ: — по вашимъ дѣламъ ходилъ всю ночь.

— О, разумѣется, отвѣчалъ незнакомецъ съ усмѣшкой. — Хорошо; что же вышло изъ этого?

— Ничего хорошаго, отвѣчалъ еврей.

— И ничего дурнаго, я надѣюсь? сказалъ незнакомецъ, остановившись и, взглянувъ на еврея оторопѣвшимъ взглядомъ.

Еврей покачалъ головой и хотѣлъ уже отвѣчать; но незнакомецъ, перебивъ его, указалъ на домъ, до котораго они теперь дошли, и замѣтилъ, что гораздо лучше, если у него есть что сказать, то сказать это подъ крышей, потому что онъ прозябъ, простоявъ такъ долго на улицѣ, а вѣтеръ продулъ его насквозь.

По лицу Фэгина видно было, что онъ очень охотно избавился бы отъ удовольствія ввести къ себѣ гостя въ такой поздній часъ; онъ пробормоталъ что-то о томъ, что у него нѣтъ огня, но товарищъ его повторилъ свою просьбу повелительнымъ тономъ, и онъ принужденъ былъ отворить дверь и, попросивъ гостя осторожно запереть ее, пока онъ сходитъ за огнемъ.

— Здѣсь темно какъ въ могилѣ, сказалъ незнакомецъ, поднимаясь ощупью на нѣсколько ступенекъ. — Поскорѣе. Я ненавижу потемки.

— Заприте дверь, шепнулъ Фэгинъ съ конца корридора. Не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ послышался громкій стукъ.

— Это не я сдѣлалъ, сказалъ незнакомецъ, ощупывая дорогу. — Вѣтеръ захлопнулъ ее, или сама она такъ захлопнулась, я не знаю; но то или другое все равно. Давайте скорѣе огня, или я вышибу себѣ мозгъ обо что нибудь въ этой проклятой дырѣ.

Фэгинъ, крадучись, спустился по лѣстницѣ на кухню и вскорѣ возвратился съ зажженной свѣчей и съ извѣстіемъ, что Тоби Крекитъ спалъ въ задней комнатѣ внизу, а мальчики въ передней. Сдѣлавъ незнакомцу знакъ послѣдовать за собой, онъ повелъ его наверхъ.

— Мы можемъ и здѣсь сказать то немногое, о чемъ намъ нужно переговорить, дорогой мой, сказалъ еврей, отворяя дверь въ первый этажъ: — въ ставняхъ есть дыры и мы потому никогда не держимъ здѣсь огня, чтобы сосѣди не видали; такъ мы поставимъ свѣчу на лѣстницу, вотъ сюда.

Съ этими словами еврей, наклонившись, поставилъ свѣчу на верхнюю ступеньку лѣстницы противъ двери и ввелъ незнакомца въ комнату, гдѣ не было ни какой другой движимости, кромѣ сломаннаго кресла и старой кушетки, или дивана, безъ обивки, стоявшаго возлѣ дверей. Незнакомецъ растянулся на диванѣ съ видомъ человѣка измученнаго усталостью, а еврей, придвинулъ кресло напротивъ гостя; они сидѣли такъ лицомъ къ лицу. Въ комнатѣ не было совершенно темно, потому что дверь была немного отворена и свѣча съ лѣстницы бросала слабый свѣтъ на противуположную стѣну.

Они говорили нѣсколько времени шопотомъ и хотя ничего нельзя было разслышать кромѣ нѣсколькихъ оторванныхъ словъ повременамъ, но если бы кто подслушивалъ ихъ, то легко бы дога-

дался, что Фэгинъ защищался отъ нѣкоторыхъ упрековъ незнакомца, а что послѣднiй находился въ очень раздраженномъ состоянiи. Они говорили такимъ образомъ съ четверть часа или болѣе, когда Монксъ, (еврей нѣсколько разъ назвалъ этимъ именемъ незнакомца въ продолженiе разговора), сказалъ нѣсколько возвысивъ голосъ.

— Я опять говорю, что это былъ очень дурной планъ. Зачѣмъ вы не оставили его здѣсь съ другими и не сдѣлали изъ него мелкаго ночнаго воришку?

— Только послушайте его! вскричалъ еврей, пожимая плечами.

— Что? вы хотите увѣрить что вы бы не могли сдѣлать это, если бы захотѣли? спросилъ сурово Монксъ: — Развѣ вы не дѣлали того же съ другими мальчиками десятки разъ? Если у васъ хватило терпѣнья на годъ, самое долгое, вы бы могли устроить такъ что его бы осудили и благополучно сослали изъ королевства, можетъ быть, на всю жизнь.

— Кому бы это принесло выгоду, дорогой мой? униженно спросилъ еврей.

— Мнѣ, отвѣчалъ Монксъ.

— Но не мнѣ, отвѣчалъ покорно еврей: — Онъ могъ бы быть мнѣ полезенъ. Когда двѣ стороны заключили договоръ, то справедливо, чтобы соблюдались выгоды обѣихъ сторонъ; не такъ ли, дорогой мой другъ?

— Что-жъ дальше? спросилъ нахмурясь Монксъ.

— Я видѣлъ что не легко выучить его промыслу, отвѣчалъ еврей: — онъ не походилъ на другихъ мальчиковъ при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ.

— Будь онъ проклятъ, нѣтъ, отвѣчалъ Монксъ: — или онъ давно былъ бы воромъ.

— Я не могъ найти въ немъ ничего, за что бы ухватиться, чтобы испортить его, продолжалъ еврей, тревожно слѣдя за выраженiемъ лица товарища: — онъ не поддавался; я не могъ запугать его ничѣмъ, какъ мы всегда должны дѣлать сначала, или наша работа пропадетъ даромъ. Что могъ я сдѣлать другаго? Послать его съ лукавцемъ и Чарлей? но этого было довольно и на одинъ разъ, дорогой мой; тогда я дрожалъ за всѣхъ насъ.

— Я тутъ ни при чемъ, замѣтилъ Монксъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, началъ опять еврей: — и я не

упрекаю васъ, потому что если бы этого не случилось, вы бы никогда не отыскали мальчика, а тутъ вы замѣтили его и это повело къ тому, что вы узнали, что это тотъ самый мальчикъ, котораго вы искали. Хорошо. Я снова захватилъ его въ свои руки, съ помощью той дѣвушки, а тутъ она вздумала вступаться за него.

— Чтобъ дѣвушка издохла! вскричалъ злобно Монксъ.

— Но, дорогой мой, намъ еще невыгодно теперь это устроить, отвѣчалъ еврей, улыбаясь: — и къ тому же такія дѣла не по моей части, или я съ радостью сдѣлалъ бы это на дняхъ. Я знаю каковы эти дѣвушки, Монксъ, очень хорошо знаю. Чуть только мальчикъ начнетъ ожесточаться, она станетъ столько же заботиться объ немъ, какъ объ обрубкѣ дерева. Вы хотите сдѣлать его воромъ: если онъ живъ, я могу это сдѣлать съ этого времени, а если... если... продолжалъ еврей, придвигаясь ближе къ Монксу: — это, замѣтьте, очень невѣроятно, но если случилось самое худшее и онъ умеръ...

— Не моя вина, если онъ умеръ! перебилъ Монксъ съ взглядомъ полнымъ ужаса, схвативъ еврея за руки трепещущими руками.

— Помните это, Фэгинъ, я здѣсь ни при чемъ. Все, кромѣ его смерти, я такъ говорилъ вамъ съ перваго раза. Я не хочу пролить кровь, это всегда открывается, и кромѣ того, какъ призракъ, преслѣдуетъ человѣка. Если его застрѣлили, не я тому причиной. Слышите ли вы меня. Сгори эта дьявольская трущоба!.. Что это!..

— Что? вскричалъ еврей, обхвативъ обѣими руками перепуганнаго Монкса, который вскочилъ съ дикимъ крикомъ. — Гдѣ?

— Тамъ! отвѣчалъ Монксъ, уставившійся расширенными отъ ужаса глазами на противуположную стѣну. — Тѣнь... Я видѣлъ тѣнь женщины въ плащѣ и шляпкѣ, скользнувшую по этой панели какъ призракъ.

Еврей выпустилъ Монкса и оба разомъ кинулись изъ комнаты. Свѣча, отекшая отъ сквознаго вѣтра, стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ они поставили ее, и освѣщала только пустую лѣстницу и ихъ собственныя блѣдныя лица. Они внимательно прислушались, но во всемъ домѣ царило глубокое молчаніе.

— Это ваша фантазія, сказалъ еврей, поднимая свѣчу и оборачиваясь къ своему товарищу.

— Клянусь, что я видѣлъ ее, отвѣчалъ Монксъ, сильно дрожа. —

Она была наклонившись впередъ, когда я увидѣлъ ее, а когда я сказалъ объ ней, она рванулась прочь.

Еврей посмотрѣлъ презрительно на блѣдное лицо своего товарища и, сказавъ ему, что онъ можетъ послѣдовать за тѣнью если желаетъ, повелъ его по лѣстницѣ наверхъ. Они осмотрѣли всѣ комнаты; въ голыхъ стѣнахъ ихъ было по прежнему пусто и холодно. Они спустились въ корридоръ и оттуда въ нижніе погреба. Зеленая плесень выступила на низкихъ стѣнахъ и слѣды улитокъ и слизняковъ блестѣли при огнѣ; но все было тихо какъ смерть.

— Ну что вы думаете теперь? спросилъ еврей, когда они снова вышли въ корридоръ. — Кромѣ меня и Тоби съ мальчиками, въ домѣ нѣтъ живой души, а они крѣпко заперты. Посмотрите.

И въ доказательство еврей досталъ изъ кармана два ключа и объяснилъ, что когда онъ вошелъ въ домъ, то онъ прежде всего спустился внизъ и заперъ всѣхъ, чтобы не дать имъ подслушивать разговоръ.

Это двойное доказательство сильно поколебало м-ра Монкса. Утвержденія его постепенно становились менѣе положительными, помѣрѣ того, какъ они продолжали свой обыскъ, не сдѣлавъ никакого открытія; тогда онъ нѣсколько разъ отрывисто и страшно засмѣялся и сознался, что это было, вѣроятно, дѣйствіе его возбужденнаго воображенія. Однако, онъ отказался возобновить прежній разговоръ въ эту ночь, внезапно вспомнилъ, что теперь уже болѣе часа ночи; и милая парочка разсталась.

ГЛАВА XXVII.

Заглаживаетъ невѣжливость одной изъ предъидущихъ главъ, оставившей одну леди самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Хотя можетъ показаться совершенно неприличнымъ со стороны смиреннаго автора заставить такое могущественное лицо, какъ при-

ходскій сторожъ, дожидаться, стоя спиной къ огню и подобравъ подъ руки полы сюртука, пока автору не угодно будетъ освободить его отъ такого положенія, и хотя сверхъ того еще менѣе прилично званію автора, или согласно съ любезностью его, отнестись съ тѣмъ же невниманіемъ къ леди, на которую приходскій сторожъ смотрѣлъ глазами нѣжности и любви, и въ уши которой онъ нашептывалъ сладкія рѣчи, которыя, исходя изъ такихъ устъ, должны были заставить биться сердце дѣвы или матроны на какой бы то ни было ступени общественной жизни;—но правдивый повѣствователь, чье перо начертываетъ эти слова вполнѣ знаетъ свое мѣсто и питаетъ должное уваженіе къ тѣмъ, на кого возложенъ высокій и важный санъ на землѣ. Онъ только повиновался необходимости и теперь спѣшитъ оказать всѣ знаки уваженія, какихъ требуетъ высокое положеніе ихъ и неизмѣнно вытекающія изъ него—высокія добродѣтели ихъ. Для этой цѣли онъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе вставить сюда диссертацію о божественномъ правѣ приходскихъ сторожей, изъясняющую то положеніе, что приходскій сторожъ не можетъ поступать неправо, которая несомнѣнно была бы пріятна и полезна правомыслящимъ читателямъ, но которую онъ къ несчастью, по недостатку времени и мѣста, принужденъ отложить до болѣе удобныхъ и благопріятныхъ обстоятельствъ. При наступленіи ихъ онъ подготовится доказать читателю, что приходскій сторожъ, законно назначенный, т. е. парохіальный сторожъ, состоящій при парохіальномъ рабочемъ домѣ и присутствующій въ качествѣ офиціальнаго лица при богослуженіи въ парохіальной церкви, по праву своей должности и въ силу того что облеченъ ею, обладаетъ всѣми превосходнѣйшими качествами и совершенствами человѣчества; и что на эти превосходнѣйшія качества и совершенства, не могутъ имѣть ни малѣйшей претензіи ни сторожа при разныхъ обществахъ, ни сторожа при судѣ, ни даже сторожа при домашнихъ капеллахъ, впрочемъ послѣдніе исключаются, но только очень ограниченной и низкой степени.

М-ръ Бёмбль пересчиталъ чайныя ложечки, снова взвѣсилъ на рукѣ щипцы отъ сахара, сдѣлалъ новое еще болѣе тщательное изслѣдованіе чистоты металла молочника и освидѣтельствовалъ съ величайшей точностью состояніе мебели, даже самой волосяной обивки сидѣній у стульевъ. Онъ повторилъ каждый изъ этихъ процессовъ ровно по полудюжины разъ и тогда только началъ думать, что м-съ

Корней пора бы воротиться. Одна мысль порождаетъ другую, и такъ какъ никакой звукъ не обнаруживалъ возвращенія м-съ Корней, то м-ру Бёмблю пришло на умъ, что онъ доставитъ себѣ очень невинный и добродѣтельный способъ провожденія времени, если онъ дастъ дальнѣйшее удовлетвореніе своему любопытству бѣглымъ осмотромъ комода м-съ Корней.

Послушавъ у замочной скважины, чтобы удостовѣриться что никто не шелъ въ комнату, м-ръ Бёмбль, начиная съ самаго дна, освидѣтельствовалъ содержимое въ трехъ длинныхъ ящикахъ, наполненныхъ разнообразными принадлежностями одежды хорошаго фасона и добротныхъ тканей, тщательно сохраняемыми между двумя обложками изъ старыхъ газетъ и посыпанными сухой лавендой, что доставило ему чрезвычайное удовольствіе. Потомъ, въ свое время, дойдя до угловаго ящика направо, въ которомъ былъ оставленъ ключь и увидѣвъ тамъ небольшую шкатулочку съ висячимъ замочкомъ, издавшую, когда м-ръ Бёмбль потрясъ ее, очень пріятный звукъ въ родѣ звона монеты, м-ръ Бёмбль вернулся величественной походкой къ камину и, принявъ свое прежнее положеніе, произнесъ съ важнымъ и рѣшительнымъ видомъ: „Я сдѣлаю это!“ Вслѣдъ за этимъ многозначительнымъ заявленіемъ онъ прокачалъ головой въ продолженіе десяти минутъ очень шаловливымъ образомъ, какъ будто удостовѣряя самого себя въ томъ, что онъ очень пріятный мужчина, а потомъ началъ разсматривать свои ноги въ профиль съ очевиднымъ удовольствіемъ и интересомъ.

Онъ продолжалъ еще заниматься безмятежно эимъ осмотромъ, когда м-съ Корней поспѣшно вошла въ комнату, запыхавшись упала на стулъ у камина и, закрывъ глаза одной рукой, а другую прижавъ къ сердцу, дѣлала усиліе перевести духъ.

— М-съ Корней, сказалъ м-ръ Бёмбль, наклоняясь надъ матроной:—Что такое, м-съ Корней? Что съ вами случилось? прошу васъ отвѣчайте мнѣ; я на... на... м-ръ Бёмбль въ тревогѣ не могъ припомнить поговорку: на желѣзныхъ крючьяхъ“, и потому сказалъ: „на битыхъ бутылкахъ“.

— О, м-ръ Бёмбль! вскричала леди: — Я была такъ страшно смущена.

— Смущена? м-съ Корней! вскричалъ м-ръ Бёмбль:—кто осмѣ-

лился?... Я знаю! произнесъ м-ръ Бёмбль, сдерживая себя съ прирожденнымъ ему величіемъ:—Это вѣрно порочные нищіе.

— Мнѣ страшно объ этомъ подумать, сказала леди, вздрогнувъ.

— Такъ не думайте объ этомъ, сказалъ м-ръ Бёмбль.

— Я не могу, прохныкала леди.

— Такъ примите что нибудь, м-съ Корней, сказалъ успокоивающимъ тономъ м-ръ Бёмбль.—Немного вина.

— Ни за что на свѣтѣ! отвѣчала м-съ Корней. — Я не могу. Охъ! На верхней полкѣ въ правомъ углу, охъ! И съ этими словами достойная леди растерянымъ жестомъ показала на шкапъ и впала въ судороги отъ сильныхъ спазмовъ. М-ръ Бёмбль кинулся къ шкапчику, схвативъ съ полки зеленую стеклянную бутылку объемомъ въ пинту, указанную ему такимъ неяснымъ образомъ, налилъ полную чашку и поднесъ къ губамъ леди.

— Мнѣ лучше теперь, сказала м-съ Корней, откинувшись на спинку стула, когда отпила половину чашки.

М-ръ Бёмбль благоговѣйно возвелъ глаза къ потолку, выражая благодарность и, сведя ихъ на края чашки, поднесъ ее къ носу.

— Перечная мята, объяснила м-съ Корней слабымъ голосомъ, и кротко улыбаясь приходскому сторожу:—отвѣдайте, тамъ положено еще немножко, очень немножко, кое-чего другаго.

М-ръ Бёмбль отвѣдалъ лекарство съ недовѣріемъ, отвѣдалъ еще разъ и поставилъ чашку пустою.

— Это очень подкрѣпляетъ, сказала м-съ Корней.

— Очень подкрѣпляетъ, дѣйствительно, м-съ Корней, подтвердилъ приходскій сторожъ. Говоря это, онъ поставилъ стулъ рядомъ со стуломъ матроны и нѣжно спросилъ, что было причиной ея разстройства.

— Пустяки, отвѣчала м-съ Корней.—Я глупое, впечатлительное, слабое созданіе.

— Не слабое, м-съ Корней, возразилъ м-ръ Бёмбль, придвигая свой стулъ еще ближе.—Развѣ вы слабое созданіе, м-съ Корней?

— Мы всѣ слабыя созданія, сказала м-съ Корней, провозглашая общее правило.

— Да, всѣ мы, произнесъ приходскій сторожъ.

Ни слова болѣе не было произнесено ни съ той, ни съ другой стороны въ продолженіе минуты, другой; по истеченіи этого срока

м-ръ Бёмбль наглядно показалъ истину этого правила тѣмъ, что снявъ лѣвую руку со спинки стула м-съ Корней, гдѣ она все время покоилась, опустилъ ее до завязокъ передника м-съ Корней и сверхъ нихъ обвилъ мало по малу станъ леди.

— Всѣ мы слабыя созданія, произнесъ м-ръ Бёмбль.

М-съ Корней вздохнула.

— Не вздыхайте, м-съ Корней, произнесъ м-ръ Бёмбль.

— Я не могу не вздыхать, вымолвила м-съ Корней и снова вздохнула.

— Это очень удобная комната, м-съ Корней, сказалъ м-ръ Бёмбль, оглядывая комнату кругомъ. — Еслибы къ ней прибавить еще другую, то вышла бы отличная квартира.

— Она была бы слишкомъ велика для одной особы, прошептала леди.

— Но не для двухъ, м-съ Корней, возразилъ м-ръ Бёмбль нѣжнымъ голосомъ.—Э? м-съ Корней.

М-съ Корней опустила голову, когда приходскій сторожъ произнесъ эти слова, а приходскій сторожъ опустилъ свою голову, чтобы заглянуть въ лицо м-съ Корней. М-съ Корней съ величайшей пристойностью отвернула голову и, высвободивъ руку, чтобы достать носовой платокъ, снова нечувствительно положила ее на руку м-ра Бёмбля.

— Комитетъ даетъ вамъ уголь, не правда ли, м-съ Корней? спросилъ приходскій сторожъ, любовно пожимая ей руку.

— И свѣчи, отвѣчала м-съ Корней, слегка отвѣчая на пожатіе.

— Уголь, свѣчи и даровое помѣщеніе, сказалъ м-ръ Бёмбль. — О, м-съ Корней, какой вы ангелъ!

Леди не могла долѣе противиться такому порыву чувства. Она упала въ объятія м-ра Бёмбля, а джентльменъ этотъ, въ волненіи чувства, напечатлѣлъ страстный поцалуй на цѣломудренномъ носу ея.

— Такое парохіальное совершенство! вскричалъ м-ръ Бёмбль въ восторгѣ. — Вы знаете, что м-ру Слоуту стало хуже сегодня вечеромъ, моя очаровательница.

— Да, отвѣчала застѣнчиво м-съ Корней.

— Докторъ говоритъ, что онъ не проживетъ и недѣли, продолжалъ м-ръ Бёмбль.—Онъ смотритель заведенія; смерть его очиститъ

ваканцію; эта ваканція должна быть замѣщена. О, м-съ Корней, какая будущность открывается намъ! Какой благопріятный случай для союза нашихъ сердецъ и нашихъ хозяйствъ!

М-съ Корней зарыдала.

— Одно слово, произнесъ м-ръ Бёмбль, наклонившись надъ робкой красавицей: — одно маленькое, маленькое, маленькое слово, моя благословенная Корней?

— Д... д... да! вздохнула матрона.

— Еще одно, продолжалъ приходскій сторожъ: — совладайте съ вашими дорогими чувствами еще на одинъ разъ. Когда это должно сойти съ рукъ?

М-съ Корней два раза пыталась отвѣтить и оба раза не въ силахъ была промолвить ни слова. Наконецъ, собравшись съ духомъ, обвила руками шею м-ра Бёмбля и сказала, что это можетъ сойти такъ скоро, какъ онъ захочетъ, и что онъ ненаглядный голубчикъ.

Дѣло было порѣшено къ полнѣйшему взаимному удовольствію и договоръ былъ торжественно скрѣпленъ другой полной чашкой снадобья изъ перечной мяты, которая оказалась тѣмъ болѣе необходимой при волненіи и разстройствѣ леди. Когда лекарство было принято, м-съ Корней сообщила м-ру Бёмблю о смерти старухи.

— Очень хорошо, сказалъ м-ръ Бёмбль, прихлебывая снадобье изъ перечной мяты. — Я зайду къ Соуэрбёрри по дорогѣ домой и скажу ему, чтобы завтра прислалъ кого нибудь. Что же такъ испугало васъ, любовь моя?

— О, ничего особеннаго, милый, отвѣчала уклончиво леди.

— Но вѣрно же что нибудь было, любовь моя, упрашивалъ м-ръ Бёмбль: — неужли же вы не скажете вашему Б.?

— Не теперь, возразила леди: — когда нибудь на дняхъ, послѣ того, какъ мы будемъ повѣнчаны, милый.

— Послѣ того, какъ мы будемъ повѣнчаны! вскричалъ м-ръ Бёмбль: — неужли какая нибудь дерзость кого нибудь изъ нищихъ мужскаго пола, какъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, любовь моя, поспѣшно перебила леди.

— Если бы я могъ подумать, что такъ было, продолжалъ м-ръ Бёмбль: — если бы я могъ только подумать, что кто нибудь изъ нихъ осмѣлился поднять свои пошлые глаза на это милое лицо...

— Они бы не осмѣлились это сдѣлать, милый, отвѣчала леди.

— Пусть лучше не осмѣливаются! произнесъ м-ръ Бёмбль, сжимая кулаки. — Я посмотрю какъ какой бы то ни было мужчина парохіальный, или экстрапарохіальный захотѣлъ бы осмѣлиться это сдѣлать, и я поручусь ему, что онъ этого не сдѣлаетъ во второй разъ.

Эти слова, не сопровождаемыя энергическими движеніями, могли бы показаться очень плохимъ комплиментомъ прелестямъ леди, но такъ какъ м-ръ Бёмбль усилилъ угрозу многими воинственными жестами, то леди была глубоко тронута этимъ доказательствомъ его преданности и снова завѣрила его, съ величайшимъ восхищеніемъ, что онъ настоящій голубчикъ.

Тогда голубчикъ отвернулъ вверхъ воротникъ теплаго сюртука, надѣлъ треугольную шляпу и, обмѣнявшись долгимъ и нѣжнымъ объятіемъ съ своей будущей спутницей жизни, ушелъ снова бороться съ холоднымъ ночнымъ вѣтромъ. Онъ только на минуту остановился въ палатѣ мужчинъ нищихъ, чтобы немного выбранить ихъ, съ цѣлью удостовѣриться: способенъ ли онъ исполнить обязанность надзирателя рабочаго дома съ надлежащей суровостью. Удостовѣрившись въ своихъ способностяхъ, м-ръ Бёмбль вышелъ изъ рабочаго дома съ легкимъ сердцемъ и радужными мечтами о своемъ будущемъ повышеніи, которыя занимали его всю дорогу вплоть до лавки гробовщика.

М-ръ и м-съ Соуэрбрёри уѣхали на чай и ужинъ; а такъ какъ Ноэ Клейполь ни въ какое время не чувствовалъ расположенія налагать на себя какую бы то ни было физическую дѣятельность кромѣ той, которая необходима для удобнаго отправленія обѣихъ функцій ѣды и питья, то лавка не была заперта, хотя уже давно прошелъ часъ, въ который она запиралась. М-ръ Бёмбль нѣсколько разъ постучалъ тростью по конторкѣ, но видя что его не услышали, и замѣтивъ свѣтъ въ маленькомъ окнѣ, прорѣзанномъ въ стѣнѣ лавки и выходившемъ на небольшую заднюю комнату, онъ рискнулъ заглянуть въ него, чтобы узнать, что дѣлалось тамъ, и увидѣвъ то что дѣлалось, онъ не мало изумился. За верхнимъ концомъ стола м-ръ Ноэ Клейполь, небрежно развалясь на креслѣ, свѣсилъ ноги черезъ одну изъ ручекъ; въ одной рукѣ онъ держалъ огромнѣйшій ломоть хлѣба съ масломъ, въ другой свой складной ножикъ. Возлѣ него стояла Чарлоттъ, достававшая устрицы изъ боченка, которыя м-ръ Клейполь удостоивалъ проглатывать съ замѣчательной жадностью. Болѣе

нежели обыкновенно яркая краска на носу молодаго джентльмена и постоянное подмигиванье его праваго глаза показывали, что онъ былъ въ легкой степени пьянъ, и эти признаки подтверждались тѣмъ неимовѣрнымъ наслажденіемъ, съ какимъ онъ глоталъ устрицы, потому что только сильная потребность въ прохладительныхъ свойствахъ ихъ въ случаѣ внутренняго жара, могла оправдать это наслажденіе.

— Вотъ прекрасная жирная устрица, Ноэ, милый, говорила Чарлоттъ:—попробуйте, ну же, только одну эту.

— Что за вкусная вещь устрицы! Замѣтилъ м-ръ Клейполь, проглотивъ устрицу: — какъ жаль, что если проглотить ихъ много, то будешь нездоровъ, не такъ ли, Чарлоттъ?

— О, это совершенная жестокость! сказала Чарлоттъ.

— Да, это такъ, подтвердилъ м-ръ Клейполь. — Развѣ вы не любите устрицъ?

— Не очень, отвѣчала Чарлоттъ: — Я лучше люблю смотрѣть какъ вы ѣдите ихъ, Ноэ, дорогой мой, нежели самой ихъ ѣсть.

— Господи! произнесъ въ задумчивости Ноэ: — какъ это странно.

— Возьмите еще другую, упрашивала Чарлоттъ. — Вотъ посмотрите эту съ такой прелестной нѣжной бородкой.

— Я не могу ѣсть болѣе, сказалъ Ноэ:—мнѣ очень жаль. Подите сюда Чарлоттъ, и я поцѣлую васъ.

— Что? произнесъ м-ръ Бёмбль, врываясь въ комнату. — Скажите это опять, сэръ!

Чарлоттъ вскрикнула и закрыла лицо передникомъ; м-ръ Клейполь въ то же время, не измѣняя своего положенія и только спустивъ ноги на полъ, смотрѣлъ на приходскаго сторожа въ пьяномъ ужасѣ.

— Скажите это еще разъ, вы подлый, дерзкій человѣкъ! произнесъ быстро м-ръ Бёмбль:—Какъ смѣете вы упоминать о такой вещи сэръ? А какъ смѣете вы ободрять его, вы безстыдная, распутная, дѣвка? Поцѣловать ее! восклицалъ м-ръ Бёмбль въ сильнѣйшемъ негодованіи. — П-фа!

— Я не хотѣлъ этого сдѣлать, сказалъ Ноэ, хныча. — Она всегда сама цѣлуетъ меня, хочу ли я этого или нѣтъ.

— О, Ноэ! вскричала Чарлоттъ съ упрекомъ.

— Да, вы всегда такъ дѣлаете, вы знаете, что всегда сами цѣлуете, возразилъ Ноэ:—Она всегда такъ дѣлаетъ, м-ръ Бёмбль, сэръ!

она щекочетъ меня подъ подбородокъ, если вамъ угодно знать, сэръ, и всячески показываетъ мнѣ любовь.

— Молчаніе! сурово провозгласилъ м-ръ Бёмбль.—Убирайтесь внизъ, миссъ. Ноэ, заприте вы лавку, и смѣйте сказать хоть одно слово, пока хозяинъ вашъ не придетъ домой, если вамъ дорога жизнь; а когда хозяинъ вашъ придетъ, то скажите ему, что м-ръ Бёмбль приказалъ ему прислать ящикъ для старухи завтра поутру, послѣ завтрака. Слышите ли вы, сэръ. Цѣловаться! возопилъ м-ръ Бёмбль, воздѣвая руки:—Грѣховность и развращенность низшихъ классовъ въ этомъ парохіальномъ округѣ ужасна, и если парламентъ не обратитъ вниманія на ихъ отвратительное поведеніе, эта страна погибла и добрая слава крестьянства пропала на всегда! Съ этими словами и величественнымъ и мрачнымъ видомъ приходскій сторожъ выступилъ изъ жилища гробовщика.

А теперь, такъ какъ мы проводили его такъ далеко по дорогѣ его къ дому и сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія для похоронъ старухи, сдѣлаемъ нѣсколько справокъ о маленькомъ Оливерѣ Твистѣ и увѣримся, по прежнему ли онъ лежитъ въ канавѣ, гдѣ Тоби Крекитъ оставилъ его.

ГЛАВА XXVIII.

Обращается къ Оливеру и продолжаетъ приключенія его.

— Волки, дерите горло, ворчалъ Сайксъ, скрежеща зубами.— Я хотѣлъ бы быть съ вами, тогда вы выли бы похриплѣе!

Когда Сайксъ проворчалъ эти слова съ самой отчаянной свирѣпостью, къ какой была способна его отчаянная природа, онъ положилъ тѣло раненаго ребенка на согнутое колѣно и на минуту обернулъ голову, чтобы взглянуть на своихъ преслѣдователей.

Въ туманѣ и тьмѣ почти можно было различить очень немногое, но громкіе крики людей разносились въ воздухѣ и лай собакъ всего околотка, пробужденныхъ звономъ колокола, забившаго тревогу, раздавался со всѣхъ сторонъ.

— Стой, подлая трусливая собака! закричалъ разбойникъ въ догонку Тоби Крекиту, который дѣлалъ самое усердное употребленіе изъ своихъ длинныхъ ногъ и уже значительно очутился впереди: — Стой!

Повтореніе окрика заставило Тоби оцѣпенѣть на мѣстѣ, потому что онъ не могъ знать находится ли онъ внѣ выстрѣла пистолета Сайкса, а съ Сайксомъ были плохія шутки при томъ настроеніи духа, въ какомъ онъ находился.

— Помогайте нести мальчика, ревѣлъ Сайксъ въ ярости, махая рукой своему сообщнику.—Назадъ!

Тоби сдѣлалъ видъ, что ворочался, но тихимъ голосомъ, прерывающимся отъ того, что онъ запыхался, осмѣлился намекнуть о сильномъ нежеланіи своемъ повиноваться приказанію, медленно подвигаясь къ Сайксу.

— Скорѣе! крикнулъ Сайксъ, положивъ мальчика въ сухую канаву и доставая пистолетъ изъ кармана.—Не дурачьтесь со мной.

Въ эту минуту шумъ послышался громче и ближе и Сайксъ, снова оглянувшись назадъ, могъ различить, что люди, гнавшіяся за нимъ, уже перелѣзали черезъ изгородь поля, на которомъ онъ стоялъ, и что пара собакъ бѣжала впереди ихъ на нѣсколько шаговъ.

— Все поднялось, Биль! закричалъ Тоби: — бросьте мальца и показывайте имъ пятки. И съ этимъ совѣтомъ на прощаньи м-ръ Крекитъ, предпочитая случайность быть застрѣленнымъ своимъ другомъ вѣроятности быть схваченнымъ непріятелемъ, повернулъ спину и пустился бѣжать во всю прыть. Сайксъ стиснулъ зубы, еще разъ оглянулся, набросилъ на лежавшаго Оливера воротникъ, въ который его въ торопяхъ закутали, когда выходили изъ дома, и побѣжалъ вдоль забора, чтобы отвлечь вниманіе преслѣдователей отъ того мѣста, гдѣ лежалъ мальчикъ; онъ остановился на секунду передъ другой изгородью, соединявшейся съ первой подъ прямымъ угломъ, и, поднявъ высоко пистолетъ, однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ нее, и исчезъ.

— Хо, хо! тамъ, кричалъ дрожащій голосъ назади: — Пинчеръ, Нептунъ, сюда, сюда!

Собаки, которыя, равно какъ и хозяева ихъ, казалось, не находившія особеннаго наслажденія въ погонѣ, съ готовностью исполнили приказаніе и трое мужчинъ, которые пробѣжали небольшое разстояніе по полю, остановились посовѣтоваться.

— Мой совѣтъ, или по крайней мѣрѣ, мое приказаніе, сказалъ самый толстый изъ троихъ: — чтобы мы немедля вернулись домой.

— Я соглашаюсь со всѣмъ, что предлагаетъ м-ръ Джайльзъ, сказалъ мужчина поменьше ростомъ, но далеко не жидкаго сложенія, и который былъ очень блѣденъ и особенно вѣжливъ, какъ часто бываютъ вѣжливы испугавшіеся люди.

— Я бы не желалъ, чтобы меня сочли невоспитаннымъ, сказалъ третій, отзывавшій собакъ назадъ: — и не стану противорѣчить. М-ръ Джайльзъ долженъ лучше знать.

— Разумѣется, отвѣчалъ мужчина небольшаго роста: — и чтобы ни сказалъ м-ръ Джайльзъ, не наше дѣло противорѣчить ему. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю свое положеніе, благодарю свою звѣзду, я знаю свое положеніе. И чтобы сказать всю правду, маленькій человѣкъ зналъ свое положеніе, и зналъ какъ нельзя лучше, что оно было далеко незавидное, потому что у него зубы стучали, когда онъ говорилъ.

— Вы трусите, Бриттльсъ, сказалъ м-ръ Джайльзъ.

— Нѣтъ, я не трушу, отвѣчалъ Бриттльсъ.

— Вы трусите, сказалъ опять м-ръ Джайльзъ.

— Вы, неправда сама, м-ръ Джайльзъ, сказалъ Бриттльсъ.

— А вы ложь, сказалъ м-ръ Джайльзъ.

Эта перестрѣлка словъ была порождена упрекомъ м-ра Джайльза, а упрекъ м-ра Джайльза былъ порожденъ негодованіемъ его на то, что, подъ видомъ любезностей и вѣжливостей, на него одного взваливали отвѣтственность въ возвращеніи домой. Третій мужчина покончилъ споръ самымъ философскимъ образомъ:

— Я вамъ что скажу, джентльмены, сказалъ онъ: — мы всѣ трусимъ.

— Говорите за себя, сэръ, сказалъ м-ръ Джайльзъ, который былъ блѣднѣе всѣхъ.

— Я такъ и дѣлаю, отвѣчалъ тотъ. — Совершенно естественно и свойственно человѣку испугаться при подобныхъ обстоятельствахъ. И я испугался.

— И я тоже, сказалъ м-ръ Бриттльсъ. — Только не слѣдуетъ попрекать этимъ прямо въ лицо, чтобы самому похваляться.

Эти искреннія сознанія смягчили м-ра Джайльза, который тотчасъ же сознался, что и онъ испугался. За этимъ всѣ трое повернули назадъ и побѣжали съ полнѣйшимъ единодушіемъ, пока м-ръ Джайльзъ, который запыхался скорѣе другихъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ обремененъ вилой, самымъ любезнымъ образомъ настоялъ на томъ, чтобы остановились для того, чтобы онъ могъ извиниться въ своихъ опрометчивыхъ словахъ.

— Но это удивительно, сказалъ м-ръ Джайльзъ послѣ извиненія: — что можетъ человѣкъ сдѣлать, когда кровь его закипитъ. Я бы совершилъ убійство, я знаю, что совершилъ бы, если бы мы поймали одного изъ мошенниковъ.

Такъ какъ оба товарища его раздѣляли это мнѣніе и кровь ихъ, какъ и кровь м-ра Джайльза, вскипѣвъ сначала, мгновенно остыла, то естественно послѣдовали догадки о причинѣ такой внезапной перемѣны темперамента.

— Я знаю, что было причиной, сказалъ м-ръ Джайльзъ: —это калитка.

— О тутъ нечему удивляться, ухватился за эту догадку Бриттльсъ.

— Вы можете быть увѣрены, что эта калитка остановила изліяніе нашего раздраженія. Я почувствовалъ какъ все мое раздраженіе разомъ исчезло, когда я перелѣзалъ черезъ нее.

По замѣчательному совпаденію оба товарища его испытали тоже самое непріятное ощущеніе и въ туже самую минуту; такимъ образомъ стало вполнѣ очевидно, что причиной тому была калитка, тѣмъ болѣе что не могло быть никакого сомнѣнія относительно времени, въ которое произошла эта перемѣна, потому что всѣ трое помнили очень хорошо, что они увидѣли разбойниковъ въ то самое мгновеніе, когда она произошла.

Этотъ разговоръ происходилъ между двумя слугами дома, на который напали воры и странствующимъ котельщикомъ, который ночевалъ въ пристройкѣ и котораго разбудили вмѣстѣ съ двумя дворо-

выми собаками, для преслѣдованія воровъ. М-ръ Джайльзъ дѣйствовалъ въ качествѣ двойного званія своего—дворецкаго и управителя у старой леди, владѣвшей домомъ; Бриттльсъ былъ слугой для всякой работы и, такъ какъ онъ поступилъ въ домъ ребенкомъ, то съ нимъ обращались какъ съ мальчикомъ подающимъ надежды, хоть ему было уже за тридцать.

Ободривъ другъ друга этимъ разговоромъ, но по прежнему тѣсно держась вмѣстѣ и опасливо оглядываясь, когда порывъ вѣтра шуршалъ между вѣтвями, всѣ трое добѣжали до дерева, подъ которымъ они оставили фонарь, чтобы свѣтъ его не показалъ ворамъ куда направить выстрѣлы. Поднявъ фонарь, они побѣжали къ дому хорошей крупной рысцой, и долго еще послѣ того какъ фигуры ихъ скрылись во мракѣ, можно было различить въ отдаленіи мерцающій и перебѣгающій огонекъ, какъ испареніе сырой и мрачной атмосферы, черезъ которую его быстро проносили.

Воздухъ становился холоднѣе по мѣрѣ того, какъ приближался день, и туманъ свертывался по землѣ, какъ густое облако дыма. Трава была мокра, тропинки и низкія мѣста были всѣ въ грязи и въ водѣ, и сырое дуновеніе зловреднаго вѣтра слабо проносилось съ глухимъ завываньмъ. Оливеръ по прежнему лежалъ безъ движенія и безъ чувствъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Сайксъ оставилъ его.

Утро наступало, воздухъ становился холоднѣе и рѣзче по мѣрѣ того какъ первый тусклый свѣтъ его, — скорѣе признакъ смерти ночи нежели рожденія дня,—слабо замерцалъ на небѣ. Всѣ предметы, которые казались такими мрачными и чудовищными въ темнотѣ, все болѣе болѣе выяснялись и постепенно принимали свои привычныя формы. Частый дождь падалъ на землю и шумно билъ по безлиственнымъ кустамъ. Но Оливеръ не чувствовалъ, когда онъ билъ ему въ лицо, онъ по прежнему лежалъ вытянутый, безчувственный и безпомощный, на своемъ ложѣ изъ мокрой земли.

— Наконецъ, слабый крикъ боли прервалъ молчаніе и съ этимъ крикомъ ребенокъ очнулся. Лѣвая рука его, грубо перевязанная шарфомъ висѣла тяжело и неподвижно у его бока, а перевязка была смочена кровью. Онъ былъ такъ слабъ, что едва могъ приподняться и принять сидячее положеніе, и когда онъ, наконецъ, сдѣлалъ это, онъ слабо оглянулся кругомъ ища помощи, и застоналъ отъ боли. Дрожа всѣми суставами отъ голода и истощенія силъ, онъ сдѣлалъ

усиліе подняться на ноги, но задрожавъ съ головы до ногъ, упалъ во весь ростъ на землю. Прежнее безчувствіе, въ которомъ онъ такъ долго находился, вернулось но не на долго и, когда оно прошло, Оливеръ почувствовалъ, какъ къ сердцу его подступало какое-то страшное тоскливое ощущеніе, которое предвѣщало ему, что онъ умретъ навѣрно, если останется лежать здѣсь; онъ приподнялся на ноги и попытался идти. Голова его кружилась и онъ качался взадъ и впередъ какъ пьяный; но онъ все таки держался на ногахъ и, опустивъ слабую голову на грудь, шелъ спотыкаясь впередъ, не зная куда.

Въ это время туча самыхъ дикихъ и смутныхъ представленій нахлынула на его сознаніе. Ему казалось, что онъ по прежнему шелъ между Сайксомъ и Крекитомъ, которые сердито спорили; тѣже самыя слова, которыя они тогда говорили, раздавались въ ушахъ его; и когда онъ нѣсколько пробудилъ свое сознаніе, сдѣлавъ неимовѣрное усиліе чтобы не упасть, онъ замѣтилъ, что онъ самъ вслухъ разговаривалъ съ ними. Потомъ онъ снова видѣлъ себя одного съ Сайксомъ, они шли пѣшкомъ, какъ шли наканунѣ и призрачные прохожіе проходили мимо нихъ, и онъ чувствовалъ какъ запястье руки было крѣпко стиснуто рукой вора. Вдругъ онъ откачнулся назадъ, услыхавъ выстрѣлы пистолетовъ, и въ воздухѣ раздались громкіе крики и восклицанія; огни замелькали въ глазахъ его, и все слилось въ одинъ шумъ и суетню, въ то время какъ невидимая рука быстро несла его впередъ. И среди всѣхъ этихъ, быстро смѣнявшихся, видѣній проходило смутное тяжелое сознаніе боли, которое томило и мучило его непрестанно.

Такъ онъ шатаясь плелся впередъ, проползая почти машинально между шестами воротъ или отверстіями изгородей, которыя попадались ему на пути, пока не выбрался на дорогу. Здѣсь дождь пошелъ такъ сильно, что Оливеръ совершенно очнулся.

Онъ оглядѣлся и увидѣлъ недалеко домъ, до котораго онъ надѣялся дойти. Можетъ быть, увидя его положеніе, надъ нимъ сжалятся тамъ, а если нѣтъ, то лучше, думалъ онъ, умереть возлѣ человѣческихъ существъ, нежели одиноко въ открытомъ полѣ. Онъ собралъ всѣ свои силы для послѣдняго усилія и направилъ свои колеблющіеся шаги къ этому дому.

Когда Оливеръ подошелъ къ дому, ему показалось, что онъ

видѣлъ прежде этотъ домъ. Онъ не помнитъ подробностей его постройки, но общій видъ и архитектура показались ему знакомыми.

Эта садовая стѣна!... За ней на травѣ онъ упалъ на колѣни въ прошлую ночь и просилъ обоихъ воровъ пощадить его. Это былъ тотъ самый домъ, который они хотѣли ограбить.

Оливера охватилъ такой страхъ, когда онъ узналъ это мѣсто, что онъ на минуту забылъ мучительную боль отъ раны и думалъ только о бѣгствѣ. Бѣжать? Онъ едва могъ стоять, и даже еслибы онъ вполнѣ владѣлъ всѣмя силами своего слабаго и молодаго тѣла, куда бы онъ могъ бѣжать? Онъ толкнулся въ садовую калитку, она не была заперта и распахнулась передъ нимъ. Онъ, шатаясь, прошелъ черезъ лужайку, взобрался на ступени, слабо постучалъ у двери, и теперь силы совершенно измѣнили ему, онъ упалъ спиной къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ небольшой навѣсъ крыльца.

Около этого времени случилось такъ, что м-ръ Джайльзъ, Бриттльсъ и котельщикъ подкрѣпляли себя на кухнѣ чаемъ съ разными разностями послѣ усталости и ужасовъ ночи; не потому, чтобы въ обычаяхъ и привычкахъ м-ра Джайльза было допускать слишкомъ большую фамильарность съ низшими слугами, въ отношеніи которыхъ его привычкой было соблюдать величественную привѣтливость, которая, льстя самолюбію ихъ, въ тоже время неизмѣнно напоминала имъ о его высокомъ положеніи въ обществѣ. Но смерть, пожаръ и разбой уравниваютъ людей, и м-ръ Джайльзъ сидѣлъ, вытянувъ ноги на рѣшетку кухонной плиты и, опершись лѣвой рукой на столъ, въ тоже время правой наглядно пояснялъ подробный и обстоятельный разсказъ о ночномъ разбоѣ, которому слушатели его и, въ особенности, кухарка и горничная, тоже дѣлавшія компанію чаю, внимали не смѣя вздохнуть.

— Было около половины третьяго, сказалъ м-ръ Джайльзъ: — впрочемъ я бы не присягнулъ, что не было и ближе къ тремъ часамъ, когда я проснулся и, повернувшись въ постели, вотъ какъ бы такъ,— здѣсь м-ръ Джайльзъ повернулся на стулѣ и потянулъ на себя конецъ скатерти на подобіе простыни:—и мнѣ вообразилось, что я слышалъ шумъ.

На этомъ мѣстѣ разсказа, кухарка поблѣднѣла и попросила горничную запереть дверь, та попросила Бриттльса, который попросилъ котельщика, который притворился, что не слышитъ.

— Я слышалъ шумъ, продолжалъ м-ръ Джайльзъ:—Я сказалъ во первыхъ: это воображеніе, и расположился снова заспуть; тогда я опять услыхалъ тотъ же шумъ и совершенно явственно.

— Какого рода былъ шумъ? спросила кухарка

— То былъ родъ шуршащаго шума, отвѣчалъ м-ръ Джайльзъ, оглянувшись.

— Нѣтъ онъ болѣе походилъ на шумъ отъ терки, на которой бы терли желѣзный болтъ, подсказалъ Бриттльсъ.

— Такъ могло быть, когда вы услыхали, сэръ, возразилъ м-ръ Джайльзъ:—но въ то время это былъ шуршащій шумъ. Я откинулъ простыни, продолжалъ м-ръ Джайльзъ, загибая назадъ скатерть:— сѣлъ на кровати и началъ слушать.

Кухарка и горничная разомъ вскрикнули: —Господи! и придвинули стулья поближе.

— Я и теперь слышу его такъ же явственно, продолжалъ м-ръ Джайльзъ. — Кто нибудь, говорю я себѣ, взламываетъ дверь, или окно. Что нужно сдѣлать? Я разбужу этого бѣднаго мальчика Бриттльса и спасу его, чтобы его не зарѣзали въ постели, иначе его горло, говорю я себѣ, будетъ перерѣзано отъ одного уха до другаго, а онъ этого никогда и не узнаетъ.

Здѣсь глаза всѣхъ обратились на Бриттльса, который уставилъ свои глаза на разскащика и глядѣлъ на него съ раскрытымъ ртомъ и выраженіемъ самого безпредѣльнаго ужаса на лицѣ.

— Я сбросилъ одѣяло, сказалъ Джайльзъ, откидывая скатерть и пристально смотря на кухарку и горничную: —тихо всталъ съ постели, потянулъ пару...

— Здѣсь леди, м-ръ Джайльзъ, прошепталъ котельщикъ.

— Башмаковъ, сэръ, выговорилъ м-ръ Джайльзъ, обращаясь къ нему и дѣлая сильное удареніе на этомъ словѣ: —схватилъ заряженный пистолетъ, который всегда уносится наверхъ при корзинѣ серебра, и вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты. „Бриттльсъ, сказалъ я ему, когда я разбудилъ его: не пугайтесь“.

— Вы такъ и сказали, замѣтилъ Бриттльсъ въ полголоса.

— Мы умремъ черезъ минуту, Бриттльсъ, говорю я ему, продолжалъ Джайльзъ: —но не бойтесь.

— Онъ испугался? спросила кухарка.

— Нисколько, отвѣчалъ м-ръ Джайльзъ: — онъ былъ твердъ, ахъ! почти такъ же твердъ, какъ я.

— Я бы умерла на мѣстѣ, навѣрно, еслибы это случилось со мной, сказала горничная.

— Вы женщина, возразилъ Бриттльсъ, подбодрившись.

— Бриттльсъ правъ, сказалъ м-ръ Джайльзъ, одобрительно кивая головой. Отъ женщины невозможно и требовать ничего другаго. Но такъ какъ мы мужчины, то мы взяли глухой фонарь, который стоялъ на доскѣ камина у Бриттльса, и ощупью пошли спускаться съ лѣстницы, потому что ночь была черна, можно сказать, какъ смола. Мы шли вотъ такъ.

М-ръ Джальзъ всталъ со стула и сдѣлалъ два шага съ закрытыми глазами, чтобы подходящимъ дѣйствіемъ объяснить свой разсказъ; какъ вдругъ сильно вздрогнулъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все общество, и кинулся назадъ къ стулу.

— Въ дверь стучали, сказалъ м-ръ Джальзъ, принявъ видъ полнѣйшаго спокойствія. —Прошу васъ, откройте дверь, кто нибудь.

Никто не двинулся.

— Какъ это странно, ударъ въ дверь такъ рано поутру! сказалъ м-ръ Джальзъ, оглядывая блѣдныя лица, окружавшія его, и самъ сильно поблѣднѣвъ:—Но дверь нужно отворить. Слышите ли вы? кто-нибудь.

М-ръ Джайльзъ, говоря это, смотрѣтъ на Бриттльса, но этотъ молодой человѣкъ, будучи отъ природы весьма застѣнчивъ и скроменъ, вѣроятно счелъ, что онъ никто и ничто, и слѣдовательно этотъ вопросъ не могъ относиться къ нему. Но какъ бы то ни было, онъ не отвѣчалъ ни слова. М-ръ Джайльзъ обратилъ призывающій взглядъ на котельщика, но тотъ внезапно задремалъ. О женщинахъ не могло быть и рѣчи.

— Если Бриттльсъ лучше желаетъ открыть дверь при свидѣтеляхъ, сказалъ м-ръ Джайльзъ послѣ короткаго молчанія:—Я готовъ быть однимъ изъ нихъ.

— И я тоже, отозвался котельщикъ, такъ же внезапно проснувшійся какъ и заснулъ.

Бриттльсъ согласился на этихъ условіяхъ; и компанія, увѣрившись сначала посредствомъ немедленно раскрытыхъ ставень, что совсѣмъ разсвѣло, спустилась съ лѣстницы, съ обѣими собаками въ

авангардѣ и двумя женщинами, которые боялись остаться однѣ, въ арьергардѣ. По совѣту м-ра Джайльза, всѣ они говорили очень громко, чтобы предупредить злонамѣренную личность, если таковая ждала за дверями, что ихъ было очень много, и сверхъ того, была исполнена мастерская штука военной хитрости, порожденная мозгомъ того же самого изобрѣтательнаго джентльмена—хвосты собакъ были сильно прищемлены въ дверяхъ, чтобы заставить животныхъ сердитѣе лаять.

Принявъ эти предосторожности, м-ръ Джайльзъ крѣпко ухватилъ котельщика за руку (для того чтобы не дать ему убѣжать, сказалъ онъ въ шутку), и отдалъ команду отпереть дверь. Бриттльсъ повиновался и группа защитниковъ, робко выглядывая изъ за плечь другъ друга увидѣла врага не страшнѣе бѣднаго маленькаго Оливера Твиста, безъ словъ и безъ движенія лежавшаго на ступеняхъ крыльца, который поднявъ отяжелѣвшія вѣки, безмолвно молилъ о состраданіи.

— Мальчикъ! вскричалъ м-ръ Джайльзъ, геройски выступая впередъ и отталкивая котельщика назадъ.—Что случилось съ... Э!.. Что? Бриттльсъ... смотрите сюда... Не знаете ли вы?

Бриттльсъ, скрытый за дверью, которую онъ отперъ, выглянулъ и едва успѣлъ увидѣть Оливера, какъ поднялъ страшный крикъ. М-ръ Джайльзъ, схвативъ мальчика за ногу и за руку, къ счастью, не за раненую сторону, втащилъ его прямо въ прихожую и положилъ его во всю длину на полъ.

— Вотъ онъ, заоралъ Джайльзъ, взывая въ сильнѣйшемъ волненіи всѣхъ сверху лѣстницы:—вотъ одинъ изъ воровъ, миссъ, вотъ здѣсь одинъ изъ воровъ, миледи! раненый, миссъ! Я застрѣлилъ его, миссъ, а Бриттльсъ свѣтилъ.

— Фонаремъ, миссъ, закричалъ Бриттльзъ, приложивъ одну руку ко рту въ видѣ рупора, чтобы лучше быть услышаннымъ.

Обѣ служанки побѣжали наверхъ сообщить извѣстіе, что м-ръ Джайльзъ захватилъ въ плѣнъ разбойника, а котельщикъ хлопотливо принялся приводить Оливера въ чувство, имѣя въ виду, чтобы онъ не умеръ прежде нежели его повѣсятъ. Посреди этого шума и суматохи раздался нѣжный женскій голосъ, при звукахъ котораго все мгновенно стихло.

— Джайльзъ, прошепталъ голосъ сверху лѣстницы.

— Я здѣсь, мисъ, отвѣчалъ м-ръ Джайльзъ. Не пугайтесь, мисъ; я не очень пострадалъ. Онъ не особенно отчаянно сопротивлялся, мисъ, и я скоро одолѣлъ его.

— Ш-шъ, отвѣчала молодая дѣвушка:—вы пугаете тетеньку столько же какъ и воры. Что бѣдняжка очень ранелъ?

— Отчаянно раненъ, мисъ, отвѣчалъ Джайльзъ, съ неописаннымъ самодовольствомъ.

— По виду его онъ сейчасъ помираетъ, мисъ, заоралъ Бриттльсъ тѣмъ же образомъ, какъ и прежде:—Не угодно ли вамъ придти и посмотрѣть на него, мисъ, на случай, что онъ?..

— Ш-шъ перестаньте, прошу васъ, если вы добрый человѣкъ, отвѣчала молодая дѣвушка.—Подождите одну минуту, пока я говорю съ тетушкой.

И шагами такими же нѣжными, какъ и голосъ ея, молодая дѣвушка проскользнула во внутреннія комнаты и вскорѣ вернулась съ приказаніемъ перенести осторожно раненаго наверхъ въ комнату м-ра Джайльза, а Бриттльсу осѣдлать пони и немедленно отправиться въ Чертси за полицейскимъ чиновникомъ и за докторомъ.

— Но отчего же вы не придете посмотрѣть на него сперва, миссъ? упрашивалъ м-ръ Джайльзъ съ такимъ желаніемъ похвастаться, какъ будто Оливеръ былъ какой нибудь рѣдкой птицей съ яркими перьями, которую было онъ ловко подстрѣлилъ. — Только чуть-чуть взглянуть.

— Ни за что на свѣтѣ теперь, отвѣчала молодая дѣвушка. Бѣдняжка! О! обращайтесь съ нимъ ласково, Джайльзъ, хоть ради меня.

Когда она уходила, старый слуга посмотрѣлъ ей вслѣдъ и въ его взглядѣ было столько гордости и обожанія, какъ будто она была его родной дочерью; потомъ, наклонясь надъ Оливеромъ, онъ помогъ снести его на лѣстницу со всею нѣжностью и заботливостью женщины.

ГЛАВА XXIX.

Представляетъ для предварительнаго знакомства съ ними, описаніе жителей того дома, въ который попалъ Оливеръ, и повѣствуетъ о томъ, что они думали о немъ.

Въ красивой комнатѣ, хоть мебель ея имѣла скорѣе видъ старомоднаго комфорта, нежели новомоднаго изящества, за хорошо накрытымъ для завтрака столомъ сидѣли двѣ дамы. М-ръ Джайльзъ, облеченный съ самой щепетильной аккуратностью въ полную черную пару, прислуживалъ имъ. Онъ занялъ свое обычное мѣсто на половинѣ разстоянія между буфетомъ и столомъ и, вытянувшись во весь ростъ, откинулъ голову назадъ, слегка склонивъ ее набокъ, выставилъ впередъ лѣвую ногу, и заложивъ правую руку въ петлицу жилета, а лѣвую, въ которой онъ держалъ подносъ, опустивъ внизъ, вполнѣ олицетворялъ въ своей особѣ усладительное сознаніе собственныхъ достоинствъ и важности.

Одна изъ двухъ дамъ была уже не молода, но прямая высокая спинка дубоваго стула, на которомъ она сидѣла, не могла быть прямѣе ее. Она была одѣта съ величайшей чистотой и аккуратностью и туалетъ ея составлялъ странную смѣсь давно прошедшей моды съ нѣкоторыми уступками преобладавшей современной модѣ, отъ которыхъ старая не только не теряла, но казалась очень недурной. Старая леди съ величественнымъ видомъ, сложивъ руки на столѣ и внимательно остановивъ свои глаза, отъ блеска которыхъ время отняло очень немногое, на молодой дѣвушкѣ.

Молодая дѣвушка была во всемъ цвѣтѣ весны жизни; тотъ возрастъ, когда, — если ангелы посылаются Богомъ на землю въ смертныя оболочки, — можно предположить, что они воплощаются въ немъ. Ей не было еще семнадцати лѣтъ. Она была сложена такъ нѣжно и изящно; была такъ кротка и любяща, такъ чиста и прекрасна, что казалась созданной не для земли, и что грубыя земныя созданія не годились въ товарищи ей. Умъ, свѣтившійся въ ея глу-

бокихъ голубыхъ глазахъ и отражавшійся на ея благородномъ лицѣ, былъ умомъ не ея возраста и не того свѣта, въ которомъ она жила; а смѣнявшееся выраженіе нѣжности и веселья, какъ тысяча лучей освѣщало лицо ея и не оставляли на немъ ни одной тѣни; но всего лучше была ея улыбка, веселая, счастливая улыбка, которая затрогивала все, что было лучшаго въ нашей природѣ.

Она усердно хлопотала, услуживая старой леди за столомъ, и случайно поднявъ глаза, замѣтила, что та смотрѣла на нее, откинула волосы, которые были просто заплетены надолбомъ, и отвѣтила старой леди сіяющимъ взглядомъ, въ которомъ сказался порывъ любви беззавѣтной и безхитростной преданности. Старая леди улыбнулась; но сердце ея было полно и она отерла рукой слезу.

— И Бриттльсъ ушелъ уже болѣе часа? спросила она, помолчавъ.

— Часъ и двѣнадцать минутъ, сударыня, отвѣчалъ м-ръ Джайльзъ, обращаясь къ серебрянымъ часамъ, на черной лентѣ, которые онъ досталъ изъ кармана.

— Онъ всегда очень мѣшкаетъ, замѣтила старая леди.

— Бриттльсъ былъ всегда неповоротливымъ мальчикомъ, отвѣчалъ м-ръ Джайльзъ.

И между прочимъ, если принять во вниманіе, что Бриттльсъ былъ неповоротливымъ мальчикомъ слишкомъ тридцать лѣтъ, то не оказывалось большаго вѣроятія, чтобы онъ сдѣлался расторопнымъ мальчикомъ.

— Онъ годъ отъ года становится все хуже, я думаю, замѣтила старая леди.

— Непростительно, если онъ замѣшкался на улицѣ, чтобы играть съ другими мальчиками, замѣтила, улыбаясь, молодая дѣвушка.

М-ръ Джайльзъ размышлялъ о томъ, прилично ли будетъ ему дозволить себѣ почтительную улыбку, когда къ садовымъ воротамъ подъѣхалъ кабріолетъ, изъ котораго выскочилъ толстый джентльменъ, побѣжалъ опрометью и прямо къ двери и, будто проникнувъ въ домъ какимъ нибудь таинственнымъ путемъ, ворвался въ комнату и едва не опрокинулъ м-ра Джайльза и столъ съ завтракомъ.

— Я никогда не слыхивалъ ничего подобнаго! вскричалъ толстый ждентльменъ. — Дорогая моя м-съ Мейли, благослови Богъ

мою душу! да еще въ безмолвіи ночи. Я никогда не слыхивалъ ни о чемъ подобномъ!

Съ этими выраженіими соболѣзнованія толстый джентльменъ пожалъ руки обѣимъ дамамъ и, пододвинувъ стулъ, спросилъ какъ онѣ себя чувствуютъ.

— Вы должны были умереть, ну положительно умереть отъ страха, говорилъ толстый джентльменъ. — Зачѣмъ вы не послали ко мнѣ. Мой человѣкъ былъ бы готовъ въ ту же минуту, и я тоже, и мой помощникъ явился бы съ величайшимъ удовольстіемъ, или тотъ, кто бы ни былъ у меня, я въ томъ увѣренъ, при такихъ обстоятельствахъ... кто бы могъ подумать... такъ неожиданно, и еще въ безмолвіи ночи.

Доктора, повидимому, всего болѣе смущало то, что разбой былъ совершенъ неожиданно, и именно ночью, какъ будто въ обычаѣ джентльменовъ, посвятившихъ себя промыслу разбоя, было отправлять свое ремесло въ полдень и увѣдомлять о своемъ прибытіи за день или два по двухпенсовой почтѣ.

— А вы, мисъ Роза, сказалъ докторъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.—Я...

— О, я совершенно здорова, благодарю васъ, перебила его Роза: — но у насъ тутъ наверху лежитъ одно бѣдное созданье и тетушка желала бы, чтобы вы посмотрѣли его.

— Ахъ да, да, какъ же, знаю! проговорилъ докторъ. — Это ваша работа, м-ръ Джайльзъ, какъ я слышалъ?

М-ръ Джайльзъ, который во время этого разговора лихорадочно перебиралъ чайныя ложки, покраснѣлъ до ушей и отвѣчалъ, что да, точно, ему выпала на долю эта честь.

— Честь? повторилъ докторъ:—ну не знаю... Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ такъ же почетно попасть пулей въ вора, пробравшагося съ задняго крыльца, какъ и сразить противника въ дуэли, на двѣнадцати шагахъ разстоянія. Вы только вообразите себѣ, Джайльзъ, что онъ выстрѣлилъ въ воздухъ и что вы дрались съ нимъ на дуэли.

М-ръ Джайльзъ, которому эта шутка показалась насмѣшкою чтобы умалить славу его подвига, почтительно возразилъ, что не его дѣло, конечно, судить объ этихъ вещахъ, но что, насколько онъ понимаетъ, для противной стороны шутка выходила плохая.

— Чортъ возьми, это правда! воскликнулъ докторъ.—Гдѣ же онъ? сведите меня къ нему. Я опять заверну къ вамъ на возвратномъ пути, м-съ Мейли. Такъ въ это самое окошечко онъ и влѣзъ? Гм! я бы этому ни какъ не повѣрилъ!—И, не переставая болтать, онъ послѣдовалъ за м-ромъ Джайльзомъ наверхъ. А пока онъ всходилъ по лѣстницѣ, не мѣшаетъ увѣдомить читателя, что м-ръ Ласбернъ, мѣстный лекарь, извѣстный всему околодку на десять миль въ окружности, подъ названіемъ „доктора“ растолстѣлъ не столько отъ хорошей пищи, сколько отъ хорошаго расположенія духа и былъ такой добродушный и веселый и притомъ эксцентричный старый холостякъ, какого не всегда можно отыскать и на пространствѣ, впятеро большемъ, чѣмъ вышеупомянутое. Докторъ пробылъ наверху гораздо больше, чѣмъ онъ самъ или дамы ожидали. Изъ экипажа его вынесли большой плоскій ящикъ, изъ одной изъ спаленъ то и дѣло раздавался звонокъ и слуги безпрестанно бѣгали вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. Изъ всего этого дамы вывели весьма основательное заключеніе, что наверху происходитъ нѣчто особенно важное. Наконецъ, онъ вернулся и на вопросъ о томъ, какъ здоровье его паціента, принялъ таинственный видъ и тщательно притворилъ дверь.

— Это, я вамъ скажу, м-съ Мейли, совсѣмъ необычайная исторія, проговорилъ онъ, прислонившись спиною къ двери, какъ бы для того, чтобы кто не отворилъ ее извнѣ.

— Надѣюсь, что онъ не въ опасности? спросила старушка.

— Гм! мудренаго ничего не было бы при такихъ обстоятельствахъ, еслибы онъ и былъ въ опасности; впрочемъ я этого не думаю. Видѣли ли вы этого вора?

— Нѣтъ, отвѣчала старушка!

— И никто вамъ ничего не говорилъ о немъ?

— Нѣтъ.

— Съ вашего позволенья, сударыня, вмѣшался м-ръ Джайльзъ.— Я только что было хотѣлъ доложить вамъ про него, когда вошелъ м-ръ Лосбернъ.

Дѣло въ томъ, что м-ръ Джайльзъ въ началѣ никакъ не могъ рѣшиться объявить, что онъ подстрѣлилъ просто-на-просто мальчика. Его осыпали такими похвалами за храбрость, что онъ не въ силахъ былъ устоять противъ искушенія отложить свое признаніе хоть на нѣсколько восхитительныхъ минутъ, въ теченіе которыхъ

могъ еще продержаться на апогеѣ своей кратковременной славы неустрашимаго храбреца.

— Роза была просилась навѣстить этого человѣка, продолжалъ м-ръ Мейли, но я и слышать объ этомъ не хотѣла.

— Ну, особенно-то страшнаго, положимъ, въ его наружности ничего нѣтъ, проворчалъ докторъ. —Имѣете ли вы что нибудь противъ того, чтобы повидаться съ нимъ въ моемъ присутствіи?

— Если это необходимо, отвѣчала старушка, то я, конечно, согласна.

— Я считаю это положительно необходимымъ, продолжалъ докторъ.—Во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что вы сами будете горько жалѣть, что не сдѣлали этого, если отложите предлагаемое мною свиданье. Въ настоящую минуту онъ совершенно спокоенъ и окруженъ всѣми удобствами. Позвольте мнѣ, мисъ Роза, могу я предложить вамъ опереться на мою руку?.. Будьте спокойны, я ручаюсь вамъ, что никакой опасности нѣтъ.

И разсыпаясь въ многорѣчивыхъ увѣреніяхъ, что при свиданьи съ преступникомъ, ихъ ожидаетъ пріятный сюрпризъ, онъ подставилъ локоть молодой дѣвушкѣ, а другую, свободную руку предложилъ м-съ Мейли, и чинно выступая, повелъ ихъ наверхъ.

У дверей комнаты онъ остановился, прошелъ въ комнату первый, затѣмъ сдѣлалъ имъ знакъ, чтобы и онѣ вошли и, приперевъ за ними дверь, распахнулъ пологъ кровати. На постели, вмѣсто злодѣя съ мрачною, свирѣпою физіономіею, котораго онѣ готовились увидѣть, передъ ними лежалъ ребенокъ, съ истомленнымъ страдальческимъ личикомъ и спалъ глубокимъ сномъ. Раненая рука его, перевязанная и положенная въ лубки, покоилась на груди, а другая была закинута подъ голову и на половину скрывалась подъ длинными его волосами, разметавшимися на подушкѣ.

Почтенный докторъ нѣсколько минутъ простоялъ молча, придерживая занавѣсъ рукой и глядя на ребенка. Пока онъ стоялъ такимъ образомъ надъ своимъ паціентомъ, молодая дѣвушка неслышно скользнула мимо его и, опустившись на стулъ возлѣ кровати, отвела рукою волосы, падавшіе на лицо мальчика, въ ту минуту когда она наклонилась надъ нимъ, слезы ея закапали ему лобъ.

Ребенокъ зашевелился и улыбнулся во снѣ, точно эти проявленія состраданія и жалости вы звали въ немъ какое-то отрадное сновидѣніе,

въ которомъ ему грезились любовь и ласки, никогда неизвѣданныя имъ въ жизни. Бываетъ иногда, что какой нибудь музыкальный мотивъ, журчанье воды въ уединенномъ мѣстѣ, запахъ цвѣтка, или даже невзначай сказанное, знакомое намъ слово, пробуждаютъ въ насъ смутныя воспоминанія о томъ, чего въ настоящей нашей жизни никогда не было. Видѣнія эти исчезаютъ тотчасъ же какъ дымъ и они, по всѣмъ вѣроятіямъ ничто иное, какъ мимолетное воспоминаніе изъ другой, лучшей жизни, которою мы жили когда-то, такъ какъ никакое напряженіе человѣческой мысли не въ состояніи отыскать имъ реальную основу.

— Что же это такое? проговорила старушка.—Не можетъ же быть, чтобы этотъ бѣдный ребенокъ состоялъ въ обученіи у воровъ?

— Порокъ, вздохнулъ лекарь, опуская пологъ, свиваетъ себѣ гнѣздышко во многихъ храмахъ, и кто поручится, чтобы прекрасная внѣшность не могла служить ему убѣжищемъ.

— Но въ такомъ нѣжномъ возрастѣ!.. проговорила Роза.

— Дорогая моя мисъ Роза, отвѣчалъ лекарь, печально покачивая головою, преступленіе, подобно смерти, ищетъ себѣ жертвъ не въ средѣ однихъ только старыхъ и дряхлыхъ. Оно лишь слишкомъ часто простираетъ свою руку на юность и красоту.

— Но неужели, сэръ,—неужели вы можете думать, что этотъ нѣжный ребенокъ своей охотою пошелъ въ сообщники къ худшимъ отверженцамъ общества?!

Лекарь покачалъ головою съ такимъ выраженіемъ, которое означало что онъ—увы! — считаетъ это возможнымъ и, замѣтивъ своимъ собесѣдницамъ, что онѣ могутъ обезпокоить больного, увелъ ихъ въ сосѣднюю комнату.

— Но еслибы даже онъ и былъ порочень, заговорила Роза, подумайте, какъ онъ еще молодъ; подумайте, что онъ, быть можетъ, никогда не зналъ ласки матери, даже, быть можетъ, ни разу не погрѣлся у роднаго очага. Дурное обращеніе, побои или голодъ могли загнать его въ общество людей, которые силою втолкнули его въ преступленіе. Теперь милая тетя, ради Бога! — подумайте обо всемъ этомъ, прежде, чѣмъ вы допустите ихъ увести этого больнаго ребенка въ тюрьму, гдѣ для него пропадетъ и послѣдняя надежда исправленія. О, вы знаете, благодаря вамъ, вашей добротѣ и заботамъ, я никогда не чувствовала своего сиротства, но, вы знаете, могло слу-

читься и иначе, и я могла вырости такою же беззащитною и всѣми покинутою, какъ и этотъ несчастный ребенокъ; — именемъ вашей любви ко мнѣ, заклинаю васъ, сжальтесь надъ нимъ, пока еще не поздно!

— Дорогая моя! проговорила старушка, прижимая къ груди плачущую дѣвушку:—неужели ты думаешь, что я хочу сдѣлать ему самомалѣйшій вредъ?

— О, нѣтъ, тетя! поспѣшно подхватила Роза:—я знаю, вы на это неспособны.

— Нѣтъ, проговорила старушка, и губы ея задрожали:—мнѣ уже не долго остается жить на свѣтѣ и подобно тому какъ я возлагаю упованіе на милосердіе Божіе, такъ я желаю оказать милосердіе другимъ. Что могу я сдѣлать, сэръ, чтобы спасти его?

— А вотъ, дайте мнѣ подумать, сударыня, дайте подумать! проговорилъ докторъ.

М-ръ Лосбернъ запустилъ руки въ карманы своихъ панталонъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, останавливаясь по нѣскольку разъ, и покачиваясь на пальцахъ ногъ; все это время онъ не переставалъ страшно хмурить брови. Послѣ многократныхъ восклицаній въ родѣ: „А, напалъ на мысль!“ и „Нѣтъ, все не то!“ вслѣдъ за которыми опять начиналось хожденье по комнатѣ и хмуренье бровей, онъ наконецъ остановился и произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Я думаю, что если вы мнѣ дадите неограниченное полномочіе помучить Джайльза и этого мальчишку, Бриттльса, я улажу дѣло. Я знаю, Джальзъ честный малый и старый слуга; но вы можете загладить ему эту маленькую непріятность на тысячу различныхъ ладовъ и, въ придачу, наградить его за то, что онъ такой ловкій стрѣлокъ. Имѣете ли вы что нибудь противъ этого?

— Если нѣтъ другаго способа спасти ребенка... проговорила Мейли.

— Другаго способа нѣтъ, отвѣчалъ докторъ:—вѣрьте моему слову, что нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ тётя даетъ вамъ требуемое полномочіе, вмѣшалась Роза, улыбаясь сквозь слезы:—но только, пожалуйста, не заставляйте бѣдныхъ малыхъ терпѣть больше, чѣмъ сколько строго необходимо для успѣха вашего плана.

— Вы, кажется воображаете, огрызнулся докторъ, что всѣ,

кромѣ васъ самихъ, настроены сегодня на жестокосердый ладъ. Мнѣ остается только желать, въ интересахъ юнаго мужскаго поколѣнія вообще, чтобы вы оказались въ столь же мягкосердномъ и податливомъ настроеніи въ тотъ день, когда первый добропорядочный молодой человѣкъ обратится къ вашему состраданію. Я жалѣю, что самъ я не молодъ, иначе я непремѣнно возпользовался бы такимъ благопріятнымъ случаемъ, какъ сегоднишній, чтобы воззвать къ вашему сердцу.

— Вы такой же взрослый ребенокъ, какъ и Бриттльсъ, отвѣчала Роза, краснѣя.

— Ну, это-то не мудрено, подхватилъ докторъ, смѣясь отъ души. —Но возвратимтесь къ этому мальчику. Самое важное условіе нашего уговора еще впереди. Черезъ часъ, или около того, онъ, вѣроятно, проснется; хотя я и объявилъ этому толстолобому констэблю внизу, что его, ни трогать съ мѣста, ни допрашивать нельзя, подъ страхомъ подвергнуть его жизнь опасности, тѣмъ не менѣе, я думаю, мы можемъ поговорить съ нимъ безъ всякаго вреда для него. А потому я выговариваю себѣ слѣдующее: я распрошу его въ вашемъ присутствіи и если изъ отвѣтовъ его будетъ явствовать и я въ состояніи буду доказать это съ достаточною убѣдительностью для вашего разсудка, что онъ дѣйствительно, до мозга костей испорченный субъектъ (что болѣе, чѣмъ вѣроятно), то мы предоставимъ его, собственной его судьбѣ, по крайней мѣрѣ устранюсь отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства.

— О, нѣтъ, тётя! умоляла Роза.

— О, да, тётя! передразнилъ докторъ. — Таково мое условіе.

— Но онъ не можетъ быть закоренѣлымъ преступникомъ, настаивала Роза. — Это совсѣмъ невозможное дѣло.

— Прекрасно, возразилъ докторъ, — тѣмъ болѣе основаній принять мое предложеніе.

Въ концѣ концовъ договоръ былъ заключенъ и обѣ стороны, участвовавшія въ немъ, не безъ нетерпѣнія усѣлись дожидаться пробужденія Оливера.

Терпѣнію обѣихъ дамъ суждено было подвергнуться болѣе продолжительному испытанію, чѣмъ предполагалъ м-ръ Лосбернъ. Часъ проходилъ за часомъ, а Оливеръ все продолжалъ спать тяжелымъ сномъ. Былъ уже вечеръ, когда добродушный докторъ принесъ

имъ извѣстіе, что мальчикъ настолько очнулся, что можетъ отвѣчать на ихъ распросы. Оливеру, по его словамъ, было очень плохо и онъ очень ослабѣлъ отъ потери крови, но онъ такъ былъ взволнованъ желаніемъ открыть какую-то тайну, что докторъ счелъ за лучшее предоставить ему возможность высказаться и не принуждать его смирно лежать до утра, на чемъ онъ, м-ръ Лосбернъ, не приминулъ бы настаивать при другихъ обстоятельствахъ.

Разговоръ съ Оливеромъ вышелъ очень длинный, такъ какъ мальчикъ разсказалъ имъ всю свою исторію, при чемъ не разъ вынужденъ былъ пріостанавливаться, вслѣдствіе боли и слабости. Было что-то торжественное въ этомъ слабомъ голосѣ больнаго ребенка, раздававшемся въ полутемной комнатѣ и повѣствовавшемъ о томъ длинномъ рядѣ страданій, которыя навлекла на него людская злоба. О, если бы въ тѣ минуты, когда мы раздавливаемъ нашихъ ближнихъ подъ своею пятою, мы, хотя на мгновеніе останавливались передъ мрачнымъ свидѣтельствомъ человѣческихъ заблужденій, встающихъ, подобно густой и черной тучѣ, медленно, но неумолимо громоздящейся надъ нашими головами и взывающей къ небу объ отмщеніи, — если бы мы, хотя на мгновеніе, мысленно прислушивались къ голосамъ тѣхъ, кого уже болѣе нѣтъ въ живыхъ, къ этимъ голосамъ, которые никакая власть уже не можетъ заставить замолкнуть и никакая гордость не въ силахъ заглушить, что сталось бы тогда со всѣмъ зломъ и со всею несправедливостью, со всѣмъ тѣмъ страданіемъ, горемъ и жестокостью, которыя каждый день обыденной жизни приноситъ съ собою?

Женскія руки оправили въ этотъ вечеръ подушку Оливера и чистое и прекрасное существо оберегало въ эту ночь его сонъ. Онъ чувствовалъ себя спокойнымъ и счастливымъ и если бы ему пришлось умереть въ эти мгновенія, — умеръ бы безропотно.

Какъ только многознаменатальное свиданіе кончилось и Оливеръ, поуспокоившись, сталъ засыпать, докторъ отеревъ глаза и выругавъ ихъ, кстати, за такую слабость, отправился внизъ и тотчасъ же открылъ свою аттаку на м-ра Джайльза. Не отыскавъ никого въ комнатахъ, ближайшихъ къ гостинной, онъ сообразилъ, что съ гораздо большимъ вѣроятіемъ успѣха можетъ приступить къ осуществленію своего плана въ кухнѣ, а потому и направилъ туда свои шаги.

Въ этой нижней палатѣ домашняго парламента оказались въ сборѣ вся женская прислуга, мистеръ Бриттльсъ, мистеръ Джайльзъ, ко-

тельщикъ, (который въ награду за оказанныя имъ услуги получилъ спеціальное приглашеніе прохлаждаться на кухнѣ весь остатокъ того дня) и, наконецъ, констебль. Этотъ послѣдній джентльменъ обладалъ большимъ жезломъ, большой головою, крупными чертами лица, парою громадныхъ сапогъ и имѣлъ такой видъ, по которому можно было заключить, что онъ угостился порціею эля, соотвѣтствующую въ размѣрахъ всему остальному. Въ дѣйствительности оно такъ и было.

Событія предшествующей ночи все еще составляло предметъ разговора и м-ръ Джайльзъ какъ разъ распространился о своемъ необыкновенномъ присутствіи духа,—когда въ кухню вошелъ докторъ. М-ръ Бриттльсъ, съ кружкою эля въ рукѣ, усердно поддакивалъ всему, что говорилъ его принципалъ, прежде чѣмъ послѣдній успѣвалъ даже окончить свою рѣчь.

— Сидите, не вставайте, проговорилъ докторъ, дѣлая знакъ рукою.

— Благодарю васъ, сэръ, отвѣчалъ м-ръ Джайльзъ.—Барынѣ угодно было приказать, чтобы намъ выдали элю; а такъ какъ мнѣ въ комнатѣ одному скучненько стало и захотѣлось съ добрыми людьми въ компаніи провести вечеръ, то я пришелъ выпить свою порцію здѣсь.

Бриттльсъ взялъ на себя починъ легкаго одобрительнаго ропота, долженствовавшаго выразить со стороны всѣхъ присутствующихъ дамъ и джентльменовъ благодарность м-ру Джайльзу за его снисхожденіе. М-ръ Джайльзъ обвелъ вокругъ себя глазами съ покровительственнымъ видомъ, какъ бы давая этимъ понять, что, пока они ведутъ себя добропорядочно, онъ никогда не отвернется отъ нихъ.

— Какъ чувствуетъ себя вашъ больной, сэръ? освѣдомился Джайльзъ.

— Мм, такъ себѣ, отвѣчалъ докторъ.—Я боюсь, Джайльзъ, что вы втесались въ очень скверную исторію.

— Надѣюсь, сэръ, что вы не хотѣли этимъ сказать, что опасность грозитъ его жизни? продолжалъ Джайльзъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Если бы это было такъ, я просто никого бы не зналъ. Я не желалъ бы имѣть на своей совѣсти смерть мальчишки, хотя бы этотъ мальчишка былъ никто иной, какъ Бриттльсъ; за всю посуду въ соединенномъ королевствѣ я не взялъ бы такого грѣха на душу.

— Дѣло не въ этомъ, таинственно проговорилъ докторъ.—Вы вотъ что мнѣ скажите, м-ръ Джайльзъ: добрый ли вы протестантъ?

— Да, сэръ, надѣюсь, по крайней мѣрѣ, пробормоталъ м-ръ Джайльзъ, блѣдный какъ полотно.

— Ну, а вы что такое, молодой человѣкъ? рѣзко обратился докторъ къ Бриттльсу.

— Господи, Боже мой, сэръ! воскликнулъ Бриттльсъ, вскакивая въ испугѣ съ своего мѣста.—Я... я тоже, что и м-ръ Джайльзъ, сэръ.

— А коли такъ, скажите мнѣ оба, грозно накинулся на нихъ докторъ:—оба скажите, можете ли вы присягнуть, что этотъ мальчикъ, что лежитъ наверху—тотъ самый, который въ прошлую ночь пролѣзъ въ окно? Отвѣчайте же! я васъ слушаю.

Докторъ, котораго всѣ считали за добродушнѣйшаго человѣка въ мірѣ, предложилъ этотъ вопросъ такимъ гнѣвнымъ голосомъ, что Джайльзъ и Бриттльсъ, и безъ того уже выбитые изъ своей обычной колеи дѣйствіемъ эля и возбужденіемъ послѣднихъ событій, могли только выпучить другъ на друга въ изумленіи глаза.

— Прошу васъ, констэбль, обратите вниманіе на ихъ отвѣтъ, продолжалъ докторъ, торжественно поднимая кверху указательный палецъ и затѣмъ, прикладывая къ кончику своего носа, какъ бы съ цѣлью побудить блюстителя порядка къ крайнему напряженію свойственной ему проницательности.—Изъ этого могутъ въ скоромъ времени выйти очень важныя послѣдствія.

Констэбль принялъ самый глубокомысленный видъ, какой только могъ и вооружился своимъ жезломъ, который до этого оставался въ пренебреженіи, приставленнымъ къ углу камина.

— Это, прошу васъ замѣтить, простой вопросъ о тождествѣ личности, проговорилъ докторъ.

— Именно такъ, сэръ, отвѣчалъ констэбль, закашлявшись, потому что слишкомъ поторопился допить свое пиво и часть послѣдняго попала ему не въ то горло.

— Передъ нами случай такого рода, продолжалъ докторъ: — воры задумали забраться въ домъ. Двое изъ жильцовъ мелькомъ видятъ фигуру мальчика; они видятъ и сквозь облака пороховаго дыма, среди смятенія и тѣсноты. Въ тотъ же домъ на слѣдующее утро приходитъ ребенокъ и только на томъ основаніи, что руки у него

случайно оказывались на-перевязи, люди эти хватаютъ его, чѣмъ подвергаютъ его жизнь не малой опасности и клянутся, что онъ-то и есть воръ. Теперь весь вопросъ въ томъ: на сколько факты могутъ служить оправданіемъ поведенію этихъ людей, а если факты не оправдываютъ ихъ, то въ какое положеніе ставятъ они себя?

Констэбль глубокомысленно кивнулъ головою и замѣтилъ, что если это несообразно съ закономъ, то онъ послѣ этого не знаетъ гдѣ и искать сообразности съ закономъ.

— Я опять васъ спрашиваю, загремѣлъ докторъ: — можете ли вы торжественно присягнуть, что этотъ мальчикъ тотъ самый, котораго вы видѣли вчера?

Бриттльсъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на м-ра Джайльза, а м-ръ Джайльзъ въ такомъ же недоумѣніи посмотрѣлъ на Бриттльса, констэбль приложилъ къ уху ладонь руки, чтобы лучше разслышать ожидаемый отвѣтъ; обѣ женщины и котельщикъ наклонились впередъ съ выраженіемъ напряженнаго вниманья; докторъ обводилъ всѣхъ проницательнымъ взглядомъ, но въ эту самую минуту раздался звонокъ у воротъ и, вслѣдъ затѣмъ грохотъ подъѣзжающаго экипажа.

— Это „рённеры!“ воскликнулъ Бриттльсъ, съ видомъ чрезвычайнаго облегченія.

— Кто такіе? спросилъ докторъ, приходя въ свою очередь въ смущенье.

— Господа изъ сыскной полиціи, сэръ, отвѣчалъ Бриттльсъ, хватаясь за свѣчу: — мы съ м-ромъ Джайльзомъ послали за ними сегодня утромъ.

— Какъ же, сэръ, я послалъ записку съ кучеромъ омнибуса и удивляюсь только, что они такъ запоздали.

— Вы послали записку? послали? Такъ чортъ же побери ваш... медленность вашихъ омнибусовъ, я хотѣлъ сказать. — И съ этимъ восклицаніемъ докторъ вышелъ изъ кухни.

ГЛАВА XXX.

Въ которой описывается одно критическое положеніе.

— Кто тамъ? спросилъ Бриттльсъ, пріотворяя немного входную дверь, но не снимая цѣпи, которая замыкала ее. Онъ выглянулъ во дворъ, заслонивъ свѣчу рукою.

— Отворите, отвѣчалъ голосъ со двора.—Это сыскная полиція, за которой вы посылали сегодня утромъ.

Успокоенный этимъ увѣреніемъ, Бриттльсъ распахнулъ дверь во всю ширину и очутился лицомъ къ лицу съ весьма виднымъ господиномъ, закутаннымъ въ плащъ; господинъ этотъ вошелъ въ комнату, не произнеся болѣе ни слова, и отеръ ноги о половикъ съ такимъ развязнымъ видомъ, какъ будто бы онъ жилъ тутъ.

— А вы вотъ что, молодой человѣкъ, обратился онъ къ Бриттльсу. — Пошлите кого-нибудь на смѣну моему товарищу; онъ остался тамъ на дворѣ при лошади. Вѣдь у васъ вѣрно найдется какой нибудь сарайчикъ, куда поставить лошадь минутъ этакъ на пять или на десять?

Бриттльсъ отвѣчалъ утвердительно и указалъ подходящее строеніе. Тогда видный господинъ вышелъ въ садовую калитку и принялся, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, устанавливать лошадь и экипажъ; Бриттльсъ тѣмъ временемъ свѣтилъ имъ, проникнутый восторженнымъ удивленіемъ передъ каждымъ ихъ шагомъ. Покончивъ это дѣло, они вернулись въ домъ; тутъ ихъ провели въ пріемную, гдѣ они сняли свои плащи и шляпы и предстали въ такомъ видѣ, что можно было наконецъ разглядѣть ихъ наружность. Господинъ, который первымъ постучался въ дверь, оказался плотно сложеннымъ мужчиною средняго роста, лѣтъ пятидесяти на видъ, съ лоснящимися черными волосами, подстриженными очень коротко, съ подстриженными же усами, съ круглымъ лицомъ и проницательнымъ взглядомъ. Товарищъ его былъ рыжій и костлявый мужчина, въ высокихъ

сапогахъ съ довольно невзрачною физіономіею и вздернутымъ носомъ, производившимъ какое-то зловѣщее впечатлѣніе.

— Доложите-ка хозяину, что Блэдерсъ и Дёффъ пріѣхали, проговорилъ плотный господинъ, приглаживая себѣ волосы и кладя на столъ пару колодокъ.—А, добрый вечеръ, сударь! Могу я переговорить съ вами наединѣ?

Эти послѣднія слова были обращены къ м-ру Лосберну, который въ ту минуту вошелъ въ пріемную. Докторъ сдѣлалъ Бриттльсу знакъ, чтобы тотъ удалился, затѣмъ ввелъ обѣихъ дамъ и затворилъ дверь.

— Вотъ хозяйка дома, проговорилъ Лосбернъ, указывая на м-съ Мейли. М-ръ Блэдерсъ отвѣсилъ поклонъ и, получивъ приглашеніе сѣсть, поставилъ свою шляпу на полъ, придвинулъ себѣ стулъ и знакомъ далъ понять Дёффу, чтобы онъ сдѣлалъ тоже самое. Но этотъ послѣдній джентльменъ, который, повидимому, былъ не столь привыченъ къ хорошему обществу, или не чувствовалъ себя такъ свободно въ немъ,—сѣлъ, продѣлавъ предварительно нѣсколько неуклюжихъ движеній всѣми членами своего тѣла и съ довольно сконфуженнымъ видомъ засунулъ себѣ набалдашникъ своей палки въ ротъ.

— Ну-съ, такъ насчетъ эвтаго самаго воровства, сударь, началъ Блэдерсъ: - нельзя ли узнать обстоятельство дѣла?

М-ръ Лосбернъ, которому видимо хотѣлось выиграть время, принялся очень пространно и многорѣчиво разсказывать имъ обстоятельства дѣла. М-ры Блэдерсъ и Дёффъ во все продолженіе его рѣчи сохраняли чрезвычайно свѣдущій видъ и отъ времени до времени обмѣнивались между собою многозначительнымъ движеніемъ головы.

— Я, конечно, не могу сказать навѣрное, пока я не осмотрѣлъ мѣсто происшествія, но мое мнѣніе,—это я вамъ теперь же могу высказать,—тутъ видны руки ни простаго *гокеля*... Вы какъ думаете, Дёффъ?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Дёффъ.

— А переводя слово *гокель* на общепринятый языкъ для назиданія дамъ, вмѣшался, улыбаясь, докторъ Лосбернъ:—вы, если я не ошибаюсь, хотите сказать, что это дѣло было сдѣлано не деревенскимъ воришкой?

— Именно такъ, сударь, отвѣчалъ Блэдерсъ. — Больше вы ничего не имѣете мнѣ разсказать про покушеніе?

— Ничего, отвѣчалъ докторъ.

— Ну, а теперь, скажите, что это за мальчикъ, про котораго тутъ толкуютъ слуги? спросилъ Блэдерсъ.

— О, это такъ, пустяки, возразилъ докторъ. — Одному изъ перепуганныхъ слугъ угодно было вообразить себѣ, что этотъ мальчикъ имѣетъ какое-то отношеніе ко вчерашнему воровству. Но это сущій вздоръ.

— Не больно ли поспѣшно изволите судить? вмѣшался Дёффъ.

— Это онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, подтвердилъ Блэдерсъ, одобрительно кивая головой и играя калодками, какъ будто онѣ были парою кастаньетъ. Кто этотъ мальчикъ? Какія показанія дастъ онъ о себѣ. Откуда онъ взялся? Вѣдь не съ неба же онъ свалился я полагаю?

— Конечно не съ неба, отвѣчалъ докторъ, бросая безпокойный взглядъ въ сторону дамъ. — Я знаю всю его исторію; но объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить послѣ. Вы, вѣроятно, пожелаете предварительно произвести осмотръ мѣстности, гдѣ было совершено покушеніе?

— Конечно, отвѣчалъ Блэдерсъ. — Намъ слѣдуетъ прежде осмотрѣть мѣстность, а потомъ уже допросить слугъ. Это всегда такъ дѣлается.

Принесли свѣчи и господа Блэдерсъ и Дёффъ, въ сопровожденіи туземнаго констэбля, Бриттльса, Джайльза, словомъ, всего населенія дома отправились въ маленькую комнатку на концѣ корридора, посмотрѣли изъ окна наружу, затѣмъ обошли домъ со стороны лужайки и посмотрѣли въ окно снаружи, затѣмъ велѣли подать свѣчу, чтобы произвести осмотръ ставня, потомъ велѣли подать фонарь, чтобы произвести осмотръ слѣдовъ, потомъ велѣли подать шестъ, чтобы обшарить кусты. Продѣлавъ все это къ несказанному удовольствію зрителей, которые слѣдили за всей процедурой, притаивъ дыханіе, они вернулись въ домъ и м-ръ Джаильзъ и Бриттльсъ были приглашены воспроизвести мелодраматическія подробности вчерашняго ихъ похожденія, что они и исполнили не менѣе шести разъ подрядъ, при чемъ на первый разъ показанія ихъ разошлись не болѣе какъ въ одномъ важномъ пунктѣ, и въ послѣдней версіи такихъ про-

тиворѣчій набралось не болѣе дюжины. По достиженіи этого результата, Блэдерсъ и Дёффъ приказали всѣмъ удалиться и, оставшись въ комнатѣ съ глазу-на-глазъ, имѣли между собою весьма продолжительное совѣщаніе, въ сравненіи съ которымъ по части таинственности и торжественности, консультація великихъ докторовъ о самомъ трудномъ медицинскомъ вопросѣ, показалась бы просто дѣтскою игрою.

Между тѣмъ, въ смежной комнатѣ докторъ расхаживалъ взадъ и впередъ въ очень тревожномъ настроеніи духа и м-съ Мейли и Роза слѣдили за нимъ съ озабоченными лицами.

— По чести! воскликнулъ онъ, останавливаясь послѣ этого какъ нѣсколько измѣрилъ комнату быстрыми шагами: — я совсѣмъ не знаю, что тутъ дѣлать?

— Я убѣждена, замѣтила Роза: — что простой, правдивой передачи исторіи бѣднаго ребенка будетъ совершенно достаточно, чтобы оправдать его въ глазахъ этихъ людей.

— Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь, дорогая моя м-съ Роза, отвѣчалъ докторъ, качая головою. — Я не думаю, чтобы это могло оправдать его, какъ въ ихъ глазахъ, такъ и въ глазахъ другихъ, высшихъ блюстителей закона. Какъ бы то ни было, что онъ такое? не преминутъ они спросить себя. — Онъ бѣглый бродяга. Если судить на основаніи простыхъ житейскихъ соображеній и вѣроятій, разсказъ его представляется крайне неправдоподобнымъ.

— Но вѣдь вы, не правда ли, вѣрите ему? поспѣшно спросила Роза.

— Я-то вѣрю, какъ ни много въ немъ необычайнаго, — и быть можетъ, за свою довѣрчивость я лишь заслуживаю названіе стараго дурака, отвѣчалъ докторъ. — Но тѣмъ не менѣе, я не думаю, чтобы такою исторіею могъ удовольствоваться опытный полицейскій сыщикъ.

— А почему же бы и нѣтъ? спросила Роза.

— Потому, мой прекрасный адвокатъ, глядя на дѣло съ ихъ точки зрѣнія, въ этой исторіи нельзя не отыскать многихъ неблаговидныхъ сторонъ; и приэтомъ онъ можетъ подтвердить доказательствами только то, что говоритъ не въ его пользу и не можетъ доказать того, что выставляетъ его въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Эти люди, чтобъ имъ пусто было, непремѣнно будутъ допытываться

какъ, отчего, да почему, и ни единому показанію не повѣрятъ ни слова. Вы помните, что онъ, по собственному его признанію, жилъ нѣкоторое время въ сообществѣ воровъ; онъ уже успѣлъ побывать въ камерѣ по обвиненію въ карманномъ воровствѣ, учиненномъ надъ однимъ джентльменомъ. Изъ дома этого джентльмена его похищаютъ и увозятъ насильно въ такое мѣсто, указать которое онъ не можетъ и о географическомъ положеніи котораго онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Въ Чертси его привозятъ люди, которымъ онъ, по видимому вдругъ ни съ того ни съ сего ужасно понадобился, и подсаживаютъ его въ окно, чтобы онъ обокралъ домъ; наконецъ, какъ разъ въ ту самую минуту, когда онъ хочетъ поднять крикъ и разбудить живущихъ въ домѣ, т. е. сдѣлать то самое дѣло, которое выгородило бы его отъ всякихъ подозрѣній, въ комнату вваливается этотъ тюлень и неучь дворецкій и подстрѣливаетъ его какъ бы нарочно съ тѣмъ, чтобы помѣшать ему сдѣлать что нибудь путное для себя. Неужто вы не видите всю несообразность этой исторіи?

— Видѣть-то я вижу, отвѣчала Роза, улыбаясь его горячности: — но все же я не понимаю, что тутъ такого, что могло бы бросить на бѣднаго ребенка тѣнь преступности?

— Нѣтъ, конечно, ничего такого нѣтъ! возразилъ докторъ. — Дай Богъ здоровья прекраснымъ глазкамъ вашего пола! Они никогда не видятъ, ни къ добру, ни къ худу, болѣе одной стороны вопроса и именно той, которая представится имъ первою.

Выложивъ этотъ результатъ своей житейской опытности, докторъ засунулъ руки въ карманы и принялся расхаживать по комнатѣ даже съ большею быстротою, чѣмъ прежде.

— Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, заговорилъ онъ снова: — тѣмъ яснѣе я убѣждаюсь, что мы запутаемся въ безконечныя непріятности и затрудненія, если разскажемъ этимъ людямъ истинную правду про мальчика. Я убѣжденъ, что они не повѣрятъ, и если даже въ концѣ концовъ развязка выйдетъ для него благополучная, все же одно то, что его увезутъ отсюда и что всѣ сомнѣнія, возбуждаемыя его разсказомъ получатъ огласку, не можетъ не помѣшать вашему благому намѣренію спасти его отъ горькой его доли.

— Такъ что же намъ дѣлать? воскликнула Роза. — И зачѣмъ это только посылали за этими людьми?

— Да, зачѣмъ за ними посылали? сказала м-съ Мейли. Я вовсе не желала, чтобы они пріѣзжали.

— Все, что я знаю, проговорилъ м-ръ Ласбернъ, усаживаясь съ какимъ-то спокойствіемъ отчаянья: — это, что намъ надо стараться выйти изъ этого положенія, не показывая и виду, что мы смущены. Цѣль наша хорошая, и это должно намъ служить оправданіемъ. У мальчика начинается сильная лихорадка, и онъ въ такомъ состояніи, что больше съ нимъ разговаривать нельзя. Это хоть одно утѣшительное обстоятельство. Мы должны выгадывать лучшее изъ того, что мы можемъ дѣлать; и если приэтомъ, лучшимъ оказывается всетаки худое, то въ этомъ мы не виноваты. Войдите!

— Ну-съ, сударь, сказалъ Блэдерсъ, входя въ комнату, въ сопровожденіи своего товарища и плотно притворяя за собою дверь, прежде, чѣмъ продолжать начатую рѣчь: — это не было сдѣлано по уговору.

— Про какой такой уговоръ вы толкуете? съ досадою спросилъ докторъ.

— Мы называемъ воровствомъ по уговору, милостивыя государыни, обратился Блэдерсъ къ дамамъ, какъ бы соболѣзнуя о ихъ невѣжествѣ и чувствуя одно презрѣніе къ невѣжеству доктора: — когда слуги бываютъ въ него замѣшаны.

— Слугъ, въ настоящемъ случаѣ, никто и не подозрѣвалъ, отвѣчала м-съ Мейли.

— Вѣрю вамъ, сударыня, возразилъ Блэдерсъ: — но все же они могли быть замѣшаны.

— И только потому-то и могли, что ихъ никто не подозрѣвалъ, вставилъ Дёффъ.

— Но мы убѣдились, продолжалъ Блэдерсъ, что это штука городскихъ жуликовъ: — работа первый сортъ.

— Да, очень недурная работа, замѣтилъ Дёффъ въ полголоса.

— Ихъ было двое, продолжалъ Блэдерсъ, и съ ними былъ мальчикъ: — это ясно изъ размѣровъ окна. Больше пока мы ничего не можемъ сказать. А теперь позвольте намъ взглянуть на этого мальчика, что лежитъ наверху.

— Но, быть можетъ, эти господа не откажутся выпить что нибудь, прежде чѣмъ идти наверхъ? обратился докторъ къ м-съ Мейли

съ внезапно прояснѣвшимъ лицомъ, точно онъ напалъ на какую-то новую мысль.

— О, конечно! поспѣшила поддержать его Роза.—Если хотите. я сейчасъ же подамъ вамъ.

— Благодаримъ покорно, м-съ, проговорилъ Блэдерсъ, проводя обшлагомъ своего сюртука по губамъ. Работа оно, точно, знаете, сухая. Только, м-съ, не хлопочите изъ-за насъ: что у васъ тутъ подъ рукою случится, то и ладно будетъ.

— Вы какой напитокъ предпочитаете? спросилъ докторъ, слѣдуя за молодой дѣвушкой по направленію къ буфету.

— Да ужъ коли вамъ разницы не составитъ, такъ спиртнаго бы малую толику, отвѣчалъ Блэдерсъ.—Изъ Лондона, то сюда ѣхать—назябнился, знаете, сударыня, а я всегда находилъ, что спиртное какъ-то лучше чувства согрѣваетъ. Это интересное замѣчаніе было обращено къ м-съ Мейли, которая приняла его очень любезно. Пока она выслушивала его, докторъ успѣлъ незамѣтно скрыться изъ комнаты.

— Д-да! проговорилъ м-ръ Блэдерсъ, беря рюмку не за ножку, а обхватывая ее за края между указательнымъ и большимъ пальцемъ лѣвой руки и держа ее прямо противъ груди:—насмотрѣлся я таки на эти дѣла, сударыня, на своемъ вѣку.

— Вотъ хоть бы это воровство въ проулкѣ, близъ Эдмонтона. Блэдерсъ, подсказалъ Дёффъ.

— Да, это было въ томъ же родѣ какъ и теперешняя штука, не правда ли?—отвѣчалъ м-ръ Блэдерсъ.—Это тогда Конки Чикуидъ обдѣлалъ дѣльцо,—больше некому было.

— Вы съ самаго начала думали на него, возразилъ Дёффъ. — А я стою на своемъ, что это сдѣлалъ „Любимчикъ“ и Конки Чикундъ тутъ столько же участвовалъ, какъ и я.

— Подите вы! Точно я не знаю! отвѣчалъ м-ръ Блэдерсъ. — А помните вы, какъ у Конки Чикуида украли его деньги? Вотъ такъ оказія была!—интереснѣе всякаго романа.

— Что это была за исторія? спросила Роза, спѣша поддержать доброе настроеніе духа въ непріятныхъ посѣтителяхъ.

— Это было такое воровство, м-съ, въ какомъ рѣдкій сыщикъ отыскалъ бы концы, отвѣчалъ Блэдерсъ.—Этотъ самый Конки Чикуидъ...

— Конки значитъ, сударыня, носастый, пояснилъ Дёффъ.

— Точно дамы и безъ того, этого не знаютъ? обидѣлся м-ръ Блэдерсъ.—Вѣчно вы меня перебиваете! Такъ этотъ самый Конки Чикуидъ, сударыня, содержалъ кабакъ па Батльбраджской дорогѣ, и у него былъ погребокъ, куда молодые лорды пріѣзжали смотрѣть пѣтушиные бои и травли, и всякую такую штуку. Я самъ не разъ бывалъ у него на этихъ представленіяхъ и, долженъ сказать, очень у него интересно все это было устроено. Въ ту пору онъ еще не приписался къ воровской братіи и вотъ, разъ ночью у него украли триста двадцать семь гиней. Деньги лежали у него въ сумкѣ и укралъ ихъ изъ его спальни высокій мужчина, съ черной повязкой на глазу, который забрался къ нему подъ кровать и затѣмъ выпрыгнулъ въ окно, такъ какъ комната помѣщалась въ первомъ этажѣ. Малый живо обработалъ свое дѣло, но и Конки не сплоховалъ: шумъ разбудилъ его, онъ тотчасъ выскочилъ изъ постели, пустилъ вору пулю въ догонку и поднялъ на ноги всѣхъ сосѣдей. Тутъ началась, конечно, суматоха, когда люди поосмотрѣлись немного, увидали, что Конки попалъ въ разбойника, потому что по всей дорогѣ, вплоть до одного забора, отстоявшаго довольно далеко, видны были слѣды крови. Однако воръ все-таки успѣлъ улизнуть, а вслѣдствіе этого нѣсколько дней спустя, имя м-ра Чикуида, торговца спиртными напитками, появилось въ газетахъ въ спискѣ банкротовъ. Бѣдняку старались помочь и подписками, и всякими льготами и ужъ не знаю чѣмъ; а онъ былъ совсѣмъ убитъ горемъ и дня три или четыре ходилъ по улицамъ и рвалъ на себѣ волосы съ такимъ отчаяннымъ видомъ, что многіе опасались, какъ бы онъ на себя руки не наложилъ. Только вотъ однажды проходитъ онъ весь въ попыхахъ въ полицію и запирается съ судьей съ глазу на глазъ; долго они такъ о чемъ-то толковали, наконецъ, судья позвонилъ и призвалъ Джема Спайерса (Джемъ былъ очень расторопный полицейскій)—и приказалъ ему идти съ м-ромъ Чикуидомъ и помочь ему въ поимкѣ вора, который его обокралъ.—Я видѣлъ его, Спайерсъ, говоритъ Чикуидъ, — онъ вчера утромъ прошелъ мимо моего дома.—Чтожъ вы его за шиворотъ не схватили? спрашиваетъ Спайерсъ.—Да я такъ растерялся, что мнѣ въ эту минуту, кажись, черепъ можно было разможжить зубочисткой, отвѣчаетъ бѣднякъ. Но мы его непремѣнно поймаемъ, потому что вечеромъ, между десятью и одинадцатью часами онъ проходилъ

опять.—Спайерсъ, какъ только услышалъ это, сейчасъ же надѣлъ чистое бѣлье и положилъ гребешокъ въ карманъ, на случай если бы ему пришлось пробыть въ отлучкѣ дня два. Снарядившись такимъ образомъ, онъ отправился и сталъ у одного изъ оконъ кабака, спрятавшись за красной занавѣской; онъ даже шляпы не снялъ и приготовшись по первому же знаку броситься на улицу. Такъ прошло время почитай что до полуночи; Спайерсъ, покуривалъ свою трубку, какъ вдругъ Чикуидъ закричалъ:

— Вотъ онъ! Стой, держи, караулъ!!! — Джемъ Спайерсъ на улицу; анъ, глядь, Чикуидъ бѣжитъ уже впереди его и оретъ благимъ матомъ. Спайерсъ летитъ со всѣхъ ногъ; Чикуидъ и того быстрѣй отжариваетъ; прохожіе останавливаются, всѣ кричатъ: „караулъ!“ и самъ Чикуидъ оретъ во всю глотку.

Спайерсъ на минуту теряетъ его изъ виду, когда онъ заворачиваетъ за уголъ улицы; Спайерсъ тоже огибаетъ уголъ, видитъ передъ собой кучку народа и прямо туда... Гдѣ же воръ!—Проклятье! отвѣчаетъ Чикуидъ, я опять упустилъ его.

Случай выходилъ очень диковинный, — но вора нигдѣ не было видно, а потому пришлось вернуться въ кабакъ. На слѣдующее утро Спайерсъ опять занялъ прежнее мѣсто и до тѣхъ поръ глядѣлъ на улицу изъ-за занавѣски, высматривая высокаго мужчину съ черной повязкой на глазу, пока у него самого не заболѣли глаза. Какъ онъ ни крѣпился, все-таки не утерпѣлъ, сомкнулъ на минуту вѣки, чтобы дать отдохнуть глазамъ; и вотъ, какъ разъ въ эту минуту, слышитъ, Чикуидъ опять оретъ: „Вотъ онъ!“ Опять Спайерсъ бросается въ погоню, а Чикуидъ, какъ и вчера уже опередилъ его на цѣлую половину улицы; и потративъ вдвое больше времени на погоню, чѣмъ вчера, опять таки остановились, никого не поймавъ. Та же исторія повторялась еще раза два, пока наконецъ половина сосѣдей порѣшила, что мистера Чикуида обокралъ самъ чортъ, который теперь надъ нимъ же еще тѣшится, а другая половина пришла къ заключенію, что бѣдный мистеръ Чикуидъ просто помѣшался съ горя.

— А что говорилъ Джемъ Спайерсъ? спросилъ докторъ, который вернулся въ комнату вскорѣ послѣ начала этого разсказа.

— Джемъ Спайерсъ, продолжалъ полицейскій, долгое время ничего не говорилъ и только прислушивался къ разнымъ толкамъ, не показывая и вида, что прислушивается; изъ чего вы можете заклю-

чить, что онъ свое дѣло разумѣлъ хорошо. Только однажды утромъ онъ входитъ въ кабакъ и, вынимая свою табакерку, говоритъ: — Чикундъ, а я нашелъ того человѣка, что васъ обокралъ. — Неужели нашли?! воскликнулъ Чикундъ. — О, голубчикъ Спайерсъ! дайте мнѣ только отплатить ему за обиду, и я умру спокойно. О, мой милый Спайерсъ, скажите, гдѣ этотъ негодяй? — Полноте, говоритъ ему Спайерсъ, подчуя его изъ своей табакерки, — морочить-то меня вы оставьте: воръ — вы сами. — И точно, оказалось, что онъ самъ себя обокралъ, и зашибъ же онъ изрядную деньгу этой штукой! И никто ни въ вѣкъ не догадался бы въ чемъ дѣло, если бы онъ самъ не пересолилъ въ своемъ усердіи поддержать внѣшность. — Такъ-то-съ, заключилъ мистеръ Блэдерсъ, ставя свою рюмку на столъ и постукивая колодками.

— Чрезвычайно любопытная исторія, замѣтилъ докторъ. — А теперь, съ вашего позволенія, не пройти ли намъ наверхъ?

— Т. е. съ *вашего* дозволенія, сэръ, отозвался мистеръ Блэдерсъ, и оба полицейскіе, слѣдуя по пятамъ за мистеромъ Лосберномъ, отправились въ комнату Оливера; впереди всего общества шелъ мистеръ Джайльзъ и несъ свѣчу.

Оливеръ передъ этимъ дремалъ; но ему видимо становилось хуже и лихорадка успѣла значительно усилиться. Съ помощью доктора, онъ усѣлся въ постели и могъ продержаться въ этомъ положеніи минуту или двѣ. На незнакомцевъ онъ глядѣлъ, видимо не понимая, что вокругъ него происходитъ, и вообще, казалось, совсѣмъ позабылъ гдѣ онъ и что съ нимъ такое.

— Вотъ это, началъ мистеръ Лосбернъ, вполголоса, но тѣмъ не менѣе, чрезвычайно внушительно: — это тотъ самый мальчикъ, который, будучи раненъ въ какой-то дѣтской шалости на земляхъ мистера... Какъ бишь его? — Чья дача помѣщается позади здѣшняго дома: — пришелъ сюда сегодня утромъ за помощью и былъ немедленно схваченъ самымъ грубымъ образомъ вотъ этимъ самымъ остроумнымъ джентльменомъ, который теперь намъ свѣтитъ и который своимъ обращеніемъ подвергъ его жизнь не малой опасности, что я, какъ медикъ, могу засвидѣтельствовать.

Господа Блэдерсъ и Дёффъ посмотрѣли на м-ра Джайльза, котораго такимъ образомъ рекомендовали ихъ вниманію; ошеломлен-

ный дворецкій глядѣлъ то на нихъ, то на Оливера, то на м-ра Лосберна съ какою-то комичною смѣсью страха и недоумѣнія.

— Полагаю, что вы этого не станете отрицать? обратился къ нему докторъ, снова укладывая Оливера въ постели.

— Я... я думалъ все сдѣлать къ лучшему, пробормоталъ Джайльзъ. — Я былъ убѣжденъ, что это тотъ самый мальчикъ, иначе я бы его не тронулъ. Не звѣрь же я какой, въ самомъ дѣлѣ, сэръ.

— Какой же это „тотъ самый мальчикъ", переспросилъ полицейскій.

— Да тотъ, котораго привели съ собою воры, сэръ, отвѣчалъ Джайльзъ.—Вѣдь съ ними же былъ мальчикъ, это вѣрно.

— Ну, а теперь вы остались при томъ же убѣжденіи, спросилъ Блэдерсъ.

— Т. е. при какомъ же это убѣжденіи? переспросилъ Джайльзъ, глядя безсмысленными глазами на полицейскаго.

— Да на счетъ мальчика, тупица! нетерпѣливо отвѣчалъ м-ръ Блэдерсъ.

— Я не знаю, я, право, не знаю, проговорилъ м-ръ Джайльзъ въ отчаяніи. — Присягнуть я не присягну, что это тотъ самый.

— Но все-таки, какъ вы думаете? допрашивалъ м-ръ Блэдерсъ.

— Я не знаю, что и думать, отвѣчалъ бѣдный м-ръ Джайльзъ. — Наврядъ ли это тотъ мальчикъ... Я даже почти увѣренъ, что это не онъ. Быть не можетъ, чтобы это былъ онъ.

— Да что этотъ человѣкъ пьянъ, что ли, сэръ? обратился Блэдерсъ къ доктору.

— Эхъ вы, голова съ мозгомъ! обратился Дёффъ къ м-ру Джайльзу съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

М-ръ Лосбернъ во время этого краткаго разговора былъ занятъ тѣмъ, что щупалъ пульсъ своего больнаго. Но теперь онъ поднялся съ своего стула возлѣ кровати и замѣтилъ, что если господа полицейскіе еще не окончательно выяснили себѣ обстоятельства этого дѣла, то они быть можетъ не откажутся пройти въ сосѣднюю комнату и потребовать туда Бриттльса для новаго допроса.

Воспользовавшись поданною имъ мыслью, сыщики отправились въ сосѣднюю комнату, гдѣ Бриттльсъ, будучи позванъ ими, запуталъ себя и своего принципала въ такую изумительную сѣть новыхъ

противорѣчій и неправдоподобностей, которая нельзя сказать, чтобы особенно способствовала выясненію чего бы то ни было, кромѣ развѣ того факта, что самъ онъ, Бриттльсъ, жестоко попался въ просакъ. Изъ показаній его явствовало, что онъ сейчасъ же узнаетъ вчерашняго воришку, если его поставятъ съ нимъ лицо къ лицу, что онъ принялъ Оливера за того мальчика только потому, что м-ръ Джайльзъ сказалъ, что это онъ; но что м-ръ Джайльзъ пять минутъ тому назадъ сознался въ кухнѣ, что онъ начинаетъ опасаться, не поторопился ли онъ слишкомъ съ своимъ заключеніемъ.

Затѣмъ въ числѣ прочихъ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ, былъ поднятъ вопросъ о томъ, да ужъ полно ранилъ ли кого м-ръ Джайльзъ, и по осмотрѣніи неразряженнаго пистолета изъ той пары, которая послужила м-ру Джайльзу, оказалось, что онъ не содержитъ въ себѣ другаго болѣе разрушительнаго заряда, какъ порохъ и оберточная бумага. Открытіе это произвело на всѣхъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, — на всѣхъ, кромѣ, впрочемъ, доктора, который за десять минутъ передъ этимъ собственными руками вынулъ пулю изъ этого пистолета. Но всѣхъ болѣе былъ пораженъ самъ м-ръ Джайльзъ, который, промучившись передъ этимъ нѣсколько часовъ опасеніемъ, что онъ смертельно ранилъ человѣка, съ жадностью ухватился за эту новую мысль и, съ своей стороны, принялся наиусерднѣйшимъ образомъ развивать ее. Въ концѣ концовъ сыщики, не заботясь объ Оливерѣ, оставили въ домѣ мѣстнаго констэбля, а сами отправились ночевать въ городъ, обѣщавъ вернуться на слѣдующее утро.

На слѣдующее утро пронесся слухъ, что въ Кингстонѣ за ночь были захвачены двое мужчинъ и одинъ мальчикъ, при самыхъ подозрительныхъ обстоятельствахъ; прослышавъ объ этомъ господа Блэдерсъ и Дёффъ немедленно отправились въ Кингстонъ. Подозрительныя обстоятельства, однако, при ближайшемъ разслѣдованьи, свелись на тотъ фактъ, что сказанные люди были найдены спящими подъ стогомъ сѣна. Такой поступокъ хотя и составлялъ тяжкое преступленіе, но подлежитъ лишь наказанію тюремнымъ заключеніемъ и въ милосердныхъ случаяхъ англійскаго закона, обнимающаго равной любовью всѣхъ подданныхъ короля, еще не считается, при отсутствіи другихъ уликъ, достаточнымъ доказательствомъ того, что спящій, или спящіе совершили воровство со взломомъ и тѣмъ заслужили

смертную казнь; такимъ образомъ господа Блэдерсъ и Дёффъ вернулись съ тѣмъ же, съ чѣмъ и поѣхали.

Словомъ, послѣ нѣсколькихъ новыхъ вопросовъ и очень большаго количества переливанья изъ пустаго въ порожнее, мѣстный судья безъ труда согласился принять совокупное поручительство м-съ Мейли и м-ра Лосберна въ томъ, что Оливеръ незамедлитъ явиться, если его когда нибудь потребуютъ въ судъ. Что касается Блэдерса и Дёффа, то, получивъ въ награду за свои труды пару гиней, они вернулись въ городъ, сильно расходясь между собою во взглядахъ относительно этого дѣла; между тѣмъ. какъ послѣдній изъ поименованныхъ джентльменовъ, по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, сильно склонялся въ пользу того предположенія, что покушеніе было произведено „Любимчикомъ“—первый въ равной мѣрѣ былъ склоненъ приписать всю честь этого дѣянія Конки Чикуиду.

Между тѣмъ, Оливеръ мало по малу поправлялся, благодаря дружнымъ заботамъ м-съ Мейли, Розы и добродушнаго м-ра Лосберна. Если пламенныя молитвы, вырывающіяся изъ глубины сердца, переполненнаго благодарностью, доходятъ до неба, — а какія же другія молитвы болѣе заслуживаютъ быть услышанными? — то благословенія, призываемыя на этихъ людей бѣднымъ сиротою, должны были нисходить на нихъ, наполняя ихъ души отрадою.

ГЛАВА XXXI.

О счастливой жизни, которая начиналась для Оливера въ домѣ его добрыхъ друзей.

Болѣзнь Оливера была нелегкая и онъ отъ нея не скоро отдѣлался. Къ страданіямъ, которыя причиняетъ переломъ кости, присоединилась простуда, — слѣдствіе холода и сырости, вліянію которыхъ онъ подвергался. Такимъ образомъ онъ проболѣлъ нѣсколько

недѣль и сильно исхудалъ. Наконецъ, мало по малу онъ началъ оправляться и могъ въ отрывочныхъ словахъ, прерываемыхъ словами, высказывалъ всю глубокую свою признательность обѣимъ дамамъ и пламенную свою надежду, что, когда онъ поправится, онъ въ состояніи будетъ доказать имъ эту признательность на дѣлѣ, — на какомъ ни на есть маленькомъ дѣлѣ, лишь бы онѣ увидѣли ту любовь, которою полно его сердце, и убѣдились, что доброта ихъ не была брошена даромъ и что бѣдный мальчикъ, спасенный ими отъ нищеты и отъ погибели, готовъ положить за нихъ всю душу.

— Бѣдное дитя! сказала Роза, выслушавъ однажды эти изліянія благодарности, срывавшіяся съ блѣдныхъ губъ Оливера:—тебѣ представится много случаевъ быть намъ полезнымъ, если ты только этого самъ захочешь. Мы скоро поѣдемъ въ деревню и тётя хочетъ взять тебя съ нами. Тишина, чистый воздухъ, весеннія удовольствія,— все это быстро тебя поправитъ и мы будемъ пользоваться твоими услугами на сотню различныхъ ладовъ, какъ только ты въ состояніи будешь выносить подобное безпокойство.

— Безпокойство! воскликнулъ Оливеръ.—О, дорогая моя миссъ, если бы я только могъ работать для васъ,—если бы я только могъ доставить вамъ удовольствіе, поливая ваши цвѣты, или ухаживая за вашими птичками, или бѣгая цѣлый день взадъ и впередъ по вашимъ порученіямъ, чего бы я не далъ за это счастье!

— Тебѣ за него ровно ничего не придется отдавать, отвѣчала м-съ Мейли, улыбаясь:—потому что, какъ я уже сказала тебѣ, мы будемъ пользоваться твоими услугами на сотню различныхъ ладовъ и если ты выкажешь только половину того желанія сдѣлать намъ пріятное, какое выказываешь теперь, то ты положительно сдѣлаешь меня очень счастливою.

— Счастливой, васъ, сударыня?! воскликнулъ Оливеръ. — О, какъ вы добры, что говорите это!

— Увѣряю тебя, ты доставишь мнѣ несказанную радость, продолжала молодая дѣвушка. — Знать, что дорогая моя тётя была орудіемъ спасенья человѣка изъ той бездны, которую ты намъ описалъ, — уже само по себѣ большое счастье для меня; но знать еще при этомъ, что предметъ ея заботливосси и состраданія умѣетъ быть искренно благодарнымъ и платитъ ей горячею привязанностью, — да, это такая отрадная мысль для меня, что ты и представить себѣ

не можешь. — Вѣдь ты понимаешь, что я хочу сказать? спросила она, всматриваясь въ задумчивое лицо Оливера.

— О, да, сударыня, я понимаю! поспѣшно отвѣчалъ Оливеръ.— Но я вотъ о чемъ думаю: вѣдь я выказываю себя неблагодарнымъ въ эту самую минуту.

— Неблагодарнымъ? Къ кому? спросила молодая дѣвушка.

— Къ тому доброму джентльмену и къ той доброй старой нянѣ, которые такъ заботились обо мнѣ до этого, отвѣчалъ Оливеръ. — Если бы они знали, какъ мнѣ хорошо теперь, они, я увѣренъ въ томъ, отъ души бы порадовались.

— И я то же думаю, отвѣчала Роза: — м-ръ Лосбернъ былъ такъ добръ, что уже обѣщалъ, свозить тебя повидаться съ ними, какъ только ты настолько оправишься, что въ состояніи будешь вынести поѣздку.

— Какъ, онъ обѣщалъ это?! воскликнулъ Оливеръ и лицо его просіяло отъ удовольствія. — Я просто, кажется, себя не буду помнить отъ радости, когда увижу снова ихъ милыя, добрыя лица!

Въ скоромъ времени Оливеръ настолько окрѣпъ, что его можно было безопасно подвергнуть утомленію, сопряженному съ задуманной поѣздкой. Въ одно прекрасное утро м-ръ Лосбернъ явился за нимъ и они отправились въ маленькой кареткѣ, принадлежавшей м-съ Мейли. Когда они подъѣхали къ Чертси-Бриджу, Оливеръ вдругъ ужасно поблѣднѣлъ и вскрикнулъ.

— Ну, что тамъ такое случилось? воскликнулъ докторъ съ обычною своею живостью.—Видишь-ли ты что-нибудь? — или слышишь? — или чувствуешь? — говори же!

— Вонъ тамъ! сэръ, воскликнулъ Оливеръ, указывая въ окно кареты: — вотъ этотъ самый домъ!..

— Ну да ладно, чего такъ горячиться! Эй! кучеръ, стой! Подъѣзжай къ этому дому! крикнулъ докторъ. — Такъ что же это за домъ, мой мальчикъ? Ты мнѣ еще ничего не объяснилъ.

— Воры, сэръ... пробормоталъ Оливеръ: — это тотъ домъ, куда они меня привезли.

— Чортъ возьми! воскликнулъ докторъ. — Эй, кучеръ, выпустите меня изъ кареты! — Но прежде, чѣмъ кучеръ успѣлъ слѣзть съ козелъ, докторъ уже какими-то судьбами самъ очутился на землѣ

и опрометью добѣжавъ до пустыннаго жилища, принялся, изо всѣхъ силъ стучать въ дверь.

— Эй! Кто тамъ?! откликнулся маленькій, невзрачный горбунъ, отпирая дверь такъ неожиданно, что докторъ съ размаха своего послѣдняго удара въ нее, чуть было не полетѣлъ носомъ прямо въ сѣни. — Что такое случилось?

— Случилось! воскликнулъ докторъ, хватая, безъ дальнѣйшихъ околичностей, горбуна за воротъ: — случилось дѣло нешуточное! Грабежъ, — вотъ что случилось!

— А еще случится смертоубійство, хладнокровно отвѣчалъ горбунъ, если вы тотчасъ же не примете прочь своихъ рукъ. Слышите ли, что я вамъ говорю?

— Слышать-то я слышу, отвѣчалъ докторъ, энергично встряхивая своего плѣнника: — а ты мнѣ вотъ что скажи: гдѣ этотъ... какъ бишь его воровское имя?—да Сайксъ! — Гдѣ Сайксъ? — говори, мошенникъ!

Горбунъ выпучилъ глаза, какъ бы не помня себя отъ негодованія и изумленія, и затѣмъ, ловко увернувшись изъ рукъ доктора, выпустилъ цѣлый залпъ самыхъ ужасныхъ ругательствъ и удалился во внутренность дома. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ запереть за собою дверь, докторъ послѣдовалъ за нимъ и очутился въ гостинной. Онъ съ безпокойствомъ повелъ вокругъ себя глазами. Ни одинъ стулъ или столъ, ни одинъ одушевленный или неодушевленный предметъ, ни даже расположеніе шкаповъ не соотвѣтствовали описанію, сдѣланному Оливеру.

— А теперь, началъ горбунъ, наблюдавшій за нимъ проницательными глазами: — не угодно ли вамъ будетъ объяснить, съ какой цѣлью вы изволили вломиться ко мнѣ съ такимъ скандаломъ въ домъ? Что вы хотите убить меня или ограбить?

— Ахъ вы, глупый старый вампиръ! Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы люди пріѣзжали съ цѣлью грабежа или убійства на парѣ лошадей и въ каретѣ? отвѣчалъ раздражительный докторъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же вамъ нужно? неистово накинулся на него горбунъ. — Говорю вамъ, убирайтесь, пока я бѣды не надѣлалъ! — чортъ бы васъ побралъ!

— И уберусь, — когда сочту это нужнымъ! отвѣчалъ докторъ, заглядывая въ сосѣднюю комнату, которая, такъ же какъ и первая,

не представляла ни малѣйшаго сходства съ описаніемъ, сдѣланнымъ Оливеромъ. — Еще доберусь до васъ, рано или поздно, пріятель!

— Въ самомъ дѣлѣ?! усмѣхнулся уродъ. — Если я вамъ когда-либо понадоблюсь, вы всегда найдете меня здѣсь. Не для того я прожилъ въ этомъ домѣ, одинъ одинешенекъ цѣлыя двадцать пять лѣтъ, чтобы дать себя застращать первому встрѣчному. Вы еще мнѣ за это заплатите, непремѣнно заплатите.—И, проговоривъ это, уродливый маленькій гномъ испустилъ какой-то дикій визгъ и началъ топтаться и припрыгивать по полу, какъ бы въ припадкѣ изступленнаго бѣшенства.

— Что за глупая исторія! пробормоталъ про себя докторъ: — мальчикъ должно быть ошибся! Эй, вы! можете сунуть себѣ вотъ это въ карманъ и опять запереться. — И съ этими словами онъ бросилъ горбуну серебряную монету, а самъ вернулся къ каретѣ.

Горбунъ послѣдовалъ за нимъ вплоть до дверецъ кареты, осыпая его по пути проклятіями и ругательствами. Но, въ ту минуту, когда м-ръ Лосбернъ отвернулся, чтобы сказать слова два кучеру, онъ заглянулъ въ карету и окинулъ Оливера такимъ проницательнымъ и въ тоже время такимъ злобнымъ взглядомъ, что многіе мѣсяцы спустя, взглядъ этотъ все еще мерещился мальчику во снѣ и на яву. Пока кучеръ усаживался на свое мѣсто, горбунъ продолжалъ ругаться, и послѣ того, какъ карета выѣхала на большую дорогу, они долго еще могли видѣть, какъ онъ топалъ по землѣ ногами и рвалъ на себѣ волосы въ порывахъ бѣшенства.

— А вѣдь я оселъ, проговорилъ докторъ послѣ долгаго молчанья.—Скажи, Оливеръ, ты вѣдь этого до сихъ поръ не подозрѣвалъ за мною?

— Нѣтъ, сэръ.

— Ну такъ заруби себѣ это на носу на будущее время.

— Какъ есть оселъ! продолжалъ докторъ, помолчавъ еще нѣсколько минутъ.—Если бы даже это былъ тотъ самый домъ, и если бы тѣ самые молодцы въ немъ оказались на лицо, — что же бы я могъ подѣлать одинъ одинешенекъ? А если бы я пришелъ не одинъ, я не вижу, какой прокъ изъ этого могъ бы быть, развѣ, что я самого же себя выдалъ бы и неминуемо вывелъ бы наружу ту продѣлку, которой я замялъ эту исторію. И по дѣломъ бы мнѣ было! Я вѣчно попадаю не въ тотъ, такъ въ другой просакъ потому только,

что всегда поступаю по внушенію перваго своего побужденія: это былъ бы для меня хорошій урокъ.

Въ сущности, добрѣйшій докторъ во всю свою жизнь иначе не пуступалъ, какъ по внушенію перваго своего побужденія, и, должно полагать, что побужденія эти были не дурнаго свойства, такъ какъ обстоятельство это не только не навлекало на него никакихъ особыхъ непріятностей или безпокойствъ, но, напротивъ, отнюдь не мѣшало ему пользоваться живѣйшею симпатіею и уваженіемъ всѣхъ, кто его зналъ. Но ужъ если нужно говорить правду, — то докторъ просто былъ немного не въ духѣ оттого, что потерпѣлъ неудачу при первомъ же случаѣ, обѣщавшемъ, какъ ему казалось, подтвердить фактами справедливость показаній Оливера. Впрочемъ, онъ вскорѣ оправился отъ своего разочарованія и, видя, что отвѣты Оливера на его вопросы остаются по прежнему прямы и послѣдовательны и дышутъ тою же искренностью и правдивостью, онъ порѣшилъ на будущее время давать имъ полную вѣру.

Такъ какъ Оливеръ зналъ названіе улицы, въ которой жилъ м-ръ Броунлоу, то они и отправились прямо туда. Когда карета завернула за уголъ этой улицы, сердце мальчика забилось такъ сильно, что онъ едва могъ перевести духъ.

— Ну-ка, дружище, покажи намъ домъ, обратился къ нему м-ръ Лосбернъ.

— Вонъ тамъ, тамъ! воскликнулъ Оливеръ, поспѣшно указывая изъ окна. — Вонъ, бѣлый домъ. О, поскорѣе, пожалуйста поскорѣе! Я, кажется, умру отъ нетерпѣнья! Я весь дрожу...

— Полно, полно, успокойся, проговорилъ докторъ, трепля его по плечу. — Ты сейчасъ ихъ увидишь и они порадуются отъ всего сердца, найдя тебя здоровымъ и невредимымъ.

Карета между прочимъ катилась все далѣе. Наконецъ она остановилась. Но, оказалось, что она остановилась не у того дома. Надо было отъѣхать домомъ дальше. Еще нѣсколько шаговъ и карета снова остановилась. Оливеръ выглянулъ въ окно и при этомъ слезы радостнаго ожиданія потекли у него по щекамъ.

Но увы! бѣлый домъ опустѣлъ и на окнѣ былъ налѣпленъ билетъ: „отдается въ наймы“.

— Постучитесь въ сосѣднюю, проговорилъ м-ръ Лосбернъ,

беря Оливера за руку. — Не знаете ли вы, что сталось съ м-ромъ Броунлоу, который нанималъ вотъ этотъ домъ, рядомъ съ вашимъ?

Служанка, къ которой былъ обращенъ этотъ вопросъ, объявила, что не знаетъ, но что пойдетъ справится. Вскорѣ она возвратилась съ отвѣтомъ, что м-ръ Броунлоу распродалъ все свое имущество и уѣхалъ шесть недѣль тому назадъ въ Америку. Оливеръ всплеснулъ руками и въ изнеможеніи откинулся назадъ.

— А экономка тоже уѣхала съ нимъ? спросилъ м-ръ Лосбернъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, сэръ, отвѣчала служанка. — Самъ старый джентльменъ, и экономка, и другой джентльменъ, пріятель м-ра Броунлоу, — всѣ они уѣхали вмѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ поверните назадъ, домой, обратился м-ръ Лосбернъ къ кучеру и не останавливайтесь кормить лошадей, пока мы не выберемся изъ этого проклятаго Лондона.

— Но букинистъ, сэръ? проговорилъ Оливеръ.—Я знаю дорогу къ нему:—пожалуйста, сэръ, заверните къ нему.

— Нѣтъ, мой бѣдный мальчикъ:—и такъ довольно разочарованій выпало намъ на нынѣшній день, отвѣчалъ докторъ.—За глаза довольно для насъ обоихъ! Если мы еще заѣдемъ къ букинисту, то непремѣнно окажемся, что онъ или умеръ, или поджогъ свой домъ, или сбѣжалъ куда нибудь. Нѣтъ! ѣдемъ домой, никуда не заворачивая.—И, покорствуя первому побужденію доктора, они отправились домой.

Горькое разочарованіе это тяжело отозвалось на Оливерѣ, даже среди того счастья, которымъ была окружена его жизнь въ настоящемъ. Онъ такъ привыкъ утѣшать себя во время своей болѣзни мечтами о томъ, что скажутъ ему м-ръ Броунлоу и м-съ Бэдуинъ, при свиданьи, и какъ ему самому отрадно будетъ разсказать имъ что онъ много, много думалъ обо всемъ добромъ, сдѣланномъ ими для него, и не переставалъ оплакивать свою разлуку съ ними. Надежда оправдать себя въ ихъ глазахъ и объяснить имъ какъ обстоятельства насильно оторвали его отъ нихъ, поддерживали его не разъ во время пережитыхъ имъ тяжелыхъ испытаній. И вдругъ они уѣхали такъ далеко и увезли съ собою убѣжденіе, что онъ обманщикъ и воришка, и такъ можетъ быть, и умрутъ въ этомъ убѣжденіи, не узнавъ истины!

Мысль эта была такъ тяжела для него, что у него почти не хватало силъ съ нею справиться.

Обстоятельство это, впрочемъ, ни сколько не измѣняло его поведенія въ отношеніи его благодѣтельницъ. Прошло еще недѣли двѣ и теплая погода окончально установилась: каждое дерево, каждая травка развертывали свои листья и покрывались роскошнымъ цвѣтомъ. М-съ Мейли и Роза стали собираться покинуть Чертси на нѣсколько мѣсяцевъ. Отправивъ серебро, послужившее соблазномъ жиду, на храненіе къ банкиру и поручивъ домъ Джайльзу и еще одному слугѣ, онѣ отправились въ коттэджъ, нанятый ими въ одной сельской мѣстности, довольно далеко отъ Чертси, и взяли Оливера съ собою.

Какое перо можетъ описать восторгъ и отрадное чувство спокойствія, овладѣвшія болѣзненнымъ мальчикомъ, когда онъ очутился среди благоуханнаго воздуха, зеленѣющихъ холмовъ и раскошныхъ лѣсовъ деревушки, далеко лежащей въ глубь страны! Кто знаетъ, какими путями картины сельскаго мира и тишины западаютъ въ души измученныхъ обитателей тѣсныхъ и шумныхъ городовъ и навѣваютъ свѣжесть и прохладу въ эти истомленныя сердца? Бывали примѣры, что люди, прожившіе всю свою трудовую жизнь въ многолюдныхъ улицахъ со скученными домами, и никогда не желавшіе перемѣнить свою обстановку,—люди, для которыхъ привычка успѣла сдѣлаться второю природою и которые дошли до того, что почти полюбили каждый кирпичь и каждый камень, отмѣчавшій тѣсныя границы ихъ ежедневныхъ прогулокъ,- бывали примѣры, говорю я, что даже такіе люди, когда смерть давала имъ чуствовать свое приближеніе, начинали томиться неодолимымъ желаніемъ, побыть хотя бы на одно мгновеніе, лицомъ къ лицу съ природою; увезенные далеко отъ мѣстъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ прошлыхъ радостей и печалей, они какъ бы сразу перерождались въ новую жизнь. Изо дня въ день плелись они на какой нибудь зеленѣющій лужокъ, залитый солнцемъ, и одинъ видъ неба, и холмовъ, и полей, и серебрящихся волнъ ручья будилъ въ нихъ такія воспоминанія, что быстрое разложеніе ихъ смягчалось ощущеніями, дававшими имъ предвкушать небесное блаженство, и они сходили въ могилу такъ же тихо. какъ солнце, закатъ котораго они еще нѣсколько часовъ тому назадъ созерцали изъ своей одинокой коморки, скрывалось за небосклономъ отъ ихъ помутившагося

взгляда. Воспоминанія, вызываемыя мирною сельскою природою принадлежатъ не этому міру, съ его заботами и надеждами. Ихъ смягчающее вліяніе можетъ научить насъ вить свѣжіе вѣнки для могилъ тѣхъ, кого мы когда-то любили, можетъ очистить наши помыслы и смирить въ насъ застарѣлую вражду и злобу. Но подо всѣмъ этимъ, въ душѣ, деже наименѣе склонной къ размышленію, таится смутное полусознаніе, что тѣ же чувства были ею извѣданы когда-то давно; сознаніе это торжественно настроиваетъ мысль, обращая ее къ столь же отдаленной вѣчности въ грядущемъ, и передъ этою мыслью смиренно затихаютъ гордость и суетные мірскіе помыслы.

Мѣстность, въ которой поселилась м-съ Мейли, была очаровательная и Оливеръ, жизнь котораго до сихъ поръ проходила среди городской сутолки и людского гама, чувствоваль себя какъ бы перенесеннымъ въ новый міръ. Стѣны коттэджа почти скрывались подъ цвѣтами розъ и козьей жимолости, стволы деревьевъ были обвиты плющемъ и цвѣты, которыми былъ полонъ садъ, разливали въ воздухѣ благоуханіе. Рядомъ съ коттэджемъ было маленькое кладбище; въ немъ не тѣснились высокіе, неуклюжіе надгробные памятники а шли ряды скромныхъ могильныхъ холмовъ, прикрытыхъ свѣжимъ дерномъ и мохомъ, подъ которыми покоились усопшіе жители селенія. Оливеръ часто заходилъ на это кладбище, и, вспоминая убугую могилу, въ которой лежала его мать, садился подчасъ и принимался плакать, благо тутъ никто не могъ видѣть его слезъ; но, когда взоры его обращались къ небу, высоко разстилавшемуся надъ его головою, онъ переставалъ представлять ее себѣ мертвою въ гробу; слезы его все еще текли по прежнему, но въ нихъ уже не было прежней горечи.

Счастливая то была пора для Оливера! Дни проходили мирные и ясные и ночь не приносила съ собою ни страха, ни заботъ. Вокругъ него не чернѣли мрачно стѣны темницы, погибшіе люди не обступали его своимъ сообществомъ; всѣ мысли его были радостныя и веселыя. Каждое утро онъ отправлялся къ одному сѣдовласому старому джентльмену, жившему близъ маленькой церкви; джентльменъ этотъ помогалъ ему совершенствоваться въ чтеніи, училъ его писать, и былъ съ нимъ такъ ласковъ и такъ старательно съ нимъ занимался, что Оливеръ не зналъ, какъ и отблагодарить его. Послѣ урока Оливеръ шелъ гулять съ обѣими дамами и прислушивался, какъ онѣ разговаривали между собою о книгахъ, или же садился возлѣ нихъ гдѣ

нибудь въ тѣни и слушалъ чтеніе молодой дѣвушки; такъ онъ готовъ былъ просидѣть до вечера. Затѣмъ наставало время готовить урокъ для слѣдующаго дня и онъ съ жаромъ принимался за работу въ своей маленькой комнаткѣ, выходившей окнами въ садъ. Между тѣмъ медленно подкрадывались вечернія сумерки и дамы выходили на прогулку и Оливеръ отправлялся вмѣстѣ съ ними; жадно прислушивался онъ ко всему, что онѣ говорили, и былъ счастливъ, если онѣ выражали желаніе сорвать цвѣтокъ, за которымъ онъ могъ слазить, или забывали дома какой-нибудь предметъ, за которымъ онъ могъ сбѣгать. Когда становилось совсѣмъ темно и они возвращались домой, молодая дѣвушка садилась за рояль и играла какой-нибудь заунывный мотивъ, или пѣла какую-нибудь старинную пѣсню, которую тетка ея любила слушать. Въ эти минуты не подавалось свѣчей и Оливеръ садился къ окну и слушалъ музыку со слезами тихой радости, украдкой катившимися по его щекамъ.

А когда наставало воскресенье, какъ мало походило оно на всѣ прежніе воскресные дни, какіе вспоминались ему въ его прошломъ, и какъ весело проходилъ этотъ день, такъ же какъ и другіе дни въ эту блаженную пору его жизни! Поутру онъ шелъ въ маленькую сельскую церковь; зеленыя вѣтки заглядывали въ окна этой церкви, извнѣ доносилось щебетанье птичекъ и воздухъ, насыщенный ароматомъ цвѣтовъ, благоуханною волною разливался черезъ низкую паперть по всему незатѣйливому зданію. Бѣдные прихожане являлись пріодѣтыми такъ опрятно и такъ благоговѣйно преклоняли колѣна для молитвы, что, казалось, собираться сюда было для нихъ удовольствіемъ, а не тягостнымъ долгомъ. Пѣніе ихъ, быть можетъ, не отличалось выработанностью, но въ немъ звучало неподдѣльное чувство и оно было музыкальнѣе, — на вкусъ Оливера, по крайней мѣрѣ, — чѣмъ какое-либо другое пѣніе, когда-либо слышанное имъ въ церквахъ. Послѣ церковной службы наставала обычная прогулка, и при этомъ они заходили то въ тотъ, то въ другой изъ чистенькихъ домиковъ, въ которыхъ жили поселяне; а по вечерамъ Оливеръ прочитывалъ вслухъ главу, другую изъ Библіи, къ чему онъ прилежно готовился въ теченіе всей предшествующей недѣли; обязанностью этой онъ такъ гордился и находилъ въ ней столько удовольствія, что не позавидовалъ бы и самому пастору.

По утрамъ Оливеръ былъ уже съ шести часовъ на ногахъ и от-

правлялся въ поле; тамъ онъ производилъ смотръ всѣмъ живымъ изгородямъ окрестности и набиралъ громадные пучки полевыхъ цвѣтовъ; обремененный своей добычей, онъ возвращался домой и принимался съ большимъ стараніемъ дѣлать изъ цвѣтовъ букеты, которыми и украшалъ столъ къ завтраку. Не забывалъ онъ такъ же запастись свѣжимъ сѣменемъ для птицъ м-съ Мейли; основательно изучивъ этотъ предметъ подъ руководствомъ знатока дѣла — сельскаго клерка, онъ убиралъ клѣтки въ самомъ безукоризненномъ вкусѣ. Послѣ того, какъ птицы были приведены въ порядокъ, обыкновенно находилось какое-нибудь порученіе по дѣламъ милосердія, съ которымъ надо было сбѣгать въ деревню, или же, за неимѣніемъ такого порученія, всегда находилось какое-нибудь дѣло въ саду, или около комнатныхъ цвѣтовъ, за которое Оливеръ, изучившій и эту спеціальность подъ руководствомъ того же учителя, — садовника по ремеслу, — принимался съ величайшимъ усердіемъ, въ ожиданіи, пока мисъ Роза выйдетъ изъ своей комнаты; тутъ обыкновенно безчисленныя похвалы расточались всему, что онъ сдѣлалъ, хотя и одной ясной, очаровательной улыбки молодой дѣвушки было достаточно для того, чтобы онъ почувствовалъ себя награжденнымъ свыше заслугъ.

Такъ прошло незамѣтно три мѣсяца; эти три мѣсяца, даже въ жизни любого баловня судьбы были бы порою безоблачнаго счастья; для нашего же Оливера, жизнь котораго омрачилась тучами съ самаго разсвѣта, они были просто порою блаженства. Не мудрено, что подъ вліяніемъ самого беззавѣтнаго великодушія съ одной стороны, самой искренной, пламенной и глубокой благодарности съ другой, — Оливеръ Твистъ вскорѣ совсѣмъ сдѣлался членомъ семьи и что почтенная старушка и ея племянница, въ отвѣтъ на пламенную привязанность его молодого, впечатлительнаго сердца, отъ души любили его самого и гордились имъ.

ГЛАВА XXXII.

Въ которой счастье Оливера и его друзей внезапно омрачается.

Весна быстро пролетѣла и наступило лѣто. Если деревня до этого была очаровательна, то теперь она стояла во всемъ блескѣ и роскоши своего убранства. Большія деревья, которыя въ весенніе мѣсяцы смотрѣли тоще и голо, теперь красовались могучею жизненностью, и, простирая свои зеленыя объятія надъ жаждущею землею, превращали открытыя и обнаженныя мѣста въ укромные уголки съ густою и прохладною тѣнью, откуда привольно было глядѣть на разстилавшуюся за ихъ предѣлами панораму, залитую солнцемъ. Земля облеклась въ свой плащъ изъ самой яркой зелени и распространяла въ воздухѣ самые роскошные ароматы. То была самая благодатная пора года и все дышало весельемъ и стояло въ полномъ расцвѣтѣ.

Таже мирная жизнь продолжалась въ коттэджѣ и таже ясность царила въ душахъ его обитателей. Оливеръ давно уже успѣлъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ мальчикомъ, но въ здоровьѣ и въ болѣзни чувства его къ окружающимъ не измѣнялись, какъ то бываетъ съ другими людьми; онъ оставался все тѣмъ же кроткимъ, любящимъ созданьемъ, какимъ онъ былъ, когда страданье и болѣзнь истощили его силы и онъ находился въ полнѣйшей зависимости отъ внимательности и состраданія тѣхъ, кто за нимъ ухаживалъ.

Однажды, великолѣпнымъ лѣтнимъ вечеромъ, они сдѣлали болѣе дальнюю прогулку, чѣмъ обыкновенно. День передъ этимъ былъ жаркій, мѣсяцъ свѣтилъ ярко и легкій поднявшійся вѣтерокъ обдавалъ легкой прохладой; Роза была все время въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа и они шли и шли, весело болтая, такъ что и не замѣтили, какъ оставили далеко за собою предѣлы своей обычной прогулки. М-съ Мейли устала и они болѣе медленнымъ шагомъ возвратились домой. Молодая дѣвушка, скинувъ свою простенькую шляпку, сѣла за рояль по заведенному порядку. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ она разсѣянно пробѣгала пальцами по клавишамъ, затѣмъ

перешла въ какой-то тихій торжественный мотивъ; во время игры слушающимъ показалось, что она, какъ будто, рыдаетъ.

— Роза, милая! окликнула ее старушка.

Роза не отвѣчала, но заиграла нѣсколько быстрѣе, какъ будто голосъ тетки заставилъ ее очнуться отъ какого-то тяжелаго раздумья.

— Роза, душа моя, воскликнула м-съ Мейли, поспѣшно вставая и наклоняясь надъ нею,—что съ тобою? Лицо у тебя все въ слезахъ. Дорогое дитя мое, скажи, что тебя огорчаетъ?

— Ничего, тётя, ровно ничего, отвѣчала молодая дѣвушка. Я и сама не знаю, что со мною дѣлается, я не могу выразить этого, но на душѣ у меня такъ грустно...

— Ты не больна, родная моя? перебила ее м-съ Мейли.

— О нѣтъ, я не больна! проговорила Роза,—а сама между тѣмъ вздрогнула, точно какой смертельный ознобъ пробѣжалъ по ея тѣлу,— по крайней мѣрѣ, я чувствую, что черезъ минуту совсѣмъ оправлюсь; пожалуйста, закройте окно.

Оливеръ поспѣшилъ исполнить ея желаніе, а молодая дѣвушка, сдѣлавъ усиліе надъ собою, чтобы вернуть свою веселость, попыталась заиграть болѣе веселый мотивъ. Но пальцы ея безпомощно упали на клавиши и, закрывъ лицо руками, она опустилась на диванъ, давъ волю слезамъ, удержать которыя была не въ силахъ.

— Дитя мое, проговорила старушка, обвивая ея станъ руками,— я никогда не видала тебя такою.

— Я бы ни за что не стала тревожить васъ, если бы могла удержаться, отвѣчала Роза, — но право, сколько я ни старалась, это свыше моихъ силъ. Я боюсь, что я въ самомъ дѣлѣ занемогу, тётя.

И она не ошибалась; когда подали свѣчи, м-съ Мейли и Оливеръ замѣтили, что цвѣтъ ея лица, въ тотъ короткій промежутокъ времени, который прошелъ съ ихъ возвращенія домой, успѣлъ сдѣлаться мертвенно блѣднымъ. Выраженіе этого лица было все еще прекрасно, но и оно измѣнилось: въ кроткомъ взглядѣ появилось что-то странное и растерянное, чего въ немъ прежде никто не видалъ. Минуту спустя, лицо ея залило багровымъ румянцемъ и мягкіе голубые глаза дико глядѣли изъ подъ тяжело нависшихъ вѣкъ. Потомъ все это прошло, точно тѣнь отъ набѣжавшаго облака, и опять она сидѣла блѣдная какъ смерть.

Оливеръ, который съ безпокойствомъ наблюдалъ за выраженіемъ лица старушки, замѣтилъ, что всѣ эти признаки сильно ее тревожатъ. Не легко было на душѣ и у него, но видя, что м-съ Мейли притворяется спокойной, онъ и самъ пытался дѣлать тоже самое. Усилія его настолько увѣнчались успѣхомъ, что когда Роза, уступая настояніямъ тётки, рѣшилась пойти и лечь въ постель, она смотрѣла бодрѣе и, даже, казалось, чувствовала себя лучше и увѣряла ихъ, что на слѣдующее утро проснется совершенно здоровою.

— Надѣюсь, сударыня, сказалъ Оливеръ, когда м-съ Мейли вернулась въ гостинную, — что ничего серьезнаго нѣтъ? У м-съ Мейли сегодня нездоровый видъ, но...

Старушка сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ не говорилъ, и, забившись въ темный уголокъ, просидѣла нѣсколько минутъ молча. Наконецъ, она проговорила дрожащимъ голосомъ:

— Я тоже надѣюсь, Оливеръ. — Я была очень счастлива съ ней въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, — быть можетъ, слишкомъ счастлива, а потому, можетъ статься, и пора мнѣ испытать какое нибудь несчастіе; но я надѣюсь, что это не то.

— Про какое несчастіе вы говорите, сударыня? спросилъ Оливеръ.

— Про тяжелый ударъ, который нанесетъ мнѣ смерть дорогой дѣвочки, такъ долго бывшей моей радостью и утѣшеньемъ, — отвѣчала старушка почти беззвучнымъ голосомъ.

— Да сохранитъ насъ Богъ отъ этого, поспѣшно воскликнулъ Оливеръ.

— Аминь, дитя мое! проговорила старушка, ломая руки.

— Но быть не можетъ, чтобы намъ грозило такое ужасное несчастіе, продолжалъ Оливеръ. — Два часа тому назадъ она была совершенно здорова.

— Но теперь она очень больна и вскорѣ, я убѣждена, ей сдѣлается еще хуже, отвѣчала м-съ Мейли. — Милая, милая моя Роза! О, какъ я буду жить безъ нея?!

Она опустилась, какъ бы подавленная бременемъ своихъ безотрадныхъ мыслей и дала волю своей горести, которая прорвалась съ такою силою, что Оливеръ, подавляя свое собственное волненіе, принялся убѣждать ее, чтобы она успокоилась, хотя бы ради дорогой больной.

— Подумайте, сударыня, говорилъ Оливеръ, — а слезы, между тѣмъ, такъ и выступали у него на глазахъ, не смотря на всѣ его усилія удержать ихъ, — подумайте только, какъ она молода и добра и сколько счастья и утѣшенья она разливаетъ вокругъ себя! Я убѣжденъ, — я твердо увѣренъ въ томъ, что Богъ не попуститъ ей умереть. Онъ это сдѣлаетъ для васъ, — вѣдь вы сами такая добрая, — и для нея, и для всѣхъ тѣхъ, кто такъ счастливъ ею...

— Тсъ! перебила его м-съ Мейли, кладя ему руку на голову.— Ты разсуждаешь какъ дитя, мой бѣдный мальчикъ; съ твоей стороны это, конечно, вполнѣ естественно, но все же такъ разсуждать не слѣдуетъ. Но ты мнѣ напомнилъ мой долгъ. Если я его забыла на мгновеніе, Оливеръ, то, надѣюсь, это мнѣ будетъ прощено; вѣдь я давно живу на свѣтѣ и насмотрѣлась на своемъ вѣку на болѣзни и смерть, и знаю, какъ тяжко приходится тѣмъ, кто остается. Знаю я такъ же, что́ не всегда смерть щадитъ тѣхъ, кто молоды и добры, и на комъ покоятся привязанности окружающихъ. Но это должно служить намъ скорѣе источникомъ утѣшенія, чѣмъ печали, потому что Небо справедливо, и такіе случаи всего болѣе убѣждаютъ насъ, что существуетъ лучшій міръ, чѣмъ нашъ, и что переходъ туда легокъ и быстръ. Да будетъ воля Божія!.. но я люблю ее, и Онъ одинъ вѣдаетъ какъ горячо...

Оливеръ былъ пораженъ, увидѣвъ, что послѣ этихъ словъ, м-съ Мейли вдругъ прекратила свои сѣтованья; какъ бы однимъ могучимъ усиліемъ воли, станъ ея выпрямился и она сдѣлалась спокойна и тверда. Еще болѣе удивило его то, что эта твердость не измѣнила ей до конца и что среди всѣхъ послѣдующихъ огорченій и хлопотъ м-съ Мейли оставалась полна того же самообладанія и исполняла всѣ обязанности, выпавшія ей на долю, спокойно, и даже съ виду, весело. Но Оливеръ былъ молодъ и не зналъ на какой героизмъ бываютъ способны сильные характеры въ критическія минуты. Да и какъ ему было знать это, когда сами обладатели подобныхъ характеровъ такъ рѣдко это подозрѣваютъ?

За описаннымъ нами вечеромъ послѣдовала тревожная ночь, и когда настало утро, предсказанія м-съ Мейли слишкомъ хорошо оправдались. Роза находилась въ первомъ періодѣ сильной и опасной горячки.

— Намъ нужно дѣйствовать, Оливеръ, а не поддаваться без-

полезному горю, сказала м-съ Мейли, прикладывая палецъ къ губамъ и пристально глядя ему въ лицо.—Вотъ это письмо надо какъ можно скорѣе доставить къ м-ру Лосберну. Его нужно снести въ ближайшій городокъ, который, если идти тропинкой, прямо на перерѣзъ черезъ поля, отстоитъ отсюда всего въ четырехъ миляхъ. Изъ города его надо отправить съ нарочнымъ, прямо въ Чертси. Въ гостинницѣ есть люди, которые возьмутся это исполнить, и на тебя, я знаю, можно положиться, что ты устроишь это дѣло.

Оливеръ не въ состояніи былъ отвѣтить ни слова, но по лицу его можно было видѣть, что онъ такъ и рвется бѣжать съ возложеннымъ на него порученіемъ.

— А тутъ вотъ еще другое письмо, продолжала м-съ Мейли съ разстановкой и какъ бы въ раздумьи,— но отсылать ли его теперь, или же подождать и посмотрѣть, что будетъ далѣе съ Розой, я, право, не знаю. Мнѣ бы не хотѣлось отсылать его иначе, какъ если будетъ основаніе опасаться наихудшаго исхода.

— Это письмо тоже въ Чертси, сударыня? спросилъ Оливеръ, горя нетерпѣніемъ пуститься въ путь и протягивая за письмомъ свою дрожащую руку.

— Нѣтъ, отвѣчала старушка, машинально отдавая ему его. Оливеръ взглянулъ на конвертъ и прочелъ адресъ: Генри Мейли— въ замкѣ какого-то лорда, но названія графства онъ не могъ разобрать.

— Такъ отсылать его, что ли, сударыня? спросилъ Оливеръ, оглядываясь съ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ, лучше не надо, отвѣчала м-съ Мейли, беря письмо назадъ.—Я лучше подожду до завтра.

Съ этими словами она вручила Оливеру свой кошелекъ и онъ пустился въ путь со всевозможною поспѣшностью.

Быстро бѣжалъ онъ полями и узкими дорожками между изгородями, перерѣзавшими ихъ тамъ и здѣсь. Онъ то исчезалъ въ высокихъ хлѣбахъ, обступавшихъ его съ обѣихъ сторонъ, то снова выбирался на открытое пространство, гдѣ работали косцы и жнецы; лишь изрѣдка, на нѣсколько секундъ, останавливался онъ, чтобы перевести духъ, и бѣжалъ такимъ образомъ, пока не добрался, весь въ поту и въ пыли, до маленькой базарной площади городка.

Здѣсь онъ остановился и поглядѣлъ вокругъ себя, отыскивая

глазами гостинницу. На площади красовались: бѣлое зданіе банка, красное зданіе пивоварни и желтая ратуша, а въ углу видѣнъ былъ большой домъ, съ дверями и оконными рамами, выкрашенными въ зеленую краску и съ вывѣскою: „Король Георгъ". Къ этому-то дому и направился Оливеръ.

Онъ обратился къ почтальону, который дремалъ, сидя въ воротахъ, и, выслушавъ, что нужно Оливеру, сказалъ ему, чтобы онъ обратился къ конюху; этотъ послѣдній, выслушавъ въ свою очередь Оливера, отослалъ его къ хозяину гостинницы, который оказался высокимъ джентльменомъ въ голубомъ галстухѣ, бѣлой шляпѣ, темно-коричневыхъ панталонахъ и сапогахъ съ отворотами; онъ стоялъ прислонившись къ колодцу у дверей конюшни и ковырялъ у себя въ зубахъ серебряной зубочисткой.

Джентльменъ этотъ, не торопясь направился къ прилавку и сталъ выводить счетъ того, что могла стоить отправка нарочнаго. На это ушло очень много времени; наконецъ, когда счетъ былъ готовъ и уплаченъ, понадобилось осѣдлать лошадь и снарядить посланца; это отняло еще добрыхъ десять минутъ. Между тѣмъ, нетерпѣніе и безпокойство Оливера были такъ мучительны, что онъ готовъ былъ самъ вскочить на лошадь и мчаться на ней во весь карьеръ до ближайшей станціи. Наконецъ все было готово и маленькій пакетъ врученъ по принадлежности, причемъ дѣло не обошлось безъ самыхъ убѣдительныхъ просьбъ доставить его какъ можно скорѣе. Посланный пришпорилъ лошадь и пустился въ галопъ по неровной мостовой площади; черезъ нѣсколько минутъ онъ уже оставилъ маленькій городокъ за собою и мчался по большой дорогѣ.

Утѣшительно все-таки было знать, что за помощью послано и что времени при этомъ не было потеряно. Оливеръ, съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ, шелъ по двору гостинницы, и только что было хотѣлъ завернуть въ ворота, какъ наткнулся на высокаго мужчину, завернутаго въ плащъ и выходившаго какъ разъ въ эту минуту изъ дверей гостинницы.

— Га! воскликнулъ этотъ человѣкъ, уставляясь глазами на Оливера и пятясь назадъ.—Это что за чертовщина?

— Прошу извиненія, сэръ, проговорилъ Оливеръ, — я очень тороплюсь домой и не видалъ, что вы выходите.

— Прроклятье! пробормоталъ незнакомецъ про себя, сверкая на

мальчика своими большими, темными глазами.—Кто бы могъ подумать это! Чтобъ его разразило! Запрячь его въ гробъ—онъ и оттуда вынырнетъ, чтобы стать мнѣ поперекъ дороги!

— Мнѣ, право, жаль, сэръ, запинаясь говорилъ Оливеръ, смущенный страннымъ взглядомъ этого человѣка.—Надѣюсь, что я не ушибъ васъ?

— Чтобъ ему провалиться! продолжалъ бормотать въ изступленіи незнакомецъ сквозь стиснутые зубы.—Если бы у меня хватило смѣлости сказать тогда одно слово, я бы могъ избавиться отъ него въ одну ночь. Проклятье на твою голову, дьяволенокъ! Что ты здѣсь дѣлаешь?

И, говоря эти слова въ какомъ-то забытьи, незнакомецъ грозился кулакомъ и скрежеталъ зубами. Затѣмъ онъ сталъ наступать на Оливера, какъ бы собираясь его ударить, но вдругъ тяжело упалъ на землю, корчась въ судорогахъ и съ пѣною у рта.

Оливеръ съ минуту посмотрѣлъ на странныя корчи помѣшаннаго—за таковаго онъ по крайней мѣрѣ принялъ незнакомца,—и затѣмъ бросился въ гостинницу звать людей на помощь. Когда незнакомца внесли въ домъ, Оливеръ пустился въ обратный путь, торопясь изо всѣхъ силъ, чтобы наверстать потерянное время, и вспоминая съ изумленіемъ и не безъ нѣкотораго страха о странномъ поведеніи человѣка, котораго онъ только что видѣлъ.

Впрочемъ, случай этотъ не долго оставался у него въ памяти; когда онъ вернулся въ коттэджъ, нашлось слишкомъ много другого, что совсѣмъ поглотило его помыслы и заставило его позабыть обо всемъ касавшемся до него лично.

Розѣ Мэйли становилось все хуже и хуже и къ ночи она была въ бреду. Мѣстный докторъ, котораго пригласили, почти не отходилъ отъ нея; какъ только онъ осмотрѣлъ свою паціентку, онъ отозвалъ м-съ Мейли въ сторону и объявилъ ей, что болѣзнь — самаго опаснаго свойства. — Было бы почти чудомъ, если бы она выздоровѣла, заключилъ онъ свой приговоръ.

Какъ часто въ эту ночь Оливеръ вскакивалъ съ постели и неслышными шагами пробирался къ лѣстницѣ, прислушиваясь къ малѣйшему шуму въ комнатѣ больной. Какъ часто дрожь пробѣгала по его тѣлу и капли холоднаго пота выступали у него на лбу, когда внезапный топотъ ногъ заставлялъ предполагать, что случилось нѣ-

что столь ужасное, что страшно было и подумать объ этомъ. И что значила пламенность всѣхъ его прежнихъ молитвъ въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ возсылалъ къ Небу теперь, въ тоскѣ и страхѣ за жизнь кроткаго созданья, — за эту жизнь, дрожавшую на краю гроба.

Нѣтъ пытки ужаснѣе, какъ стоять въ бездѣйствіи и въ томительномъ сознаніи своего безсилія, между тѣмъ какъ тутъ же, на вашихъ глазахъ, нѣжно любимое вами существо борется со смертью; отъ мучительныхъ мыслей, которыя въ эти минуты тѣснятся въ вашемъ мозгу, и отъ страшно яркихъ картинъ, которыя вызываются въ вашемъ воображеніи, сердце замираетъ и дыханіе захватываетъ въ груди; вами овладѣваетъ какое-то отчаянное, безпокойное желаніе хоть что нибудь сдѣлать, чтобы облегчить страданія и уменьшить опасность, устранить которыя совсѣмъ вы не властны, — и въ тоже время руки опускаются въ горестномъ сознаніи вашей безпомощности. Да, нѣтъ пытки ужаснѣе этой, а между тѣмъ никакія усилія, никакія разсужденія не въ состояніи облегчить ее среди лихорадочнаго возбужденія такихъ минутъ.

Прошла ночь и утро разсвѣло надъ безмолвнымъ и пріунывшимъ маленькимъ коттеджемъ. Жильцы его говорили шопотомъ. Отъ времени до времени тревожныя лица показывались у калитки и женщины и дѣти уходили прочь въ слезахъ. Цѣлый день и долго еще послѣ того, какъ стемнѣло, Оливеръ расхаживалъ неслышными шагами взадъ и впередъ по саду, каждую минуту оглядываясь на окно той комнаты, въ которой лежала больная, и содрогаясь при видѣ этого завѣшеннаго окна, за которымъ, казалось, лежала сама смерть. Поздно вечеромъ пріѣхалъ м-ръ Лосбернъ. — Плохо дѣло! проговорилъ докторъ, отворачиваясь въ сторону, — такая молодая, такъ любима всѣми, — а надежды почти никакой!

И опять настало утро, и солнце свѣтило ярко, — такъ ярко, какъ будто на землѣ, которую оно освѣщало, не было ни горя, ни заботъ, — а между тѣмъ, среди этого роскошнаго распусканья каждаго цвѣтка, каждаго листочка, среди этой жизни, бившей ключемъ, среди этихъ праздничныхъ картинъ и веселыхъ звуковъ, — прелестное молодое созданье быстро угасало на своемъ страдальческомъ одрѣ. Оливеръ пробрался на старинное кладбище и, присѣвъ на одну изъ зеленѣющихъ насыпей, далъ волю своимъ слезамъ.

Кругомъ все было полно такого мира и такой красоты, залитый солнцемъ пейзажъ имѣлъ такой ликующій видъ, въ пѣньи птицъ слышались такіе радостные звуки, грачъ, проносившайся надъ головою, такъ вольно и быстро взмахивалъ крыльями и во всемъ чувствовалось столько жизни и радости, что когда мальчикъ поднялъ свои усталые глаза и оглянулся кругомъ, въ немъ какъ-то инстинктивно шевельнулась мысль, что въ такую пору нельзя умирать, что Роза не можетъ умереть, когда существа низшаго разряда наслаждаются такою радостною жизнью, —что могила къ лицу холодной и угрюмой зимѣ, а не благоухающему и свѣтлому лѣту. Онъ почти завѣрилъ себя, что саваны шьются только для дряхлыхъ стариковъ и никогда не облекали молодое и стройное тѣло своими роковыми складками.

Ударъ церковнаго колокола прервалъ эти юношескія грёзы. Еще ударъ,—и еще! То былъ похоронный звонъ. Въ воротахъ показалась группа поселянъ, провожавшихъ гробъ; у всѣхъ ихъ были приколоты бѣлыя кокарды,—знакъ того, что покойникъ былъ молодъ. Они обступили съ непокрытыми головами свѣже-вырытую могилу и среди этой плачущей толпы стояла мать, т. е. та, которая была когда то матерью. А солнце все свѣтило ярко и птицы продолжали весело пѣть.

Оливеръ вернулся домой, раздумывая о тѣхъ безчисленныхъ доказательствахъ доброты, которыя онъ получилъ отъ молодой дѣвушки, и призывая всѣми своими желаніями то время, когда ему снова можно будетъ проявлять ей свою любовь и благодарность. Ему не было причинъ упрекать себя ни въ нерадѣніи, ни въ легкомысліи,— поведеніе его въ отношеніи ея было исполнено самой искренней преданности; но въ воспоминаніи его возникалъ не одинъ мелочной случай, въ которомъ, какъ ему казалось, онъ могъ бы поступить съ большею обдуманностью или съ большимъ рвеніемъ, и теперь онъ жалѣлъ, что этого не сдѣлалъ. Намъ бы надлежало внимательнѣе слѣдить за собою въ нашихъ отношеніяхъ къ окружающимъ, потому что каждая смерть несетъ съ собою для небольшого кружка оставшихся размышленія о томъ, какъ многое было упущено, и какъ мало было сдѣлано, какъ часто мы грѣшили забывчивостью и не хотѣли исправить то, что можно еще было исправить;—и воспоминанія такого рода полны горечи. Нѣтъ упрековъ совѣсти болѣе тяжкихъ,

чѣмъ тѣ, безплодность которыхъ мы сознаемъ; если мы хотимъ, оградить себя отъ этой пытки, мы должны помнить объ этомъ во время.

Когда Оливеръ вернулся домой, м-съ Мейли сидѣла въ маленькой гостинной. При видѣ ея сердце такъ и замерло у Оливера: было что-то необычайное въ томъ, что она покинула изголовье своей племянницы и ему страшно было подумать о томъ, *что* могло удалить ее изъ комнаты больной. Оказалось, что Роза впала въ глубокій сонъ, отъ котораго она должна была проснуться или для выздоровленія и жизни, или же для того, чтобы сказать имъ послѣднее прости и умереть.

Часъ проходилъ за часомъ, а они все сидѣли, прислушиваясь къ малѣйшему шороху и боясь проронить слово. Обѣдъ былъ поданъ и убранъ—къ нему такъ никто и не притронулся; разсѣянными взглядами, изъ которыхъ было видно, что мысли ихъ не тѣмъ заняты, слѣдили они за солнечнымъ шаромъ, опускавшимся все ниже и ниже и наконецъ залившимъ небо и землю тѣмъ алымъ заревомъ, которое служитъ предвѣстникомъ его захожденія. До чутко настроеннаго слуха ихъ донесся звукъ приближающихся шаговъ и оба они непроизвольнымъ движеніемъ бросились къ двери, на порогѣ которой показался м-ръ Лосбернъ.

— Что Роза? воскликнула старушка. — Скажите мнѣ сразу... Я все могу вынести,—все кромѣ неизвѣстности! О, да говорите же, ради Бога!

— Полноте, не волнуйтесь такъ, проговорилъ докторъ:—прошу васъ, другъ мой, успокойтесь!

— Пустите меня, ради Бога! задыхалась м-съ Мейли,—дорогое дитя мое! Она умерла! она умираетъ!

— Нѣтъ! неистово воскликнулъ докторъ, — Господь благъ и милостивъ, она останется жива и проживетъ еще долгіе годы на радость намъ всѣмъ.

М-съ Мейли опустилась на колѣни, сдѣлала усиліе, чтобы сложить руки, но энергія, поддерживавшая ее такъ долго, отлетѣла къ Небу съ первымъ же ея благодарственнымъ моленіемъ и она упала на дружескія руки, протянувшіяся, чтобы поддержать ее.

ГЛАВА XXXIII.

Содержащая въ себѣ нѣсколько подробностей о нѣкоемъ молодомъ джентльменѣ, выступающемъ теперь на сцену, а также о новомъ приключеніи, случившемся съ Оливеромъ.

Радость была такъ велика, что доходила почти до боли. Оливеръ былъ ошеломленъ неожиданнымъ извѣстіемъ, онъ не могъ ни плакать, ни говорить, ни сидѣть на мѣстѣ. Онъ даже едва былъ въ состояніи сообразить хорошенько то, что случилось, пока, наконецъ, послѣ долгаго движенья взадъ и впередъ на открытомъ воздухѣ, дышавшемъ миромъ и прохладою ночи, напряженное состояніе его не разрѣшилось обильнымъ потокомъ слезъ. Тутъ онъ какъ будто очнулся отъ сна и пришелъ въ полное сознаніе той радостной перемѣны, которая случилась, и той невыносимой тяжести, которая была снята съ его сердца.

На дворѣ почти совсѣмъ уже стемнѣло, когда онъ направился домой, обремененный ношею цвѣтовъ, нарванныхъ имъ съ особеннымъ тщаніемъ для украшенія комнаты больной. Онъ шелъ быстрыми шагами по дорогѣ, какъ вдругъ услыхалъ за собою стукъ экипажа, приближавшагося, повидимому, съ чрезвычайной быстротою. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что это почтовая карета, мчащаяся во весь карьеръ; такъ какъ дорога была узка, то онъ остановился въ сторонкѣ, чтобы дать проѣхать экипажу.

Въ ту минуту когда карета поровнялась съ нимъ, въ окнѣ ея передъ глазами Оливера мелькнулъ бѣлый спальный колпакъ, а подъ нимъ какъ будто знакомое лицо; впрочемъ появленіе это было такъ мимолетно, что Оливеръ не могъ разобрать хорошенько, кому принадлежало лицо подъ колпакомъ. Секунду или двѣ спустя спальный колпакъ высунулся изъ окна кареты и громовый голосъ закричалъ кучеру, чтобы онъ остановился, что тотъ и исполнилъ, какъ только смогъ осадить разбѣжавшихся лошадей. Тогда колпакъ снова появился у окна и тотъ же голосъ окликнулъ Оливера по имени.

— Эй! кричалъ голосъ,—м-ръ Оливеръ,—что тамъ дѣлается въ коттэджѣ? Мисъ Роза... м-ръ О-ли-веръ!

— Это вы, Джайльзъ? воскликнулъ Оливеръ подбѣгая къ дверцѣ кареты.

Джайльзъ, прежде чѣмъ отвѣтить, высунулъ было снова свой колпакъ въ окно, но тутъ его отдернулъ въ сторону молодой джентльменъ, сидѣвшій въ другомъ углу кареты и жадно спросилъ, какія вѣсти.

— Отвѣчайте коротко, воскликнулъ онъ,—лучше ей или хуже?

— Лучше, гораздо лучше! поспѣшно отвѣтилъ Оливеръ.

— Слава Богу! воскликнулъ джентльменъ. — Вы это навѣрное говорите?

— Навѣрное, сэръ. Перемѣна произошла всего нѣсколько часовъ тому назадъ и м-ръ Лосбернъ говоритъ, что всякая опасность миновалась.

Джентльменъ не вымолвилъ ни слова, но, отворивъ дверцу, выскочилъ изъ кареты, схватилъ Оливера за руку и отвелъ его въ сторону.

— Такъ это вѣрно? Ты увѣренъ, что не ошибся, дружокъ? говорилъ джентльменъ прерывающимся голосомъ.—Прошу тебя, не обманывай меня, не подавай мнѣ надеждъ, которыя не могутъ осуществиться.

— Я ни за что на свѣтѣ не сталъ бы этого дѣлать, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.—Я говорю вамъ сущую правду. М-ръ Лосбернъ сказалъ, что она проживетъ еще многіе годы на радость намъ всѣмъ. Это его подлинныя слова, я самъ слышалъ.

И слезы выступили на глазахъ Оливера при воспоминаніи о торжественной минутѣ, положившей начало такому великому счастью. Джентльменъ отвернулся и простоялъ нѣсколько минутъ молча. Оливеру показалось, что онъ слышитъ рыданья, но онъ не рѣшался нарушить молчаніе, онъ слишкомъ хорошо понималъ, какія чувства должны были волновать джентльмена въ эту минуту, — а потому онъ держался въ сторонѣ, дѣлая видъ, что занятъ своимъ букетомъ.

Все это время м-ръ Джайльзъ, не скидая своего колпака, сидѣлъ на подножкѣ кареты, упершись локтями въ колѣна и усердно утирая глаза синимъ бумажнымъ платкомъ съ бѣлыми крапинками. Что

волненіе честнаго малаго было непритворное, это ясно доказывалось краснотою глазъ, которыми онъ взглянулъ на молодого джентльмена, когда тотъ обернулся къ нему и заговорилъ.

— Мнѣ кажется, Джайльзъ, вамъ лучше будетъ отправиться въ каретѣ къ матушкѣ впередъ,—а я пойду пѣшкомъ, чтобы выиграть немного времени до свиданія съ нею. Вы можете сказать ей, что я сейчасъ буду.

— Съ вашего позволенія, м-ръ Гарри, проговорилъ Джайльзъ, проводя въ послѣдній разъ платкомъ по своей взбудораженной физіономіи,—если бы вы предоставили сдѣлать это кучеру, я былъ бы вамъ премного благодаренъ. Не хорошо, знаете, сэръ, если горничныя увидятъ меня въ такомъ состояніи. Послѣ этого онѣ потеряютъ всякое уваженіе ко мнѣ.

— Ну хорошо, отвѣчалъ Гарри Мейли, улыбаясь. — Дѣлайте какъ знаете. Пускай кучеръ ѣдетъ впередъ съ нашими чемоданами, а вы, если хотите, ступайте съ нами. Только прежде замѣните вашъ спальный колпакъ какимъ нибудь болѣе приличнымъ головнымъ уборомъ, не то насъ примутъ за сумасшедшихъ.

М-ръ Джайльзъ, при этомъ напоминовеніи о неприличіи его наряда, поспѣшно сдернулъ и сунулъ въ карманъ злополучный колпакъ и на мѣсто его надѣлъ шляпу, весьма степеннаго и солиднаго фасона, которую вынулъ изъ кареты. За тѣмъ карета уѣхала, а Джайльзъ, м-ръ Мейли и Оливеръ пошли по дорогѣ, не торопясь.

Пока они шли, Оливеръ поглядывалъ съ участіемъ и любопытствомъ на новоприбывшаго. То былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, средняго роста. Черты лица его были красивы, физіономія—открытая. Въ обращеніи его сказывалась какая-то свободная грація, сразу предрасполагавшая въ его пользу. Сходство его съ м-съ Мейли, несмотря на разницу лѣтъ, было такъ велико, что Оливеръ съ разу угадалъ бы, чѣмъ онъ ей приходится, если бы даже онъ не назвалъ ее въ разговорѣ своей матерью. Когда они добрались до коттэджа, м-ръ Мейли давно уже съ нетерпѣніемъ дажидалась своего сына. Встрѣча, конечно, не обошлась безъ большого волненія съ обѣихъ сторонъ.

— О, матушка! прошепталъ молодой человѣкъ,—зачѣмъ вы не написали мнѣ ранѣе?

— Я было и написала, отвѣчала м-съ Мейли, — но, подумавъ,

рѣшилась повременить отправкою письма, пока не услышу мнѣніе м-ра Лосберна.

— Но зачѣмъ же было, проговорилъ молодой человѣкъ, — подвергаться риску того, что чуть было не случилось? Если бы Роза... я не могу выговорить это слово теперь, — если бы болѣзнь эта имѣла иной исходъ, могли ли бы вы простить себѣ то, что вы сдѣлали? Могъ ли бы я послѣ быть когда нибудь счастливъ въ жизни?

— Если бы случилось то, на что ты намекаешь, Гарри, отвѣчала м-съ Мейли, — счастье твое, сдается мнѣ, было бы окончательно разбито, все равно, пріѣхалъ ли бы ты сюда днемъ раньше или позже.

-- А если бы оно и было такъ, то кто же можетъ этому удивляться?! возразилъ молодой человѣкъ. — Да что я говорю *если бы?*—-Оно въ дѣйствительности такъ, — вы сами это знаете матушка, вы не можете этого не знать.

— Да, я знаю, что она достойна самой пламенной и самой чистой любви, на какую только способно сердце мужчины, проговорила м-съ Мейли. Я знаю, что достойною отплатою за ту преданность, которая присуща ея любящей природѣ, можетъ быть только самая глубокая и прочная привязанность. Если бы я не сознавала все это и не была убѣждена, кромѣ того, что перемѣна въ чувствахъ человѣка, любимаго ею, разобьетъ ея сердце, — я не затруднялась бы такъ исполненіемъ лежащей на мнѣ обязанности и мнѣ не приходилось бы выдерживать такую тяжелую борьбу съ самой собою, идя по тому пути, который я считаю путемъ долга.

— Это жестоко съ вашей стороны, матушка, отвѣчалъ Гарри. Неужели вы думаете, что я все еще мальчикъ, не знающій самъ чего онъ хочетъ и не понимающій тѣхъ побужденій, которыя имъ руководятъ?

— Я думаю, дорогой мой, возразила м-съ Мейли, кладя руку на его плечо, что въ молодости часто являются благородныя побужденія, которыя потомъ исчезаютъ, и что среди этихъ побужденій есть такія, которыя именно тогда, когда они удовлетворены, всего скорѣе исчезаютъ. Прежде же всего я думаю, продолжала старушка, глядя сыну пристально въ глаза, — что если восторженный, пылкій честолюбивый молодой человѣкъ имѣетъ жену, на имени которой лежитъ пятно, и пятно это, хотя сама она въ немъ и неповинна,

дѣлается въ устахъ бездушныхъ и холодныхъ людей попрекомъ ей и его дѣтямъ, и бросается ему тѣмъ съ болѣе оскорбительной усмѣшкой въ лицо, чѣмъ выше поднимается его общественное положеніе, — я знаю, что при такихъ условіяхъ, для человѣка этого, — какъ бы благороденъ и добръ онъ ни былъ—можетъ настать день, когда онъ раскается въ выборѣ, сдѣланномъ имъ въ молодости, и на долю его женѣ достанется горе и мука сознавать, что онъ раскаивается.

— Матушка, нетерпѣливо воскликнулъ молодой человѣкъ, — тотъ, кто поступилъ бы такимъ образомъ, показалъ бы себя просто на просто грубымъ, себялюбивымъ животнымъ, равно недостойнымъ и имени мужчины и такой женщины, про какую вы говорите.

— Это ты теперь такъ думаешь, Гарри, проговорила мать.

— И всегда буду такъ думать! воскликнулъ молодой человѣкъ.— Нравственная пытка, которую я вынесъ въ послѣдніе два дня, вырвала у меня полное признаніе и заставила меня заговорить съ вами безъ обиняковъ о любви, которая, какъ вы сами очень хорошо знаете, ведетъ свое начало не со вчерашняго дня и не была дѣломъ легкомысленнаго увлеченія. Къ Розѣ,—къ этой кроткой, прелестной дѣвушкѣ,—я привязанъ такъ крѣпко, какъ только можетъ мужчина быть привязанъ къ женщинѣ. У меня нѣтъ ни мыслей, ни надеждъ, ни цѣлей въ жизни, которыя не были бы связаны съ нею. Противодѣйствуя мнѣ въ этомъ главномъ моемъ стремленіи, вы берете мое спокойствіе и счастье въ свои руки и разсѣеваете то и другое по вѣтру. Матушка, подумайте лучше объ этомъ и обо мнѣ и не шутите моимъ чувствомъ, которое вы, повидимому, считаете такимъ мелкимъ и ничтожнымъ.

— Гарри, проговорила м-съ Мейли, — именно потому, что я знаю, что съ любящими сердцами и съ глубокими чувствами нельзя шутить, я бы и хотѣла предохранить ихъ отъ страданія. Но, для настоящей минуты, мы сказали объ этомъ предметѣ достаточно, даже болѣе, чѣмъ достаточно.

— Такъ пускай же сама Роза рѣшитъ это дѣло, отвѣчалъ Гарри:—Вы, неправда ли, не дойдете въ своей упорной послѣдовательности разъ принятому взгляду до того, чтобы воздвигать передо мною искуственныя препятствія на этомъ пути?

— Этого я не стану дѣлать, отвѣчала м-съ Мейли, но я просила бы тебя еще разъ пораздумать...

*

— Я уже думалъ достаточно! нетерпѣливо перебилъ ее Гарри, — я думалъ объ этомъ цѣлые годы,—думалъ чуть не съ той самой поры, какъ я вообще сталъ способенъ на серьезное размышленіе. Чувства мои остаются все тѣже и я знаю, что они не измѣнятся никогда. Съ какой же стати я буду подвергать себя ненужному мученью, отсрочивая еще на неопредѣленное время ихъ полное и свободное выраженіе? Нѣтъ! прежде чѣмъ я уѣду отсюда, Роза меня выслушаетъ.

— Хорошо, пусть будетъ такъ, проговорила м-съ Мейли.

— Вы говорите это такимъ тономъ, матушка, какъ будто имѣете основаніе предполагать, что она встрѣтитъ мое признаніе холодно? съ тревогою обратился къ ней молодой человѣкъ.

— О, нѣтъ, не холодно, далеко не холодно, отвѣчала старушка.

— А то какъ же? продолжалъ допытываться молодой человѣкъ: — Скажите, ея сердце не отдано другому?

— Нѣтъ, отвѣчала ему мать: — Сердце ея, если я не ошибаюсь, лишь слишкомъ беззавѣтно принадлежитъ тебѣ уже теперь.

— То, что я хотѣла сказать, продолжала она, перебивая сына, который собрался было заговорить, — заключается въ слѣдующемъ: Прежде чѣмъ ставить все свое счастье на одну эту карту, прежде чѣмъ поддаваться обаянію самыхъ радужныхъ надеждъ, подумай, дорогое дитя мое, о прошломъ Розы, подумай о томъ, какъ должно отозваться на ея рѣшеніи открытіе, что на рожденіи ея лежитъ темная тайна — и это, при ея глубокой преданности нашему семейству, при благородной цѣльности ея природы, при той готовности къ самопожертвованью, которую она проявляетъ какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ, и которая составляетъ такую основную черту ея характера.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Объ этомъ я предоставляю тебѣ догадаться самому, отвѣчала м-съ Мейли, а мнѣ пора къ Розѣ. Да благословитъ тебя Богъ, дитя мое!

— Вѣдь я еще увижусь съ вами сегодня? поспѣшно спросилъ молодой человѣкъ.

— Да, попозднѣе, когда мнѣ можно будетъ отойти отъ Розы, отвѣчала старушка.

— Вы скажете ей, что я здѣсь? проговорилъ Гарри.

— Конечно, отвѣчала м-съ Мейли.

— И скажите ей такъ же, матушка, какъ я тревожился о ней, и какъ я былъ несчастливъ все это время, и какъ я жажду ее увидѣть:—не правда ли, вы не откажетесь передать ей это?

— Нѣтъ, отвѣчала старушка,— я передамъ ей это, — и, дружески пожавъ руку своего сына, она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Во время всего вышеописаннаго разговора, который происходилъ въ торопяхъ, м-ръ Лосбернъ и Оливеръ держались въ сторонѣ, на противуположномъ концѣ комнаты. Теперь м-ръ Лосбернъ выступилъ впередъ, протянулъ руку молодому человѣку и они обмѣнялись самыми дружескими привѣтствіями. Затѣмъ, въ отвѣтъ на безчисленные распросы, которыми осыпалъ его молодой человѣкъ, онъ сообщилъ ему самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи больной; оказалось, что Оливеръ ничего не преувеличилъ, обнадеживъ Гарри Мейли на счетъ благопріятнаго хода болѣзни. Между тѣмъ м-ръ Джайльзъ, дѣлавшій видъ, что очень занятъ распаковкою чемодановъ, очень внимательно прислушивался ко всему, что говорилось.

— Ну что, Джайльзъ, обратился къ нему докторъ, окончивъ свой разговоръ съ Гарри,—не подстрѣлили ли вы опять какой нибудь необыкновенной птицы за послѣднее время?

— Нѣтъ, сэръ, не случилось, отвѣчалъ Джайльзъ, краснѣя до ушей.

— И ни одного вора не поймали, ни одного мазурика не признали въ лицо? продолжалъ лукаво допрашивать докторъ.

— Какъ есть никого, сэръ, отвѣчалъ м-ръ Джайльзъ съ невозмутимою важностью.

— Гм! очень жаль, проговорилъ докторъ, — вы дѣлаете это дѣло такъ отмѣнно хорошо. Скажите, пожалуйста, какъ поживаетъ Бриттльсъ?

— Что ему дѣлается, сэръ! отвѣчалъ Джайльзъ, снова принимая свой обычный покровительственный тонъ. — Онъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтенье, сэръ.

— Это хорошо, замѣтилъ докторъ.—А кстати, м-ръ Джайльзъ: встрѣча съ вами напомнила мнѣ, что наканунѣ того дня, когда я былъ такъ неожиданно отозванъ сюда, я устроилъ по порученію вашей доброй госпожи одно маленькое дѣльцо, въ которомъ вы заинтересованы. Не потрудитесь ли вы отойти на минуту вотъ въ этотъ уголокъ?..

М-ръ Д жайльзъ съ важнымъ видомъ направился въ уголъ, гдѣ, къ нѣкоторому удивленію своему удостоился краткой бесѣды шопотомъ съ самимъ м-ромъ Лосберномъ, бесѣды, по окончаніи которой, м-ръ Джайльзъ отвѣсилъ что-то ужъ очень много поклоновъ и удалился необычайно торжественною поступью. Предметъ этого разговора такъ и остался тайною для гостиной, но въ кухнѣ о немъ извѣстились очень быстро, ибо м-ръ Джайльзъ первымъ дѣломъ направился туда и, потребовавъ себѣ кружку пива, съ видомъ величественнѣйшаго величія, которое выходило чрезвычайно эффектно, объявилъ, что госпожѣ его было угодно, въ награду за геройское поведенье его въ ночь покушенія на воровство, положить въ мѣстный сберегательный банкъ, на его, Джайльза, имя, сумму въ 25 фунтовъ стерлинговъ. Услышавъ это, обѣ служанки подняли глаза и руки къ небу и выразили предположеніе, что теперь м-ръ Джайльзъ съ ними вовсе и знаться не захочетъ, на что м-ръ Джайльзъ, расправивъ свою манишку, отвѣчалъ: „Нѣтъ, напрасно вы это думаете! если вы замѣтите, что я начинаю гордиться передъ нисшими, то я буду вамъ даже очень благодаренъ, коли вы мнѣ это выскажете“. Затѣмъ послѣдовало еще нѣсколько изреченій, которыя могли служить столь же несомнѣннымъ доказательствомъ его смиренномудрія, были приняты столь же сочувственно и отличались тою же оригинальностью и мѣткостью, какою вообще отличаются изрѣченія великихъ людей.

Между тѣмъ наверху остатокъ вечера прошелъ мирно и весело. Докторъ былъ въ духѣ и Гарри Мейли, который въ началѣ сидѣлъ усталый и задумчивый, не могъ устоять противъ игриваго настроенія почтеннаго джентльмена, который такъ и сыпалъ остротами, анекдотами изъ своей медицинской практики и шутками; Оливеру казалось, что онъ въ жизнь свою ничего забавнѣе не слыхалъ и онъ смѣялся чуть не до слезъ, къ великому удовольствію доктора, который самъ ему вторилъ отъ души, такъ что Гарри, глядя на нихъ, поддавался заразѣ смѣха и хохоталъ почти такъ же отъ души, какъ и они. Такимъ образомъ маленькое общество провело вечеръ на столько пріятно, на сколько это было возможно при данныхъ обстоятельствахъ; было уже поздно, когда они, съ облегченными и переполненными благодарностью сердцами, разошлись на ночной покой, въ ко-

торомъ всѣ они такъ нуждались послѣ испытанныхъ въ послѣдніе дни треволненій.

Оливеръ всталъ на слѣдующее утро бодрѣе и принялся за свои обычныя занятія съ большею охотою, чѣмъ то съ нимъ бывало за многіе и многіе дни. Птицы вновь были вывѣшены имъ въ своихъ клѣткахъ для распѣванья по старымъ мѣстамъ, и самые душистые изъ полевыхъ цвѣтовъ по старому обычаю были набраны въ букеты, которые должны были радовать Розу своей красотой и ароматомъ. Печаль, которая за послѣдніе дни лежала для опечаленнаго взора мальчика на всемъ твореніи, какъ ни прекрасно оно было само по себѣ, разсѣялась теперь точно какимъ колдовствомъ. Роса, казалось, ярче сверкала на зеленыхъ листьяхъ, воздухъ между ними шелестилъ гармоничнѣе, и самое небо смотрѣло синѣе и ярче.

Таково вліяніе нашего собственнаго душевнаго настроенія на впечатлѣніе, производимое на насъ окружащими предметами. Люди, смотрящіе на природу и на своихъ ближнихъ и утверждающіе, что все кругомъ ихъ мрачно, говорятъ правду, но эти мрачныя краски суть ни что иное, какъ отраженіе ихъ собственныхъ омраченныхъ взоровъ и сердецъ. Дѣйствительные цвѣта очень нѣжны и требуютъ неотуманеннаго зрѣнія.

Достойно замѣчанія, — и Оливеръ не преминулъ обратить вниманіе на это обстоятельство, — что утреннія прогулки его совершались уже болѣе не въ одиночествѣ. Гарри Мейли, съ перваго же утра, когда онъ встрѣтилъ Оливера, возвращающимся домой съ своей добычею, возгорѣлся такою страстью къ цвѣтамъ и выказалъ столько вкуса въ дѣлѣ составленія букетовъ, что маленькій пріятель его совсѣмъ стушевался передъ нимъ. Но если Оливеръ уступалъ ему въ этомъ отношеніи, то за нимъ оставалось другое преимущество — онъ зналъ всѣ мѣста, гдѣ можно было найти наилучшіе экземпляры, и такимъ образомъ каждое утро они обходили вдвоемъ всю окрестность и приносили домой цѣлую жатву прелестнѣйшихъ цвѣтовъ. Окно въ комнатѣ молодой дѣвушки было теперь постоянно отворено, такъ какъ она любила, чтобы благодатный лѣтній воздухъ врывался къ ней въ комнату и освѣжалъ ее своимъ дуновеніемъ. На подоконникъ каждое утро выставлялся въ стаканѣ съ водою маленькій букетъ, составленный съ особымъ тщаніемъ. Оливеръ не могъ не замѣтить при этомъ, что завядшіе цвѣты никогда не выбрасывались, хотя и

замѣнялись акуратно новыми, и что каждый разъ, какъ докторъ выходилъ въ садъ, глаза его непремѣнно обращались къ этому окну и онъ выразительно кивалъ головою прежде, чѣмъ продолжать свою утреннюю прогулку. Пока Оливеръ занимался этими наблюденіями, дни проходили незамѣтно, и выздоровленіе Розы быстро подвинулось впередъ.

Оливеръ не скучалъ, хотя молодая дѣвушка еще не выходила изъ своей комнаты и вечернія прогулки не возобновлялись, за исключеніемъ небольшихъ экскурсій, которыя дѣлались изрѣдка въ обществѣ м-съ Мейли. Оливеръ въ это время съ удвоеннымъ прилежаніемъ продолжалъ свои уроки у стараго сѣдовласаго джентльмена и работалъ такъ усиленно, что успѣхи его удивляли его самаго. Въ эту-то пору случилось совершенно неожиданно одно обстоятельство, чрезвычайно его поразившее.

Маленькая комнатка, въ которой онъ обыкновенно готовилъ свои уроки, находилась въ нижнемъ этажѣ, въ задней части дома. То была настоящая дачная комната, съ рѣшетчатымъ окномъ, обвитымъ побѣгами жасмина и козьей жимолости, наполнявшими воздухъ восхитительнымъ ароматомъ. Окно это выходило въ садъ, откуда маленькая калитка вела въ рощицу, за предѣлами которой тянулись луга и лѣса. Никакого другаго жилья съ этой стороны по близости не было и видъ, открывавшійся на окрестность былъ очень обширный.

Однажды яснымъ вечеромъ, когда первыя тѣни сумерокъ начинали падать на землю, Оливеръ сѣлъ къ окну и погрузился въ свои книги. Онъ просидѣлъ надъ ними нѣкоторое время, но, такъ какъ день былъ необычайно жаркій и весь прошелъ для Оливера въ усиленномъ трудѣ, то, полагаемъ, авторамъ упомянутыхъ книгъ, кто бы они ни были, не принесетъ особеннаго безчестія, если мы скажемъ, что глаза нашего маленькаго пріятеля стали мало-по-малу смыкаться и онъ вскорѣ заснулъ.

Есть особаго рода сонъ, который нападаетъ на насъ иногда и который, оковывая тѣло, не освобождаетъ душу отъ сознанія окружающаго и не пускаетъ ее блуждать по произволу въ области грезъ. Это настоящій сонъ, если только можно назвать этимъ именемъ состояніе тяжелой подавленности, безсилія и полнѣйшей неспособности управлять своими мыслями и тѣлодвиженіями; а между тѣмъ, мы со-

знаемъ то, что дѣлается вокругъ насъ, и, если даже видимъ сны, то къ сновидѣніямъ этимъ какъ-то странно приспособляются слова, говорящіяся въ дѣйствительности и звуки, дѣйствительно раздающіеся въ эту минуту; дѣйствительность и грезы такъ странно сливаются между собою, что въ послѣдствіи для насъ становится почти невозможно отдѣлить одно отъ другого въ нашихъ воспоминаніяхъ. И этимъ еще не исчерпываются загадочныя явленія, свойственныя такому состоянію. Фактически доказано, что, хотя чувства зрѣнія и осязанія погружены у насъ въ дремоту, тѣмъ не менѣе, на представленіяхъ и картинахъ, проносящихся передъ нами во снѣ, можетъ отзываться и дѣйствительно отзывается *безмолвное* присутствіе какого нибудь внѣшняго предмета, котораго не было возлѣ насъ въ то время, когда мы закрыли глаза и близость котораго мы не сознавали въ состояніи бдѣнія.

Оливеръ сознавалъ какъ нельзя лучше, что онъ сидитъ въ своей маленькой комнаткѣ, что книги его лежатъ передъ нимъ па столѣ, что мягкій вѣтерокъ шелеститъ листьями вьющихся растеній у окна,—а между тѣмъ онъ спалъ. Вдругъ обстановка перемѣнилась; воздухъ сталъ тяжелый и душный, и ему, къ ужасу его, представилось, что онъ снова находится въ домѣ жида. Отвратительный старикъ сидѣлъ въ своемъ обычномъ углу, указывалъ на Оливера пальцемъ и говорилъ что-то шопотомъ другому человѣку, сидѣвшему возлѣ него и лица котораго не было видно, такъ какъ онъ повернулъ голову въ другую сторону.

— Тсъ, голубчикъ!—донесся до Оливера, какъ ему показалось, голосъ жида.—Это онъ, навѣрное. Пойдемте!

— Еще бы не онъ! какъ будто отвѣчалъ другой человѣкъ. — Неужели, вы думаете, я могъ ошибиться? Еслибы цѣлый легіонъ чертей приняли его образъ и онъ стоялъ между ними, и то я чутьемъ распозналъ бы его тотчасъ же. Если бы вы зарыли его на пятьдесятъ футовъ глубины подъ землю и повели меня на это мѣсто, я узналъ бы, что онъ тутъ лежитъ... Да,—чтобъ ему издохнуть!.. — я узналъ бы это и безъ надгробной плиты, и безъ могильнаго холма! — Въ голосѣ, которымъ были сказаны эти слова звучала такая страшная ненависть, что Оливеръ отъ страха проснулся и вскочилъ.

Боже правый! Что же это такое было, отчего вся кровь такъ и прилила волною къ его сердцу, голосъ замеръ въ груди и онъ оста-

новился неподвижно, не будучи въ состояніи шевельнуть ни однимъ членомъ?—У самаго окна, близехонько отъ него,—такъ близко, что онъ почти могъ бы достать его рукою, прежде чѣмъ отшатнулся,—уставившись глазами прямо въ его глаза, стоялъ жидъ, а рядомъ съ нимъ, съ выраженіемъ ненависти или страха, или и того и другого вмѣстѣ на искаженныхъ чертахъ, стоялъ незнакомецъ, котораго Оливеръ встрѣтилъ во дворѣ гостинницы.

То было лишь одно мгновеніе: какъ молнія мелькнули эти два лица передъ его глазами и затѣмъ скрылись. Но они узнали его, а онъ—ихъ. И видъ ихъ такими неизгладимыми чертами врѣзался въ его памяти, какъ будто былъ высѣченъ изъ камня и съ самаго дня рожденія Оливера поставленъ у него передъ глазами. Съ минуту онъ простоялъ какъ окаменѣлый, затѣмъ выскочилъ черезъ окно въ садъ и сталъ громко звать на помощь.

ГЛАВА XXXIV.

Въ которой повѣствуется о неудовлетворительной развязкѣ Оливерова приключенія и объ одномъ, нелишенномъ значенія, разговорѣ, который произошелъ между Гарри, Мейли и Розою.

Когда всѣ домашніе на крикъ Оливера сбѣжались въ садъ, они нашли его, блѣднаго и взволнованнаго. Онъ указывалъ рукою, по направленію къ лугамъ, тянувшимся за домомъ, и едва въ состояніи былъ выговорить: „Жидъ, жидъ!“

Мистеръ Джайльзъ никакъ не могъ понять, что означали эти слова. Но Гарри Мейли, соображеніе котораго было нѣсколько быстрѣе, и который зналъ исторію Оливера отъ своей матери, тотчасъ же понялъ въ чемъ дѣло.

— Въ какую сторону онъ пошелъ? спросилъ онъ, хватая толстую палку, стоявшую въ углу.

— Вонъ въ ту, отвѣчалъ Оливеръ, указывая направленіе, въ которомъ скрылись оба эти человѣка.—Они въ одну секунду скрылись у меня изъ виду.

— Но въ такомъ случаѣ они должны быть въ рощѣ, проговорилъ Гарри. — Ступайте за мною и держитесь ко мнѣ какъ можно ближе. — Съ этими словами онъ поспѣшно перелѣзъ черезъ заборъ и побѣжалъ съ такою быстротою, что для остальныхъ было не легкимъ дѣломъ поспѣвать за нимъ.

Джайльзъ слѣдовалъ на столько близко за своимъ молодымъ господиномъ, на сколько ему позволяли его ноги, и Оливеръ тоже. Минуту или двѣ спустя, м-ръ Лосбернъ, который передъ этимъ вышелъ на прогулку и только что было возвращался домой, перевалился черезъ заборъ и, выказывая бóльшую легкость, чѣмъ какую можно было отъ него ожидать, устремился въ томъ же направленіи съ преизрядною быстротою, не переставая на бѣгу кричать благимъ матомъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

Такъ бѣжали они всѣ, не останавливаясь и не переводя духъ, пока вожакъ ихъ, обогнувъ уголъ поля, на которое указывалъ Оливеръ, не остановился и не принялся внимательно обшаривать прилегающую чащу и изгородь. Это дало возможность остальнымъ стянуться къ тому же пункту, а Оливеръ воспользовался этимъ временемъ, чтобы разсказать м-ру Лосберну объ обстоятельствѣ, подавшемъ поводъ къ этой ожесточенной погонѣ.

Всѣ поиски оказались напрасными. Нигдѣ нельзя было даже отыскать слѣдовъ, по которымъ можно бы было предположить, что здѣсь недавно ступала нога человѣческая. Они стояли въ эту минуту на вершинѣ небольшого холма, откуда можно было обозрѣть всю окрестность, на протяженіи трехъ или четырехъ миль. Налѣво, въ лощинѣ, было селеніе, но, чтобы добраться до него съ той стороны, по направленію которой указывалъ Оливеръ, нужно было сдѣлать обходъ открытымъ полемъ, — а сдѣлать его въ такое короткое время не было никакой физической возможности. Съ другой стороны луга окаймлялись густымъ лѣсомъ, но и этого прикрытія нельзя было достигнуть по той же причинѣ.

— Да ужъ не приснилось ли тебѣ все это, Оливеръ? продолжалъ Гарри Мейли, отводя мальчика въ сторону.

— О, нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ, содрогаясь при одномъ

воспоминаніи о выраженіи лица стараго негодяя.—Я видѣлъ его слишкомъ явственно для этого; я видѣлъ ихъ обоихъ такъ же, какъ теперь васъ вижу.

— А кто былъ другой? спросили Гарри и м-ръ Лосбернъ въ одинъ голосъ.

— Тотъ самый человѣкъ, про котораго я, помните, разсказывалъ вамъ, что онъ такъ неожиданно наткнулся на меня въ гостинницѣ, отвѣчалъ Оливеръ.—Мы глядѣли другъ другу прямо въ глаза и я могъ бы поклясться, что это онъ.

— Они пошли въ этомъ направленіи, говоришь ты? продолжалъ Гарри.—Ты увѣренъ въ этомъ?

— Такъ же твердо, какъ и въ томъ, что они стояли у окна коттэджа, отвѣчалъ Оливеръ, и при этомъ указалъ на изгородь, отдѣлявшую садикъ коттэджа отъ лужайки. — Высокій мужчина перескочилъ какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, а жидъ, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ вправо, пролѣзъ подъ заборомъ.

Оба джентльмена всматривались въ убѣжденное выраженіе лица Оливера, пока онъ говорилъ, и, переглянувшись между собою, по-видимому, вполнѣ сдались на его увѣренія, обставленныя такими подробностями. Однако, сколько они ни изслѣдовали мѣстность во всѣхъ направленіяхъ, нигдѣ не оказывалось ни малѣйшихъ признаковъ поспѣшнаго бѣгства двухъ людей. Трава была высока, но она нигдѣ не была примята, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они проходили сами; берега канавъ были изъ вязкой глины, но на нихъ нельзя было отыскать отпечатка человѣческихъ ногъ или вообще какого бы то ни было слѣда, свидѣтельствующаго, что здѣсь кто нибудь недавно проходилъ.

— Странное дѣло! проговорилъ Гарри.

— Да, странно, повторилъ докторъ.—Сами Блэдерсъ и Дёффъ тутъ ума не приложили бы.

Не смотря на очевидную неудачность ихъ поисковъ, они не оставляли ихъ, пока наступленіе ночи не отняло у нихъ всякую надежду на успѣхъ, да и тутъ они отретировались неохотно. Джайльзъ былъ посланъ осмотрѣть всѣ кабаки въ селеніи, при чемъ Оливеръ снабдилъ его, по возможности, обстоятельнымъ описаніемъ наружности и одежды пришельцевъ. Внѣшность жида, во всякомъ случаѣ, была на столько характеристична, что не могла не броситься каж-

дому въ глаза, если только онъ заходилъ выпить или отдохнуть въ одинъ изъ кабаковъ; тѣмъ не менѣе Джайльзъ вернулся, не принеся съ собою никакихъ данныхъ для разъясненія таинственнаго случая.

На слѣдующій день было приступлено къ новымъ поискамъ и распросамъ, но съ небольшимъ успѣхомъ. Еще день спустя, Оливеръ и м-ръ Мейли отправились въ сосѣдній городишко, въ надеждѣ услышать тамъ что нибудь о загадочныхъ людяхъ. Но и эта попытка не повела ни къ чему и по прошествіи нѣсколькихъ дней про исторію эту стали мало по малу забывать, какъ забываютъ про большинство житейскихъ случаевъ, когда изумленіе, не находя себѣ болѣе пищи, умираетъ само собою.

Между тѣмъ Роза быстро поправлялась. Она уже оставила свою комнату, могла выходить гулять и, примкнувъ снова къ обычному строю семейной жизни, озаряла радостью сердца всѣхъ обитателей коттэджа.

Но, хотя эта счастливая перемѣна оказывала видимое дѣйствіе на всѣхъ и веселый говоръ и смѣхъ снова зазвучали въ коттэджѣ, въ нѣкоторыхъ изъ членовъ маленькаго кружка — даже въ самой Розѣ — сказывалась подъ часъ какая-то непривычная натянутость, — и Оливеръ не могъ этого не замѣтить. М-съ Мейли часто запиралась вдвоемъ съ своимъ сыномъ и имѣла съ нимъ какіе-то продолжительные разговоры, а на лицѣ Розы не разъ можно было подмѣтить слѣды слезъ. Послѣ того, какъ м-ръ Лосбернъ назначилъ день своего отъѣзда въ Чертси, симптомы эти усилились и стало очевидно, что происходитъ нѣчто нарушающее душевное спокойствіе молодой дѣвушки и, быть можетъ, еще кого-то другого.

Наконецъ, однажды утромъ, когда Роза была одна въ столовой, вошелъ Гарри Мейли и не совсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ попросилъ у нея нѣсколькихъ минутъ вниманія, чтобы выслушать то, что онъ имѣетъ сказать ей.

— Рѣчь моя, Роза, будетъ очень, очень недолга, проговорилъ молодой человѣкъ, придвигая къ ней свой стулъ. — То, что я имѣю сказать вамъ, вы уже должны были сказать себѣ сами. Вы знаете на чемъ сосредоточиваются самыя завѣтныя мои мечты и надежды, хотя изъ моихъ устъ вы объ этомъ еще не слыхали.

Роза была очень блѣдна съ той самой минуты, какъ онъ вошелъ, —

хотя, быть можетъ, то было лишь слѣдствіе ея недавней болѣзни. Она только кивнула головою и, наклонившись надъ цвѣтами, которые стояли возлѣ нея, выжидала, что онъ скажетъ далѣе.

— Я... мнѣ слѣдовало бы раньше уѣхать отсюда... проговорилъ Гарри.

— Да, слѣдовало бы, отвѣчала Роза. — Простите мнѣ, что я это говорю, но лучше было бы, если бы вы уѣхали раньше.

— Меня привело сюда самое ужасное и мучительное изъ всѣхъ опасеній, продолжалъ молодой человѣкъ, — опасеніе потерять самое дорогое для меня существо, къ которому тяготѣютъ всѣ мои желанія и надежды. Вы умирали, жизнь ваша колебалась между землею и небомъ. Мы знаемъ, что когда болѣзнь поражаетъ молодое, прекрасное, благородное существо, чистая душа такого существа сама собою обращается къ лучезарной отчизнѣ вѣчнаго покоя и потому-то такъ часто лучшіе и прекраснѣйшіе между людьми увядаютъ, едва успѣвъ разцвѣсть.

Глаза молодой дѣвушки были полны слезъ, пока онъ это говорилъ, и когда одна слезинка упала на цвѣтокъ, надъ которымъ наклонилась дѣвушка, и засверкала въ чашечкѣ этого цвѣтка, придавая ему еще большую красу, можно было подумать, что между изліяніями свѣжаго молодого сердца и прелестнѣйшими предметами внѣшней природы существуетъ какая-то родственная связь.

— Ангелъ, продолжалъ съ страстнымъ увлеченіемъ молодой человѣкъ, — существо столь же прекрасное и безгрѣшное, какъ и Божьи ангелы, колебалось между жизнью и смертью. О, кто же могъ надѣяться, что съ полдороги въ тотъ дальній міръ, съ которымъ она имѣла такъ много общаго, она вернется на нашу печальную землю?! Роза, Роза! знать, что вы уноситесь, точно легкая тѣнь, брошенная горнимъ свѣтомъ на землю, не имѣть никакой надежды, что вы останетесь съ нами и знать, что и не зачѣмъ вамъ здѣсь оставаться,—чувствовать, что вы принадлежите тому лучшему міру, куда отлетѣло столько даровитыхъ существъ въ дѣтствѣ, или въ ранней молодости,—и въ тоже время, не взирая на всѣ эти утѣшенія, молиться, чтобы Небо возвратило васъ тѣмъ, кто васъ любитъ,— да, это такія потрясающія ощущенія, что душа готова сломиться подъ ними. И ихъ-то я испытывалъ денно и нощно, и они приносили съ собою такой бурный потокъ опасеній и себялюбивыхъ сожа-

лѣній о томъ, что вы умрете, не узнавъ, какъ безпредѣльно я любилъ васъ, — что умъ почти мѣшался. Вы поправились: каждый день, чуть не каждый часъ прибывало здоровье капля за каплей, и эти капли, сливаясь съ истощенною жизненною струею, вяло пробивавшеюся въ вашемъ организмѣ, мало по малу снова превращали ее въ могучій и быстро-бѣгущій потокъ. Я наблюдалъ, какъ вы отъ смерти переходили къ жизни и слезы умиленія проступали у меня на глазахъ. Не говорите же мнѣ, что вы желали бы, чтобы я не извѣдалъ этихъ ощущеній: они смягчили мое сердце въ отношеніи всего человѣчества.

— Я совсѣмъ не то хотѣла сказать, отвѣчала Роза, заливаясь слезами.—Я желала бы вашего отъѣзда только для того, чтобы вы могли снова вернуться къ преслѣдованью возвышенныхъ и благородныхъ цѣлей, — цѣлей, вполнѣ достойныхъ васъ.

— Нѣтъ цѣли, болѣе достойной меня, — да, что меня? — болѣе достойной даровитѣйшаго и лучшаго изъ людей, чѣмъ борьба изъ-за такого сердца, какъ ваше, проговорилъ молодой человѣкъ, беря ее за руку. -- Роза, дорогая моя Роза! цѣлые годы любилъ я васъ и надѣялся проложить себѣ дорогу къ славѣ и затѣмъ вернуться съ гордостью домой и сказать вамъ, что я искалъ славы только для того, чтобы раздѣлить ее съ вами. Въ этихъ снахъ, снившихся мнѣ на яву, я мечталъ, какъ я напомню вамъ тѣ случаи, въ которыхъ я выдавалъ свою любовь къ вамъ еще мальчикомъ, — и какъ я посмѣюсь надъ вами, вспоминая, какъ вы краснѣли, когда замѣчали въ чемъ дѣло,—и какъ я за тѣмъ буду просить вашей руки, какъ бы въ исполненіе давнишняго, безмолвнаго договора, заключеннаго между нами. Это время не пришло; но вотъ я стою передъ вами, не добившись желанной славы и съ несбывшимися юношескими мечтами, и отдаю вамъ то сердце, которое давно принадлежитъ вамъ и жду себѣ жизни или смерти отъ вашего отвѣта.

— Вы всегда были добры и великодушны относительно меня, отвѣчала Роза, стараясь подавить свое волненіе. — Вы вѣрите, что я не безчувственна и не неблагодарна, а потому выслушайте мой отвѣтъ.

— Вы скажете мнѣ, что я могу попытаться сдѣлаться достойнымъ васъ, — не такъ ли, дорогая Роза?

— Я скажу вамъ, очвѣчала Роза, — что вы должны стараться

позабыть меня,—позабыть не какъ преданнаго друга и товарища,—это огорчило бы меня глубоко—а какъ предметъ вашей любви. Оглянитесь кругомъ, посмотрите, какъ много на свѣтѣ сердецъ, любовь которыхъ равно достойна васъ. Повѣряйте мнѣ, если хотите, новую страсть, когда она проснется въ васъ, и, ручаюсь, вы не найдете болѣе вѣрнаго, искренняго и сочувствующаго друга.

Настало молчаніе, въ продолженіе котораго Роза, закрывъ лицо одной рукою, дала волю своимъ слезамъ. Другую руку Гарри все еще удерживалъ въ своей.—А мотивы вашего рѣшенія, Роза... проговорилъ онъ наконецъ тихимъ голосомъ,—могу ли я просить васъ сказать мнѣ ихъ?

— Вы имѣете полное право знать эти мотивы, отвѣчала Роза.—Вы ничего не можете сказать такого, что поколебало бы мою рѣшимость. Это долгъ, который я должна исполнить, — долгъ въ отношеніи другихъ и самой себя.

— Самой себя?

— Да, Гарри. Изъ уваженія къ самой себѣ я не могу дать поводъ людямъ подозрѣвать, что я, бѣдная сирота, съ позорнымъ пятномъ на моемъ имени, изъ эгоистическихъ видовъ уступила вашей первой юношеской страсти и связала вамъ руки своей особой, ставъ поперегъ дороги всѣмъ вашимъ планамъ и надеждамъ. Изъ уваженія къ вамъ и къ вашей семьѣ, я обязана помѣшать вамъ воздвигнуть, въ увлеченіи вашей великодушной природы, такое громадное препятствіе къ дальнѣйшимъ вашимъ успѣхамъ въ жизни.

— Если чувства ваши совпадаютъ съ вашимъ понятіемъ о долгѣ... началъ было Гарри.

— Они не совпадаютъ съ нимъ, отвѣчала Роза, вся вспыхнувъ.

— Такъ вы тоже меня любите? проговорилъ Гарри.—Скажите хоть это, Роза; вы уменьшите этимъ для меня горечь настоящей минуты.

— Если бы я могла только, не нанося вреда любимому мною человѣку, поступить иначе, я бы...

— Вы бы дали мнѣ совсѣмъ иной отвѣтъ на мое предложеніе?! поспѣшно подсказалъ Гарри.—Не скрывайте отъ меня хоть это, Роза!

— Да, проговорила Роза.—Но, будетъ объ этомъ! продолжала она, освобождая руку изъ его руки.—Зачѣмъ намъ продолжать это

тягостное свиданіе? — всего болѣе тягостное для меня, и въ тоже время полное глубокой отрады, которую и въ будущемъ ничто у меня не отниметъ. Да, отрадно мнѣ будетъ помнить, что было время, когда я занимала въ вашемъ сердцѣ то мѣсто, которое мнѣ принадлежитъ теперь. Каждый вашъ успѣхъ въ жизни будетъ обновлять меня новою силою и бодростью. Прощайте, Гарри. Тѣмъ, чѣмъ мы могли бы стать другъ для друга, если бы разговоръ этотъ кончился иначе, мы другъ для друга не будемъ; такъ, какъ мы встрѣтились съ вами сегодня, мы никогда болѣе не встрѣтимся. Но пускай долго, долго существуетъ между нами иная связь, пускай всѣ радости, какія только любящее и преданное сердце можетъ вымолить у Неба, выпадутъ вамъ на долю и озарятъ путь вашъ.

— Еще одно слово, Роза, проговорилъ Гарри. — Выскажите мнѣ причины вашего отказа вашими собственными словами. Я хочу слышать ихъ изъ вашихъ устъ.

— Передъ вами открывается блестящая будущность, начала Роза твердымъ голосомъ. — Всѣ почести, какихъ только можно достигнуть на поприщѣ политической дѣятельности при блестящихъ дарованіяхъ и сильныхъ родственныхъ связяхъ, доступны для васъ. Но эти знатные родственники горды, а я не хочу ни вращаться въ средѣ тѣхъ, которые презираютъ мать, давшую мнѣ жизнь, ни быть виновницей отчужденія и неудачъ для сына той, которая такъ хорошо умѣла замѣнить мнѣ мать. — Словомъ, продолжала молодая дѣвушка, отворачиваясь, такъ какъ временная ея твердость начинала измѣнять ей,. — на имени моемъ лежитъ пятно, которое свѣтъ любитъ вымещать на людяхъ ни въ чемъ неповинныхъ: я не перенесу этого пятна въ чужую семью, пускай позоръ его остается на мнѣ одной.

— Еще одинъ вопросъ, Роза, дорогая Роза! — одинъ только вопросъ! воскликнулъ Гарри, бросаясь къ ней и заступая ей дорогу.—Если бы я былъ менѣе... менѣе счастливо обставленъ съ точки зрѣнія свѣта,—если бы мнѣ суждена была какая нибудь мирная и безъизвѣстная доля,—если бы я былъ бѣденъ, слабъ и одинокъ,— отвернулись ли бы вы отъ меня тогда? или же вы отворачиваетесь отъ меня только потому, что будущее сулитъ мнѣ богатство и почести?

— Не требуйте отъ меня отвѣта, проговорила Роза. — Дѣй-

ствительность не ставитъ намъ этого вопроса въ настоящую минуту и никогда не поставитъ. Съ вашей стороны жестоко, невеликодушно настаивать на этомъ предметѣ.

— Если вашъ отвѣтъ будетъ согласенъ съ тѣмъ, на что я почти осмѣливаюсь надѣяться, отвѣчалъ Гарри, — это озаритъ лучемъ счастья мой одинокій путь и поможетъ мнѣ нѣсколько примириться съ ожидающимъ меня безотраднымъ будущимъ. Неужели, для того, чтобы доставить облегченіе тому, кто любитъ васъ больше всего въ мірѣ, не стоитъ произнести эти нѣсколько словъ, которыхъ я отъ васъ прошу? О, Роза, именемъ моей пламенной, многолѣтней любви, именемъ всего, что я выстрадалъ изъ-за васъ, и тѣхъ новыхъ страданій, на которыя вы обрекаете меня въ будущемъ, — отвѣтьте на мой вопросъ!

— Коли такъ, то знайте же, проговорила Роза,—еслибы жизнь ваша сложилась иначе, еслибы даже вы по общественному положенію стояли нѣсколько выше меня, но еслибы разстояніе между нами не было такъ неизмѣримо велико,—если бы я могла быть вамъ помощницей и опорой въ скромной, тихой и уединенной жизни, а не обузой, компроментирующей васъ въ глазахъ блестящей и высокомѣрной толпы,—тогда мы были бы избавлены отъ настоящаго испытанія. Я не имѣю никакихъ причинъ жаловаться на теперешнюю свою судьбу; все сложилось счастливо, очень счастливо для меня. Но тогда, сознаюсь, я была бы счастливѣе.

И воспоминанія о старыхъ надеждахъ, которыя она лелеяла еще дѣвочкой, годы тому назадъ, толпою нахлынули на Розу въ минуту этого признанія. Но воспоминанія эти принесли съ собой только слезы, какъ всегда приносятъ ихъ съ собою былыя надежды, когда воскресаютъ въ нашей памяти поблекшими и разбитыми. Слезы нѣсколько облегчили ее.

— Это была невольная слабость, проговорила она, протягивая руку молодому человѣку, — но намѣренье мое остается непоколебимымъ. А теперь, намъ пора растаться, право пора.

— Я прошу у васъ одного только обѣщанья, сказалъ Гарри.— Позвольте мнѣ — скажемъ, черезъ годъ, а быть можетъ и гораздо ранѣе,—еще разъ, одинъ только разъ возобновить этотъ разговоръ съ вами.

— Только не для того, чтобы настаивать на измѣненіи моего

рѣшенія, проговорила Роза съ печальной улыбкой.—Это будетъ безполезно.

— Нѣтъ, если хотите для того, чтобы выслушать отъ васъ окончательное подтвержденіе этого рѣшенія, отвѣчалъ Гарри.—Я положу къ ногамъ вашимъ то общественное положеніе и то богатство, какія окажутся въ то время моими, и, если вы останетесь при теперешнемъ своемъ намѣреніи, я ни однимъ словомъ но попытаюсь измѣнить его.

— Въ такомъ случаѣ, пусть будетъ такъ, отвѣчала Роза. Для меня это будетъ тяжелою минутою больше, но къ тому времени я, быть можетъ, окажусь въ состояніи лучше вынести это испытаніе.

Она опять протянула ему руку, но молодой человѣкъ подхватилъ ее въ свои объятія, и, запечатлѣвъ одинъ поцѣлуй на ея прекрасномъ лбу, выбѣжалъ изъ комнаты.

ГЛАВА XXXV.

Будетъ очень коротенькая и, быть можетъ, покажется читателю не имѣющей особеннаго значенія на настоящемъ своемъ мѣстѣ, но, тѣмъ не менѣе должна быть прочтена, какъ дополненіе къ предшествующей главѣ и какъ объясненіе къ той, которая воспослѣдуетъ въ свое время.

— Такъ вы рѣшились быть моимъ спутникомъ сегодня? проговорилъ докторъ, когда Гарри Мейли подсѣлъ къ нему и къ Оливеру за столъ, на которомъ былъ сервированъ завтракъ.—Странное дѣло! Два часа тому назадъ вы не помышляли объ отъѣздѣ. Что за перемѣнчивость въ намѣреньяхъ!

— Посмотримъ, найдете ли вы мои намѣренья столь же перемѣнчивыми, когда мы съ вами поговоримъ на эту тэму на дняхъ, отвѣчалъ Гарри, краснѣя безъ всякой видимой причины.

— Надѣюсь, что я буду имѣть основательныя причины взять свое мнѣніе назадъ, отвѣчалъ м-съ Лосбернъ, — хотя, признаюсь, я думаю, что это едва ли случится. Не далѣе, какъ вчера утромъ было рѣшено, что вы остаетесь здѣсь и, какъ настоящій почтительный сынъ, сопутствуете вашей матушкѣ на морскія купанья. Но вотъ въ тотъ же день около полудня вы объявляете, что намѣрены сдѣлать мнѣ честь и доѣхать со мною до Лондона. Вечеромъ вы уговариваете меня, съ великою таинственностью, выѣхать прежде, чѣмъ дамы успѣютъ встать и послѣдствіемъ этого является то, что нашъ юный другъ Оливеръ вынужденъ торчать за столомъ и завтракать въ такое время, когда ему полагается обѣгать луга въ поискахъ за всевозможными чудесами растительнаго царства. Обидно вѣдь это, Оливеръ, не такъ-ли?

— Мнѣ было бы обиднѣе не быть дома въ такое время, когда вы, сэръ, и м-ръ Мейли собираетесь уѣзжать, отвѣчалъ Оливеръ.

— Ай да Оливеръ, молодецъ! воскликнулъ докторъ. — За это ты непремѣнно долженъ побывать у меня въ гостяхъ, когда вы вернетесь въ Чертси. Но, шутки въ сторону, Гарри, — развѣ вы получили отъ великихъ міра сего какое нибудь сообщеніе, которое возбудило въ васъ такое пламенное желаніе уѣхать?

— Великіе міра сего, подъ которыми вы, я полагаю, подразумѣваете моего величавѣйшаго дядюшку, отвѣчалъ Гарри, не вступали со мной ни въ какія сношенія, съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь. Къ тому же въ настоящее время года едва-ли и можетъ случиться обстоятельство такого рода, которое требовало бы моего присутствія между ними.

— А коли такъ, то вы престранный человѣкъ, замѣтилъ докторъ. — Впрочемъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что васъ еще до Рождества проведутъ въ парламентъ, то, быть можетъ, эти внезапныя перемѣны составляютъ не дурную подготовительную школу для жизни политическаго дѣятеля. А хорошая подготовка никогда не мѣшаетъ, что бы ни составляло призъ состязанія: мѣсто ли въ парламентѣ, или одна изъ тѣхъ вещественныхъ наградъ, которыя выдаются на лошадиныхъ скачкахъ.

На лицѣ Генри Мейли появилось такое выраженіе, какъ будто онъ могъ продолжить этотъ краткій разговоръ двумя, тремя замѣчаніями, которыя повергли бы доктора въ немалое изумленіе; но онъ

ограничился тѣмъ, что отвѣтилъ: „А вотъ, посмотримъ!“ — и не возвращался болѣе къ этому предмету. Вскорѣ послѣ того къ подъѣзду подкатила почтовая карета и Джайльзъ вошелъ въ комнату за поклажей. Добрѣйшій докторъ засуетился и отправился взглянуть, какъ уложатъ вещи въ карету.

— Оливеръ! началъ Гарри въ полголоса, мнѣ нужно сказать тебѣ слова два наединѣ.

Оливеръ отошелъ къ окну, куда его подзывалъ жестомъ м-ръ Мейли. При этомъ мальчика не мало озадачивала смѣсь грусти и какой-то игривой бойкости, прорывавшаяся во всемъ обращеніи молодого человѣка.

— Ты теперь хорошо умѣешь писать? началъ Гарри, кладя ему руку на плечо.

— Кажется, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ.

— Пройдетъ, быть можетъ, нѣсколько времени, прежде чѣмъ мнѣ можно будетъ вернуться домой. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты писалъ мнѣ, — ну скажемъ, разъ въ двѣ недѣли, черезъ понедѣльникъ, — и адресовалъ свои письма въ лондонскій почтамтъ. Обѣщаешься ты мнѣ это дѣлать?

— О, конечно, сэръ! Я буду гордиться такимъ порученіемъ! воскликнулъ Оливеръ въ восторгѣ.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, какъ... какъ поживаютъ моя матушка и мисъ Мейли, продолжалъ молодой человѣкъ. Ты можешь наполнить страницу, другую своего письма разсказами о томъ, какія прогулки вы дѣлаете, и какіе разговоры у васъ бываютъ, и какъ она... т. е., я хочу сказать, какъ обѣ онѣ чувствуютъ себя на твой взглядъ: смотрятъ ли онѣ совершенно здоровыми и веселыми, и т. д. Ты понимаешь меня?

— О, какъ нельзя лучше, сэръ, какъ нельзя лучше.

— Я предпочелъ бы, чтобы ты ни говорилъ имъ объ этомъ ни слова, продолжалъ Гарри торопливо глотая слова, — потому что, узнавъ объ этомъ, матушка моя, чего добраго, сочтетъ своимъ долгомъ писать мнѣ чаще сама, а это для нея утомительно. Пускай наша переписка останется тайною между тобою и мною и, смотри же, пиши мнѣ обо всемъ до малѣйшихъ подробностей. Ужъ я полагаюсь на тебя.

Оливеръ, выросшій въ собственныхъ глазахъ отъ того важнаго

порученія, которое на него возлагали, обѣщалъ хранить тайну и писать какъ можно обстоятельнѣе и м-ръ Мейли простился съ нимъ, осыпавъ его горячими увѣреніями въ своей дружбѣ и въ своемъ желаніи быть ему полезнымъ.

Докторъ уже сидѣлъ въ каретѣ; Джайльзъ, (котораго рѣшено было не брать съ собою) держалъ дверцу отворенною, а въ саду стояла женская прислуга, явившаяся проводить отъѣзжающихъ. Гарри бросилъ одинъ бѣглый взглядъ на рѣшетчатое окно и вскочилъ въ карету.

— Ну, пошелъ! крикнулъ онъ,—только живо, во весь карьеръ. Сегодня я ни на чемъ меньшемъ не помирюсь какъ на быстротѣ птичьяго полета.

— Эй, эй, стой! крикнулъ докторъ, поспѣшно опуская окно кареты и высовываясь къ кучеру. — Я съ своей стороны, помирюсь на гораздо меньшемъ, чѣмъ быстрота птичьяго полета. Прошу принять это къ свѣдѣнью.

И гремя, и дребезжа, пока за дальностью разстоянія не замеръ шумъ и только быстрота движенія осталась замѣтной для глаза, покатилась карета, то на половину скрываясь за облакомъ пыли, то исчезая совсѣмъ, то снова показываясь, смотря по изгибамъ дороги и по расположенію постороннихъ предметовъ. Провожающіе разошлись лишь тогда, когда самое облако пыли исчезло.

Но былъ одинъ зритель, не спускавшій глазъ съ того мѣста, гдѣ скрылась изъ виду карета, даже и послѣ того, какъ путешественники успѣли отъѣхать цѣлыя мили отъ дома. За бѣлой занавѣской, скрывавшей ее изъ виду въ ту минуту, когда Гарри поднялъ глаза къ окну, сидѣла сама Роза.

— Онъ, повидимому, веселъ и доволенъ, проговорила она наконецъ про себя.—Я опасалась, что въ первое время будетъ иначе, но я ошиблась. Я очень, очень рада этому.

Слезы равно могутъ служить выраженіемъ какъ радости, такъ и горя. Но въ тѣхъ слезахъ, которыя медленно стекали по лицу Розы, пока она продолжала задумчиво сидѣть у окна и глядѣть все въ томъ же направленіи, было, повидимому, больше горя, чѣмъ радости.

ГЛАВА XXXVI.

Въ которой читатель, если только онъ припомнитъ двадцать третью главу, замѣтитъ контрастъ, довольно часто встрѣчающійся въ дѣлѣ супружескаго сожительства.

М-ръ Бёмбль сидѣлъ въ пріемной рабочаго дома, пасмурно уставивъ глаза на рѣшетку камина, которая, такъ какъ время было лѣтнее, не искрилась никакимъ инымъ, болѣе веселымъ блескомъ, кромѣ того, который давало отраженіе двухъ, трехъ блѣдныхъ солнечныхъ лучей о ея полированную поверхность. Бумажная клѣтка для ловли мухъ висѣла съ потолка и къ ней отъ времени до времени онъ обращалъ свои взоры въ мрачномъ раздумьи; каждый разъ какъ вокругъ предательской сѣтки раздавалось усиленное жужжанье легкомысленныхъ насѣкомыхъ, м-ръ Бёмбль испускалъ тяжелый вздохъ и лицо его принимало еще болѣе мрачное выраженіе. Быть можетъ, среди того раздумья, въ которое былъ погруженъ м-ръ Бёмбль, насѣкомыя эти вызывали въ немъ воспоминаніе о какомъ нибудь непріятномъ эпизодѣ его собственной жизни.

И не одна мрачность м-ра Бёмбля способна была навѣять пріятную меланхолію на посторонняго наблюдателя. Не было недостатка и въ другихъ признакахъ, и при томъ близко соприкасавшихся съ его особою, изъ которыхъ можно было заключить, что въ дѣлахъ м-ра Бёмбля произошла большая перемѣна. Куда дѣвались сюртукъ, обшитый золотымъ галуномъ и шляпа съ загнутыми полями! Нижнія конечности его тѣла все по прежнему оставались облечены въ панталоны по колѣно и въ шерстяные чулки, но то были уже не *тѣ* панталоны. Сюртукъ его былъ съ широкими фалдами и въ этомъ отношеніи походилъ на *тотъ* сюртукъ, но, во всемъ остальномъ, какая страшная разница! Величественная шляпа съ загнутыми полями была замѣнена скромнымъ цилиндромъ, — словомъ, м-ръ Бёмбль не былъ уже болѣе приходскимъ сторожемъ.

Есть нѣкоторыя положенія въ жизни, которыя, независимо отъ

болѣе существенныхъ выгодъ, представляемыхъ ими, получаютъ особую цѣну и важность отъ тѣхъ сюртуковъ и жилетовъ, которые имъ присвоены. Фельдмаршалъ имѣетъ свой мундиръ, епископъ англиканской церкви — свой шелковый передникъ, приходскій сторожъ — свою шляпу съ загнутыми полями. Отнимите у епископа передникъ и у сторожа его шляпу—что отъ нихъ останется?—Люди, не больше каакъ люди. Важность и, даже, подъ часъ высшія добродѣтели состоятъ въ гораздо тѣснѣйшей зависимости отъ сюртуковъ и жилетовъ, чѣмъ иные люди воображаютъ.

М-ръ Бёмбль женился на м-съ Корней и былъ надзирателемъ рабочаго дома. Другой сторожъ принялъ бразды правленія и къ нему перешли по наслѣдству и шляпа съ загнутыми полями, и сюртукъ съ золотымъ галуномъ, и булава.

— И какъ подумаешь, завтра ровно два мѣсяца, какъ это случилось, проговорилъ м-ръ Бёмбль, испуская глубокій вздохъ, — Точно цѣлый вѣкъ съ тѣхъ поръ прошелъ!

Можетъ статься, м-ръ Бёмбль хотѣлъ сказать, что для него, въ этомъ короткомъ, восьминедѣльномъ промежуткѣ времени, сосредоточилось столько счастья, что его хватило бы на цѣлую человѣческую жизнь. Но вздохъ... было нѣчто многозначительное въ этомъ вздохѣ.

— Я продалъ себя, продолжалъ м-ръ Бёмбль свои размышленія, за полдюжины чайныхъ ложекъ, за пару щипцовъ для сахара и за молочникъ, съ кое-какой дрянной *небелью* и двадцатью фунтами денегъ въ придачу. Нечего сказать, дешево же я пошелъ, чертовски дешево!

— Дешево?! крикнулъ визгливый голосъ надъ самымъ ухомъ м-ра Бёмбля.—Да за тебя сколько ни дай, все будетъ дорого; и переплатила же я за тебя, видитъ Богъ, переплатила!

М-ръ Бёмбль обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ своей очаровательной супругой, которая, не совсѣмъ ясно понявъ послѣднія, подслушанныя ею слова его жалобы, отпустила свое вышеприведенное замѣчаніе наудачу.

— М-съ Бёмбль, сударыня! проговорилъ м-ръ Бёмбль съ напыщенною суровостью.

— Ну, что тамъ такое? крикнула почтенная дама.

— Не угодно ли вамъ будетъ взглянуть мнѣ прямо въ лицо? продолжалъ м-ръ Бёмбль, уставившись на нее пристально глазами.

„Если она устоитъ противъ такого взгляда, разсуждалъ м-ръ Бёмбль про себя, то ее, значитъ, ничѣмъ не испугаешь. Этотъ взглядъ ни разу еще не преминулъ оказать свое дѣйствіе на пауперовъ, и если онъ не окажетъ такого же дѣйствія на нее, то—прощай моя власть!“

Потому ли, что весьма незначительной напряженности взгляда достаточно для усмиренія пауперовъ, которые, будучи плохо кормлены, не обладаютъ особенной бодростью духа, потому ли, что бывшая м-съ Корней отличалась особенною устойчивостью противъ орлиныхъ взглядовъ, — но только почтенная матрона отнюдь не испугалась грознаго выраженія лица м-ра Бёмбля; мало того, она встрѣтила эту выходку съ величайшимъ пренебреженіемъ и принялась хохотать надъ нею, повидимому совершенно непритворно.

Заслышавъ этотъ неожиданный звукъ, м-ръ Бёмбль сначала посмотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ, потомъ съ изумленіемъ. Затѣмъ онъ погрузился въ свое прежнее мрачное раздумье и, Богъ вѣсть, когда онъ вышелъ бы изъ этого послѣдняго состоянія, если бы голосъ супруги не заставилъ его снова встрепенуться.

— Что же это, ты намѣренъ сидѣть здѣсь и храпѣть цѣлый день? вопрошала м-съ Бёмбль.

— Я намѣренъ сидѣть здѣсь, сударыня, столько времени, сколько я сочту нужнымъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, и, хотя я храпѣть и недумалъ, но я буду храпѣть, зѣвать, чихать, смѣяться, или плакать, совершенно какъ мнѣ вздумается, ибо такова моя прерогатива.

— Твоя прерогатива! съ невыразимымъ презрѣніемъ подхватила м-съ Бёмбль.

— Да-съ, напрасно вы удивляетесь, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль. Прерогатива мужчины состоитъ въ томъ, чтобы повелѣвать.

— Вотъ какъ! А въ чемъ же, позвольте узнать, состоитъ прерогатива женщины? воскликнула вдовица покойнаго м-ра Корней.

— Въ томъ, чтобы повиноваться, сударыня! прогремѣлъ м-ръ Бёмбль.—Вашъ покойный злополучный мужъ долженъ бы былъ втолковать вамъ это, и тогда онъ, быть можетъ, до сихъ поръ былъ бы живъ. И за чѣмъ только онъ умеръ, бѣдняга, на мою бѣду!

М-съ Бёмбль сразу увидѣла, что настала рѣшительная минута и что смѣлый натискъ съ той или другой стороны долженъ окончательно и безповоротно рѣшить за кѣмъ изъ двухъ супруговъ останется власть. Какъ только она услышала вышеприведенный намекъ на покойника, такъ сейчасъ же бросилась въ кресло, и, крикнувъ во все горло, что м-ръ Бёмбль — безсердечное животное, залилась цѣлымъ потокомъ слезъ.

Но слезами трудно было пронять м-ра Бёмбля; сердце его было сдѣлано изъ непромокаемой матеріи. Нервы его, подобно тѣмъ бобровымъ шляпамъ, которыя становятся только лучше отъ дождя, — лишь укрѣплялись при видѣ слезъ, которыя, будучи признакомъ слабости и, слѣдовательно, являясь какъ бы безмолвнымъ признаніемъ его собственной силы, вызывали въ немъ пріятное возбужденіе. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ посматривалъ на свою дрожайшую половину и, поощряющимъ тономъ просилъ ее плакать побольше, на сколько хватитъ ея силъ, такъ какъ доктора находятъ, что занятіе это очень здорово.

— Оно развиваетъ легкія, омываетъ лицо, упражняетъ глаза и укрощаетъ нравъ, замѣтилъ Бёмбль, — а потому, — ну-ка! понатужтесь, поплачьте еще!

Отколовъ эту шутку, м-ръ Бёмбль снялъ свою шляпу съ вѣшалки и, надѣвъ ее нѣсколько ухорски на бекрень, съ видомъ человѣка, который чувствуетъ, что заявилъ свое превосходство подобающимъ образомъ, засунулъ руки въ карманъ и направился къ двери, выражая всей своей осанкой развязность и игривость. Но дѣло въ томъ, что бывшая м-съ Корней испробовала дѣйствіе слезъ только потому, что онѣ представляли меньше хлопотъ, чѣмъ рукопашная схватка; это не мѣшало ей быть вполнѣ готовой испробовать и послѣдній способъ расправы, въ чемъ м-ръ Бёмбль не замедлилъ убѣдиться.

Первымъ доказательствомъ этого факта, испытаннымъ имъ на своей особѣ, былъ глухой звукъ, непосредственно за которымъ воспослѣдовалъ полетъ его шляпы на противуположный конецъ комнаты. Послѣ того, какъ эта предварительная операція обнажила его голову, опытная дама, крѣпко схвативъ его за шиворотъ одною рукою, другой нанесла ему по шеѣ цѣлый градъ ударовъ (изобличавшихъ въ ней удивительную силу и ловкость). Исполнивъ это, она, для

разнообразія, поцарапала ему лицо, оттаскала его за волосы и, найдя наконецъ, что размѣры наказанія сравнялись съ виною толкнула его на стулъ, случившійся тутъ къ счастью по близости,—послѣ чего пригласила его съ вызывающимъ видомъ еще потолковать о своей мужской прерогативѣ, если у него хватитъ на это духу.

— Встаньте! сказала м-съ Бёмбль повелительнымъ голосомъ,—и убирайтесь отсюда, если не хотите, чтобы я сдѣлала какую нибудь отчаянную штуку.

М-ръ Бёмбль всталъ, съ печально вытянувшимся лицомъ, недоумѣвая, какія же такія еще могутъ быть отчаянныя штуки? Онъ подобралъ свою шляпу и оглянулся на дверь.

— Чтожъ вы, уйдете, или нѣтъ? спросила м-съ Бёмбль.

— Конечно, душа моя, конечно! отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, ускоряя шаги по направленію къ двери.—Я и не думалъ... Я ухожу, душа моя... ты такъ вспылчива, что я, право...

Въ эту минуту м-съ Бёмбль поспѣшно бросилась поправлять коверъ, который былъ сбитъ во время схватки, и м-ръ Бёмбль стрѣлой вылетѣлъ изъ комнаты, не помышляя докончить начатую имъ фразу. М-съ Бёмбль осталась побѣдительницей на полѣ сраженія.

М-ръ Бёмбль былъ застигнутъ въ расплохъ и разбитъ на голову. Онъ обладалъ весьма сильною наклонностью къ забіячничеству, находилъ не малое наслажденіе въ мелочной жестокости и, слѣдовательно (это едва ли даже нужно добавлять) былъ трусъ. Обстоятельство это, впрочемъ, отнюдь не можетъ набросить на него неблаговидную тѣнь, ибо не мало можно найти болѣе крупныхъ дѣятелей, которые пользуются общимъ почетомъ и уваженіемъ, и которые, между тѣмъ, страдаютъ той же немощью. Напротивъ, если мы упомянули объ этомъ обстоятельствѣ, то скорѣе въ похвалу ему, съ цѣлью показать читателю, что онъ обладалъ всѣми качествами, требующимися для его должности.

Но мѣра его униженія еще не переполнилась. Сдѣлавъ обходъ по подвѣдомственнымъ ему владѣніямъ, и напавъ въ первый разъ въ жизни на мысль, что законы о бѣдныхъ слишкомъ суровы, что мужей, которые убѣгаютъ отъ своихъ женъ, оставляя ихъ на попеченіе прихода, не слѣдовало бы по настоящему вовсе наказывать и, напротивъ, скорѣе слѣдовало бы награждать, какъ достойныхъ гражданъ,

много выстрадавшихъ на своемъ вѣку, м-ръ Бёмбль подошелъ къ комнатѣ, гдѣ обыкновенно женщины, призрѣваемыя въ пріютѣ, стирали приходское бѣлье, и откуда въ эту минуту слышались разговаривающіе голоса.

— Гм! промычалъ м-ръ Бёмбль, призывая къ себѣ на помощь свою прирожденную величавость осанки,—въ этихъ бабахъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ поддержать уваженіе къ прерогативѣ. Эй, вы! Кто тамъ? Что это за гвалтъ?! Ахъ вы, наглянки!

Съ этими словами м-ръ Бёмбль отворилъ дверь и вошелъ въ комнату съ свирѣпымъ и грознымъ видомъ, который тотчасъ же смѣнился самою смиренною съёженностью, когда взглядъ его неожиданно упалъ на фигуру дрожайшей его половины.

— Милочка моя, проговорилъ м-ръ Бёмбль, — я не зналъ, что ты здѣсь.

— Не зналъ, что я здѣсь! фыркнула м-съ Бёмбль.—Самъ то ты зачѣмъ сюда пришелъ?

— Мнѣ показалось, милочка, что онѣ говорятъ слишкомъ громко, чтобы дѣлать свое дѣло какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, съ растеряннымъ видомъ оглядывая двухъ старухъ, стоявшихъ у корыта и переглядывавшихся между собою въ восторженномъ удивленіи передъ скромностью надзирателя.

— Тебѣ показалось, что онѣ слишкомъ громко говорятъ? повторила м-съ Бёмбль. — А тебѣ до этого какое дѣло?

— Но, милая моя... началъ было м-ръ Бёмбль покорнымъ тономъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, какое тебѣ до этого дѣло? настаивала м-съ Бёмбль.

— Твоя правда, милочка, ты здѣсь хозяйка, поспѣшилъ согласиться м-ръ Бёмбль. — Но я думалъ, что тебя здѣсь нѣтъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу, м-ръ Бёмбль, продолжала почтенная дама.—Намъ здѣсь твоего вмѣшательства не нужно. Ужъ больно ты любишь совать свой носъ туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ и дѣлаешь только то, что всѣ въ домѣ смѣются надъ тобой за твоей спиною, какъ надъ шутомъ какимъ. Вонъ отсюда! Убирайся!

М-ръ Бёмбль, видя, къ несказанному своему отчаянью, восторгъ двухъ старухъ, которыя съ наслажденіемъ хихикали между собою, остановился на минуту въ нерѣшимости. Но м-съ Бёмбль, терпѣніе

которой не выдерживало ни малѣйшихъ проволочекъ, схватила ведро съ мыльными помоями и, указавъ ему на дверь, объявила, чтобы онъ убирался тотчасъ же, если не хочетъ чтобы величавую его особу окатили содержимымъ этого ведра.

Что оставалось дѣлать м-ру Бёмблю? Онъ безнадежно поглядѣлъ кругомъ себя и пошелъ къ двери. Не успѣлъ онъ переступить черезъ ея порогъ, какъ сдержанное хихиканье старухъ перешло въ пронзительный хохотъ неудержимаго восторга. Этого еще только недоставало! Онъ былъ униженъ въ ихъ глазахъ; онъ утратилъ свое положеніе даже передъ пауперами; онъ палъ съ высоты своего приходскаго величія въ бездну униженія, и превратился въ самого жалкаго колпака-мужа, состоящаго подъ башмакомъ у своей жены!

— И все это въ какіе-нибудь два мѣсяца! проговорилъ м-ръ Бёмбль, удручаемый своими безотрадными думами. — Два мѣсяца... не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, я былъ не только самъ себѣ господиномъ, но и господиномъ всѣхъ прочихъ въ предѣлахъ приходскаго рабочаго дома, — а теперь?!..

Чаша переполнилась. М-ръ Бёмбль отлупилъ по щекамъ мальчишку, отворившаго передъ нимъ ворота, до которыхъ онъ дошелъ, самъ того не замѣчая въ своемъ раздумьи, и вышелъ на улицу.

Онъ шелъ безъ цѣли, переходя изъ одной улицы въ другую, пока моціонъ не ослабилъ первый порывъ его отчаянья и тогда, вслѣдствіе естественной реакціи, онъ почувствовалъ жажду. Миновавъ множество кабаковъ, онъ остановился, наконецъ, передъ однимъ изъ нихъ, помѣщавшимся въ переулкѣ и, который, какъ онъ могъ убѣдиться изъ торопливаго взгляда, брошеннаго въ окно, былъ совершенно пустъ, за исключеніемъ одного посѣтителя. Въ эту минуту полилъ сильный дождь, и это окончательно рѣшило его войти. М-ръ Бёмбль, проходя мимо буфета, заказалъ себѣ какой-то напитокъ и затѣмъ отправился въ ту комнату, которую видѣлъ изъ улицы въ окно.

Посѣтитель, сидѣвшій въ этой комнатѣ, былъ высокій, смуглый мужчина, укутанный въ плащъ. Онъ смотрѣлъ не мѣстнымъ обывателемъ и, судя по утомленному виду и по пыли, приставшей къ его одеждѣ, видимо пришелъ издалека. Онъ съ вопрошающимъ выраженіемъ оглядѣлъ Бёмбля, когда тотъ вошелъ, и едва удостоилъ кивнуть головою въ отвѣтъ на его поклонъ.

У м-ра Бёмбля хватило бы достоинства на двоихъ, даже въ томъ случаѣ, если бы незнакомецъ выказалъ больше общительности, а потому онъ молча принялся за свой джинъ, разбавленный водою, и сталъ пробѣгать газету съ необыкновенно торжественнымъ и важнымъ видомъ.

Случилось однако, — оно за частую случается, когда люди сходятся при подобныхъ обстоятельствахъ, — что м-ръ Бёмбль сталъ чувствовать сильный позывъ бросить отъ времени до времени украдкой взглядъ на незнакомца. Онъ не сопротивлялся этому позыву и, каждый разъ, какъ онъ ему уступалъ, онъ вынужденъ былъ опускать глаза не безъ смущенія, потому что оказывалось, что и незнакомецъ, какъ разъ въ эту минуту, бросаетъ украдкою взглядъ на него. Чувство неловкости, испытываемое м-ромъ Бёмблемъ, еще усиливалось какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ глазахъ незнакомца. Глаза эти были блестящіе и проницательные, но они омрачались какимъ-то хмурымъ выраженіемъ, не то недовѣрія, не то подозрительности, которое не походило ни на что, видѣнное м-ромъ Бёмблемъ до сихъ поръ, и производило чрезвычайно непріятное впечатлѣніе.

Послѣ того, какъ они нѣсколько разъ встрѣтились такимъ образомъ взглядами, незнакомецъ первый нарушилъ молчаніе рѣзкимъ, грузнымъ голосомъ.

— Это вы меня, что ли, высматривали, спросилъ онъ, —когда заглядывали съ улицы въ окно?

— Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ, если только вы не м-ръ... — Тутъ м-ръ Бёмбль остановился, потому что его подмывало узнать имя незнакомца, и онъ расчитывалъ, что послѣдній, въ своемъ нетерпѣніи, подскажетъ это имя.

— Ну, я вижу, вы не меня искали, проговорилъ незнакомецъ, и улыбка спокойнаго сарказма выразительно промелькнула на его губахъ, —иначе вы бы знали мое имя. Но вы его не знаете и я совѣтую вамъ не допытываться его.

— Я говорилъ безъ злого умысла, молодой человѣкъ! величественно замѣтилъ м-ръ Бёмбль.

— Да отъ вашихъ словъ и не вышло никакого зла, проговорилъ незнакомецъ.

За этимъ краткимъ разговоромъ послѣдовало новое молчаніе, которое снова было нарушено незнакомцемъ.

— Я видѣлъ васъ прежде, если не ошибаюсь, сказалъ онъ. — Въ то время вы были одѣты иначе, и я только прошелъ мимо васъ на улицѣ, но я хорошо запомнилъ ваше лицо. Вы были сторожемъ когда-то, не такъ ли?

— Да, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль не безъ удивленія, — я былъ приходскимъ сторожемъ.

— Именно такъ, продолжалъ незнакомецъ, кивая головою. — Въ этомъ званіи я васъ и видѣлъ. А теперь что вы такое?

— Теперь я состою надзирателемъ рабочаго дома, проговорилъ м-ръ Бёмбль медленно и внушительно, съ цѣлью сдержать неподобающую фамиліарность, въ которую незнакомецъ, безъ этаго, могъ бы впасть съ нимъ.—Да, молодой человѣкъ,—надзирателемъ рабочаго дома.

— И вы, конечно, такъ же какъ и прежде отличаетесь большою проницательностью въ дѣлахъ, касающихся вашей выгоды? продолжалъ незнакомецъ, пристально глядя м-ру Бёмблю въ глаза, которые тотъ поднялъ на него въ изумленіи при такомъ вопросѣ.—Не стѣсняйтесь, почтеннѣйшій, отвѣчайте мнѣ откровенно. Вы видите, я васъ таки хорошо знаю.

— Полагаю, женатый человѣкъ,—началъ м-ръ Бёмбль, прикрывая глаза рукою и осматривая незнакомца съ головы до ногъ съ видимымъ недоумѣніемъ,—полагаю, женатый человѣкъ отнюдь не больше холостяка можетъ имѣть что нибудь противъ того, чтобы честно зашибить лишнюю деньгу. Лица, состоящія на службѣ прихода, получаютъ не такое большое жалованье, чтобы они могли пренебрегать небольшими добавочными средствами, если послѣднія предлагаются вѣжливымъ и приличнымъ манеромъ.

Незнакомецъ улыбнулся и опять кивнулъ головою, какъ бы желая этимъ выразить, что онъ въ своихъ догадкахъ относительно м-ра Бёмбля не ошибся. Затѣмъ онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

— Наполните-ка этотъ стаканъ съизнова, проговорилъ онъ, подавая опорожненный стаканъ м-ра Бёмбля хозяину кабака.—Да смотрите, чтобъ покрѣпче, да погорячѣй было. Вѣдь это въ вашемъ вкусѣ, полагаю?

— Только не слишкомъ крѣпко, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, деликатно откашливаясь.

— Вы понимаете, что это означаетъ, хозяинъ? сухо проговорилъ незнакомецъ.

Хозяинъ улыбнулся, и минуту спустя вернулся съ дымящимся стаканомъ, при первомъ же глоткѣ изъ котораго слезы выступили на глазахъ у м-ра Бёмбля.

— А теперь, выслушайте меня, продолжалъ незнакомецъ, затворяя дверь и окно.—Я пришелъ въ этотъ городъ сегодня съ нарочною цѣлью розыскать васъ; благодаря одной изъ тѣхъ случайностей, которыми чортъ подъ часъ любитъ удружить своимъ пріятелямъ, вы вошли въ комнату, какъ разъ въ ту минуту, когда мои мысли были полны вами. Мнѣ нужно добыть отъ васъ кое-какія свѣдѣнія и, какъ ни ничтожна эта услуга, я не прошу ее у васъ даромъ. Для начала, можете присовокупить вотъ это къ своему хозяйству.

И говоря это онъ передвинулъ къ своему собесѣднику нѣсколько соверэновъ бережно черезъ столъ, какъ бы боясь, чтобы звонъ денегъ не услышали извнѣ. Послѣ того какъ м-ръ Бёмбль осмотрѣлъ монеты и, убѣдившись, что онѣ не фальшивыя, съ немалымъ удовольствіемъ спряталъ ихъ въ карманъ своего жилета,—незнакомецъ продолжалъ:

— Перенеситесь въ воспоминаніи за... за двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Давненько таки это, проговорилъ м-ръ Бёмбль.—Ну, да ладно, я перенесся.

— Мѣсто дѣйствія—рабочій домъ.

— Ладно.

— Время—ночь.

— Тэкъ-съ.

— Декорація—грязная нора...—гдѣ бишь она у васъ помѣщается?—въ которой презрѣнныя твари производятъ на свѣтъ жизнь и здоровье, недостающія имъ самимъ и, родивъ на свѣтъ пискуновъ, которыхъ приходъ долженъ кормить, сами скрываютъ свой позоръ въ гробу,—чтобъ имъ ни дна ни покрышки!

— Вы вѣроятно подразумѣваете родильный покой? спросилъ м-ръ Бёмбль, не въ состояніи будучи услѣдить за незнакомцемъ въ его возбужденной рѣчи.

— Ну да! отвѣчалъ незнакомецъ.—Въ этомъ покоѣ родился мальчикъ.

— Мало ли ихъ тамъ родилось, проговорилъ м-ръ Бёмбль, уныло покачивая головою.

— А провалъ ихъ возьми, всѣхъ этихъ чертенятъ! раздражительно воскликнулъ незнакомецъ. — Я говорю про одного, — про блѣднолицаго щенка съ кроткимъ лицомъ, котораго отдали въ ученье къ гробовщику (— жаль, что онъ не смастерилъ себѣ самому гроба и не заколотилъ себя въ немъ!)—и который потомъ убѣжалъ въ Лондонъ.

— А, это вы говорите про Оливера, —про маленькаго Твиста?! отвѣчалъ м-ръ Бёмбль. —Какъ же, какъ же помню его! Эдакого неисправимаго маленькаго негодяя въ цѣломъ рабочемъ домѣ не было...

— Я не про него васъ спрашиваю, я и такъ про него наслышался довольно, перебилъ незнакомецъ тираду м-ра Бёмбля, только что было собравшагося перечислить всѣ пороки бѣднаго Оливера. — Мнѣ нужно узнать про женщину, про ту вѣдьму, что присутствовала при родахъ матери. Гдѣ она?

— Гдѣ она? повторилъ м-ръ Бёмбль, на котораго подъ вліяніемъ джина напало желаніе острить.—Ну, въ томъ мѣстѣ, куда она отправилась, каково бы оно ни было, повивальныхъ бабокъ не требуется; она, я полагаю во всякомъ случаѣ сидитъ теперь безъ практики.

— Что вы хотите сказать? строгимъ голосомъ спросилъ незнакомецъ.

— Она умерла прошлою зимою, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль.

Незнакомецъ пристально уставился на него глазами послѣ этого отвѣта, и, хотя онъ долго не отводилъ глазъ отъ лица м-ра Бёмбля, но взглядъ его мало по малу принималъ какое-то разсѣянное, неопредѣленное выраженіе, какъ у человѣка, погруженнаго въ глубокую думу. Нѣкоторое время, онъ, повидимому, не зналъ, слѣдуетъ ли ему радоваться этому извѣстію, или огорчаться имъ; наконецъ, онъ вздохнулъ свободнѣе и, отводя глаза отъ лица м-ра Бёмбля, замѣтилъ, что въ сущности это не важно и всталъ, какъ бы собираясь уйти.

М-ръ Бёмбль былъ достаточно проницателенъ, чтобы сразу сообразить, что открывается случай для выгоднаго сбыта нѣкоей тайны, находившейся въ распоряженіи дрожайшей его половины. Онъ

очень хорошо помнилъ ночь, въ которую умерла старая Салли, событія этого дня лишь слишкомъ хорошо запечатлѣли ее въ его памяти, такъ какъ тогда же онъ предложилъ руку и сердце м-съ Корней. И, хотя почтенная дама никогда не повѣряла ему признанія, сдѣланнаго ей одной, — все же, слышаннаго имъ было достаточно, чтобы знать, что признаніе это относится къ чему-то, случившемуся въ то время, когда старуха, въ качествѣ сидѣлки при рабочемъ домѣ, ухаживала за матерью Оливера Твиста. Припомнивъ на скорую руку обстоятельства этого дѣла, онъ съ таинственнымъ видомъ сообщилъ незнакомцу, что одна женщина имѣла съ этой старой каргой разговоръ наединѣ не за долго до ея смерти и что, какъ онъ имѣетъ всѣ основанія полагать, женщина эта можетъ нѣсколько разъяснить ему интересующій его вопросъ.

— Какъ же мнѣ найти эту женщину? воскликнулъ незнакомецъ, застигнутый въ расплохъ и ясно выказывая, что всѣ его опасенія,— каковы бы они ни были,—снова ожили при этомъ извѣстіи.

— Вы можете найти ее только черезъ меня, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль.

— Когда? поспѣшно спросилъ незнакомецъ.

— Завтра, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль.

— Въ девять часовъ вечера, проговорилъ незнакомецъ, вынимая изъ кармана клочокъ бумаги и записывая неровнымъ почеркомъ, выдававшимъ его волненіе, адресъ какого-то захолустья по близости отъ рѣки,—въ девять часовъ вечера вы приведите ее ко мнѣ. Мнѣ нѣтъ надобности напоминать вамъ о соблюденіи тайны, такъ какъ это въ вашемъ собственномъ интересѣ.

Съ этими словами онъ направился къ выходу, остановившись только на минуту, чтобы расплатиться за выпитый грогъ. Отрывисто замѣтивъ м-ру Бёмблю, что имъ идти не по одной дорогѣ, онъ удалился, не удостоивъ своего собесѣдника ни какимъ инымъ прощальнымъ привѣтствіемъ, кромѣ напоминовенія, сдѣланнаго повелительнымъ тономъ, чтобы онъ въ назначенный часъ былъ на мѣстѣ свиданья.

Взглянувъ на адресъ, приходскій сановникъ замѣтилъ, что на немъ не выставлено никакого имени. Незнакомецъ еще не успѣлъ далеко отойти, а потому м-ръ Бёмбль погнался за нимъ.

— Что это такое? вскрикнулъ незнакомецъ, быстро оборачиваясь,

когда Бёмбль дотронулся до его руки. — Вы, кажется, слѣдить за мной вздумали?

— Я догналъ васъ только затѣмъ, чтобы сказать пару словъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, указывая на клочокъ бумаги.—Кого же мнѣ спросить по этому адресу?

— Монкса! отвѣчалъ незнакомецъ и поспѣшно удалился.

ГЛАВА XXXVII.

Содержащая въ себѣ описаніе того, что произошло между м-ромъ и м-съ Бембль и Монксомъ во время ихъ ночного свиданія.

Былъ пасмурный, душный лѣтній вечеръ. Облака, хмурившіяся цѣлый день, разстилались сплошною, неподвижною массою, роняя уже крупныя капли дождя и предвѣщая, повидимому, сильную грозу. М-ръ и м-съ Бёмбль, оставивъ за собою главную улицу города, направлялись къ маленькой колоніи полуразвалившихся домовъ, отстоявшей мили на полторы отъ городского центра и выстроенной на низменной, болотистой, нездоровой мѣстности, недалеко отъ рѣки.

Оба они были укутаны въ поношенныя верхнія одежды самаго мизернаго вида, что, быть можетъ, имѣло двоякую цѣль: предохранить ихъ особы отъ дождя и укрыть ихъ отъ вниманія прохожихъ. Супругъ несъ фонарь, изъ котораго, однако, еще не свѣтился огонь, и шелъ на нѣсколько шаговъ впереди. Дорога была грязная и онъ, должно быть, желалъ доставить своей супругѣ удобство ступать по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ слѣдъ уже былъ имъ проложенъ. Они хранили глубокое молчаніе. Отъ времени до времени м-ръ Бёмбль замедлялъ шаги и оглядывался назадъ, какъ бы желая удостовѣриться, что жена отъ него не отстала. Видя, что она слѣдуетъ за нимъ по пятамъ, онъ опять прибавлялъ шагу и съ значительно усиленной скоростью подвигался къ мѣсту своего назначенія.

Это послѣднее никакъ уже нельзя было назвать мѣстомъ сомнительной репутаціи; съ давнихъ поръ оно было всѣмъ извѣстно, какъ убѣжище самыхъ отчаянныхъ негодяевъ, которые, занимаясь для виду какимъ нибудь промысломъ, на дѣлѣ существовали почти исключительно грабежомъ и разными мошенничествами. Это было сплошное собраніе лачугъ, изъ которыхъ иныя были кое-какъ выведены изъ кирпичей, другія сколочены изъ полусгнившаго корабельнаго лѣса; все это лѣпилось безъ всякаго порядка или плана, большею частью на разстояніи всего только нѣсколькихъ футъ отъ рѣки. Нѣсколько старыхъ барокъ, завязнувшихъ въ грязи и привязанныхъ къ стѣнѣ верфи, тянувшейся вдоль берега, тамъ и сямъ весло, или свертокъ каната, заставляли сначала предполагать, что обитатели этихъ жалкихъ лачужекъ занимаются какимъ нибудь промысломъ на рѣкѣ; но стоило прохожему только всмотрѣться въ вѣтхость и негодность предметовъ, выставляемыхъ такимъ образомъ на показъ, чтобы догадаться, что они тутъ выставлены не столько для дѣйствительнаго употребленія, сколько ради соблюденія внѣшнихъ приличій.

Въ самой срединѣ этой кучи хижинъ и близехонько отъ рѣки, надъ которою даже нависъ его верхній этажъ, стояло большое зданіе, въ которомъ когда-то помѣщалась фабрика, доставлявшая, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ свое время заработокъ окрестнымъ жителямъ. Но зданіе это давно уже превратилось въ развалину. Крысы, черви и дѣйствіе сырости изгрызли и сгноили столбы, служившіе ему опорой; значительная часть постройки уже успѣла обрушиться въ рѣку, а остальная, перекосившись и накренившись надъ темными волнами, казалось, только выжидала удобнаго случая, чтобы послѣдовать за своимъ собратомъ и раздѣлить его участь.

Передъ этою-то развалиною остановилась наша почтенная чета, въ ту самую минуту, когда въ воздухѣ пронесся раскатъ отдаленнаго грома и дождь полилъ какъ изъ ведра.

— Это должно быть гдѣ нибудь здѣсь, проговорилъ Бёмбль, посмотрѣвъ на клочокъ бумаги, который онъ держалъ въ рукѣ.

— Эй, кто тамъ?! послышался голосъ сверху.

Бёмбль поднялъ голову по направленію этого звука и разглядѣлъ человѣка, высунувшагося по поясъ изъ двери въ верхнемъ этажѣ.

— Постойте съ минуту, проговорилъ голосъ: — я сейчасъ къ вамъ сойду. Съ этими словами голова исчезла и дверь затворилась.

— Это онъ и есть? спросила дрожайшая половина м-ра Бёмбля.

М-ръ Бёмбль утвердительно кивнулъ головою.

— Такъ помни же, какъ я тебя учила держаться, продолжала матрона. — Старайся говорить какъ можно меньше, иначе ты насъ тотчасъ же выдашь.

М-ръ Бёмбль, разсматривавшій зданіе съ весьма огорченнымъ лицомъ, повидимому, собирался выразить сомнѣніе относительно того, ужъ не лучше ли имъ повернуть на попятный и отложить все это предпріятіе до другого, болѣе удобнаго времени, но въ этомъ ему помѣшало появленіе Монкса, который отворилъ небольшую дверь, находившуюся по близости отъ нихъ, и сдѣлалъ имъ знакъ войти.

— Да входите же! крикнулъ онъ нетерпѣливо, топая о землю ногою.—Долго ли вамъ еще держать меня здѣсь на порогѣ?

М-съ Бёмбль, выказавшая было колебанье въ началѣ, храбро вошла, не дожидаясь новаго приглашенія; м-ръ Бёмбль, стыдясь, или боясь остаться позади, послѣдовалъ за нею, видимо чувствуя себя очень не по себѣ и почти безъ малѣйшихъ слѣдовъ той изумительной величавости, которою онъ обыкновенно отличался.

— На кой чортъ вы тамъ вздумали мѣшкать на дождѣ? проговорилъ Монксъ, задвинувъ засовъ двери и оборачиваясь къ Бёмблю.

— Мы... мы только хотѣли поостыть немножко послѣ ходьбы, пробормоталъ м-ръ Бёмбль, съ безпокойствомъ озираясь кругомъ.

— Поостыть! подхватилъ Монксъ.—Да всѣ хляби небесныя не въ состояніи залить столько адскаго огня, сколько одинъ человѣкъ можетъ носить въ самомъ себѣ. Не безпокойтесь! вамъ такъ легко не удастся поостыть.

Сказавъ эту любезную рѣчь, Монксъ круто повернулся къ женщинѣ и такъ уставился на нее своимъ свирѣпымъ взглядомъ, что даже она, не очень-то легко робѣвшая, почувствовала себя неловко и готова была опустить глаза.

— Это та женщина, про которую вы мнѣ говорили? спросилъ Монксъ.

— Гм! да, это та самая женщина, отвѣчалъ Бёмбль, помня то, что ему наказывала жена.

— Вы, должно быть, думаете, что женщины не умѣютъ хранить тайну? поспѣшила вмѣшаться въ разговоръ м-съ Бёмбль и при этомъ отвѣтила на испытующій взглядъ Монкса такимъ же взглядомъ.

— Я знаю, что онѣ всегда съумѣютъ сохранить одну тайну, пока она не выйдетъ наружу, презрительно отвѣчалъ Монксъ.

— Какую же это? въ томъ же тонѣ спросила матрона.

— Потерю своей чести, отвѣчалъ Монксъ. — Въ силу того же правила, если женщина посвящена въ тайну, открытіе которой можетъ повести ее на висѣлицу, или въ каторгу, я не боюсь, чтобы она проболталась о ней кому бы то ни было; о, нѣтъ, я не боюсь! Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Нѣтъ, отвѣчала матрона, слегка краснѣя.

— Ну да, конечно! иронически отозвался Монксъ: — гдѣ же вамъ понять!

И, наградивъ обоихъ своихъ посѣтителей чѣмъ-то, занимавшимъ средину между усмѣшкой и угрожающимъ взглядомъ, онъ сдѣлалъ имъ знакъ, чтобы они слѣдовали за нимъ. Онъ быстрыми шагами прошелъ комнату, которая была очень большихъ размѣровъ, но съ низкимъ потолкомъ, и только что было хотѣлъ подняться по крутой лѣстницѣ безъ перилъ, которая вела на верхній этажъ, какъ вдругъ яркая молнія сверкнула въ отверстіе сверху и вслѣдъ затѣмъ раздался раскатъ грома, потрясшій утлое строеніе до основанія.

— Вы слышите! воскликнулъ онъ, пятясь назадъ. — Вы слышите, какъ онъ гремитъ и грохочетъ, точно его подхватываетъ эхо тысячи пещеръ, въ которыхъ черти забились отъ него? Проклятый звукъ! Я ненавижу его.

Минуты двѣ онъ простоялъ молча и затѣмъ, быстрымъ движеніемъ отнялъ руки отъ лица; къ несказанному ужасу м-ра Бёмбля оказалось, что лицо это страшно исказилось и почти совсѣмъ побѣлѣло.

— Эти припадки находятъ на меня по временамъ, проговорилъ Монксъ, замѣтивъ какое впечатлѣніе онъ произвелъ на своего посѣтителя, — и громъ иногда вызываетъ ихъ. Но не обращайте вниманія на меня; теперь это прошло.

Съ этими словами онъ пошелъ впереди остальныхъ по узенькой, неудобной лѣстницѣ. Приведя ихъ въ комнату второго этажа, онъ

торопливо захлопнулъ оконный ставень и спустилъ фонарь, висѣвшій на веревкѣ и на блокѣ, придѣланномъ къ одной изъ толстыхъ балокъ потолка. Фонарь этотъ освѣщалъ тусклымъ свѣтомъ столъ и три стула, поставленные прямо подъ нимъ.

— А теперь, заговорилъ Монксъ, когда всѣ они заняли свои мѣста,—чѣмъ скорѣе мы приступимъ къ дѣлу, тѣмъ лучше для всѣхъ насъ. Женщина эта знаетъ въ чемъ дѣло, не такъ ли?

Вопросъ этотъ былъ обращенъ къ Бёмблю, но жена его не дала ему отвѣтить и объявила сама, что ей все извѣстно какъ нельзя лучше.

— Правду ли онъ мнѣ говорилъ, что вы были при этой вѣдьмѣ въ ночь ея смерти и что она вамъ сказала нѣчто...

— Нѣчто касавшееся матери того мальчика, котораго вы называли? перебила его м-съ Бёмбль.—Да, это правда.

— Первый мой вопросъ будетъ о томъ, въ чемъ заключалась тайна, довѣренная вамъ?

— Это будетъ второй вопросъ, хладнокровно замѣтила м-съ Бёмбль. — Первый же вопросъ въ томъ, во сколько можетъ быть оцѣнена эта тайна.

— Какой же чортъ можетъ сказать это, не зная, что это за тайна, отвѣчалъ Монксъ.

— Никто не можетъ сказать это лучше васъ самихъ, я убѣждена въ томъ, возразила м-съ Бёмбль, которую природа по части бойкости не обидѣла, что могъ засвидѣтельствовать и ея супругъ.

— Гм! многознаменательно промычалъ Монксъ, поглядывая на нее испытующимъ взглядомъ, — тутъ, быть можетъ, рѣчь идетъ о какомъ нибудь цѣнномъ предметѣ, такъ, что ли?

— Можетъ статься, воспослѣдовалъ спокойный отвѣтъ.

— О какомъ нибудь предметѣ, который былъ снятъ съ нея, съ живостью продолжалъ Монксъ,—который она постоянно на себѣ носила, который...

— Вы лучше прямо говорите свою цѣну, перебила его м-съ Бёмбль. — Я уже достаточно отъ васъ слышала, чтобы убѣдиться, что вы тотъ самый человѣкъ, съ которымъ мнѣ надо договориться.

М-ръ Бёмбль, котораго его дражайшая половина еще не посвятила въ остальную часть тайны и который зналъ только то, что ему было извѣстно съ самаго начала, прислушивался къ этому разговору,

вытянувъ шею и выпучилъ глаза, которыми онъ то и дѣло поводилъ отъ жены къ Монксу и отъ Монкса къ женѣ. Изумленіе его достигло крайнихъ своихъ предѣловъ, когда Монксъ спросилъ суровымъ голосомъ, сколько она хочетъ получить за свою тайну.

— А какая ей цѣна для васъ самихъ? проговорила она съ той же невозмутимостью какъ и прежде.

— Смотря по обстоятельствамъ: быть можетъ ничего, быть можетъ двадцат фунтовъ. Выскажите то, что вы знаете и тогда я посмотрю.

— Прибавьте еще пять фунтовъ къ той суммѣ, которую вы сейчасъ назвали; выплатите мнѣ эти двадцать пять фунтовъ золотою монетой, проговорила м-съ Бёмбль. — и тогда я вамъ скажу все, что я знаю, но не раньше.

— Двадцать пять фунтовъ! воскликнулъ Монксъ, откидываясь назадъ.

— Я, кажется, ясно выразилась, отвѣчала м-съ Бёмбль. — Сумма эта совсѣмъ не большая.

— Не большая сумма за какую нибудь плюгавую тайну, которая, быть можетъ, окажется ни на что непригодной, когда я ее узнаю! воскликнулъ Монксъ въ раздраженіи, — за тайну, которая двѣнадцать лѣтъ, или больше, была похоронена, лежала бракомъ.

— Такія вещи не портятся отъ времени и нерѣдко, подобно хорошему вину, становятся тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ дольше лежатъ, отвѣчала матрона, сохраняя тотъ же тонъ непреклоннаго равнодушія, который приняла съ самаго начала разговора.—А что касается насчетъ того, что она была похоронена, то иная тайна двѣнадцать тысячъ лѣтъ или двѣнадцать милліоновъ лѣтъ пролежитъ въ могилѣ, а тамъ выйдетъ наружу.

— Но что, если я заплачу эти деньги даромъ? проговорилъ Монксъ въ нерѣшимости.

— Вы тогда легко можете отнять ихъ у меня, отвѣчала м-съ Бёмбль.—Мы здѣсь одни и я беззащитная женщина.

— Но ты не одна здѣсь, моя милочка, и не беззащитна! вмѣшался м-ръ Бёмбль, голосомъ дрожавшимъ отъ страха.—И кромѣ того, продолжалъ онъ, причемъ зубы его такъ и стучали, — м-ръ Монксъ слишкомъ джентльменъ, чтобы позволить себѣ насиліе надъ лицами, состоящими на службѣ прихода. М-ръ Монксъ знаетъ, ми-

лочка, что я человѣкъ не молодой и что я таки немножко поопустился, но онъ вѣроятно слыхалъ, что я человѣкъ очень рѣшительный и становлюсь необыкновенно силенъ, когда меня подзадорятъ. Нужно только, чтобы меня немножко подзадорили, вотъ и все.

И говоря это, м-ръ Бёмбль сдѣлалъ весьма жалкую попытку схватить свой фонарь съ видомъ отчаянной рѣшимости; по испуганному выраженію его лица ясно было видно, что онъ сильно нуждался, чтобы его подзадорили, и притомъ не немножко, прежде чѣмъ онъ сдѣлается способенъ на какую либо особенно-воинственную выходку, за исключеніемъ развѣ войны съ пауперами и другими субъектами, спеціально приспособленными для такого рода упражненій.

— Ты дуракъ! обрѣзала его м-съ Бёмбль,—ужъ лучше бы держалъ языкъ за зубами.

— Еще лучше было бы, если бы онъ отрѣзалъ себѣ языкъ прежде, чѣмъ прійти сюда, коли онъ не умѣетъ говорить тише, злобно замѣтилъ Монксъ: — Такъ это вашъ мужъ, а?

— Мой мужъ! презрительно хихикнула матрона въ отвѣтъ.

— Я такъ и подумалъ, когда вы вошли, проговорилъ Монксъ, замѣтивъ сердитый взглядъ, которымъ почтенная дама метнула въ сторону своего супруга.—Чтожъ! тѣмъ лучше. Мнѣ пріятнѣе имѣть дѣло съ двумя людьми, когда я знаю, что ихъ связываетъ одна воля. Однако, вернемтесь къ дѣлу. Я не шучу,—посмотрите!

Онъ сунулъ руку въ боковой карманъ своего сюртука и, вынувъ оттуда бумажникъ, отсчиталъ двадцать пять соверэновъ, которые выложилъ на столъ и передвинулъ къ м-съ Бёмбль.

— А теперь, продолжалъ онъ, загребите эти деньги и когда пройдетъ этотъ проклятый громовой ударъ, приближеніе котораго я чувствую, разскажете мнѣ, что вы знаете.

Когда раскатъ грома, разразившійся, повидимому, надъ самыми ихъ головами, затихъ, Монксъ поднялъ лицо со стола, въ который онъ уткнулся, и наклонился, приготовляясь слушать разсказъ м-съ Бёмбль. Лица всѣхъ трехъ собесѣдниковъ почти соприкасались, такъ какъ мужчины, жадно прислушиваясь, вытянули свои шеи впередъ надъ узенькимъ столомъ, а м-съ Бёмбль тоже наклонилась впередъ, чтобы сдѣлать свой шопотъ слышнѣе. При блѣдномъ свѣтѣ фонаря, падавшемъ на нихъ сверху, лица эти казались еще блѣднѣе и испу-

ганнѣе, а мракъ, окаймлявшій ихъ со всѣхъ сторонъ, придавалъ имъ что-то призрачное.

— Когда эта женщина, которую мы звали старою Салли, стала умирать, начала м-съ Бёмбль свой разсказъ,— я одна была при ней.

— Никого другого не было? спросилъ Монксъ тѣмъ же глухимъ шопотомъ.—Припомните, не было ли на одной изъ сосѣднихъ кроватей какой-нибудь больной или полоумной, которая могла бы слышать и, чего добраго, понять?..

— Нѣтъ, въ комнатѣ не было ни души, отвѣчала м-съ Бёмбль.— Мы съ ней оставались съ глазу на глазъ; я одна стояла у кровати, когда смерть пришла.

— Хорошо, проговорилъ Монксъ, внимательно глядя ей въ лицо. — Продолжайте.

— Она говорила мнѣ про одну молодую женщину, которая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, родила ребенка, не только въ этой же комнатѣ, но на той же самой постели, на которой она теперь умирала.

— Неужто? проговорилъ Монксъ, и губы его при этомъ задрожали и онъ какъ-то странно оглянулся себѣ черезъ плечо.—Чортъ! вотъ оно когда отзывается!

— Ребенокъ былъ тотъ самый, котораго вы назвали ему вчера, продолжала м-съ Бёмбль, пренебрежительно указывая головой на своего мужа.—Мать же сидѣлка ограбила.

— При жизни? спросилъ Монксъ.

— Нѣтъ, мертвую, отвѣчала м-съ Бёмбль и что-то въ родѣ дрожи пробѣжало по ея плечамъ. — Она украла съ трупа, который и остыть-то еще не успѣлъ, то, что умирающая мать, за минуту передъ тѣмъ, какъ испустить духъ, просила ее приберечь для ребенка.

— Она продала эту вещь? крикнулъ Монксъ въ какомъ-то изступленіи.—Говорите: продала?—Гдѣ, когда, кому, за сколько времени до своей смерти?

— Когда она съ немалымъ трудомъ довела свой разсказъ до этого мѣста, она откинулась назадъ и умерла, проговорила м-съ Бёмбль.

— Не успѣвъ ничего больше сказать? спросилъ Монксъ голосомъ, который въ самой сдержанности своей, выдавалъ страшное бѣ-

шенство. — Это ложь! она еще сказала нѣчто... Я вырву жизнь изъ васъ обоихъ, но узнаю, что это было.

— Она не вымолвила больше ни слова, отвѣчала м-съ Бёмбль, повидимому, нисколько не смущаясь бѣшеными выходками этого страннаго человѣка, (но о м-рѣ Бёмблѣ нельзя было сказать того же).— Но она сильно вцѣпилась мнѣ въ платье одною рукою, пальцы которой отчасти были сжаты, и когда я увидѣла, что она умерла и высвободила свое платье, оказалось, что она сжимала въ рукѣ грязную бумажку.

— Въ которой было завернуто?.. подсказалъ Монксъ, наклоняясь еще болѣе впередъ.

— Да ничего,—это просто была квитанція отъ закладчика.

— Квитанція на какой предметъ? спросилъ Монксъ.

— Это я вамъ скажу въ свое время, отвѣчала м-съ Бёмбль. — Я полагаю, что она держала самую вещицу нѣкоторое время у себя, въ надеждѣ сбыть ее болѣе выгоднымъ образомъ, а затѣмъ заложила ее и каждый годъ сколачивала такъ или иначе деньги для уплаты процентовъ, чтобы вещь не пропала и чтобы ее можно было выкупить, если представится случай выгадать изъ нея что-нибудь получше. Но случай этотъ такъ и не пришелъ, и, какъ я вамъ уже сказала, она умерла, сжимая въ рукѣ засаленый и истрепанный клочокъ бумаги. Срокъ закладу кончался черезъ два дня; я подумала, что вещь эта можетъ со временемъ на что нибудь пригодиться и выкупила ее.

— Гдѣ она теперь? поспѣшно спросилъ Монксъ.

— *Вотъ она!* отвѣчала м-съ Бёмбль, и, какъ бы радуясь, что можетъ, наконецъ, избавиться отъ нея, бросила на столъ маленькую сафьянную коробочку,—до того маленькую, что въ ней едва могли бы умѣститься дамскіе часы. Монксъ жадно схватилъ коробочку и раскрылъ ее дрожащими руками. Въ ней лежалъ небольшой золотой медальонъ съ двумя прядями волосъ и гладкое, золотое, обручальное кольцо.

— На внутренней сторонѣ кольца вырѣзано слово „Агнесса“ замѣтила м-съ Бёмбль. Затѣмъ оставлено пустое мѣсто для фамиліи, а далѣе слѣдуетъ годъ и число. Я навела справки и оказалось, что это число приходится ровно за годъ до рожденія мальчика.

— И это все? спросилъ Монксъ, внимательно и жадно осмотрѣвъ содержимое коробочки.

— Все, отвѣчала м-съ Бёмбль.

М-ръ Бёмбль испустилъ глубокій вздохъ, какъ бы радуясь, что исторія эта кончилась и не было сдѣлано покушенія взять двадцать пять фунтовъ обратно.

Онъ на столько ободрился, что отеръ потъ, безпрепятственно капавшій съ его носа во все продолженіе предыдущаго разговора.

— Я ничего не знаю объ этомъ дѣлѣ, кромѣ того, что я сказала; я могу только дѣлать догадки, заговорила его жена, обращаясь къ Монксу, — да я и не желаю ничего знать: такъ-то оно безопаснѣе. Но мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ два вопроса. Могу ли я это сдѣлать?

— Можете, отвѣчалъ Монксъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, — но отвѣчу ли я вамъ, это другой вопросъ.

— И того, всѣхъ вопросовъ три! попытался сострить мистеръ Бёмбль.

— То ли я вамъ передала, что вы расчитывали отъ меня получить? спросила матрона.

— То самое, отвѣчалъ Монксъ. — А второй вопросъ?..

— Какъ вы думаете воспользоваться всѣмъ этимъ? Можетъ ли оно быть обращено противъ меня?

— Никогда, отвѣчалъ Монксъ, — ни противъ васъ, ни противъ меня. Смотрите! — только, предупреждаю васъ, не шевелитесь, если вамъ жизнь дорога.

Съ этими словами онъ быстро отодвинулъ столъ въ сторону и, дернувъ за желѣзное кольцо, ввинченное въ одну изъ половицъ, раскрылъ въ полу трапъ, оказавшійся у самыхъ ногъ м-ра Бёмбля, что побудило этого джентльмена сдѣлать съ превеликою поспѣшностью нѣсколько шаговъ назадъ.

— Загляните сюда, продолжалъ Монксъ, опуская фонарь въ дыру. — Не бойтесь меня, я бы давно могъ тихонько спровадить васъ въ эту дыру, когда вы сидѣли надъ нею, если бы это входило въ мои расчеты.

Ободренная такимъ образомъ, матрона подошла къ краю трапа и самъ м-ръ Бёмбль, побуждаемый любопытствомъ, рѣшился послѣдовать ея примѣру. Мутный потокъ, раздутый проливнымъ дождемъ, быстро катилъ на днѣ ямы свои волны и всѣ другіе звуки исчезали въ шумѣ, съ которымъ онъ плескался о позеленѣвшія и покрытыя тиной сваи. Здѣсь когда-то была водяная мельница и вода, пѣнясь

и клубясь между немногими уцѣлѣвшими полусгнившими сваями и остатками мельничнаго механизма, устремлялась какъ бы съ новою силою послѣ того, какъ успѣвала преодолѣть препятствія, тщетно пытавшіяся остановить ея быстрое теченіе.

— Какъ вы думаете, если бросить сюда тѣло человѣка, гдѣ оно будетъ къ завтрашнему дню? — спросилъ Монксъ, раскачивая фонаремъ въ этомъ темномъ колодцѣ.

— Да его миль на двѣнадцать внизъ по рѣкѣ унесетъ и, кромѣ того, размозжитъ въ дребезги, отвѣчалъ Бёмбль, содрогаясь при этомъ представленіи.

Монксъ вынулъ маленькую коробочку изъ боковаго кармана своего сюртука, куда передъ этимъ торопливо ее засунулъ, и, привязавъ къ ней крѣпко на крѣпко свинцовую гирю, которая когда-то принадлежала къ какому-то блоку, а теперь валялась на полу, — бросилъ ее въ потокъ. Она полетѣла внизъ по прямой линіи, разсѣкла воду съ чуть слышнымъ шумомъ и исчезла.

Всѣ три собесѣдника переглянулись между собою и, казалось, вздохнули свободнѣе.

— Такъ-то! проговорилъ Монксъ, захлопывая дверь трапа, которая съ шумомъ упала на свое прежнее мѣсто. — Если море отдаетъ своихъ мертвецовъ, какъ объ этомъ пишутъ въ книжкахъ, — то золото и серебро оно оставляетъ у себя, а потому и эту дрянь не выдастъ.

— Это безспорно, съ необыкновенною поспѣшностью поддакнулъ м-ръ Бёмбль.

— Ну, вы надѣюсь, съумѣете на этотъ разъ удержать языкъ за зубами? обратился къ нему Монксъ съ угрожающимъ взглядомъ. — За вашу жену я не боюсь.

— Можете положиться на меня, молодой человѣкъ, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль, откланиваясь съ необычайною вѣжливостью и пятясь къ лѣстницѣ. — Вы знаете, молодой человѣкъ, тутъ дѣло идетъ о собственной шкурѣ всѣхъ насъ, въ томъ числѣ и о моей, мистеръ Монксъ.

— Ради васъ самихъ, мнѣ пріятно это слышать, замѣтилъ Монксъ. -- Зажгите свой фонарь и убирайтесь отсюда какъ можно скорѣе.

Счастье было, что разговоръ кончился на этомъ мѣстѣ, потому

что, продлись онъ еще немного, мистеръ Бёмбль, успѣвшій уже съ своими поклонами и расшаркиваньями очутиться на разстояніи всего какихъ нибудь шести дюймовъ отъ лѣстницы, непремѣнно полетѣлъ бы по ней внизъ головой. Онъ зажегъ свой фонарь о тотъ, который Монксъ въ эту минуту отвязалъ отъ веревки и держалъ въ рукѣ,— и, оставивъ всякія дальнѣйшія попытки возобновить разговоръ, сошелъ по лѣстницѣ молча, въ сопровожденіи своей жены. Монксъ, постоявъ съ минуту на ступеняхъ, съ цѣлью удостовѣриться, что неслышно никакихъ другихъ звуковъ, кромѣ шума дождя на дворѣ и плеска волнъ, послѣдовалъ за ними.

Черезъ комнату нижняго этажа они прошли очень медленно и осторожно, потому что Монксъ вздрагивалъ отъ каждой тѣни, а м-ръ Бёмбль, неся свой фонарь на разстояніи одного фута отъ земли, ступалъ не только съ большою осмотрительностью, но и съ замѣчательною легкостью для джентльмена его тѣлосложенія; при этомъ онъ оглядывался направо и налѣво, не откроется ли гдѣ въ полу потайная дверь. Монксъ безъ шума отодвинулъ засовы входной двери. и, супруги, обмѣнявшись съ своимъ таинственнымъ амфитріономъ простымъ кивкомъ головы, вышли на темную и мокрую улицу.

Какъ только они ушли, Монксъ, испытывавшій повидимому непреодолимое отвращеніе отъ одиночества, кликнулъ прислуживавшаго ему мальчика, который все это время скрывался гдѣ-то въ нижнемъ этажѣ, и, приказавъ ему идти впередъ и нести фонарь, вернулся въ ту комнату, изъ которой только что вышелъ передъ тѣмъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Вводитъ нѣсколько почтенныхъ личностей, съ которыми читатель уже знакомъ и показываетъ какимъ образомъ Монксъ и жидъ имѣли между собою скромное совѣщаніе.

На слѣдующій день, часами двумя ранѣе той поры, когда три достопочтенные джентльмена обработали свое дѣльце, какъ о томъ

было разсказано въ предыдущей главѣ, м-ръ Уильямъ Сайксъ, соснувъ малую толику, прорычалъ соннымъ голосомъ вопросъ о томъ, который часъ.

Комната, въ которой м-ръ Сайксъ предложилъ этотъ вопросъ, была не изъ тѣхъ, въ которыхъ онъ проживалъ до своей Чертсійской экспедиціи, хотя и помѣщалась въ томъ же кварталѣ и недалеко отъ его прежняго жилища. По части комфорта и изящества она много уступала старой квартирѣ; то была скверная, тѣсная и дурно меблированная коморка съ однимъ только маленькимъ окошечкомъ, продѣланнымъ въ покатости крыши, и выходившимъ на узкій и грязный переулокъ. Не было недостатка и въ другихъ признакахъ, свидѣтельствовавшихъ, что дѣла достопочтеннаго джентльмена за послѣднее время шли не особенно хорошо: чрезвычайная скудость мебели, полнѣйшее отсутствіе предметовъ роскоши и мелкой движимости, въ родѣ, напримѣръ, лишняго платья и бѣлья, говорили о крайне бѣдственномъ положеніи; наконецъ, отощавшая наружность самого м-ра Сайкса могла служить новымъ подтвержденіемъ этихъ симптомовъ, если бы только они нуждались въ подтвержденіи.

Воръ лежалъ на постели, закутавшись въ свой бѣлый плащъ, который замѣнялъ ему халатъ и выставивъ наружу лицо, черты котораго нельзя сказать, чтобы выиграли отъ мертвеннаго цвѣта кожи, приданнаго имъ болѣзнью, и отъ прибавки такихъ украшеній, какъ грязный и сальный колпакъ и жесткая, черная борода, отросшая за послѣднюю недѣлю. Собака сидѣла у кровати, то посматривая тревожно-внимательнымъ взглядомъ на своего господина, то навостряя уши и издавая тихое рычанье при малѣйшемъ шумѣ, слышавшемся на улицѣ или въ нижнемъ этажѣ дома. У окна сидѣла женщина и накладывала заплату на старый жилетъ, входившій въ составъ обычнаго костюма Сайкса; лицо этой женщины такъ похудѣло и поблѣднѣло отъ безсонныхъ ночей и лишеній, что трудно было бы узнать въ ней ту самую Ненси, съ которой мы уже имѣли случай познакомиться, — если бы не голосъ, которымъ она отвѣтила на вопросъ Сайкса:

— Не такъ давно пробило семь. Какъ ты себя чувствуешь сегодня, Биль?

— И руки и ноги у меня словно плетки, отвѣчалъ Сайксъ и при этомъ не преминулъ выругать непечатнымъ образомъ свои члены. —

Нукось, дай-ка мнѣ руку, я хочу все-таки слѣзть съ этой распроклятой постели.

Болѣзнь, нельзя сказать, чтобы улучшила характеръ м-ра Сайкса, потому что, пока дѣвушка поднимала его и вела къ стулу, онъ осыпалъ ее разными ругательствами за ея неловкость и въ заключеніе ударилъ ее.

— Что-о? Ты никакъ хныкать еще вздумала? воскликнулъ Сайксъ. — Ну, ну, сдѣлай милость! не стой передо мной и не разливайся рѣкою. Если ты ничего лучшаго не можешь придумать, такъ убирайся съ глазъ моихъ долой. Слышишь?

— Слышу, слышу, — отвѣчала дѣвушка, отворачиваясь и принуждая себя смѣяться. — Что это тебѣ нынче за фантазія пришла?

— Вотъ то-то небось, одумалась, прорычалъ Сайксъ, замѣчая слезу, дрожавшую на ея рѣсницахъ. — Ну, счастливъ твой Богъ, что ты одумалась.

— Полно, неужто ты хочешь сказать, что могъ бы и сегодня меня поколотить, Биль? проговорила дѣвушка кладя руку на его плечо.

— Вона! воскликнулъ Сайксъ, — а почему бы и нѣтъ?

— Столько ночей, отвѣчала дѣвушка, — и что-то похожее на женскую нѣжность зазвучало въ ея голосѣ, придавая этому голосу какую-то мягкость, — столько ночей я сидѣла надъ тобой, и нянчила тебя словно ребенка, — и вотъ, въ первый разъ, что я увидѣла тебя опять самимъ собою... — нѣтъ, скажи, ты не угостилъ бы меня тѣмъ, чѣмъ сейчасъ угостилъ, если бы подумалъ объ этомъ?

— Ну, да ладно, отвѣчалъ Сайксъ, — не угостилъ бы. — О, чортъ возьми, эта дѣвка опять хнычетъ.

— Это ничего, проговорила дѣвушка, бросаясь на стулъ. — Не обращай на меня вниманія, — это скоро пройдетъ.

— Что пройдетъ? спросилъ Сайксъ свирѣпымъ голосомъ. — Какую ты еще дурь себѣ забрала въ голову? Вставай-ка, да поворачивайся у меня живо и не надоѣдай мнѣ своими бабьими привередничествами.

Во всякое другое время увѣщаніе это и голосъ, которымъ оно было произнесено возымѣли бы желанное дѣйствіе; но силы молодой дѣвушки на этотъ разъ дѣйствительно были истощены и она, отки-

нувъ голову на спинку стула, лишилась чувствъ, прежде чѣмъ м-ръ Сайксъ успѣлъ подобрать два, три изъ тѣхъ проклятій, которыми онъ въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе приправлять свои угрозы. Не зная хорошенько, что ему дѣлать при такомъ необычайномъ казусѣ,—потому что истерическіе припадки м-съ Ненси отличались обыкновенно тѣмъ бурливымъ характеромъ, при которомъ больной, побившись и покричавъ, успокоивается безъ посторонней помощи,— м-ръ Сайксъ попробовалъ поскверносдовить малую толику, но, убѣдившись, что этотъ способъ леченья не помогаетъ, сталъ звать на помощь.

— Что такое случилось, душа моя? спросилъ жидъ, заглядывая въ комнату.

— Пособите-ка дѣвкѣ, съ досадой отвѣчалъ Сайксъ, — нечего тораторить то, да осклабляться на меня.

Съ восклицаніемъ изумленія Фэгинъ поспѣшилъ на помощь дѣвушкѣ; между тѣмъ м-ръ Джонъ Даукинсъ (онъ же и искусный лукавецъ), явившійся въ комнату вслѣдъ за своимъ достопочтеннымъ другомъ, поспѣшно положилъ на полъ узелъ, бывшій у него въ рукахъ и, выхвативъ бутылку изъ рукъ м-ра Чарьза Бэтса, который подоспѣлъ за нимъ по пятамъ, въ одно мгновеніе раскупорилъ ее зубами и влилъ часть ея содержимаго въ горло больной, предварительно отхлебнувъ этого содержимаго самъ, чтобы какъ нибудь не ошибиться.

— Вдохни-ка въ нее, Чарли, свѣжаго воздуха мѣхами, проговорилъ м-ръ Даукинсъ, а вы, Фэгинъ, похлопайте ей по ладонямъ, пока Биль развяжетъ ей юбки.

Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ средствъ, которыя были пущены въ ходъ съ большой энергіей, особенно то, которое было ввѣрено м-ру Бэтсу, считавшему, повидимому, свою роль въ этой процедурѣ неожиданно подвернувшейся потѣхой, — въ скоромъ времени произвело желанный результатъ. Дѣвушка мало-по-малу пришла въ себя, шатаясь перешла къ стулу, стоявшему возлѣ кровати и, спрятавъ лицо въ подушки, предоставила м-ру Сайксу привѣтствовать новоприбывшихъ, неожиданное появленіе которыхъ нѣсколько удивило его.

— Какая нелегкая васъ принесла сюда? спросилъ онъ у Фэгина.

— Не нелегкая, душа моя, отвѣчалъ жидъ, — потому что нелегкая никому ничего хорошаго не приноситъ, а я принесъ съ собою кое-что хорошенькое, что васъ порадуетъ. Лукавецъ, душа моя, развяжите-ка узелъ и отдайте Сайксу тѣ бездѣлки, на которыя мы просорили свои денежки сегодня утромъ.

Исполняя просьбу м-ра Фэгина, лукавецъ развязалъ свой узелъ, который отличался очень почтенными размѣрами и былъ сдѣланъ изъ старой скатерти, — и передалъ по одиночкѣ предметы, заключавшіеся въ немъ Чарли Бэтсу, который размѣстилъ ихъ на столѣ, сопровождая этотъ актъ различными толкованіями насчетъ доброкачественности и рѣдкости этихъ предметовъ.

— Каковъ пирогъ-то съ кроликами, Биль! восклицалъ молодой человѣкъ, показывая громадный паштетъ. — Такія нѣжныя созданьица, и съ такими нѣжными членами, что кости таютъ у васъ во рту,—ихъ и выплевывать-то не нужно. А вотъ полфунта чаю въ семь и въ шесть пенсовъ, такой крѣпости, что если вы его разведете кипяткомъ, то онъ того и гляди сброситъ крышку чайника; полтора фунта сахару—какъ есть первый сортъ. Одна штука двойного глостера и, въ заключеніе, — бутылочка такого винца, какого ты въ жизнь свою не лакалъ. — И, произнеся этотъ послѣдній панегерикъ, онъ вытащилъ изъ одного изъ своихъ объемистыхъ кармановъ весьма почтенныхъ размѣровъ бутылку съ виномъ, тщательно закупоренную. Въ тоже время, м-ръ Даукинсъ налилъ полную рюмку спирту изъ бутылки, которую онъ имѣлъ при себѣ. Выздоравливающій проглотилъ эту рюмку не поморщившись.

— Вотъ такъ, проговорилъ жидъ, потирая руки съ необыкновеннымъ удовольствіемъ,—теперь ты скоро молодцомъ станешь, Биль, совсѣмъ молодцомъ.

— Молодцомъ! воскликнулъ м-ръ Сайксъ. — Я двадцать разъ могъ бы околѣть, прежде чѣмъ вы пальцемъ пошевельнули бы, чтобы мнѣ помочь. – Это съ чего ты вздумалъ, старая лиса, оставлять человѣка цѣлыя три недѣли и болѣе того, въ такомъ положеніи?

— Нѣтъ, вы послушайте, ребята, что онъ говоритъ! воскликнулъ жидъ, пожимая плечами. — А мы еще пришли провѣдать его и нанесли ему такихъ чудесныхъ вещей!

— Вещи ничего, не дурны, замѣтилъ м-ръ Сайксъ, нѣсколько смягчаясь при взглядѣ на столъ.—Но чѣмъ ты можешь оправдаться,

что оставлялъ меня больного, голоднаго и безъ гроша денегъ, и ни разу за все это время не понавѣдался, — словно я ничѣмъ не лучше вонъ этой собаки?—Прогони-ка ее на мѣсто, Чарли.

— Эка собака-то важная! проговорилъ м-ръ Бэтсъ, исполняя порученіе. — Съѣстное пронюхаетъ не хуже любой старой леди, отправляющейся на рынокъ. Кабы ее, да на сцену — прославилась бы она и представленія кромѣ того оживила бы.

— Зажмешь ли ты свою глотку? крикнулъ Сайксъ, между тѣмъ какъ собака, все еще рыча, забилась подъ постель. — Такъ что же ты, старый хрычъ, можешь привести въ свое оправданіе, а?

— Меня больше недѣли, душа моя, не было въ Лондонѣ, отвѣчалъ жидъ.

— А остальныя двѣ недѣли? допрашивалъ Сайксъ.—По какой причинѣ остальныя двѣ недѣли ты оставлялъ меня валяться здѣсь словно больную крысу въ подпольѣ.

— Нельзя было иначе, Биль, отвѣчалъ жидъ.—Мнѣ здѣсь, въ компаніи, неудобно объясняться, но, честью клянусь, иначе было нельзя.

— Клянешься чѣмъ? прорычалъ Сайксъ съ видомъ крайняго отвращенія.—Эй, ребята, отрѣжьте мнѣ кто нибудь кусокъ пирога, чтобы закусить это его слово, — ужъ больно у меня скверно во рту отъ него стало.

— Ты, душа моя, не сердись, кротко уговаривалъ его жидъ.— Я все это время ни на минуточку о тебѣ не забывалъ, Биль,—какъ есть ни на минуточку.

— Вѣрю, что не забывалъ, отвѣчалъ Сайксъ съ горькой усмѣшкой.—Пока я тутъ трясся въ лихорадкѣ и метался въ жару, твоя головушка не переставала работать и сочинять разные планы, и Биль долженъ былъ сдѣлать то-то, и обработать то-то, — и все это Биль долженъ былъ исполнить за безцѣнокъ, какъ только выздоровѣетъ,— небось, голодъ заставитъ его на тебя работать.—Не будь возлѣ меня этой дѣвки, я бы такъ и околѣлъ всѣми брошенный.

— Ну вотъ, Биль, возразилъ ему жидъ, жадно хватаясь за эту послѣднюю фразу:—Не будь этой дѣвки!.. А кто же какъ не я доставилъ вамъ такую славную дѣвку?

— Онъ говоритъ правду, вмѣшалась Ненси, поспѣшно становясь между разговаривающими.—Оставь его, оставь его.

Появленіе Ненси придало новый оборотъ разговору; молодежь. которой успѣлъ подмигнуть старый пройдоха жидъ, начала подчивать ее спиртными напитками, которыхъ она, однако, отвѣдала въ очень умѣренномъ количествѣ. Между тѣмъ Фэгинъ, сдѣлавшись необыкновенно игривымъ, мало-по-малу привелъ м-ра Сайкса въ лучшее расположеніе духа, сдѣлавъ видъ, что принимаетъ его ругательства за простую шутливую перепалку и, кромѣ того, встрѣтивъ самымъ задушевнымъ хохотомъ двѣ, три грубыя остроты, до которыхъ Сайксъ снизошелъ послѣ учащенныхъ возліяній изъ бутылки со спиртомъ.

— Все это прекрасно, проговорилъ м-ръ Сайксъ, — но ты долженъ дать мнѣ малую толику деньжонокъ не далѣе, какъ сегодня же вечеромъ.

— У меня съ собою ни гроша нѣтъ, отвѣчалъ жидъ.

— Ну такъ за то дома у тебя вороха лежатъ, отвѣчалъ Сайксъ, — и ты можешь оттуда удѣлить мнѣ малую толику.

— Какіе вороха! воскликнулъ жидъ, поднимая руки къ потолку. — Я, право, не знаю, есть ли у меня столько, чтобъ...

— Я не знаю, сколько у тебя ихъ есть, да думаю, что ты и самъ этого не знаешь, потому что ужъ больно много времени понадобилось бы, чтобы ихъ сосчитать, отвѣчалъ Сайксъ, — но мнѣ нужны деньги сегодня же вечеромъ, и это дѣло рѣшеное, что ты мнѣ ихъ дашь.

— Ладно, ладно, вздохнулъ жидъ, — я тебѣ ихъ съ лукавцемъ пришлю.

— Съ нимъ ты ихъ не пришлешь, возразилъ Сайксъ. — Лукавецъ ужъ больно искусенъ и, чего добраго позабудетъ вернуться, или потеряетъ деньги дорогой, или попадется въ руки полицейскимъ, словомъ, найдетъ какой нибудь предлогъ... Мы пошлемъ въ твою берлогу Ненси, а пока она ходитъ, я прилягу на постель и сосну.

Послѣ очень продолжительныхъ споровъ, жидъ, вмѣсто пяти фунтовъ стерлинговъ, которые требовалъ отъ него Сайксъ, выторговалъ, что дастъ ему только три, при чемъ поклялся и побожился, что самому ему послѣ этого останется только восемнадцать пенсовъ на расходы. Сайксъ мрачно замѣтилъ, что ужъ если больше не даютъ, то приходится помириться и на этомъ. Ненси собралась идти вмѣстѣ съ жидомъ на его квартиру, а лукавецъ и м-ръ Бэтсъ убрали про-

визію въ шкафъ. Тогда жидъ, распростившись съ своимъ добрымъ другомъ, отправился во свояси, въ сопровожденіи Ненси и молодежи, а м-ръ Сайксъ завалился на постель и приготовился проспать время до возвращенія своей подруги.

Когда вся компанія достигла жилища жида, она застала тамъ Тоби Крекита и м-ра Читлинга, дувшихся пятнадцатую партію въ криббэджъ *), при чемъ, едва ли нужно добавлять, послѣдній изъ названныхъ джентльменовъ проигралъ партію, а съ нею вмѣстѣ и свою послѣднюю шестипенсовую монету, къ немалой потѣхѣ его юныхъ друзей. М-ръ Крекитъ, видимо сконфуженный тѣмъ, что его застали за такимъ времяпровожденіемъ въ обществѣ джентльмена, стоявшаго такъ неизмѣримо ниже его по общественному положенію и по талантамъ, зѣвнулъ и, спросивъ, что подѣлываетъ Сайксъ, взялъ шляпу, чтобы уйти.

— Никто не приходилъ безъ меня, Тоби? спросилъ жидъ.

— Ни единой души, отвѣчалъ м-ръ Крекитъ, заворачивая свой воротникъ кверху, — скука была просто смердящая. Право, тебѣ бы не грѣхъ, Фэгинъ, угостить меня чѣмъ-нибудь хорошенькимъ за то, что я такъ долго караулилъ твой домъ. Чортъ возьми! Я осовѣлъ, точно присяжный въ судѣ, и заснулъ бы мертвецкимъ сномъ, если бы, по добротѣ сердечной, не согласился позабавить вотъ этого юношу, — страсть какъ было скучно, ей Богу!

И, причитая такимъ образомъ, м-ръ Тоби Крекитъ загребъ свой выигрышъ и засунулъ его въ карманъ своего жилета съ высокомѣрнымъ видомъ, давая понять, что такая серебряная мелочь не заслуживаетъ и вниманія такого туза, какъ онъ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ комнаты такою изящною и аристократическою походкою, что м-ръ Читлингъ, не перестававшій бросать взгляды удивленія на его панталоны и сапоги, пока онъ не скрылся за дверью, — объявилъ, что считаетъ знакомство съ такимъ человѣкомъ еще дешево оплоченнымъ, если оно будетъ обходиться по пятнадцати шестипенсовыхъ монетъ за каждое свиданье, и что онъ ни чуточку не жалѣетъ о своемъ проигрышѣ.

— Экій ты простофиля, Томъ! замѣтилъ м-ръ Бэтсъ, хохоча во все горло надъ вышеприведеннымъ заявленіемъ.

---

*) Карточная игра.

— Ни чуть не бывало! возразилъ м-ръ Читлингъ. — Фэгинъ, вѣдь я не простофиля?

— Напротивъ, душа моя, ты очень умный малый, отвѣчалъ жидъ, похлопывая его по плечу и дѣлая знакъ глазами остальнымъ своимъ питомцамъ.

— А м-ръ Крекитъ по всѣмъ статьямъ молодецъ,—вѣдь такъ, Фэгинъ? снова спросилъ Томъ.

— Никто въ этомъ и не сомнѣвается, душа моя, отвѣчалъ жидъ.

— И знакомство съ нимъ приноситъ человѣку большую честь,— не правда ли, Фэгинъ? продолжалъ Томъ.

— Конечно, конечно, душа моя, отвѣчалъ жидъ.—Это они изъ зависти надъ тобою смѣются, Томъ, — потому что онъ съ ними не хочетъ знаться.

— А-а! Такъ вотъ оно что! воскликнулъ Томъ съ торжествующимъ видомъ. — Онъ обыгралъ меня на чисто, но вѣдь если я захочу, я могу пойти и опять раздобыться деньжонками, — вѣдь такъ, Фэгинъ?

— Конечно, отвѣчалъ жидъ, — и чѣмъ скорѣе ты примешься за это, тѣмъ лучше, Томъ. Такъ наверстай же свой проигрышъ сегодня и не теряй по пусту время. Лукавецъ, Чарли, пора и вамъ за работу. Уже десять часовъ, а ничего еще не сдѣлано.

Повинуясь этому намеку, молодые люди, кивнувъ Ненси головою, взяли свои шляпы и вышли изъ комнаты. По дорогѣ, искусный лукавецъ и его бойкій пріятель не переставали прохаживаться на счетъ м-ра Читлинга, въ поведеніи котораго не было, однако, по правдѣ сказать, ничего особеннаго, такъ какъ на свѣтѣ не мало весьма бойкихъ юношей, которые плотятъ гораздо дороже м-ра Читлинга за честь показываться въ хорошемъ обществѣ, и не мало изящныхъ джентльменовъ (составляющихъ названное хорошее общество), которые основываютъ свою репутацію на данныхъ, весьма схожихъ съ тѣми, которыя пошли въ прокъ молодцу по всѣмъ статьямъ, Тоби Крекиту.

— А теперь, сказалъ жидъ, когда они вышли изъ комнаты, я пойду и принесу вамъ деньги, Ненси. Этотъ ключикъ, милочка, у меня отъ шкапа, въ которомъ я просто запираю всякій хламъ, который приносятъ ребята. Денегъ, милочка, я никогда не запираю, по той причинѣ, что мнѣ и запирать то нечего, —хе-хе-хе! —какъ есть

нечего запирать. Плохое мое ремесло, Ненси, и выгоды отъ него ни на грошъ. Но я люблю видѣть вокругъ себя молодой народъ, изъ-за этого я больше и перебиваюсь. Тсъ! промолвилъ онъ, поспѣшно пряча свой ключь за пазуху, — кто это сюда идетъ? слышите?!

Молодая дѣвушка, которая сидѣла у стола со скрещенными руками, повидимому, ни сколько не интересовалась узнать, кто это новое лицо, и идетъ ли оно сюда или уходитъ, пока до слуха ея не донесся звукъ мужского голоса. Тогда она съ быстротою молніи сорвала съ себя шляпу и шаль и сунула ихъ подъ столъ.

Такъ какъ жидъ въ эту минуту обернулся къ ней лицомъ, то она пробормотала что-то на счетъ духоты комнаты. Вялый голосъ, которымъ было произнесена эта жалоба, какъ-то странно противорѣчилъ живости ея движенія, но послѣднее осталось незамѣчено Фэгиномъ, который въ то время стоялъ повернувшись къ ней спиною.

— Эхъ, шепнулъ жидъ, какъ бы досадуя на помѣху, — это тотъ человѣкъ, котораго я раньше ожидалъ; онъ идетъ внизъ по лѣстницѣ. Ни слова про деньги, Ненси, пока онъ тутъ. Онъ не долго пробудетъ, душа моя, не больше десяти минутъ.

И, приложивъ свой костлявый палецъ къ губамъ, онъ пошелъ со свѣчею къ двери, за которою въ эту минуту раздавались шаги по лѣстницѣ, и достигъ ее одновременно съ посѣтителемъ, который такъ поспѣшно вошелъ въ комнату, что очутился возлѣ самой Ненси, прежде чѣмъ ее замѣтилъ.

Посѣтитель этотъ былъ Монксъ.

— Это одна изъ моихъ питомокъ, проговорилъ жидъ, замѣтивъ, что Монксъ остановился въ изумленіи при видѣ незнакомаго лица.— Не уходите, Ненси.

Молодая дѣвушка плотнѣе подсѣла къ столу и, бросивъ Монксу равнодушный и безпечный взглядъ, стала глядѣть въ другую сторону. Но улучивъ минуту, когда онъ повернулся къ жиду, она устремила на него украдкой другой взглядъ, до того испытующій, пристальный и многознаменательный, что, случись тутъ посторонній наблюдатель, онъ едва повѣрилъ бы, что два такихъ различныхъ взгляда могли исходить отъ одного и того же лица.

— Есть какія-нибудь вѣсти? спросилъ жидъ.

— И очень важныя.

— И... и... хорошія? нерѣшительно спросилъ жидъ, какъ бы

боясь раздражить своего собесѣдника слишкомъ большою сангвиничностью своихъ надеждъ.

— Не дурныя, отвѣчалъ Монксъ, улыбаясь. — На этотъ разъ мнѣ повезло. Мнѣ нужно сказать вамъ слова два наединѣ.

Ненси придвинулась къ столу и не думала удаляться изъ комнаты, хотя она видѣла какъ нельзя лучше, что Монксъ указываетъ на нее. Жидъ, опасаясь быть можетъ, что она проговорится о деньгахъ, если онъ попытается выжить ее, указалъ Монксу на верхъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты.

— Но только пожалуйста не въ эту проклятую нору, гдѣ мы были намедни, — долетѣло до Ненси, пока мужчины подымались по лѣстницѣ. Жидъ засмѣялся и отвѣтилъ что-то, но что именно, она не могла разслышать. Судя по скрипу досокъ онъ повелъ своего гостя въ верхнюю комнату.

Прежде чѣмъ шумъ ихъ шаговъ успѣлъ замолкнуть, молодая дѣвушка сняла башмаки, накинула себѣ подолъ платья черезъ голову и, спрятавъ руки въ складкахъ платья, стала у двери, прислушиваясь къ шуму съ замирающимъ сердцемъ. Какъ только шумъ затихъ, она шмыгнула изъ комнаты, поднялась по лѣстницѣ съ невѣроятною легкостью и осторожностью поступи и скрылась въ темнотѣ.

Комната внизу оставалась пустою въ теченіи четверти часа или болѣе. Ненси вернулась въ нее тѣми же неслышными шагами, точно призракъ. Минуту спустя раздались и шаги мужчинъ, возвращавшихся сверху, а вскорѣ и сами они показались. Монксъ прямо прошелъ на улицу, а жидъ опять поползъ наверхъ за деньгами. Когда онъ вернулся, Ненси оправляла на себѣ шляпку и стала собираться домой.

— Что съ вами, Ненси, воскликнулъ жидъ, поставивъ свѣчу на столъ и отступая передъ ней въ изумленіи, — отчего вы такъ блѣдны?

— Блѣдна? повторила Ненси, прикрывая глаза рукою, какъ бы для того, чтобы удобнѣе видѣть его.

— Да, на васъ лица нѣтъ, проговорилъ жидъ. — Что съ вами такое случилось?

— Ровно ничего, сколько мнѣ извѣстно, небрежно отвѣчала дѣвушка, — развѣ что вотъ я просидѣла столько времени въ душной комнатѣ. Однако пора, отпустите меня. Ну вотъ, умница!

Вздыхая надъ каждой монетой, жидъ отсчиталъ ей въ руку условленную сумму и они разстались безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ, ограничившись простымъ пожеланьемъ другъ другу спокойной ночи.

Когда молодая дѣвушка выбралась на улицу, она присѣла на порогѣ двери и казалась нѣсколько минутъ ошеломленною и не въ состояніи продолжать свой путь. Вдругъ она вскочила и, повернувъ въ сторону, прямо противуположную той, гдѣ Сайксъ ожидалъ ея возвращенія, пошла, ускоряя все болѣе и болѣе свои шаги, и, наконецъ, пустилась бѣгомъ. Пробѣжавъ до изнеможенія, она остановилась, чтобы перевести духъ; тутъ она, какъ бы припомнивъ что-то и сознавъ свою неспособность исполнить задуманное ею дѣло, принялась въ отчаяньи ломать руки и залилась слезами.

Потому ли, что слезы облегчили ее, или она покорилась безнадежности своего положенія, только она повернула назадъ и, шагая почти такими же быстрыми шагами въ противоположномъ направленіи, частью, чтобы наверстать потерянное время, частью, чтобы заглушить движеніемъ проносившіяся въ головѣ ея мысли, вскорѣ достигла дома, въ которомъ она оставила своего сожителя.

Если лицо ея и выдавало какое нибудь волненіе въ ту минуту, когда она предстала предъ м-ромъ Сайксомъ, то онъ, во всякомъ случаѣ, ничего не замѣтилъ; освѣдомившись, принесла ли она деньги и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ издалъ рычанье, выражавшее удовольствіе и, снова опустивъ голову на подушку, погрузился опять въ сонъ, прерванный ея приходомъ.

ГЛАВА XXXIX.

Странное свиданье, представляющее дополненіе предшествующей главы.

Для Ненси было счастьемъ, что получка денегъ задала м-ру Сайксу столько работы на слѣдующій день по части ѣды и питья, и

при этомъ подѣйствовала такъ благодѣтельно на его нравъ, смягчивъ шероховатости послѣдняго, что у него не было ни времени, ни охоты слишкомъ критически относиться къ ея поведенію. Во всей манерѣ ея было что-то разсѣянное и напряженное, изобличавшее человѣка, который готовится къ какому-то смѣлому и рискованному шагу, рѣшиться на который ему стоило не малой борьбы. Будь тутъ пріятель м-ра Сайкса, жидъ, обстоятельство это, безъ сомнѣнія, не ускользнуло бы отъ его рысьихъ глазъ и онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, тотчасъ же забилъ бы тревогу. Но м-ру Сайксу не доставало тонкости въ дѣлѣ наблюденія; единственныя тревоги, на которыя онъ былъ способенъ, были того сорта, который разрѣшается сердитымъ и грубымъ обращеніемъ со всѣми окружающими; къ тому же, какъ мы замѣтили выше, онъ находился въ необыкновенно любезномъ расположеніи духа, а потому и не замѣтилъ ничего особеннаго въ ея поведеніи и вообще такъ мало обращалъ вниманія на нее, что, будь ея волненіе гораздо замѣтнѣе, чѣмъ оно было, оно и тогда едва ли возбудило бы его подозрѣнія.

Къ вечеру возбужденіе ея усилилось и когда стемнѣло и она, сидя возлѣ вора, дожидалась, когда онъ допьется до сна, лицо ея сдѣлалось такъ необыкновенно блѣдно и глаза горѣли такимъ страннымъ блескомъ, что даже Сайксъ замѣтилъ это съ удивленіемъ.

М-ръ Сайксъ, чувствуя себя еще слабымъ послѣ болѣзни, лежалъ въ постели, попивая джинъ съ горячею водою, которою онъ разводилъ этотъ напитокъ, чтобы сдѣлать его менѣе горячительнымъ. Онъ уже въ третій или въ четвертый разъ протянулъ свой стаканъ къ Ненси, чтобы та его наполнила съизнова, когда эти симптомы поразили его.

— Это что такое? воскликнулъ онъ, приподнимаясь и глядя дѣвушкѣ прямо въ глаза.—Ты смотришь точно ты изъ гроба встала. Что такое случилось?

— Случилось?! отозвалась дѣвушка. — Да равно ничего. Что ты на меня такъ глаза выпучилъ?

— Это еще что за новая затѣя? допрашивалъ Сайксъ, хватая ее за руку и тряся ее изо всѣхъ силъ. — Говори! Что это значитъ? Что у тебя на умѣ, — а?

— Мало ли что у меня на умѣ, Биль! отвѣчала дѣвушка, содрогаясь и закрывая глаза рукою.—На что тебѣ это знать?

Напускная веселость, съ которою были выговорены эти послѣднія слова, произвела, повидимому, на Сайкса еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ полубезумный и неподвижный взглядъ, который имъ предшествовалъ.

— Я тебѣ скажу, что это такое, проговорилъ онъ. — Если ты не схватила отъ меня горячку и она не разыгрывается въ тебѣ теперь, — то это значитъ, что пахнетъ чѣмъ-то не совсѣмъ обыкновеннымъ и небезопаснымъ. Ужъ не затѣяла ли ты... нѣтъ, чортъ меня побери! ты этого не сдѣлаешь!

— Не сдѣлаю чего? спросила дѣвушка.

— Въ цѣломъ свѣтѣ, пробормоталъ Сайксъ, глядя ей пристально въ лицо и разсуждая съ самимъ собою, — не найти такой надежной дѣвки. Не будь этого, я бы еще три мѣсяца тому назадъ перерѣзалъ ей горло. Нѣтъ! это у нея просто горячка начинается!

И съ этимъ успокоительнымъ увѣреніемъ, Сайксъ осушилъ до дна свой стаканъ и, пробурчавъ нѣсколько ругательствъ, потребовалъ себѣ свое лекарство. Молодая дѣвушка быстро вскочила, налила лекарство, повернувшись къ нему спиною, и подала ему его, придерживая сосудъ, пока онъ изъ него пилъ.

— А теперь, проговорилъ воръ, — присядь ко мнѣ на кровать, да постарайся, чтобъ у тебя опять была прежняя твоя рожа, не то я тебѣ такъ ее обработаю, что ты и сама ее не узнаешь.

Дѣвушка повиновалась и Сайксъ, замкнувъ ея руку въ своей, откинулся на подушку, не спуская съ нея, однако, глазъ. Вѣки его закрылись, потомъ опять раскрылись и это повторялось нѣсколько разъ; онъ тревожно метался на своей постели, продремавъ минуты двѣ, три, вскакивалъ и съ ужасомъ озирался кругомъ; наконецъ, въ ту самую минуту, когда онъ приподнимался снова, онъ упалъ на подушку, точно сраженный выстрѣломъ, и погрузился въ глубокій, тяжелый сонъ. Пальцы его, сжимавшіе пальцы Ненси, разжались, поднятая рука упала безжизненно вдоль туловища и на него нашло, казалось, какое-то окоченѣніе.

— Наконецъ-то опіумъ подѣйствовалъ! пробормотала дѣвушка, вставая. — Боюсь, не опоздала ли я уже теперь.

Она поспѣшно надѣла шляпу и шаль, боязливо озираясь, пока одѣвалась, какъ будто не полагаясь на дѣйствіе опіума и ожидая каждую минуту почувствовать на своемъ плечѣ тяжелую руку Сайкса. За-

тѣмъ, наклонившись надъ кроватью, она осторожно поцѣловала вора въ губы и, растворивъ и затворивъ за собою безъ шума дверь, вышла изъ дома.

Въ темномъ переулкѣ, черезъ который ей нужно было выбраться на главную улицу, ночной сторожъ прокричалъ: „половина десятаго!“

— Давно ли пробило половину часа? спросила дѣвушка.

— Еще четверть часа и будетъ десять, отвѣчалъ сторожъ, поднимая свой фонарь къ ея лицу.

— А мнѣ туда раньше часа не добраться! пробормотала дѣвушка, шмыгнувъ мимо сторожа и устремляясь быстрыми шагами далѣе.

Въ закоулкахъ, которыми она шла, направляясь изъ Спитальсъ-Фильда въ Уэстъ-эндскій кварталъ, многія лавки уже запирались. Бой часовъ, пробившій десять, еще увеличилъ ея нетерпѣніе. Какъ стрѣла летѣла она по узкимъ тротуарамъ, локтями расчищая себѣ дорогу между прохожими, бросаясь чуть не подъ голову лошадямъ и перебѣгая на противуположную сторону улицы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ цѣлыя кучки людей нетерпѣливо выжидали возможности сдѣлать тоже самое.

— Это, должно быть, какая-то помѣшанная, говорили прохожіе, озираясь ей вслѣдъ.

Когда она дошла до болѣе богатаго квартала города, улицы были сравнительно пусты и здѣсь ея сумасшедшій бѣгъ, повидимому, возбуждалъ еще большее любопытство прохожихъ, мимо которыхъ она неслась. Иные ускоряли свои шаги вслѣдъ за нею, какъ бы желая узнать куда это она такъ спѣшитъ; иные останавливались и смотрѣли ей вслѣдъ, удивляясь, что она продолжаетъ бѣжать все съ тою же быстротою. Но, мало-по-малу, всѣ эти прохожіе отстали и, когда она достигла цѣли своего путешествія, она была одна.

Цѣль эта была — отель въ одной изъ красивыхъ улицъ близъ Гайдъ-Парка. Когда, благодаря яркому свѣту лампы, горѣвшей у подъѣзда, она убѣдилась, что это тотъ самый домъ, который ей нуженъ, часы пробили одиннадцать. Передъ этимъ она было нѣсколько замедлила свой шагъ, какъ бы въ нерѣшимости и въ борьбѣ съ самой собою. Но звукъ этотъ разомъ покончилъ ея колебанія и она

вошла въ сѣни. Мѣсто швейцара было пусто, она съ недоумѣніемъ поглядѣла кругомъ себя и направилась къ лѣстницѣ.

— Эй, вы! кого вамъ надо? окликнула ее щеголевато одѣтая особа женскаго пола, выглянувъ изъ двери позади ея.

— Мнѣ нужно одну леди, которая живетъ въ этомъ домѣ, отвѣчала Ненси.

— Леди! повторила собесѣдница, бросая ей презрительный взглядъ.—Кто она такая, позвольте узнать?

— М-съ Мейли, проговорила Нанси.

Молодая особа, которая тѣмъ временемъ успѣла разглядѣть наружность Ненси, отвѣтила ей взглядомъ добродѣтельнаго презрѣнія и позвала лакея.

— Какъ мнѣ про васъ доложить? спросилъ слуга.

— Имени моего нѣтъ надобности упоминать, отвѣчала Нанси.

— И дѣла такъ же, по которому вы пришли?

— И его такъ же. Мнѣ нужно самой повидаться съ барышней.

— Такъ вотъ что я вамъ скажу, проговорилъ слуга, толкая ее къ двери:—видите вы эту дверь? — Убирайтесь-ка вы вонъ, безъ разговоровъ!

— Сама я не выйду отсюда:—развѣ силою меня вынесутъ, отвѣчала Ненси внѣ себя.—А коли на то пойдетъ, я, не безпокойтесь, съумѣю сдѣлать такъ, что и двоимъ такимъ молодцамъ, какъ вы, не въ моготу будетъ справиться со мною. Неужели не найдется никого здѣсь, проговорила она, озираясь кругомъ,—кто бы сжалился надо мною и взялся исполнить мое порученіе?

Это обращеніе оказало свое дѣйствіе на одного повара съ добродушнымъ лицомъ, который находился въ числѣ прислуги, сбѣжавшейся посмотрѣть на эту сцену, и теперь рѣшился вмѣшаться въ это дѣло.

— Да доложите про нее, Джо, — неужто это вамъ трудно? проговорилъ онъ.

— Что толку докладывать? Неужели вы думаете, что барышня станетъ разговаривать съ такою, какъ она.

Этотъ намекъ на двусмысленное общественное положеніе Ненси возбудилъ цѣлую бурю добродѣтельнаго негодованія въ сердцахъ горничныхъ, которыя съ большимъ жаромъ объявили, что такая

тварь—позоръ для своего пола и стали сильно настаивать на томъ, чтобъ ее, безъ церемоніи, бросили въ уличную канаву.

— Дѣлайте со мною что хотите, проговорила Ненси, обращаясь къ мужчинамъ,—но прежде исполните то, о чемъ я васъ прошу. Именемъ Господа Бога заклинаю васъ, доложите обо мнѣ!

Мягкосердый поваръ замолвилъ слово съ своей стороны и въ результатѣ получилось, что тотъ лакей, который пришелъ прежде остальныхъ, взялся доложить о Ненси.

— Что же я долженъ сказать? спросилъ онъ, занеся одну ногу на ступеньку лѣстницы.

— Что одна женщина убѣдительно проситъ переговорить съ миссъ Мейли наединѣ, отвѣчала Ненси,—и что съ перваго же слова, которое она скажетъ, миссъ Мейли будетъ знать, дослушать ли ей эту женщину до конца, или же выгнать ее, какъ обманщицу.

— Однако, замѣтилъ лакей,—ужъ не больно ли много вы на себя берете?

— Передайте такъ, какъ я вамъ говорю, рѣшительнымъ тономъ проговорила Ненси — и сообщите мнѣ отвѣтъ.

Лакей побѣжалъ наверхъ, а Ненси, блѣдная и задыхающаяся, осталась внизу, выслушивая съ дрожащими губами выраженія презрѣнія, которыя цѣломудренныя горничныя расточали ей въ слухъ. Она еще болѣе поблѣднѣла, когда лакей вернулся и сказалъ ей, чтобы она шла наверхъ.

— Не стоитъ послѣ этого быть честной женщиной въ здѣшнемъ мірѣ, замѣтила старшая горничная.

— Мѣдь-то видно лучше золота, выдержавшаго пробу, замѣтила вторая.

Третья выразила желаніе знать, изъ какого матеріала выкроены дамы и дѣвицы благородныхъ семействъ, а четвертая воскликнула: „Срамъ!“ причемъ всѣ Діаны подхватили это восклицаніе хоромъ.

Не обращая вниманія на всѣ эти выходки, потому что на сердцѣ у нея была другая забота, посерьознѣе, - Ненси, дрожа всѣмъ тѣломъ, послѣдовала за лакеемъ въ маленькую пріемную, освѣщенную лампой, висѣвшей съ потолка. Здѣсь лакей оставилъ ее и удалился.

Вся жизнь Ненси была измыкана на улицахъ и въ самыхъ ужасныхъ вертепахъ Лондона, но въ ней еще уцѣлѣло нѣчто отъ ея первоначальной женской природы; когда она услышала легкіе шаги,

приближавшіеся къ двери, противуположной той, въ которую она вошла, и подумала о томъ страшномъ контрастѣ, который, минуту спустя, эта маленькая комнатка вмѣститъ въ своихъ стѣнахъ, въ ней проснулось подавляющее чувство своего собственнаго глубокаго позора и она попятилась назадъ, какъ бы опасаясь, что не въ силахъ будетъ вынести присутствіе той, съ которой искала этого свиданья.

Но этимъ лучшимъ чувствамъ противодѣйствовала гордость, — порокъ, равно свойственный, какъ наиболѣе глубоко падшимъ созданіямъ, такъ и самоувѣренности, стоящей на самой недосягаемой высотѣ. Эта жалкая подруга воровъ и мошенниковъ, эта отверженная жилица мрачныхъ притоновъ, эта сообщница обреченныхъ жертвъ тюрьмы и каторги, живущихъ въ тѣни самой висѣлицы,—даже эта падшая женщина была слишкомъ горда, чтобы выдать то женственное чувство, которое она считала слабостью, но которое одно еще напоминало въ ней образъ человѣческій, затертый и изуродованный въ ней еще съ дѣтства убійственною ея жизнью.

Она подняла глаза на столько, чтобы замѣтить, что личность, вошедшая въ эту минуту въ комнату—стройная и прекрасная молодая дѣвушка; затѣмъ она снова потупилась и, тряхнувъ головой съ напускною безпечностью, проговорила:

— Трудно, однако, было добраться до васъ, барышня. Если бы я обидѣлась и ушла, какъ сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ другая,—вы пожалѣли бы объ этомъ со временемъ, и не безъ основанія.

— Мнѣ очень жаль, если васъ кто обидѣлъ, отвѣчала Роза.— Не обращайте на это вниманія и скажите мнѣ лучше, что васъ привело сюда. Я та самая личность, которую вы желали видѣть.

Ласковость этого отвѣта, мелодичный голосъ, которымъ онъ былъ произнесенъ, кротость обращенія и полное отсутствіе высокомѣрія и досады,—все это было такъ неожиданно для Ненси, что захватило ее врасплохъ и она залилась слезами.

— Ахъ, барышня, барышня! проговорила она, судорожно прижимая руки къ лицу,—если бы было побольше такихъ какъ вы, было бы меньше такихъ какъ я,—это вѣрно.

— Присядьте, проговорила Роза съ глубокимъ волненіемъ. — Мнѣ больно васъ слушать. Если вы находитесь въ бѣдности или въ горѣ, я поистинѣ буду счастлива помочь вамъ насколько могу, — повѣрьте, что это такъ. Присядьте же.

— Нѣтъ, барышня, дайте мнѣ говорить съ вами стоя, отвѣчала Ненси, продолжая плакать. Скажите... эта... эта дверь плотно затворена?

— Да, отвѣчала Роза, отступая нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы быть поближе къ помощи, на случай она понадобится. — Къ чему это вы спрашиваете?

— А къ тому проговорила Ненси, — что я собираюсь отдать и свою жизнь, и жизнь другихъ въ ваши руки. Я та самая дѣвушка, которая утащила маленькаго Оливера назадъ къ старому Фэгину, къ жиду, въ тотъ вечеръ, когда онъ вышелъ изъ дома въ Пентонвиллѣ.

— Вы! воскликнула Роза Мейли.

— Да, барышня, я. Я та гнусная тварь, про которую вы слышали, — тварь, живущая среди воровъ, и никогда, съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, не знавшая лучшей жизни и не слыхавшая болѣе ласковыхъ рѣчей, чѣмъ тѣ, какія мнѣ отъ нихъ доводилось слышать. Видитъ Богъ, — это такъ. Не стѣсняйтесь, барышня, показывать мнѣ свое отвращеніе. Я моложе, чѣмъ вы, быть можетъ, думаете, глядя на мое лицо, но я уже успѣла привыкнутъ къ этому. Самыя бѣдныя женщины пятятся отъ меня, когда я прохожу мимо ихъ на улицѣ.

— Какія это ужасныя вещи! проговорила Роза, невольно отодвигаясь отъ своей странной собесѣдницы.

— Благодарите Господа Бога, барышня, воскликнула Ненси, что у васъ были друзья, которые заботились о васъ въ дѣтствѣ, и что вы никогда не жили среди голода и холода, среди пьянаго разгула, и... и другого, еще худшаго, какъ я жила съ своей колыбели, — да, я могу это сказать, потому что улица и помойная яма были моей колыбелью, какъ онѣ будутъ и моею могилой,

— Мнѣ жаль васъ! проговорила Роза разбитымъ голосомъ. — Сердце надрывается, слушая ваши рѣчи.

— Да благословитъ васъ Богъ за вашу доброту! отвѣчала Ненси. — Если бы вы знали каково мнѣ подъ часъ бываетъ, вы, точно, пожалѣли бы меня. Но я убѣжала тайкомъ отъ тѣхъ, которые убили бы меня, если бы узнали, что я была здѣсь, — для того, чтобы разсказать вамъ одинъ разговоръ, который я подслушала. Знаете ли вы человѣка по имени Монкса?

— Нѣтъ, отвѣчала Роза.

— Между тѣмъ, онъ знаетъ васъ, продолжала Ненси. — Онъ знаетъ, что вы остановились здѣсь, потому что называлъ этотъ домъ и я отъ него-то и подслушала вашъ адресъ.

— Я никогда не слыхала этого имени, проговорила Роза.

— Въ такомъ случаѣ онъ, должно быть, слыветъ между нами не подъ своимъ настоящимъ именемъ, замѣтила Ненси. — Мнѣ самой и прежде такъ думалось. Нѣсколько времени тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ Оливеръ былъ подосланъ къ вамъ въ домъ въ ночь грабежа, я, имѣя подозрѣнія на этого человѣка, подслушала разговоръ, который былъ у него съ Фэгиномъ въ потемкахъ. Изъ того, что они говорили, я узнала, что Монксъ, т. е. тотъ самый человѣкъ, про котораго я васъ спрашивала...

— Понимаю, понимаю, перебила ее Роза.

— Что Монксъ видѣлъ его случайно съ двумя изъ нашихъ молодцовъ въ тотъ самый день, когда мы въ первый разъ потеряли его изъ виду, и тотчасъ же узналъ въ немъ того самого мальчика, за которымъ онъ слѣдилъ, — съ какою цѣлью, я этого разобрать не могла. Онъ заключилъ условіе съ Фэгиномъ, что если тотъ опять поймаетъ Оливера, то получитъ извѣстную сумму денегъ, а если сдѣлаетъ изъ Оливера вора, что по какимъ-то соображеніямъ нужно было Монксу, — то получитъ еще больше.

— Но для чего же все это? спросила Роза.

— Онъ замѣтилъ мою тѣнь на стѣнѣ въ ту минуту, когда я прислушивалась, надѣясь узнать въ чемъ дѣло, — отвѣчала Ненси, — и, могу васъ завѣрить, не много найдется помимо меня такихъ, которыя смогли бы улепетнуть отъ нихъ не бывъ узнанными. Съ той поры я его больше не видала вплоть до вчерашняго вечера.

— И что же случилось вчера?

— А вотъ, я вамъ сейчасъ разскажу, барышня. Вчера вечеромъ онъ опять пришелъ и они опять пошли наверхъ, а я, закутавшись такъ, чтобы моя тѣнь меня не выдала, опять отправилась подслушивать у двери. Первыя слова Монкса, которы я разслышала, были: — „И такъ, единственное доказательство происхожденія этого мальчишки лежитъ на днѣ рѣки, а старая вѣдьма, получившая эти вещи отъ его матери, гніетъ въ своемъ гробу“. — Они посмѣялись и потолковали о томъ, какъ это все удачно устроилось. Затѣмъ Монксъ, говоря о

мальчикѣ, вышелъ изъ себя и сказалъ, что, хотя теперь деньги этого чертенка у него изъ рукъ не выскользнутъ, но ему пріятнѣе было бы, если бы дѣло уладилось иначе, — что, то ли дѣло, если бы ему удалось, на зло похвальбѣ отцовскаго завѣщанія, проволочить мальчишку черезъ всѣ лондонскія тюрьмы и затѣмъ видѣть его вздернутымъ на висѣлицу за какое-нибудь крупное преступленіе; при этомъ онъ замѣтилъ, что Фегинъ легко это можетъ обработать, да еще нажить хорошіе барыши съ продѣлокъ мальчика.

— Но что же это такое! воскликнула Роза.

— Ни что иное, какъ правда, барышня, — нужды нѣтъ, что говорю это я, отвѣчала дѣвушка. — Затѣмъ онъ сказалъ, съ ругательствами, къ которымъ мои уши давно успѣли прислушаться, но какихъ вамъ не доводилось слышать, — что если бы онъ могъ удовлетворить свою ненависть, отнявъ у этого мальчика жизнь безъ опасности для своей собственной, то онъ это сдѣлалъ бы; но, такъ какъ этого нельзя, то онъ будетъ слѣдить за каждымъ шагомъ его въ жизни и еще найдетъ средства напакостить ему. — Словомъ, Фэгинъ, заключилъ онъ, — хоть ты и жидъ, а никогда еще ты не разставлялъ никому такихъ сѣтей, какія я смастерю для моего младшаго братца — Оливера.

— Онъ его братъ! воскликнула Роза, всплеснувъ руками.

— То были его собственныя слова, отвѣчала Ненси, безпокойно оглядываясь кругомъ, какъ она то дѣлала безпрестанно съ самаго начала разговора, потому что образъ Сайкса не переставалъ ей мерещиться. — И это еще не все. Когда онъ заговорилъ про васъ и про другую даму, и сказалъ, что самимъ Небомъ, или діаволомъ устроено на зло ему такъ, что Оливеръ попалъ въ ваши руки, онъ засмѣялся и замѣтилъ, что утѣшительно, по крайней мѣрѣ думать, сколько тысячъ или сотень тысячъ фунтовъ вы бы дали, если бы имѣли ихъ, лишь бы узнать во всѣхъ подробностяхъ исторію вашей двуногой болонки.

— Не можетъ быть, проговорила Роза, блѣднѣя, — чтобы все это было сказано серьозно.

— Оно было сказано такъ серьозно, какъ только можетъ говорить человѣкъ въ гнѣвѣ и ожесточеніи, отвѣчала Ненси, качая головою. — Онъ шутить не любитъ, когда въ немъ зашевелилась ненависть. Я знаю многихъ, за которыми водятся еще худшія дѣла, но я охотнѣе

соглашусь слышать ихъ рѣчи десять разъ, чѣмъ этого Монкса—одинъ разъ. Однако становится поздно, а мнѣ надо вернуться домой такъ, чтобъ никому и не въ домекъ было, что я ходила по такому дѣлу. Мнѣ пора идти.

— Но что же я могу сдѣлать? спросила Роза. — Какъ я могу воспользоваться тѣмъ, что отъ васъ услышала? Вы хотите идти домой. Зачѣмъ вамъ возвращаться къ товарищамъ, которыхъ вы описываете такими ужасными красками? Стоитъ вамъ только повторить ваше показаніе въ присутствіи джентльмена, котораго я сейчасъ же могу кликнуть вонъ изъ той комнаты, — и васъ черезъ полчаса доставятъ въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ вы будете въ полной безопасности.

— Я желаю вернуться, отвѣчала Ненси,—я должна вернуться, потому что... Этихъ вещей не слѣдуетъ говорить при такой невинной молодой барышнѣ, какъ вы... потому что, между этими людьми, про которыхъ я вамъ разсказывала, есть одинъ, самый отчаянный изо всѣхъ... и его-то я не могу оставить, не могу, хотя бы этою цѣною я могла вырваться изъ своей теперешней жизни.

— Но вы уже разъ приняли участіе въ судьбѣ нашего милаго мальчика, проговорила Роза:—вы пришли, не взирая на опасность, разсказать мнѣ то, что узнали,—и по всему видно, что вы говорите правду; въ васъ живо сказывается чувство стыда и раскаянья,—все это убѣждаетъ меня, что вы еще можете быть спасены.—Послушайте! продолжала молодая дѣвушка съ выраженіемъ мольбы въ голосѣ, — и слезы потекли по ея щекамъ, — не оставайтесь глухи къ голосу женщины, существа одного съ вами пола. Я вижу, до меня никто не обращался къ вамъ съ словами сочувствія и сострадания... Послушайтесь меня, дайте мнѣ спасти васъ для лучшей доли!

— Барышня! воскликнула Ненси, опускаясь на колѣни,—дорогая, добрая барышня! вы первая, отъ которой я услышала такія рѣчи, и услышь я ихъ годы тому назадъ, онѣ могли бы отвратить меня отъ грѣховной и горькой жизни; но теперь уже слишкомъ поздно... слишкомъ поздно!

— Раскаиваться и заглаживать свой грѣхъ никогда не поздно, проговорила Роза.

— Нѣтъ, говорю вамъ, что поздно, съ отчаяньемъ воскликнула

*

Ненси.—Я не могу теперь его оставить, я не могу сдѣлаться причиною его смерти.

— Какимъ же образомъ вы можете сдѣлаться причиною его смерти? спросила Роза.

— Для него тогда не было бы спасенья, воскликнула Ненси.— Скажи я другимъ то, что я сказала вамъ,—ихъ всѣхъ перехватаютъ. и тогда ему нѣтъ другого исхода кромѣ смерти. Онъ самый смѣлый изо всѣхъ и былъ такъ жестокъ!

— И изъ-за такого-то человѣка, воскликнула Роза, вы отказываетесь отъ всякой возможности спасенія въ будущемъ и отъ вѣрнаго выхода въ настоящемъ... Но вѣдь это безуміе!

— Я не знаю, что это такое, отвѣчала Ненси,—знаю только, что оно такъ, и не со мной одной, а и съ сотнями другихъ, такихъ же дурныхъ и несчастныхъ какъ я. Мнѣ надо вернуться. Божье ли это наказанье за все дурное, что я сдѣлала, я не знаю; но меня тянетъ къ нему, на зло всему горю и всѣмъ оскорбленіямъ, которыя меня ожидаютъ, и я, кажется, вернулась бы къ нему и тогда, если бы знала, что мнѣ суждено умереть когда-нибудь отъ его руки!

— Что мнѣ дѣлать? проговорила Роза.—По настоящему, мнѣ не слѣдуетъ и допускать, что бы вы ушли.

— Нѣтъ, слѣдуетъ, барышня, и, я знаю, вы меня отпустите, возразила Ненси, вставая. — Вы не станете меня задерживать, пользуясь тѣмъ, что я довѣрилась вашей добротѣ и не потребовала отъ васъ ни какихъ обѣщаній, хоть и могла бы это сдѣлать.

— Но въ такомъ случаѣ, какая же польза отъ всего, что вы мнѣ разсказали? проговорила Роза.—Эту тайну нужно разслѣдовать, иначе, что же выиграетъ отъ вашего теперешняго поступка Оливеръ, о благѣ котораго вы такъ заботитесь?

— У васъ, вѣроятно, найдется между вашими знакомыми какой-нибудь добрый джентльменъ, которому вы передадите все это подъ секретомъ и который посовѣтуетъ вамъ, что дѣлать, возразила Ненси.

— Но гдѣ мнѣ отыскать васъ, въ случаѣ вы опять понадобитесь? спросила Роза. — Я не хочу знать, гдѣ живутъ эти ужасные люди, но укажите мнѣ мѣсто, гдѣ вы будете проходить или гулять въ опредѣленное время.

— Обѣщаетесь ли вы мнѣ, что свято сохраните эту тайну и при-

дете не иначе, какъ одна или только въ сопровожденіи того другого человѣка, которому вы довѣритесь, — и что за мною не будетъ слѣдить? спросила Ненси.

— Обѣщаюсь, что все это будетъ свято исполнено, отвѣчала Роза.

— Въ такомъ случаѣ, каждое воскресенье, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами ночи, — проговорила Ненси рѣшительнымъ голосомъ, — я буду прогуливаться по Лондонскому мосту, если только буду жива.

— Побудьте еще минуту, остановила ее Роза, видя ея поспѣшное движеніе къ двери. — Подумайте еще разъ о своемъ положеніи и о той возможности, которая вамъ представляется отъ него избавиться. Вы имѣете право на мое участіе. не только какъ личность, добровольно явившаяся сообщить мнѣ это извѣстіе, но и какъ женщина, нуждающаяся, болѣе, чѣмъ всякая другая въ помощи. Неужели вы вернетесь въ этотъ разбойничій притонъ, къ этому человѣку, — когда одно слово можетъ спасти васъ? Что за непонятное обаяніе влечетъ васъ туда и заставляетъ васъ такъ цѣпко держаться за жизнь порока и страданій? Неужели въ вашемъ сердцѣ нѣтъ струны, которую бы я могла затронуть, — неужели ничто въ васъ самихъ не заговоритъ противъ этой злополучной, безумной рѣшимости?

— Когда такія молодыя, прекрасныя и невинныя барышни, какъ вы, заговорила Ненси ровнымъ голосомъ, — полюбятъ мужчину, любовь заводитъ ихъ далеко, — даже такихъ, у которыхъ, какъ у васъ, есть родной кровъ, друзья, другіе поклонники, словомъ все, чѣмъ наполнить жизнь. — Когда же такія женщины какъ я, у которыхъ нѣтъ другого надежнаго крова, кромѣ гробовой доски, другаго друга на случай болѣзни и смертнаго часа, кромѣ больничной сидѣлки, — когда такія женщины отдаютъ свое высохшее сердце мужчинѣ и допускаютъ его занять то мѣсто, которое когда-то принадлежало родному крову, семьѣ и друзьямъ, или же которое оставалось пустымъ за всю ихъ жалкую жизнь, — кто же можетъ насъ вылечить?! Пожалѣйте лучше о насъ, барышня, — пожалѣйте, что у насъ, изо всѣхъ чувствъ женщины, уцѣлѣло только одно, да и то, по какому то проклятію свыше, обращается въ новое орудіе униженій и мукъ.

— Вы не откажетесь, по крайней мѣрѣ, проговорила Роза, подумавъ съ минуту, — принять отъ меня нѣсколько денегъ, которыя да-

дутъ вамъ возможность прожить честно, хоть до того времени, когда мы съ вами увидимся опять?

-- Ни одного пенни! отвѣчала Ненси и замахала рукою.

— Не отвергайте такъ упорно всѣ мои предложенія услугъ, мягко сказала Роза, подходя къ ней.—Вѣрьте, я отъ души желала бы для васъ что нибудь сдѣлать.

— Лучшее, что вы могли бы для меня сдѣлать, барышня, отвѣчала Ненси, ломая руки,—это убить меня тутъ же, на мѣстѣ. Никогда еще мнѣ такъ горько не было думать о томъ, что я за погибшее созданье, какъ сегодня вечеромъ, а для меня все-таки было бы утѣшеньемъ умереть не въ томъ аду, въ которомъ я прожила свой вѣкъ. Да благословитъ васъ Богъ, добрая барышня, и да пошлетъ онъ вамъ столько же счастья, сколько я навлекла на свою голову позора!

И, проговоривъ это, несчастная зарыдала и вышла, между тѣмъ какъ Роза Мейли, потрясенная этимъ необычайнымъ свиданіемъ, болѣе походившимъ на сонъ, чѣмъ на дѣйствительность, опустилась на стулъ и попыталась привести въ порядокъ свои блуждающія мысли.

ГЛАВА XL.

Содержитъ въ себѣ новыя открытія и показываетъ, что сюрпризы, такъ же, какъ и несчастья, рѣдко приходятъ въ одиночку.

Положеніе Розы, въ самомъ дѣлѣ, было крайне затруднительное; горя нетерпѣніемъ разъяснить тайну, облекавшую прошлое Оливера, она въ тоже время не могла нарушить довѣріе, возложенное на нее, какъ на молодую и чистую дѣвушку той несчастной женщиной, которая отъ нея сейчасъ ушла. Слова и все поведеніе Ненси тронули

Розу Мейли и къ любви ея къ Оливеру примѣшивалась теперь другое чувство, едва ли уступавшее первому по силѣ и глубинѣ,—именно, желаніе спасти отверженную женщину, возбудить въ ней раскаянье и надежду.

М-съ Мейли и Роза расчитывали пробыть въ Лондонѣ не болѣе трехъ дней, а затѣмъ должны были отправиться на нѣсколько недѣль въ одну довольно отдаленную мѣстность на морскомъ берегу. Теперь была полночь перваго дня. Спрашивается, что она могла предпринять въ какіе нибудь сорокъ восемь часовъ, — а съ другой стороны, какъ было отложить отъѣздъ, не возбуждая подозрѣній?

М-ръ Лосбернъ былъ съ ними и долженъ былъ остаться при нихъ еще на два дня; но Роза слишкомъ хорошо знала горячность почтеннаго джентльмена и слишкомъ ясно предвидѣла то озлобленіе, съ которымъ онъ, въ первомъ порывѣ своего негодованія, отнесется къ виновницѣ вторичнаго плѣненія Оливера, а потому понимала, что ему эту тайну иначе довѣрить нельзя, какъ въ томъ случаѣ, если заступничество ея за Ненси будетъ поддержано другимъ, болѣе опытнымъ лицомъ. Всѣ эти соображенія указывали ей, что нужна величайшая осторожность и что нечего торопиться сообщеніемъ извѣстія и м-съ Мейли, первымъ движеніемъ которой было бы посовѣтоваться объ этомъ предметѣ съ добрѣйшимъ докторомъ. Что же касается до обращенія за совѣтомъ къ юристу, то объ этомъ, по тѣмъ причинамъ же нечего было и думать, если бы даже Роза и знала какъ это устроить. У нея было мелькнула мысль обратиться за помощью къ Гарри; но это возбудило воспоминаніе о послѣднемъ ихъ разставаньи и ей показалось недостойнымъ ея призывать его назадъ, когда, быть можетъ—и слезы выступили у нея на глазахъ при этой мысли,— онъ уже началъ позабывать ее и чувствовать себя счастливѣе вдали отъ нея.

Смущенная всѣми этими думами, склоняясь въ сторону то одного плана, то другого, и бросая ихъ всѣ, по мѣрѣ того, какъ въ умѣ ея возникали различныя возраженія, Роза провела безсонную и тревожную ночь и, продумавъ еще часть слѣдующаго дня, пришла наконецъ къ отчаянному рѣшенію посовѣтоваться съ Гарри Мейли.

— Если ему тягостно вернуться сюда, сказала она себѣ, — то не легко это будетъ и для меня. Но, быть можетъ, онъ и не пріѣдетъ. Онъ можетъ отвѣтить мнѣ письменно, или же, если пріѣдетъ,

тщательно избѣгать встрѣчи со мною,—вѣдь онъ же сдѣлалъ это при своемъ отъѣздѣ; я тогда не ожидала этого отъ него, но такъ вышло лучше для насъ обоихъ, гораздо лучше! — На этой мысли, Роза выронила перо и отвернулась, какъ бы не желая, чтобы самая бумага, которая понесетъ Гарри Мейли ея просьбу, была свидѣтельницей ея слезъ.

Она разъ пятьдесятъ успѣла взять и снова положить перо и все еще ломала голову надъ первой строчкой письма, не написавъ и перваго слова, когда Оливеръ, ходившій гулять по улицамъ подъ охраною м-ра Джайльза, вбѣжалъ въ комнату такъ стремительно и съ признаками такого волненія, что можно было подумать, что случилась опять какая нибудь тревога.

— Отчего ты такъ взволнованъ, Оливеръ? спросила Роза, идя къ нему на встрѣчу.—Скажи, что съ тобою?

— Охъ, не знаю съ чего и начать, я просто самъ не свой! заговорилъ мальчикъ.—Какъ я подумаю только что увидѣлъ таки наконецъ его и что вы теперь можете убѣдиться, что я сказалъ вамъ сущую правду!

— Да я никогда и не сомнѣвалась, мой милый, въ томъ, что ты сказалъ намъ сущую правду, отвѣчала Роза успокоивающимъ голосомъ.—Но въ чемъ дѣло?—Про кого это ты говоришь?

— Я видѣлъ того джентльмена... отвѣчалъ Оливеръ, задыхаясь,—того джентльмена, который былъ такъ добръ ко мнѣ... м-ра Броунлоу, о которомъ мы съ вами такъ часто говорили.

— Какъ, гдѣ? спросила Роза.

— Онъ высадился изъ кареты, отвѣчалъ Оливеръ, плача отъ радости,—и вошелъ въ одинъ домъ. Я не сказалъ ему ни слова... Я не могъ заговорить съ нимъ, потому что онъ меня не замѣтилъ, а я такъ дрожалъ, что не могъ добѣжать до него. Но Джайльзъ за меня справился, живетъ ли онъ въ этомъ домѣ, и оказалось, что живетъ.— Посмотрите! продолжалъ Оливеръ, показывая клочокъ бумаги, вотъ тутъ написано... Это его адресъ. Я сейчасъ же туда отправлюсь. О, Боже мой, Боже мой! Что со мною будетъ, когда я опять увижу его и услышу его голосъ!

Роза прочла адресъ, причемъ вниманіе ея нѣсколько отвлекалось безсвязными восклицаніями радости, вырывавшимися у Оливера. На

адресѣ стояло: Стрэндъ, улица Крэвенъ-Стритъ. Подумавъ немного, Роза рѣшилась воспользоваться этой неожиданной встрѣчей.

— Скорѣе, проговорила она, — скажи, чтобы намъ наняли карету и будь готовъ ѣхать со мною. Я свезу тебя прямо туда, не теряя ни минуты времени, я пойду только сказать тетушкѣ, что уѣзжаю на часокъ, — я не задержу тебя.

Оливера не нужно было торопить и не прошло и пяти минутъ, какъ они уже ѣхали въ Крэвенъ-Стритъ. Когда они подъѣхали къ дому, Роза оставила Оливера въ каретѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что надо приготовить стараго джентльмена къ свиданью, а сама, вручивъ свою карточку лакею, попросила передать, что желаетъ видѣть мистера Броунлоу по очень важному дѣлу. Лакей вскорѣ вернулся и попросилъ ее пожаловать наверхъ. Послѣдовавъ за лакеемъ, мисъ Мейли очутилась въ присутствіи господина почтенныхъ лѣтъ, очень добродушной наружности и въ сюртукѣ бутылочнаго цвѣта. Недалеко отъ этого господина сидѣлъ другой старый джентльменъ, въ нанковыхъ панталонахъ; наружность этого послѣдняго господина не отличалась особеннымъ добродушіемъ. Онъ сидѣлъ, опершись руками о набалдашникъ толстой палки и положивъ подбородокъ на руки.

— Ахъ, Боже мой, проговорилъ джентльменъ въ сюртукѣ бутылочнаго цвѣта, вставая и раскланиваясь съ изысканною вѣжливостью, — извините меня, сударыня... Я подумалъ, что это какая-нибудь докучная посѣтительница, которая... Пожалуйста, извините меня. Неугодно ли присѣсть?

— М-ръ Броунлоу, если не ошибаюсь, сэръ? проговорила Роза, перенося взглядъ съ другаго джентльмена, на того, который съ ней говорилъ.

— Я самый, сударыня, отвѣчалъ старичокъ.—А это мой пріятель, м-ръ Гримуигъ. Гримуигъ, не потрудитесь ли вы насъ оставить однихъ на нѣсколько минутъ?

— Я думаю, вмѣшалась мисъ Мейли, что пока я могу и не безпокоить этого джентльмена просьбою удалиться изъ комнаты. Если не ошибаюсь, то дѣло, о которомъ я желаю переговорить съ вами, извѣстно ему.

М-ръ Броунлоу наклонилъ голову, а м-ръ Гримуигъ, который во время представленія его молодой дѣвушкѣ ограничился тѣмъ, что

отвѣсилъ сухой поклонъ и всталъ съ своего мѣста, теперь отвѣсилъ вторично сухой поклонъ и опять опустился въ кресло.

— Я, конечно, очень удивлю васъ тѣмъ, что я имѣю сказать, начала Роза, испытывая весьма понятное смущеніе,—но вы когда-то оказали много ласки и доброты одному изъ моихъ самыхъ дорогихъ друзей, а потому, я не сомнѣваюсь, вамъ пріятно будетъ услышать вѣсти о немъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорилъ м-ръ Броунлоу. — Могу я спросить его имя?

— Оливеръ Твистъ, отвѣчала Роза.

Не успѣла она выговорить эти слова, какъ м-ръ Гримуигъ, дѣлавшій видъ, что погруженъ въ чтеніе большой книги, лежавшей на столѣ, уронилъ ее на полъ съ превеликимъ шумомъ и, откинувшись на спинку своего кресла, освободилъ свою физіономію отъ всякаго инаго выраженія, кромѣ выраженія безпримѣснаго изумленія; въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ разрѣшилъ себѣ глядѣть на нее неподвижными, широко раскрытыми глазами, но затѣмъ, какъ бы устыдившись, что обнаружилъ такую впечатлительность, однимъ конвульсивнымъ движеніемъ вернулся къ прежней своей позѣ и, глядя прямо передъ собою, издалъ протяжный, глубокій свистъ, который, подъ конецъ, казалось, былъ пущенъ не въ воздушное пространство, а замиралъ въ самыхъ заповѣдныхъ тайникахъ его желудка.

М-ръ Броунлоу былъ не менѣе удивленъ, хотя удивленіе его и не проявилось столь эксцентрично. Онъ придвинулъ свой стулъ къ мисъ Мейли и сказалъ:

— Я васъ попрошу, дорогая моя барышня, совсѣмъ оставить въ сторонѣ мою доброту, о которой вы говорите и про которую, кромѣ васъ, никто на свѣтѣ ничего не слыхалъ. Если вы можете сообщить мнѣ какіе-нибудь факты, которые измѣнятъ неблагопріятное мнѣніе, составленное мною по одному случаю объ этомъ несчастномъ ребенкѣ,—ради Бога, сообщите мнѣ эти факты.

— Дрянь онъ, голову свою даю на отсѣченіе, что онъ дрянь! проворчалъ м-ръ Гримуигъ какимъ-то чревовѣщательнымъ способомъ, не шевеля ни однимъ мускуломъ своего лица.

— Это ребенокъ съ благороднымъ и любящимъ сердцемъ, проговорила Роза краснѣя,—и Провидѣніе, которому угодно было подвергнуть его испытаніямъ не по лѣтамъ, надѣлило его такими чув-

ствами, которыя сдѣлали бы честь людямъ въ шестеро его старшимъ.

— Мнѣ всего только шестьдесятъ одинъ годъ, проговорилъ м-ръ Гримуигъ все съ тѣмъ же неподвижно-суровымъ лицомъ, а—такъ какъ этому Оливеру должно быть, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать лѣтъ, то я рѣшительно не вижу къ кому относится это замѣчаніе.

— Вы не обращайте вниманія на моего пріятеля, мисъ Мейли, сказалъ м-ръ Броунлоу; — онъ не думаетъ того, что говоритъ.

— Нѣтъ, думаетъ, проворчалъ м-ръ Гримуигъ.

— Нѣтъ не думаетъ! настаивалъ м-ръ Броунлоу, видимо начиная горячиться.

— Онъ собственную голову свою готовъ съѣсть, если не думаетъ, ворчалъ м-ръ Гримунгъ.

— Онъ стоитъ того, чтобы ему ее отсѣкли, если онъ это думаетъ, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу.

— Посмотрѣлъ бы онъ того человѣка, который взялся бы это сдѣлать, возразилъ м-ръ Гримуигъ, стуча палкою по полу.

За тѣмъ оба джентльмена понюхали каждый съ своей стороны табаку и пожали другъ другу руки, по неизмѣнному своему обычаю.

— А теперь, мисъ Мейли, заговорилъ м-ръ Броунлоу, вернемтесь къ предмету, который такъ затрогиваетъ ваши человѣколюбивыя чувства. Не потрудитесь ли вы сообщить мнѣ то, что вы знаете объ этомъ бѣдномъ мальчикѣ?—Но предварительно позвольте мнѣ сказать вамъ, что я истощилъ всѣ средства, бывшія въ моей власти, чтобы розыскать его и что, послѣ моего отъѣзда отсюда, первоначальное мое убѣжденіе, что онъ меня обманулъ и былъ подговоренъ прежними своими товарищами обокрасть меня, значительно поколебалось.

Роза, которая тѣмъ временемъ успѣла собраться съ мыслями, въ немногихъ простыхъ словахъ разсказала всѣ похожденія Оливера съ той самой минуты, когда онъ оставилъ домъ м-ра Броунлоу. Она умолчала только о томъ, что сообщила ей Ненси, откладывая этотъ послѣдній разсказъ до того времени, когда останется съ м-ромъ Броунлоу наединѣ. Въ заключеніе она замѣтила, что единственною печалью Оливера, за послѣдніе мѣсяцы было — что онъ не могъ розыскать своего прежняго благодѣтеля и друга.

— Слава Богу! воскликнулъ старый джентльменъ.—Это большое счастье для меня, большое счастье! Но вы не сказали мнѣ, мисъ

Мейли, гдѣ онъ теперь находится. Вы извините меня, что я обращусь къ вамъ съ упрекомъ, но — что бы стоило вамъ привезти его съ собой?

— Онъ дожидается въ каретѣ у вашего дома. отвѣчала Роза.

— У моего дома! крикнулъ старый джентльменъ. — И съ этимъ восклицаніемъ онъ полетѣлъ изъ комнаты, внизъ по лѣстницѣ, на подножку кареты и въ самую карету, не проронивъ ни слова въ промежуткѣ. Когда дверь комнаты захлопнулась за нимъ, м-ръ Гримуигъ поднялъ голову и, превративъ одну изъ заднихъ ножекъ своего стула въ ось, описалъ съ помощью стола и своей трости три вращательныхъ движенія, оставаясь самъ все это время на стулѣ. Совершивъ эту эволюцію, онъ всталъ, прошелся разъ двѣнадцатъ по комнатѣ со всею быстротою, какую только позволяли ему его старыя ноги и затѣмъ, вдругъ остановившись передъ Розой, поцѣловалъ ее безъ дальнѣйшихъ церемоній.

— Тсъ! проговорилъ онъ, когда молодая дѣвушка встала, нѣсколько встревоженная такимъ необычнымъ обращеніемъ, — не пугайтесь. Я на столько старъ, что вамъ въ дѣдушки гожусь. Вы славная дѣвушка, — вы мнѣ нравитесь. — А вотъ и они идутъ.

И дѣйствительно, едва онъ успѣлъ однимъ проворнымъ движеніемъ броситься на свое прежнее мѣсто, какъ вернулся м-ръ Броунлоу, въ сопровожденіи Оливера, котораго м-ръ Гримуигъ принялъ очень милостиво, и если бы счастье этой минуты было единственной наградой Розы за всѣ ея заботы объ Оливерѣ, то и тогда она была бы вознаграждена съ избыткомъ.

— Но есть еще одинъ человѣкъ, котораго не слѣдуетъ забывать, проговорилъ м-ръ Броунлоу, звоня въ колокольчикъ. — Позовите-ка сюда м-съ Бедуинъ.

Старая экономка не замедлила явиться на зовъ и, поклонившись гостямъ, остановилась въ дверяхъ.

— Однако, я вижу, Бедуинъ, вы день ото дня все больше слѣпнете, замѣтилъ м-ръ Броунлоу съ оттѣнкомъ досады.

— Какъ же, сэръ, какъ же! отвѣчала старушка. — Въ мои годы, сэръ, дѣло идетъ не въ гору, а подъ гору.

— Это я и безъ васъ знаю, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу. — Но надѣньте-ка свои очки и посмотрите, — не догадаетесь ли вы сами для чего я васъ позвалъ? — Старушка полѣзла къ себѣ въ карманъ за оч-

ками, но терпѣніе Оливера не выдержало этого новаго испытанія и, уступая первому своему движенію, онъ бросился, въ ея объятія.

— Съ нами силы Небесныя! воскликнула старушка, обнимая его, да это никакъ мой голубчикъ!

— Милая, дорогая моя няня! воскликнулъ Оливеръ.

— Онъ вернулся, я знала, что онъ вернется, говорила старушка, не выпуская его изъ объятій. И какой здоровый у него видъ, и какъ онъ опять хорошо одѣтъ, видно, что въ холѣ живетъ! И гдѣ ты пропадалъ все это время? — А лицо у тебя такое же, кроткое, только блѣдности прежней нѣтъ. И глаза тѣ же, только ужъ не такіе печальные. Я никакъ не могла забыть его глазъ и тихой улыбки, — все то они мнѣ мерещились вмѣстѣ съ личиками моихъ собственныхъ дорогихъ дѣтокъ, что умерли въ то время, когда я еще молодая бабенка была. — И, говоря это, бѣдная женщина то отодвигала Оливера отъ себя, чтобы посмотрѣть какъ онъ выросъ, то снова прижимала его къ себѣ, гладя его по волосамъ, и смѣялась, и плакала у него на шеѣ поочередно.

Предоставивъ имъ до сыта наглядѣться другъ на друга, м-ръ Броунлоу попросилъ Розу перейти въ другую комнату и тутъ выслушалъ отъ нея разсказъ о свиданіи ея съ Ненси, повергшій его въ немалое изумленіе и заставившій его призадуматься. Роза объяснила ему такъ же почему она не хотѣла тотчасъ же довѣрить эту тайну своему другу, м-ру Лосберну, и старый джентльменъ нашелъ, что она поступила благоразумно. Онъ охотно взялъ на себя повести этотъ многознаменательный разговоръ съ почтеннымъ докторомъ и, чтобы не терять времени, условлено было, что онъ въ тотъ же вечеръ, въ восемь часовъ, явится въ отель, а Роза тѣмъ временемъ должна была осторожно сообщить м-съ Мейли обо всемъ случившемся. Когда всѣ предварительныя дѣйствія были такимъ образомъ условлены, Роза и Оливеръ вернулись домой.

Оказалось, что Роза въ своихъ ожиданіяхъ ни сколько не преувеличивала мѣру негодованія добрѣйшаго доктора; не успѣлъ онъ выслушать исторію Ненси, какъ уже разразился цѣлымъ градомъ угрозъ, въ перемежку съ проклятіями; онъ грозился сдѣлать ее первою же жертвою совокупной ловкости гг. Блэдерса и Дёффа и даже надѣлъ шляпу, съ тѣмъ, чтобы немедленно отправиться за помощью этихъ двухъ почтенныхъ чиновниковъ. И въ томъ настроеніи, въ

которомъ онъ находился въ эту минуту онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, осуществилъ бы это намѣренье, не помышляя о послѣдствіяхъ, если бы не былъ удержанъ, отчасти соотвѣтствующею горячностью со стороны м-ра Броунлоу, который самъ былъ раздражительнаго темперамента, отчасти же такими доводами и увѣщаніями, которые всего болѣе были расчитаны на то, чтобы заставить его отказаться отъ намѣренья, принятаго сгоряча.

— Но что же, чортъ возьми, намъ дѣлать?! воскликнулъ вспыльчивый докторъ, когда они вернулись къ дамамъ.—Ужъ не вотировать намъ благодарственный адресъ всѣмъ этимъ негодяямъ обоего пола и не попросить ли ихъ принять отъ насъ фунтовъ по сту стерлинговъ на брата, какъ слабое выраженіе нашихъ чувствъ къ нимъ и въ благодарность за ихъ доброту къ Оливеру?

— Ну, въ этомъ-то, положимъ, нѣтъ никакой надобности, — отвѣчалъ м-ръ Броунлоу, смѣясь, — но намъ нужно дѣйствовать мягко и осмотрительно.

— Мягко и осмотрительно! воскликнулъ докторъ.—Я бы всѣхъ ихъ вкупѣ спровадилъ...

— Нужды нѣтъ, куда бы вы ихъ ни спровадили, перебилъ его м-ръ Броунлоу. Но подумайте, приблизились ли бы мы этимъ хоть на шагъ къ той цѣли, которую должны имѣть въ виду.

— Къ какой цѣли? спросилъ докторъ.

— Да просто къ раскрытію происхожденія Оливера и къ возвращенію ему наслѣдства, которое, если этотъ разсказъ справедливъ, — было отнято у него мошенническимъ образомъ.

— А! воскликнулъ м-ръ Лосбернъ, обмахиваясь носовымъ платкомъ, — объ этомъ я чуть было совсѣмъ не позабылъ.

— Вотъ видите ли, продолжалъ м-ръ Броунлоу,—даже оставляя вопросъ объ этой бѣдной дѣвушкѣ въ сторонѣ и предположивъ, что можно будетъ предать этихъ негодяевъ въ руки правосудія, не подвергая ее опасности, — спрашивается: что мы черезъ это выиграемъ?

— А выиграемъ то, отвѣчалъ докторъ что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ по всѣмъ вѣроятіямъ повѣсятъ, а остальныхъ сошлютъ.

— Прекрасно, замѣтилъ м-ръ Броунлоу, улыбаясь. — Но объ этомъ, будьте спокойны, они сами въ свое время постараются и если мы своимъ вмѣшательствомъ предупредимъ естественный ходъ собы-

тій, то это, сдается мнѣ, будетъ съ нашей стороны чистѣйшимъ донъкихотствомъ, идущимъ прямо въ разрѣзъ нашимъ интересамъ, или, по крайней мѣрѣ, интересамъ Оливера, что въ сущности одно и то же.

— Какъ такъ? спросилъ докторъ.

— Да очень просто. Намъ, очевидно, будетъ крайне трудно проникнуть въ эту тайну, если мы не доведемъ этого человѣка, Монкса, до того, чтобы онъ передъ нами смирился. А этого мы можемъ достигнуть только хитростью и подкарауливъ его въ такое время, когда онъ не будетъ окруженъ этими людьми. Потому что, предположимъ, что его арестуютъ; мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ противъ него; онъ даже незамѣшанъ (насколько мы можемъ судить по извѣстнымъ намъ фактамъ) ни въ одной изъ воровскихъ продѣлокъ этой шайки. Если даже его не оправдаютъ, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, отдѣлается простымъ тюремнымъ заключеніемъ какъ бродяга, и послѣ этого уже конечно намъ отъ него ни единаго слова не добиться, и, для нашей цѣли, взятки съ него будутъ стольже гладки, какъ еслибы онъ былъ глухъ, нѣмъ, слѣпъ и слабоуменъ.

— Но въ такомъ случаѣ, съ жаромъ заговорилъ докторъ, — я опять таки ставлю вопросъ, слѣдуетъ ли намъ считать себя связанными обѣщаніемъ, которое было дано этой дѣвушкѣ? Конечно, оно было дано подъ вліяніемъ наилучшихъ и великодушнѣйшихъ побужденій, но...

— Милая моя барышня! не трудитесь возражать, обратился м-ръ Броунлоу къ Розѣ, видя, что она собирается сказать что то, — обѣщаніе это будетъ сдержано, ручаюсь вамъ. Я не думаю, чтобы оно могло хоть сколько нибудь помѣшать намъ въ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Но, прежде чѣмъ мы придемъ къ какому нибудь окончательному рѣшенію, намъ нужно будетъ повидаться съ этой дѣвушкой и узнать отъ нея, согласна ли она указать намъ этого Монкса съ тѣмъ уговоромъ, что она будетъ имѣть дѣло съ нами, а не съ правосудіемъ, — или же, въ случаѣ она не захочетъ или не сможетъ этого сдѣлать, — добиться отъ нея такого описанія мѣстъ, гдѣ онъ всего чаще бываетъ, и его примѣтъ, по которому мы могли бы распознать его сами. Раньше воскресенья мы ее не можемъ увидѣть; сегодня же только вторникъ. Я бы предложилъ въ этотъ промежутокъ времени держаться совершенно пассивно и хранить это дѣло втайнѣ даже отъ Оливера.

Хотя м-ръ Лосбернъ и скорчилъ очень кислую гримасу на это предложеніе, обрекавшее его на бездѣйствіе въ теченіе цѣлыхъ пяти дней, однако онъ былъ вынужденъ сознаться, что ничего лучшаго въ эту минуту онъ не въ состояніи придумать. А такъ какъ м-съ Мейли и Роза очень энергически поддержали м-ра Броунлоу, то предложеніе его и было принято единогласно.

— Мнѣ бы хотѣлось, сказалъ м-ръ Броунлоу, завербовать намъ въ союзники моего друга, м-ра Гримуига. Онъ большой чудакъ, но малый очень сообразительный и могъ бы быть намъ чрезвычайно полезенъ. Я долженъ при этомъ сказать, что онъ получилъ юридическое образованіе и былъ прежде адвокатомъ, но оставилъ это званіе съ досады, потому что въ теченіе десяти лѣтъ ему было довѣрено всего только два пустяшныхъ дѣла,—на сколько впрочемъ послѣднее обстоятельство можетъ служить ему рекомендаціей,—предоставляю вамъ самимъ рѣшить.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы пригласили своего пріятеля, если только и мнѣ будетъ разрѣшено пригласить моего, отвѣчалъ докторъ.

— Мы должны пустить этотъ вопросъ на голоса, замѣтилъ м-ръ Броунлоу. — Кто вашъ пріятель?

— Сынъ вотъ этой дамы и... и другъ дѣтства этой дѣвицы, отвѣчалъ м-ръ Лосбернъ, указывая движеніемъ головы на м-съ Мейли и бросая многозначительный взглядъ на ея племянницу.

Роза вся вспыхнула, а впрочемъ не сдѣлала никакихъ возраженій противъ предложенія доктора, (быть можетъ только потому, что знала, что останется въ самомъ подавляющемъ меньшинствѣ), и такимъ образомъ м-ръ Гримуигъ и Гарри Мейли были присоединены къ комитету.

— Само собою разумѣется, объявила м-съ Мейли, мы пробудемъ въ Лондонѣ пока останется хоть малѣйшая надежда довести это дѣло до желаннаго результата. Я не пожалѣю ни хлопотъ, ни денегъ, лишь бы достигнуть той цѣли, которая всѣмъ намъ такъ близка къ сердцу. Я готова пробыть здѣсь хоть годъ, если только буду знать, что осталась малѣйшая надежда на успѣхъ.

— Очень хорошо, сказалъ м-ръ Броунлоу. Но я читаю на лицахъ окружающихъ вопросъ, какъ это такъ случилось, что я не оказался на лицо, когда отъ меня ожидали подтвержденія разсказа

Оливера, и уѣхалъ изъ Англіи. — Я попрошу не предлагать мнѣ по этому поводу никакихъ вопросовъ до тѣхъ поръ, пока я самъ не сочту умѣстнымъ предупредить ихъ разсказомъ о томъ, чѣмъ я былъ занятъ все это время. Повѣрьте мнѣ, что я обращаюсь къ вамъ съ этою просьбою не даромъ: мнѣ не хотѣлось бы возбуждать надежды, которымъ, быть можетъ, никогда не суждено осуществиться и увеличивать такимъ образомъ затрудненія и разочарованія, которыхъ и безъ того довольно. А теперь пойдемте. Намъ уже доложили, что ужинъ готовъ и, кромѣ того, юный Оливеръ, который остался одинъ въ сосѣдней комнатѣ, вѣроятно уже начинаетъ думать, что мы наскучили его обществомъ и вступили въ темный заговоръ, имѣющій цѣлью сжить его со свѣта.

Съ этими словами старый джентльменъ предложилъ руку м-съ Мейли и проводилъ ее въ столовую. М-ръ Лосбернъ, подъ руку съ Розой, послѣдовалъ за ними и совѣщаніе на этотъ разъ кончилось.

ГЛАВА XLI.

Одинъ старый знакомый Оливера проявляетъ положительно признаки геніальности и становится общественнымъ дѣятелемъ въ столицѣ.

Въ ту самую ночь, когда Ненси, напоивъ м-ра Сайкса опіумомъ, отправилась по своему добровольно взятому на себя дѣлу къ Розѣ Мейли, — къ Лондону по большой сѣверной дорогѣ приближались двѣ личности, на которыхъ будетъ умѣстно остановить въ настоящую минуту вниманіе читателей.

Личности эти были — мужчина и женщина, или, быть можетъ, лучше было бы назвать ихъ особами мужского и женскаго пола. Первый изъ нихъ принадлежалъ къ тѣмъ долговязымъ и косолапымъ фигурамъ, возрастъ которыхъ опредѣлить не легко, такъ какъ бу-

дучи мальчиками они походятъ на малорослыхъ мужчинъ, а сдѣлавшись взрослыми мужчинами, походятъ на мальчиковъ, вытянувшихся не въ мѣру ростомъ. Женщина была еще очень молода, но отличалась крѣпкимъ, коренастымъ сложеньемъ, какое и было нужно ей, чтобы выносить тяжесть громаднаго узла, взваленнаго ей на спину. Что касается ея спутника, то нельзя сказать, чтобы онъ былъ сильно обремененъ поклажей: на палкѣ, которая была перекинута у него черезъ плечо, всего на всего болталось что-то очень необъемистое, завернутое въ носовой платокъ и повидимому довольно легкое на вѣсъ. Обстоятельство это, въ связи съ его длинными ногами, давало ему возможность опередить шаговъ на шесть спутницу, къ которой онъ отъ времени до времени оборачивался съ нетерпѣливымъ движенiемъ головы, какъ бы досадуя на ея медленность и понукая ее, чтобы она поторапливалась.

Такъ подвигались они по пыльной дорогѣ, не обращая почти вниманiя на окружающiе предметы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда имъ надо было сторониться, чтобы пропустить дилижансы, катившiе по направленiю къ Лондону. Когда они достигли Гай-Этской арки, путникъ, находившiйся впереди, остановился и нетерпѣливо подозвалъ свою подругу.

— Да что ты вѣчно отстаешь? Экая ты лѣнтяйка, Шарлотта!

— Узелъ ужъ больно тяжелъ, всѣ плечи обломалъ, отвѣчала молодая женщина, подходя къ нему и вся запыхавшись.

— Тяжелъ? Что ты мнѣ разсказываешь?! Послѣ этого на что жъ ты годишься? возразилъ мужчина, перекладывая при этомъ свой собственный маленькiй узелокъ на другое плечо. — Ну вотъ, опять прохлаждаешься! Съ тобой, право, ангелъ — и тотъ потеряетъ терпѣнье!

— А еще далеко намъ идти? спросила женщина, присѣдая на скамью и отирая потъ, градомъ струившiйся у нея по лицу.

— Далеко ли! Да мы ужъ почти пришли! отвѣчалъ долговязый путникъ, указывая пальцемъ прямо передъ собою. — Гляди, вонъ это Лондонскiе фонари свѣтятся.

— До нихъ еще будетъ добрыхъ двѣ мили, уныло замѣтила женщина.

— Ну да тамъ двѣ ли мили до нихъ, или двадцать миль, а ты изволь-ка вставать и идти, отвѣчалъ Ноэ Клейполь, — потому

что это былъ онъ, — не то я тебя тумакомъ угощу; такъ ты и знай!

Красный носъ Ноэ еще больше покраснѣлъ отъ гнѣва и онъ, перешелъ черезъ дорогу, какъ бы собираясь привести свою угрозу въ исполненіе. Видя это, женщина встала безъ дальнѣйшихъ возраженій и поплелась рядомъ съ нимъ.

— Гдѣ ты думаешь остановиться на ночь, Ноэ? спросила она, послѣ того какъ они прошли нѣсколько сотенъ ярдовъ.

— А я почемъ знаю? отвѣчалъ Ноэ, характеръ котораго отъ ходьбы успѣлъ сдѣлаться раздражительнѣе обыкновеннаго.

— Надѣюсь, что гдѣ нибудь по близости, проговорила Шарлота.

— Нѣтъ, не по близости! возразилъ м-ръ Клейполь. — Такъ ты и знай, что не по близисти, и изъ головы выкинь эту мысль.

— Да почему же?

— Когда я говорю тебѣ, что намѣреваюсь сдѣлать то-то и то-то, — этого съ тебя должно быть довольно и нечего распрашивать зачѣмъ и почему, — съ достоинствомъ отвѣчалъ м-ръ Клейполь.

— Ну, ну, не сердись, проговорила его подруга.

— Нечего сказать, удивительно какъ умно было бы остановиться въ первомъ попавшемся кабакѣ въ предмѣстьяхъ, чтобы Соуэрберри, если только онъ пустился въ погоню за нами, прямо сунулъ туда свой старый носъ и вернулъ насъ назадъ въ кандалахъ! продолжалъ м-съ Клейполь насмѣшливымъ тономъ.—Нѣтъ я пойду и затеряюсь въ самыхъ тѣсныхъ переулкахъ, какіе только найду и до тѣхъ поръ не остановлюсь, пока не нападу на какой нибудь кабакъ въ самомъ глухомъ мѣстѣ, какое только можно себѣ представить. Д—да! тебѣ слѣдуетъ благодарить судьбу, что я малый съ головой! Не отправься мы въ началѣ нарочно не по той дорогѣ и не вернись мы потомъ обходомъ, — ты бы ужъ недѣлю тому назадъ, сударыня, сидѣла подъ замкóмъ, — и по дѣломъ бы тебѣ было: не будь дурой!

— Я знаю, что я не такъ умна какъ ты, отвѣчала Шарлотта.— Но не взваливай же всю отвѣтственность на меня одну и не говори, что я сидѣла бы подъ замкóмъ. Если бы я попалась, то попался бы и ты.

— Вѣдь деньги-то украла ты, возразилъ м-ръ Клейполь, — ты это очень хорошо знаешь.

*

— Но вѣдь я крала ихъ для тебя, Ноэ, голубчикъ, отвѣчала Шарлотта.

— Развѣ я хранилъ ихъ у себя? спросилъ м-ръ Клейполь.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты отдалъ мнѣ ихъ на сбереженье и довѣрилъ мнѣ нести ихъ на себѣ все время, — вѣдь ты у меня славный такой!—и говоря это она пощекотала его за подбородокъ и взяла его подъ руку.

Шарлотта говорила правду. Но, такъ какъ не въ характерѣ м-ра Клейполя было довѣряться кому бы то ни было зря, то, въ оправданіе этого джентльмена, слѣдуетъ замѣтить, что онъ выказалъ такое довѣріе Шарлоттѣ единственно съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ ихъ будутъ преслѣдовать, деньги были найдены на ней, что доставило бы ему возможность выгородить себя отъ всякаго соучастія въ воровствѣ и значительно способствовало бы ему выдти сухимъ изъ воды. Но, само собою разумѣется, онъ не счелъ нужнымъ вдаваться въ эту минуту въ объясненіе своихъ побужденій и они продолжали свой путь весьма любовно, подъ руку.

Въ исполненіе своего осторожнаго плана, м-ръ Клейполь шелъ не останавливаясь, вплоть до Айлингтона; тутъ, судя по толпѣ прохожихъ и по множеству экипажей, онъ заключилъ, что Лондонъ начинается не на шутку. Остановившись на минуту, чтобы обозрѣть, которая изъ улицъ окажется наиболѣе людной и, слѣдовательно, наименѣе для него подходящей, онъ избралъ Сентъ-Джонсъ-Родъ и вскорѣ затерялся во мракѣ грязнаго лабиринта переулковъ, которые извиваются между Грайзъ-Иннъ-Лэномъ и Смитфильдомъ, дѣлая эту мѣстность одною изъ самыхъ ужасныхъ въ Лондонѣ. Хотя она помѣщается посреди города, но улучшенія обошли ее, оставивъ не тронутою.

По этимъ-то переулкамъ пошелъ Ноэ, таща за собою Шарлотту и то спускаясь въ водосточную канаву, чтобы удобнѣе осмотрѣть внѣшность какого-нибудь маленькаго кабака, то снова продолжая путь, послѣ такъ какъ какой-нибудь воображаемый признакъ убѣждалъ его, что этотъ кабакъ недостаточно уединенъ для его цѣлей. Наконецъ онъ остановился передъ однимъ заведеніемъ этого рода, которое было меньше и грязнѣе всѣхъ попадавшихся ему до сихъ поръ. Перейдя на противуположную сторону улицы и внимательно

осмотрѣвъ оттуда этотъ кабакъ; онъ милостиво объявилъ о своемъ намѣреніи остановиться здѣсь на ночь.

— Дай-ка мнѣ теперь узелъ, обратился онъ къ Шарлоттѣ, развязывая веревки, которыми узелъ былъ прикрѣпленъ къ ея спинѣ и взваливая его себѣ на плечи. — Да смотри, не разѣвай рта безъ нужды: отвѣчай только тогда, когда тебя спрашиваютъ. Какъ называется этотъ кабакъ? Т-р-и, - три... что бишь такое?

— „Три Калѣки", подхватила Шарлотта.

— Три Калѣки! подхватилъ Ноэ, — и вывѣска хорошая. Ну такъ, смотри же, не отставай отъ меня, маршъ! — И съ этими словами онъ толкнулъ плечомъ скрыпучую дверь кабака и вошелъ въ него въ сопровожденіи своей подруги.

У прилавка никого не было, кромѣ молодого еврея, который читалъ засаленную газету. Онъ очень пристально посмотрѣлъ на Ноэ, а Ноэ такъ же пристально посмотрѣлъ на него.

Если бы Ноэ былъ одѣтъ въ свое пріютское платье, то изумленный взглядъ жида былъ бы понятенъ. Но, такъ какъ онъ распростился съ этимъ мундиромъ и облекся въ коротенькій сюртучокъ, то, повидимому, не было никакихъ причинъ, по которымъ появленіе его въ кабакѣ могло бы возбуждать особенное вниманіе.

— Это заведеніе называется „Три Калѣки"? спросилъ Ноэ.

— Да, оно самое и есть, отвѣчалъ жидъ.

— Мы пріѣзжіе изъ провинціи. Одинъ джентльменъ, котораго мы встрѣтили на дорогѣ, рекомендовалъ намъ это заведеніе, проговорилъ Ноэ, толкая локтемъ, Шарлотту, быть можетъ, съ цѣлью обратить ея вниманіе на этотъ замысловатый способъ обезпечить себѣ почтительный пріемъ, а можетъ быть и для того, чтобы предупредить ее, чтобы она не вздумала выразить удивленіе. — Намъ нужно проночевать здѣсь эту ночь.

— Что-жъ, это я думаю можно будетъ, отвѣчалъ Барней, — такъ какъ сидѣлецъ былъ никто иной какъ онъ. — Я пойду справлюсь.

— А пока вы ходите, покажите намъ комнату, да дайте намъ кусокъ холоднаго мяса, да малую толику пива, проговорилъ Ноэ.

Барней повелъ ихъ въ небольшую комнату и подалъ имъ требуемую закуску. Немного погодя онъ пришелъ сказать, что ночевать они могутъ и затѣмъ удалился, предоставивъ юной четѣ подкрѣплять свои силы закуской.

Комната, въ которую ихъ ввели, находилась какъ разъ позади прилавка и нѣсколькими ступенями ниже первой комнаты, такъ что всякій, знакомый съ расположеніемъ дома, могъ, отодвинувъ занавѣску, скрывавшую небольшое окно, продѣланное въ стѣнѣ первой комнаты, футовъ на пять отъ пола,—не только видѣть все, что дѣлалось въ задней комнатѣ, но и слышать, довольно явственно все, что въ ней говорилось;—стоило только приложить ухо къ стеклу.— При этомъ наблюдатель почти не рисковалъ быть замѣченнымъ, такъ какъ окошко приходилось въ самомъ темномъ углу комнаты и наблюдателю приходилось протиснуться между этимъ угломъ и толстою балкою, стоявшею отвѣсно. Хозяинъ кабака уже цѣлыя пять минутъ не отходилъ отъ окошка и Барней только что вернулся изъ задней комнаты, когда въ кабакъ зашелъ Фэгинъ, вышедшій изъ дому по своимъ вечернимъ дѣлишкамъ. Сюда онъ явился узнать не видали ли кого изъ его юныхъ питомцевъ.

— Тсъ! остановилъ его Барней,—вонъ въ той комнатѣ сидятъ посторонніе.

— Посторонніе? повторилъ старикъ шопотомъ.

— Да, и зашли сюда, должно быть, не спроста, отвѣчалъ Барней.—Они изъ провинціи; но голову даю на отсѣченье, что это что нибудь по вашей части.

Фэгинъ выслушалъ это сообщеніе, повидимому, съ большимъ интересомъ и, взобравшись на стулъ, осторожно приложилъ глазъ къ стеклу окошка. Съ этого тайнаго наблюдательнаго пункта онъ могъ видѣть, какъ м-ръ Клейполь уплетаетъ холодную говядину прямо съ блюда, и запиваетъ ее пивомъ прямо изъ бутылки, удѣляя лишь гомеопатическіе дозисы того и другого Шарлоттѣ, терпѣливо сидѣвшей возлѣ него.

— Эге! шепнулъ Фэгинъ, оборачиваясь къ Барнею. —Этотъ малый мнѣ нравится; онъ будетъ намъ полезенъ. Вонъ онъ какъ съумѣлъ вымунштровать дѣвку! Вы, душа моя, не шевелитесь; дайте ка мнѣ послушать, что они говорятъ.

Онъ опять приложилъ глазъ къ стеклу и, повернувъ ухо къ перегородкѣ, сталъ прислушиваться съ жаднымъ и хитрымъ выраженіемъ на лицѣ, которое было бы достойно какого-нибудь стараго гнома.

— Такъ я намѣреваюсь зажить джентльменомъ, говорилъ м-ръ

Клейполь, протягивая ноги и видимо продолжая разговоръ, начало котораго не засталъ Фэгинъ. — Будетъ мнѣ возиться съ старыми гробами, Шарлотта, — хочу жить бариномъ, а ты, если захочешь, будешь барыней.

— Хотѣть-то я хочу, голубчикъ, отвѣчала Шарлотта, — но вѣдь нельзя же каждый день опоражнивать шкатулки и потомъ утекать какъ ни въ чемъ не бывало.

— А чортъ съ ними, съ шкатулками! воскликнулъ м-ръ Клейполь. — Какъ будто кромѣ ихъ ничего больше опоражнивать нельзя.

— А то что же еще? спросила его подруга.

— Карманы, дамскіе ридикюли, дома, дилижансы, банки, — проговорилъ м-ръ Клейполь все болѣе и болѣе возбуждаясь.

— Но ты не можешь всего этого дѣлать, голубчикъ, отвѣчала Шарлотта.

— А я постараюсь вступить въ компанію съ такими, что могутъ, отвѣчалъ Ноэ. — Они пристроятъ меня къ тому или другому дѣлу. Да и ты сама наконецъ, — развѣ ты не стоишь пятидесяти другихъ женщинъ?! — Я никогда не видалъ такой хитрой и продувной твари, какою ты умѣешь быть, когда я тебѣ это позволяю.

— Господи! какъ мнѣ это отрадно отъ тебя слышать! воскликнула Шарлотта, цѣлуя его въ гадкую его рожу.

— Ну, ну, будетъ, безъ лишнихъ нѣжностей, не то я разсержусь, съ важностью проговорилъ Ноэ, освобождаясь отъ ея объятій. — Мнѣ бы всего лучше хотѣлось быть начальникомъ какой-нибудь шайки, надзирать за другими, и слѣдить за ними, такъ, чтобы они этого не знали. Это было бы дѣло какъ разъ по мнѣ, если бы только барыши хорошіе предвидѣлись. Только бы намъ напасть на джентльменовъ этого рода, — тогда нечего скупиться, хотя бы намъ пришлось отдать тотъ билетъ въ двадцать фунтовъ, что у тебя припрятанъ, — тѣмъ болѣе, что сами мы не знаемъ какъ его сбыть.

Выразивъ это мнѣніе, м-ръ Клейполь заглянулъ въ бутылку съ пивомъ съ глубокомысленнымъ видомъ мудреца и, встряхнувъ ея содержимое, снисходительно кивнулъ Шарлоттѣ головою и отпилъ, что на него, повидимому, подѣйствовало пріятно освѣжающимъ образомъ. Онъ соображалъ, не хватить ли ему еще, какъ вдругъ дверь распахнулась и на порогѣ ея появился незнакомецъ.

Незнакомецъ этотъ былъ — м-ръ Фэгинъ. Видъ у него былъ са-

мый любезный; отвѣсивъ низкій поклонъ, онъ подсѣлъ къ одному изъ свободныхъ столовъ и потребовалъ отъ улыбающагося Барнея, чтобы онъ далъ ему чего-нибудь выпить.

— Славная погода стоитъ, сэръ, хотя, по теперешнему времени года, немного холодно, заговорилъ Фэгинъ, потирая руки. — Вы, какъ я вижу, сэръ, изъ провинціи?

— А почему вы это видите? спросилъ Ноэ Клейполь.

— У насъ въ Лондонѣ не бываетъ столько пыли, отвѣчалъ жидъ, указывая на обувь Ноэ и его подруги, а затѣмъ на узлы.

— Однако, вы, я вижу, малый проницательный! проговорилъ Ноэ, — ха-ха-ха! Слышишь, Шарлотта?

— Что же дѣлать, душа моя, здѣсь въ Лондонѣ безъ проницательности не обойдешься, отвѣчалъ жидъ, понижая свой голосъ до конфиденціальнаго шопота, — это вѣрно.

И вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ жидъ ударилъ себя по носу съ боку указательнымъ пальцемъ правой руки. Ноэ попытался съ своей стороны продѣлать тотъ же жестъ, но это ему не совсѣмъ удалось, такъ его носъ оказался недостаточно длиненъ. Тѣмъ не менѣе м-ръ Фэгинъ истолковалъ повидимому эту попытку въ смыслѣ совершеннаго совпаденія мнѣнія его собесѣдника съ его собственнымъ и принялся самымъ любезнымъ образомъ подчивать его ликеромъ, который принесъ тѣмъ временемъ Барней.

— Славная это штука! замѣтилъ Клейполь, причмокивая губами.

— Дорога только, отвѣчалъ Фэгинъ. — Для того, чтобы пить ее каждый день, нужно постоянно опоражнивать шкатулки, или карманы, или дамскіе ридикюли, или дома, или почтовыя кареты, или банки.

Какъ только м-ръ Клейполь услышалъ эту цитату изъ собственной своей рѣчи, онъ откинулся на спинку своего стула и повелъ глазами отъ Фэгина къ Шарлоттѣ съ выраженіемъ смертельнаго ужаса на побѣлѣвшемъ лицѣ.

— Не пугайтесь меня, душа моя, проговорилъ жидъ, придвигая свой стулъ поближе къ Ноэ.—Ха-ха-ха! счастье, что только я слышалъ случайно вашъ разговоръ! Для васъ это большое счастье.

— Это не я опорожнилъ, проговорилъ Ноэ, уже не протягивая болѣе ноги съ видомъ независимаго джентльмена, а, напротивъ, поджимая ихъ какъ можно ближе подъ стулъ, — это все она надѣлала.

Вѣдь деньги и теперь у тебя, Шарлотта,—ты не можешь отъ этого отпереться.

— Нужды нѣтъ, у кого бы онѣ ни были, душа моя, замѣтилъ жидъ, бросая, тѣмъ не менѣе, ястребиный взглядъ на дѣвушку и на оба узла. — Я самъ состою по этой части и вы мнѣ потому-то такъ и понравились.

— По какой это части? спросилъ м-ръ Клейполь, начиная понемногу приходить въ себя.

— Да по части разныхъ дѣлишекъ, отвѣчалъ Фэгинъ,—и живущіе здѣсь то же по ней состоятъ. Вы попали какъ нельзя удачнѣе и можете считать себя здѣсь въ полнѣйшей безопасности. Въ цѣломъ Лондонѣ нѣтъ болѣе безопаснаго мѣста, какъ „Три Калѣки", т. е. пока мнѣ угодно, чтобы оно было такъ. Но вы мнѣ полюбились, такъ же какъ и эта молодая особа, а потому, я уже разъ сказалъ, вы можете быть совершенно спокойны.

Духъ Ноэ Клейполя, быть можетъ, и успокоился послѣ этого увѣренія, но тѣло его рѣшительно отказывалось успокоиться. Онъ метался, то и дѣло мѣняя свое положеніе и принимая самыя нелѣпыя позы и все время посматривалъ на новаго своего друга съ какою-то смѣсью страха и недовѣрія.

— Я скажу вамъ даже больше, продолжалъ жидъ, послѣ того какъ успокоилъ Шарлотту дружескими кивками головы и нѣсколькими ободрительными фразами, сказанными въ полголоса.—У меня есть пріятель, который, какъ мнѣ кажется, можетъ осуществить ваше завѣтное желаніе и навести васъ на тотъ путь, гдѣ вы можете для начала избрать себѣ спеціальность, которую сочтете наиболѣе сподручной для себя, а тамъ, мало по малу, изучить и всѣ остальныя.

— Вы говорите, какъ будто и впрямь дѣло выходитъ серьезное, замѣтилъ Ноэ.

— Какой же мнѣ расчетъ шутить! проговорилъ жидъ, пожимая плечами. Вотъ что: пойдемте-ка въ другую комнату. Мнѣ нужно сказать вамъ слова два наединѣ.

— Намъ незачѣмъ утруждать себя уходить, отвѣчалъ Ноэ, выпуская мало по малу снова ноги изъ подъ стула. — Она пока уберетъ наши вещи. Шарлотта! Снеси эти узлы наверхъ.

Приказаніе это, отданное очень величественнымъ тономъ, было исполнено безпрекословно и Шарлота вышла, нагруженная узлами,

въ дверь, которую отворилъ для нея Ноэ, проводившій ее глазами, чтобы удостовѣриться, что она точно ушла.

— А вѣдь не дурно она у меня вышколена, не правда ли, сэръ? спросилъ онъ, возвращаясь на свое мѣсто, съ видомъ укротителя какого-нибудь дикаго звѣря.

— Какъ нельзя лучше, душа моя, отвѣчалъ Фэгинъ, похлопывая его по плечу. — Что и говорить! вы просто геній.

— Да, полагаю, не будь я имъ, я и не попалъ бы сюда. Однако, она того и гляди вернется, намъ нечего терять времени.

— Такъ какъ же вы насчетъ моего предложенія? спросилъ жидъ. Если мой пріятель вамъ понравится, отчего бы вамъ не вступить съ нимъ въ компанію?

— А выгодное его дѣло? спросилъ Ноэ, подмигивая однимъ изъ своихъ маленькихъ глазъ.

— Онъ всему дѣлу глава: подъ нимъ состоитъ множество народа; вы встрѣтите у него цвѣтъ профессіи.

— И все это настоящіе городскіе промышленники? спросилъ м-ръ Клейполь.

— Вы не найдете между ними ни единой деревенщины. Я не думаю, чтобы онъ принялъ васъ, даже и по моей рекомендаціи, если бы не нуждался въ настоящую минуту въ рабочихъ рукахъ.

— И съ меня потребуется вотъ это? спросилъ Ноэ, ударя себя по карману.

— Безъ этого никакъ нельзя будетъ обойтись, отвѣчалъ жидъ самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Но, двадцать фунтовъ... вѣдь это большія деньги!

— Только не тогда, когда они у васъ въ билетѣ, который вы не можете сбыть, возразилъ Фэгинъ. Я полагаю, номеръ билета и число записаны и въ банкъ дано знать, чтобы по немъ не производили уплату. А? Какъ вы думаете? вѣдь ему отъ такого билета не много очистится. Придется сбывать его за границу и дадутъ за него сущіе пустяки.

— Когда я могу увидѣться съ вашимъ пріятелемъ? спросилъ Ноэ нерѣшительно.

— Завтра утромъ, отвѣчалъ жидъ.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Гм! промычалъ Ноэ. А жалованье какое?

— Жизнь совсѣмъ на джентльменскую ногу, квартира и столъ, табакъ и спиртные напитки даромъ. Кромѣ того, половина всего, что вы заработали и половина того, что заработаетъ молодая особа, отвѣчалъ м-ръ Фэгинъ.

Если бы Ноэ Клейполь, алчность котораго была недюжинныхъ размѣровъ, былъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, подлежитъ сомнѣнію, согласился ли бы онъ даже на эти блестящія условія; но, когда ему пришло на умъ что, въ случаѣ отказа, во власти новаго его пріятеля выдать его правосудію (а случались на свѣтѣ и болѣе невѣроятныя вещи) онъ сдѣлался мало по малу сговорчивѣе и наконецъ объявилъ, что условія, кажется, подходящія.

— Только, видите ли какъ, добавилъ онъ,—такъ, она будетъ въ состояніи дѣлать очень много, то мнѣ хотѣлось бы взять себѣ что-нибудь полегче.

— Нѣчто, такъ сказать, въ родѣ дамскихъ рукодѣлій? подсказалъ жидъ.

— Да, что-нибудь въ этомъ родѣ, отвѣчалъ Ноэ. — Какъ вы думаете, какая работа была бы по мнѣ? Нужно, чтобы она была не слишкомъ утомительна, знаете, и не очень опасна. Тогда она какъ разъ мнѣ подойдетъ.

— Я слышалъ, душа моя, вы говорили что-то такое насчетъ подсматриванья за другими? сказалъ жидъ.—Мой пріятель очень бы нуждался въ человѣкѣ, который умѣлъ бы это дѣлать хорошо.

— Да, я упоминалъ объ этомъ и, пожалуй, не прочь буду иной разъ позаняться такимъ дѣломъ, отвѣчалъ м-ръ Клейполь, не торопясь, — но оно, вы знаете, само собою доходовъ не дастъ.

— Это вѣрно, отвѣчалъ жидъ, раздумывая или дѣлая видъ, что раздумываетъ. Само собою оно доходовъ, пожалуй, и не дастъ.

— Такъ какъ же вы думаете? спросилъ Ноэ, глядя на него съ безпокойствомъ. — Нельзя ли что нибудь такое, при чемъ требовалось бы дѣйствовать ползкомъ и украдкой; — чтобы дѣло было вѣрное и чтобы я при немъ подвергался не большему риску, какъ сидя у себя дома?

— Что вы скажете насчетъ старыхъ барынь? спросилъ жидъ. — Иные хорошія деньги заработываютъ, вырывая у нихъ изъ рукъ ри-

дикюли и покупки и за тѣмъ убѣгая въ первую попавшуюся боковую улицу.

— Не вопятъ ли онѣ при этомъ слишкомъ громко, и не вцѣпляются ли иногда въ глаза? проговорилъ Ноэ, покачивая головою. — Не думаю, чтобы это дѣло было по мнѣ. Нѣтъ ли у васъ чего нибудь другого?

— Стойте! воскликнулъ жидъ, ударяя Ноэ по колѣну.—Я нашелъ для васъ дѣло: *kinchin lay!*

— Что это такое? спросилъ м-ръ Клейполь.

— *Kinchin*, душа моя, это значитъ маленькія дѣти, которыхъ матери посылаютъ за покупками съ шестипенсовой монетой или съ шиллингомъ; — *lay* означаетъ слѣдующую штуку: вы отнимаете у нихъ монету—они всегда держатъ ее на готовѣ въ рукѣ—и, столкнувъ ихъ въ канаву, идете себѣ своей дорогой тихимъ шагомъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось: просто молъ ребенокъ упалъ и ушибся. Ха, ха, ха!

— Ха, ха! загоготалъ м-ръ Клейполь, вскидывая даже ногами отъ восторга. — Это вотъ будетъ по мнѣ!

— Я и самъ такъ думаю, отвѣчалъ Фэгинъ. — Можно будетъ отвести вамъ два, три хорошихъ района, близъ Кэмденъ-Тауна, Батль-Бриджа, или другой какой нибудь мѣстности этого рода. Тамъ ихъ масса всегда шныряетъ за покупками и вы можете посбивать съ ногъ сколько угодно ребятъ въ день. Ха-ха-ха!

При этомъ м-ръ Фэгинъ ткнулъ м-ра Клейполя въ бокъ и оба они залились громкимъ и продолжительнымъ смѣхомъ.

— И такъ, дѣло улажено! проговорилъ Ноэ, поуспокоившись немного, когда Шарлотта вернулась сверху. — Въ которомъ только часу мы назначимъ завтра свиданье?

— Вамъ удобно будетъ въ десять часовъ? спросилъ Фэгинъ и, когда Ноэ утвердительно кивнулъ ему головою, добавилъ. — Какъ же мнѣ отрекомендовать васъ моему пріятелю?

— Мое имя — м-ръ Больтеръ, отвѣчалъ Ноэ, успѣвшій заблаговременно приготовиться къ подобному вопросу. — М-ръ Морисъ Больтеръ. А это м-съ Больтеръ.

— Честь имѣю свидѣтельствовать м-съ Больтеръ свое почтеніе, проговорилъ Фэгинъ, раскланиваясь съ комичной любезностью. — Надѣюсь, что въ скоромъ времени мы поближе познакомимся.

— Слышишь, что тебѣ говоритъ этотъ джентльменъ, Шарлотта! грозно крикнулъ м-ръ Клейполь.

— Слышу, голубчикъ Ноэ, слышу! отвѣчала Шарлотта, протягивая руку.

— Это она меня Ноэ называетъ, въ видѣ ласкательнаго имени, пояснилъ м-ръ Больтеръ, урожденный Клейполь, обращаясь къ жиду. — Вы понимаете?

— О да, понимаю, какъ нельзя лучше! сказалъ Фэгинъ на этотъ разъ сущую правду. — Покойной ночи, покойной ночи!

И разсыпаясь въ прощальныхъ привѣтствіяхъ и любезныхъ пожеланіяхъ, м-ръ Фэгинъ удалился, а Ноэ Клейполь, пригласивъ свою подругу слушать его внимательно, принялся объяснять ей сущность заключеннаго условія, со всею высокомѣрною важностью, подабающею не только представителю сильнѣйшаго пола, но и джентльмену, удостоившемуся назначенія на такой постъ, какъ Kinchin lay въ Лондонѣ и его окрестностяхъ.

ГЛАВА XLII.

Въ которой разсказано какъ искусный лукавецъ попалъ въ бѣду.

— Такъ это вы были вашъ собственный пріятель? спросилъ м-ръ Клейполь, онъ же и Больтеръ, когда, въ силу заключеннаго между ними условія, онъ на слѣдующій день переѣхалъ въ жилище жида. — Ну, да я еще вчера объ этомъ догадывался.

— Каждый человѣкъ свой собственный пріятель, душа моя, отвѣчалъ жидъ съ самой вкрадчивой улыбкой. — Лучшаго друга ни у кого не бываетъ.

— Ну, это-то, положимъ не всегда, возразилъ Моррисъ Больтеръ, принимая видъ человѣка бывалаго. — Иные люди, вы знаете, сами себѣ бываютъ худшими врагами.

— Этому вы не вѣрьте, отвѣчалъ жидъ.—Если человѣкъ самъ себѣ врагъ, то это только потому, что онъ уже слишкомъ себѣ другъ, а вовсе не потому, чтобы онъ заботился обо всѣхъ, кромѣ самого себя. Ни — и! Этакихъ вещей въ природѣ не бываетъ.

— Не должно бы, по крайней мѣрѣ, бывать, замѣтилъ м-ръ Больтеръ.

— Насчетъ этого не всѣ согласны, отвѣчалъ жидъ. — Иные признаютъ магическимъ числомъ — число три, другіе — семь. Но это неправда, дружище. Магическое число — не три, и не семь, — а одинъ!

— Ха, ха! воскликнулъ м-ръ Больтеръ. — Да здравствуетъ число одинъ!

— Въ такой маленькой общинѣ, какъ наша, душа моя, сказалъ Фэгинъ, считая необходимымъ присовокупить къ своему положенію оговорку, — мы признаемъ общее число одинъ; это значитъ, что вы не можете смотрѣть на себя, какъ на номеръ первый, не смотря, въ тоже время, какъ на таковой и на меня, и на всѣхъ остальныхъ нашихъ ребятъ.

— О, чортъ возьми! воскликнулъ Больтеръ.

— Мы, видите ли, продолжалъ жидъ, дѣлая видъ, что не замѣтилъ этого восклицанія, — такъ переплетены между собою и наши интересы такъ связаны, что оно иначе и быть не можетъ. Положимъ, напримѣръ, что ваша цѣль заботиться о номерѣ первомъ,—разумѣя подъ этимъ васъ самихъ...

— Конечно! поспѣшилъ согласитьси м-ръ Больтеръ, — это вы вѣрно угадали.

— Прекрасно; но вы не можете какъ слѣдуетъ заботиться о себѣ самомъ,—номерѣ первомъ—не заботясь, въ тоже время и обо мнѣ, — номерѣ первомъ...

— Т. е. вы хотите сказать, номерѣ второмъ, поправилъ его м-ръ Больтеръ, котораго природа наградила очень щедро себялюбіемъ.

— Нѣтъ, я отнюдь этого не хочу сказать, возразилъ Фэгинъ. — Я для васъ представляю такую же важность, какъ и вы сами для себя.

— Знаете ли что, перебилъ его м-ръ Больтеръ, вы очень хорошій человѣкъ и очень мнѣ нравитесь, но все же наша дружба еще до этого не дошла.

— Вы только подумайте, проговорилъ жидъ, пожимая плечами, — вы сдѣлали отличную штуку и я васъ за то и полюбилъ, что вы ее сдѣлали. Но, тѣмъ не менѣе, эта штука можетъ украсить вашу шею галстухомъ, который завязать очень легко, а развязать очень трудно—по просту говоря, она можетъ довести васъ до висѣлицы.

М-ръ Больтеръ схватился за свой галстухъ, какъ будто онъ нестерпимо жалъ ему горло, и пробормоталъ утвердительный отвѣтъ, двусмысленный по тону, но не по сущности.

— Висѣлица, продолжалъ Фэгинъ, —висѣлица, душа моя, очень скверный столбъ, который указываетъ на очень крутой и быстрый поворотъ; на этомъ поворотѣ обрывалась дорога не одного удалаго молодца. Не сбиваться съ безопасной дороги и держаться подальше отъ сквернаго столба—для васъ — цѣль номеръ первый.

— Безспорно, отвѣчалъ м-ръ Больтеръ. — Я не понимаю, къ чему вы говорите о такихъ вещахъ.

— А къ тому, чтобы хорошенько выяснить вамъ свою мысль, отвѣчалъ Фэгинъ, приподнимая брови. — Въ достиженіи этой цѣли вы зависите отъ меня, въ успѣшномъ веденіи моей маленькой коммерціи я завишу отъ васъ. Первое — номеръ первый для васъ, второе— номеръ первый для меня. Чѣмъ больше вы дорожите своимъ номеромъ первымъ, тѣмъ болѣе вы должны заботиться о моемъ номерѣ первомъ; и такимъ-то образомъ мы пришли къ тому, что я вамъ сказалъ въ началѣ нашего разговора, именно, что уваженіе къ числу одинъ служитъ связью между всѣми нами, и что оно такъ и должно быть, если мы не хотимъ всѣ вмѣстѣ разбиться въ дребезги.

— Это правда, проговорилъ м-ръ Больтеръ задумчиво. — Ахъ вы, хитрая старая бестія!

М-ръ Фэгинъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что эта дань его дарованіямъ не простой комплиментъ и что новобранецъ его дѣйствительно проникся сознаніемъ геніальной его хитрости, а этого было чрезвычайно важно добиться при самомъ началѣ ихъ знакомства. Чтобы еще усилить столь желательное и полезное впечатлѣніе, онъ вслѣдъ за нанесеннымъ уже ударомъ, сообщилъ ему нѣкоторыя подробности касательно обширности и грандіозности производимыхъ имъ операцій. При этомъ онъ перемѣшивалъ истину съ вымысломъ, смотря по тому, что требовалось для его цѣли и пользуясь поочередно тою и другою съ такимъ искуствомъ, что уваженіе м-ра

Больтера видимо возрастало и сливалось съ благодѣтельнымъ страхомъ, который въ высшей степени желательно было въ немъ возбудить.

— Это-то взаимное довѣріе, которое мы питаемъ другъ къ другу, и утѣшаетъ меня при тяжкихъ потеряхъ, проговорилъ жидъ. — Вотъ, не далѣе какъ вчера утромъ я лишился лучшаго своего работника.

— Неужели онъ умеръ?! воскликнулъ Больтеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, до этого еще не дошло, отвѣчалъ Фэгинъ, — дѣло обстоитъ еще не такъ плохо.

— Такъ значитъ онъ...

— Понадобился, подсказалъ Фэгинъ. — Да, онъ понадобился.

— По очень важному дѣлу? спросилъ м-ръ Больтеръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ жидъ, — не особенно важному. Его обвинили въ покушеніи на карманное воровство и при немъ нашли серебряную табакерку, — его собственную, душа моя, его собственную, потому что онъ нюхаетъ табакъ, и очень даже любитъ его. Его задержали до нынѣшняго дня, потому что имъ вообразилось, что они знаютъ хозяина табакерки. Ахъ! этотъ малый стоитъ пятидесяти табакерокъ и я бы охотно ихъ отдалъ, лишь бы мнѣ его вернули. Кабы вы знали, душа моя, бѣднаго лукавца!.. жаль что вы его не знали!

— Но я еще, надѣюсь, узнаю его, какъ вы на этотъ счетъ полагаете? спросилъ м-ръ Больтеръ.

— Я и самъ не знаю, вздохнулъ м-ръ Фэгинъ. — Если они не достанутъ новыхъ уликъ противъ него, онъ отдѣлается краткосрочнымъ заключеніемъ и недѣль черезъ шесть вернется къ намъ. Но если найдутся улики, тогда дѣло затянется въ долгую. Они знаютъ, что онъ за ловкій парень, быть ему пожизненнымъ! Ни къ чему меньшему они его не присудятъ.

— Что это значитъ „въ долгую“ и „быть пожизненнымъ“? спросилъ м-ръ Больтеръ. — Зачѣмъ вы говорите этими словами со мной? Развѣ вы не можете выражаться такъ, чтобы я васъ понималъ?

Фэгинъ собрался было перевести эти таинственныя слова на обыкновенный языкъ и, если бы онъ успѣлъ это сдѣлать, то м-ръ Больтеръ узналъ бы, что они означаютъ пожизненную каторгу, —

но въ эту минуту разговоръ былъ прерванъ появленіемъ м-ра Бэтса, который вошелъ, засунувъ руки въ карманы своихъ панталонъ и скорчилъ полупечальную, полуплутовскую гримасу.

— Все кончено, Фэгинъ, проговорилъ онъ, послѣ того какъ его познакомили съ новымъ его товарищемъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ жидъ — и губы его при этомъ задрожали.

— Нашли джентльмена, которому принадлежитъ табакерка, — явились еще два, три свидѣтеля. подтвердившіе его личность и лукавецъ получитъ билетъ на безплатный проѣздъ за океанъ, отвѣчалъ м-ръ Бэтсъ. — Надо мнѣ заказать полный траурный комплектъ, Фэгинъ, и повязать крепъ на шляпу къ тому дню, когда я отправлюсь къ нему съ прощальнымъ визитомъ. Какъ подумаешь только, что Джэкъ Даукинсъ, лукавецъ, искусный лукавецъ — отправится въ дальнее путешествіе изъ-за плюгавой табакерки! Я никогда не ожидалъ, чтобы онъ попался за меньшее, чѣмъ за золотые часы, съ цѣпочкой и печатью, — и это по самой низкой оцѣнкѣ. О, зачѣмъ онъ не обокралъ всѣ деньги у какого нибудь богатаго старика, — тогда онъ отправился бы, по крайней мѣрѣ, съ честью, какъ подобаетъ джентльмену, а не простымъ воришкой, безъ чести и безъ славы!

Изливъ такимъ образомъ свое сочувствіе къ несчастью друга, м-ръ Бэтсъ опустился на ближайшій стулъ съ видомъ глубокаго унынія.

— Что ты тамъ толкуешь, что онъ уѣзжаетъ безъ чести и безъ славы? воскликнулъ Фэгинъ, бросая гнѣвный взглядъ на своего питомца. — Развѣ онъ не былъ всегда первымъ человѣкомъ среди васъ, развѣ есть между вами хоть одинъ, который могъ бы сравняться съ нимъ?

— Ни одного нѣтъ, отвѣчалъ м-ръ Бэтсъ, голосомъ, нѣсколько сиплымъ отъ горя, — какъ есть ни одного!

— Такъ чтожъ ты толкуешь? сердито продолжалъ жидъ. — Изъ-за чего ты причитаешь?

— А изъ-за того, что ни о чемъ этомъ нѣтъ и помину въ обвиненіи, воскликнулъ Чарлей, которому горе придало рѣшимость на энергическій отпоръ почтенному старцу — изъ-за того, что это не можетъ быть упомянуто въ приговорѣ, изъ-за того, что никто ни-

когда не узнаетъ и половины того, что онъ натворилъ! Подъ какой рубрикой будетъ онъ стоять въ Нью-гэтскомъ календарѣ? Быть можетъ, онъ и совсѣмъ туда не попадетъ! О, Боже мой, Боже мой, какой это ударъ!

— Ха-ха-ха! воскликнулъ жидъ, протягивая руку въ сторону Чарлея и обращаясь къ м-ру Больтеру въ припадкѣ сумасшедшаго смѣха,—посмотрите, душа моя, какъ они гордятся своей профессіей. Развѣ это не трогательно!

М-ръ Больтеръ кивнулъ головою въ знакъ согласія и Фэгинъ, полюбовавшись нѣсколько минутъ на горесть Чарлея Бэтса, съ видимымъ наслажденіемъ, подошелъ къ нему и потрепалъ его по плечу.

— Ну, полно, Чарли, проговорилъ онъ успокаивающимъ голосомъ, — все это выйдетъ наружу, навѣрное выйдетъ. Всѣ узнаютъ, что онъ за ловкій былъ малый, онъ самъ это съумѣетъ показать и не осрамитъ своихъ старыхъ товарищей и учителей. Подумай, такъ же, какъ онъ еще молодъ. Развѣ мало чести, Чарли, въ его годы попасть въ пожизненные?

— Честь-то оно честь! проговорилъ Чарлей, нѣсколько утѣшенный.

— И ручаюсь тебѣ, онъ ни въ чемъ не будетъ нуждаться, продолжалъ жидъ.—Въ тюрьмѣ онъ будетъ жить, Чарли, настоящимъ джентльменомъ, будетъ у него пиво каждый день, и карманныя деньги,—пускай хоть фокусы съ ними продѣлываетъ, если не можетъ ихъ тратить.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, все это у него будетъ?! воскликнулъ Чарлей Бэтсъ.

— Я же тебѣ говорю, что да, отвѣчалъ жидъ.—И мы достанемъ ему, Чарли, первѣйшаго адвоката, самого что ни на есть лучшаго говоруна,—чтобы вести его защиту, и онъ самъ скажетъ рѣчь, если пожелаетъ, и мы прочтемъ все это въ газетахъ: — „Искусный лукавецъ“... „Громкій смѣхъ и восклицанія“... „На этомъ мѣстѣ вся зала разразилась хохотомъ“... А, Чарли? Каково?!

— Ха-ха! засмѣялся м-ръ Бэтсъ.—Вотъ-то бы потѣха была, не правда ли, Фэгинъ? И ужъ какъ же бы лукавецъ донялъ ихъ!

— Да говорятъ же тебѣ, что оно такъ и будетъ! воскликнулъ жидъ.

— Да, да, будетъ! повторилъ Чарлей, потирая руки.

— Я словно теперь его передъ собой вижу! воскликнулъ жидъ, глядя на своего питомца.

— И я тоже, воскликнулъ Чарлей,—ха-ха-ха! и я тоже! Точно все это въ очію передо мной происходитъ,—право, Фэгинъ. Какая потѣха, что за чудесная потѣха! Всѣ эти судейскіе парики стараются смотрѣть какъ можно торжественнѣе, а Джекъ Даукинсъ обращается къ нимъ за-просто и такъ развязно, точно онъ родной сынъ судьи и говоритъ маленькій спичъ послѣ обѣда. Ха-ха-ха!

Жидъ такъ умѣлъ поддѣлаться подъ эксентрическій характеръ своего юнаго друга, что м-ръ Бэтсъ, который въ началѣ былъ расположенъ смотрѣть на арестованнаго лукавца какъ на жертву, теперь уже смотрѣлъ на него, какъ на главнаго актера въ пьесѣ самаго восхитительнаго юмористическаго содержанія и не могъ дождаться той поры, когда бывшій его товарищъ получитъ такую завидную возможность выказать свои таланты въ полномъ блескѣ.

— Намъ однако надо поразузнать, какъ онъ поживаетъ, проговорилъ жидъ. — Только какъ бы это сдѣлать? — Дайте мнѣ подумать.

— Не пойти ли мнѣ? спросилъ Чарлей.

— Ни за что! воскликнулъ жидъ. — Съ ума ты сошелъ, душа моя? Это чистѣйшее сумасшествіе идти въ то самое мѣсто, гдѣ... Нѣтъ, Чарли, нѣтъ, довольно, что и одного у насъ взяли.

— Такъ не сами же вы пойдете? спросилъ Чарлей, съ насмѣшливой искоркой въ глазахъ.

— Это тоже не совсѣмъ подходящее дѣло, отвѣчалъ Фэгинъ, качая головою.

— Коли такъ, отчего бы вамъ не послать вотъ этого новичка? спросилъ мистеръ Бэтсъ, кладя руку на руку Ноэ. — Его никто не знаетъ.

— Пожалуй, если онъ ничего противъ этого не имѣетъ, отвѣчалъ жидъ.

— Ничего противъ этого не имѣетъ! повторилъ Чарлей. — Да какіе же у него резоны могутъ быть, чтобъ не идти?

— Я то же этого не вижу, душа моя, отвѣчалъ Фэгинъ, оборачиваясь къ м-ру Больтеру. — Какъ есть ни какихъ резоновъ нѣтъ.

— Ну, объ этомъ то еще меня надо прежде спросить, замѣтилъ Ноэ, пятясь къ двери и качая головою въ какой-то сдержанной

тревогѣ. Нѣтъ, нѣтъ, слуга покорный! это не по моей спеціальности, со всѣмъ не по моей спеціальности.

— А какая его спеціальность, Фэгинъ? спросилъ м-ръ Бэтсъ, осматривая съ отвращеніемъ долговязую фигуру Ноэ. — Удирать, когда что-нибудь не ладно и жрать, когда все обстоитъ благополучно. Такъ, что ли?

— Ну, да какая бы она тамъ ни была, возразилъ м-ръ Больтеръ,—а вы, юноша, вольностей со старшими себѣ не позволяйте, не то я вамъ покажу, что не на того напали.

М-ръ Бэтсъ разразился такимъ неистовымъ хохотомъ въ отвѣтъ на эту величественную угрозу, что прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ Фэгинъ могъ вставить свое слово. Онъ принялся доказывать м-ру Больтеру, что онъ, отправляясь въ полицейское бюро, ни какой опасности не подвергается; что, такъ какъ до сихъ поръ въ Лондонъ не было прислано никакого заявленія о томъ маленькомъ дѣлѣ, въ которое онъ замѣшанъ, никакого описанія его примѣтъ,—то по всѣмъ вѣроятіямъ никто и не подозрѣваетъ, что онъ скрывается здѣсь; что наконецъ, переодѣвшись какъ слѣдуетъ онъ можетъ такъ же смѣло идти въ полицейское бюро, какъ и въ любое другое мѣсто въ Лондонѣ, такъ какъ никому въ голову не придетъ, чтобы онъ могъ именно туда попасть по доброй своей волѣ.

Поддаваясь, отчасти, этимъ убѣжденіямъ, но еще болѣе, страху, который внушалъ ему жидъ, м-ръ Больтеръ наконецъ согласился, хотя и весьма неохотно, предпринять эту экспедицію. По указаніямъ м-ра Фэгина онъ замѣнилъ свою собственную одежду извощичьимъ кафтаномъ, плисовыми шароварами и кожаными штиблетами (всѣ сказанныя принадлежности оказались у жида подъ рукой). Его снабдили такъ же войлочной шляпой, утыканной билетами для пропуска черезъ заставы, и кнутомъ. Въ этомъ видѣ онъ долженъ былъ пробраться въ бюро въ качествѣ пріѣзжаго изъ деревни, зашедшаго сюда прямо съ Ковентъ-Гарденскаго рынка просто изъ любопытства; а такъ какъ онъ былъ въ достаточной мѣрѣ неловокъ и неуклюжъ, то м-ръ Фэгинъ не сомнѣвался, что онъ разыграетъ свою роль въ совершенствѣ.

Когда всѣ приготовленія были кончены, ему сообщили тѣ примѣты, по которымъ онъ можетъ узнать искуснаго лукавца и м-ръ Бэтсъ проводилъ его темными и извилистыми обходами почти вплоть до улицы Боу-стритъ. Описавъ ему самое зданіе бюро и снабдивъ

его подробными инструкціями о томъ, какъ ему слѣдуетъ идти все прямо, потомъ войдя во дворъ, повернуть въ дверь направо, подняться по лѣстницѣ и, входя въ залу засѣданія, снять шляпу, — м-ръ Бэтсъ отпустилъ его, а самъ обѣщался подождать его на томъ же мѣстѣ, гдѣ они разстались.

Ноэ Клейполь, или Моррисъ Больтеръ — смоpя потому, какъ читателю угодно будетъ называть его, въ точности послѣдовалъ даннымъ ему указаніямъ. Благодаря тому обстоятельству, что мѣстность эта была хорошо знакома м-ру Бэтсу, — указанія эти были на столько обстоятельны, что онъ добрался до самой залы засѣданій, ни къ кому не обратившись съ вопросомъ и не наткнувшись ни на одно препятствіе. Онъ очутился среди толпы, состоявшей преимущественно изъ женщинъ, которыя тѣснились въ грязной комнатѣ; на одномъ концѣ этой комнаты возвышалась платформа, отдѣленная отъ остального помѣщенія рѣшеткой. Слѣва на этой платформѣ, у стѣны, помѣщалась скамья для арестантовъ, по срединѣ — ложа для свидѣтелей, а направо — столъ для слѣдственныхъ судей. Послѣдній былъ отдѣленъ перегородкой, которая скрывала его отъ толпы и предоставляла публикѣ воспроизводить въ своемъ воображеніи (если она только сможетъ это) все величіе отправленій правосудія.

На скамьѣ для арестантовъ сидѣли только какія-то двѣ женщины, которыя киваали головами своимъ поклонникамъ въ толпѣ, пока клеркъ читалъ какое-то показаніе двумъ полицейскимъ и одному бѣдно одѣтому человѣку, наклонившемуся черезъ столъ. Прислонясь къ рѣшоткѣ, которая отдѣляла скамью подсудимыхъ, стоялъ тюремщикъ и со скучающимъ видомъ ударялъ себя по носу большимъ ключомъ; отъ времени до времени онъ подавлялъ неподобающія поползновенія къ разговорамъ между праздными зрителями, приглашая ихъ хранить молчаніе; когда торжественность отправленій правосудія нарушалась крикомъ какого-нибудь тощаго младенца, полузаглушаемымъ материнской шалью, онъ строго оглядывался на провинившуюся женщину и приказывалъ ей „унести этого ребенка“. Воздухъ въ комнатѣ былъ спертый, краска на стѣнахъ исчезала подъ слоемъ грязи, потолокъ былъ черенъ отъ копоти. На каминѣ стоялъ какой-то старый, потемнѣвшій бюстъ, а надъ скамьею для подсудимыхъ висѣли запыленные стѣнные часы, — единственный предметъ, казалось, который шелъ, какъ слѣдуетъ, потому что развратъ, бѣдность, или же

привычное общеніе съ тѣмъ и другою наложили свое клеймо на всѣ одушевленные предметы, находившіеся въ этой комнатѣ, клеймо, столь же непригляднoe, какъ и грязь и копоть, покрывавшія сплошною массою неодушевленные предметы.

Ноэ искалъ глазами лукавца, но хотя въ комнатѣ было нѣсколько женщинъ, которыя годились бы какъ нельзя лучше въ матери или сестры этой замѣчательной личности, а также нѣсколько мужчинъ, въ которыхъ можно было предположить большое сходство съ его отцомъ,— не было, однако, ни одного лица, которое соотвѣтствовало бы примѣтамъ самого м-ра Даукинса. Ноэ, въ большомъ страхѣ и нерѣшимости, прождалъ, пока кончилось разбирательство дѣла двухъ женщинъ, которыхъ рѣшено было предать суду; когда женщины вертлявою походкою удалились изъ залы, у Ноэ вдругъ отлегло отъ сердца: на мѣсто ихъ явился новый арестантъ и онъ съ перваго же взгляда распозналъ въ немъ того, кого искалъ.

То былъ дѣйствительно м-ръ Даукинсъ. Онъ ввалился въ залу съ отвороченными, по обыкновенію, широкими рукавами сюртука, засунувъ лѣвую руку въ карманъ, а въ правой держа шляпу. Онъ шелъ впереди тюремнаго сторожа какой-то переваливающейся походкой, описать которую положительно нельзя словами и, занявъ свое мѣсто на скамьѣ, громкимъ голосомъ изъявилъ желаніе узнать, за что онъ поставленъ въ столь позорное положеніе.

— Замолчите вы! осадилъ его сторожъ.

— Я англичанинъ. Скажите, англичанинъ я, или нѣтъ? возразилъ лукавецъ.—Гдѣ же послѣ этого мои привиллегіи?

— А вотъ вамъ скоро покажутъ привиллегіи, отвѣчалъ сторожъ. — Не безпокойтесь.

— Мы еще посмотримъ, что скажетъ статсъ-секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ на эти штуки судейскихъ крючковъ, возразилъ м-ръ Даукинсъ.—Ну-съ, начинайте же разбирательство! я бы очень былъ благодаренъ господамъ судьямъ, если бы они соблаговолили поскорѣе кончить это глупое дѣло и не заставляли меня дожидаться, пока они тамъ читаютъ какую-то бумагу. У меня условлено свиданье съ однимъ джентльменомъ изъ Сити, а такъ какъ я всегда держу свое слово и человѣкъ очень акуратный въ дѣловыхъ сношеніяхъ, то онъ уйдетъ, если я не явлюсь въ назначенный часъ,

и тогда можетъ статься, будетъ вчиненъ искъ о проторяхъ и убыткахъ противъ тѣхъ, кто задержали меня.

Послѣ этой остроты лукавецъ, дѣлая видъ, что желаетъ войти во всѣ подробности, въ виду дѣла, могущаго возникнуть впослѣдствіи, обратился къ тюремному сторожу съ вопросомъ о томъ, какъ зовутъ вонъ тѣхъ двухъ старыхъ лисицъ, что сидятъ на судейскихъ мѣстахъ,—вопросомъ, до того разсмѣшившимъ зрителей, что они захохотали почти также громко, какъ расхохотался бы самъ м-ръ Бэтсъ, если бы былъ тутъ.

— Молчать! крикнулъ сторожъ.

— По какому дѣлу приведенъ этотъ арестантъ? спросилъ одинъ изъ судей.

— По дѣлу о карманномъ воровствѣ, ваша милость.

— Бывалъ этотъ мальчикъ здѣсь прежде?

— Должно быть не разъ бывалъ, отвѣчалъ сторожъ.—Онъ, кажется, во всѣхъ мѣстахъ этого рода успѣлъ перебывать. Я, по крайней мѣрѣ, знаю его очень хорошо, ваша милость.

— Вотъ какъ! Вы меня знаете? воскликнулъ лукавецъ, дѣлая видъ, что принимаетъ къ свѣдѣнію это показаніе. — Отлично! Изъ этого, во всякомъ случаѣ, можетъ возникнуть дѣло о распространеніи оскорбительныхъ слуховъ.

Тутъ послѣдовалъ новый взрывъ хохота со стороны публики и новый окрикъ со стороны сторожа.

— Гдѣ же свидѣтели? спросилъ секретарь суда.

— Ахъ да, въ самомъ дѣлѣ, повторилъ и съ своей стороны лукавецъ,—гдѣ они? Мнѣ бы крайне любопытно было ихъ посмотрѣть.

Это желаніе было немедленно удовлетворено. Первымъ свидѣтелемъ выступилъ полисменъ, видѣвшій, какъ арестантъ покусился опорожнить карманъ одного неизвѣстнаго джентльмена въ толпѣ и, даже успѣлъ вытащить оттуда носовой платокъ, но, замѣтивъ, что платокъ старенькій, положилъ его съ осторожностью обратно въ карманъ, предварительно отерѣвъ имъ, впрочемъ, свою собственную физіономію. За эту-то продѣлку полицейскій заарестовалъ лукавца, какъ только могъ до него протолкаться,—а при обыскѣ на лукавцѣ была найдена серебряная табакерка, съ именемъ владѣльца, вырѣзаннымъ на ея крышкѣ. Этотъ владѣлецъ былъ розысканъ при помощи судебнаго указателя и, вызванный теперь въ качествѣ свидѣ-

теля, показалъ подъ присягой, что табакерка его и что онъ замѣтилъ ея пропажу наканунѣ, какъ разъ послѣ того, какъ ему удалось выбраться изъ толпы, о которой было упомянуто выше. Онъ показалъ также, что видѣлъ юнаго джентльмена, съ особенною суетливостью прокладывавшаго себѣ дорогу черезъ толпу, и призналъ въ арестантѣ этого самого юнаго джентльмена.

— Имѣете ли вы что нибудь возразить на показанія этого свидѣтеля, молодой человѣкъ? спросилъ слѣдователь.

— Я не хочу унижаться, снисходя до разговоровъ съ нимъ, отвѣчалъ лукавецъ.

— Имѣете ли вы вообще что нибудь сказать?

— Слышите, его милость спрашиваетъ васъ, имѣете ли вы что нибудь сказать? повторилъ сторожъ, подтолкнувъ локтемъ безмолвствующаго лукавца.

— А? что такое? проговорилъ лукавецъ, оглядываясь съ такимъ видомъ, какъ будто мысли его передъ этимъ были гдѣ-то далеко. —Вы, кажется, мнѣ что-то сказали, почтеннѣйшій?

— Въ жизнь свою я не видалъ этакого отчаяннаго молокососа, ваша милость, замѣтилъ тюремщикъ, осклабляясь. — Васъ спрашиваютъ, юная лиса, намѣрены вы отвѣчать или нѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ лукавецъ, — здѣсь я говорить не буду, — здѣсь не судъ. Къ тому же мой адвокатъ въ настоящую минуту завтракаетъ съ вице-президентомъ палаты общинъ; но я буду имѣть многое сказать въ другомъ мѣстѣ, и адвокатъ мой тоже, не говоря уже о многочисленномъ и въ высшей степени респектэбельномъ кругѣ моихъ знакомыхъ, Да, эти крючки услышатъ нѣчто такое, что заставитъ ихъ пожалѣть, что они на свѣтъ родились, или что ихъ лакей не удавилъ ихъ на вѣшалкѣ въ собственной ихъ передней, прежде чѣмъ они вышли изъ дому и явились сюда продѣлывать свои штуки надо мною!.. я...

— Кончено, его рѣшено предать суду, вмѣшался секретарь. — Уведите его.

— Пойдемте! проговорилъ сторожъ.

— Ладно, ладно, я пойду, отвѣчалъ лукавецъ, чистя рукою свою шляпу. — И затѣмъ, обращаясь къ слѣдователямъ, продолжалъ: — Нечего, нечего смотрѣть теперь такими испуганными лицами! Я васъ не пощажу, ни капельки не пощажу! Вы у меня попло-

титесь, голубчики! Я теперь ни за что не соглашусь вернуться на свободу, хоть бы вы меня на колѣняхъ объ этомъ просили. Эй вы, ведите меня въ тюрьму, ведите же!

И съ этими словами лукавецъ дозволилъ увести себя за шиворотъ, грозясь, все время пока они шли по залѣ, довести это дѣло до парламента. Очутившись на дворѣ онъ глянулъ въ лицо сторожу и осклабился игривой и самодовольной улыбкой.

Прослѣдивъ за нимъ издали, пока его не заперли въ небольшую коморку, Ноэ пустился въ обратный путь къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ м-ра Бэтса. Здѣсь ему пришлось прождать нѣсколько минутъ упомянутаго джентльмена, который весьма благоразумно не показывался до тѣхъ поръ, пока не убѣдился изъ своего укромнаго убѣжища, что за новымъ его пріятелемъ никто не слѣдитъ.

Затѣмъ оба они поспѣшили къ м-ру Фэгину съ ободряющею вѣстью, что „лукавецъ“ поддерживаетъ честь своего воспитанья и создаетъ себѣ блестящую репутацію.

ГЛАВА XLIII.

Настаетъ время для Ненси сдержать обѣщаніе, данное ею Розѣ Мейли. Это ей не удается. Ноэ Клейполь получаетъ отъ Фэгина секретное порученіе.

Какъ ни искушена была Ненси во всѣхъ уловкахъ скрытности и лукавства, она не могла совершенно замаскировать впечатлѣніе, производимое на нее мыслью о томъ шагѣ, на который она рѣшилась. Она вспоминала, что и лукавый жидъ и грубый Сайксъ довѣряли ей планы, которые оставались тайною для всѣхъ остальныхъ; и какъ ни гнусны были эти планы, какъ ни отчаянны были ихъ составители, какъ ни озлоблены были ея чувства въ отношеніи жида,

который шагъ за шагомъ заводилъ ее все глубже въ безъисходную пропасть преступленія и горя—все же бывали минуты, когда чувство ея, даже въ отношеніи этого человѣка, смягчались опасеніемъ, что ея поступокъ предастъ его въ тѣ желѣзныя руки, отъ которыхъ онъ такъ долго ускользалъ и что онъ погибнетъ, вполнѣ заслуженно, но отъ ея руки. Но то были лишь мимолетныя колебанья души, неспособной вполнѣ отрѣшиться отъ связи съ старинными товарищами и сообщниками, но способной сосредоточиться на одной цѣли и твердо рѣшившейся не дозволять никакимъ соображеніямъ отвращать ее отъ этой цѣли. Страхъ за Сайкса былъ еще единственнымъ побужденіемъ, которое могло заставить ее отступить, пока было еще время. Но она выговорила себѣ, что тайна ея будетъ свято сохранена, — она не проронила ни одного слова, по которому можно бы было добраться до него, она даже, отказалась, ради его, отъ убѣжища, которое спасло бы ее отъ позора и горя, обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ, — что же большее могла она еще сдѣлать? — Рѣшеніе ея было безповоротно.

Но, хотя этою мыслью неизмѣнно кончался каждый новый припадокъ сомнѣнія, нападавшій на нее, — внутренняя борьба то и дѣло поднималась въ ней снова и оставляла свои слѣды на ея внѣшности. Въ эти немногіе дни она успѣла похудѣть и поблѣднѣть. Порою она не обращала вниманія на происходившее вокругъ нея и оставалась безучастною къ разговорамъ, въ которыхъ, въ былыя времена, выступила бы самою шумною собесѣдницею. Порою она смѣялась безъ веселости и шумѣла безъ причины и повода. Затѣмъ, нерѣдко тотчасъ же вслѣдъ за этимъ минутнымъ оживленіемъ, она затихала и угрюмо сидѣла, опустивъ голову на руки и погруженная въ какую-то думу. Самое усиліе, съ которымъ она выходила изъ этого состоянія, еще явственнѣе показывало, что душа ея не спокойна, что мысли ея заняты чѣмъ-то, совершенно чуждымъ тѣмъ интересамъ, о которыхъ толковали ея товарищи.

Былъ вечеръ воскресенья и на башнѣ сосѣдней церкви раздался бой часовъ. Сайксъ и жидъ, разговаривавшіе въ эту минуту, замолчали и стали прислушиваться. Ненси, сидѣвшая, скорчившись, на низенькой скамейкѣ, подняла голову и тоже стала прислушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ. Пробило одиннадцать.

— Одинъ часъ еще остается до полуночи, проговорилъ Сайксъ,

приподнимая стору, чтобы заглянуть въ окно.—И—и! темень какая! Славная это ночь для работы.

— Эхъ, замѣтилъ жидъ,—жаль, душа моя, что нѣтъ въ эту минуту никакой такой работы на примѣтѣ.

Хоть разъ въ жизни правдой обмолвился! ворчлпво замѣтилъ Сайксъ.—Оно точно что жаль, потому что я чувствую себя въ ударѣ.

Жидъ вздохнулъ и уныло покачалъ головою.

— Намъ надо будетъ постараться наверстать потерянное время, какъ только нападемъ на какое нибудь хорошенькое предпріятіе, замѣтилъ Сайксъ.

— Это вѣрно, душа моя! проговорилъ жидъ, трепля его по плечу.—Сердце у меня радуется, слыша отъ тебя такія рѣчи.

— Вотъ какъ! Сердце у тебя радуется?! воскликнулъ Сайксъ.— Ну и пусть себѣ радуется.

— Ха-ха-ха! засмѣялся жидъ, какъ бы обрадованный этимъ позволеньемъ.—Ты сегодня опять самимъ собой сталъ, Биль,—какъ есть самимъ собою.

— Но я не чувствую себя самимъ собою, когда ты кладешь мнѣ свою старую морщинистую лапу на плечо, а потому, не угодно ли убрать ее прочь, проговорилъ Сайксъ, сбрасывая руку жида.

— Это тебя раздражаетъ, Биль,—приводитъ тебѣ на мысль что тебя сцапали полицейскіе? замѣтилъ жидъ, твердо рѣшившись ни чѣмъ не обижаться.

— Это приводитъ мнѣ на мысль, что меня сцапалъ чортъ, поправилъ его Сайксъ,—а ужъ никакъ не полицейскіе. Съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, не бывало такой рожи, какъ твоя, за исключеніемъ развѣ твоего отца, который, полагаю, въ эту минуту подпаливаетъ въ преисподней свою рыжую съ просѣдью бороду,—если только ты не произошелъ непосредственно, безъ всякаго отца, отъ самого чорта, что меня нисколько не удивило бы.

Фэгинъ ничего не отвѣтилъ на этотъ комплиментъ, но, дернувъ Сайкса за рукавъ, указалъ ему пальцемъ на Ненси, которая воспользовалась предыдущимъ разговоромъ, чтобы надѣть шляпу и въ эту минуту выходила изъ комнаты.

— Эй, ты! окликнулъ ее Сайксъ,—Ненси! куда это ты собралась объ эту пору!

— Недалеко.

— Развѣ это отвѣтъ? возразилъ Сайксъ.—Куда ты идешь?

— Я же сказала—недалеко.

— А я говорю, куда? повторилъ Сайксъ, возвышая голосъ. — Отвѣтишь ты мнѣ или нѣтъ?

— Да я и сама не знаю, куда пойду, отвѣчала дѣвушка.

— Такъ я знаю за тебя, проговорилъ Сайксъ болѣе изъ духа противорѣчія, нежели потому, чтобы у него были какія нибудь дѣйствительныя основанія мѣшать дѣвушкѣ идти куда ей вздумалось. — Ты не пойдешь никуда. Сядь на мѣсто.

— Мнѣ нездоровится. Я тебѣ еще раньше жаловалась, отвѣчала дѣвушка. —Мнѣ необходимо подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Высунь голову въ окно и дыши сколько хочешь, сказалъ Сайксъ.

— Этого мнѣ мало, возразила дѣвушка. — Мнѣ нужно подышать имъ на улицѣ.

— А этого не будетъ! объявилъ Сайксъ, и съ этими словами всталъ, заперъ дверь, вынулъ ключъ изъ замка и, сдернувъ шляпу съ ея головы, швырнулъ ее на самый верхъ стараго шкапа.—Вотъ такъ-то. Сиди себѣ смирнехонько дома.

— Ужъ коли на то пошло, я и безъ шляпы могу уйти, проговорила дѣвушка, сильно блѣднѣя. —Что это тебѣ взбрело въ голову, Сайксъ? Понимаешь ли ты, что ты дѣлаешь?

— Понимаю ли я, что я...—Да она никакъ съ ума спятила! воскликнулъ Сайксъ, обращаясь къ Фэгину, иначе она не посмѣла бы такъ со мной разговаривать.

— Ты доведешь меня до какой нибудь отчаянной штуки, пробормотала Ненси, хватаясь обѣими руками за грудь, какъ бы съ цѣлью сдержать какую-то бѣшеную вспышку.—Отпустишь ли ты меня? Пусти сейчасъ, сію минуту!

— Не пущу, рявкнулъ Сайксъ.

— Скажите ему, Фэгинъ, чтобы онъ меня пустилъ. Это будетъ лучше, для него же будетъ лучше... Слышишь ли! крикнула Ненси, топнувъ ногою.

— Слышу ли я? повторилъ Сайксъ, поворачиваясь къ ней на своемъ стулѣ: —какъ же! — и если мнѣ еще придется слышать тебя полминуты долѣе, — я припущу на тебя собаку, чтобы она у тебя

вырвала изъ горла твой крикливый голосокъ. Да что это на тебя въ самомъ дѣлѣ напало, сволочь ты этакая? Что съ тобою?

— Отпусти меня, проговорила дѣвушка настоятельно. Затѣмъ, сѣвъ на полъ у самой двери, она продолжала: — отпусти меня, Биль, — ты самъ не знаешь, что ты дѣлаешь, право, не знаешь. На одинъ только часокъ... прошу тебя... сдѣлай милость.

— Я позволю себя искрошить на куски, воскликнулъ Сайксъ, грубо хватая ее за руку, — если эта дѣвка не рехнулась въ умѣ! Вставай!

— Я не встану, пока ты меня не отпустишь... я не встану пока ты меня не отпустишь, ни за что, ни за что! крикнула Ненси. — Сайксъ постоялъ съ минуту неподвижно, выжидая удобный моментъ и затѣмъ, схвативъ ее за руки, поволокъ ее, не взирая на отчаянное сопротивленіе, въ маленькую коморку, находившуюся возлѣ; тутъ онъ самъ опустился на скамейку, а ее толкнулъ на стулъ, на которомъ продолжалъ удерживать ее силой. Она билась и умоляла поочередно, пока не пробило двѣнадцать часовъ; тогда, выбившись изъ силъ, она затихла и покорилась. Внушивъ ей еще разъ, чтобы она и не пыталась выйти изъ дому сегодня, и подкрѣпивъ внушеніе подобающимъ количествомъ ругательствъ, Сайксъ оставилъ ее оправляться на свободѣ отъ вынесеннаго потрясенія, а самъ вернулся къ жиду.

— Фью! свиснулъ воръ, отирая потъ, выступившій у него на лицѣ, — что за чудная дѣвка!

— Правду ты говоришь, Биль, задумчиво отвѣчалъ жидъ, охъ, точно что чудная!

— И съ чего это ей вздумалось идти непремѣнно теперь, какъ ты думаешь? спросилъ Сайксъ. — Ты долженъ знать ее лучше, чѣмъ я. Скажи, что бы это могло значить?

— Полагаю, что упрямство, душа моя, женское упрямство! отвѣчалъ жидъ, пожимая плечами.

— Пожалуй что такъ, проворчалъ Сайксъ. — Я было думалъ, что укротилъ ее, но нѣтъ! въ ней сидитъ все тотъ же чортъ, что и прежде.

— И даже худшій, задумчиво замѣтилъ жидъ. — Я ни разу не видалъ, чтобы она приходила въ такое бѣшенство изъ-за такихъ пустяковъ.

— И я тоже, проговорилъ Сайксъ. — Мнѣ думается что у нея

въ крови еще бродитъ остатокъ этой горячки, которую она отъ меня схватила, и никакъ не можетъ выдти оттуда.—А? какъ ты думаешь?

— Можетъ статься, отвѣчалъ жидъ.

— Если съ ней опять такой припадокъ будетъ, я пущу ей кровь безъ помощи доктора, сказалъ Сайксъ.

Жидъ выразительно кивнулъ головою въ знакъ того, что вполнѣ одобряетъ такой способъ лечепья.

— Пока я тутъ лежалъ какъ пластъ, а ты, безсердечное животное, и думать про насъ позабылъ,—она не отходила отъ меня ни днемъ ни ночью, продолжалъ Сайксъ;—мы очень бѣдствовали это время и я такъ думаю, что все это, а также сидѣнье взаперти, ее разстроило.—А? что ты скажешь на это?

— Такъ, такъ, душа моя! отвѣчалъ жидъ шопотомъ,—но...тсъ!

Въ эту минуту сама Ненси вышла изъ коморки и сѣла на прежнее свое мѣсто. Глаза ея покраснѣли и распухли. Она раскачивалась взадъ и впередъ, вскидывала головою и, немного погодя, разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Ну вотъ, теперь за другое принимается! воскликнулъ Сайксъ, съ изумленіемъ оглядываясь на свою подругу.

Жидъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ пока оставилъ ее въ покоѣ, и нѣсколько минутъ спустя, Ненси приняла обычную свою физіономію. Тогда Фэгинъ, шепнувъ Сайксу, что теперь нечего опасаться повторенія припадка, взялъ шляпу и сталъ прощаться. Дойдя до двери, онъ опять остановился и попросилъ, чтобы ему кто-нибудь посвѣтилъ съ лѣстницы, которая была темна.

— Посвѣти ему, сказалъ Сайксъ, набивавшій въ эту минуту свою трубку. — Жаль будетъ, если онъ свернетъ себѣ шею самъ и тѣмъ обманетъ ожиданія охотниковъ до потрясающихъ зрѣлищъ. Посвѣти же ему.

Ненси проводила старика по лѣстницѣ со свѣчою въ рукѣ. Когда они достигли сѣней, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и, нагнувшись къ дѣвушкѣ, проговорилъ шопотомъ.

— Что это значитъ, Ненси, милая?

— Про что это вы говорите? спросила Ненси тѣмъ же голосомъ.

— Да про причины всего этого, отвѣчалъ Фэгинъ.—Если *онъ*— при этомъ онъ указалъ своимъ костлявымъ пальцемъ наверхъ,—слиш-

комъ грубо обходится съ вами, (а онъ, что и говорить, Ненси,—животное, сущее животное!) — отчего вы не...

— Продолжайте же, проговорила Ненси, такъ какъ Фэгинъ на этомъ словѣ остановился, почти прикасаясь губами къ ея уху и пристально заглядывая ей въ глаза.

— Ну да пока оставимъ это, проговорилъ жидъ.—Мы еще потолкуемъ объ этомъ какъ нибудь. Но знайте, Ненси, вы имѣете во мнѣ надежнаго друга,—надежнаго друга! А у меня всѣ средства подъ рукою, стоитъ только захотѣть. Если вы когда-нибудь пожелаете отплатить тѣмъ, которые обходятся съ вами, какъ съ собакой... хуже, чѣмъ съ собакой, потому что ее то онъ иной разъ и побалуетъ,—приходите ко мнѣ. Говорю вамъ, приходите ко мнѣ! съ нимъ-то вы всего безъ году недѣлю живете, а меня вы знаете давно, Ненси,—очень давно!

— Да, я хорошо васъ знаю, проговорила дѣвушка, не выказывая ни малѣйшаго волненія. — Покойной ночи!

Она отступила шагъ назадъ, когда Фэгинъ выказалъ намѣренье пожать ей руку, но простилась съ нимъ твердымъ голосомъ и, переглянувшись съ нимъ многозначительнымъ взглядомъ, затворила за нимъ дверь.

Фэгинъ побрелъ домой, погруженный въ мысли, дѣятельно работавшія въ его головѣ. У него явилось предположеніе, что Ненси, наскучивъ грубостью своего сожителя, избрала себѣ какого-нибудь новаго друга. Предположеніе это явилось у него не съ сегодняшняго вечера, оно складывалась въ немъ мало-по-малу и то, чему онъ былъ свидѣтелемъ сегодня, только подтверждало въ его глазахъ его догадку. Измѣнившееся обращеніе Ненси, ея частыя отлучки изъ дому, ея сравнительное равнодушіе къ интересамъ шайки, къ которымъ она когда-то проявляла такое дѣятельное участіе, нынѣшнее отчаянное упорство уйти изъ дому непремѣнно въ извѣстный часъ,—все это говорило, повидимому, въ пользу помянутаго предположенія и дѣлало его, по крайней мѣрѣ въ глазахъ Фэгина, дѣломъ не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію. Очевидно, предметъ ея новой привязанности былъ не изъ числа сателитовъ самого Фэгина, но, вмѣстѣ съ такой пособницей, какъ Ненси, онъ былъ бы весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, — а потому, порѣшилъ жидъ, его слѣдуетъ залучить не теряя времени.

Но у Фэгина была при этомъ и другая, болѣе темная цѣль. Сайксу было извѣстно слишкомъ многое и его наглая заносчивость оставила въ сердцѣ жида глубокую злобу, хотя онъ и таилъ свою обиду про себя. Ненси должна была понять, что, если она рѣшится бросить этого человѣка, она тогда не будетъ ограждена отъ его злобы, а злоба эта, по всѣмъ вѣроятіямъ выместится на предметѣ ея новой любви, котораго онъ изувѣчитъ, или, быть можетъ, убьетъ. Стоитъ только обработать немного дѣвку, — и она согласится отравить его. Женщины и не на такія дѣла способны въ подобныхъ обстоятельствахъ. — Такимъ образомъ я избавлюсь отъ опаснаго негодяя, — отъ человѣка, котораго я ненавижу, — это разъ. Я пріобрѣту на его мѣсто другого человѣка, — это два. И, наконецъ, власть моя надъ этой дѣвкой послѣ того, какъ она совершитъ преступленіе, о которомъ я буду знать, сдѣлается безгранична; — это три.

Всѣ эти мысли пронеслись у него въ головѣ въ тотъ промежутокъ времени, который онъ провелъ одинъ въ комнатѣ Сайкса. Эти же мысли руководили имъ, когда онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы произвести свой первый опытъ надъ Ненси и бросилъ съ этою цѣлью свои отрывочные намеки при прощаньи. Она не выразила удивленія, не пыталась даже прикинуться, что не понимаетъ его словъ. Она ясно ихъ поняла, это видно было изъ взгляда, который она ему бросила на прощанье.

Но, быть можетъ, она отшатнется отъ предложенія лишить его жизни? А между тѣмъ въ этомъ то и была вся суть. — Надо, размышлялъ жидъ, идя домой, — какъ-нибудь усилить мое вліяніе на нее. Какъ бы мнѣ забрать новую власть надъ нею?

Такія головы плодовиты на изобрѣтенье средствъ. Если, не добиваясь признанія отъ нея самой, онъ примется слѣдить за нею, узнаетъ кому она отдала свое расположеніе и пригрозитъ ей, въ случаѣ отказа принять участіе въ его замыслахъ, раскрыть все Сайксу (котораго она страшно боялась), — развѣ онъ не обезпечитъ себѣ этимъ ея содѣйствіе?

— Конечно обезпечу! сказалъ Фэгинъ почти въ слухъ. — Она тогда ни за что не посмѣетъ отказать мнѣ, — ни за что на свѣтѣ! И такъ, средство найдено, остается только пустить его въ ходъ. О, я еще доберусь до тебя!

При этомъ онъ обратился съ мрачнымъ взглядомъ и съ угрожа-

ющимъ движеніемъ руки въ ту сторону, гдѣ оставилъ болѣе отважнаго злодѣя, и затѣмъ пошелъ своей дорогой, работая своими костлявыми пальцами въ складкахъ своей рваной одежды и судорожно комкая эти складки, точно принимая ихъ за ненавистнаго врага, котораго сдавливалъ каждымъ движеніемъ своихъ пальцевъ.

На слѣдующее утро онъ поднялся рано и сталъ нетерпѣливо дожидаться появленія своего новаго сообщника. Этому ожиданію, казалось, конца не будетъ. Наконецъ, Ноэ вошелъ въ комнату и первымъ же дѣломъ жадно накинулся на завтракъ.

— Больтеръ! началъ Фэгинъ, придвигая свой стулъ и садясь насупротивъ Мориса Больтера.

— Я самый и есть, отозвался Ноэ. — Что тамъ такое понадобилось? Только предупреждаю васъ, не давайте мнѣ никакихъ порученій, пока я не поѣлъ. Вотъ этимъ здѣсь очень скверно, никогда не дадутъ человѣку поѣсть спокойно.

— Но вы, я думаю, можете и ѣсть и говорить въ одно и то же время? спросилъ жидъ, отъ души проклиная жадность своего юнаго друга.

— Это-то, конечно, я могу. Мнѣ даже разговоръ придаетъ аппетиту, отвѣчалъ Ноэ, отрѣзывая себѣ громаднѣйшій ломоть хлѣба. — Гдѣ Шарлотта?

— Я услалъ ее вмѣстѣ съ другой молодой женщиной, отвѣчалъ Фэгинъ, — потому что мнѣ хотѣлось остаться съ вами наединѣ.

— Не могли вы сказать ей, чтобы она прежде поджарила мнѣ хлѣбъ на маслѣ? замѣтилъ Ноэ. — Ну да ужъ дѣлать нечего. Говорите, вы мнѣ мѣшать не будете.

И дѣйствительно, нечего было, повидимому, опасаться, чтобы какое бы то ни было обстоятельство помѣшало ему; онъ сѣлъ за столъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поработать основательно.

— Вы вчера важно обдѣлали дѣло, душа моя, заговорилъ жидъ. — Просто прелесть! Шесть шилинговъ и девять съ половиною пенсовъ въ первый же день! Обиранье ребятишекъ будетъ для васъ просто золотымъ дномъ.

— Не забывайте прибавить три кружки и молочникъ, подсказалъ м-ръ Больтеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не забываю, душа моя, отвѣчалъ жидъ. —

28

Уже по части кружекъ вы проявили признаки геніальности, — но, что касается молочника, — это, просто, неподражаемая штука.

— Д-да! для начинающаго, кажись, не дурно! самодовольно замѣтилъ м-ръ Больтеръ. — Кружки я стибрилъ изъ-за рѣшетки, съ выставки на открытомъ воздухѣ, а молочникъ былъ позабытъ у двери одного кабака, такъ я побоялся, знаете, чтобъ онъ не заржавѣлъ на дождѣ, или не простудился, — ха-ха-ха!

М-ръ Фэгинъ сдѣлалъ видъ, что тоже смѣется отъ души, а м-ръ Больтеръ, нахохотавшись до сыта, принялся уплетать за обѣ щеки свой хлѣбъ съ масломъ; покончивъ съ первой порціей онъ принялся за вторую.

— Я хочу поручить вамъ, Больтеръ, сказалъ Фэгинъ, наклоняясь къ столу, — обработать для меня одно дѣльце, требующее большой осторожности и осмотрительности.

— Только ужъ, сдѣлайте милость, возразилъ Больтеръ, не вздумайте совать меня въ опасность или опять посылать въ полицейское бюро. Это совсѣмъ не по мнѣ дѣло, совсѣмъ не по мнѣ. Это я вамъ на прямикъ говорю.

— Въ томъ дѣлѣ, которое я вамъ предлагаю, нѣтъ ни малѣйшей опасности, какъ есть ни малѣйшей! поспѣшилъ успокоить его жидъ. — Я просто хочу, чтобы вы выслѣдили одну женщину.

— Старуху? спросилъ м-ръ Больтеръ.

— Нѣтъ, молодую.

— Это я могу, отозвался Больтеръ. — Я еще въ школѣ былъ мастеръ по части подсматриванья. Для чего же я долженъ выслѣдить ее? Не для того ли, чтобъ...

— Отнюдь не для того, чтобы съ ней что-нибудь сдѣлать, перебилъ его жидъ.—Вы должны разузнать, куда она ходитъ, съ кѣмъ видается, и, буде возможно, что говоритъ; вы должны запомнить названіе улицы, — если это улица, и номеръ дома,—если это домъ, — и все, что вы узнаете, сообщить мнѣ.

— А что вы мнѣ дадите за это? спросилъ Ноэ, ставя свою чашку на столъ и съ жадностью смотря въ лицо своему патрону.

— Если вы сдѣлаете это хорошо, я дамъ вамъ фунтъ, — да, душа моя, цѣлый фунтъ! отвѣчалъ жидъ, желая какъ можно болѣе заинтересовать его въ успѣхѣ предпріятія.—Этакихъ денегъ я еще

никогда не давалъ, иначе какъ за такую работу, отъ которой ожидались большіе барыши.

— Кто она такая? спросилъ Ноэ.

— Одна изъ нашихъ.

— О, Боже! воскликнулъ Ноэ, вздергивая носъ кверху. — Вы сомнѣваетесь въ ней, не такъ ли?

— У нея завелись какіе-то новые друзья, душа моя, отвѣчалъ жидъ, и я желаю знать, кто они такіе?

— Понимаю! проговорилъ Ноэ, — чтобы доставить себѣ удовольствіе познакомиться съ ними, если они народъ хорошій, — такъ, что ли? ха-ха-ха! Располагайте мною, я готовъ вамъ служить.

— Я такъ и зналъ, что вы не откажетесь! воскликнулъ Фэгинъ, обрадованный успѣхомъ своего предложенія.

— Еще бы, еще бы! отвѣчалъ Ноэ.—Гдѣ же она? Гдѣ мнѣ ее подкараулить? куда мнѣ идти?

— Все это, душа моя, вы узнаете отъ меня, отвѣчалъ Фэгинъ.— Я вамъ укажу ее въ свое время. Вы только будьте готовы, а остальное предоставьте мнѣ.

Весь этотъ вечеръ, и слѣдующій, и еще слѣдующій за тѣмъ, шпіонъ просидѣлъ одѣтый съ головы до ногъ, въ своемъ костюмѣ извощика, готовый пуститься въ путь по первому же слову Фегина. Прошло шесть вечеровъ, — шесть длинныхъ, томительныхъ вечеровъ, — и Фэгинъ каждый разъ возвращался домой съ недовольнымъ лицомъ и объявлялъ, что время еще не настало. На седьмой вечеръ онъ вернулся раньше обыкновеннаго и съ выраженіемъ торжества на физіономіи, которое онъ не въ состояніи былъ скрыть. Было воскресенье.

— Она куда-то отправляется сегодня, сказалъ Фэгинъ, и, навѣрное, по тому дѣлу. Она цѣлый день была одна и тотъ человѣкъ, котораго она боится, не вернется раньше разсвѣта. Пойдемте со мною. Живо!

Ноэ вскочилъ, не говоря ни слова. Жидъ былъ въ состояніи такого возбужденія, что заразилъ и его. Они вышли изъ дома тайкомъ и, поспѣшно пройдя цѣлымъ лабиринтомъ улицъ, достигли наконецъ кабака, въ которомъ Ноэ узналъ тотъ самый, гдѣ онъ провелъ первую ночь своего пребыванія въ Лондонѣ.

Было уже болѣе одиннадцати часовъ и дверь кабака была заперта.

Она неслышно отворилась, какъ только жидъ издалъ тихій свистъ. Они вошли безъ шума и дверь снова за ними затворилась.

Едва рѣшаясь говорить, даже шопотомъ, и замѣняя больше слова пантомимою, Фэгинъ и молодой еврей, впустившій ихъ, указали Ноэ на окно въ стѣнѣ и дали ему понять знаками, что онъ долженъ взлѣсть и наблюдать въ это окно за личностью, которая сидитъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Это та самая женщина и есть? спросилъ Ноэ чуть слышнымъ шопотомъ.

Жидъ кивнулъ головою.

— Я не могу хорошенько разсмотрѣть ея лицо, шепнулъ Ноэ.— Она сидитъ опустивъ голову внизъ, а свѣчка стоитъ позади ея.

— Оставайтесь на своемъ мѣстѣ, шепнулъ Фэгинъ.—Онъ сдѣлалъ знакъ Барнею, который тотчасъ же удалился. Минуту спустя, сидѣлецъ вошелъ въ сосѣднюю комнату и, подъ предлогомъ, что снимаетъ со свѣчи, перемѣстилъ ее такъ, какъ было нужно. Затѣмъ онъ что-то заговорилъ съ дѣвушкой и, такимъ образомъ заставилъ ее поднять голову.

— Теперь я разсмотрѣлъ ее, объявилъ шпіонъ.

— Хорошо ли вы ее разсмотрѣли? спросилъ жидъ.

— Я узнаю ея лицо изъ тысячи.

Онъ поспѣшно слѣзъ, когда дверь отворилась и въ нее вошла дѣвушка. Фэгинъ поспѣшно оттащилъ его въ уголъ, отгороженный занавѣской и они простояли тамъ, притаивъ дыханье, пока дѣвушка проходила въ двухъ шагахъ отъ нихъ, направляясь къ той самой двери, въ которую они вошли.

Какъ только она ушла, Ноэ переглянулся съ Фэгиномъ и опрометью бросился изъ кабака.

— Налѣво, шепнулъ ему сидѣлецъ, отворявшій дверь дѣвушкѣ, держите налѣво и идите по противуположной сторонѣ улицы.

Онъ такъ и сдѣлалъ и при свѣтѣ фонарей разглядѣлъ удаляющуюся фигуру дѣвушки, успѣвшей отойти уже на порядочное разстояніе. Онъ нагналъ ее на столько, на сколько позволяла осторожность и продолжалъ держаться противуположной стороны улицы, чтобы удобнѣе наблюдать за всѣми ея движеніями. Она раза два или три съ безпокойствомъ оглянулась, и разъ остановилась, чтобы пропустить впередъ двухъ мужчинъ, которые шли позади ея на близ-

комъ разстояніи. По мѣрѣ того какъ она подвигалась впередъ, она, повидимому, ободрялась, и походка ея становилась ровнѣе и тверже. Шпіонъ шелъ за нею, соблюдая то же разстояніе и не спуская съ нея глазъ.

ГЛАВА XLIV.

Ненси держитъ свое обѣщаніе.

Часы на церковной башнѣ пробили три четверти двѣнадцатаго, когда двѣ фигуры показались на Лондонскомъ мосту. Одна изъ этихъ фигуръ, подвигавшаяся быстрыми шагами, принадлежала женщинѣ; она посматривала во всѣ стороны, какъ бы отыскивая какой-то предметъ, который ожидала тутъ увидѣть. Другая фигура оказалась мужчиной. Онъ крался самыми темными мѣстами, какія только могъ выбрать и, держась на нѣкоторомъ разстояніи отъ женщины, приноравлялъ свой шагъ къ ея шагу, останавливаясь когда она останавливалась, и подвигаясь украдкой вслѣдъ за ней, когда она снова шла впередъ, но отнюдь не дозволяя себѣ, въ пылу своего преслѣдованья подходить къ ней слишкомъ близко. Такъ прошли они по мосту съ Мидльсекскаго на Соррейскій берегъ. Тутъ женщина, не перестававшая вглядываться на мосту во всѣхъ пѣшеходовъ, видимо обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, повернула назадъ. Движеніе это было неожиданное, но тотъ кто слѣдилъ за нею не былъ застигнутъ имъ въ расплохъ: бросившись въ одинъ изъ закрытыхъ выступовъ, которые возвышаются надъ сваями моста, и перегнувшись черезъ перила, чтобы еще лучше скрыть свою фигуру, онъ далъ ей пройти нѣсколько шаговъ по противуположной сторонѣ моста, и когда она очутилась приблизительно на такомъ же разстояніи отъ него, на какомъ была прежде, онъ выползъ какъ ни въ чемъ не бывало изъ своего убѣжища и продолжалъ слѣдить за нею. Дойдя приблизительно до половины моста, она остановилась. Мужчина остановился тоже.

Ночь была очень темная. Весь день погода стояла ненастная и въ эту пору въ этой мѣстности было очень мало прохожихъ. Тѣ немногіе, которые показывались, торопливо шли мимо, но по всѣмъ вѣроятіямъ, не замѣчая ни женщины, ни слѣдившаго за ней мужчины, и уже навѣрное не обращая вниманія ни на ту, ни на другого. Во внѣшности обоихъ не было ничего такого, что могло бы привлечь докучные взгляды тѣхъ лондонскихъ бѣдняковъ, которые въ эту ночь попадали на Лондонскій мостъ, отыскивая какую нибудь арку, или какую нору безъ дверей, гдѣ бы имъ можно было преклонить голову. Женщина и мужчина стояли на мосту молча; никто съ ними не заговаривалъ и они ни съ кѣмъ не заговаривали.

Надъ рѣкою стоялъ густой туманъ, въ которомъ тускло горѣли красные огни на небольшихъ судахъ, стоявшихъ на якорѣ у верфей.— Подъ этимъ туманомъ рѣка казалась еще чернѣе, и темныя зданія на берегахъ обрисовывались еще неявственнѣе. Старыя, закопченыя дымомъ стѣны товарныхъ складовъ, тянувшихся по обоимъ берегамъ, выдѣлялись какъ-то тяжело и неуклюже изъ сплошной массы кровель и хмурились на воду, слишкомъ мутную, чтобы отражать даже ихъ крупныя очертанія. Башня церкви Спасителя и колокольня св. Магнуса—эти два великана, которые такъ давно уже оберегаютъ старый мостъ, виднѣлись во мракѣ; но лѣсъ корабельныхъ мачтъ внизу моста и колокольни церквей, тѣснящихся на берегу, почти совсѣмъ скрадывались изъ виду.

Дѣвушка, которой не стоялось на мѣстѣ, успѣла уже нѣсколько разъ пройтись взадъ и впередъ по мосту подъ зоркимъ взглядомъ, тайно слѣдившимъ за ней, — когда тяжелый колоколъ церкви св. Павла возвѣстилъ о нарожденіи новаго дня. Полночь спустилась на многолюдный городъ.—На дворецъ, ночлежный пріютъ, на тюрьму, на домъ безумныхъ, на комнату гдѣ родились и на ту, гдѣ умирали, на здоровыхъ и на больныхъ, на неподвижное лицо мертвеца и на мирный сонъ младенца, — на все это спустилась полночь.

Не прошло и двухъ минутъ послѣ боя часовъ, какъ изъ наемной кареты, остановившейся недалеко отъ моста, вышла молодая дѣвушка въ сопровожденіи сѣдого джентльмена и, отпустивъ карету, направились прямо къ мосту. Не успѣли они ступить на послѣдній, какъ женщина, дожидавшаяся на мосту, вздрогнула и поспѣшно пошла къ нимъ на встрѣчу.

Они шли, оглядываясь по сторонамъ въ видомъ людей, которые чего-то ждутъ, но мало имѣютъ надежды, что ихъ ожиданіе сбудется,—какъ вдругъ къ нимъ подошла женщина. — Они остановились съ восклицаніемъ удивленія, которое впрочемъ тотчасъ же сдержали, потому что въ эту самую минуту мимо ихъ,—такъ близко, что даже задѣлъ ихъ платьемъ, прошелъ какой-то человѣкъ въ одеждѣ деревенскаго извощика.

— Не здѣсь только, торопливо проговорила Ненси. — Я боюсь говорить съ вами здѣсь. Пойдемте подальше отъ дороги, спустимтесь вонъ по тѣмъ ступенямъ.

Когда она произнесла эти слова и указала рукою въ ту сторону, куда ихъ звала, деревенскій извощикъ оглянулся и, грубо спросивъ ихъ, съ чего это они вздумали занимать весь тротуаръ, прошелъ далѣе.

Ступени, на которыя указывала женщина были тѣ самыя, которыя на Сёррейскомъ берегу, по ту сторону моста, гдѣ стоитъ церковь Спасителя, служитъ спускомъ къ рѣкѣ. Къ этому-то мѣсту, никѣмъ не замѣченный, и направился человѣкъ, одѣтый извощикомъ. Окинувъ быстрымъ взглядомъ мѣстность, онъ началъ спускаться.

Лѣстница эта составляетъ часть моста и раздѣлена на три части двумя площадками. Какъ разъ пониже второй площадки, каменная стѣна налѣво заканчивается пилястромъ, обращеннымъ къ Темзѣ. Въ этомъ мѣстѣ нижнія ступени расширяются, такъ что человѣкъ, который завернетъ за уголъ стѣны, не будетъ видѣнъ тѣмъ, кто стоятъ выше его, хотя бы на одну ступеньку. Дойдя до этого мѣста, извощикъ быстро оглядѣлся кругомъ и, такъ какъ болѣе удобнаго убѣжища, гдѣ бы онъ могъ скрыться, не оказалось, а мѣста, благодаря отливу, было довольно, то онъ и притаился тутъ, прислонившись спиною къ пилястру и сталъ ждать въ полной увѣренности, что они дальше второй площадки не пойдутъ и, что, если бы даже ему не удалось разслышать ихъ разговоръ, то онъ во всякомъ случаѣ, останется незамѣченъ и будетъ имѣть возможность слѣдить за ними снова.

Время тянулось въ одиночествѣ такъ медленно и шпіонъ горѣлъ такимъ нетерпѣніемъ проникнуть въ тайну свиданія, оказывавшагося столь различнымъ отъ того, къ чему онъ былъ приготовленъ, что онъ уже не разъ готовъ былъ отчаяться въ успѣхѣ; онъ порѣ-

шилъ, что они или остановились слишкомъ высоко, или же избрали для своего таинственнаго разговора какое нибудь другое мѣсто. Онъ уже было хотѣлъ оставить свое убѣжище и подняться на берегъ, какъ вдругъ услышалъ шаги и, вслѣдъ затѣмъ, голоса, почти у самого своего уха.

Онъ выпрямился, плотно прижавшись къ стѣнѣ и, притаивъ дыханье, сталъ внимательно слушать.

— Намъ не зачѣмъ идти дальше, говорилъ голосъ, видимо принадлежавшій старому джентльмену.—Я не могу дозволить этой молодой особѣ спуститься еще ниже. Многіе на моемъ мѣстѣ и такъ съ недовѣріемъ посмотрѣли бы на васъ, видя, что вы ихъ заводите въ такое мѣсто. Но я, какъ видите, готовъ васъ потѣшить.

— Потѣшить меня! воскликнулъ голосъ дѣвушки, за которой онъ слѣдилъ.—Премного вамъ благодарна, сэръ, за ваше снисхожденіе.—Потѣшить меня! Ну, да хорошо, оставимъ это.

— Но скажите сами, заговорилъ джентльменъ болѣе мягкимъ голосомъ, зачѣмъ вамъ понадобилось вести насъ въ такое странное мѣсто? Отчего вы не дали мнѣ переговорить съ вами тамъ наверху, гдѣ фонари горятъ и люди ходятъ и затащили насъ въ эту темную и страшную нору?

— Я сказала вамъ, отвѣчала Ненси, — что боюсь говорить съ вами тамъ. Я и сама не знаю, отчего это, но на меня такой страхъ напалъ сегодня почью, что я съ собой совладѣть не могу.

— Чего же вы боитесь? спросилъ ее джентльменъ, которому, повидимому, стало жаль ее.

— Да я и сама не знаю хорошенько. — Если бы я знала, мнѣ было бы легче. — Цѣлый день меня сегодня преслѣдуютъ мысли о смерти, мерещатся окровавленные саваны и мучитъ такой ужасъ, что я точно въ огнѣ горю. Съ тоски взяла я вечеромъ книжку, и въ книжкѣ тоже самое передо мной выступало.

— Воображеніе! замѣтилъ джентльменъ успокоивающимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не воображеніе! отвѣчала дѣвушка сиплымъ голосомъ.—Я готова присягнуть, что видѣла слово „гробъ“ напечатаннымъ на каждой страницѣ книги, большими черными буквами. — И на улицѣ возлѣ самой меня пронесли нынче вечеромъ гробъ.

— Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, замѣтилъ джентльменъ. — Мало ли гробовъ мимо меня проносили!

— Да, *настоящихъ!* возразила дѣвушка. — А это не былъ настоящій.

Въ голосѣ и словахъ ея было что-то до такой степени странное, что морозъ пробѣгалъ по спинѣ притаившагося слушателя и кровь застывала у него въ жилахъ. Въ жизнь свою онъ не испытывалъ такого облегченія, какъ когда раздался нѣжный голосъ молодой дѣвушки, начавшей убѣждать Ненси, чтобы она успокоилась и не поддавалась такимъ страшнымъ грёзамъ.

— Говорите съ ней поласковѣе, обратилась она къ своему спутнику. — Бѣдная! она такъ нуждается въ ласкѣ.

— Гордые, набожные господа, если бы увидѣли меня въ такомъ состояніи, высоко подняли бы голову и начали бы свои проповѣди о возмездіи и объ адскомъ пламени, воскликнула Ненси. — О дорогая моя барышня! Зачѣмъ люди, величающіе себя избраннымъ стадомъ Божіимъ, не умѣютъ быть такими добрыми и кроткими, какъ вы, съ нами, бѣдными. Вотъ у васъ есть и молодость, и красота, и все, что мы утратили, и вы могли бы гордиться, а между тѣмъ, во сколько разъ вы смиреннѣе ихъ!

— Гмъ! проговорилъ джентльменъ, — турокъ, омывъ хорошенько свое лицо, обращаетъ его къ востоку, когда собирается сотворить молитву; а эти почтенные люди, соскобливъ о свѣтскія приличія съ своего лица улыбку, обращаются, столь же аккуратно, къ самой темной сторонѣ неба. Между мусульманиномъ и фарисеемъ я всегда отдамъ предпочтеніе первому.

Эти слова были, повидимому, обращены къ молоденькой спутницѣ джентльмена и, быть можетъ, сказаны съ тѣмъ, чтобы дать Ненси время оправиться. — Вскорѣ послѣ того джентльменъ обратился къ самой Ненси.

— Вы не были здѣсь въ прошлое воскресенье, сказалъ онъ.

— Я не могла прійти, отвѣчала она, — меня удержали силою.

— Кто же васъ удержалъ?

— Биль... Тотъ человѣкъ, про котораго я намедни говорила барышнѣ.

— Надѣюсь, что васъ не заподозрѣли въ сношеніяхъ съ кѣмъ

нибудь по тому дѣлу, которое привело насъ сюда сегодня? съ безпокойствомъ спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Ненси, качая головою. —Но мнѣ не очень-то легко уходить изъ дому, если онъ не знаетъ зачѣмъ я иду. Вотъ и намедни, я не могла бы прійти къ барышнѣ, если бы не дала ему опіуму, прежде, чѣмъ ушла.

— Онъ проснулся раньше вашего возвращенія? спросилъ джентльменъ.

— Нѣтъ, и ни онъ, ни другіе ничего не подозрѣваютъ.

— Прекрасно, проговорилъ джентльменъ. — А теперь выслушайте меня.

— Я слушаю, проговорила Ненси, когда онъ на минуту остановился.

— Эта молодая особа, началъ джентльменъ, сообщила мнѣ и нѣкоторымъ другимъ друзьямъ, на которыхъ можно положиться, все то, что вы ей сказали безъ малаго двѣ недѣли тому назадъ. Сознаюсь вамъ, сначала я имѣлъ кое-какія сомнѣнія насчетъ того, можно ли вамъ безусловно довѣряться, но теперь я убѣдился, что можно.

— Можете, смѣло отвѣчала дѣвушка убѣжденнымъ голосомъ.

— Повторяю вамъ опять, я вѣрю вамъ безусловно. И чтобы доказать вамъ свое довѣріе, я скажу вамъ прямо, что мы намѣреваемся застращать этого Монкса, съ цѣлью вывѣдать отъ него, что намъ нужно. — Но если... если... продолжалъ джентльменъ, — его нельзя будетъ достать, или если окажется, что на него нельзя подѣйствовать тѣмъ способомъ, на который мы расчитываемъ, тогда вы должны выдать намъ жида.

— Фэгина! воскликнула дѣвушка, отшатываясь назадъ.

— Да, вы должны намъ выдать этого человѣка, повторилъ джентльменъ.

— Этого я ни за что не сдѣлаю, ни за что! отвѣчала дѣвушка. — Нужды нѣтъ, что онъ сущій діаволъ, нужды нѣтъ, что въ отношеніи меня онъ былъ хуже діавола. — Я этого не сдѣлаю.

— Вы этого не сдѣлаете? спросилъ джентльменъ, который, повидимому, заранѣе былъ готовъ къ такому отвѣту.

— Никогда! отвѣчала дѣвушка.

— Можете вы мнѣ сказать почему?

— Во-первыхъ, по той причинѣ, съ твердостью отвѣчала

Ненси:—по той причинѣ, про которую знаетъ барышня, и тутъ она меня поддержитъ, я это знаю, потому что она дала мнѣ свое слово. А во-вторыхъ, потому, что какъ ни порочна была его жизнь, вѣдь и моя жизнь не лучше. Насъ много такихъ, которые были за одно въ разныхъ темныхъ дѣлахъ и я не выдамъ тѣхъ, которые могли бы,—любой изъ нихъ,—выдать меня, если бы захотѣли, а между тѣмъ не выдали, даромъ, что они дурные люди.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ джентльменъ поспѣшно, какъ бы приступая къ тому главному пункту, къ которому онъ сводилъ весь разговоръ съ самаго начала, вы должны помочь мнѣ забрать Монкса въ мои руки и предоставить мнѣ вѣдаться съ нимъ.

— А что, если онъ выдастъ другихъ?

— Я обѣщаю вамъ, что въ случаѣ намъ удастся выпытать у него истину, на томъ дѣло и покончится. Въ исторіи Оливера, вѣроятно, окажутся такія обстоятельства, которыя тяжело будетъ предавать гласности, а потому, разъ узнавъ правду, мы никого изъ этихъ людей не тронемъ.

— А если вамъ не удастся ее узнать? спросила Ненси.

— Тогда, продолжалъ джентльменъ, мы не предадимъ этого жида въ руки правосудія иначе, какъ съ вашего согласія. Если дѣло дойдетъ до этого, я представлю вамъ такіе резоны, которые, думаю, измѣнятъ ваше рѣшеніе.

— И барышня ручается мнѣ, что это будетъ исполнено? торопливо спросила Ненси.

— Ручаюсь, отвѣчала Роза.—Даю вамъ самое торжественное слово въ томъ.

— И Монксъ никогда не узнаетъ кто вамъ сказалъ все это?

— Никогда, отвѣчалъ джентльменъ.—Мы такъ поведемъ дѣло, что отрѣжемъ ему возможность самыхъ догадокъ.

— Я всю жизнь свою лгала и обманывала, и выросла между лгуновъ и обманщиковъ, проговорила дѣвушка, помолчавъ немного,—но я все-таки положусь на ваше слово.

Выслушавъ еще разъ увѣреніе отъ нихъ обоихъ, что она смѣло можетъ полагаться на ихъ обѣщаніе, Ненси принялась описывать имъ мѣстность и наружный видъ того кабака, изъ котораго ее прослѣдили въ этотъ вечеръ. При этомъ она говорила такъ тихо, что шпіону подчасъ было трудно уловить даже общій смыслъ ея рѣчи.

Судя по тому, что она отъ времени до времени останавливалась, можно было заключить, что джентльменъ записываетъ на скорую руку ея указанія. Описавъ подробно мѣстность и наиболѣе удобный пунктъ, гдѣ можно было стать и караулить, не возбуждая вниманія, она назвала часы и дни, по которымъ Монксъ всего чаще заходитъ въ этотъ кабакъ. Затѣмъ она помолчала немного, какъ бы стараясь какъ можно живѣе воспроизвести въ своемъ воображеніи наружность Монкса.

— Онъ высокого роста, заговорила она,—и крѣпко сложенъ, но не толстъ; ходитъ онъ крадучись, и на ходу безпрестанно оглядывается себѣ черезъ плечо, то на одну сторону, то на другую. Не забывайте этого; глаза у него такъ глубоко сидятъ въ головѣ, какъ ни у кого другаго и уже по этому одному его почти можно признать. Лицо у него темное, такъ же какъ и глаза и волосы, но испитое и поблекшее, хотя ему никакъ не больше двадцати шести — восьми лѣтъ. Губы у него часто блѣднѣютъ и бываютъ обезображены слѣдами отъ зубовъ, потому что онъ подверженъ страшнымъ припадкамъ, во время которыхъ онъ даже руки себѣ въ кровь кусаетъ... Что это вы вздрогнули? спросила она, вдругъ останавливаясь.

Джентльменъ отвѣчалъ торопливо, что не замѣтилъ этого за собою и затѣмъ просилъ ее продолжать.

— Часть этихъ примѣтъ, сказала Ненси я разузнала отъ другихъ людей, бывающихъ въ кабакѣ, про который я вамъ говорила, потому что сама я видѣла его всего только два раза, и оба раза онъ былъ закутанъ въ большой плащъ. Кажется, это всѣ примѣты... Ахъ, нѣтъ, постойте. На горлѣ у него, такъ высоко, что вы можете видѣть надъ галстухомъ, когда онъ поворачиваетъ голову, идетъ...

— Широкая, красная полоса, похожая на слѣдъ отъ обжога, воскликнулъ джентльменъ.

— Какъ, вы его знаете? спросила Ненси.

Молодая дѣвушка вскрикнула отъ изумленія и съ минуту они всѣ трое стояли молча и такъ тихо, что незримый свидѣтель могъ слышать ихъ дыханіе.

— Кажется, что знаю, отвѣчалъ джентльменъ, нарушая молчаніе. — По крайней мѣрѣ, на сколько я могу судить по вашему описанію. Тамъ увидимъ. А впрочемъ, мало ли людей поразительно похожи другъ на друга? Быть можетъ, это и не онъ.

И проговоривъ это съ напускною небрежностью, онъ, должно быть, приблизился шага на два къ тому мѣсту, гдѣ скрывался шпіонъ, потому что послѣдній могъ явственно слышать, какъ онъ пробормоталъ:—это долженъ быть онъ!

— А теперь, заговорилъ онъ, возвращаясь на прежнее мѣсто, на сколько можно было судить по удаляющемуся звуку его голоса,— вы оказали намъ, милая моя, чрезвычайно важную услугу и мнѣ хотѣлось бы чѣмъ нибудь отплатить вамъ за нее. Скажите, что я могу сдѣлать для васъ?

— Ничего, отвѣчала Ненси.

— Не отказывайтесь такъ упорно, обратился къ ней джентльменъ съ такимъ чувствомъ и такою лаской въ голосѣ, что и гораздо болѣе ожесточенное сердце было бы тронуто.—Подумайте хорошенько, скажите!

— Ничего, сэръ, повторила Ненси и заплакала.— Вы ничѣмъ не можете помочь мнѣ. Для меня уже нѣтъ болѣе надежды.

— Вы сами лишаете себя надежды, возразилъ джентльменъ.— Ваше прошлое мрачно и ужасно, ваши молодыя силы были потрачены на зло, тѣ безцѣнныя сокровища, которыя Создатель даруетъ намъ только разъ въ жизни и никогда уже не даетъ вторично, были размыканы вами на всѣ четыре стороны. Но въ будущемъ для васъ еще есть надежда. Я не говорю, что въ нашей власти предложить вамъ миръ душевный, — онъ придетъ лишь по мѣрѣ того, какъ вы сами будете его искать. Но тихое, безопасное убѣжище въ Англіи, или,—если вы боитесь здѣсь оставаться,—въ какой нибудь другой странѣ, мы не только можемъ, но и отъ души желаемъ вамъ доставить. Прежде чѣмъ займется заря, прежде чѣмъ по рѣкѣ пронесется первое дуновеніе утра, вы будете доставлены въ такое мѣсто, гдѣ до васъ не доберутся прежніе ваши товарищи и пропадете для нихъ также безслѣдно, какъ если бы вы исчезли въ настоящую минуту съ лица земли. Пойдемте. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы возвращались туда даже на одну минуту, чтобы обмѣняться хоть однимъ словомъ съ прежними сообщниками, бросить хоть одинъ взглядъ на знакомые притоны или хотя бы вздохнуть тѣмъ воздухомъ, въ которомъ для васъ зараза и смерть. Бросьте ихъ всѣхъ, пока еще есть время и возможность!

— Она согласится теперь! воскликнула молодая дѣвушка.— Я вижу, она колеблется.

— Боюсь, что нѣтъ, душа моя, проговорилъ джентльменъ.

— Нѣтъ, сэръ, я не колеблюсь, проговорила Ненси, послѣ минутной борьбы съ самой собою. — Я прикована къ своей прежней жизни. Я, должно быть, зашла уже слишкомъ далеко, чтобы вернуться... а между тѣмъ, не знаю... Заговори вы такъ со мною нѣсколько времени тому назадъ, я бы только разсмѣялась вамъ въ лицо. — Но что это? продолжала она, торопливо оглядываясь,—опять этотъ страхъ нападаетъ на меня. Мнѣ надо домой.

— Домой? повторила Роза, многозначительно напирая на это слово.

— Да, барышня, отвѣчала Ненси. — Въ тотъ домъ, который я сама себѣ создала дѣлами всей своей жизни. Простимтесь. Меня могутъ выслѣдить или встрѣтить случайно. Ступайте, ступайте. Если я вамъ оказала какую нибудь услугу, единственная награда, которой я себѣ прошу, это, чтобы вы оставили меня одну и дали мнѣ идти своей дорогой.

— Безполезно ее уговаривать, вздохнулъ джентльменъ. — Мы только можемъ подвергнуть ее опасности, оставаясь здѣсь долѣе; и такъ мы задержали ее дольше, чѣмъ она расчитывала.

— Да, да, подхватила дѣвушка,—вы задержали меня.

— Боже мой! воскликнула Роза. — Что же ждетъ впереди это бѣдное созданіе?

— Что? повторила Ненси.—Взгляните передъ собою, барышня. Видите вы эти темныя волны? Вамъ часто случается читать въ газетахъ, что женщина бросилась въ рѣку, не оставивъ послѣ себя ни единой души, которая бы объ ней пожалѣла.—Все это такія же, какъ я.—Быть можетъ годы пройдутъ до этого конца, а быть можетъ только мѣсяцы; но раньше, или позже, мнѣ его не миновать.

— Не говорите такъ, умоляю васъ! рыдала Роза.

— До вашихъ ушей, милая барышня, это не дойдетъ и сохрани Богъ, чтобы вамъ слышать такіе ужасы, проговорила Ненси.—Прощайте, прощайте!

Джентльменъ повернулся, чтобъ идти.

— Вотъ кошелекъ! воскликнула Роза.—Возьмите его ради меня, чтобы у васъ было хоть что нибудь на черный день.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Ненси. — Я это сдѣлала не изъ-за денегъ; оставьте мнѣ хоть это воспоминаніе въ утѣшеніе. Но... дайте мнѣ какую нибудь вещь, которая вамъ бы принадлежала; мнѣ бы хотѣлось имѣть что нибудь отъ васъ... нѣтъ, нѣтъ... только не кольцо! — перчатку или носовой платокъ... что нибудь такое, что я могла бы сохранить на память объ васъ, дорогая моя барышня. Вотъ такъ! благодарю васъ, да благословитъ васъ Богъ! Прощайте, прощайте!

Волненіе, въ которомъ находилась дѣвушка, а такъ же опасеніе, чтобы ее не накрыли, что неминуемо должно было подвергнуть ее жестокостямъ и мщенію ея товарищей, — все это, повидимому, побудило джентльмена оставить ее одну, какъ она о томъ просила. По ступенямъ лѣстницы раздался звукъ удаляющихся шаговъ и голоса вскорѣ замерли въ отдаленіи.

Минуту спустя фигуры джентльмена и молодой дѣвушки показались на мосту. Они остановились у самаго спуска.

— Тсъ! проговорила молодая дѣвушка, прислушиваясь. — Она, какъ будто, зоветъ. Мнѣ послышался голосъ.

— Нѣтъ, душа моя, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу, печально оглядываясь назадъ. — Она и не пошевельнулась, и не шевельнется, пока мы не уйдемъ.

Роза Мейли все еще мѣшкала, но докторъ взялъ ее подъ руку и увлекъ ее прочь. Когда они скрылись изъ виду, Ненси легла почти пластомъ на одной изъ ступенекъ и вылила свое горе въ слезахъ.

Немного погодя она встала, и, шатаясь, побрела наверхъ. Изумленный шпіонъ простоялъ еще нѣсколько минутъ не шевелясь на своемъ мѣстѣ и, тщательно удостовѣрившись, что онъ одинъ, выползъ изъ своего убѣжища и поднялся наверхъ, крадучись вдоль стѣны, укрывавшей его своею тѣнью.

Дойдя до верху, Ноэ Клейполь еще разъ поглядѣлъ во всѣ стороны, чтобы убѣдиться, что его никто не можетъ замѣтить и затѣмъ пустился бѣжать къ жилищу жида со всей быстротою, на какую только были способны его ноги.

ГЛАВА XLV.

Роковыя последствія.

Дѣло было часа за два до разсвѣта—пора, которая въ осеннее время года, можетъ быть, по справедливости названа самою глухою порою ночи, -- когда улицы бываютъ безмолвны и пустынны, когда развратъ и кутежъ устѣли уже шатающейся походкой разбрестись по домамъ и грезятъ во снѣ. Въ эту-то тихую и безмолвную пору, жидъ сидѣлъ, бодрствуя, въ своей берлогѣ. Лицо его было такъ искажено и блѣдно, глаза его такъ покраснѣли и налились кровью, что онъ походилъ не на человѣка, а на какой-то чудовищный призракъ, вставшій прямо изъ гроба и преслѣдуемый злымъ духомъ.

Онъ сидѣлъ, скорчившись, передъ потухшимъ каминомъ, укутанный въ какое-то рваное одѣяло, и уставивъ глаза на свѣчу, которая догорала на стѣнѣ возлѣ него. Правая рука его была поднята къ губамъ, и, кусая въ раздумьи свои длинные черные ногти, онъ выставлялъ на видъ нѣсколько клыковъ, торчавшихъ тамъ и сямъ въ его беззубыхъ деснахъ, и походившихъ всего болѣе на зубы крысы или собаки.

Растянувшись на тюфякѣ, положенномъ на полъ, спалъ крѣпкимъ сномъ Ноэ Клейполь. Старикъ отъ времени до времени обращалъ на него на минуту свои взоры и затѣмъ снова уставлялся на свѣчу, длинный, нагорѣвшій фитиль которой и растопленное сало, накапавшее на столъ, ясно свидѣтельствовали, что мысли старика блуждали гдѣ-то далеко.

И онѣ, точно, блуждали далеко. Глубокое чувство униженія при видѣ неудачи, постигшей его геніальный планъ, ненависть къ дѣвушкѣ, осмѣлившейся вступить въ сношенія съ посторонними, полнѣйшее недовѣріе къ искренности ея отказа выдать его имъ, горькое разочарованіе при мысли, что задуманная месть Сайксу выскользнула у него изъ рукъ, страхъ раскрытія его темныхъ дѣлъ, страхъ разоренія и смерти,—и, какъ результатъ всего этого, бѣшеная злоба,—таковы были чувства, тѣснившіяся въ его душѣ, и соображенія, кру-

тившіяся вихремъ въ его мозгу. Не было преступной мысли и чернаго замысла, которые не возникали бы въ немъ въ эту минуту.

Онъ просидѣлъ, не меняя своей позы и не замѣчая, повидимому, уходившаго времени, пока его чуткое ухо не схватило звукъ шаговъ, приближавшихся по улицѣ.

— Наконецъ-то! пробормоталъ жидъ, проводя руками по своимъ пересохшимъ и горячимъ губамъ.—Наконецъ-то!

Въ эту минуту тихо звякнулъ звонокъ. Онъ неслышными шагами поднялся по лѣстницѣ къ двери и вскорѣ вернулся въ сопровожденіи человѣка, укутаннаго такъ, что одинъ подбородокъ его выставлялся наружу, и несшаго узелъ подъ мышкой. Когда человѣкъ этотъ присѣлъ на стулъ и сбросилъ свой плащъ, оказалось, что это Сайксъ.

— Ну вотъ, проговорилъ онъ, кладя узелъ на столъ, — убери это и постарайся выгадать изъ этого какъ можно больше. Побился таки я изъ-за этого узла! — я расчитывалъ вернуться часами тремя ранѣе.

Фэгинъ взялъ узелъ и, заперевъ его въ шкапъ, снова сѣлъ на свое мѣсто молча. Но за все это время онъ ни на минуту не сводилъ своихъ глазъ съ лица вора и теперь, когда они очутились другъ противъ друга, онъ уставился на него еще пристальнѣе. Губы его при этомъ такъ задергались и лицо такъ исказилось подъ вліяніемъ обуревавшихъ его чувствъ, что Сайксъ невольно отодвинулъ свой стулъ и посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ неподдѣльнаго испуга.

— Что такое? воскликнулъ Сайксъ. — Что ты такъ выпучилъ на меня глаза? Говори же!

Жидъ поднялъ свою правую руку и погрозился своимъ дрожащимъ указательнымъ пальцемъ въ воздухѣ,— но бѣшенство его было такъ велико, что голосъ отказывался служить ему въ эту минуту.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Сайксъ, ощупывая у себя что-то на груди съ видимою тревогой. — Да онъ помѣшался! Надо мнѣ остерегаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорилъ Фэгинъ, къ которому, наконецъ, вернулся голосъ. — Это не ты, Биль... Противъ тебя... я ничего не имѣю.

— Вотъ какъ! Въ самомъ дѣлѣ! проговорилъ Биль, мрачно глядя на него и хвастливо перекидывая пистолетъ изъ одного кар-

мана въ другой. — Чтожъ, это пріятно слышать, хотя еще неизвѣстно, кто изъ насъ двоихъ отъ этого въ выигрышѣ.

— Когда ты выслушаешь, Биль, то, что я имѣю сказать тебѣ, проговорилъ жидъ, придвигая къ нему стулъ, — ты еще и не такимъ сдѣлаешься, какъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ? недовѣрчиво спросилъ Сайксъ. — Такъ говори же. Да нельзя ли поскорѣе, а то Ненси подумаетъ, что я пропалъ.

— Пропалъ! воскликнулъ Фэгинъ. — Да она ужъ давно порѣшила это въ своихъ мысляхъ.

Сайксъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ въ лицо жиду и, не прочитавъ на этомъ лицѣ никакого объясненія загадки, схватилъ его своей могучей рукой за воротъ его платья и принялся трясти его изо всѣхъ силъ.

— Да скажешь ли ты наконецъ, въ чемъ дѣло? приговаривалъ онъ. — Я изъ тебя духъ вытрясу... Разинь свою глотку и говори толкомъ, что ты тамъ такое знаешь. Говори же, старый песъ!

— Предположимъ, что вотъ этотъ парень, который тутъ лежитъ... началъ Фэгинъ. Сайксъ повернулся къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Ноэ, котораго онъ до этого не замѣчалъ.

— Ну, что же дальше? сказалъ онъ, принимая прежнюю свою позу.

— Предположимъ, что этотъ парень, продолжалъ жидъ, — сдѣлалъ доносъ... подвелъ всѣхъ насъ... сначала подыскалъ для этого подходящихъ людей, потомъ назначилъ имъ свиданіе на улицѣ, описалъ имъ нашу наружность, каждую нашу примѣту и мѣсто, гдѣ насъ всего легче накрыть. Предположимъ, что онъ все это сдѣлалъ, — и, въ придачу, раскрылъ одно дѣльцо, въ которомъ всѣ мы были замѣшаны, болѣе или менѣе, — по своей доброй волѣ; — онъ не былъ пойманъ, уличенъ, отданъ на отчитываніе попамъ, посаженъ на хлѣбъ и на воду. Нѣтъ, онъ это сдѣлалъ для собственнаго своего удовольствія; онъ тайкомъ уходилъ по ночамъ, чтобы розыскать людей, которые ищутъ нашей погибели и выкладывалъ имъ все, что зналъ. Понимаешь ли ты?! крикнулъ жидъ, — и глаза его засверкали отъ бѣшенства. — Предположимъ, что онъ все это сдѣлалъ, — что тогда?

— Что тогда! воскликнулъ Сайксъ, разражаясь страшнымъ

проклятіемъ.—Если бы его еще оставили въ живыхъ до моего прихода, я бы растолокъ ему черепъ каблукомъ своего сапога на столько кусковъ, сколько у него волосъ на головѣ.

— А что если бы это сдѣлалъ я?.. почти взвизгнулъ жидъ.—Я, который знаю такъ много и могъ бы столькихъ людей выдать палачу?

— Не знаю, проговорилъ Сайксъ, стискивая зубы и блѣднѣя при одной мысли о подобной возможности. — Я бы натворилъ что нибудь въ тюрьмѣ съ тѣмъ, чтобы на меня надѣли оковы, и когда мнѣ дали бы очную ставку съ тобою въ судѣ, я бросился бы на тебя и передъ всей публикой, этими самыми оковами размозжилъ бы тебѣ голову. — У меня нашлось бы столько силы, пробормоталъ онъ, выставляя свою жилистую руку,—что вышло бы все равно, какъ если бы нагруженный возъ тебѣ по головѣ проѣхалъ.

— Ты бы это сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ ли бы я! воскликнулъ Сайксъ.—А вотъ, попробуй.

— А что если бы это сдѣлалъ Чарли, или лукавецъ, или Бетъ, или...

— Ну да тамъ кто бы ни былъ, нетерпѣливо перебилъ его Сайксъ. — Кто бы это ни сдѣлалъ, я бы развѣдался съ нимъ такъ же.

Фэгинъ пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника и, сдѣлавъ ему знакъ, чтобы онъ молчалъ, наклонился надъ тюфякомъ, лежавшимъ на полу, и принялся будить спящаго Ноэ. Сайксъ наклонился впередъ на своемъ стулѣ и, опершись руками о колѣна, сталъ глядѣть въ недоумѣніи, не понимая къ чему клонятся всѣ эти подготовленія и вопросы.

— Больтеръ, Больтеръ!.. Бѣдный, продолжалъ Фэгинъ, отворачиваясь къ Сайксу, съ выраженіемъ демоническаго ожиданія и говоря съ растановкой и съ особеннымъ удареніемъ на каждомъ словѣ.—Онъ усталъ... онъ такъ долго слѣдилъ за нею... слышишь ли, Сайксъ?—за нею слѣдилъ...

— Что ты хочешь сказать? спросилъ Сайксъ, откидываясь назадъ.

Жидъ не отвѣчалъ, но, наклонившись опять надъ спящимъ, приподнялъ его и посадилъ на постели. Ноэ, послѣ того, какъ псевдонимъ его былъ повторенъ нѣсколько разъ надъ его ухомъ, про-

теръ глаза и, сладко зѣвнувъ, принялся глядѣть съ соннымъ выраженіемъ вокругъ себя.

— Разскажите-ка про то еще разокъ, всего одинъ только разокъ,— вотъ для него, проговорилъ жидъ, указывая на Сайкса.

— Про что это? спросилъ недовольнымъ голосомъ сонный Ноэ.

— Да про... Ненси, отвѣчалъ жидъ, хватая Сайкса за руку, какъ бы съ цѣлью удержать его, чтобы онъ, чего добраго, не ушелъ изъ дому, прежде, чѣмъ услышитъ все.—Вы слѣдили за ней?

— Да.

— До Лондонскаго моста?

— Да.

— Тамъ она встрѣтилась съ двумя личностями?

— Да.

— Джентльменомъ и дамой, къ которымъ она еще до этого ходила по своей доброй волѣ. И они попросили ее выдать своихъ старыхъ товарищей, и прежде всѣхъ Монкса,—что она и сдѣлала,—и описать его примѣты,—что она и сдѣлала,—и указать тотъ кабакъ, въ которомъ мы сходимся,—что она и сдѣлала,—и сказать, съ какого мѣста всего удобнѣе подсматривать за приходящими,—что она и сдѣлала,—и назвать время, въ которое туда ходятъ,—что она и сдѣлала. Все это она сдѣлала, безъ понужденій, безъ угрозъ съ ихъ стороны, по своей охотѣ,—вѣдь такъ? Правду ли я говорю?! крикнулъ жидъ, почти обезумѣвъ отъ бѣшенства.

— Такъ, такъ, отвѣчалъ Ноэ, почесывая у себя въ головѣ. — Все это было такъ, какъ вы говорите.

— А что она сказала про прошлое воскресенье? спросилъ жидъ.

— Про прошлое воскресенье? повторилъ Ноэ, припоминая. — Да вѣдь я ужъ это вамъ разсказывалъ.

— Разскажите съизнова, разскажите съизнова! закричалъ Фэгинъ, сжимая одной рукою руку Сайкса, а другою потрясая въ воздухѣ, съ пѣною на губахъ.

— Они спросили у нея, проговорилъ Ноэ, который, успѣвъ понемногу очнуться отъ сна, начиналъ смутно догадываться кто такой Сайксъ, — они спросили у нея, почему она не приходила въ прошлое воскресенье, какъ обѣщалась. Она отвѣчала, что не могла...

— Почему... Почему? съ торжествующимъ видомъ перебилъ его Фэгинъ. — Скажите это вотъ ему.

— Потому что ее силою удержалъ дома Биль, тотъ человѣкъ, про котораго она говорила имъ раньше, отвѣчалъ Ноэ.

— А что она еще сказала объ этомъ человѣкѣ? воскликнулъ жидъ. — Что она еще сказала о человѣкѣ, про котораго говорила имъ раньше? — Разскажите ему, разскажите ему.

— Она говорила, что ей очень трудно уходить изъ дому, если онъ не знаетъ куда она идетъ, отвѣчалъ Ноэ, — и что въ первый разъ, когда она ходила къ этой дамѣ, она... Ха-ха-ха! — такъ мнѣ смѣшно сдѣлалось, какъ она это сказала, — напоила его прежде опіумомъ.

— Проклятье! крикнулъ Сайксъ, въ остервененіи вырывая свою руку отъ жида, — пусти меня отсюда!

И, отбросивъ старика въ сторону, онъ бросился вонъ изъ комнаты и со всѣхъ ногъ побѣжалъ по лѣстницѣ.

— Биль, Биль! закричалъ жидъ, бросаясь за нимъ въ догонку. Еще одно слово, одно только слово!

Это слово онъ такъ и не успѣлъ бы ему сказать, если бы дверь не оказалась запертою. Сайксъ тщетно потрясалъ ее съ самыми ужасными ругательными словами, когда его нагналъ Фэгинъ.

— Выпусти меня, обратился къ нему Сайксъ. — Не заговаривай со мною — я за себя не ручаюсь. Выпусти меня, говорю я тебѣ!

— Выслушай одно только слово, проговорилъ жидъ, кладя руку на засовъ. — Ты не поступишь слишкомъ...

— Что — слишкомъ? спросилъ тотъ.

— Ты не поступишь... слишкомъ... круто, Биль?

День въ это время занимался и было уже на столько свѣтло, что они могли разглядѣть лица другъ друга. Они обмѣнялись однимъ короткимъ взглядомъ—въ глазахъ обоихъ сверкалъ огонь, значеніе котораго было лишь слишкомъ явственно.

— Я хочу сказать, проговорилъ Фэгинъ, отбрасывая на этотъ разъ притворство, какъ вещь совершенно безполезную, — слишкомъ круто съ точки зрѣнія нашей безопасности. — Дѣйствуй больше хитростью, Биль, и не будь слишкомъ отваженъ.

Сайксъ не отвѣчалъ, и, толкнувъ дверь, которую жидъ успѣлъ отпереть, выбѣжалъ на безмолвную улицу.

Не останавливаясь ни на минуту, не поворачивая голову ни направо, ни налѣво, не поднимая глазъ къ небу и не опуская ихъ къ

землѣ, — глядя прямо передъ собою съ выраженіемъ какой-то свирѣпой рѣшимости и стиснувъ зубы такъ плотно, что челюсть выпячивалась изъ подъ кожи, воръ продолжалъ бѣжать безъ оглядки; онъ не проронилъ ни одного слова, не ослабилъ напряженіе ни одного мускула, пока не достигъ двери своего дома. Онъ тихо отперъ ее ключомъ, неслышными шагами поднялся по лѣстницѣ и, войдя въ свою комнату, два раза повернулъ ключь въ замкѣ двери, загородилъ ее тяжелымъ столомъ и откинулъ пологъ кровати.

Ненси лежала на кровати полураздѣтая. Приходъ его разбудилъ ее, она приподнялась испуганнымъ, быстрымъ движеніемъ.

— Вставай, проговорилъ Сайксъ.

— Ахъ, это ты Биль! воскликнула дѣвушка и выраженіе радости мелькнуло на ея лицѣ.

— Я, было ей отвѣтомъ. — Вставай!

Въ комнатѣ горѣла свѣча, но Сайксъ поспѣшно выхватилъ ее изъ подсвѣчника и швырнулъ въ каминъ. Замѣтивъ слабый свѣтъ занимающагося дня въ окнѣ, Ненси встала и хотѣла поднять сторы.

— Оставь, сказалъ Сайксъ, загораживая ей дорогу рукою; для того, что мнѣ надо сдѣлать и такъ достаточно свѣтло.

— Биль, проговорила дѣвушка тихимъ, испуганнымъ голосомъ, — что ты такъ странно смотришь на меня?

Биль просидѣлъ нѣсколько секундъ глядя на нее въ упоръ, съ раздувающимися ноздрями и высоко поднимающеюся грудью; затѣмъ, схвативъ ее за горло и за голову, онъ оттащилъ ее въ самую средину комнаты и, оглянувшись еще разъ на дверь, положилъ свою тяжелую руку ей на ротъ.

— Биль, Биль, бормотала дѣвушка, выбиваясь отъ него со всею силою смертельнаго испуга. — Я... я не буду кричать или плакать... Я ни разу не крикну... Но... выслушай меня... скажи мнѣ хоть слово... Скажи мнѣ, что я такое сдѣлала?

— Ты это сама знаешь, чертовка! отвѣчалъ Сайксъ, сдерживая дыханіе. — За тобой слѣдили нынче ночью, — каждое твое слово извѣстно.

— А коли такъ, то пощади же мою жизнь, ради Бога, какъ я пощадила твою, отвѣчала дѣвушка, ласкаясь къ нему. — Биль, милый Биль, не можетъ быть, чтобы у тебя хватило духу убить меня. О, подумай только обо всемъ, что я отвергла сегодня ради тебя!

Нѣтъ, какъ ты ни отбивайся, — у тебя будетъ время подумать и уберечь себя отъ этого преступленія — я не выпущу твоихъ рукъ, ты не можешь ихъ вырвать у меня. Биль, Биль! ради Бога, ради себя самого, ради меня, — подумай, прежде чѣмъ ты прольешь мою кровь. Я была вѣрна тебѣ, клянусь моею грѣшною душою, я была тебѣ вѣрна!

Сайксъ дѣлалъ неистовыя усилія, чтобы освободиться отъ ея объятій, но руки дѣвушки такъ и замерли вокругъ его рукъ и, сколько онъ ни бился, онъ не могъ ихъ оторвать.

— Биль! воскликнула она, пытаясь положить голову къ нему на грудь,—этотъ джентльменъ и эта добрая барышня говорили мнѣ сегодня объ убѣжищѣ въ чужой странѣ, гдѣ мнѣ можно будетъ дожить свой вѣкъ уединенно и мирно. Дай мнѣ повидаться съ ними еще разъ и вымолить у нихъ на колѣняхъ ту же милость и для тебя! Оставимъ оба это ужасное мѣсто, попробуемъ, вдали другъ отъ друга, зажить лучшею жизнью; позабудемъ наше прошлое и будемъ вспоминать о немъ лишь въ молитвахъ. Никогда не поздно раскаяваться, — они мнѣ говорили это, и я чувствую теперь что это правда... Но, нужно время, чтобъ раскаяться... нужно хоть немного времени...

Сайксъ высвободилъ одну руку и схватилъ пистолетъ. При всемъ его бѣшенствѣ, мысль, что преступленіе его тотчасъ же откроется, если онъ выстрѣлитъ, мелькнула у него въ головѣ, и онъ два раза ударилъ изо всѣхъ силъ пистолетомъ по поднятому къ нему лицу дѣвушки, которое почти соприкасалось съ его собственнымъ.

Она потянулась и упала, почти ослѣпленная кровью, которая хлынула изъ глубокой раны, зіявшей на ея лбу; но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, она съ трудомъ приподнялась на колѣни, вынула изъ за пазухи бѣлый носовой платокъ, — тотъ самый, который дала ей Роза Мейли,—и, поднявъ его высоко въ своихъ сложенныхъ рукахъ,—въ одномъ вздохѣ излила молитву о прощеніи къ Творцу.

Видъ ея былъ страшенъ. Убійца, шатаясь отступилъ къ стѣнѣ и, закрывъ глаза рукою, чтобы не видѣть своего дѣла, схватилъ тяжелую дубину и добилъ ее ею.

ГЛАВА XLVI.

Бѣгство Сайкса.

Изо всѣхъ черныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ эту ночь подъ покровомъ тьмы въ предѣлахъ Лондона, это было самое черное. Изо всѣхъ ужасовъ, которые зловонными испареніями поднялись въ утреннемъ воздухѣ, это былъ самый злодѣйскій и гнусный.

Солнце, — ясное солнце, которое приноситъ съ собою не одинъ свѣтъ, но и новую жизнь, надежду и бодрость человѣку, — встало надъ люднымъ городомъ въ безоблачномъ лучезарномъ сіяніи. Нелицепріятно лило оно свои лучи и сквозь дорогія цвѣтныя стекла и въ окно, залѣпленное бумагой, и въ просвѣты соборнаго свода и въ щели нищенскаго убѣжища. Освѣтило оно и комнату, въ которой лежала убитая женщина. Онъ пробовалъ заградить ему доступъ, но лучи его пробивались опять и опять. Если зрѣлище было ужасно при тускломъ свѣтѣ утра, то каково же оно стало теперь, при яркомъ дневномъ освѣщеніи?

За все это время, онъ не трогался съ своего мѣста: онъ боялся пошевельнуться. Разъ послышался стонъ и рука сдѣлала движеніе;— страхъ присоединился въ немъ къ злобѣ и онъ нанесъ нѣсколько новыхъ ударовъ. Разъ онъ набросилъ было коверъ на *это*; но еще страшнѣе было воображать глаза подъ этимъ ковромъ и какъ они поворачиваются прямо по направленію къ нему; ужъ лучше было видѣть ихъ открытыми и уставленными, какъ бы въ руздумьи, на лужу крови, переливавшуюся и дрожавшую въ солнечныхъ лучахъ на потолкѣ. — Онъ свернулъ коверъ. — И вотъ опять передъ нимъ лежитъ это тѣло,—простая масса мяса и крови, но что это за мясо и что это за кровь!

Онъ зажегъ свѣчу, затопилъ каминъ и сунулъ въ него дубину. На одномъ изъ концовъ дубины былъ пучокъ человѣческихъ волосъ, который вспыхнулъ, мгновенно превратился въ легкую золу и, подхваченный тягою, унесся въ трубу камина. Даже это ничтожное обстоятельство испугало его, закаленнаго во всѣхъ ужасахъ, но онъ

продолжалъ держать орудіе, пока оно не переломилось; тогда онъ сгребъ его головни на уголья и далъ имъ сгорѣть до тла. Потомъ онъ вымылся и затеръ пятна на своемъ платьѣ; нѣкоторыя пятна никакъ нельзя было вывести; тогда онъ вырѣзалъ эти мѣста и сжегъ ихъ. Сколько этихъ пятенъ было разсѣяно по комнатѣ! Самыя ноги собаки были въ крови.

За все это время онъ ни разу, ни на одну минуту не повернулся спиной къ трупу. Когда всѣ приготовленія были окончены, онъ сталъ пятиться назадъ къ двери, таща за собою собаку, изъ страха, чтобы она не ускорила, оставаясь въ комнатѣ, открытіе преступленія. Онъ осторожно притворилъ за собою дверь, заперъ ее, взялъ ключъ съ собою и вышелъ изъ дома.

Очутившись на улицѣ, онъ перешелъ на противуположную ея сторону и взглянулъ на окно, чтобы удостовѣриться, что ничего не видно снаружи. Окно все еще было завѣшено сторою, которую она было хотѣла поднять, чтобы впустить дневной свѣтъ, котораго ей не суждено было увидѣть. Онъ зналъ, что тѣло лежитъ какъ разъ за этимъ окномъ. Боже, Боже! какъ солнце лило свои лучи прямо на это мѣсто!

Онъ остановился только на минуту. Было уже большимъ облегченіемъ не быть въ этой комнатѣ. Онъ подозвалъ собаку и быстрыми шагами пошелъ прочь.

Онъ миновалъ Айлингтонъ, достигнувъ Гайгэта, поднялся на холмъ, на которомъ стоитъ памятникъ въ честь Уиттингтона, потомъ повернулъ къ Гайгэтъ-Гилю въ нерѣшимости и не зная, куда ему направить свои шаги. Онъ повернулъ направо, обогнулъ тропинкой, идущей черезъ поля, Кэнскій лѣсъ, и вышелъ къ Гэмпстэдскому полю, поросшему кустарникомъ. Пройдя черезъ пещеру близъ Цѣлебнаго Ручья, онъ поднялся на противуположный берегъ, пересѣкъ дорогу соединяющую селенія Гэмпстэдъ и Гайгэтъ, опять пошелъ кустарникомъ по направленію къ полямъ Нортъ-Энда, и, достигнувъ этого мѣста, завалился спать въ тѣни одной изгороди.

Спалъ онъ не долго и, проснувшись, снова пустился въ путь. На этотъ разъ онъ повернулъ было опять къ Лондону, по большой дорогѣ, потомъ снова повернулъ назадъ, за городъ, потомъ пересѣкъ въ другомъ направленіи тѣ мѣста, которыми уже проходилъ; онъ то блуждалъ взадъ и впередъ по полямъ, то ложился отдохнуть на бе-

регу канавъ, то снова вскакивалъ и шелъ въ какое нибудь другое мѣсто, а тамъ опять ложился и опять вскакивалъ.

Какое бы ему мѣсто выбрать, — не слишкомъ людное и по близости,—гдѣ бы ему можно было поѣсть и напиться?—Самое лучшее было идти въ Гендонъ; и недалеко, и, въ тоже время, совсѣмъ въ сторонѣ. Туда-то онъ и направилъ свои шаги, — то припускаясь бѣжать со всѣхъ ногъ, то мѣшкая въ какомъ-то странномъ припадкѣ упрямства и едва влача ноги, или же и вовсе останавливаясь и обивая безцѣльно вѣтви изгородей своей палкой. Но когда онъ дошелъ до Гендона, ему стало казаться, что всѣ люди, попадавшіеся ему на встрѣчу, даже дѣти у дверей домовъ смотрятъ на него подозрительными взглядами. Онъ снова повернулъ назадъ, не отважившись купить ни одного куска пищи, ни одной капли питья, хотя прошло уже много часовъ, что онъ ничего не ѣлъ и не пилъ. И опять онъ сталъ блуждать по кустарнику, не зная куда ему идти.

Такъ исходилъ онъ цѣлыя мили и опять возвращался на прежнее мѣсто, Утро прошло, — прошелъ и полдень; начинало уже вечерѣть, а онъ все бродилъ взадъ и впередъ и кружился около одного и того же мѣста. Наконецъ, онъ выбрался изъ этого заколдованнаго круга и направился къ Гэтфильду.

Было уже девять часовъ вечера, когда Сайксъ, въ полномъ изнеможеніи и собака его, еле передвигая ноги послѣ такой непривычной прогулки, спустились съ пригорка и вышли къ церкви тихой деревушки; осторожно пробравшись маленькой улицей, они завернули въ кабачокъ, къ которому привели ихъ свѣтившіеся въ немъ огни. Въ курильной комнатѣ топился каминъ и нѣсколько крестьянъ сидѣло у камелька, попивая свое пиво. Они потѣснились, чтобы опростать мѣсто для новаго пришельца, но тотъ забился въ самый дальній уголъ комнаты и принялся ѣсть и пить одинъ, или, вѣрнѣе, въ обществѣ своей собаки, которой бросалъ отъ времени до времени кусокъ съ своей тарелки.

Разговоръ присутствующихъ вращался на качествѣ сосѣднихъ земель и на дѣлахъ окрестныхъ фермеровъ. Когда этотъ предметъ былъ истощенъ, рѣчь зашла о возрастѣ одного старика, котораго схоронили въ предшествующее воскресенье; при чемъ молодые люди между присутствующими находили, что покойникъ дожилъ до глубокой старости, а старики, напротивъ, утверждали, что онъ умеръ

очень молодъ. — Вѣдь онъ былъ не старѣе меня, замѣтилъ одинъ сѣдовласый дѣдъ, — и могъ бы добрыхъ десять, пятнадцать лѣтъ прожить, если бы только поберегся,—вся бѣда въ томъ, что онъ не поберегся.

Во всемъ этомъ не было ничего такого, что могло бы обратить на себя вниманіе, или возбудить подозрѣнія. Убійца, заплативъ за свой ужинъ, продолжалъ сидѣть молча, позабытый всѣми, въ своемъ углу; онъ уже было задремалъ, какъ вдругъ его заставило встрепенуться шумное появленіе новаго лица.

То была оригинальная личность, на половину разнощикъ и на половину шарлатанъ, странствовавшій по окрестности пѣшкомъ и продававшій бруски, ремни, бритвы, ваксу, лекарственныя снадобья для собакъ и лошадей, дешевые духи, косметики и т. п. товары, которые онъ носилъ въ коробкѣ за спиною. Приходъ его послужилъ сигналомъ для разныхъ незамысловатыхъ шутокъ, которыя такъ и сыпались изъ его устъ пока онъ утолялъ свой аппетитъ; поужинавъ, онъ раскрылъ свой коробокъ и не замедлилъ соединить пріятное съ полезнымъ.

— А это, что за штука, Гарри, — съѣдобная что ли? спросилъ одинъ крестьянинъ, широко улыбаясь во весь ротъ и указывая на какія-то лепешки, лежавшія въ углу коробка.

— Это, отвѣчалъ разнощикъ, вынимая одну изъ лепешекъ и показывая ее присутствующимъ,—это самое вѣрное и незамѣнимое средство для выведенія всевозможныхъ пятенъ, отъ ржавчины, грязи, плѣсни, брызговъ на шелкѣ, атласѣ, полотнѣ, коленкорѣ, сукнѣ, крепѣ, ковровыхъ матеріяхъ, мериносѣ, кисеѣ, бумазеѣ или шерстяной матеріи. Пятна отъ вина, пятна отъ фруктовъ, пятна отъ воды, пятна отъ краски, пятна отъ смолы,—какія угодно пятна, словомъ, исчезаютъ отъ одного прикосновенія этого незамѣнимаго и неоцѣненнаго снадобья. Если дама запятнаетъ свою честь,—стоитъ ей только проглотить одну лепешечку, и она вылѣчена, потому что это—ядъ. Если джентльменъ желаетъ отстоять свою честь, — стоитъ ему запустить такую же лепешку своему врагу,—и дѣло сдѣлано, потому что эта штука стоитъ пистолетной пули и, въ придачу, гораздо хуже на вкусъ, а потому, тѣмъ больше чести проглотить ее. И при всѣхъ этихъ достоинствахъ, — всего одинъ пенни за штуку!

Послѣ этой рѣчи тотчасъ же явилось два покупщика и еще нѣ-

сколько человѣкъ слушателей находились явнымъ образомъ въ нерѣшимости. Продавецъ замѣтилъ это и затараторилъ съ еще большею развязностью.

— Средство это раскупаютъ нарасхватъ, такъ что не успѣваютъ изготовлять новые запасы. Четырнадцать водяныхъ мельницъ шесть паровыхъ машинъ и одна гальваническая баттарея непрерывно работаютъ надъ его изготовленіемъ, — и все-таки не поспѣваютъ, даромъ что рабочіе на этихъ заводахъ такъ усердствуютъ, что заработываются до смерти и вдовы ихъ тотчасъ же получаютъ пенсію, — по двадцати фунтовъ въ годъ на каждаго ребенка, съ преміей въ пятьдесятъ фунтовъ на каждую пару близнецовъ. Одинъ пенни за штуку, или, если хотите, два пол-пенни, а то и четыре фартинга съ радостью будутъ приняты. Пятна отъ вина, пятна отъ фруктовъ, пятна отъ пива, пятна отъ воды, пятна отъ краски, пятна отъ смолы, пятна отъ грязи, пятна отъ крови... да вотъ, я вижу пятно на шляпѣ одного изъ присутствующихъ джентльменовъ, и не успѣетъ онъ заказать кружку эля для меня, какъ я ему выведу это пятно.

— Эй, вы! крикнулъ Сайксъ, вскакивая, — отдайте мнѣ шляпу!

— Не безпокойтесь, сэръ, отвѣчалъ разнощикъ, подмигивая остальной компаніи.—Я вамъ выведу его, прежде чѣмъ вы успѣете пройти черезъ комнату, чтобы взять отъ меня вашу шляпу. Видите, господа честные, это темное пятно на шляпѣ этого джентльмена? Оно не больше шиллинга, но слой его толще полкроны. Отъ чего бы оно ни произошло: отъ вина ли, отъ фруктовъ ли, отъ пива ли, отъ воды ли, отъ краски ли, отъ смолы ли, отъ грязи или отъ крови...

Дальше разнощикъ не могъ договорить, потому что Сайксъ, съ ужаснымъ проклятіемъ, опрокинулъ столъ и, вырвавъ у него шляпу, бросился вонъ изъ кабака.

И съ тою извращенностью побужденій и непостижимою нерѣшительностью, которая тяготѣла надъ нимъ вопреки его волѣ весь этотъ день, убійца, какъ только убѣдился, что за нимъ никто не слѣдитъ и что его, по всѣмъ вѣроятіямъ приняли за какого нибудь пьянчужку необщительнаго нрава, — повернулъ назадъ по направленію къ городу; посторонившись такъ, чтобы на него не падалъ свѣтъ отъ фонарей дилижанса, стоявшаго на улицѣ, онъ уже хотѣлъ идти далѣе, какъ вдругъ замѣтилъ, что это тотъ самый дилижансъ, который возитъ лондонскую почту и что небольшое зданіе, у котораго

онъ остановился—мѣстная почтовая контора. Онъ почти зналъ напередъ то, что теперь должно произойти, и все же, не могъ удержаться: онъ перешелъ черезъ улицу и сталъ прислушиваться.

Сторожъ стоялъ у двери и дожидался почтовой сумки. Въ эту минуту подошелъ человѣкъ, одѣтый лѣснымъ сторожомъ и сторожъ почтовой конторы передалъ ему какую-то корзину, отставленную въ сторонку на землѣ.

— На вотъ, это для твоихъ, проговорилъ онъ. — А теперь, живо! загляни-ка, что въ ней.

— Чортъ бы побралъ эту корзину! проворчалъ сторожъ.—Вѣдь ей бы еще третьяго дня вечеромъ слѣдовало быть здѣсь.

— Что новенькаго въ городѣ, Бэнъ? спросилъ лѣсной сторожъ, отходя къ окну, чтобы удобнѣе полюбоваться на лошадей.

— Да ничего, кажись, особеннаго, отвѣчалъ почтальонъ, натягивая перчатки.—Хлѣбъ поднялся немного въ цѣнѣ.—Слышалъ я такъ же, что нынѣшнюю ночь было убійство, гдѣ то около Спитальсфильда,—ну, да это еще можетъ такъ только болтаютъ.

— Нѣтъ, это совершенная правда, вмѣшался одинъ джентльменъ, стоявшій въ почтовой конторѣ у открытаго окна.—И что за ужасное убійство!

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ? проговорилъ лѣсной сторожъ, поднося руку къ полямъ своей шляпы.—Позвольте узнать, сэръ, кто убитъ— мужчина или женщина?

— Женщина, отвѣчалъ джентльменъ.—Предполагаютъ, что...

— Эй, Бэнъ, скоро ли?! нетерпѣливо крикнулъ кучеръ.

— Чортъ бы побралъ эту корзину, ворчалъ сторожъ.—Да что вы тамъ заснули, что ли?

— Иду, иду! крикнулъ смотритель конторы, выбѣгая.

— Иду! проворчалъ сторожъ.—Вонъ молодая, добропорядочная дѣвица, что должна влюбиться въ меня, тоже, говорятъ обѣщалась прійти, да когда то это будетъ! Готово?—Тро-гай!

Рожокъ протрубилъ свой коротенькій веселый мотивъ и карета уѣхала.

Сайксъ остался неподвижно на улицѣ, повидимому совершенно равнодушный къ тому, что ему сейчасъ довелось слышать и не обуреваемый никакими иными чувствами, кромѣ нерѣшимости, куда ему

идти. Наконецъ, онъ опять повернулъ назадъ и пошелъ по той дорогѣ, которая ведетъ изъ Гэтфильда въ Сентъ-Альбансъ.

Онъ шелъ въ угрюмо-сосредоточеннымъ настроеніи духа. Но, когда городъ остался позади его, и онъ сталъ все болѣе и болѣе погружаться въ одиночество и мракъ дороги, онъ почувствовалъ такой страхъ и ужасъ, который сталъ пробирать его до мозга костей. Каждый предметъ впереди его,—все ровно, было ли то нѣчто осязаемое или просто тѣнь, двигалось ли оно, или стояло на мѣстѣ,—принималъ подобіе чего то ужаснаго. Но эти страхи были ничто въ сравненіи съ преслѣдовавшимъ его ощущеніемъ, будто страшный образъ, видѣнный имъ сегодня утромъ, идетъ за нимъ по пятамъ. Онъ могъ разглядѣть тѣнь этого образа во мракѣ, до малѣйшихъ подробностей очертанія, могъ замѣтить какъ чинно и торжественно онъ шагалъ. Онъ слышалъ шелестъ его одеждъ о листья и каждое дуновеніе вѣтра приносило ему этотъ тихій предсмертный стонъ. Если онъ останавливался, оно тоже останавливалось. Если онъ пускался бѣжать и оно слѣдовало за нимъ, — но не бѣгомъ, это еще было бы облегченіемъ, но подобно трупу, одаренному лишь механическою жизненностью и несомому на крыльяхъ какого-то тихаго, унылаго вѣтра, который дулъ все равно, не ускоряясь и не замедляясь.

Порою онъ оборачивался съ отчаянною рѣшимостью дать отпоръ этому привидѣнію, хотя бы оно должно было сразить его своимъ взглядомъ на смерть, но волосы становились у него дыбомъ и кровь останавливалась въ жилахъ, потому что оказывалось, что привидѣніе повернуло вмѣстѣ съ нимъ и стояло у него опять за спиною. Утромъ онъ держался къ нему постоянно лицомъ, теперь же оно постоянно держалось позади его. Онъ попробовалъ прислониться спиною къ насыпи въ сторонѣ отъ дороги, но тутъ онъ почувствовалъ, что оно стало надъ его головою, обрисовываясь своими очертаніями на фонѣ холоднаго ночного неба.

Онъ бросился на спину посреди дороги. Тогда оно очутилось у него въ головахъ, безмолвное, прямое, недвижимоэ, точно живой могильный памятникъ съ надписью, выведенною кровавыми буквами.

Не говорите, что убійцамъ случается ускользать отъ правосудія, не намекайте, что Провидѣніе можетъ задремать. Одно безконечное мгновеніе этого смертельнаго ужаса стоило сотенъ насильственныхъ смертей.

Въ полѣ, которымъ онъ проходилъ, былъ сарай, представлявшій довольно удобный пріютъ на ночь. Передъ самымъ входомъ росли три высокіе тополя, которые дѣлали внутренность сарая еще болѣе темною и вѣтеръ завывалъ съ какимъ-то надрывающимъ душу стономъ въ ихъ вѣтвяхъ. Нельзя же было идти всю ночь до разсвѣта. И вотъ онъ растянулся, прижавшись къ самой стѣнѣ, но это послужило лишь началомъ новой пытки.

Теперь ему стало мерещиться другое видѣніе, столь же неотвязное, и еще болѣе ужасное чѣмъ то, отъ котораго онъ только-что избавился. Эти глаза, такіе безжизненные и стеклянные, что ему легче было смотрѣть въ нихъ прямо, чѣмъ воображать ихъ себѣ, появились передъ нимъ во мракѣ. Ихъ было только двое, но они были повсюду, они свѣтились сами, но ничего не освѣщали. Если онъ зажмуривался, чтобы ихъ не видѣть, передъ нимъ обрисовывалась комната со всѣми знакомыми предметами — до такихъ мельчайшихъ подробностей, которыя онъ даже позабылъ бы, если бы вздумалъ перечислить всѣ эти предметы на память; — все стояло на своемъ обычномъ мѣстѣ. Тѣло тоже лежало на *своемъ* мѣстѣ и глаза его были такіе же, какими онъ ихъ видѣлъ, уходя изъ комнаты. Онъ вскочилъ и выбѣжалъ въ открытое поле. Привидѣніе появилось за нимъ снова. Онъ вернулся въ сарай и упалъ на землю; не успѣлъ онъ лечь, какъ глаза опять засвѣтились во мракѣ.

Онъ лежалъ въ сараѣ, мучимый ужасомъ, мѣру котораго онъ самъ только могъ знать; онъ трясся какъ осиновый листъ и холодный потъ выступалъ изо всѣхъ поръ его тѣла. Вдругъ ночной вѣтеръ донесъ до него откуда-то крики и ревъ сливавшихся голосовъ, выражавшихъ испугъ и удивленіе. Всякій звукъ, исходившій отъ людей, хотя бы и говорившій о присутствіи дѣйствительной опасности, былъ для него, въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, облегченіемъ. Въ виду реальной опасности, которой онъ могъ подвергаться, къ нему вернулись его энергія и сила; онъ вскочилъ на ноги и выбѣжалъ въ открытое поле.

Все небо казалось въ огнѣ. Языки пламени высоко поднимались въ воздухѣ одинъ за другимъ и сыпали цѣлымъ дождемъ искръ, озаряя всю атмосферу на цѣлыя мили въ окружности и гоня клубы дыма въ томъ направленіи, гдѣ онъ стоялъ. Крики становились все громче, по мѣрѣ того, какъ новые голоса примыкали къ общему хору и до него явственно доносился крикъ: „Пожаръ!“ въ перемежку со

звономъ набата, съ грохотомъ отъ паденія тяжелыхъ тѣлъ и съ трескомъ огня, когда онъ обвивался вокругъ какого-нибудь новаго предмета и поднимался вверхъ, какъ бы подкрѣпленный новою пищею. Пока Сайксъ смотрѣлъ, шумъ становился все сильнѣе. Тамъ были люди, — мужчины и женщины, — тамъ былъ свѣтъ, суматоха. Онъ точно ожилъ. Онъ бросился впередъ и побѣжалъ безъ оглядки, по прямой линіи, не разбирая ни кустовъ, ни канавъ, перелезая черезъ изгороди, а за нимъ, тѣмъ же сумасшедшимъ бѣгомъ, оглашая воздухъ громкимъ и звонкимъ лаемъ, мчалась собака.

Онъ прибѣжалъ на мѣсто пожара. Полуодѣтые люди метались во всѣ стороны. Одни старались вывести изъ стойлъ испуганныхъ лошадей, другіе выходили, нагруженные пожитками, изъ пылающаго зданія и пробирались подъ градомъ искръ и между падающихъ огненно-красныхъ балокъ. Въ отверстія,—гдѣ всего какой-нибудь часъ тому назадъ были окна и двери,—виднѣлось цѣлое море бурно разливавшагося пламени. Стѣны шатались и рушились въ это огненное море; растопленный свинецъ капалъ на землю. Женщины и дѣти визжали, мужчины ободряли другъ друга громкими возгласами и криками. Стукъ насосовъ, которыми накачивали воду и шипѣнье воды, попадавшей на пылающее дерево, присоединялись къ этому адскому концерту. Онъ тоже принялся кричать и кричалъ пока не охрипъ; спасаясь отъ воспоминаній и отъ самого себя, онъ бросился въ самый развалъ сумятицы.

Много метался онъ въ эту ночь то туда, то сюда, то помогая качать воду, то бросаясь сквозь пламя и дымъ и выбирая все такія мѣста, гдѣ было люднѣе и шумнѣе. Вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, на кровляхъ зданій, на полахъ, которые трещали и шатались подъ тяжестью его тѣла, подъ градомъ падающихъ кирпичей и каменьевъ,— не было такого мѣста во всемъ этомъ большомъ пожарѣ, гдѣ бы онъ не побывалъ; но жизнь его была точно заколдована; онъ не получилъ ни одной царапины, ни одного ушиба, онъ не ощущалъ ни малѣйшей усталости, пока наконецъ не занялось утро и не освѣтило груду пылающихъ развалинъ.

Когда прошло это сумасшедшее возбужденіе, къ нему съ удесятеренной силой вернулось страшное сознаніе его преступленія. Онъ боязливо оглядывался кругомъ, потому что люди разговаривали между собою, раздѣлившись на группы и онъ боялся, не о немъ ли они го-

ворятъ. Собака тотчасъ же послѣдовала за знакомъ, который онъ ей сдѣлалъ пальцемъ и оба они украдкой стали пробираться въ сторону. Ему пришлось проходить мимо одной пожарной трубы, возлѣ которой сидѣла кучка людей. Они подозвали его и пригласили закусить вмѣстѣ съ ними. Онъ поѣлъ немного хлѣба и мяса, и въ то время, когда онъ запивалъ ѣду пивомъ онъ услышалъ, что пожарные, которые прiѣхали изъ Лондона, разговариваютъ между собою объ убійствѣ. — Онъ, говорятъ, ушелъ въ Бирмингэмъ, сказалъ одинъ изъ пожарныхъ, — ну да его еще поймаютъ! ужъ сыщики пустились въ погоню и завтра же къ вечеру будетъ по всей этой мѣстности оповѣщено о немъ.

Онъ поспѣшно удалился и шелъ до тѣхъ поръ, пока ноги не отказались его нести. Тогда онъ легъ у одной изгороди и погрузился въ продолжительный, но тревожный и прерывистый сонъ. Проснувшись, онъ сталъ опять блуждать въ нерѣшимости куда идти и томимый страхомъ новой одинокой ночи.

Вдругъ онъ принялъ отчаянное рѣшеніе вернуться въ Лондонъ.

— Тамъ, по крайней мѣрѣ, хоть найдется съ кѣмъ говорить, подумалъ онъ.—Да и спрятаться тамъ всего удобнѣе. Имъ никогда и въ голову не придетъ отыскивать меня въ Лондонѣ ужъ послѣ того, какъ они начали выслѣживать меня за городомъ. Отчего мнѣ и не притаиться тамъ недѣльку, а затѣмъ вымозжу денегъ съ этого Фэгина и переберусь во Францію. Чортъ возьми! Рискну-ко я!

Сказано-сдѣлано. Онъ выбралъ наименѣе людную дорогу и пустился въ обратный путь, рѣшившись скрываться днемъ гдѣ нибудь по близости отъ столицы, а съ наступленіемъ сумерокъ пробраться окольной дорогой въ городъ и направиться прямо къ тому пункту, который онъ себѣ помѣтилъ, какъ наиболѣе подходящій для его цѣли.

Но собака?.. Если только успѣли опубликовать описаніе его примѣтъ, то, навѣрное, не упустили изъ виду, что собака тоже исчезла и должна, слѣдовательно, быть съ нимъ. Такимъ образомъ по ней его могутъ узнать когда онъ будетъ проходить по улицамъ. Онъ рѣшился утопить ее и шелъ, высматривая какой нибудь прудъ; по дорогѣ онъ подобралъ тяжелый камень и обвязалъ его своимъ носовымъ платкомъ.

Животное глядѣло въ лицо своему господину во время этихъ приготовленій и, потому ли что инстинктъ подсказалъ ему что-то недоброе, или же потому, что боковой взглядъ, который убійца при этомъ бросилъ на него, былъ суровѣе обыкновеннаго, — только оно стало отставать нѣсколько болѣе чѣмъ прежде и, медленно подвигаясь впередъ, поджимало хвостъ и припадало къ землѣ. Когда Сайксъ остановился на берегу пруда, и оглянулся, чтобы подозвать собаку,—та стала поодаль и не трогалась съ мѣста.

— Говорятъ тебѣ: поди сюда! крикнулъ Сайксъ, свиснувъ.

Животное подошло, повинуясь по инерціи силѣ привычки; но когда Сайксъ наклонился, чтобы обвязать ему платокъ вокругъ горла, оно издало тихое рычанье и отскочило прочь.

— Назадъ! крикнулъ убійца, топнувъ ногою. Собака виляла хвостомъ, но не шла. Тогда Сайксъ сдѣлалъ петлю изъ платка и подозвалъ ее снова.

Собака сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ опять попятилась, остановилась на минуту и затѣмъ, повернувъ назадъ, пустилась бѣжать отъ него со всѣхъ ногъ.

Сайксъ нѣсколько разъ свиснулъ, потомъ присѣлъ и сталъ дожидаться, думая, что она скоро вернется. Но собака не возвращалась и онъ продолжалъ свой путь.

ГЛАВА XLVII.

Монксъ и м-ръ Броунлоу наконецъ встрѣчаются. Ихъ разговоръ и извѣстіе, которое прерываетъ его.

Уже начало смеркаться, когда м-ръ Броунлоу вышелъ изъ наемной кареты, остановившейся у двери его собственнаго жилища и тихонько постучался. Когда дверь отворили, изъ кареты высадился

коренастый мужчина и остановился на подножкѣ у одной дверцы, между тѣмъ, какъ съ козелъ слѣзъ другой мужчина и сталъ на подножку съ противоположной стороны. По знаку, данному м-ромъ Броунлоу, они высадили изъ кареты третьяго мужчину и, взявъ его подъ руки, поспѣшно ввели въ домъ. Человѣкъ этотъ былъ Монксъ.

Они точно такимъ же манеромъ поднялись по лѣстницѣ, не проронивъ ни слова, и м-ръ Броунлоу, шедшій впереди, указалъ имъ дорогу въ одну изъ заднихъ комнатъ квартиры. У двери этой комнаты Монксъ, который все время шелъ очень неохотно, остановился. Оба провожавшіе его человѣка взглянули на м-ра Броунлоу, какъ бы спрашивая, что имъ дѣлать.

— Онъ знаетъ, какой выборъ ему предстоитъ, проговорилъ м-ръ Броунлоу.—Если онъ на минуту задумается, или хоть однимъ пальцемъ пошевельнетъ противъ вашихъ приказаній, тащите его на улицу, зовите полицію и велите отъ моего имени арестовать его, какъ мошенника.

— Какъ смѣете вы говорить это про меня? спросилъ Монксъ.

— Какъ смѣете вы вынуждать меня къ этому, молодой человѣкъ? отвѣчалъ м-ръ Броунлоу, глядя ему прямо въ лицо. — Неужто у васъ хватитъ безумія уйти отсюда? Отпустите его! — Вотъ такъ, сэръ. Теперь вы вольны идти, а мы вольны послѣдовать за вами. Но, предупреждаю васъ, и клянусь именемъ всего, что для меня есть самаго святаго, что въ ту же минуту, какъ вы ступите за порогъ этого дома, я велю арестовать васъ по обвиненію въ воровствѣ-мошенничествѣ. Рѣшеніе мое твердо и непоколибимо. Если и вы съ своей стороны рѣшились, то пусть ваша кровь падетъ на вашу же голову.

— Позвольте спросить, именемъ какой власти меня хватаютъ на улицѣ и привозятъ сюда вотъ эти бульдоги? проговорилъ Монксъ, перенося взглядъ съ одного изъ стоявшихъ по бокамъ его мужчинъ на другого.

— Именемъ моей власти, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу. — Эти личности дѣйствовали по моимъ указаніямъ. Если вы были недовольны этимъ лишеніемъ свободы, вы имѣли полную возможность вернуть ее себѣ, когда мы ѣхали по улицамъ. Но вы сочли за лучшее не протестовать. Опять таки повторяю вамъ, — обращайтесь, если вамъ угодно, къ покровительству закона, — я призову его на помощь съ своей стороны. Но когда вы зайдете уже такъ далеко, что вернуться на-

задъ будетъ невозможно, не молите меня о пощадѣ, послѣ того какъ власть, находящаяся въ настоящую минуту въ моихъ рукахъ, перейдетъ въ другія руки, и не говорите, что я толкнулъ васъ въ пропасть, въ которую вы бросились сами.

Монксъ былъ видимо озадаченъ и, кромѣ того, не на шутку встревоженъ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Только рѣшайтесь скорѣе, проговорилъ м-ръ Броунлоу невозмутимо твердымъ и спокойнымъ голосомъ.—Если вы предпочитаете, чтобы я высказалъ свои обвиненія публично и обрекъ васъ наказанію, размѣры котораго я хотя и могу съ содроганіемъ предвидѣть, но контролировать не властенъ,—дорога передъ вами открыта. Если же вы этого не желаете и предпочитаете обратиться къ моему снисхожденію и къ великодушію тѣхъ, кому вы нанесли такія тяжкія обиды, то садитесь безъ разговоровъ па этотъ стулъ. Онъ васъ цѣлые два дня дожидается.

Монксъ пробормоталъ какія-то невнятныя слова, но все еще колебался.

— Рѣшайтесь же скорѣе, повторилъ м-ръ Броунлоу. — Стоитъ мнѣ сказать только слово, и возможность выбора для васъ навсегда отрѣзана.

Монксъ все еще стоялъ въ нерѣшимости.

— Я не расположенъ затягивать долѣе эти переговоры, сказалъ м-ръ Броунлоу, — да и не имѣю на то права, такъ какъ я являюсь въ настоящемъ случаѣ лишь представителемъ самыхъ кровныхъ интересовъ другихъ.

— Неужели нѣтъ, пробормоталъ Монксъ заплетающимся языкомъ, неужели нѣтъ... какого-нибудь средняго пути?

— Нѣтъ, положительно, никакого.

Монксъ бросилъ тревожный взглядъ на стараго джентльмена, но, такъ какъ на физіономіи послѣдняго онъ ничего не могъ прочесть, кромѣ непреклонной рѣшимости, — то онъ и вошелъ въ комнату и, пожимая плечами, сѣлъ на стулъ.

— Заприте дверь снаружи, обратился м-ръ Броунлоу къ двумъ своимъ помощникамъ, и когда я позвоню — войдите.

Мужчины повиновались и м-ръ Броунлоу съ Монксомъ остались вдвоемъ.

— Нечего сказать, сэръ, проговорилъ Монксъ, сбрасывая шляпу

и плащъ, — славное обращеніе я вижу отъ самаго стариннаго друга моего отца.

— Именно потому-то, что я былъ самымъ стариннымъ другомъ вашего отца, молодой человѣкъ, — возразилъ м-ръ Броунлоу, — именно потому, что всѣ надежды и желанья счастливой поры моей молодости были связаны съ нимъ и съ тѣмъ другимъ, прелестнымъ молодымъ созданьемъ, единокровнымъ ему, которое Богъ призвалъ такъ рано къ себѣ, оставивъ меня одинокимъ и покинутымъ, — именно потому, что мы вмѣстѣ съ нимъ преклоняли колѣна у смертнаго одра его единственной сестры въ то самое утро, которое, — если бы Богъ не судилъ иначе, — сдѣлало бы ее моей женою, — именно потому, что съ этой минуты мое осиротѣлое сердце привязалось къ нему и оставалось ему вѣрно во всѣхъ испытаніяхъ и заблужденіяхъ его жизни, до самой его смерти, — именно потому, что старыя воспоминанія и старыя чувства до сихъ поръ живутъ во мнѣ и даже вашъ видъ воскрешаетъ съ новою силою память о прошломъ, — именно по этимъ-то причинамъ я, даже въ настоящую минуту, обхожусь съ вами такъ мягко... да, Эдуардъ Лифордъ, — даже въ настоящую минуту — и краснѣю за васъ, такъ недостойно носящаго это имя.

— Имя-то тутъ при чемъ? спросилъ собесѣдникъ, посмотрѣвъ въ нѣмомъ и холодномъ удивленіи на волненіе старика. — Что значитъ для меня это имя?

— Ничего, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу, — для васъ оно ровно ничего не значитъ. Но то было *ея* имя и даже теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, оно будитъ во мнѣ, старикѣ, тотъ же трепетъ, съ которымъ я слышалъ когда-то даже простое упоминовеніе его изъ устъ постороннихъ. Я радъ, что вы перемѣнили его, я очень, очень радъ этому.

— Все это прекрасно, проговорилъ Монксъ, (будемъ называть его по прежнему этимъ вымышленнымъ именемъ), послѣ долгаго молчанія, въ продолженіе котораго онъ съ вызывающимъ и угрюмымъ видомъ то и дѣло мѣнялъ свою позу на креслѣ, между тѣмъ какъ м-ръ Броунлоу сидѣлъ, закрывъ глаза руками. — Но чего же вы отъ меня хотите?

— У васъ есть братъ, сказалъ м-ръ Броунлоу, дѣлая усиліе надъ собою, что бы выйти изъ своего раздумья, — мнѣ стоило шепнуть вамъ на ухо одно имя этого брата, когда я сегодня подошелъ

къ вамъ сзади на улицѣ, чтобы заставить васъ послѣдовать сюда за мною въ изумленіи и испугѣ.

— У меня нѣтъ брата, возразилъ Монксъ. — Вы знаете, что я былъ единственный сынъ. Что вы мнѣ толкуете про братьевъ? — Вамъ это извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ.

— Выслушайте то, что мнѣ извѣстно и, быть можетъ, неизвѣстно вамъ, проговорилъ м-ръ Броунлоу. — Разсказъ мой мало-помалу заинтересуетъ васъ. Я знаю, что отъ злополучнаго брака, къ которому семейная гордость и расчеты самаго скареднаго и узкаго честолюбія приневолили вашего несчастнаго отца, когда онъ былъ еще почти мальчикомъ, вы были единственнымъ и уродливымъ отпрыскомъ.

— Можете обзывать меня какими угодно бранными эпитетами, перебилъ его Монксъ съ рѣзкимъ смѣхомъ.—Вамъ извѣстенъ фактъ и этого съ меня довольно.

— Но мнѣ извѣстны также, продолжалъ старикъ,—безконечное горе и медленная пытка этого неравнаго союза. Я знаю, съ какой тоской и отвращеніемъ каждый изъ злополучныхъ супруговъ влачилъ свою тяжелую цѣпь по свѣту, въ которомъ все для нихъ было отравлено. Я знаю, какъ за холодными, формальными отношеніями послѣдовали открытыя ссоры, какъ равнодушіе уступило мѣсто антипатіи, антипатія—отвращенію, а отвращеніе—ненависти, пока они, наконецъ, не разорвали сковывавшую ихъ вмѣстѣ цѣпь и не зажили далеко другъ отъ друга, влача каждый съ своей стороны ненавистный обрывокъ цѣпи, отъ котораго уже ничто кромѣ смерти не могло освободить ихъ и который они старались скрыть среди новой обстановки подъ самою веселою и беззаботною наружностью. Вашей матери это удалось,—она скоро позабыла про него,—но въ сердцѣ вашего отца онъ ржавѣлъ долгіе годы, язвя это сердце.

— Ну, словомъ, они разъѣхались, проговорилъ Монксъ. — Что же изъ этого?

— Послѣ того, какъ они прожили нѣкоторое время врозь, продолжалъ м-ръ Броунлоу, и ваша мать, предавшись вихрю свѣтскихъ удовольствій за границей, совсѣмъ позабыла молодого мужа,—онъ былъ цѣлыми десятью годами моложе ея,—жизнь котораго была непоправимо испорчена, онъ попалъ въ общество новыхъ друзей. *Это* обстоятельство, по крайней мѣрѣ, должно быть вамъ извѣстно.

— Не мнѣ только, отвѣчалъ Монксъ, глядя въ сторону и постукивая о землю ногою, съ видомъ человѣка, который рѣшился отъ всего отпираться. — Не мнѣ, только.

— Вашъ тонъ, такъ же какъ и ваши поступки, убѣждаютъ меня, что вы его не забыли и не переставали вспоминать о немъ съ горечью въ сердцѣ, возразилъ м-ръ Броунлоу.—Я говорю о томъ, что было пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда вамъ было не болѣе одинадцати лѣтъ, а отцу вашему — всего только тридцать одинъ годъ, потому что, какъ я уже сказалъ, онъ былъ совсѣмъ еще мальчикомъ, когда его отецъ велѣлъ ему жениться. Говорить ли мнѣ о событіяхъ, которыя бросаютъ тѣнь на память вашего отца,— или вы меня избавите отъ этого и откроете мнѣ истину?

— Мнѣ нечего открывать вамъ, отвѣчалъ Монксъ въ явномъ смущеніи.—Вы должны продолжать свой разсказъ, если желаете до чего-нибудь договориться.

— Эти новые друзья, продолжалъ м-ръ Броунлоу, были — семейство одного отставнаго флотскаго офицера, жена котораго умерла за полгода передъ тѣмъ, оставивъ ему двоихъ дѣтей. Отъ этого брака были и другія дѣти, но въ живыхъ, по счастью, осталось только двое. То были двѣ дочери: одна изъ нихъ — прелестная дѣвушка девятнадцати лѣтъ, другая—совсѣмъ еще крошка, лѣтъ двухъ или трехъ.

— Какое мнѣ дѣло до всего этого? спросилъ Монксъ.

— Жили они, продолжалъ м-ръ Броунлоу, дѣлая видъ, что не слышитъ его замѣчаніе, въ одной мѣстности, куда вашъ отецъ случайно попалъ во время своихъ странствованій и гдѣ онъ рѣшилъ пріютиться на долго. Знакомство, близость, дружба—быстро послѣдовали другъ за другомъ. Отецъ вашъ былъ изъ числа тѣхъ рѣдкихъ личностей, которыхъ природа одарила всѣмъ — у него были и наружность, и душа его сестры. По мѣрѣ того, какъ старый морякъ узнавалъ его ближе, онъ привязывался къ нему все больше и больше. Зачѣмъ дѣло не остановилось на этомъ?! Но и дочь послѣдовала примѣру отца.

Старикъ пріостановился. Монксъ кусалъ губы и упорно смотрѣлъ въ полъ. Замѣтивъ это, м-ръ Броунлоу поспѣшно продолжалъ.

— Къ концу года онъ былъ связанъ самыми неразрывными узами съ молодой дѣвушкой, — онъ былъ предметомъ первой

и единственной глубокой пламенной любви чистаго, неопытнаго создания.

— Однако, разсказъ вашъ предлинный выходитъ, проговорилъ Монксъ, съ безпокойствомъ ворочаясь на своемъ стулѣ.

— Это правдивый разсказъ о великомъ горѣ и великихъ несчастiяхъ, молодой человѣкъ, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу, —а такiе разсказы всегда выходятъ длинны. Если бы мнѣ пришлось повѣствовать вамъ о безоблачномъ счастьи и радостяхъ, тогда я скоро бы кончилъ. Наконецъ, одинъ изъ тѣхъ богатыхъ родственниковъ, корысти и честолюбiю которыхъ былъ принесенъ въ жертву вашъ отецъ, — подобно многимъ другимъ, потому что это очень обыкновенная исторiя, —одинъ изъ этихъ родственниковъ, говорю я, умеръ, и въ вознагражденiе за то горе, виновникомъ котораго онъ былъ, оставилъ вашему отцу то, что въ *его* глазахъ, было лучшею панацеею отъ всѣхъ жизненныхъ золъ, — деньги. Отцу вашему необходимо было отправиться въ Римъ, куда этотъ человѣкъ поѣхалъ было для поправленiя своего здоровья и гдѣ онъ умеръ, оставивъ свои дѣла въ очень запутанномъ состоянiи. И такъ, отецъ вашъ поспѣшилъ въ Римъ и тамъ занемогъ смертельною болѣзнью. Какъ скоро вѣсть объ этой болѣзни дошла до Парижа, ваша мать поспѣшила къ его смертному одру и захватила и васъ съ собою. Онъ умеръ на другой день послѣ ея прiѣзда, не оставивъ завѣщанiя, —слышите ли, *не оставилъ завѣщанiя*, —и всѣ деньги достались вамъ и вашей матери.

На этомъ мѣстѣ разсказа Монксъ притаилъ дыханiе и сталъ прислушиваться съ напряженною внимательностью, хотя глаза его и не были обращены на разсказщика. Когда м-ръ Броунлоу замолчалъ, онъ перемѣнилъ свое положенiе на стулѣ съ видомъ человѣка, у котораго вдругъ отпалъ камень отъ сердца, и отеръ платкомъ свое пылавшее лицо и горячiя руки.

— Прежде чѣмъ отправиться за границу, проѣздомъ черезъ Лондонъ, заговорилъ м-ръ Броунлоу съ разстановкою и глядя въ упоръ на своего собесѣдника, —онъ былъ у меня.

— Объ этомъ я никогда не слыхалъ, перебилъ его Монксъ, голосомъ, которому онъ старался придать выраженiе недовѣрiя, но въ которомъ отзывалось непрiятное изумленiе.

— Онъ былъ у меня и оставилъ мнѣ, въ числѣ прочихъ вещей, портретъ, нарисованный имъ самимъ, — портретъ той бѣдной дѣ-

вушки. Онъ не хотѣлъ оставлять его на чужія руки, а взять его съ собою въ поѣздку, предпринятую на легкѣ, ему было неудобно. Онъ былъ измученъ тревогою и угрызеніями совѣсти до того, что на немъ лица не было; въ дикихъ, безсвязныхъ рѣчахъ онъ проговаривался о погибели и позорѣ, которыя онъ накликалъ на чьи-то головы. Онъ говорилъ мнѣ о своемъ намѣреньи обратить все свое состояніе въ наличныя деньги, какихъ бы потерь это ни стоило, и, оставивъ часть этихъ денегъ вамъ и вашей матери, бѣжать изъ Англіи, — я лишь слишкомъ хорошо догадывался, что онъ бѣжитъ не одинъ, — съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе въ нее не возвращаться. Даже мнѣ, лучшему и самому старинному своему другу, привязанность котораго пустила корни въ землѣ, прикрывавшей то, что намъ обоимъ было такъ дорого, — даже мнѣ онъ не сообщилъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Онъ обѣщался мнѣ написать все и затѣмъ еще повидаться со мною въ послѣдній разъ на землѣ. Увы! настоящему нашему свиданью суждено было сдѣлаться послѣднимъ. Письмо я отъ него получилъ, но его самого больше не видалъ.

— Когда все кончилось, продолжалъ м-ръ Броунлоу, помолчавъ немного, — я отправился на мѣста, бывшія свидѣтелями его... — я употреблю то выраженіе, которое примѣнилъ къ нему свѣтъ, такъ какъ теперь для него и людская строгость, и людское снисхожденіе безразличны, — бывшія свидѣтелями его преступной любви. Я поѣхалъ туда, порѣшивъ, что, въ случаѣ мои опасенія оправдаются, это заблудшее дитя найдетъ по крайней мѣрѣ одинъ кровъ и одно сердце, готовые принять и пригрѣть ее. Но оказалось, что семейство стараго моряка оставило эту мѣстность за недѣлю до моего пріѣзда. Они свели счеты тѣмъ мелочнымъ долгамъ, которые за ними причитались въ околодкѣ, расплатились и уѣхали ночью, — куда и зачѣмъ, никто не могъ мнѣ сказать.

Монксъ вздохнулъ еще свободнѣе и поглядѣлъ вокругъ себя съ торжествующей улыбкой.

— Когда вашъ братъ, продолжалъ м-ръ Броунлоу, придвигая свой стулъ ближе къ нему, — когда вашъ братъ, — слабое, оборванное, заброшенное созданье, былъ брошенъ на мою дорогу рукою, болѣе могущественною, чѣмъ простой случай, и спасенъ мною отъ жизни преступленія и позора...

— Что-о? воскликнулъ Монксъ, вздрагивая.

— Да, мною! проговорилъ м-ръ Броунлоу.—Видите, я не даромъ обѣщалъ вамъ, что разсказъ мой мало-по-малу заинтересуетъ васъ. Я сказалъ, что онъ былъ спасенъ мною, — какъ я вижу, лукавый сообщникъ вашъ утаилъ отъ васъ мое имя, хотя онъ и не могъ знать, что это имя не будетъ для васъ именемъ совершенно посторонняго лица. И такъ, когда онъ былъ спасенъ мною и лежалъ въ моемъ домѣ, оправляясь отъ болѣзни, его сильное сходство съ портретомъ, о которомъ я говорилъ, поразило меня. Даже въ то время, когда я увидѣлъ его въ первый разъ, грязнаго и жалкаго, въ лицѣ его было нѣчто, произведшее на меня впечатлѣніе чего-то знакомаго, точно какое-то давнишнее воспоминаніе вдругъ мелькнуло передо мною въ яркомъ образѣ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что его похитили у меня, прежде, чѣмъ я успѣлъ узнать его повѣсть...

— Почему же нѣтъ? спросилъ Монксъ поспѣшно.

— Потому что вы это и безъ того знаете.

— Я?!

— Отпирательство безполезно, проговорилъ м-ръ Броунлоу. — Я покажу вамъ, что мнѣ извѣстно еще болѣе того, что я сказалъ.

— Вы... вы... не можете ничего доказать противъ меня, пробормоталъ Монксъ.—Попробуйте, докажите.

— А вотъ мы посмотримъ, отвѣчалъ старикъ, бросая ему испытующій взглядъ. — Я потерялъ ребенка изъ виду и всѣ мои усилія отыскать его оставались тщетны. Такъ какъ ваша мать умерла, то я зналъ, что вы одинъ можете разрѣшить эту загадку, если вообще кто нибудь можетъ разрѣшить ее, а такъ какъ я въ послѣдній разъ имѣлъ о васъ извѣстія въ то время, когда вы были въ своемъ помѣстьи въ Вестъ-Индіи, куда, какъ вамъ извѣстно, вы удалились послѣ смерти вашей матери, спасаясь отъ непріятностей, бывшихъ послѣдствіемъ вашей порочной жизни,—то я и отправился туда за вами. Оказалось, что вы уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ уѣхали; предполагали, что вы находитесь въ Лондонѣ, но въ точности мѣстопребыванія вашего никто мнѣ не могъ указать. Я вернулся. Лица, завѣдывавшія вашими дѣлами, также не знали вашего адреса. Они разсказали мнѣ, что вы появляетесь и исчезаете еще болѣе страннымъ образомъ, чѣмъ въ былые годы, то показываясь въ теченіи нѣсколькихъ дней сподрядъ, то снова пропадая на цѣлые

мѣсяцы; что вы, судя по всѣмъ даннымъ, придерживаетесь тѣхъ же темныхъ вертеповъ, вращаетесь въ обществѣ той же порочной сволочи, какъ и въ дни вашей буйной, безшабашной молодости. Я надоѣдалъ вашимъ повѣреннымъ по дѣламъ новыми и новыми распросами, я исходилъ всѣ улицы вдоль и поперегъ, днемъ и ночью,— но вплоть до нашей встрѣчи часа два тому назадъ, всѣ мои усилія были тщетны: мнѣ ни разу не удалось увидѣть васъ хотя бы мелькомъ.

— А теперь вы меня видите, проговорилъ Монксъ дерзко, вставая.—Но что же изъ этого?—Грабежъ и мошенничество очень громко звучащія слова, — и вамъ кажется, что они могутъ быть оправданы воображаемымъ сходствомъ какого-то мальчишки съ бумагомараньемъ давно умершаго человѣка, изображающимъ кого-то, тоже давно умершаго. Вы даже не знаете, былъ ли рожденъ ребенокъ отъ этой шальной связи,—вы не знаете даже этого!

— Я не зналъ этого, точно, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу, вставая въ свою очередь,—но въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль, я разузналъ все. У васъ есть братъ—вы это знаете, знаете его и въ лицо. Завѣщаніе было сдѣлано, но ваша мать уничтожила его и, умирая, оставила вамъ и тайну этого завѣщанія и барыши своего поступка. Въ завѣщаніи говорилось о ребенкѣ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, родится отъ этой злополучной любви; ребенокъ, дѣйствительно, родился и былъ случайно встрѣченъ вами. Сходство его съ вашимъ отцомъ возбудило въ васъ первое подозрѣніе. Вы отправились въ ту мѣстность, гдѣ онъ родился. Тамъ существовали доказательства, многіе годы утаиваемыя отъ всѣхъ, говорившія о его происхожденіи. Вы уничтожили эти доказательства и теперь, выражаясь вашими же словами вашему сообщнику-жиду— *единственныя доказательства тождества личности этого мальчишки лежатъ на днѣ рѣки*, *а старая вѣдьма*, *получившая ихъ отъ его матери*, *гніетъ въ своемъ гробу*. Недостойный сынъ, трусъ, лгунъ,—вы, совѣщающійся съ ворами и убійцами въ ихъ темныхъ притонахъ по ночамъ,—вы, чьи происки и интриги были причиною насильственной смерти женщины, стоющей милліоны вамъ подобныхъ,—вы, бывшій съ колыбели горемъ и позоромъ родного отца,—вы, въ чьемъ сердцѣ гнѣздились всѣ дурныя страсти и пороки, пока не нашли себѣ выходъ въ отвратительной болѣзни, сдѣлавшей ваше лицо отраженіемъ

вашей души,—вы, Эдуардъ Лифордъ, смѣете ли вы еще вызывать меня на борьбу?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, пробормоталъ трусъ, подавленный этими обвиненіями.

— Каждое слово, громкимъ голосомъ продолжалъ старикъ,—каждое слово изъ вашего разговора съ этимъ негодяемъ-жидомъ извѣстно мнѣ. Тѣни на стѣнѣ подслушали вашъ шопотъ и передали его мнѣ; видъ несчастнаго, преслѣдуемаго ребенка обратилъ самый порокъ къ инымъ чувствамъ, придавъ ему мужество и почти всѣ свойства добродѣтели. Убійство было совершено, за которое на васъ падаетъ часть, если не фактической, то нравственной отвѣтственности.

— Нѣтъ, нѣтъ! перебилъ его Монксъ,—я... я... ничего не знаю объ этомъ дѣлѣ. Я самъ шелъ разузнать на сколько правды въ томъ, что говорятъ, когда вы меня настигли. Я не зналъ причины этого убійства,—я думалъ, что то была обыкновенная ссора.

— Причиною было то, что часть вашихъ тайнъ была открыта, проговорилъ м-ръ Броунлоу. — Намѣрены ли вы открыть мнѣ все?

— Да, я открою.

— Скрѣпите ли вы это показаніе своей подписью и повторите ли вы его при свидѣтеляхъ.

— Да, я обѣщаю это.

-- Останетесь ли вы здѣсь, пока будетъ составленъ подобный документъ и поѣдете ли вы за мною въ то мѣсто, которое я сочту наиболѣе удобнымъ для изустнаго подтвержденія вашихъ признаній?

— Если вы непремѣнно настаиваете на этомъ, я готовъ, отвѣчалъ Монксъ.

— И это еще не все, продолжалъ м-ръ Броунлоу.—Вы должны вознаградить невиннаго ребенка, потому что онъ дѣйствительно невиненъ, хотя родился отъ преступной и злополучной любви. Вы не забыли сущность завѣщанія. Исполните же все, что тамъ сказано по отношенію къ вашему брату, и затѣмъ, ступайте куда хотите, — въ этомъ мірѣ вамъ не зачѣмъ больше встрѣчаться.

Пока Монксъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, раздумывая съ мрачнымъ и злымъ выраженіемъ лица, о высказанномъ ему предложеніи и о средствахъ отъ него увернуться, мучимый страхомъ съ одной стороны и ненавистью къ брату съ другой —

дверь быстро отворилась и въ комнату вошелъ джентльменъ,—м-ръ Лосбернъ,—въ сильномъ волненіи.

— Человѣка этого поймаютъ, крикнулъ онъ. — Его поймаютъ не далѣе, какъ сегодня вечеромъ.

— Убійцу? спросилъ м-ръ Броунлоу.

— Да, да! отвѣчалъ м-ръ Лосбернъ.—Его собаку видѣли около одного изъ его прежнихъ притоновъ и нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что и хозяинъ тамъ, или проберется туда подъ прикрытіемъ ночной темноты. Сыщики разставлены вокругъ этого мѣста; я говорилъ съ однимъ изъ людей, которымъ поручена поимка, и онъ мнѣ сказалъ, что улизнуть ему нѣтъ никакой возможности. Сегодня вечеромъ объявлена отъ правительства награда въ сто функовъ тому, кто его поймаетъ.

— Я прибавлю еще пятьдесятъ фунтовъ отъ себя, проговорилъ м-ръ Броунлоу,—и объявлю объ этомъ самъ на мѣстѣ, если только успѣю туда пробраться. Гдѣ м-ръ Мейли?

— Гарри? —Какъ только онъ удостовѣрился, что вотъ этотъ вашъ пріятель благополучно усѣлся вмѣстѣ съ вами въ карету, — такъ сейчасъ же поспѣшилъ въ то мѣсто, гдѣ ему сообщили новости, которыя я вамъ разсказалъ. Потомъ онъ велѣлъ осѣдлать свою лошадь и отправился на окраину города, чтобы примкнуть къ первой партіи поимщиковъ, дожидавшейся его въ условленномъ мѣстѣ.

— А жидъ? спросилъ м-ръ Броунлоу.—Что объ немъ слышно?

— Когда я въ послѣдній разъ слышалъ про него, онъ еще не былъ пойманъ, но въ настоящую минуту онъ уже вѣроятно попался въ ихъ руки, или въ скоромъ времени попадется. Для этого приняты всѣ мѣры.

— Что же вы, рѣшились? спросилъ м-ръ Броунлоу Монкса, понижая голосъ.

— Да, отвѣчалъ тотъ.—Вы... вы... меня не выдадите?

— Не выдамъ. Оставайтесь здѣсь до моего возвращенія. Это единственное безопасное для васъ мѣсто.

Пріятели вышли изъ комнаты и дверь была снова заперта на ключъ.

— Что вы успѣли сдѣлать? спросилъ докторъ шопотомъ.

— Все, что я могъ надѣяться сдѣлать, и, даже, болѣе. Соединивъ показанія бѣдной дѣвушки съ тѣмъ, что мнѣ было извѣстно

прежде, а также съ результатомъ справокъ, наведенныхъ нашимъ добрымъ другомъ на мѣстѣ, — я поставилъ его въ безвыходное положенiе, и выставилъ передъ нимъ на голо всю гнусную его интригу, которая, при этомъ освѣщенiи, становилась ясна, какъ божiй день. Напишите и назначьте свиданье на послѣ завтра, къ семи часамъ вечера. Мы будемъ тамъ нѣсколькими часами ранѣе, но намъ нужно будетъ отдохнуть, особенно молодой дѣвушкѣ, которой, быть можетъ, твердость духа понадобится болѣе во время этого разговора, чѣмъ мы съ вами можемъ предвидѣть въ настоящую минуту. Однако, сердце во мнѣ такъ и кипитъ нетерпѣнiемъ видѣть бѣдную, убитую жертву отомщенной. Въ какое мѣсто они направились?

— Поѣзжайте прямо въ полицейское бюро, вы еще поспѣете во время, отвѣчалъ м-ръ Лосбернъ. – А я останусь здѣсь.

Оба джентльмена простились въ торопяхъ и разошлись, обуреваемые такимъ лихорадочнымъ волненiемъ, что никакъ не могли справиться съ собою.

ГЛАВА XLVIII.

Облава и выходъ.

Недалеко отъ той части Темзы, на которую выходитъ Родертайдская церковь, гдѣ строенiя по берегамъ рѣки всего грязнѣе, а суда на рѣкѣ всего чернѣе отъ угольной пыли и отъ копоти дыма. выходящаго изъ трубъ низкихъ и скученныхъ домовъ, существуетъ и до сего дня одна изъ самыхъ грязныхъ и странныхъ мѣстностей, которыхъ такъ много скрывается въ Лондонѣ, оставаясь неизвѣстными, даже по названiю, большинству его жителей.

Чтобы добраться до этой мѣстности, наблюдателю надо пройдти цѣлымъ лабиринтомъ тѣсныхъ, узкихъ и грязныхъ улицъ. Въ этихъ улицахъ тѣснится самая грубая и бѣдная часть прибрежнаго населе-

нія и производится торгъ такими продуктами, на которые можетъ быть спросъ со стороны потребителей этого сорта. Самые дешевые и наименѣе гастрономическіе съѣстные припасы навалены грудами въ лавкахъ, самыя грубыя и неизящныя одежды болтаются на дверяхъ лавчонокъ или въ окнахъ домовъ. Проталкиваясь между незанятыми рабочими самаго нисшаго разряда, — носильщиками тяжестей, нагрузчиками судовъ, — между женщинами съ безстыжими лицами и между оборванными дѣтьми, — словомъ, между отребьемъ прирѣчнаго населенья, посѣтитель съ трудомъ пробирается, преслѣдуемый на каждомъ шагу отвратительными картинами и зловоніемъ, которое такъ и струится изъ узкихъ проходовъ, выходящихъ на улицу справа и слѣва, и оглушаемый грохотомъ тяжело нагруженныхъ фуръ, вывозящихъ большіе тюки изъ товарныхъ складовъ, которые въ этомъ мѣстѣ попадаются на каждомъ шагу. Добравшись наконецъ до болѣе отдаленныхъ и менѣе людныхъ улицъ, онъ идетъ подъ еле-лепящимися фасадами домовъ, накренившимися надъ мостовою, мимо обваливающихся стѣнъ, грозящихъ каждую минуту паденьемъ, мимо трубъ, совсѣмъ уже было собравшихся разсыпаться и за тѣмъ, какъ бы остановившихся въ раздумьи, мимо оконъ, забранныхъ ржавыми желѣзными рѣшетками и почти совсѣмъ выѣденныхъ временемъ и грязью, — словомъ, мимо всевозможныхъ признаковъ, говорящихъ о запустѣніи.

Въ этой-то мѣстности, за Докгэдомъ, въ Соутуаркскомъ мѣстечкѣ находится островъ Джэкобъ-Эйландъ, окруженный тинистымъ каналомъ, который во время прилива имѣетъ футовъ шесть или восемь въ глубину и пятнадцать или двадцать футовъ въ ширину. Каналъ этотъ прежде назывался Заводскимъ Прудомъ, а теперь извѣстенъ подъ названіемъ Фолли-Дичъ. Это ничто иное какъ маленькій рукавъ, или притокъ Темзы и во время высокаго уровня воды онъ всегда можетъ быть наполненъ открытіемъ шлюзовъ въ заводахъ Лида, отъ которыхъ онъ заимствовалъ свое прежнее названіе. Въ такую пору наблюдатель, стоя на одномъ изъ деревянныхъ мостовъ переброшенныхъ черезъ него близъ Миллъ-Лэна, можетъ видѣть, какъ жильцы домовъ по обѣимъ берегамъ канала опускаютъ въ него изъ заднихъ оконъ и дверей своихъ жилищъ ведра, шайки и всевозможную домашнюю посуду. Если отъ этихъ занятій наблюдатель обратитъ свое вниманіе на самыя жилища, то онъ будетъ пораженъ зрѣлищемъ, которое передъ нимъ откроется. Грязныя деревянныя

галлереи, тянущіяся вдоль заднихъ фасадовъ домовъ и соединяющія цѣлыя полдюжины этихъ домовъ въ одно, въ полахъ галлерей дыры, сквозь которыя можно смотрѣть на тину, стоящую въ канавѣ, окна съ перебитыми стеклами, всѣ въ заплатахъ и съ продѣтыми сквозь нихъ жердями будто бы для сушки бѣлья, котораго на нихъ никогда не видать, комнаты, до того тѣсныя, грязныя и душныя, что кажется, самый воздухъ долженъ помутиться отъ одной грязи и нечистоты, которой онѣ даютъ пріютъ въ своихъ стѣнахъ; деревянныя надстройки, торчащія надъ тиною и грозящія каждую минуту въ нее обрушиться, чему и бывали примѣры; запачканныя грязью стѣны и разваливающіеся фундаменты,—словомъ всѣ отвратительные признаки нищеты, — грязь, ржавчина и гниль повсюду, — таковы берега Фолли-Дича.

На островѣ Джэкобъ-Эйландъ товарные склады стоятъ пустые, стѣны рушатся, окна уже болѣе не окна, двери попадали на улицу, трубы почернѣли, но уже болѣе не дымятся. Лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, прежде чѣмъ коммерческія несчастья и тяжбы разорили эту мѣстность, она процвѣтала. Но теперь нѣтъ мѣста печальнѣе этого острова. Дома не имѣютъ хозяевъ; они стоятъ настежь и въ нихъ входятъ всѣ тѣ, у кого хватаетъ на это духу; эти люди въ нихъ живутъ и умираютъ въ нихъ. Надо имѣть основательныя причины дорожить тайнымъ убѣжищемъ, или быть доведеннымъ до крайней нищеты, чтобъ поселиться на Джэкобъ-Эйландѣ.

Въ верхней комнатѣ одного изъ этихъ домовъ — то былъ отдѣльно стоящій домъ, довольно большихъ размѣровъ, запущенный во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, но съ крѣпкими окнами и дверями, выходившій задней своей частью на канаву,—собралось трое мужчинъ. Переглядываясь между собою отъ времени до времени молча, съ выраженіемъ недоумѣнія и ожиданія, они долго сидѣли въ мрачномъ молчаніи. Одинъ изъ нихъ былъ Тоби Крэкитъ, другой—м-ръ Читлингъ, а третій — мазурикъ лѣтъ пятидесяти, носъ котораго былъ почти совсѣмъ уничтоженъ въ какой-то давнишней свалкѣ, а лицо — обезображено страшнымъ шрамомъ, ведшимъ свое начало, быть можетъ, отъ той же свалки. Человѣкъ этотъ былъ изъ возвратившихся ссыльныхъ и имя его было Кэгсъ.

— Чего бы тебѣ, пріятель, обратился Тоби къ м-ру Читлингу, навострить лыжи въ какой нибудь другой укромный уголокъ, когда

два набольшіе попались въ просакъ? Дернула тебя нелегкая проперѣть сюда!

— Въ самомъ дѣлѣ, чего ты къ намъ притащился? проговорилъ Кэгсъ.

— Гмъ! Я думалъ, что вы любезнѣе меня примете, съ унылымъ видомъ отвѣчалъ м-ръ Читлингъ.

— Я вамъ вотъ что скажу, почтеннѣйшій, началъ Тоби: — когда человѣкъ живетъ въ такомъ строгомъ уединеніи, какъ я жилъ въ послѣднее время, и благодаря этому обстоятельству имѣетъ уютный кровъ, подъ который ни единой собакѣ-ищейкѣ не вздумается сунуть свой носъ, — нѣсколько странно такому человѣку удостоиться посѣщенія молодаго джентльмена, хотя и весьма почтеннаго и пріятнаго для случайной партіи въ карты, но находящагося въ такихъ обстоятельствахъ, какъ вы.

— Особенно, когда у молодого человѣка — любителя уединенія гоститъ пріятель, вернувшійся раньше чѣмъ ожидали изъ далекаго плаванья и, по скромности своей, не желающій, чтобы его представили судьямъ по случаю его возвращенія, добавилъ м-ръ Кэгсъ.

Настало короткое молчаніе, послѣ котораго Тоби Крэкитъ, оставивъ за безполезностью всякое стараніе выдержать свой обычный развязный тонъ „à la чортъ меня побери“, обратился къ Читлингу съ вопросомъ:

— Когда же схватили Фэгина?

— Какъ разъ послѣ обѣда, — въ два часа пополудни. — Мы съ Чарли благополучнымъ образомъ улизнули въ трубу прачешной, а Больтеръ забрался въ пустой чанъ для воды, — головой внизъ, но ноги у него оказались слишкомъ длинны и торчали наружу. По нимъ его и открыли.

— А Бэтъ?

— Бѣдняжка Бэтъ! проговорилъ Читлингъ и лицо его при этомъ все болѣе и болѣе вытягивалось. — Она пошла повидаться съ тѣломъ, — ей что-то нужно было сказать той, что сдѣлалась этимъ тѣломъ, и вернулась оттуда помѣшанной, крича благимъ матомъ и колотясь головою объ стѣны. На нее надѣли сумасшедшую рубашку и отправили въ госпиталь. Тамъ она и осталась.

— Что же сталось съ молодымъ Бэтсомъ? спросилъ Кэгсъ.

— Онъ слонялся гдѣ-то по близости; сюда онъ хотѣлъ прійти

не раньше, какъ когда совсѣмъ стемнѣетъ, но теперь онъ долженъ скоро быть здѣсь, отвѣчалъ Читлингъ. — Больше идти теперь некуда. Въ „Трехъ Калѣкахъ“ всѣ арестованы и вся передняя комната биткомъ набита полицейскими,—я самъ видѣлъ.

— Вотъ такъ разгромъ! проговорилъ Тоби, кусая себѣ губы. — Много нашихъ пропадетъ теперь.

— Сессіи судовъ начались, замѣтилъ Кэгсъ.—Если они живо поведутъ слѣдствіе, если Больтеръ покажетъ въ пользу обвиненія,— а это онъ непремѣнно сдѣлаетъ, судя потому, что онъ уже наговорилъ,—тогда они могутъ обвинить Фэгина въ соучастіи и судить его въ пятницу. Чортъ возьми! не пройдетъ, пожалуй, и шести дней, какъ онъ уже будетъ болтаться на высокой перекладинѣ.

— Вы бы послушали, что за ревъ поднялъ народъ, проговорилъ Читлингъ.—Полицейскіе отбивались, какъ черти, не то его у нихъ непремѣнно бы вырвали. Разъ ужъ его сбили съ ногъ, но они обступили его кругомъ и принялись силою расчищать себѣ дорогу. Посмотрѣли бы вы, какъ онъ озирался во всѣ стороны, весь въ крови и въ грязи, и прижимался къ полицейскимъ, точно они самые закадычные его друзья. Я какъ теперь его вижу передъ собой: онъ на ногахъ не можетъ удержаться отъ напора толпы, и полицейскіе волокутъ его промежъ себя. Такъ вотъ и вижу, какъ люди привскакиваютъ одинъ за другимъ, скалятъ на него зубы и рвутся за нимъ, точно дикіе звѣри. Я вижу кровь на его головѣ и бородѣ, слышу ужасные крики, съ которыми женщины пробиваются въ самую средину толпы на перекресткѣ и клянутся, что вырвутъ у него сердце живымъ.—И пораженный ужасомъ свидѣтель этой сцены, заткнулъ себѣ пальцами уши, зажмурилъ глаза и, точно самъ не свой, принялся быстрыми шагами расхаживать по комнатѣ.

Пока онъ такимъ образомъ ходилъ, а два другіе собесѣдника сидѣли молча, глядя въ землю,—на лѣстницѣ, которая вела съ нижняго этажа, послышалось какое-то шлепанье и, минуту спустя, собака Сайкса вбѣжала въ комнату. Они бросились къ окну, потомъ внизъ по лѣстницѣ, на улицу. Оказалось, что собака вскочила въ открытое окно; она не выказала ни малѣйшаго желанія за ними послѣдовать; хозяина ея нигдѣ не было видно.

— Что бы это могло значить? проговорилъ Тоби, когда она вер-

пулась. —Не можетъ же быть, чтобы онъ шелъ сюда. Я... я... надѣюсь по крайней мѣрѣ, что это не то.

— Если бы онъ шелъ сюда, то пришелъ бы вмѣстѣ съ собакой, замѣтилъ Кэгсъ, наклоняясь, чтобы осмотрѣть собаку, которая, тяжело дыша, лежала на полу.—Вотъ что, дайте-ка ей воды; она совсѣмъ изъ силъ выбилась.

— Она выпила все, до послѣдней капли, проговорилъ Кэгсъ, наблюдавшій нѣкоторое время собаку молча. — Покрыта грязью... съ отбитыми ногами... полуослѣпшая... Она должно быть прибѣжала издалека.

— Откуда же она могла бы прійти! воскликнулъ Тоби.—Она, навѣрное, обѣгала всѣ другіе дома, гдѣ ей случалось бывать и найдя ихъ занятыми незнакомыми лицами, прибѣжала сюда. Но до этого гдѣ она была и отчего тотъ, другой, не пришелъ съ нею?

— Онъ... (—никто изъ нихъ не рѣшался назвать убійцу прежнимъ его именемъ)—ужъ не покончилъ ли онъ съ собою, а? Какъ вы думаете? спросилъ Читлингъ.

Тоби покачалъ головою.

— Если бы это было такъ, замѣтилъ Кэгсъ,—то собака тащила бы насъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ это сдѣлалъ. Нѣтъ. Я думаю, онъ просто убрался изъ Англіи, а собаку бросилъ. Онъ, должно быть, какъ нибудь увернулся отъ нея, иначе она не была бы такъ спокойна.

На этомъ предположеніи, какъ наиболѣе правдоподобномъ, всѣ и остановились. Собака забилась подъ стулъ и, свернувшись въ клубокъ, заснула, позабытая всѣми.

Между тѣмъ въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Они закрыли ставень, зажгли свѣчу и поставили ее па столъ. Страшныя событія послѣднихъ дней произвели потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ троихъ и впечатлѣніе это еще усилилось опасностью и неизвѣстностью ихъ собственнаго положенія. Они сдвинули свои стулья въ кружокъ и вздрагивали при малѣйшемъ шорохѣ. Они говорили мало, и то шопотомъ, и сидѣли такъ тихо и въ такомъ оцѣпененіи страха, какъ будто тѣло убитой женщины лежало въ сосѣдней комнатѣ.

Такъ просидѣли они нѣкоторое время, какъ вдругъ раздался торопливый стукъ въ дверь, внизу.

*

— Это молодой Бэтсъ, сказалъ Кэгсъ, сердито оглядываясь на присутствующихъ, чтобы подавить страхъ, который онъ испытывалъ самъ.

Стукъ повторился. Нѣтъ! это былъ не Бэтсъ. Онъ никогда такъ не стучался.

Крэкитъ подошелъ къ окну и, дрожа всѣмъ тѣломъ, высунулъ голову. Не было надобности говорить остальнымъ кого онъ увидѣлъ на улицѣ. Блѣдное его лицо высказало это безъ словъ. Къ тому же собака тотчасъ же вскочила на ноги и, визжа, бросилась къ двери.

— Намъ надо впустить его, проговорилъ онъ, хватаясь за свѣчу.

— Неужели этого нельзя избѣжать? спросилъ Кэгсъ, сиплымъ голосомъ.

— Нельзя. Волей, неволей, а надо впустить.

— Не оставляй насъ въ темнотѣ, проговорилъ Кэгсъ, беря другую свѣчу съ камина и зажигая ее, причемъ рука его такъ тряслась, что стукъ повторился два раза, прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить эту операцію. Крэкитъ пошелъ внизъ и вернулся въ сопровожденіи человѣка, у котораго нижняя часть лица была закутана платкомъ. Другой платокъ былъ повязанъ у него на головѣ, подъ шляпой. Онъ медленно снялъ оба платка, — побѣлѣвшее лицо, ввалившіеся глаза, впалыя щеки, борода, небритая цѣлые три дня, осунувшееся тѣло, частое и тяжелое дыханіе, —то была тѣнь прежняго Сайкса.

Онъ положилъ руку на спинку стула, стоявшаго посреди комнаты, но, въ ту самую минуту, какъ онъ хотѣлъ опуститься на него, онъ вздрогнулъ, и, оглянувшись себѣ черезъ плечо, оттащилъ стулъ къ самой стѣнѣ, притиснулъ его къ ней и тогда только сѣлъ. Ни слова не было сказано между ними за все это время. Онъ молча посматривалъ на присутствующихъ. Если чей нибудь взглядъ украдкой поднимался на него, взглянувшій тотчасъ же спѣшилъ отвернуться, какъ только встрѣчался съ его глазами. Когда его глухой голосъ нарушилъ молчаніе, они всѣ вздрогнули. Они никогда не слыхали этого голоса прежде.

— Какъ эта собака сюда попала? спросилъ онъ.

— Она прибѣжала сюда одна, три часа тому назадъ.

— Въ нынѣшнихъ вечернихъ газетахъ напечатано, что Фэгинъ взятъ, правда это, или ложь?

— Сущая правда.

Всѣ снова замолчали.

— Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ! проговорилъ Сайксъ, проводя рукою по лбу,— неужели вамъ нечего мнѣ сказать?

Они какъ-то безпокойно зашевелились, но никто не промолвилъ ни слова.

— Эй ты, хозяинъ дома! обратился Сайксъ къ Крэкиту, — скажи, намѣреваешься ты продать меня, или дать мнѣ побыть здѣсь, пока травля кончится?

— Можешь оставаться здѣсь, если считаешь это мѣсто безопаснымъ, отвѣчалъ послѣ нѣкотораго колебанія тотъ, къ кому былъ обращенъ вопросъ.

Сайксъ медленно поднялъ глаза на стѣну позади себя, скорѣе пробуя повернуть голову, нежели дѣйствительно ее поворачивая,— и проговорилъ:

— Что... оно...—тѣло... похоронено?

Они покачали отрицательно головами.

— Отчего же не похоронено? проговорилъ онъ, опять оглядываясь на стѣну позади себя. — Зачѣмъ оставляютъ такія скверныя вещи на поверхности земли? Кто это стучитъ?...

Крэкитъ, уходя изъ комнаты, сдѣлалъ знакъ рукою, что опасаться нечего и тотчасъ же вернулся въ сопровожденіи Чарлея Бэтса. Сайксъ сидѣлъ какъ разъ противъ двери, такъ что лицо его первое бросилось мальчику въ глаза, когда онъ вошелъ въ комнату.

— Тоби! проговорилъ онъ, пятясь назадъ, когда Сайксъ обратилъ свой взглядъ на него,— зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ этого тамъ, внизу?

Въ томъ движеніи, которымъ всѣ сторонились отъ него, было нѣчто до того подавляющее, что несчастный человѣкъ готовъ былъ заискивать даже въ этомъ мальчикѣ. Онъ кивнулъ ему головою и выказалъ намѣреніе пожать ему руку.

— Проведите меня въ какую нибудь другую комнату, проговорилъ мальчикъ, пятясь еще дальше.

— Что же это, Чарли, — сказалъ Сайксъ, дѣлая шагъ на встрѣчу ему,—развѣ ты... развѣ ты меня не узнаешь?

— Не подходи ко мнѣ, проговорилъ Чарлей, продолжая пятиться назадъ и глядя на лицо убійцы, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, — ты, чудовище!

Сайксъ остановился на полдорогѣ и они уставились другъ на друга глазами, но глаза Сайкса мало-по-малу опустились въ землю.

— Будьте вы всѣ трое свидѣтелями! воскликнулъ мальчикъ, потрясая въ воздухѣ кулакомъ и приходя все въ большее и большее возбужденіе.—Будьте вы всѣ свидѣтелями, — я не боюсь его... Если за нимъ сюда придутъ, я его выдамъ, — говорю вамъ это напередъ! Пускай онъ убьетъ меня за это, если хочетъ, или если смѣетъ,—но если я буду здѣсь, я его выдамъ. Я бы выдалъ его даже и тогда, если ему предстояло быть свареннымъ живымъ. Караулъ! Помогите! Если между вами тремя, есть хоть одинъ настоящій мужчина, вы должны пособить мнѣ. Караулъ! Помогите! Нѣтъ ему пощады!

И испуская эти крики и сопровождая ихъ энергическими тѣлодвиженіями, мальчикъ дошелъ до того, что дѣйствительно бросился одинъ на одинъ на сильнаго мужчину. Натискъ былъ такъ стремителенъ и неожиданъ, что Сайксъ тяжело повалился на полъ.

Три свидѣтеля этой сцены, повидимому, стояли точно окаменѣлые. Они не вмѣшивались въ борьбу, и мальчикъ и мужчина продолжали кататься по полу, причемъ первый, не обращая вниманія на удары, сыпавшіеся на него градомъ, все крѣпче впивался руками въ одежду противника у самой его груди и кричалъ во все горло, призывая на помощь.

Борьба однако была слишкомъ не равная, чтобы продолжаться долго. Сайксъ подмялъ его подъ себя и наступилъ ему колѣномъ на горло, когда Крэкитъ оттащилъ его, съ испуганнымъ видомъ, указывая ему на окно. Внизу на улицѣ появились огни, раздавались голоса, разговаривавшіе о чемъ-то громко и съ жаромъ, слышался топотъ ногъ, — казалось имъ числа не было,—переправлявшихся по деревянному мосту. Повидимому въ толпѣ былъ одинъ человѣкъ верхомъ, потому что стукъ лошадиныхъ копытъ раздавался о неровную мостовую. Свѣтъ огней все усиливался, шаги становились все многочисленнѣе и шумнѣе. Затѣмъ раздался громкій стукъ въ дверь и поднялся хриплый ропотъ такого множества сердитыхъ голосовъ, что самое смѣлое сердце дрогнуло бы.

— Помогите! крикнулъ мальчикъ пронзительнымъ голосомъ. — Онъ здѣсь, онъ здѣсь! Ломайте дверь!

— Именемъ короля! крикнули голоса съ улицы; и вопль толпы поднялся снова, но еще грознѣе.

— Ломайте дверь! кричалъ Чарлей,—говорю вамъ, что они ни за что не отопрутъ ее сами. Бѣгите прямо въ ту комнату, откуда свѣтится огонь. Ломайте дверь.

Частые и тяжелые удары посыпались на дверь и на ставни, когда онъ замолкъ, и громкое ура раздалось въ толпѣ, впервые давая слушателямъ понятіе о страшной массѣ сбѣжавшагося народа.

— Отворите мнѣ дверь какого-нибудь мѣста, куда бы я могъ запереть этого горластаго дьяволенка! свирѣпо крикнулъ Сайксъ бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ и волоча теперь за собою мальчика съ такою легкостью, какъ будто онъ былъ пустой мѣшокъ. — Вотъ хоть эту дверь! Живо!—Онъ втолкнулъ его, задвинулъ засовъ двери и повернулъ ключь. — Что нижняя дверь заперта?

— Заперта и заложена цѣпью, отвѣчалъ Крэкитъ, который такъ же, какъ и остальные два товарища, оставался все еще въ растерянномъ и безпомощномъ состояніи.

— Косяки крѣпки?

— Обиты листовымъ желѣзомъ.

— А окна, тоже?

— И окна тоже.

— Такъ чортъ же васъ всѣхъ побери! крикнулъ отчаянный злодѣй, раскрывая окно и грозясь толпѣ.—Бѣснуйтесь себѣ!—а я еще васъ проведу!

Изо всѣхъ грозныхъ криковъ, которые когда-либо слыхало человѣческое ухо, ни одинъ не могъ быть грознѣе того, который испустила ему въ отвѣтъ разсвирѣпѣвшая толпа. Иные кричали тѣмъ, которые стояли поближе, чтобы они подожгли домъ; другіе требовали, чтобы полицейскіе застрѣлили его на мѣстѣ. И между всѣми ими ни одинъ не выказывалъ такого изступленія, какъ человѣкъ, сидѣвшій верхомъ на лошади. Онъ соскочилъ съ сѣдла и, разсѣкая толпу, какъ будто это были волны, подбѣжалъ къ окну и крикнулъ оттуда голосомъ, покрывавшимъ всѣ остальные: — Двадцать гиней тому, кто принесетъ лѣстницу!

Ближайшіе къ нему голоса подхватили этотъ крикъ и сотни дру-

гихъ стали имъ вторить. Нѣкоторые требовали лѣстницъ, другіе кричали, чтобы принесли кузнечные молоты; третьи бѣгали взадъ и впередъ съ факелами, какъ бы отыскивая то, что требовалось, но, ничего не сдѣлавъ, снова возвращались на свои мѣста, чтобы орать во все горло. Нѣкоторые истощали всѣ свои силы въ безплодныхъ проклятіяхъ и ругательствахъ; нѣкоторые протискивались впередъ въ какомъ-то безумномъ изступленіи и только мѣшали тѣмъ, которые работали надъ взломомъ двери. Нѣсколько смѣльчаковъ пробовали даже взобраться къ окну, цѣпляясь за жолобъ и за выступы стѣны. Все колыхалось во мракѣ внизу, точно нива, по которой пробѣгаетъ сердитый вѣтеръ, и испускало отъ времени до времени оглушительный, неистовый ревъ.

— Отливъ... крикнулъ Сайксъ, когда, шатаясь, отошелъ отъ окна, чтобы не видѣть этого зрѣлища. — Отливъ начинался, когда я пришелъ сюда. Дайте мнѣ веревку, длинную веревку. Они всѣ собрались впереди дома. Я могу еще спуститься въ Фолли-Дичь и удрать этимъ путемъ. Дайте мнѣ веревку, говорю я, не то я совершу еще три убійства и подъ конецъ убью самого себя!

Присутствующіе, пораженные паникой, указали ему на то мѣсто, гдѣ хранились предметы этого рода. Убійца поспѣшно выбралъ самую длинную и крѣпкую веревку и бросился на чердакъ.

Всѣ окна въ задней части дома были давнимъ давно заложены кирпичами, за исключеніемъ маленькаго окошечка въ той самой комнатѣ, гдѣ былъ запертъ Чарли. Окно было такъ мало, что даже тѣло мальчика не могло въ него пролѣзть, но Чарли не переставалъ кричать въ это отверстіе людямъ, стоявшимъ на улицѣ, чтобы они оберегали домъ сзади. Такимъ образомъ, когда убійца вышелъ на кровлю изъ двери, продѣланной въ чердакѣ, громкій крикъ возвѣстилъ объ этомъ тѣмъ, которые стояли по другую сторону дома. Тотчасъ же толпа хлынула въ обходъ, тѣснясь и толкаясь, и катясь однимъ непрерывнымъ потокомъ.

Онъ приперъ дверь доскою, которую нарочно захватилъ съ этою цѣлью съ собой, — приперъ такъ крѣпко, что не легкимъ дѣломъ было бы отворить ее извнутри. Осторожно пробираясь по черепицамъ онъ дошелъ до края кровли и заглянулъ черезъ низенькій парапетъ.

Вода вся убыла и тинистое дно канавы было обнажено.

Толпа въ эти минуты притихла и слѣдила за его движеніями, не

понимая, что онъ хочетъ сдѣлать. Но, какъ только она догадалась объ этомъ и убѣдилась, что разсчетъ его оказался ошибочнымъ, она подняла крикъ такого злобнаго торжества, что всѣ прежніе крики въ сравненіи съ этимъ казались просто шопотомъ.

И снова, и снова повторялся этотъ крикъ. Тѣ, которые стояли слишкомъ далеко, чтобы понять, что онъ означалъ, — все же подхватывали его и онъ раскатывался безконечнымъ эхомъ; казалось все населеніе города высыпало сюда, чтобы проклинать его.

И все больше и больше валилъ народъ отъ фасада къ задней части дома. То была лишь одна бурная сплошная поверхность гнѣвныхъ лицъ, по которой тамъ и сямъ мелькали факелы, озаряя эти лица и выказывая еще явственнѣе ихъ изступленное выраженіе. Дома на противуположной сторонѣ канавы были заняты толпою, окна распахивались, или, просто выламывались и въ каждомъ изъ нихъ показывалось нѣсколько головъ; каждая кровля была унизана кучками народа. Каждый маленькій мостикъ,—а ихъ было три на виду,— ломился подъ напоромъ тѣснившихся на немъ людей; а потокъ все прибывалъ и прибывалъ, и каждый наровилъ пріискать себѣ какой-нибудь уголокъ, какую-нибудь щелочку, откуда онъ могъ бы испускать свои крики и взглянуть хоть однимъ глазомъ на несчастнаго, стоявшаго на кровлѣ.

— Теперь онъ попался, крикнулъ голосъ съ ближайшаго мостика. — Уррра-а!

Народная масса засвѣтлѣла отъ обнажившихся головъ и опять поднялся неистовый крикъ.

— Я обѣщаю пятьдесять гиней, провозгласилъ старый джентльменъ, стоявшій на томъ же мостикѣ,—тому, кто захватитъ его живого. Я останусь на этомъ мѣстѣ и буду ждать пока ко мнѣ явятся за обѣщанной наградой.

Новый крикъ былъ ему отвѣтомъ. Въ эту самую минуту въ толпѣ пронеслась вѣсть, что дверь дома наконецъ взломана и что тотъ господинъ, который первый потребовалъ лѣстницу, проникъ въ комнату верхняго этажа. Потокъ сталъ круто поворачивать вспять по мѣрѣ того, какъ это извѣстіе пробѣгало отъ одного къ другому. Люди, смотрѣвшіе изъ оконъ, видя, что тѣ, кто стояли на мосту, валятъ назадъ, покидали свои мѣста, выбѣгали на улицу и присоединялись къ толпѣ, которая теперь въ безпорядкѣ тѣснилась, спѣша возвратиться

на прежнее мѣсто; всякій наровилъ протискаться впередъ, давя своего сосѣда, всѣ задыхались отъ нетерпѣнія попасть поближе къ двери, чтобы видѣть, какъ полицейскіе поведутъ изъ нея преступника. Крики и визгъ тѣхъ, которыхъ тѣснили въ давкѣ до того, что имъ грозила опасность задохнуться, или которыхъ сбивали съ ногъ среди этой сумятицы и топтали ногами, были ужасны; узкіе проходы были совершенно загромождены народомъ. Въ эту минуту, когда одни спѣшили вернуться на прежнія мѣста, а другіе бились изъ всѣхъ силъ, чтобы выбраться изъ толпы, вниманіе было отвлечено непосредственно отъ убійцы, хотя общее желаніе видѣть его пойманнымъ сдѣлалось, если это только возможно, еще страстнѣе, чѣмъ прежде.

Несчастный припалъ на кровлю, совершенно подавленный остервенѣніемъ толпы и невозможностью спасенія. Но, замѣтивъ случившуюся перемѣну также быстро, какъ она произошла, онъ вскочилъ на ноги, рѣшившись попытать еще одно, послѣднее усиліе для спасенія своей жизни—броситься въ канаву и, рискуя задохнуться въ тинѣ, попробовать уползти подъ прикрытіемъ мрака и сумятицы.

Шумъ, несшійся изъ дома и доказывавшій, что дверь дѣйствительно взломана, еще болѣе возбуждалъ его энергію и рѣшимость; онъ прикрѣпилъ одинъ конецъ веревки къ печной трубѣ, а изъ другого помощью рукъ и зубовъ, въ одно мгновеніе ока, сдѣлалъ подвижную петлю.

По этой веревкѣ онъ могъ спуститься на такое разстояніе отъ земли, которое было менѣе его собственнаго роста, а въ рукѣ онъ держалъ ножъ на готовѣ, чтобы обрѣзать веревку, въ ту минуту, когда спустится, и упасть внизъ.

Въ ту самую минуту, когда онъ занесъ петлю надъ своей головою, чтобы продѣть ее себѣ подъ мышки, а старый джентльменъ, о которомъ мы говорили (и который устоялъ противъ натиска толпы и удержался на своемъ мѣстѣ, крѣпко ухватившись за перила моста) въ волненіи предупреждалъ окружающихъ, что человѣкъ по кровлѣ собирается спуститься, — въ эту самую минуту, убійца, оглянувшись позади себя на кровлю, вскинулъ руки къ верху и взвизгнулъ отъ ужаса.

— Опять глаза! крикнулъ онъ какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ.

Онъ зашатался, точно пораженный молніей и, потерявъ равно-

вѣсіе, упалъ черезъ парапетъ. Петля была у него какъ разъ на шеѣ; вслѣдствіе тяжести его тѣла, она затянулась туго, какъ тетива лука, и быстро, какъ стрѣла, которую мечетъ тетива. Онъ летѣлъ внизъ на протяженіи тридцати пяти футовъ. Потомъ тѣло его вздрогнуло, страшная конвульсія пробѣжала по всѣмъ членамъ и онъ повисъ, съ раскрытымъ ножомъ въ сжатой и коченѣющей рукѣ.

Старая труба задрожала отъ сотрясенія, но устояла. Убійца безжизненнымъ трупомъ раскачивался, ударяясь объ стѣну, а мальчикъ, отстранивъ болтающееся тѣло, заслонявшее ему окно, крикнулъ окружающимъ, чтобы они ради Бога пришли и увели его отсюда.

Собака, остававшаяся до сихъ поръ никѣмъ незамѣченною, показалась на крыльцѣ и стала бѣгать взадъ и впередъ по парапету съ отчаяннымъ воемъ; наконецъ, она собралась прыгнуть на плеча трупу, но промахнулась и упала въ канаву; перевернувшись нѣсколько разъ во время паденія, она ударилась головой о камень и размозжила себѣ черепъ.

ГЛАВА XLIX.

Даетъ читателю объясненіе нѣсколькихъ тайнъ и заключаетъ въ себѣ сватовство, въ которомъ ни словомъ не упоминается ни о вдовьихъ деньгахъ, ни о приданомъ.

Прошло только два дня послѣ описанныхъ нами событій, когда Оливеръ въ три часа пополудни очутился въ дорожной каретѣ, быстро увозившей его въ родной его городъ. М-съ Мейли и Роза, м-съ Бэдуинъ и добрый докторъ были съ нимъ, а м-ръ Броунлоу ѣхалъ за ними слѣдомъ въ почтовой каретѣ въ обществѣ другого лица, имени котораго мальчику не сказали.

Дорогой они немного разговаривали, потому что Оливеръ былъ въ такомъ волненіи и такъ мучился чувствомъ неизвѣстности, что былъ неспособенъ о чемъ нибудь связно думать и почти не могъ говорить. Настроеніе его сообщилось и его спутникамъ, которые испытывали тѣ же чувства, по крайней мѣрѣ въ одинаковой степени. М-ръ Броунлоу весьма обстоятельно ознакомилъ Оливера и обѣихъ дамъ съ сущностью тѣхъ уступокъ, къ которымъ ему удалось понудить Монкса и, хотя они знали, что цѣль ихъ настоящаго путешествія въ томъ, чтобы довести до конца дѣло, такъ удачно начатое, — тѣмъ не менѣе, во всей этой исторіи было такъ много таинственнаго и дававшаго поводъ къ сомнѣніямъ, что они не могли не волноваться.

Тотъ же добрый другъ, съ помощью м-ра Лосберна, преградилъ всѣ пути, по которымъ до нихъ могла дойти вѣсть о страшныхъ событіяхъ послѣдняго времени.—Совершенно справедливо, сказалъ онъ, что они, все равно, должны въ скоромъ времени узнать объ этомъ. Но, быть можетъ, минута выдастся для этого болѣе благопріятная, а менѣе благопріятной минуты быть не можетъ.—И такъ, они ѣхали молча, занятые, каждый съ своей стороны, размышленіями о томъ дѣлѣ, которое свело ихъ вмѣстѣ, и нерасположенные дѣлиться другъ съ другомъ тѣми мыслями, которыя тѣснились въ мозгу каждаго изъ нихъ.

Но если Оливеръ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ чувствъ, могъ сидѣть молча, пока они ѣхали къ мѣсту его рожденія по дорогамъ, неизвѣстнымъ ему, — то за то какой потокъ воспоминаній нахлынулъ на него и какія чувства зашевелились въ его груди, когда карета свернула на ту самую дорогу, по которой онъ когда-то проходилъ пѣшкомъ, бѣднымъ, бездомнымъ мальчикомъ, не имѣвшимъ ни друга, который могъ бы помочь ему въ бѣдѣ, ни крова, подъ которымъ пріютиться!

— Смотрите, смотрите! воскликнулъ онъ, торопливо хватая за руку Розу и указывая въ окно кареты, — вонъ та калитка, черезъ которую я перелѣзъ, а вонъ изгороди, вдоль которыхъ я крался, боясь, чтобы меня не накрыли и не вернули назадъ; а вонъ тамъ, черезъ поля, идетъ тропинка къ старому дому, гдѣ я жилъ, когда былъ еще маленькимъ. О, Дикъ, Дикъ! мой добрый старинный другъ, если бы я могъ только повидать тебя теперь!

— Ты увидишь его скоро, проговорила Роза, ласково сжимая его сложенныя руки между своихъ.—Ты разскажешь ему, какъ ты счастливъ теперь и какой богатый ты сталъ, и какъ, среди всего этого счастія, для тебя нѣтъ большей радости, какъ вернуться къ нему и сдѣлать его тоже счастливымъ.

— Да, да, воскликнулъ Оливеръ,—и мы... мы увеземъ его отсюда и позаботимся, чтобы онъ былъ одѣтъ и могъ учиться, и отправимъ его въ какую нибудь тихую мѣстность въ деревнѣ, гдѣ онъ могъ бы поздоровѣть и окрѣпнуть. Не правда ли, мы сдѣлаемъ все это?

Роза молча кивнула головою, потому что мальчикъ улыбался сквозь такія радостныя слезы, что она не могла говорить.

— Вы будете добры къ нему такъ же, какъ и ко всѣмъ, продолжалъ Оливеръ.—Вы, я знаю, будете плакать, слушая все то, что онъ можетъ поразсказать. Но это ничего, это ничего! Все это пройдетъ и вы опять улыбнетесь, — это я тоже знаю, — думая о томъ, какъ его жизнь перемѣнилась. Вѣдь и со мной вы такъ же плакали, а потомъ улыбались. — Когда я уходилъ, онъ сказалъ мнѣ: — „да благословитъ тебя Богъ“ —воскликнулъ мальчикъ въ умиленіи,—а теперь мой чередъ сказать ему: — „да благословитъ тебя Богъ!“ — и показать ему какъ я люблю его за прежнее доброе слово.

Когда подъѣхали къ городу и карета покатила, наконецъ, по узкимъ улицамъ послѣдняго, сдѣлалось не легкимъ дѣломъ удержать Оливера въ предѣлахъ благоразумія. Вотъ лавка гробовщика Соуерберри, точь-въ-точь такая же, какъ и прежде, только какъ будто поменьше и внѣшность не такая внушающая, какъ у той, которую онъ помнилъ. Вотъ всѣ знакомые дома и лавки,—съ каждымъ изъ нихъ у него связано какое нибудь воспоминаніе. Вотъ телѣжка Гамфильда, та самая телѣжка, съ которой онъ обыкновенно останавливался у двери кабака. Вотъ рабочій домъ — мрачная тюрьма его дѣтства, съ своими угрюмыми окнами, хмурящимися на улицу,— тотъ же тощій привратникъ стоитъ у входа; при видѣ его Оливеръ невольно откинулся назадъ въ карету, потомъ самъ надъ собою засмѣялся. У оконъ и дверей виднѣлись цѣлые десятки коротко знакомыхъ лицъ, все смотрѣло такъ, какъ будто онъ вчера только оставилъ эти мѣста и какъ будто вся его жизнь послѣдняго времени была лишь блаженнымъ сномъ.

Но нѣтъ, эта живая, радостная дѣйствительность. Они прямо подъѣхали къ двери главной гостинницы города (той самой, на которую Оливеръ въ былыя времена взиралъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, воображая, что это нѣчто въ родѣ дворца, но теперь гостинница эта какъ-то утратила свои прежніе размѣры и величіе). У подъѣзда ихъ уже дожидался м-ръ Гримуигъ; первымъ дѣломъ, какъ только они высадились изъ кареты, онъ поцѣловалъ молодую дѣвицу, затѣмъ пожилую даму, точно онъ былъ дѣдушка всѣмъ имъ. Онъ весь улыбался и дышалъ благодушіемъ и ни разу не вызвался съѣсть свою собственную голову, — такъ-таки ни разу, даже тогда, когда вступилъ въ споръ съ однимъ старымъ почтальономъ о томъ, какою дорогою всего ближе ѣхать въ Лондонъ, и принялся утверждать, что знаетъ это лучше его, хотя ѣхалъ этою дорогою всего одинъ разъ, да и тутъ все время спалъ крѣпкимъ сномъ. Обѣдъ дожидался путешественниковъ, спальни были приготовлены, — словомъ, все было устроено точно по мановенію волшебнаго жезла.

Не взирая на все это, однако, когда утихла суета перваго получаса, въ маленькомъ обществѣ появилась та же молчаливость и натянутость, какъ и во время путешествія. М-ръ Броунлоу не присоединился къ нимъ во время обѣда, а остался въ особой комнатѣ. Остальные два джентльмена входили и выходили съ озабоченными лицами и въ тѣ короткіе промежутки, когда оказывались на лицо, толковали о чемъ-то между собою, отойдя въ сторону. Однажды зачѣмъ-то вызвали изъ комнаты м-съ Мейли. Отсутствіе ея продолжалось около часа и когда она вернулась, глаза у нея распухли отъ слезъ. Все это возбуждало въ Оливерѣ и Розѣ, которые не были посвящены ни въ какія тайны, какое-то непріятное волненіе. Они сидѣли и недоумѣвали молча, или же, если заговаривали между собою, то не иначе, какъ шопотомъ, какъ будто боясь услышать звукъ своего собственнаго голоса.

Наконецъ, когда пробило девять часовъ и они уже начинали думать, что въ этотъ день такъ ничего и не узнаютъ, м-ръ Лосбернъ и Гримуигъ вошли въ комнату, а за ними послѣдовали м-ръ Броунлоу и еще другой мужчина, при взглядѣ на котораго Оливеръ чуть не вскрикнулъ отъ изумленія; ему сказали, что это его братъ, а онъ узналъ въ немъ того самаго человѣка, съ которымъ встрѣтился въ маленькомъ городкѣ во время болѣзни Розы и который потомъ

заглядывалъ вмѣстѣ съ Фэгиномъ въ окно его комнаты. Человѣкъ этотъ бросилъ на изумленнаго мальчика взглядъ, полный ненависти, которую онъ даже теперь не могъ скрыть, и опустился на стулъ возлѣ двери. М-ръ Броунлоу, державшій какія-то бумаги въ рукѣ, подошелъ къ столу, возлѣ котораго сидѣли Оливеръ и Роза.

— Это тягостная обязанность, проговорилъ онъ, — но эти показанія, которыя были подписаны въ Лондонѣ, въ присутствіи многихъ джентльменовъ, должны быть повторены въ главной своей сущности здѣсь. Я охотно избавилъ бы васъ отъ этого униженія, но мы должны слышать ихъ изъ вашихъ собственныхъ устъ, прежде чѣмъ мы растанемся, и вы сами знаете, для чего это нужно.

— Продолжайте, проговорилъ тотъ, къ кому обращалась эта рѣчь, отворачивая лицо.—Только пожалуйста, поскорѣе. Я и такъ сдѣлалъ довольно. Не задерживайте меня здѣсь.

— Этотъ ребенокъ, сказалъ м-ръ Броунлоу, притягивая къ себѣ Оливера и кладя ему руку на голову,—вашъ сводный братъ,—незаконнорожденный сынъ вашего отца и моего дорогого друга, Эдуина Лифорда, прижитый имъ отъ Агнессы Флемингъ, которая умерла, родивъ его на свѣтъ.

— Да, проговорилъ Монксъ, злобно взглянувъ на дрожавшаго мальчика, у котораго сердце билось такъ сильно, что можно было почти слышать его удары. — Онъ прижитъ моимъ отцомъ отъ наложницы.

— Выраженіе, которое вы употребляете, строго замѣтилъ м-ръ Броунлоу,—есть упрекъ тѣмъ, которые давно изъяты отъ суда людскаго. Изъ живыхъ оно никого не можетъ позорить, кромѣ того, кто рѣшился его употребить. Но оставимъ это. Ребенокъ этотъ родился здѣсь.

— Онъ родился въ здѣшнемъ рабочемъ домѣ, было угрюмымъ отвѣтомъ. — Да у васъ вся эта исторія вонъ тамъ написана, — и онъ нетерпѣливымъ движеніемъ указалъ на бумаги.

— Но мнѣ еще нужно, чтобы она была намъ здѣсь разсказана, проговорилъ м-ръ Броунлоу, обводя взглядомъ присутствующихъ.

— Въ такомъ случаѣ, слушайте, отвѣчалъ Монксъ. — Когда отецъ его занемогъ въ Римѣ, туда, какъ вамъ извѣстно, отправилась къ нему его жена, моя мать, съ которой онъ разошелся и которая жила въ Парижѣ. Она взяла и меня съ собою. Цѣль ея

поѣздки была — предохранить состояніе отъ разграбленія, потому что любви особенной, сколько мнѣ извѣстно, она къ нему не питала, да и онъ къ ней — тоже. Онъ насъ не узналъ, потому что лежалъ въ безпамятствѣ; онъ пробылъ въ этомъ состояніи до слѣдующаго дня и затѣмъ умеръ. Между бумагами, лежавшими на его письменномъ столѣ, было двѣ, помѣченныя тѣмъ числомъ, въ которое онъ занемогъ. Адресованы онѣ были на ваше имя и къ нимъ была приложена коротенькая записка къ вамъ. На конвертѣ было надписано, чтобы пакетъ этотъ отправили по назначенію не иначе, какъ въ случаѣ его смерти. Одна изъ бумагъ, запечатанныхъ въ конвертѣ, было письмо къ этой особѣ, къ Агнессѣ,—а другая — завѣщанье.

— Что вамъ извѣстно о письмѣ? спросилъ м-ръ Броунлоу.

— О письмѣ?—То былъ листъ бумаги, весь исписанный и перечеркнутый вдоль и поперегъ: онъ признавался ей во всемъ, клялся и молилъ Бога помочь ей. Оказывалось, что онъ передъ ней сочинилъ какую-то исторію про тайну, не позволявшую ему жениться на ней немедленно, но долженствовавшую въ свое время разъясниться. Она повѣрила и ждала, пока не зашла въ своемъ довѣріи слишкомъ далеко и не утратила то, чего никто уже не могъ возвратить ей. Въ ту пору ей оставалось немного мѣсяцевъ до родовъ. Онъ разсказывалъ ей обо всемъ, что онъ думалъ сдѣлать, чтобы скрыть ея стыдъ, если бы только остался въ живыхъ, умолялъ ее, въ случаѣ его смерти, не проклинать его память и не думать, что грѣхъ ихъ падетъ на ея голову или на ея ребенка,—такъ какъ вся вина лежитъ на немъ. Онъ напоминалъ ей тотъ день, когда онъ подарилъ ей маленькій медальонъ и кольцо, въ которомъ было вырѣзано ея имя съ пробѣломъ, оставленнымъ для той фамиліи, которую онъ надѣялся со временемъ дать ей. Онъ просилъ ее сохранить это кольцо и носить его у сердца, какъ она то дѣлала до сихъ поръ; затѣмъ слѣдовало безсвязное повтореніе тѣхъ же самыхъ словъ снова и снова, точно умъ его начиналъ мѣшаться, — да оно, мнѣ кажется, такъ и было.

— А теперь, скажите намъ про завѣщаніе, проговорилъ м-ръ Броунлоу, видя, что Оливеръ такъ и заливается слезами.

— Я въ свое время къ нему перейду.

— Завѣщаніе было написано въ томъ же духѣ, какъ и письмо. Онъ говорилъ о тѣхъ страданіяхъ, которыми отравила ему жизнь

ваша мать, о строптивомъ нравѣ, о порочныхъ наклонностяхъ, лукавствѣ и преждевременномъ развитіи дурныхъ страстей, проявлявшихся въ васъ, его единственномъ сынѣ, воспитанномъ въ ненависти къ нему. Онъ оставлялъ вамъ и вашей матери годовой доходъ въ восемьсотъ фунтовъ каждому. Остальное свое состояніе онъ дѣлилъ на двѣ равныя части: одна изъ нихъ завѣщалась Агнесѣ Флемингъ, а другая — ребенку, который отъ нея родится, если только онъ родится живымъ и достигнетъ совершеннолѣтія. Въ случаѣ, если родится дѣвочка, состояніе должно было перейдти къ ней безусловно. Если же родится мальчикъ, оно завѣщалось ему лишь подъ тѣмъ условіемъ, что онъ въ годы своей юности не запятнаетъ свое имя никакимъ безчестнымъ поступкомъ, никакимъ актомъ подлости или трусости, никакимъ злымъ дѣломъ. Ставя это условіе, говорилось въ завѣщаніи, онъ хотѣлъ выразить свое довѣріе къ матери и свое убѣжденіе, лишь усиливающееся съ приближеніемъ смерти, что ребенокъ унаслѣдуетъ ея благородный характеръ и любящее сердце. Если ему суждено было ошибиться въ этой надеждѣ, деньги должны были достаться вамъ, потому что лишь въ этомъ случаѣ, —когда оба сына сравняются,—можетъ онъ признать преимущественное право на его кошелекъ за вами, неимѣвшимъ никакихъ правъ на его любовь, которую вы, съ самаго ранняго дѣтства, отталкивали своей холодностью и ненавистью.

— Моя мать, проговорилъ Монксъ, понижая голосъ,—сдѣлала то, что сдѣлала бы всякая другая женщина на ея мѣстѣ, — она сожгла это завѣщаніе. Письмо никогда не дошло бы по назначенію, но она сохранила его на случай, если бы они когда нибудь вздумали отолгаться отъ своего позора. Отецъ дѣвушки узналъ правду отъ нея, со всѣми прибавками, какія только могла подсказать ей ея безпредѣльная ненависть, — я люблю ее теперь за эту ненависть. Подавленный стыдомъ и позоромъ, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми въ дальній уголокъ Уэльскаго графства, перемѣнивъ самое имя свое, чтобы друзья не могли узнать гдѣ онъ скрывается; здѣсь онъ въ скоромъ времени былъ найденъ мертвымъ въ своей постели. Дѣвушка, за нѣсколько недѣль передъ этимъ, тайно оставила родительскій кровъ. Онъ исходилъ пѣшкомъ всѣ окрестные города и селенья, розыскивая ее, и въ ту самую ночь, когда онъ вернулся домой въ полной увѣренности, что она покончила съ собою, чтобы

скрыть свой стыдъ и его стыдъ, —старое сердце его не выдержало и разорвалось.

Тутъ настало непродолжительное молчаніе, вслѣдъ за которымъ разсказъ продолжалъ уже м-ръ Броунлоу.

— Нѣсколько лѣтъ спустя, сказалъ онъ, — мать этого человѣка... Эдуарда Лифорда, пріѣзжала ко мнѣ. Оказалось, что восемнадцати лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ ее, укравъ ея бриліанты и деньги, велъ распутную жизнь, игралъ въ карты и, надѣлавъ разныхъ мошенничествъ, бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ жилъ за послѣдніе два года въ обществѣ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ. Она между тѣмъ быстро угасала, изнуряемая тяжкой и неизлечимой болѣзнью и желала вернуть его къ себѣ прежде своей смерти. Мы стали наводить справки; поиски наши долгое время оставались тщетными, но наконецъ мы его розыскали и она увезла его съ собой во Францію.

— Тамъ она умерла, продолжалъ Монксъ, послѣ долгихъ страданій. На смертномъ одрѣ она завѣщала мнѣ эти тайны, вмѣстѣ съ своей неутомимой и смертельной ненавистью ко всѣмъ, кто были въ нихъ замѣшаны; впрочемъ послѣднюю ей незачѣмъ было мнѣ завѣщать, потому что я унаслѣдовалъ ее давно. Она не хотѣла вѣрить, что дѣвушка эта убила себя вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ; она была почему-то убѣждена, что ребенокъ —мужского пола, родился живымъ и существуетъ до сего дня. Я поклялся ей, что, если онъ только когда нибудь встрѣтится мнѣ на моей дорогѣ, я выслѣжу его, не оставлю его ни за что въ покоѣ, буду преслѣдовать его самою ожесточенною и непримиримою враждою, изолью на него всю ненависть, которою было полно мое сердце, и надругаюсь надъ пустой похвальбой этого оскорбительнаго завѣщанія, доведя это дѣтище, если это только будетъ въ моихъ силахъ, до самой висѣлицы. Она была права. Ребенокъ таки встрѣтился мнѣ. Я началъ хорошо, и, если бы не бабья болтовня, я бы и кончилъ такъ же, какъ началъ. О, да! я бы кончилъ!

И, между тѣмъ, какъ негодяй, судорожно скрестивъ руки на груди, въ безсиліи своей неудачи, бормоталъ проклятія на самого себя, м-ръ Брунлоу обратился къ испуганнымъ слушателямъ и объяснилъ имъ, что жидъ, который былъ старымъ сообщникомъ и повѣреннымъ этого человѣка, получалъ большія деньги за то, что

опутывалъ Оливера своими интригами, что часть этихъ денегъ подлежала возвращенію, въ случаѣ еслибы Оливеръ ускользнулъ у него изъ рукъ, и что споръ, возникшій по этому поводу, и былъ причиною посѣщенія Монксомъ дома, въ которомъ жилъ Оливеръ, такъ какъ понадобилось удостовѣриться, что это точно онъ.

— А теперь, скажите, что сталось съ медальономъ и кольцомъ? обратился м-ръ Броунлоу къ Монксу.

— Я купилъ ихъ у того мужчины и у той женщины, про которыхъ я вамъ говорилъ; они украли ихъ у сидѣлки, а та украла ихъ у трупа, проговорилъ Монксъ, не поднимая глазъ. — А что сталось съ ними, вы сами знаете.

М-ръ Броунлоу сдѣлалъ только знакъ головою м-ру Гримуигу, который проворно вышелъ изъ комнаты и, минуту спустя, вернулся, толкая передъ собою м-ра Бёмбля и таща его упиравшуюся супругу.

— Что я вижу! воскликнулъ м-ръ Бёмбль, съ дурно поддѣланнымъ энтузіазмомъ. — Неужели это маленькій Оливеръ? О, Оливеръ! если бы ты зналъ, какъ я горевалъ по тебѣ!

— Молчи, дуракъ! пробормотала м-съ Бёмбль.

— Это сердце заговорило, м-съ Бёмбль, — сердце заговорило! отвѣчалъ ей супругъ. — Неужели я не могу расчувствоваться, я, который воспиталъ его отъ имени прихода, — когда вдругъ вижу его сидящимъ между дамами и джентльменами такого утонченнаго изящества? Я всегда любилъ его, какъ... какъ... родного дѣда! напалъ наконецъ м-ръ Бёмбль на подходящее сравненіе.—М-ръ Оливеръ, душа моя, помните вы того почтеннаго джентльмена въ бѣломъ жилетѣ? Увы! Онъ переселился на небо, на прошлой недѣлѣ, въ дубовомъ гробу, съ посеребренными ручками!

— Послушайте, сэръ, обрѣзалъ его м-ръ Гримуигъ, — не можете ли вы попридержать изліянія своихъ чувствъ?

— Постараюсь, сэръ, постараюсь, отвѣчалъ м-ръ Бёмбль. — Какъ поживаете, сэръ? Надѣюсь, все въ добромъ здоровьѣ?

Это привѣтствіе было обращено къ м-ру Броунлоу, который подошелъ довольно близко къ почтенной четѣ и, указывая на Монкса, спросилъ:

— Знаете ли вы этого человѣка?

— Нѣтъ! самоувѣренно отвѣчала м-съ Бёмбль.

— Быть можетъ, *вы* его знаете? обратился м-ръ Броунлоу къ ея супругу.

— Въ жизнь свою его не видалъ! проговорилъ м-ръ Бёмбль.

— Вы ему ничего никогда не продавали?

— Нѣтъ! отвѣчала м-съ Бёмбль.

— Не было ли у васъ когда-то золотого медальона и кольца? спросилъ м-ръ Броунлоу.

— Конечно нѣтъ, отвѣчала матрона.—Неужели насъ привели только затѣмъ, чтобы отвѣчать на такой вздоръ?

Опять м-ръ Броунлоу подалъ знакъ м-ру Гримуигу и опять этотъ джентльменъ исчезъ изъ комнаты. Но на этотъ разъ онъ вернулся въ сопровожденіи не толстаго мужчины и толстой женщины,— а двухъ разбитыхъ параличомъ старухъ, которыя тряслись и спотыкались на ходу.

— Вы заперли дверь въ ту ночь, когда Салли умерла, заговорила старуха, стоявшая впереди, поднимая кверху свою сморщенную руку,—но вы не могли запереть звукъ и заткнуть щели.

— Нѣтъ, нѣтъ! проговорила другая, оглядываясь кругомъ и шевеля своими беззубыми челюстями. — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Мы слышали, какъ она силилась разсказать вамъ, что она сдѣлала, и видѣла, какъ вы вынули бумажку изъ ея руки, и прослѣдили васъ, когда вы пошли къ закладчику на другой день, продолжала первая старуха.

— Да, добавила другая, — то былъ медальонъ и кольцо. Мы это узнали и видѣли, какъ вы ихъ выкупили. Мы были при этомъ, о да, мы были при этомъ!

— И мы знаемъ еще больше, подхватила другая.—Салли часто говаривала, что молодая мать сказала ей, когда ей сдѣлалось плохо, что ей придется умереть близъ могилы отца своего ребенка.

— Быть можетъ, вы пожелаете имѣть очную ставку съ самимъ закладчикомъ? спросилъ м-ръ Гримуигъ, дѣлая шагъ по направленію къ двери.

— Нѣтъ, отвѣчала м-съ Бёмбль. — Ужъ если онъ, — и она указала на Монкса,—былъ на столько трусъ, что во всемъ сознался,— а я вижу, что это такъ,—и вы, перебравъ всѣхъ этихъ старыхъ вѣдьмъ, напали на такихъ, какихъ вамъ было нужно, — то

мнѣ нечего больше говорить. Да, я продала эти вещи и онѣ теперь въ такомъ мѣстѣ, откуда вамъ ихъ не достать. Что же далѣе?

— Ничего, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу. — Намъ остается только принять свои мѣры, чтобы ни одинъ изъ васъ не занималъ на будущее время такой должности, которая предполагаетъ довѣріе. Можете идти.

— Надѣюсь, заговорилъ м-ръ Бёмбль, оглядывая присутствующихъ съ очень смиренной физіономіей, послѣ того, какъ м-ръ Гримуигъ вышелъ съ двумя старухами, — надѣюсь, что эта непріятная маленькая исторія не лишитъ меня моей приходской должности.

— Напрасно надѣетесь, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу. — Вы должны приготовиться къ тому, что мѣсто не останется за вами, и считать, что вы еще дешево отдѣлались.

— Да это все м-съ Бёмбль... она это надѣлала, проговорилъ м-ръ Бёмбль, предварительно оглянувшись, чтобы удостовѣриться, что супруга его покинула комнату.

— Это не оправданіе, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу. — Вы присутствовали при уничтоженіи этихъ вещей и, въ глазахъ закона, вы наиболѣе выновный изъ двухъ, такъ какъ законъ предполагаетъ, что жена ваша дѣйствуетъ подъ вашимъ руководствомъ.

— Если законъ предполагаетъ это, проговорилъ м-ръ Бёмбль, энергически сжимая свою шляпу обѣими руками, — то законъ просто оселъ, идіотъ. Если это взглядъ закона, то онъ... онъ холостякъ и худшее, что я могу пожелать закону это, чтобы собственный опытъ раскрылъ ему глаза, да, собственный опытъ!

И, повторивъ съ особеннымъ удареніемъ эти два слова, м-ръ Бёмбль плотно надвинулъ себѣ шляпу на голову и, заложивъ руку въ карманы, послѣдовалъ внизъ за подругой своей жизни.

— А теперь, барышня, обратился м-ръ Броунлоу къ Розѣ, — дайте-ка мнѣ вашу руку. Не дрожите такъ; вамъ нечего бояться выслушать тѣ немногія слова, которыя намъ осталось сказать.

— Если эти слова, проговорила Роза, — имѣютъ какое-нибудь отношеніе ко мнѣ, — хотя я и не понимаю, какъ это можетъ быть, — я просила бы отложилъ ихъ до другого раза. Въ настоящую минуту у меня нѣтъ силъ и бодрости духа, чтобы ихъ выслушать.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ старый джентльменъ, беря ее подъ

руку, — вы, я убѣжденъ, сильнѣе, чѣмъ вы думаете. Знаете ли вы эту молодую дѣвушку, сэръ?

— Да, отвѣчалъ Монксъ.

— Я ни разу не видала васъ до нынѣшняго дня, слабо проговорила Роза.

— Но я васъ часто видалъ, возразилъ Монксъ.

— У отца этой злополучной Агнесы было двѣ дочери, проговорилъ м-ръ Броунлоу.—Что сталось со второй дочерью, которая была еще ребенкомъ?

— Дѣвочка эта, отвѣчалъ Монксъ, когда отецъ умеръ въ незнакомомъ мѣстѣ, подъ чужимъ именемъ, не оставивъ ни письма, ни книги, ни клочка бумаги, по которымъ бы можно было розыскать его родственниковъ или друзей, — дѣвочка эта была взята полунищими поселянами, которые стали воспитывать ее какъ своего собственнаго ребенка.

— Продолжайте, проговорилъ м-ръ Броунлоу, дѣлая знакъ м-съ Мейли, чтобы она подошла поближе. — Продолжайте!

— Вы не могли отыскать мѣстность, куда укрылись эти люди, сказалъ Монксъ, — но тамъ, гдѣ дружба терпитъ неудачу, ненависть иногда пробиваетъ себѣ дорогу. Мать моя открыла эту мѣстность, употребивъ цѣлый годъ на самые тщательные поиски, — да, она открыла ее и нашла ребенка.

— Что же, она взяла его къ себѣ?

— Нѣтъ. Поселяне эти были бѣдны и начинали тяготиться, — по крайней мѣрѣ мужъ, — своей благотворительностью. Она оставила дѣвочку у нихъ, давъ имъ большую сумму денегъ, которая должна была въ скоромъ времени истощиться, и пообѣщавъ прислать еще, чего она и не думала исполнить. Впрочемъ, она не совсѣмъ полагалась на ихъ недовольство и бѣдность, чтобы сдѣлать дѣвочку въ достаточной мѣрѣ несчастною. Она разсказала имъ, видоизмѣнивъ по своимъ соображеніямъ, исторію паденія ея сестры, и посовѣтовала имъ смотрѣть и за дѣвочкой въ оба, такъ какъ у нея порочныя наклонности должны быть въ крови; она сказала имъ, что дѣвочка незаконно-рожденная и, навѣрное, изъ нея проку не будетъ. Обстоятельства, повидимому, подтверждали ея слова и такимъ образомъ дѣвочка стала влачить у этихъ людей существованіе, достаточно несчастное, чтобы удовольствовать даже насъ. Но тутъ случилось, что одна дама,

вдова, жившая въ то время въ Бристолѣ, случайно увидала дѣвочку, сжалилась надъ ней и взяла ее къ себѣ. Какое-то проклятіе, казалось, лежало на насъ, потому что, на зло всѣмъ нашимъ усиліямъ, дѣвочка осталась у этой дамы и зажила счастливо. Года два или три тому назадъ, я потерялъ ее изъ виду и не видалъ болѣе до послѣдняго времени.

— Видите ли вы ее теперь?

— Я вижу ее въ настоящую минуту, подъ руку съ вами.

— Но это не мѣшаетъ тебѣ оставаться моей милой племянницей! воскликнула м-съ Мейли, подхватывая пошатнувшуюся дѣвушку въ свои объятія, — моимъ дорогимъ дѣтищемъ! О, теперь я не разсталась бы съ нею за всѣ сокровища въ мірѣ. Радость моя, ненаглядная моя дѣвочка!..

— Мой единственный другъ! воскликнула Роза, прижимаясь къ ней, — лучшій, добрѣйшій изъ друзей. Сердце мое, кажется, готово разорваться. Я не могу... я не могу... вынести этого.

— Ты выносила бóльшія испытанія, умѣла оставаться и въ нихъ тѣмъ же кроткимъ, любящимъ созданіемъ, проливавшимъ свѣтъ и радость на всѣхъ окружающихъ. Полно, полно, милочка,—вспомни, кто порывается въ эту минуту заключить тебя въ свои объятія... бѣдный ребенокъ! — взгляни-ка сюда, милая, посмотри, посмотри!

— Нѣтъ, не тётя! воскликнулъ Оливеръ, бросаясь къ ней на шею. — Я никогда не буду звать ее тётей,—сестра, родная, дорогая сестра! сердце мое чуяло это и научало меня любить ее такъ съ самаго начала. Роза, голубушка, милая Роза!

Пускай тѣ слезы, которыя полились, и тѣ отрывочныя слова, которыя были сказаны въ этомъ долгомъ, тѣсномъ объятіи, остаются священными. Отецъ, сестра и мать были найдены и потеряны въ эти немногія мгновенія. Радость и печаль слились въ одну чашу, но горечи не было въ этихъ слезахъ, потому что самая печаль являлась облеченною и смягчаемою такими отрадными и нѣжными воспоминаніями, что становилась какою-то благоговѣйною радостью и утрачивала всю свою болѣзненность.

Долго, долго просидѣли они вмѣстѣ съ глазу на глазъ. Наконецъ, легкій стукъ въ дверь возвѣстилъ, что кто-то ждетъ за ея порогомъ. Оливеръ отворилъ дверь и незамѣтно ушелъ, уступивъ свое мѣсто Гарри Мейли.

— Я знаю все, заговорилъ онъ, беря стулъ и садясь возлѣ молодой дѣвушки. — Милая Роза, я все знаю.

— Я здѣсь очутился не случайно, продолжалъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія, — и я узналъ это не съ нынѣшняго вечера; мнѣ все было извѣстно еще вчера... только вчера. Догадываетесь ли вы, что я пріѣхалъ напомнить вамъ ваше обѣщаніе?

— Постойте! проговорила Роза, — вы дѣйствительно все знаете?

— Все. Вы разрѣшили мнѣ возобновить какъ-нибудь въ теченіе этого года нашъ послѣдній разговоръ.

— Да.

— Возобновить его не съ тѣмъ, чтобы убѣждать васъ измѣнить свое рѣшеніе, продолжалъ молодой человѣкъ, а съ тѣмъ, чтобы выслушать отъ васъ подтвержденіе его, если вы захотите его подтвердить. Между нами было условлено, что я положу къ ногамъ вашимъ то общественное положеніе и то богатство, какія окажутся въ то время моими и что, если вы останетесь при прежнемъ своемъ намѣреніи, я не попытаюсь ни единымъ словомъ измѣнить его.

— Тѣ же самыя соображенія, которыя вліяли на меня тогда, остаются во всей своей силѣ и теперь, проговорила Роза съ твердостью. — Если на мнѣ когда-либо лежалъ долгъ благодарности передъ той, чья доброта спасла меня отъ жизни нищеты и страданій, — то когда же мнѣ и сознавать съ большею ясностью этотъ долгъ, какъ не сегодня? Я знаю, это мнѣ будетъ стоить борьбы, но я горжусь этою борьбою; мнѣ будетъ больно, но я вынесу эту боль.

— То, что открылось сегодня вечеромъ... началъ было Гарри.

— То, что открылось сегодня вечеромъ, мягко возразила Роза, оставляетъ меня по отношенію къ вамъ въ томъ же положеніи, въ какомъ я была и прежде.

— Вы намѣренно ожесточаете свое сердце противъ меня, Роза, проговорилъ влюбленный.

— О, Гарри, воскликнула молодая дѣвушка, заливаясь слезами, — если бы я только могла это сдѣлать, — мнѣ было бы легче, — я не страдала бы такъ.

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же подвергать себя этому страданію? проговорилъ Гарри. — Вспомните, дорогая Роза, о томъ, что вы слышали сегодня вечеромъ.

— Что же я слышала, что же я слышала?! воскликнула Роза.— Что сознаніе постигшаго его позора такъ подѣйствовало на моего отца, что онъ бѣжалъ отъ всѣхъ... Довольно, Гарри, между нами все уже сказано.

— Нѣтъ, не все еще! проговорилъ молодой человѣкъ, удерживая ее, такъ какъ она уже было встала, чтобъ идти. — Мои надежды, стремленія, планы, чувства, — словомъ все, кромѣ моей любви къ вамъ, — измѣнились въ послѣднее время. Въ настоящую минуту я не предлагаю вамъ блестящаго положенія среди суетной толпы, жизни среди лукавой и бездушной среды, гдѣ честные люди вынуждены краснѣть отъ всего, кромѣ дѣйствительнаго стыда и позора. Но я предлагаю вамъ теплый пріютъ и любящее сердце—и это все, Роза, что я могу предложить вамъ въ настоящую минуту.

— Что это значитъ? замирающимъ голосомъ спросила молодая дѣвушка.

— Это значитъ вотъ что: — когда я разстался съ вами въ прошлый разъ, я уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ уничтожить всѣ воображаемыя преграды между вами и мною. Я рѣшилъ, что если моя сфера не можетъ быть вашею, то я сдѣлаю вашу сферу своею; — что аристократическое чванство не будетъ имѣть случая отворачиваться отъ васъ, потому что я самъ повернусь къ нему спиною. И я сдѣлалъ то, что задумалъ. Тѣ, которые отшатнулись за это отъ меня, отшатнулись и отъ васъ — и въ этомъ отношеніи ваши предсказанія оправдываются. Тѣ знатные и вліятельные родственники, которые улыбались мнѣ прежде, теперь смотрятъ на меня холодно. Но въ одномъ изъ благодатнѣйшихъ уголковъ Англіи есть зеленые луга и вѣющіе прохладой лѣса и церковь возлѣ одной деревушки, — моя церковь, Роза, — а возлѣ церкви сельскій домикъ,—и отъ васъ зависитъ, чтобы я этимъ домикомъ въ тысячу разъ болѣе гордился, чѣмъ всѣмъ тѣмъ блескомъ, отъ котораго я отказался. Таково мое общественное положеніе въ настоящую минуту и его-то я кладу къ вашимъ ногамъ...

. . . .

— Однако, прескучная вещь дожидаться влюбленныхъ, когда пора ужинать, замѣтилъ м-ръ Гримуигъ, очнувшись отъ дремоты и сдергивая платокъ, которымъ была прикрыта его голова.

Сказать правду, ужинъ запоздалъ на безбожно долгое время. Ни

м-съ Мейли, ни Гарри, ни Роза, (которые вошли всѣ вмѣстѣ)—не могли привести ни слова въ свое оправданіе.

— А ужъ я не на шутку собирался съѣсть свою собственную голову сегодня, проговорилъ м-ръ Гримуигъ,—такъ какъ я начиналъ думать, что ничего другого мнѣ поѣсть не дадутъ. Съ вашего позволенія, я осмѣлюсь поцѣловать невѣсту.

И м-ръ Гримуигъ, не теряя времени, привелъ въ исполненіе свое намѣреніе надъ раскраснѣвшейся дѣвушкой; а такъ какъ примѣръ заразителенъ, то докторъ и м-ръ Броунлоу поспѣшили ему послѣдовать. Злые языки утверждаютъ, что Гарри Мейли первый подалъ этому примѣръ въ сосѣдней темной комнатѣ; но, по отзыву самыхъ компетентныхъ авторитетовъ, это просто клевета, такъ какъ онъ былъ молодой человѣкъ и къ тому же пасторъ.

— Оливеръ, дитя мое, сказала м-съ Мейли, гдѣ ты пропадалъ и отчего у тебя такое печальное лицо? Вотъ и слезы у тебя потекли по щекамъ. Что такое случилось?

Здѣшній міръ есть міръ разочарованій; онъ нерѣдко разрушалъ самыя дорогія надежды, и притомъ такія, которыя дѣлаютъ всего болѣе чести нашей природѣ.

Бѣдный Дикъ умеръ!

ГЛАВА L.

Послѣдняя ночь Фэгина на землѣ.

Судъ былъ набитъ сверху до низу человѣческими лицами. Каждый дюймъ пространства свѣтился вопросительными и возбужденными взглядами; начиная отъ рѣшотки, отдѣлявшей ложу подсудимаго и вплоть до самаго дальняго закоулка галлереи, всѣ глаза были устремлены на одного человѣка — на жида. Впереди его, позади, снизу и сверху, направо и налѣво — онъ былъ какъ бы окру-

женъ небосклономъ, мерцающимъ вмѣсто звѣздъ свѣтящимися глазами.

И онъ стоялъ, обданный этимъ живымъ мерцаніемъ, положивъ одну руку на деревянный балюстрадъ впереди его, а другую приложивъ къ уху, чтобы лучше разслышать каждое слово, произносившееся предсѣдателемъ суда, говорившимъ въ эту минуту свою рѣчь къ присяжнымъ. По временамъ онъ проницательно посматривалъ на послѣднихъ, стараясь уловить впечатлѣніе, производимое на нихъ малѣйшимъ обстоятельствомъ, говорившимъ въ его пользу; а въ тѣ минуты, когда факты, говорившіе противъ него, высказывались съ ужасающею ясностью, онъ оборачивался къ своему защитнику и во взглядѣ его была нѣмая мольба, чтобы тотъ и здѣсь привелъ какой нибудь доводъ въ его защиту. Но, за исключеніемъ этихъ проявленій тревоги, онъ оставался неподвиженъ. Съ самаго начала засѣданія онъ не пошевельнулъ ни однимъ членомъ, и теперь, когда судья замолкъ, онъ оставался все въ той же позѣ, выражавшей сосредоточенное вниманіе и продолжалъ пристально глядѣть передъ собою, какъ будто къ чему-то прислушиваясь.

Легкое движеніе, поднявшееся въ судѣ, заставило его прійти въ себя. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что присяжные собрались въ кучку для совѣщанія о вердиктѣ. Когда взглядъ его перенесся на галлерею, онъ могъ видѣть, какъ люди стараются заглянуть другъ другу черезъ головы, чтобы разсмотрѣть его лицо; иные поспѣшно подносили бинокли къ глазамъ, другіе перешептывались съ своими сосѣдями, бросая ему взгляды полные отвращенія. Было нѣсколько человѣкъ, которые, повидимому, не обращали вниманія на него и только посматривали на присяжныхъ въ нетерпѣливомъ недоумѣніи, чего они еще мѣшкаютъ произнесеніемъ приговора. Но ни на одномъ лицѣ,—даже между женщинами, которыя попадались въ публикѣ, онъ не прочелъ ни малѣйшаго проблеска сочувствія или какого бы то ни было другого чувства, кромѣ всепоглощающаго нетерпѣнія видѣть его осужденнымъ.

Когда онъ однимъ потеряннымъ взглядомъ окинулъ всю эту сцену, вдругъ настала снова мертвая тишина: онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что присяжные собираются сказать что-то судьѣ. Тс! Но они только просили разрѣшенія удалиться. Когда они выходили изъ залы суда, онъ внимательно всматривался въ лицо каждаго изъ

нихъ по одиночкѣ, какъ бы стараясь угадать, на какую сторону склоняется большинство,—но старанія его остались безполезны. Тюремный сторожъ дотронулся до его плеча. Онъ машинально послѣдовалъ за нимъ на другой конецъ ложи и опустился на стулъ. Если бы тюремщикъ не указалъ ему этого стула, онъ самъ не разглядѣлъ бы его.

Онъ снова поднялъ глаза на галлерею. Нѣкоторые изъ зрителей ѣли, другіе обмахивались платками, потому что на галлереѣ, отъ стеченія такого множества людей, было очень жарко. Одинъ молодой человѣкъ срисовывалъ его лицо въ памятную книжку. Ему вдругъ пришло въ голову,—а что, похожъ ли выйдетъ портретъ?—и когда рисовальщикъ сломалъ кончикъ своего карандаша и принялся очинивать его за-ново перочиннымъ ножомъ, онъ смотрѣлъ на все это такъ же, какъ смотрѣлъ бы всякій другой праздный зритель.

Точно такъ же, когда онъ перенесъ свой взглядъ на судью, его занялъ фасонъ его платья: онъ спрашивалъ себя, сколько могло стоить это платье и какъ судья его надѣваетъ? На одномъ изъ судейскихъ мѣстъ сидѣлъ старый толстый джентльменъ, который за полчаса передъ этимъ уходилъ и теперь вернулся. Онъ сталъ раздумывать о томъ, не уходилъ ли этотъ господинъ пообѣдать, и что онъ ѣлъ за обѣдомъ, и гдѣ онъ ѣлъ? мысль его продолжала работать надъ этими посторонними вопросами, пока какой нибудь новый предметъ не привлекалъ его вниманіе и не толкалъ мысль въ другомъ направленіи.

И во все это время его ни на минуту не покидала подавляющая и всепоглощающая мысль о могилѣ, разверзавшейся у его ногъ. Мысль эта была неразлучна съ нимъ,— но она представлялась ему въ какой-то неопредѣленной, смутной формѣ и онъ никакъ не могъ сосредоточиться на ней. Такъ, въ то самое время, когда его бросала въ дрожь и въ жаръ перспектива близкой смерти, онъ принялся считать желѣзныя спицы рѣшотки, стоявшей передъ нимъ; верхушка одной изъ этихъ спицъ была сломана и онъ подумалъ, какъ это ее сломали, и починятъ ли ее, или оставятъ такъ? Потомъ онъ сталъ представлять себѣ всѣ ужасы висѣлицы и эшафота и тутъ же засмотрѣлся на человѣка, который опрыскивалъ полъ водою, чтобы освѣжить атмосферу,—а затѣмъ опять вернулся къ предшествующей мысли.

Наконецъ, раздалось приглашеніе къ молчанію, и всѣ, притаивъ дыханіе, уставились на дверь. Присяжные возвратились въ залу суда и прошли въ двухъ шагахъ мимо его. Онъ ничего не могъ разобрать на ихъ лицахъ; они были безвыразительны, какъ каменныя изваянія. Настала глубокая тишина, — ни шелеста, ни дыханія не было слышно. — Виновенъ!

Зданіе суда задрожало отъ оглушающаго крика, и еще крикъ, и еще, — и все болѣе росли вопли, точно раскаты сердитаго грома. То толпа на улицѣ ликовала, привѣтствуя извѣстіе, что онъ будетъ казненъ въ понедѣльникъ.

Шумъ, наконецъ, затихъ и ему былъ предложенъ вопросъ, не имѣетъ ли онъ что нибудь выразить противъ произнесенія надъ нимъ смертнаго приговора. Онъ снова стоялъ въ своей позѣ внимательнаго прислушиванья и очень пристально глядѣлъ на судью, пока предлагался вопросъ, — но понадобилось повторить его дважды, чтобы онъ его разслышалъ, и тутъ онъ только пробормоталъ, что онъ старый старикъ... старый старикъ... старый старикъ... — тутъ голосъ его замеръ въ шопотѣ и онъ снова замолкъ.

Судья накрылся своей черной шапочкой, а подсудимый все стоялъ въ той же позѣ и съ тѣмъ же выраженіемъ лица. Одна женщина на галереѣ испустила восклицаніе, вызванное грозною торжественностью этой минуты; онъ быстро оглянулся на нее, какъ бы досадуя на помѣху, и опять наклонился впередъ съ еще болѣе внимательнымъ видомъ. Обращеніе президента къ подсудимому было торжественно и внушительно, приговоръ — страшенъ, но онъ стоялъ какъ мраморное изваяніе, не шевеля ни однимъ мускуломъ. Его осунувшееся лицо было выдвинуто впередъ, его челюсть отвисла и глаза уставились на одну точку, когда тюремщикъ взялъ его за руку и подалъ ему знакъ идти. Онъ тупо посмотрѣлъ вокругъ себя съ минуту и затѣмъ повиновался.

Его повели черезъ комнату, устланную каменными плитами, которая помѣщалась подъ залою суда и гдѣ нѣсколько другихъ арестантовъ дожидались своей очереди, а нѣкоторые разговаривали съ родственниками и знакомыми, тѣснившимися у рѣшотки, которая выходила на открытый дворъ. Не было ни одной души, съ которой онъ могъ бы перекинуться словомъ, но, когда онъ проходилъ, арестанты разступились, чтобы дать людямъ, толпившимся у рѣшетки, разглядѣть

его хорошенько и вся эта толпа накинулась на него съ ругательствами, криками и свистками. Онъ погрозился ей кулакомъ и плюнулъ бы въ нее, если бы сторожа поспѣшно не увели его черезъ мрачный корридоръ, освѣщенный немногими, тускло горѣвшими лампами, во внутренность тюрьмы.

Здѣсь его обыскали, чтобы удостовѣриться, что при немъ нѣтъ никакого орудія, которымъ онъ могъ бы предупредить приговоръ суда. Исполивъ эту формальность, его отвели въ одну изъ келій, предназначавшихся для осужденныхъ, и оставили его одного.

Онъ сѣлъ на каменную скамью противъ двери, служившую и для сидѣнья и для спанья и, опустивъ свои налитые кровью глаза въ землю, попробовалъ собраться съ мыслями. Черезъ нѣсколько времени ему начали припоминаться отрывки изъ того, что говорилъ судья, хотя въ то время ему казалось, что онъ не можетъ разслышать ни единаго слова. Мало-по-малу эти отрывки размѣстились каждый на подобающее ему мѣсто, затѣмъ между ними возстановилась связь и, немного погодя, вся рѣчь припомнилась ему почти слово въ слово. Быть повѣшеннымъ за шею, пока не воспослѣдуетъ смерть, — таковъ былъ ея конецъ. Быть повѣшеннымъ за шею, пока не воспослѣдуетъ смерть.

Когда совсѣмъ стемнѣло, онъ началъ припоминать тѣхъ своихъ знакомыхъ, которые умерли на эшафотѣ,—иные даже по его винѣ. Имена ихъ припоминались ему въ такой быстрой послѣдовательности, что онъ едва успѣвалъ пересчитывать ихъ. При казни нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ присутствовалъ—и откалывалъ шутки на ихъ счетъ, за то, что они умерли съ молитвой на устахъ. Съ какимъ грохотомъ опускалась доска и какъ внезапно сильные, здоровые люди превращались въ болтающуюся кучу одежды!

Нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, были жильцами этой самой кельи, сидѣли на этой самой скамьѣ. Было очень темно; зачѣмъ это не несутъ огня? Келья была построена много лѣтъ тому назадъ; вѣроятно, многіе десятки людей проводили здѣсь свои послѣдніе часы; — сидѣть тутъ было все равно, что сидѣть въ склепѣ, усѣянномъ мертвыми тѣлами; — передъ нимъ вставали колпакъ, петля, связанныя руки, лица, которыя онъ узнавалъ даже подъ этимъ страшнымъ покрываломъ... Огня, огня!

Наконецъ, когда онъ обколотилъ себѣ всѣ руки, стуча въ дверь

и въ стѣны, появились два человѣка; одинъ изъ нихъ несъ свѣчу, которую вставилъ въ желѣзный подсвѣчникъ на стѣнѣ, а другой втащилъ матрацъ, на которомъ провести ночь, такъ какъ съ этой минуты арестанта уже не полагалось оставлять одного.

Затѣмъ настала ночь, — темная, мрачная, безмолвная ночь. Другіе люди, проводя ночь безъ сна, рады бываютъ, когда часы бьютъ на церковныхъ башняхъ, потому что этотъ бой говоритъ имъ о приближеніи дня. Но Фэгина онъ приводилъ въ отчаянье. Въ каждомъ ударѣ глухо звучало одно слово: — „Смерть“. Что пользы ему было въ шумѣ и суетнѣ веселаго утра, проникавшихъ даже въ эту келью? То была новая форма того же похороннаго звона, прибавлявшая только насмѣшку къ напоминанію.

День прошелъ... день?! — да его и не было: онъ окончился тотчасъ же, какъ только наступилъ, — и опять настала ночь, — ночь, такая долгая, и, въ то же время, такая короткая, —долгая по своей страшной тишинѣ, и короткая по своимъ быстро проносящимся часамъ. Онъ то бѣсновался и извергалъ богохульства, то вылъ и рвалъ на себѣ волосы. Почтенные люди его собственнаго вѣроисповѣданія приходили съ предложеніемъ помолиться вмѣстѣ съ нимъ, но онъ выгналъ ихъ съ ругательствами. Они возобновили свои человѣколюбивыя усилія, но онъ опять прогналъ ихъ.

Ночь съ субботы на воскресенье; ему осталось жить только одну еще ночь. Пока онъ думалъ объ этомъ, разсвѣло и настало воскресенье.

Только ввечеру этого послѣдняго, ужаснаго дня въ его измученной душѣ проснулось во всей своей силѣ сознаніе полной безпомощности и отчаянности его положенія. Не то, чтобъ у него до этого были какія-нибудь ясно формулированныя надежды на помилованье, но онъ все никакъ не могъ представить себѣ близкую смерть иначе, какъ въ видѣ смутнаго вѣроятія. Онъ почти ничего не говорилъ за все это время съ двумя приставленными къ нему людьми, и они, съ своей стороны, не пытались обратить на себя его вниманіе.

Онъ сидѣлъ все время съ раскрытыми глазами, но въ забытьи. Теперь онъ вскакивалъ каждую минуту, и, задыхаясь, весь въ огнѣ, принимался бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ въ такомъ пароксизмѣ страха и бѣшенства, что даже сторожа, привыкшіе къ подобнымъ сценамъ, пятились отъ него въ ужасѣ. Подъ конецъ онъ сдѣлался

такъ страшенъ въ этихъ пыткахъ своей порочной совѣсти, что очередной сторожъ не могъ оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ и кликнулъ въ келью своего товарища, и такъ они стали караулить его вдвоемъ.

Онъ прилегъ на свою каменную постель и сталъ думать о прошломъ. Въ день ареста онъ былъ раненъ камнемъ, брошеннымъ въ него изъ толпы и голова его была повязана. Рыжіе его волосы спускались на его безкровное лицо. Борода его была вся въ клочьяхъ и сваялялась; глаза сверкали страшнымъ блескомъ; немытая кожа растрескалась отъ пожиравшей его лихорадки. Восемь, девять, десять... То не былъ обманъ, придуманный, чтобъ напугать его. То настоящіе часы слѣдовали другъ за другомъ по пятамъ. Гдѣ то онъ будетъ, когда часовая стрѣлка снова совершитъ свой оборотъ? Одинадцать. И новый часъ пробилъ прежде, чѣмъ успѣлъ замереть бой предыдущаго. Въ восемь часовъ онъ будетъ идти единственнымъ плакальщикомъ своей собственной похоронной процессіи, а въ одинадцать...

Эти ужасныя стѣны Ньюгэтской тюрьмы, которыя скрывали такъ много ужасовъ и несказанныхъ мукъ,—не только отъ взглядовъ, но,—и лишь слишкомъ долго и слишкомъ часто,—отъ помысловъ людей, никогда еще не вмѣщали въ своихъ стѣнахъ такого страшнаго зрѣлища. Тѣмъ немногимъ прохожимъ, которые останавливались передъ этими стѣнами и спрашивали себя, что-то подѣлываетъ теперь человѣкъ, котораго должны повѣсить завтра, дурно бы спалось въ эту ночь, если бы они могли заглянуть во внутренность его кельи.

Съ самаго наступленія вечера и почти вплоть до полуночи къ воротамъ тюрьмы то и дѣло подходили небольшія кучки, человѣка въ два, въ три, и освѣдомлялись съ тревожными лицами, не отсрочена ли казнь. Получивъ отрицательный отвѣтъ, они спѣшили подѣлиться пріятнымъ извѣстіемъ съ кучками людей, стоявшими на улицѣ и указывавшими другъ другу ту дверь, изъ которой онъ долженъ выйти, и мѣсто, гдѣ долженъ быть воздвигнутъ эшафотъ; уходя неохотно прочь, люди эти еще разъ оглядывались, чтобы живѣе вообразить себѣ ту сцену, которая должна была разыграться здѣсь завтра. Мало-по-малу они разошлись и въ продолженіи цѣлаго часа, въ самую глухую пору ночи, улица оставалась пустынной и безмолвной.

Пространство передъ тюрьмой было расчищено и нѣсколько крѣпкихъ деревянныхъ перекладинъ было уже разставлено поперегъ дороги, чтобы сдерживать напоръ ожидавшейся толпы, когда м-ръ Броунлоу и Оливеръ показались у тюремной калитки и показали пропускъ, за подписью шерифа, дозволявшій имъ проникнуть къ осужденному. Ихъ тотчасъ же впустили.

— И этого маленькаго барина вы возьмете съ собою, сэръ? спросилъ сторожъ, которому было поручено проводить ихъ. — На эти вещи, сэръ, дѣтямъ не слѣдъ смотрѣть.

— Вы совершенно правы, другъ мой, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу, — но дѣло, по которому я пришелъ сюда, касается этого мальчика, а такъ какъ онъ видѣлъ этого человѣка въ пору полнаго успѣха и безнаказанности его темныхъ дѣлъ, я думаю, что не худо будетъ ему видѣть его теперь, — хотя бы это и причинило ему нѣкоторое страданіе и испугъ.

Этими немногими словами они обмѣнялись, отойдя въ сторону, такъ что Оливеръ не слыхалъ ихъ. Сторожъ прикоснулся рукою къ своей шляпѣ, и, посмотрѣвъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ на своего собесѣдника, отперъ калитку, противуположную той, въ которую они вошли и повелъ ихъ темными и извилистыми ходами въ помѣщеніе, гдѣ находились кельи заключенныхъ.

— Вотъ здѣсь, проговорилъ онъ, останавливаясь въ мрачномъ корридорѣ, гдѣ двое рабочихъ въ глубокомъ молчаніи дѣлали какія-то приготовленія, — вотъ здѣсь онъ долженъ пройти. Если вы станете на это мѣсто, вы можете видѣть дверь, въ которую онъ выйдетъ.

Затѣмъ онъ ввелъ ихъ въ кухню, наполненную мѣдными котлами, въ которыхъ варилась пища для заключенныхъ, — и указалъ имъ на дверь. Въ этой двери было задѣланное рѣшоткой отверстіе, сквозь которое слышались человѣческіе голоса, стукъ молотковъ и грохотъ бросаемыхъ досокъ. Это эшафотъ сооружали.

Далѣе они прошли нѣсколькими крѣпкими воротами, которыя имъ отпирали извнутри другіе сторожа; войдя въ открытый дворъ, они поднялись по лѣстницѣ и вошли въ корридоръ, въ которомъ шелъ налѣво рядъ крѣпкихъ дверей. Сдѣлавъ имъ знакъ, чтобы они подождали, сторожъ постучался въ одну изъ этихъ послѣднихъ своей связкой ключей. Два караульные, пошептавшись между собою, вышли

въ корридоръ, потягиваясь, какъ бы отъ удовольствія, что избавлены на время отъ своего дежурства, и сдѣлали знакъ посѣтителямъ, чтобы они шли вслѣдъ за тюремнымъ сторожемъ въ келью. М-ръ Броунлоу и Оливеръ вошли.

Осужденный сидѣлъ на своей постели, покачиваясь изъ стороны въ сторону и съ выраженіемъ лица, болѣе напоминавшимъ пойманное животное, чѣмъ лицо человѣческое. Мысли его видимо блуждали въ прошломъ, потому что онъ продолжалъ бормотать, не сознавая присутствія новоприбывшихъ личностей и смѣшивая ихъ съ прочими образами своихъ видѣній.

— Молодецъ, Чарли, славно обдѣлалъ... бормоталъ онъ. — И Оливеръ тоже, ха-ха-ха!... И Оливеръ тоже... совсѣмъ джентльменомъ сталъ теперь... совсѣмъ... Уложите этого ребенка спать.—Тюремный сторожъ взялъ ту руку Оливера, которая была свободна, и, шепнувъ ему, чтобъ онъ не пугался, продолжалъ смотрѣть молча.

— Уведите же его спать!.. крикнулъ жидъ. — Слышите ли вы меня, или вы всѣ оглохли? Онъ былъ... онъ былъ... ну, словомъ, какъ-то такъ вышло, что онъ былъ причиною всего этого. Стоило брать деньги, чтобъ воспитать его для этого!.. Горло Больтера, Биль! Дѣвку пока оставь... вонъ Больтеръ, рѣзани ему горло, да поглубже... Чтобъ совсѣмъ голова отпала!

— Фэгинъ! окликнулъ его тюремщикъ.

— Это я! воскликнулъ жидъ, мгновенно принимая ту же позу, въ которой прислушивался къ своему процессу на судѣ.—Я старый старикъ, милордъ,— очень старый старикъ... старый старикъ!

— Вотъ тутъ, продолжалъ тюремщикъ, кладя ему руку на грудь, чтобы заставить его опять сѣсть, — вотъ тутъ господа желаютъ тебя видѣть, должно быть они хотятъ распросить тебя о чемъ нибудь. Фэгинъ, Фэгинъ! Да что ты, баба или мужчина?

— Мнѣ уже не долго осталось пробыть чѣмъ бы то ни было, отвѣчалъ жидъ, поднимая глаза, — и на лицѣ его въ эту минуту не оставалось ничего человѣческаго, кромѣ выраженія злобы и ужаса.— Бей ихъ всѣхъ, бей на смерть! Какое право имѣютъ они убивать меня?

Тутъ онъ только разсмотрѣлъ Оливера и м-ра Броунлоу и, забившись въ самый дальній уголъ своей скамьи, спросилъ, зачѣмъ они сюда пришли.

— Сиди смирно! проговорилъ тюремщикъ, продолжая его удерживать.—А теперь, сэръ, потрудитесь сказать ему, что вамъ нужно,— только, прошу васъ, поторопитесь, потому что онъ часъ-отъ-часу становится хуже.

— У васъ находятся бумаги, заговорилъ м-ръ Броунлоу, выступая впередъ,—которыя были отданы вамъ для вящей безопасности человѣкомъ, по имени Монксъ.

— Это все ложь! отвѣчалъ жидъ,—у меня нѣтъ никакихъ бумагъ, никакихъ.

— Ради Бога, сказалъ м-ръ Броунлоу торжественно,—не говорите этого хоть теперь, на краю гроба:—сознайтесь прямо, гдѣ онѣ у васъ спрятаны. Вы знаете, Сайксъ умеръ, Монксъ во всемъ сознался, для васъ нѣтъ уже никакой надежды на спасеніе.—Гдѣ же эти бумаги?

— Оливеръ! воскликнулъ жидъ, маня его къ себѣ, — подойди ко мнѣ, я шепну тебѣ на ухо.

— Пустите, я не боюсь его,—проговорилъ Оливеръ, высвобождая свою руку отъ м-ра Броунлоу.

— Бумаги,—заговорилъ жидъ, притягивая его къ себѣ,—лежатъ въ сумкѣ, въ углубленіи стѣны, немного повыше камина, въ верхней передней комнатѣ. Мнѣ нужно поговорить съ тобою, душа моя, мнѣ нужно поговорить съ тобою!

— Да, да, отвѣчалъ Оливеръ,—позвольте мнѣ прочесть за васъ молитву, — пожалуйста, позвольте... одну только молитву! Станьте на колѣни, и повторите ее за мною, — одну только молитву, а тамъ я буду говорить съ вами хоть до утра.

— Вонъ туда, туда ступай! отвѣчалъ жидъ, толкая его по направленію къ двери.—Скажи имъ, что я заснулъ; — тебѣ они повѣрятъ. Ты можешь меня спасти, если только возьмешь меня съ собою. Живо, живо!

— О Боже! прости этому несчастному, воскликнулъ мальчикъ, заливаясь слезами.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, продолжалъ жидъ.—Эдакъ мы скоро выберемся. Повернемъ вотъ въ эту дверь. Если я буду дрожать, когда мы пойдемъ мимо висѣлицы, — ты на меня не обращай вниманія, иди только скорѣе. Ну, ну, живо же!

*

— Вамъ не о чемъ больше спрашивать его, сэръ? спросилъ тюремный сторожъ.

— Не о чемъ, отвѣчалъ м-ръ Броунлоу. — Если бы я могъ надѣяться, что намъ удастся навести его на мысли, подобающія въ его положеніи...

— Этого никто не въ силахъ сдѣлать, сэръ, отвѣчалъ тюремщикъ, качая головою. —Вамъ лучше оставить его.

Дверь кельи отворилась и караульные вернулись.

— Торопись, торопись! кричалъ жидъ. — Ступай осторожно, но не такъ тихо. Поскорѣе, поскорѣе!

Караульные подошли къ нему и, высвободивъ Оливера изъ его объятій, удержали его силою на мѣстѣ. Онъ сталъ извиваться и биться со всею силою отчаянія и испускать дикіе крики, которые проникали даже сквозь эти массивныя стѣны и раздавались въ ушахъ м-ра Броунлоу и Оливера, пока они не дошли до открытаго двора.

Прошло нѣсколько времени, прежде, чѣмъ они могли выбраться изъ тюремнаго зданія, потому что съ Оливеромъ чуть не сдѣлался обморокъ послѣ видѣнной имъ ужасной сцены и онъ такъ ослабѣлъ, что въ продолженіи болѣе чѣмъ часа не могъ держаться на ногахъ.

Уже свѣтало, когда они вышли изъ воротъ тюрьмы. Большая толпа народа уже успѣла собраться, окна были наполнены людьми, курившими или игравшими въ карты, чтобы скоротать время. Толпа толкалась, перебранивалась, откалывала шутки. Все говорило о жизни и одушевленіи, —все, кромѣ темной кучи предметовъ въ самомъ центрѣ толпы, — чернаго эшафота, перекладины, веревки, и всего отвратительнаго аппарата казни.

ГЛАВА LI.

И последняя.

Исторія всѣхъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа почти закончена, и то немногое, что остается добавить ихъ біографу, можетъ быть сказано въ нѣсколькихъ словахъ.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ описанныхъ нами событій, какъ Роза Флемингъ и Гарри Мейли повѣнчались въ той самой маленькой деревенской церкви, которая впредь должна была сдѣлаться ареною дѣятельности молодого пастора; въ тотъ же день они водворились въ своемъ новомъ и счастливомъ гнѣздышкѣ.

М-съ Мейли поселилась вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткой и мирный остатокъ ея дней былъ озаренъ величайшимъ счастіемъ, какое только можетъ выпасть на долю старости и добродѣтели, — созерцаніемъ счастія тѣхъ, на комъ были сосредоточены самыя горячія привязанности и самыя нѣжныя заботы дѣятельно и съ пользой прожитой жизни.

По тщательномъ сведеніи счетовъ оказалось, что если раздѣлить остатки состоянія, захваченнаго Монксомъ, по ровну между имъ и Оливеромъ, то оно дастъ каждому немногимъ болѣе трехъ тысячъ фунтовъ. (Состояніемъ этимъ, какъ Монксъ, такъ и его мать управляли очень дурно). По завѣщанію отца, Оливеръ, правда, имѣлъ бы право на всю сумму, но м-ръ Броунлоу, не желая лишать старшаго сына возможности искупить свое прошлое и выйти на честную дорогу, предложилъ вышесказанный дележъ, на который его молодой питомецъ съ радостью согласился.

Монксъ, оставившій за собою это вымышленное имя, взялъ свою долю и уѣхалъ въ одинъ дальній уголокъ Новаго Свѣта, гдѣ очень быстро промоталъ всѣ эти деньги и снова впалъ въ свой прежній образъ жизни. Отсидѣвъ довольно долгое время въ тюрьмѣ за какое-то новое мошенничество, онъ наконецъ умеръ отъ припадка своей старой болѣзни, — умеръ въ тюрьмѣ. Такъ же далеко отъ родины

умерли и другіе изъ уцѣлѣвшихъ главныхъ членовъ Фэгиновой шайки.

М-ръ Броунлоу усыновилъ Оливера и переселился съ нимъ и съ старой своей экономкой въ домикъ, отстоявшій всего на одну милю отъ пасторскаго дома, въ которомъ жили его дорогіе друзья. Такимъ образомъ осуществилось и послѣднее желаніе, которому еще оставалось мѣсто въ любящемъ сердцѣ Оливера, и образовался маленькій, тѣсно связанный кружокъ, жизнь котораго на столько близко подходила къ идеалу полнаго, безоблачнаго счастія, на сколько это вообще возможно въ нашемъ перемѣнчивомъ мірѣ.

Вскорѣ послѣ свадьбы Гарри и Розы, почтенный докторъ вернулся въ Чертси, гдѣ, будучи лишенъ присутствія своихъ старыхъ друзей, онъ впалъ бы въ недовольство жизнію, если бы только такое чувство было совмѣстимо съ его темпераментомъ, и не преминулъ бы превратиться въ брюзгу, если бы только зналъ какъ за это взяться. Въ продолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ онъ довольствовался тѣмъ, что намекалъ, что воздухъ этихъ мѣстъ, какъ ему кажется, начинаетъ вредить его здоровью; затѣмъ, убѣдившись, что мѣста эти, дѣйствительно, стали совсѣмъ не тѣ, что были прежде, передалъ практику своему ассистенту, нанялъ небольшой коттэджъ на окраинѣ той деревушки, въ которой его молодой другъ былъ пасторомъ, и — тотчасъ же поздоровѣлъ. Здѣсь онъ занялся садоводствомъ, разсадкой деревьевъ, рыбной ловлей, плотничествомъ и разными другими занятіями въ томъ же родѣ; за всѣ эти отрасли дѣятельности онъ принимался со свойственною ему горячностью и по каждой изъ нихъ вскорѣ упрочилъ за собою въ околодкѣ репутацію первокласснаго авторитета.

Еще до своего переѣзда, онъ ухитрился воспылать очень сильной дружбой къ м-ру Гримуигу, на которую этотъ эксцентричный джентльменъ отвѣчалъ и съ своей стороны тѣмъ же чувствомъ. А потому онъ нѣсколько разъ въ году удостоивается его посѣщенія и въ каждый изъ этихъ пріѣздовъ м-ръ Гримуигъ сажаетъ деревья, ловитъ рыбу и столярничаетъ съ большимъ увлеченіемъ; въ каждое изъ этихъ дѣлъ онъ вводитъ самые оригинальные и необычайные пріемы, но постоянно увѣряетъ, съ обычной своей клятвой, что этотъ-то пріемъ и есть настоящій. По воскресеньямъ онъ никогда не упускаетъ случая раскритиковать проповѣдь въ лицо молодому пас-

тору, послѣ чего каждый разъ сообщаетъ м-ру Лосберну подъ строжайшимъ секретомъ, что въ сущности находитъ проповѣдь превосходною, но считаетъ, что не слѣдуетъ этого говорить. М-ръ Броунлоу очень любитъ поддразнивать его, напоминая ему пророчество его насчетъ Оливера въ ту ночь, когда они сидѣли вдвоемъ, съ часами передъ собою, дожидаясь его возвращенія. Но м-ръ Гримуигъ утверждаетъ, что въ сущности онъ тогда оказался правъ и въ доказательство приводитъ тотъ фактъ, что Оливеръ *дѣйствительно не пришелъ назадъ*, послѣ чего, каждый разъ, разражался смѣхомъ и приходитъ въ необыкновенно хорошее расположеніе духа.

М-ръ Ноэ Клейполь, получивъ полное помилованіе отъ правительства за то, что свидѣтельствовалъ на судѣ противъ Фэгина, и пораздумавъ о томъ, что избранная имъ профессія не представляетъ всей той безопасности, какая была бы для него желательна, — нѣкоторое время находился въ затрудненіи, не зная какой промыселъ ему избрать, который давалъ бы средства къ жизни и въ то же время не слишкомъ обременялъ бы его работой. Подумавъ, онъ остановился на ремеслѣ доносчика и въ этомъ званіи зарабатываетъ порядочные барыши. Занятіе его состоитъ въ томъ, что онъ каждое воскресенье утромъ, во время церковной службы отправляется гулять по улицамъ, въ сопровожденіи Шарлотты, одѣтой какъ подобаетъ порядочной женщинѣ. Проходя мимо двери какого нибудь сострадательнаго кабачника, дама эта падаетъ въ обморокъ, а спутникъ ея, купивъ на три пенни водки, чтобы привести ее въ чувство, на слѣдующій же день доноситъ на кабачника и кладетъ въ карманъ половину установленнаго штрафа. Иногда м-ръ Клейполь падаетъ въ обморокъ самъ, но результатъ получается тотъ же.

М-ръ и м-съ Бёмбль, лишившись своихъ мѣстъ, мало-по-малу дошли до самой крайней нищеты и въ концѣ концовъ сдѣлались пауперами въ томъ самомъ рабочемъ домѣ, въ которомъ они нѣкогда были полновластными хозяевами. М-ръ Бёмбль говоритъ, что среди этой крайности уничиженія, до которой довела его превратная судьба, онъ не имѣетъ даже духу радоваться, что разлученъ съ своею женою *).

*) Правила англійскихъ рабочихъ домовъ размѣщаютъ супруговъ, сдѣлавшихся ихъ жильцами, на разныя половины.

Что касается м-ра Джайльса и Бритльса, то они продолжають занимать свои прежнія должности, хотя первый совсѣмъ оплѣшивѣлъ, а послѣдній сдѣлался совсѣмъ сѣдымъ „мальчикомъ". Они ночуютъ въ пасторатѣ, но дѣлятъ свои услуги такъ поровну между обитателями пастората, Оливеромъ, м-ромъ Броунлоу и м-ромъ Лосберномъ, что поселяне до сегодня никакъ не могутъ разобрать, къ которому собственно изъ этихъ хозяйствъ они принадлежатъ.

М-ръ Чарльзъ Бэтсъ, пораженный преступленіемъ Сайкса, впалъ въ раздумье о томъ, не есть ли честная жизнь въ концѣ концовъ и наилучшая. Прійдя къ утвердительному выводу, онъ отвернулся отъ своего прошлаго и рѣшился загладить его въ какой нибудь новой сферѣ дѣятельности. Нѣкоторое время ему пришлось жестоко биться и вынести много лишеній; но веселый нравъ и сознаніе, что онъ стремится къ доброй цѣли, помогли ему въ концѣ концовъ добиться успѣха; изъ чернорабочаго на фермѣ и изъ извощичьяго батрака, онъ сдѣлался самымъ веселымъ молодымъ прасоломъ въ цѣломъ Нортамптонскомъ графствѣ.

А теперь, рука, которая начертала эти строки, неохотно приближается къ концу своей задачи и хотѣла бы удлиннить еще на нѣкоторое протяженіе нить этихъ приключеній.

Мнѣ хотѣлось бы побыть еще нѣкоторое время съ немногими изъ тѣхъ личностей, съ которыми я такъ долго былъ неразлученъ, и пріобщиться къ ихъ счастію, попытавшись описать его вамъ. Я хотѣлъ бы показать вамъ Розу Мейли во всемъ расцвѣтѣ и прелести едва наступающей зрѣлости, — проливающею на свою уединенную жизненную стезю такой кроткій и мягкій свѣтъ, что сердца всѣхъ ея спутниковъ озарены имъ; я хотѣлъ бы показать вамъ, какъ она была жизнью и радостью тѣснаго дружескаго кружка, который зимою собирался у камина, а лѣтомъ, гдѣ нибудь подъ открытымъ небомъ. Я хотѣлъ бы прослѣдить за нею во время ея полуденныхъ прогулокъ по знойнымъ полямъ и подслушать тихіе звуки ея мелодичнаго голоса вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ; я хотѣлъ бы быть свидѣтелемъ ея дѣлъ милосердія внѣ дома и неутомимаго, веселаго исполненія домашнихъ обязанностей; я хотѣлъ бы описать то счастье, которое она находила вмѣстѣ съ сыномъ своей умершей сестры въ тѣсной дружбѣ, связывавшей ихъ обоихъ, и въ долгихъ бесѣдахъ, воскрешавшихъ память умершихъ друзей. Я хотѣлъ бы вызвать еще разъ

передъ собою веселыя маленькія личики, тѣснившіяся у ея колѣнъ, и подслушать ихъ веселую болтовню, прерываемую звонкимъ смѣхомъ, и подкараулить слезу сочувствія къ чужому горю, которая порой выступала въ этихъ кроткихъ голубыхъ глазахъ. —Все это, — и еще многіе другіе взгляды, и улыбки, и помыслы, и рѣчи, я хотѣлъ бы воспроизвести передъ моими читателями.

О томъ, какъ м-ръ Броунлоу изо-дня въ день наполнялъ умъ своего названнаго сына новыми сокровищами знанія, и какъ онъ все болѣе и болѣе привязывался къ нему, по мѣрѣ того, какъ природныя качества мальчика развивались и сѣмена добра, зароненныя въ него рукою его друга, начинали давать богатые всходы, — о томъ, какъ онъ безпрестанно открывалъ въ немъ новыя черты сходства съ умершимъ другомъ, — черты, будившія въ немъ печальныя, но, въ то же время сладостныя воспоминанія, — о томъ, какъ оба сироты, испытанные несчастіемъ, памятовали уроки послѣдняго въ милосердіи къ другимъ, во взаимной любви, и въ благодарности къ Тому, Кто охранялъ ихъ и не далъ имъ погибнуть, —обо всемъ этомъ мнѣ нѣтъ надобности говорить: вѣдь я уже сказалъ, что они были истинно счастливы, а истинное счастіе недостижимо безъ глубокихъ привязанностей, безъ любви къ людямъ и безъ признательности къ тому Существу, Чей законъ — милосердіе, и Чье свойство — благость ко всему, что дышетъ на землѣ.

Близъ алтаря старой деревенской церкви вдѣлана бѣлая мраморная плита, на которой пока стоитъ одно только слово: „Агнеса!" Подъ этимъ памятникомъ нѣтъ гроба и дай Богъ, чтобы прошло еще много, много лѣтъ, прежде чѣмъ новое имя будетъ вырѣзано на немъ. Но если души умершихъ возвращаются иногда на землю и посѣщаютъ мѣста, освященныя любовью тѣхъ, кого они знали въ жизни, — любовью, переживающею самую смерть, — то я вѣрю, что духъ несчастной дѣвушки часто носится тутъ, — да, хотя мѣсто это — церковь, а она была слабое и заблуждающееся созданіе.

КОНЕЦЪ.

Путевые впечатлѣнія. Въ Испаніи и Египтѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія и переводы М. Цебриковой.

Очерки Ирландской жизни. В. С. Тренча. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Школьная жизнь.—Голодъ въ Шюллѣ.—Кодексъ риббонменовъ. — Заговоръ. — Арестъ. — Сознаніе. — Казнь. — Общественный воръ. — Джо Макъ-Кп. — Алиса Макъ-Магонъ.—Ревайвель.
Медицина и Медики Э. Литтре. Ц. 2 р.
Депутатъ города Парижа Повѣсть изъ временъ второй французской имперіи. Ц. 2 р.
Разсказъ о погибшихъ дѣтяхъ Н. Р. Выпускъ 1-й повѣсть Маменьки Ц. 60 к.
Выпускъ 2-й повѣсть. Самодуры. Ц. 60. к.
Эмиль XIX вѣка А. Эскироса Ц. 2 р.
Американки XVIII вѣка. Книга для юношества. Ц. 1 р. 75 к.
Переводъ историческихъ мемуаровъ. М. Яллетъ Ц.
Сборникъ недѣли. Общественные вопросы. Ц. 4 р.

Краевичъ. Учебникъ Физики для среднихъ учебныхъ заведеній 4-ое изданіе Ц. 2 р. 50 к.
— Основанія физики. одобренъ ученымъ комитетомъ по учрежденіемъ Императрицы Маріи. 3-е изданіе. Ц. 1. 60 к.
— Курсъ Начальной алгебры. 3-е изданіе. Ц. 1. р.
— Очеркъ спектральнаго анализа съ рисунк. Ц. 1 р. 40 к.
— Собраніе Алгебрическихъ задачъ. 3-е изд. Ц. 75.
— Начала Космографіи. Ц. 1 р.
— Математичес. геогр. Ц. 75 к.
Гейзе. Дѣти вѣка. Романъ. Т. 1 и 2 Ц. 3 р. 50 к.
Казиной. До разсвѣта. Ц. 1 р.
Головачевъ. Вопросы государства. Ц. 1 р.
— Десять лѣтъ реформъ. Ц. 3 р.
Пыпинъ. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ. Ц. 3 р.
Класовскій. Замѣтки о женщинѣ и ея воспитаніи. Ц. 1 р.

Гервинусъ—Шекспиръ. Ц. 5 р. 75 к.
Вундтъ.—Душа человѣка и животныхъ т. 1—2. Ц. 6 р.
Кантъ. — Критика чистаго разума. Ц. 3 р. 50 к.
Бэнъ.—Объ изученіи характера. Ц. 1 р. 50 к.
Льюисъ и Милль.—Огюстъ Контъ и положит. философія Ц. 3 р. 50 к.
Гершель.—Философія естествознанія. Ц. 1 р. 50 к.
Милль.—Утилитаріанизмъ и о свободѣ. Ц. 1 р.
Милль. — О подчиненіи женщины. Ц. 1 р.
— Политическая экономія Ц. 5 р.
Добролюбовъ.—Сочиненія 4 т. Ц. 6 р.
Бѣлинскій. — Сочиненія 12 том. Ц. 12 р.
Маудсли.—Физіологія и патологія души. 2 р. 50 к.
Гиппо.—Общественное образованіе въ Америкѣ. Ц. 1 р. 50 к.
Жонво,—Нынѣшняя Америка Ц. 1 р.
Марксъ. — Капиталъ и трудъ. Ц. 2 р 50 к.
Бокль. — Исторія цивилизаціи въ Англіи. Ц. 5 р. 50 к.
Тэнъ.—Объ умѣ и познаніи. Ц. 4 р.
— Критическіе опыты Ц. 1 р. 75 к.
Бэнъ. — Психо-физіологическіе этюды. Ц. 30 к.
Достоевскій. — Преступленіе и наказаніе. Ц. 3. р.
— Бѣсы. Ц. 3 р. 50 к.
— Идіотъ. Ц. 3 р. 50 к.
Шекспиръ. — Сочиненія въ переводѣ русскихъ авторовъ. Ц. 14 р.
Рѣшетниковъ.—Гдѣ лучше. Романъ. Ц. 2 р.
Рѣшетниковъ.—Подлиповцы Ц. 1 р.
Рѣшетниковъ.—Свой хлѣбъ Ц. 2 р. 50 к.
Шевченко. — Кобзарь на русс. языкѣ. Ц. 1 р. 25 к.
Тургеневъ. — Сочиненія, 8 том. Ц. 9 р. 25 к.
Гоголь.—Сочиненіе, 4 тома. Ц. 5 р.
Гончаровъ.—Обыкновенная исторія. Ц. 1 р. 50 к.
Гончаровъ.—Обломовъ. Ц. 3 р.
Григоровичъ. — Сочиненія. Ц. 12 р.
Помяловскій.—Полное собраніе сочиненій. Ц. 2 р. 50 к.

Шатріанъ, Э. — Романы и повѣсти. Ц. 1 р. 50 к.
— История крестьянина. т. 1—2. Ц. 7 р
— Исторія школьнаго учителя. Ц. 1 р. 75 к.
Курочкинъ, В.—Собраніе стихотвореній. Ц. 2 р.
Скржечки. Душевныя болѣзни по отношенію къ ученію о вмѣненія Ц. 75 к.
Гейне.—Сочиненія, 10 т. Ц. 11 р. 25 к.
Кольцовъ.—Сочиненія Ц. 20 к.
Шпильгагенъ. — Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ. Ц. 3 р.
— Между молот. и наковальней. Ц. 2 р.
— Изъ мрака къ свѣту. Ц. 2 р.
— Два поколѣнія. Ц. 2 р.
— Загадочныя натуры Ц. 2 р.
— На дюнахъ. Ц. 1 р. 25 к.
Швейцеръ.—Эмма. Ц. 1 р. 25 к.
Диккенсъ. - Записки Пиквикскаго клуба. Ц. 3 р. 50 к.
— Давидъ Каперфилдъ Ц. 4 р.
Боборыкинъ. Дѣльцы. Ц. 3 р.
Гюго, В. — Человѣкъ, который смѣется. Ц. 2 р.
Шлоссеръ. — Исторія XVIII и XIX столѣтія. Ц. 10 р.
Рамбссонъ.—Материнское воспитаніе основанное на законахъ природы. Ц. 50 к.
Менделѣевъ.—Основы химіи 2 т. Ц. 6 р.
Шлоссеръ. — Всемірная исторія. Общедоступная. Ц. 18 р.
Ланге. — Авраамъ Линкол[illegible] борьба между южн. и сѣвер.[illegible] рикою. Ц. 1 р. 50 к.
Тэйлоръ.—Доисторическ. бытъ человѣка. Ц. 3 р.
Тэйлоръ.—Первобытная культура, изслѣдованія развитія миѳологии, философіи, религіи искуства и обычаевъ. т. 1—2 Ц. 6 р.
Таксиль Делоръ.—Исторія второй имперіи т. 2, Ц 3 р.
Шеръ.—Исторія цивилизаціи Германіи. Ц. 3 р.
— Комедія всемірной исторіи, 2 выпуска. Ц. 3 р.
Циммерманъ. — Исторія крестьянской войны въ Германіи. 3 в. Ц. 2 р.
Макколей.—Полное собраніе сочиненій 16 т. Ц. 25 р.

Фигье.—Свѣтила науки 3 т. Ц. 12 р.
Луи-Бланъ.—Исторія великой франц. революціи. Ц. 1 р. 50 к.
— Письма изъ Англіи. Ц. 3 р. 50 к.
Осокинъ.—Первая инквизиція. Ц. 3 р.
Боборыкинъ. — Театральное искуство. Ц. 2 р.
Въ память графа М. М. Сперанскаго. Ц. 3 р.
Реклю Э. — Океанъ, земля и суша. т. 1—2. Ц. 8 р.
Шатріанъ, Э. — Исторія плебисцита Ц. 1 р. 50 к.
Прудонъ —Война и миръ. Ц. 2 р. 50 к.
— Французская демократія. Ц. 1 р. 25 к.
Рекламъ. — Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла въ 3 частяхъ 255 рисун. въ текстѣ Ц. 3 р. 50 к.
Вагнеръ.—Сказки кота мурлыки. Ц. 2 р.
Кольбъ.—Исторія культуры человѣчества 2 т. Ц. 4 р.
— Сравнительная статистика. Ц. 4 р. 50 к.
Гизо.—Исторія цивилизаціи во Франціи. Ц. 1 р.
Дреиперъ.—Исторія умствен. развитія Европы. Ц. 5 р.
— Исторія граждан. развитія въ Америкѣ. Ц. 1 р. 30 к.
— Американская война за независимость. Ц. 2 р. 50 к.
Ламартинъ. — Исторія жиронди[illegible]стовъ, 2 тома. Ц. [illegible]
Шелгунов[illegible]
С[illegible]ость [illegible] о печати. [illegible]
Самаровъ. — Изъ за скипетра и коронъ. Романъ въ 2-хъ томахъ Е. С—ой. Ц. 3 р.
Европейскія Мины и Контрмины. 2 т Ц. 2 р.
Баллинъ. — Кооперативное земледѣліе. Ц. 1 р.
Ланжале и Корье—Исторія революціи 18 марта в. I., Ц. 1 р, 50 в
Бехеръ.—Рабочій вопросъ. Ц. 1 р. 50 к
Бибиковъ.—О литературной дѣятельности Добролюбова. Ц. 50 к.
Циммерманъ, Э. — Путешествіе по Америкѣ Ц. 1 р.
Шашковъ.—Историческіе этюды. т. 1—2. Ц. 2 р. 50 к.

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 456 499 6